This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4347.14

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Slav 4347.14

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

П. УСОВА

ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ П. И. МЕЛЬНИКОВА (АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

А. П. МИЛЮКОВА

БИБЛІОГРАФІЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Гостиный Дворъ, № 18.

МОСКВА Кузнецкій Мостъ, № 12.

1897

Digitized by Google

Slav 4347.1

1902

Pierce Lawrence
(14 vols in 7)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Марта, 1897 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, С.-Пб., Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

Digitized by Google

Въ произведеніяхъ Павла Ивановича Мельникова русская душа русскимъ словомъ говоритъ о русскомъ народѣ; въ произведеніяхъ этихъ живьемъ встаетъ передъ нами русская жизнь среди русской природы.

Бестужевъ-Рюминъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА

СПИСОКЪ КНИГЪ, БРОШЮРЪ И СТАТЕЙ, КАСАЮЩИХСЯ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

П. И. МЕЛЬНИКОВА.

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. И. МЕЛЬНИКОВА И ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ.

Бестужевъ-Рюминъ. П. И. Мельниковъ («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1883 мартъ)

Гацисскій, А. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ («Волжскій Вѣстникъ» 1883 № 7, стр. 161).

Иловайскій, Д. И. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность («Русскій Архивъ» 1875, кн. 1, стр. 77—85).

Мельниковъ, П. И. («Русскій Художествен. Листокъ Тимма» 1859, № 14).

Невзоровъ, Н. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Казань 1893.

Digitized by Google

Милюковъ, А. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), («Нива» 1883, № 1).
Русскій Энциклопедическій Словарь, издаваемый Березинымъ, отд. III и II.
Усовъ, П. Воспоминаніе о Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ («Новое Время» 1883, № 2528—2537.
Усовъ, П. Этнографъ-беллетристъ («Историч. Вѣстникъ» 1884, т. XVII—XVIII.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1891, стр. 235—239, 371.
«Колыбель двухъ знаменитыхъ русскихъ романовъ». Памяти П. И. Мельникова-Печерскаго («Новь» 1895, № 9.
Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. III. Спб. 1887, стр. 54—58.
Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ. Настольн. Энцикл. Словарь. изд. А. Гранатъ 1894, т. V, стр. 3095—3096.
«Московскія Вѣдомости» 1874, № 285.
«Московскія Вѣдомости» 1883, № 42—50.
«Вѣстникъ Европы» 1883, кн. 4, стр. 893—895.
«Всемірная Иллюстраціи» 1875, № 313.
«Кругозоръ» 1875, № 22.
«Нива» 1883, № 9.
«Историч. Вѣстн.» 1883, кн. 3, стр. 719.
Пыпинъ, А. Н. «Исторія русской этнографіи» т. I и II.

ОТЗЫВЫ О СОЧИНЕНІЯХЪ П. И. МЕЛЬНИКОВА.

Общая оцѣнка сочиненій П. И. Мельникова.

Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова по поводу годовщины со дня его смерти. («Истор. Вѣстн.» т. XV.)

Digitized by Google

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Спб. 1888 г. III, стр. 63—132.

Миллеръ, Орестъ. Публичныя лекціи. Изд. 2-ое. Спб. 1873, стр. 291—293.

Пыпинъ, А. «Исторія русской этнографіи.» Спб. 1892, т. I и II.

Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. IV, 152—153 (отзывы о книгѣ «Нижегородская ярмарка»).

Повѣсти.

«Современникъ» 1852 № 5 (отзывъ о «Красильниковѣ»)

«Библіотека для чтенія» 1857, № 8 (отзывъ о «Старыхъ годахъ»).

«Русск. Худож. Мирокъ» 1859 № 14.

Въ лѣсахъ.

«Голосъ» 1875, № 154 (Библ. зем.)

«Гражданинъ» 1876, № 19 (Рецензія В. Оля).

«Древняя и Новая Россія» 1895, № 9, стр. 75—77 (Рец. Евг. Бѣлова).

«Русскій Вѣстникъ» 1874, № 109, № 1, стр. 352—378 (Критика г. А. подъ заглавіемъ «Художественное изученіе раскола»).

«Русскій Міръ» 1871, № 4 (зам. Н. Соловьева).

Тамъ-же 1872, № 84, 116 и 174 (Библ. зам.).

Тамъ же 1873, № 63

... de St.-Pétérsbourg.» 1872. № 182.

...e 1874, № 293 (Къ статьѣ L. V. «Les revues ...es.».

...ı. обзоръ русской народно-учебной литера- составленный по поруч. Спб. Комитет... ... Спб. 1895, стр. 270.

Digitized by Google

Переводы.

In den Wäldern. Russ. Volks-Roman aus dem Leben der Altgläubigen, von A. Petscherski. Nach dem Original frei bearbeitet von L. J. von Oelsnitz. Berlin. Janke. 1878. 16° 408 стр.

На горахъ.

«Голосъ» 1876, № 29 (Рец. г. L.)
Тамъ же 1877, № 104 (Библ. зам.).
«Гражданинъ» 1876, № 2.
«Древняя и Новая Россія» 1876, № 7, стр. 273—276 (Рец. Б. Гв.)
«Русскій Вѣстникъ» 1876, т. 122, № 3, стр. 362—387 (Рец. А. подъ заглавіемъ «Опытъ о народности на культурныхъ типахъ»).
«С.Петербург. Вѣдомости» 1875, № 158 (Зам. M. S.)
«Сѣверный Вѣстникъ» 1877, № 77 (Зам. въ фельет. г. X).
«Новая газета» 1881, № 4.
«Нива» 1883 г. № 2
Систем. обзоръ русской народно-учебной литературы, составленный по порученію Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1895, стр. 270.
«Новости» 1881, № 117.
«Груня»—разсказъ, заимствованный изъ романа «Въ лѣсахъ».
Систем. обзоръ русской народно-учебной литературы, составленный по порученію Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1895, стр. 270.

Digitized by Google

Slav 4347.14

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

МЕЛЬНИКОВЪ

(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ)

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

—

П. УСОВА

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ

(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ)

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

П. УСОВА

Въ ряду знаменитѣйшихъ русскихъ писателей-художниковъ, ознакомившихъ наше общество съ разными сторонами народной жизни и освѣтившихъ ея внутренній смыслъ — одно изъ самыхъ первыхъ и видныхъ мѣстъ принадлежитъ, безспорно, Павлу Ивановичу Мельникову. Великій знатокъ русской народной жизни и русскаго народнаго быта — Мельниковъ глубоко проникнулъ въ сокровенные тайники этой жизни, заглянулъ въ темный, непроницаемый міръ старыхъ бытовыхъ преданій, изслѣдовалъ его разнообразныя явленія и воспроизвелъ ихъ въ неподражаемыхъ народныхъ типахъ — въ своихъ очеркахъ, повѣстяхъ и романахъ.

Обладая въ высшей степени художественнымъ творчествомъ, которое проглядываетъ у него въ каждой, изображенной имъ, бытовой чертѣ, въ каждомъ отдѣль-

Digitized by Google

номъ типѣ, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ обрисовалъ въ своихъ произведеніяхъ заволжскій край, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки русской старины, гдѣ нравы и обычаи народа остались тѣ же, какими они были нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Крупное дарованіе Мельникова, какъ самаго выдающагося беллетриста-этнографа, выразилось въ первыхъ же его мелкихъ разсказахъ, достигнувъ впослѣдствіи высочайшаго развитія въ двухъ замѣчательныхъ твореніяхъ его пера: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ».

Масса нашей публики знаетъ именно Мельникова, преимущественно, какъ автора этихъ двухъ романовъ, между тѣмъ, какъ другія его произведенія, а въ особенности его этнографическіе очерки, знакомящіе съ бытомъ сектантовъ и людей «старой вѣры», равно какъ и историческія изслѣдованія—еще не пріобрѣли себѣ той популярности, которую они заслуживаютъ. Впрочемъ, дѣятельность Мельникова далеко не ограничивается литературными произведеніями. Измѣняя характеръ своей дѣятельности въ разные годы своей жизни, Мельниковъ оказывается и выдающимся археологомъ, и обращавшимъ на себя вниманіе учителемъ, подготовившимъ замѣчательныхъ историковъ; онъ былъ также дѣятельнымъ, умнымъ, находчивымъ, расторопнымъ чиновникомъ, и прослылъ первымъ знатокомъ раскола, удивлявшимъ «древлеправославныхъ» своимъ знаніемъ каноническаго права. Свой жизненный путь онъ завершилъ созданіемъ двухъ упомянутыхъ первоклассныхъ бытовыхъ романовъ, въ которыхъ онъ заявилъ себя замѣчательнымъ художникомъ-этнографомъ.

Картина неутомимой работы этого даровитаго человѣка на разныхъ поприщахъ—не можетъ, конечно, не представлять глубокаго интереса. Къ сожалѣнію, Мельниковъ не оставилъ ни полной своей автобіографіи, ни послѣдовательныхъ воспоминаній. Тѣмъ не менѣе, въ

Digitized by Google

бумагахъ П. И. Мельникова сохранился богатый, разнообразный матеріалъ для его жизнеописанія, хотя и не объясняющій съ одинаковою точностью всѣ періоды его дѣятельности. Сохранился также и дневникъ, который онъ началъ въ 1858 году, но велъ его только въ теченіе немногихъ дней. Жаль, что всѣ подобныя благія начинанія покойнаго великаго писателя ограничивались только, такъ сказать, однимъ присѣстомъ. Задумаетъ онъ описать свое прошлое,—возьмется за перо, напишетъ, сколько успѣетъ, въ одинъ присѣстъ, пока ему не помѣшаютъ, или не оторвется онъ самъ другимъ дѣломъ, и затѣмъ, однажды прекративъ, онъ уже не продолжаетъ осуществлять своего добраго намѣренія. Напримѣръ, характеристику свою, какъ учителя, онъ начертилъ, по его собственноручному признанію, по слѣдующему поводу: «1863 года ноября 12-го, въ Петербургѣ, сидѣлъ я вечеромъ у товарища по университету, Александра Ивановича Артемьева [1]), извѣстнаго своими статистическими работами и многими учеными статьями. Шла рѣчь, между прочимъ, и о томъ, что столько уже намъ не жить, сколько прожито. Года пошли подъ гору, а въ прожитомъ времени много было видано, много было слышано и не мало было такого знаемо, что весьма немногими знаемо. Надобно вести записки о прошломъ, записывая безпристрасно, sine ira, замѣчательные случаи жизни. Дали слово другъ другу, и я принялся за эти записки тотчасъ, по возвращеніи отъ А. И. Артемьева».

Мельниковъ дѣйствительно принялся, написалъ десять страницъ листового формата и тѣмъ покончилъ.

---

[1]) Онъ уже скончался.

Digitized by Google

I.

Родословная и семейныя отношенія П. И. Мельникова. — Его дѣтство.

Изъ найденной въ бумагахъ П. И. Мельникова собственноручно начатой имъ родословной, видно, что родъ его довольно старый, хотя его и нѣтъ не только въ Бархатной Книгѣ, но и въ Разрядахъ. По преданію, предки Мельникова вышли съ Дону. У Павла Ивановича былъ старинный образъ Спасителя, пропавшій въ Петербургѣ во время пожара 28-го мая 1862 года (когда сгорѣлъ Апраксинъ дворъ, а также часть Троицкаго переулка, въ которомъ жилъ тогда Мельниковъ въ домѣ Лукунова). На этой иконѣ была надпись, что она пожалована царемъ Иваномъ Васильевичемъ Василію Мельникову, но кто былъ этотъ Мельниковъ — неизвѣстно. Въ XVIII столѣтіи Мельниковы, небогатые и незнатные дворяне, служили въ рейтарскихъ полкахъ иноземнаго строя. Прадѣдъ П. И. Мельникова, Ѳедоръ Васильевичъ, жившій въ первой половинѣ XVIII вѣка и служившій также въ рейтарахъ, не имѣлъ офицерскаго чина и прожилъ наслѣдственное состояніе. Сынъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, родился въ 1759 году. Въ послужномъ спискѣ онъ показанъ «прежнихъ службъ изъ рейтарскихъ дѣтей». Зачисленный тринадцати лѣтъ въ военную службу солдатомъ, онъ былъ, въ 1791 году, тридцати двухъ лѣтъ, уволенъ, въ чинѣ секундъ-маіора морскихъ баталіоновъ изъ службы за болѣзнію, такъ какъ пушечнымъ колесомъ переѣхало у него лѣвую ногу и оторвало три пальца. Въ томъ же году онъ поступилъ въ правленіе пермскаго намѣстничества совѣтникомъ, при знаменитомъ генералъ-губернаторѣ Модерахѣ. Даже въ царствованіе императора Александра II превосходно сохранившіяся дороги въ перм-

Digitized by Google

скомъ краѣ слыли въ народѣ подъ названіемъ «Модераховскихъ».

Еще молодымъ человѣкомъ, Иванъ Ѳедоровичъ влюбился въ дочь сельскаго священника въ казанскомъ намѣстничествѣ, Лизавету Ивановну, и женился на ней. У него родились три сына, Василій, Иванъ, Дмитрій, и дочь Надежда. Иванъ, отецъ Павла Ивановича, родился 25-го сентября 1788 года въ Казани, гдѣ Иванъ Ѳедоровичъ служилъ тогда поручикомъ въ тамошнемъ адмиралтействѣ. Надежда родилась уже въ Перми. Вскорѣ послѣ рожденія этой дочери, Иванъ Ѳедоровичъ, бывши въ Екатеринбургѣ, влюбился въ девятнадцатилѣтнюю красавицу Марью Степановну Ѳедорову, дочь какого-то чиновника. Въ семействѣ Ивана Ѳедоровича произошелъ вслѣдствіе этого раздоръ. Лизавета Ивановна съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а Иванъ Ѳедоровичъ, въ 1796 году, будучи уже совѣтникомъ пермской гражданской палаты, обвѣнчался съ молодою красавицею въ Екатеринбургѣ, въ Успенской церкви. Родные Ивана Ѳедоровича, Веригины, въ Казани, вступились за его дѣтей. Передъ самою кончиною императрицы Екатерины II, до ея свѣдѣнія дошло о бракѣ Мельникова отъ живой жены. Его отставили отъ службы, которая пошла было у него очень хорошо, потому что въ то время было очень немного тридцатидвухлѣтнихъ совѣтниковъ въ секундъ-маіорскомъ рангѣ. Старшаго его сына, двѣнадцатилѣтняго Василія Ивановича, опредѣлили въ гвардію, изъ которой онъ попалъ въ гатчинскія войска и при императорѣ Павлѣ Петровичѣ получилъ 200 душъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи (сельцо Мяки ши). Лизавета Ивановна сошла съ ума и бѣдствовала с дѣтьми въ Казани, гдѣ ей помогали дальніе родс венники ея мужа, Веригины, нѣкоторые богатые к занскіе помѣщики, Родіоновы, Болховскіе и другіе,

Digitized by Google

также братъ ея, Александръ Ивановичъ Псаломщиковъ, служившій въ правленіи казанскаго университета съ самаго основанія его.

Иванъ Ѳедоровичъ Мельниковъ съ молодою женою уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поселился въ Троицкомъ переулкѣ, веселился съ своими пріятелями, потому что имѣлъ порядочное состояніе, жилъ открыто, между тѣмъ, какъ семья его бѣдствовала въ Казани. Со старшимъ своимъ сыномъ, бывшимъ въ Гатчинѣ, онъ не видался. Еще въ Пермской губерніи, въ іюлѣ 1796 года, онъ близко сошелся съ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантомъ Онуфріемъ Петровичемъ Гедеоновымъ, молодымъ, богатымъ человѣковъ. Гедеоновъ такъ полюбился Мельникову, что послѣдній далъ ему 12.000 руб. асс., весьма значительную по тому времени сумму, подъ залогъ деревни Сосновки. Сверхъ того, у Ивана Ѳедоровича Мельникова были въ долгахъ немалыя деньги и на другихъ лицахъ.

И. Ѳ. Мельниковъ умеръ въ 1799 году, но, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ засвидѣтельствованнымъ духовнымъ завѣщаніемъ оставилъ все свое имущество, наличныя деньги, дворовыхъ людей, долговыя обязательства и проч., законной (?) женѣ своей отъ второго брака, Марьѣ Степановнѣ, «потому что все завѣщанное онъ пріобрѣлъ на полученное за нею приданое». Въ завѣщаніи было сказано, что изъ этого имущества ничего не принадлежитъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ перваго брака, «которымъ ни до чего вышесказаннаго не касаться». Такимъ образомъ все имѣніе Ивана Ѳедоровича досталось второй, незаконной его женѣ, хотя она не принесла денегъ въ приданое. Въ 1807 году, 15-го февраля, Марья Степановна обвѣнчалась въ Андреевскомъ соборѣ, на Васильевскомъ островѣ, съ мѣщаниномъ петербургскаго посада Иваномъ Кузьминымъ. Дальнѣйшая судьба ея не извѣстна.

Digitized by Google

У Лизаветы Ивановны съ дѣтьми изъ родового ихъ имущества осталось лишь нѣсколько образовъ, въ томъ числѣ и пропавшіе во время пожара 1862 года, обручальное кольцо и серебряный сервизъ. Послѣ кончины Ивана Ѳедоровича Мельникова, казанскіе родные его стали хлопотать о наслѣдствѣ въ пользу его законныхъ дѣтей и объ опредѣленіи на службу второго его сына, отца Павла Ивановича. По просьбѣ восемнадцатилѣтняго своего брата Василія, котораго любилъ императоръ Павелъ I, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, одиннадцати лѣтъ отъ роду, не въ примѣръ другимъ, былъ опредѣленъ, 9-го марта 1800 года, въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ, но оставался при матери. По ходатайству же того же брата, Иванъ Мельниковъ, 1-го января 1801 года, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ коллежскимъ регистраторомъ, имѣя отъ роду только 12-ть лѣтъ.

Наконецъ, бракъ Ивана Ѳедоровича Мельникова съ Марьею Степановною признанъ былъ незаконнымъ. Стали взыскивать долгъ съ Гедеонова, но въ одномъ присутственномъ мѣстѣ крысы, по просьбѣ должника, выѣли изъ заемнаго письма слова: «надцать тысячъ» до означенія въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ находилась заложенная деревня Сосновка, такъ что въ заемномъ письмѣ сохранились слова: «занялъ я (Гедеоновъ) пермскаго намѣстничества гражданской палаты у совѣтника секундъ-маіора Ивана Мельникова деньги государственными ассигнаціями двѣ . . . . . округѣ въ деревнѣ Сосновкѣ, принадлежащую на мою часть» и т. д. Безграмотныя крысы выѣли хорошо; подьячіе знали, гдѣ помазать бумагу. Гедеоновъ доказывалъ на судѣ, что онъ занималъ только двѣсти рублей и что, по неозначеніи, гдѣ именно находится деревня Сосновка, требовать эту деревню наслѣдникамъ

Digitized by Google

Мельникова нельзя. Гедеоновы были богаты, а Мельниковы бѣдны и не получили съ богатаго ни копѣйки.

У Марьи Степановны остались всѣ родовыя бумаги Ивана Ѳедоровича Мельникова, кромѣ его патента на чинъ капитана. Вслѣдствіе того, при запискѣ въ родословную книгу, родъ Мельниковыхъ попалъ не въ шестую, а во вторую часть.

Отецъ Павла Ивановича, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, росъ и учился въ Казани. При открытіи тамъ университета, въ 1805 году, семнадцатилѣтій коллежскій регистраторъ намѣревался поступить въ студенты, въ которые принимали тогда съ самыми ограниченными свѣдѣніями, но не попалъ въ университетъ, потому что вовсе не зналъ латинскаго языка, а изъ математики былъ обученъ только четыремъ правиламъ ариѳметики. Но въ это же время, по случаю войны набиралось въ Россіи земское войско, или милиція. На выборахъ казанскаго дворянства Иванъ Ивановичъ былъ выбранъ сотеннымъ начальникомъ милиціи. Въ губернскіе начальники милиціи избранъ былъ Л. Н. Энгельгардтъ, авторъ извѣстныхъ записокъ о временахъ Екатерины II, умершій въ 1836 году и бывшій въ роднѣ, по женѣ, Василію Ивановичу Мельникову, дядѣ Павла Ивановича. Энгельгардтъ любилъ Ивана Ивановича и держалъ его при себѣ. Выйдя впослѣдствіи изъ военной службы съ мундиромъ, Иванъ Ивановичъ всегда носилъ милиціонный мундиръ съ малиновымъ воротникомъ и маленькими золочеными пуговицами, съ зеленымъ перомъ на трехугольной шляпкѣ и золотую медаль на владимірской лентѣ съ надписью: «за вѣру и отечество земскому войску». Въ этомъ мундирѣ онъ завѣщалъ и похоронить себя. При роспускѣ милиціи, въ 1808 году, онъ перешелъ на дѣйствительную службу въ Уфимскій пѣхотный полкъ, но, влюбившись въ одну польку и не желая разста-

Digitized by Google

ваться съ нею, перешелъ въ каменецъ-подольскій гарнизонъ, въ которомъ и пробылъ всю войну 1812 года. Романъ Ивана Ивановича съ полькою кончился въ 1813 году выходомъ ея замужъ за какого-то пана; вслѣдствіе чего отецъ Павла Ивановича перешелъ въ дѣйствующую армію, въ Великолуцкій пѣхотный полкъ штабсъ-капитаномъ, сдѣлалъ походы за границу въ 1813 и 1814 годахъ и въ 1816 году, за болѣзнію, по окончаніи войны съ Наполеономъ, переведенъ былъ въ нижегородскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ въ 1817 году, назначенъ былъ начальникомъ состоявшей при немъ жандармской команды. Въ то время это была обыкновенная конная полицейская стража. Между тѣмъ старшій братъ Ивана Ивановича, Василій Ивановичъ, поселившійся въ жалованномъ ему ардатовскомъ имѣніи, звалъ какъ его, такъ и другого брата, Дмитрія Ивановича, на службу въ нижегородскую губернію. На этотъ зовъ откликнулся только Иванъ Ивановичъ, потому что Дмитрій Ивановичъ, женившись на Бигловой, сдѣлался помѣщикомъ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Василій Ивановичъ былъ долго предводителемъ дворянства ардатовскаго уѣзда и умеръ въ августѣ 1837 года. Онъ былъ женатъ на дочери сосѣда, Любови Васильевнѣ Жуковой, мать которой была двоюродною сестрою Л. Н. Энгельгардта. Братъ Любови Васильевны, Разумникъ Васильевичъ, былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ, извѣстной сочинительницѣ «Вечеромъ на Карповкѣ» и другихъ повѣстей, имѣвшихъ успѣхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Въ январѣ 1818 года, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ женился на дочери нижегородскаго исправника, надворнаго совѣтника Павла Петровича Сергѣева, Аннѣ Павловнѣ. Первенцомъ у нихъ родился сынъ, названный въ честь дѣда Павломъ, 22-го октября 1819 года,

Digitized by Google

въ самый благовѣстъ къ обѣднѣ. Молодые супруги жили тогда въ деревянномъ домѣ П. П. Сергѣева, на углу Мартыновской и Тихоновской улицъ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Домъ этотъ существуетъ донынѣ подлѣ удѣльной конторы. Дѣдъ Павла Ивановича Мельникова, со стороны матери, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Онъ пользовался такимъ большимъ уваженіемъ среди дворянства, что оно избирало его въ исправники въ продолженіе тридцати шести лѣтъ. Но, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ нравамъ, исправники въ два или три трехлѣтія наживали себѣ состояніе въ двѣ или три сотни душъ, П. П. Сергѣевъ не пріобрѣлъ себѣ никакого состоянія. Учился онъ, по пословицѣ, на мѣдныя деньги, но образовалъ себя чтеніемъ. Иностранныхъ языковъ онъ не зналъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія и отчасти въ началѣ нынѣшняго издавали въ Россіи множество переводовъ дѣльныхъ книгъ, особенно французскихъ. П. П. Сергѣевъ не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе книгъ и у него образовалась большая библіотека. Послѣ его смерти половина этой библіотеки досталась матери Павла Ивановича, который и ознакомился съ нею въ ранней молодости. Въ этой библіотекѣ были переводы греческихъ и римскимъ классиковъ, историческія сочиненія, переведенныя съ францзскаго языка, описаніе различныхъ путешествій, всѣ изданія Новикова и нашей академіи, сочиненія всѣхъ русскихъ писателей, отъ Кантеміра и Ломоносова до Карамзина и Жуковскаго. Когда П. П. Сергѣевъ ослѣпъ, послѣ выхода замужъ дочери Анны, то онъ заставлялъ своихъ двухъ дочерей читать ему вслухъ и все дожидался, когда его внуки выучатся грамотѣ и будутъ читать слѣпому дѣдушкѣ. П. П. Сергѣевъ, по должности исправника, усмирялъ мордовскій бунтъ и производилъ слѣдствіе о мордовскомъ пророкѣ «Кузькѣ-Богѣ». Въ «Отечествен-

Digitized by Google

ныхъ Запискахъ» 1865 года напечатана была большая статья объ этомъ «Кузькѣ-Богѣ», въ которой дѣйствительные факты, почерпнутые, вѣроятно, изъ офиціальныхъ источниковъ, перепутаны со множествомъ нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Такъ, тамъ, между прочимъ, напечатано, что мордва, въ 1809 году, разорвала нижегородскаго исправника, т. е. Павла Петровича Сергѣева, какъ древляне Игоря, на деревьяхъ. Но Сергѣевъ скончался въ 1824 году въ Балахнѣ, куда онъ переселился послѣ того, какъ ослѣпъ, и гдѣ онъ купилъ себѣ домъ, слѣдовательно прожилъ пятнадцать лѣтъ послѣ такъ называемаго бунта мордвы. Впрочемъ никакого открытаго возстанія мордвы противъ властей и не было; если и было неповиновеніе, то только помѣщику, графу Сенъ-При.

П. П. Сергѣевъ, пользовавшійся, какъ сказано выше, уваженіемъ всего дворянства, былъ въ особенной пріязни съ нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, княземъ Петромъ Сергѣевичемъ Трубецкимъ (отцомъ декабриста), вторая жена котораго, урожденная Кромина, была родственница Сергѣевыхъ. Мать Павла Ивановича Мельникова, будучи еще молодою дѣвицею, подолгу гостила у Трубецкихъ въ ихъ имѣніи Лапшихѣ и была много обязана имъ своимъ образованіемъ. Она была очень дружна съ ровесницею своею, княжною Елизаветою Петровною Трубецкою, впослѣдствіи графинею Потемкиною. Первая жена князя Петра Сергѣевича Трубецкого была родная сестра знаменитаго нижегородскаго магната, князя Егора Александровича Грузинскаго, бывшаго (во все царствованіе императора Александра I) около сорока лѣтъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и умершаго въ 1852 году, девяноста лѣтъ отъ роду. Это тотъ самый губернскій предводитель князь Грузинскій, которому императоръ Павелъ Петровичъ, въ

Digitized by Google

1797 году, въ бытность свою въ Нижнемъ, высочайше повелѣть соизволилъ: «считаться мертвымъ».

Анна Павловна Сергѣева, вышедшая замужъ за Ивана Ивановича Мельникова, была второю дочерью Павла Петровича Сергѣева. Старшая его дочь, Александра, еще въ 1815 году, вышла замужъ за имѣвшаго хорошее состояніе новгородскаго и симбирскаго помѣщика, Никиту Захаровича Жилина, внука астраханскаго губернатора, повѣшеннаго въ его симбирской деревнѣ Енгалычевѣ Пугачевымъ.

Въ рукописяхъ Павла Ивановича Мельникова, онъ сообщаетъ слѣдующее о своемъ дѣтскомъ возрастѣ:

«Связныя мои воспоминанія начинаются съ пятилѣтняго возраста. Насъ было въ это время у родителей трое сыновей: я, братъ Николай, годомъ моложе меня, и Ѳедоръ, родившійся въ 1823 году, въ Лукояновѣ, гдѣ, по выходѣ изъ военной службы, мой отецъ служилъ по дворянскимъ выборамъ. Въ томъ же Лукояновѣ жилъ родной дядя моей матери, Николай Петровичъ Сергѣевъ, у котораго была предобрѣйшая жена, впрочемъ безграмотная, вывезенная изъ Сибири, Александра Кузьминишна. Люди они были пожилые, а дѣтей у нихъ не было. Когда родился братъ Ѳедоръ, они упросили отца моего съ матерью отдать его имъ въ дѣти, за что они сдѣлаютъ его единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. Они согласились. Ѳедоръ былъ даже и окрещенъ въ домѣ Николая Петровича. Между тѣмъ, дѣдушка Павелъ Петровичъ сталъ очень слабъ и писалъ къ обѣимъ дочерямъ, чтобы онѣ со своими семьями пріѣзжали въ Балахну, провести съ нимъ послѣдніе его дни. Вслѣдствіе такого вызова, отецъ мой вышелъ въ отставку и поѣхалъ со всѣми нами въ Балахну, весною 1824 года. Жилины изъ новгородской деревни пріѣхали еще ранѣе. Путешествіе наше на долгихъ помню отрывочно; живо помню Арзамасъ, по-

Digitized by Google

разивший меня своею огромностью, множествомъ церквей и каменной мостовой, дотолѣ мною невиданной. Помню высокія кирпичныя стѣны строившагося тогда огромнаго собора, въ память избавленія Россіи отъ французовъ; помню даже постоялый дворъ, въ которомъ мы остановились, и громкіе крики пѣтуховъ, немилосердно кричавшихъ на крытомъ дворѣ его. Послѣ того въ Арзамасѣ я, будучи уже студентомъ, безъ труда отыскалъ этотъ постоялый дворъ. Но Нижняго Новгорода, чрезъ который мы тоже проѣзжали, совсѣмъ не помню, кромѣ дома дяди моей матери, Ѳедора Герасимовича Шебалина, преемника дѣдушки Павла Петровича по должности нижегородскаго исправника. Какъ теперь помню его въ угольной комнатѣ его небольшаго, но чистенькаго дома, со множествомъ статуэтокъ изъ севрскаго фарфора, стоявшихъ въ шести этажеркахъ за стекломъ (онѣ такъ и простояли на одномъ мѣстѣ, равно какъ и вся мебель, до 1867 года, когда умеръ Ѳ. Г. Шабалинъ); помню и Ѳедора Герасимовича съ его длинною фигурою, съ его длиннымъ чубукомъ и сухощавую красивую жену его, Анну Андреевну, дочь французскаго эмигранта де-Барраля, полковника нашей службы, бывшаго тогда командиромъ нижегородскаго гарнизоннаго баталіона. Помню даже, какъ модница и щеголиха Анна Андреевна нахмурилась, когда я ее назвалъ «бабушкою», и какъ она, когда мужъ ея съ моимъ отцомъ вышли въ другія комнаты, со слезами на глазахъ повѣряла свое страшное горе моей матери: она, дочь полковника, ѣздила въ каретѣ четвернею, а теперь, вышедши замужъ за капитана, должна ѣздить только парою. Впослѣдствіи я узналъ, что Шебалины были не въ ладахъ съ нижегородскимъ полиціймейстеромъ, который говорилъ, что онъ остановитъ шебалинскую карету и собственноручно отпряжетъ форейторскую пару, исполняя законъ, дозволявшій чет-

Digitized by Google

вернею ѣздить только дворянамъ штабъ-офицерскаго чина. Едва ли онъ даже не исполнилъ обѣщанія.

«На пути изъ Лукоянова въ Балахну, мы заѣзжали въ Міякуши, къ дядѣ, Василію Ивановичу Мельникову. Онъ, уѣздный предводитель дворянства, съ Анною на шеѣ (тогда не малая рѣдкость въ провинціи), былъ важною особою въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Но я мало помню его; зато крѣпко врѣзалось въ моей памяти свиданіе съ бабушкою, Лизаветою Ивановною, въ тихомъ помѣшательствѣ доживавшею свой вѣкъ у старшаго сына. Какъ теперь гляжу на чистенькую, опрятную старушку, всю въ черномъ, сидѣвшую въ вольтеровскихъ креслахъ у растворенного окна въ тѣнистый садъ. Она вся была окружена цвѣтами. Весь флигель, занимаемый бабушкою, былъ заставленъ цвѣтущими растеніями. Она очень любила цвѣты и уходъ за ними составлялъ единственное ея занятіе. Она не скоро узнала моего отца и мою мать; узнавъ, много плакала и, взявъ меня на руки, посадила къ себѣ на колѣни, и легонько похлопывала по моему лицу цвѣтами бѣлой сирени. Я зналъ, что бабушка сумасшедшая и страшно боялся, чтобы она меня не съѣла. Сумасшедшихъ я до того времени никогда не видывалъ, а отъ нянекъ много слыхалъ про бабу-ягу, ѣвшую маленькихъ дѣтей. Воображеніе пятилѣтняго ребенка представило мнѣ бѣдную бабушку Лизавету Ивановну—бабой-ягой. Она меня благословила образомъ, много цѣловала, и, поставивъ насъ съ братомъ Николаемъ передъ собою, положила на наши младенческія головы свои исхудалыя, морщинистыя руки и со слезами на глазахъ говорила что-то много, часто повторяя: «Ростите, мои внучки милые, да не будьте въ дѣдушку». Впослѣдствіи уже я понялъ и смыслъ этихъ словъ помѣшанной старушки, и тѣ слезы, которыя потекли изъ блестѣвшихъ какимъ-то особеннымъ блескомъ голубыхъ

Digitized by Google

П. И. Мельниковъ 1859 году.
Съ литографированнаго портрета „Русск. художествен. листка“ Тимма.

Digitized by Google

глазъ ея по впалымъ, сморщеннымъ щекамъ. Вскорѣ бабушка Лизавета Ивановна скончалась и похоронена при церкви села Нучарова.

«Въ Балахнѣ мы помѣстились въ домѣ дѣдушки Павла Петровича Сергѣева. Домъ хотя и былъ довольно помѣстительный, но когда поселились въ немъ обѣ дочери умирающаго старца съ мужьями и шестерыми дѣтьми у обоихъ, стало тѣсновато. Домъ былъ на рѣчкѣ Нетечѣ, у выѣзда въ село Кубенцово, подлѣ большого каменнаго дома Николая Яковлевича Латухина, военнаго совѣтника, двоюроднаго брата жены Павла Петровича, моей бабушки Надежды Степановны. У него была жена полька, Тереза Ивановна, и дочка моихъ лѣтъ, Анюта, вышедшая потомъ замужъ за полковника Гриневича, бывшаго лѣтъ двадцать балахнинскимъ предводителемъ дворянства. Латухины были очень богатые, по тому времени, люди; у единственной ихъ дочери были двѣ, если не болѣе, гувернатки, которыя и насъ съ братомъ, да двоюродныхъ братьевъ и сестеръ Жилиныхъ, начали учить по-французски, а Тереза Ивановна при этомъ нещадно кормила насъ конфектами. Такіе уроки продолжались съ утра до вечера. Многому мы, разумѣется, не научились; да этого и не требовалось: вся цѣль этого ученья состояла въ томъ, чтобы нашего крикливаго общества не было въ дѣдушкиномъ домѣ, гдѣ догарали послѣдніе дни почтеннаго старца. Латухинъ былъ изъ балахонскихъ купцовъ; его родственники и онъ самъ имѣли солеварни въ Балахнѣ; сверхъ того, у Николая Яковлевича Латухина былъ стекляный заводъ. И солеварни, и заводъ были близко, и мы не столько времени занимались съ гувернатками, сколько проводили его на солеварняхъ и на заводѣ. Къ дѣдушкѣ насъ водили рѣдко; онъ страдалъ водяною въ груди и рѣдко выпадали спокойные для него часы. Онъ меня очень любилъ, меня

Digitized by Google

и Владиміра Жилина, и обоимъ любимымъ внукамъ, лаская ихъ полумертвою рукою, говаривалъ: «Учитесь, учитесь да читайте больше. Читайте «Записки Сюлли» и «Дѣянія Петра Великаго» (Голикова). Петра Великаго чтите; онъ нашъ полубогъ!..» Разумѣется, мы не понимали его словъ, но имена Сюлли и Петра Великаго врѣзались въ мою память, и уже послѣ мать моя растолковала мнѣ предсмертный завѣтъ дѣдушки. Это съ ранихъ лѣтъ заставило меня полюбить исторію, и много лѣтъ спустя, когда я началъ печатать статьи свои, большею частью историческаго содержанія, у меня не рѣдко бывало на умѣ: «Ахъ! какъ бы было хорошо, если бы живы были мать да дѣдушка и прочитали бы печатныя статьи мои!»

«Въ половинѣ сентября 1824 года, утромъ мы играли въ банѣ съ моимъ ровесникомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Жилинымъ, сдѣланными при насъ на стекляномъ заводѣ бутылками, когда вдругъ какая-то изъ нянекъ прибѣжала къ намъ, и, схвативъ насъ за руки, бѣгомъ пустилась къ дому, говоря: «дѣдушка умираетъ». Помню тѣсную, биткомъ набитую людьми комнату, запахъ ладана, высоко поднимавшуюся грудь дѣдушки; помню, какъ онъ подалъ руку моей матери, а она положила ее на мою голову; помню унисонъ ильинскаго попа, читавшаго отходную; помню, какъ Тереза Ивановна прикладывала къ губамъ дѣдушки бритвенное его зеркальце, а потомъ клики, воплки, рыданія... Дѣдушки не стало.

«Послѣ него остались деревни въ Семеновскомъ уѣздѣ, поступившія къ моей матери и ея сестрѣ. Черезъ четыре мѣсяца по смерти дѣдушки, въ январѣ 1825 года, были дворянскіе выборы, и новые семеновскіе помѣщики были избраны дворянскими засѣдателями, отецъ мой въ земскій, а дядя Жилинъ въ уѣздный судъ. Мы переѣхали въ Семеновъ, гдѣ протекло

Digitized by Google

мое дѣтство и гдѣ лѣтъ чрезъ двадцать пять послѣ того, какъ меня привезли туда ребенкомъ,—привелось мнѣ исполнять высочайшую волю императора относительно упраздненія Керженскихъ и Чернораменскихъ раскольничьихъ скитовъ».

Свое дѣтство П. И. Мельниковъ провелъ по большей части въ городѣ Семеновѣ, гдѣ послѣдніе годы своей жизни служилъ его отецъ, умершій въ 1837 году. Мать его умерла двумя годами ранѣе. П. И. Мельниковъ былъ крайне впечатлительный мальчикъ, чутко прислушивавшійся ко всему его окружавшему, ко всему происходившему въ его семьѣ. Онъ лежалъ, въ ноябрѣ 1825 года, въ горячкѣ, наѣвшись ледяныхъ сосулекъ, когда пришла вѣсть о кончинѣ императора Александра. Въ домѣ поднялся плачъ, вопль. Плакала даже вся прислуга. Весь этотъ переполохъ усилилъ болѣзнь выздоравливавшаго мальчика, и докторъ выговаривалъ его родителямъ, что они не уберегли эту впечатлительную натуру отъ горестной для всѣхъ вѣсти.

II.

Пребываніе въ гимназіи. — Тогдашніе порядки. — Спектакли въ башнѣ Кремля. — Дѣтскія трагедіи. — Вызываніе духовъ. — Новые учителя.

Въ 1829 году, десяти лѣтъ, П. И. Мельниковъ поступилъ въ нижегородскую гимназію. Она была тамъ-же, гдѣ и теперь, на площади противъ Благовѣщенскаго собора. Въ срединѣ былъ трехъ-этажный домъ (нынѣшняя средняя часть гимназическаго зданія), а на углахъ Варварской и Тихоновской улицъ стояли двухъэтажные дома. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, все это было соединено вмѣстѣ. Этимъ домамъ теперь слишкомъ сто лѣтъ. Въ 1767 году, когда им-

Digitized by Google

ператрица Екатерина писала Н. И. Панину изъ Нижняго Новгорода, «городъ сей ситуаціею прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ», этихъ домовъ, вѣроятно, еще не было. До 1807 года они принадлежали мѣстному приказу общественнаго призрѣнія. Въ среднемъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, помѣщалось главное народное училище, открытое 22-го сентября, въ день коронованія Екатерины II, 1786 года; въ срединѣ дворянское собраніе. т. е. клубъ; въ залѣ въ два свѣта, сохранившейся донынѣ въ прежнемъ видѣ, бывали выборы дворянскіе; рядомъ съ залою помѣщалась канцелярія дворянскаго собранія; въ верхнемъ этажѣ помѣщалось малое народное училище, преобразованное въ 1807 году въ уѣздное училище. Въ домѣ на углу Тихоновской улицы былъ трактиръ пивовара купца Пальцова, называвшійся казанскимъ, а въ выходящемъ на Варваринскую улицу домѣ жили учителя и былъ винный погребокъ. Съ дворянскаго собранія, казанскаго трактира и погребка приказъ общественнаго призрѣнія получалъ ежегодно по 1460 р., а на содержаніе главнаго народнаго училища отпускалъ 3000 руб.

Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, предполагая открыть въ Нижнемъ Новгордѣ гимназію и, не имѣя въ виду для нея помѣщенія, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ, князя Кочубея, уступить подъ новое учебное заведеніе дома, принадлежавшіе приказу общественнаго призрѣнія. Кочубей согласился на такую уступку, тѣмъ болѣе, что 1460 р., получаемые приказомъ въ видѣ дохода съ отдаваемыхъ помѣщеній, положено было возвращать изъ суммы, отпускаемой на содержаніе нижегородскихъ училищъ. Поэтому нижегородская гимназія, до самаго упраздненія приказовъ общественнаго призрѣнія, получала изъ суммъ нижегородскаго приказа 1540 р. Первый директоръ нижегородской гимназіи, Кушелевъ, ученикъ харьковскаго

Digitized by Google

коллегіума, а потомъ петербургской учительской семинаріи, представлялъ попечителю казанскаго университета, С. Я. Румовскому, объ оставленіи въ домѣ дворянскаго собранія казанскаго трактира и погребка, но попечитель нашелъ, что помѣщеніе ихъ въ одномъ домѣ съ гимназіею не можетъ быть «совмѣстно съ достоинствомъ заведенія». Попечитель предписалъ уѣздное училище помѣстить въ маломъ флигелѣ, гимназическіе классы въ среднемъ этажѣ большаго дома и въ верхнемъ на одной половинѣ, а другую половину предоставить для библіотеки и для храненія другихъ гимназическихъ принадлежностей. Въ двухъэтажномъ флигелѣ на Варваркѣ велѣно было отвести квартиры для помѣщенія директора и для всѣхъ восьми учителей гимназіи. Такимъ образомъ, въ нижегородской гимназіи, съ самаго ея основанія, были казенныя квартиры для всѣхъ преподавателей, за исключеніемъ времени съ 1833 по 1840 годъ, когда производилась перестройка зданія, но и тогда, съ 1836 по 1840 годъ, почти всѣ учителя имѣли квартиры въ домѣ благороднаго пансіона при гимназіи, въ 1844 году преобразованнаго въ особое среднее учебное заведеніе, подъ названіемъ Александровскаго дворянскаго института.

Для передѣлки домовъ подъ нижегородскую гимназію отпущена была изъ казны особая сумма. Постройками распоряжался одинъ Кушелевъ, и, повидимому, не такъ, какъ сдѣдовало бы. Между нимъ и попечителемъ Румовскимъ завязалась переписка, изъ которой видно, что не только перестройка зданій для гимназіи была произведена крайне небрежно, какъ оказалось изъ составленныхъ актовъ, но что Кушелевъ не отвѣчалъ на запросы по этому предмету попечителя. Вообще, съ нижегородскою гимназіею и впослѣдствіи повторялись казусы, подобные бывшему при перестройкѣ ея Кушелевымъ. Такъ, въ 1824 году, послѣ пожара, гим-

Digitized by Google

назія при директорѣ Алферьевѣ передѣлывалась уже заново, а въ 1833 году принуждины были перевести гимназію въ наемный домъ изъ опасенія, чтобы учениковъ въ одинъ прекрасный день не придавило потолками. Въ 1840 году, вновь перестроили гимназію, соединивъ три дома въ одинъ, но лѣтъ черезъ пятнадцать или двадцать и этотъ домъ вновь потребовалъ капитальныхъ передѣлокъ. Директоры: Кушелевъ, Алферьевъ, Грацинскій, были удалены отъ должностей. Грацинскій, лѣтъ десять послѣ отставки (въ 1849 году), жилъ въ Нижнемъ, и, уплачивая изъ скуднаго пенсіона сдѣланный на него начетъ, почти нищенствовалъ. Вообще, нижегородскіе архитекторы съ давняго времени умѣли набивать карманы, но не умѣли строить. Съ основанія Нижняго, въ 1222 году, въ немъ, по словамъ его старожиловъ, были только два путные архитектора и одинъ инженеръ. Это архитекторъ Монферандъ, строитель въ Петербургѣ Исаакіевскаго собора, построившій въ 1822—1824 гг. ярмарочный соборъ «Происхожденія честныхъ древъ», и архитекторъ Л. В. Даль, умершій въ 1878 году. Изъ инженеровъ — баронъ А. И. Дельвигъ, строитель перваго нижегородскаго водопровода. Всѣ остальные пріѣзжали въ Нижній въ шинелькахъ, подбитыхъ вѣтеркомъ, и оставляли его или свою должность съ туго набитыми карманами.

При тогдашнихъ воззрѣніяхъ, дворянство не желало отдавать своихъ дѣтей въ такое учебное заведеніе, гдѣ они должны были сидѣть рядомъ съ ихъ же крѣпостными и вольноотпущенниками. Поэтому, съ самаго учрежденія нижегородской гимназіи, дворянство ходатайствовало о томъ, чтобы при ней былъ особый благородный пансіонъ, въ родѣ такого, какой былъ въ Москвѣ при университетѣ, принимая содержаніе его на свой счетъ. Въ этомъ ходатайствѣ дво-

Digitized by Google

рянству было отказано. Попечитель Румовскій, 6-го ноября 1811 года, писалъ Кушелеву: «Я не нахожу нужнымъ заведеніе при гимназіи особаго пансіона для обучающихся дѣтей дворянства, которое только потому не соглашается отдавать ихъ въ гимназію, что въ оной обучаются ученики разнаго сословія. Къ тому же симъ болѣе подается способъ учителямъ къ уклоненію и небреженію о прямой ихъ обязанности, когда они, какъ сами же свидѣтельствуете, и безъ того въ должности своей мало исправны. И такъ, чтобы охотнѣе благородное дворянство отдавало дѣтей своихъ, по мнѣнію моему, одинъ есть способъ, чтобы, чрезъ прилежное прохожденіе каждымъ должности своей, доведено было ученіе до возможной степени успѣховъ. А чтобы сдѣлать отличіе благороднымъ дѣтямъ, то во время ученія въ классахъ можно сажать ихъ особо на правой, а прочихъ на лѣвой сторонѣ; до начатія же ученія, чтобы они не имѣли сообщенія, можно держать ихъ въ особыхъ классахъ». Эта уступка дворянамъ сдѣлана была между прочимъ и потому, что въ просьбѣ ихъ объ учрежденіи пансіона было указано, что «дѣти крѣпостныхъ и разночинцевъ крайне непріятны и что на сидящихъ рядомъ съ ними дворянскихъ дѣтей переползаютъ извѣстныя насѣкомыя, столь обыкновенныя на дѣтяхъ нисшихъ сословій». Желаніе нижегородскаго дворянства объ учрежденіи благороднаго пансіона было исполнено только въ 1836 году.

Когда П. И. Мельниковъ учился въ нижегородской гимназіи, съ 1829 по 1834 годъ, это предписаніе Румовскаго уже не исполнялось, и дворянъ уже не сажали въ классахъ одесную, а разночинцевъ ошую. Въ 160 саженяхъ отъ гимназіи, въ Кремлѣ, находилось военное училище, существовавшее со временъ императора Павла Петровича. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, это военное училище преобразовано было въ

Digitized by Google

четвертый учебный карабинерный полкъ. По упраздненіи послѣдняго, огромный домъ его вмѣстилъ въ себѣ аракчеевскую военную гимназію. Во время Мельникова лучшіе ученики этого военнаго училища въ мундирахъ съ желтыми воротниками ходили на уроки въ гимназію. Такъ младшій братъ Павла Ивановича, Николай, убитый въ 1844 году на Кавказѣ въ званіи ротнаго командира Житомирскаго полка, былъ въ этомъ военномъ училищѣ и ходилъ въ гимназію. Изъ него въ гимназію ходили впрочемъ не одни дворяне, но и солдатскіе дѣти. Въ числѣ ихъ былъ Румянцевъ, сынъ солдата, отданнаго въ военную службу изъ крѣпостныхъ дѣда по матери П. И. Мельникова. Онъ кончилъ курсъ въ 1830 году, былъ замѣчательно развитъ, переводилъ Непота и Саллюстія a livre ouvert, хорошо говорилъ по-французски, съ хорошимъ притомъ выговоромъ, изучилъ основательно нѣмецкій языкъ, писалъ русскіе стихи; особенно же былъ силенъ въ математикѣ. Но, какъ солдатскій сынъ, онъ долженъ былъ поступить въ военные писаря, спился, былъ наказанъ розгами и удавился на 24-мъ году отъ роду.

Во время пребыванія П. И. Мельникова въ нижегородской гимназіи, она пришла въ такое ветхое состояніе, что даже была переведена въ частный домъ, въ ожиданіи приведенія классовъ въ болѣе безопасное положеніе.

«Это обстоятельство—пишетъ П. И. Мельниковъ:—было причиною того, что ни я, ни мои товарищи, вовсе не знали математики. Учитель ея, Л—нъ, должно быть, очень боялся погребенія подъ развалинами храма просвѣщенія. Придетъ, бывало, въ классъ, прямо къ большой, черной доскѣ, напишетъ какую-нибудь алгебраическую формулу, поговоритъ о непонятныхъ для насъ иксахъ и игрекахъ, безпрестанно повторяя: «во

Digitized by Google

я вамъ скажу», и, пробывъ съ нами не болѣе четверти часа, кончаетъ урокъ словами: «во я вамъ скажу—ступайте домой». И самъ пойдетъ домой, слегка покачиваясь. Математическіе уроки были, какъ нарочно, всѣ послѣ обѣда и потому ни алгебры, ни геометріи мы не выучились, но зато пристрастились къ драматическому искусству. Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ въ то время театръ, заведенный еще въ царствованіе императрицы Екатерины помѣщикомъ княземъ Шаховскимъ. Этотъ деревянный театръ находился на углу Большой и Малой Печерскихъ улицъ. Наглядѣвшись на трагедіи, комедіи, оперы, балеты и водевили, вздумали мы устроить свой театръ. Въ пустой башнѣ нижегородскаго Кремля, именно въ Часовой, устроили мы театръ, разумѣется безъ декорацій и безъ костюмовъ. Это было не безъ пользы для насъ. Многіе изъ насъ наизусть выучили Эдипа въ Аѳинахъ, Фингала, Дмитрія Донского, и хотя у насъ не было руководителя, однако мы сдѣлали не малые успѣхи въ декламаціи. Бывало ждемъ, не дождемся той минуты, какъ Л—нъ скажетъ намъ: «во я вамъ скажу—ступайте домой». Дѣломъ не волоча, мы тотчасъ же веселою гурьбою прямо на кремлевскую стѣну. Но только одно лѣто разыгрывали мы трагедіи Озерова. Башня понадобилась гарнизонному начальству подъ цейхгаузъ и баталіонный командиръ, придя ее осматривать, засталъ насъ во время представленія «Поликсены». Драматическую труппу, подъ присмотромъ солдатъ, отправили къ директору, а башню заперли. Съ нами расправились, по тогдашнему обычаю, довольно круто, а бѣдному Л—ну отказали отъ должности.

«Изъ ребяческой нашей шалости сумѣли раздуть страшную исторію. Въ городѣ разсказывали вещи несодѣянныя, будто мы, одиннадцати и двѣнадцалѣтніе

Digitized by Google

мальчики, составили опасный заговоръ для ниспроверженія существующаго порядка. Одна нижегородская барыня К. поѣхала въ это время въ Казань и тамъ стала разсказывать о нашемъ злоумышленіи. Изъ учебнаго округа предписано было разобрать дѣло какъ можно строже, и съ нами въ другой разъ распорядились круто. Всего замѣчательнѣе то, что раздувалъ эту исторію учитель словесности Св., по понятіямъ котораго мы должны были въ первомъ классѣ, десятиодиннадцати лѣтъ, выучить логику Кизеветтера, а потомъ по Кошанскому изучить всѣ тропы и безчисленныя фигуры; все же остальное въ глазахъ его было или вздоръ да пустяки, или вольнодумство.

«Двукратная расправа не истребила въ насъ страсти къ драматическимъ представленіямъ. Мы перенесли сцену изъ запертой башни въ домъ одного товарища, Крупенина, искренняго, вѣрнаго друга моего дѣтства и юности. Домъ отца Саши былъ на Петропавловской или Кладбищенской улицѣ, съ маленькимъ садомъ, густо засаженнымъ грушами, яблонями, вишнями, въ которомъ я провелъ такъ много счастливыхъ часовъ золотой юности... Тамъ-то, въ мезонинѣ, стали мы разыгрывать трагедіи, сначала Озерова, а потомъ и собственнаго издѣлія. Большой успѣхъ имѣлъ «Мухамедъ II», трагедія, сочиненная Крупенинымъ, въ которой я игралъ византійскую царевну Ирину, а десятилѣтній братъ мой, Ѳедоръ, пажа греческаго. Я тоже написалъ трагедію, въ пяти дѣйствіяхъ, «Вильгельмъ Оранскій», но она не имѣла успѣха.

«У Крупенина въ мезонинѣ мы еще занимались вызываніемъ духовъ. У одного изъ товарищей, Ердокимова, достали мы старинную рукопись на нѣмецкомъ языкѣ, писанную, сколько помнится, на бомбацинѣ пожелтѣвшими чернилами. На ея пергаментной оберткѣ было написано: «D. Faustens Geister Zwang.

Digitized by Google

Anno 1509» [1]). Крупенину, хорошо знавшему по-нѣмецки, поручено было перевести рукопись на русскій языкъ. Это стоило ему не малаго труда, потому что **«Geister Zwang»** былъ писанъ стариннымъ языкомъ и было множество непонятныхъ мистическихъ выраженій. Помню, что вызывались три духа: **Achaut**, **Astaoth** и **Aziel** и что было болѣе десяти заклинаній. Сложились мы на покупку пергамента, изъ котораго должно было сдѣлать двѣ таблетки, которыя, по наставленію Фауста, должно было положить при входѣ въ кругъ, и на покупку шелковой матеріи для мантіи заклинателя. Но вышло затрудненіе: въ рукописи было сказано, что кабалистическія фигуры на таблеткахъ должно написать драконовою кровью (**Dracheublut**). Гдѣ сыскать дракона, какъ убить его? Мы знали, что такихъ драконовъ, какого поразилъ Персей, и какой рисуется въ казанскомъ гербѣ, на свѣтѣ нѣтъ и не бывало, но у Блуменбаха [2]) было сказано о какой-то ящерицѣ, которая называется дракономъ. Но, увы, эта ящерица водится въ тропическихъ мѣстахъ; не найдешь ее въ Марьиной рощѣ, куда хаживали мы гулять и гдѣ били нерѣдко змѣй. Не ѣхать же за драконовою кровью въ Африку. Одни предлагали убить змѣю и ея кровью написать кабалистическія фигуры, увѣряя, что это все равно, что змѣя, что драконъ—все одинъ и тотъ же гадъ, пресмыкающееся. Я былъ того мнѣнія, что вся сила въ непонятныхъ фигурахъ, и что поэтому можно ихъ написать и чернилами. Кто-то вспомнилъ, что въ москательныхъ лавкахъ продается краска, называемая драконовою кровью, и мы единогласно рѣшили купить этой краски, потому что Фаустъ именно о ней и го-

---

1) Рукопись эта осталась у А. Д. Крупенина.

2) «Руководство къ естественной исторіи доктора Іог. Фридр. Блуменбаха, переводъ Наумова и Теряева»,—по которому мы учились зоологіи.

Digitized by Google

воритъ. Купили краски, написали таблетки, сшили мантію,—все готово. Но снова возникли пренія. Фаустъ говорилъ: «Чтобы не устрашиться духа, вызывай его въ пріятномъ видѣ, напримѣръ въ видѣ короля». Но мы полагали, что и въ видѣ короля Achant будетъ страшенъ, много спорили и, наконецъ, рѣшили вызывать духа, въ видѣ маленькой, хорошенькой дѣвочки.

«Пришла первая пятница послѣ полнолунія, день, предписанный Фаустомъ. Пятеро изъ насъ стали въ кругъ; Крупенинъ надѣлъ мантію и сталъ читать «Geister Zwang» въ русскомъ переводѣ. Прочиталъ — не идетъ Ахантъ; въ другой разъ прочиталъ—не идетъ; семь разъ прочиталъ,—нѣтъ какъ нѣтъ Аханта.

«—Должно быть онъ не знаетъ по-русски, заклинай его, Саша, по нѣмецки, сказалъ кто-то Крупенину.

«И понѣмецки не выходитъ Ахантъ. Три раза нарождался мѣсяцъ, и мы три пятницы послѣ полнолунія бились съ упорнымъ духомъ, но Ахантъ такъ-таки и не пожаловалъ къ намъ.

«Эта неудача имѣла на насъ своего рода вліяніе. Мы отъ всей души смѣялись и надъ собою, и надъ Фаустомъ, и уже болѣе не вѣрили ни духамъ, ни колдовству, ни другому чему сверхъестественному.

«Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ гимназіи сдѣлано было много улучшеній. Послѣ того, какъ въ одной комнатѣ (къ счастью ночью) грохнулся заразъ весь потолокъ, попечительное начальство озаботилось пріисканіемъ квартиры для гимназіи въ частномъ домѣ. По нѣкоторымъ предметамъ назначены были новые учителя. Александръ Васильевичъ Савельевъ, заступившій мѣсто Св., далъ живое направленіе нашимъ классическимъ до того времени занятіямъ. Онъ заставлялъ насъ писать сочиненія, читалъ въ классахъ и давалъ на домъ читать сочиненія современныхъ авторовъ. Тутъ мы ознакомились съ Пушкинымъ, Коз-

Digitized by Google

ловымъ, Дельвигомъ, Баратынскимъ, а до тѣхъ поръ насъ заставляли удивляться только Хераскову, Ломоносову и Державину. О Карамзинѣ Св. отзывался неодобрительно; совѣтовалъ и дома не читать его, потому что сочиненія его пропитаны якобинскимъ духомъ. Впрочемъ и Ломоносова, Хераскова, Державина, знали мы только по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ риторикѣ Кошанскаго. Особенно еще тѣмъ былъ полезенъ намъ Савельевъ, что говорилъ съ нами живымъ языкомъ. Хотя онъ былъ не изъ важныхъ педагоговъ, но живая рѣчь его, а не рабское, усыпляющее своею мотонностью, повтореніе затверженныхъ выраженій Кошанскаго, ввели насъ въ новый міръ, въ міръ мысли. Савельевъ разсказами своими объ университетѣ подстрекалъ насъ къ дальнѣйшему образованію. Онъ нарочно знакомился съ отцами болѣе даровитыхъ учениковъ и уговаривалъ ихъ отправить сыновей своихъ въ университетъ, вызываясь самъ ѣхать съ ними въ Казань и быть тамъ при нихъ неотлучно до поступленія въ студенты. Мы очень обязаны А. И. Савельеву. Это былъ первый настоящій нашъ учитель; онъ первый показалъ намъ, что между учителемъ и ученикомъ могутъ существовать иныя болѣе человѣческія отношенія, чѣмъ грубыя, сопровождаемыя площадными ругательствами, розгами, потасовками, да карцеромъ, — отношенія прежнихъ нашихъ наставниковъ. Особенно люты были учителя изъ духовнаго званія; они же были и самые безтолковые.

«Другой новый учитель, Кученевъ, быть можетъ, и самъ того не подозрѣвая, открылъ намъ новый міръ—міръ природы. Правда, и до него мы учились ботаникѣ, но это изученіе ограничивалось заучиваніемъ въ долбяжку системы Линнея, причемъ не было показано намъ ни одного живого растенія, ни одного рисунка, чтобы могли мы понять различіе между мо-

Digitized by Google

ногаміею и криптогаміею. Учились мы и минералогіи, долбили по системѣ Гаю сотни названій никогда невиданныхъ нами камней, удѣльный вѣсъ каждаго и даже химическій составъ ихъ, а что за звѣрь такой химія, того и во снѣ намъ не грезилось. У Кученева учились мы зоологіи по Блуменбаху. Вѣроятно, скучая классными занятіями, нашъ учитель заставлялъ одного изъ насъ читать Бюффона, а прочимъ слушать, самъ же, ходя по классу взадъ и впередъ, разсуждалъ о благосостояніи Европы. Шалить и рѣзвиться въ присутствіи его мы не смѣли, а потому волею-неволею стали мы слушать Бюффона, стали слушать и заслушались. Новый міръ, міръ жизни, предсталъ передъ нами; пытливый умъ мальчиковъ началъ работать; посыпались вопросы къ учителю. Онъ сначала неохотно и даже грубо отвѣчалъ намъ, но, впрочемъ, замѣтивъ, какъ сильно развивается въ насъ понятливость и любознательность, перемѣнилъ тонъ и живымъ языкомъ заговорилъ съ нами объ изученіи природы, о жизни животныхъ и растеній. Чтеніе Бюффона, разсматриваніе иллюминованныхъ изображеній разныхъ животныхъ, сдѣлалось любимымъ нашимъ занятіемъ. Настало лѣто; по садамъ началась ловля гусеницъ, разныхъ букашекъ и бабочекъ; на Волгѣ по вечерамъ уженье рыбы; у Чернаго Пруда, тогда еще не совсѣмъ превращеннаго въ городской садъ, и въ Грузинскомъ саду—ловля лягушекъ. И всякая добыча разсматривалась и анатомировалась съ Блуменбахомъ въ рукахъ. Я усердно и съ любовью занимался зоологіею, но, дойдя до рыбъ, спутался въ ихъ классификаціи, а въ насѣкомыхъ и подавно. Несмотря на то, и я, и товарищи мои хотѣли непремѣнно и въ университетѣ продолжать занятія естественными науками, но, къ сожалѣнію, тогда еще не было особеннаго естественнаго факультета, и науки, входившія въ составъ

Digitized by Google

его, преподавались въ математическомъ факультетѣ, куда поступить намъ было невозможно, потому что рѣдкій изъ насъ смыслилъ изъ математики что-нибудь, кромѣ четырехъ ариѳметическихъ правилъ, пиѳагоровой теоремы, да уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

«Третій новый учитель былъ шевалье Делассеръ, старый эмигрантъ, съ крестомъ св. Людовика въ петличкѣ. Прежде училъ насъ по-французски одинъ изъ остатковъ великой арміи. У него также была красненькая ленточка Почетнаго Легіона, но онъ ее носилъ только въ карманѣ. Неловко же было, въ самомъ дѣлѣ, учителю русской гимназіи носить крестъ, полученный за разгромъ Смоленска. Онъ очень любилъ карточную игру и былъ мастеръ играть: не разъ случалось, что ученикъ отвѣчаетъ урокъ, заглядывая, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, въ Ломондову грамматику, а кавалеръ Почетнаго Легіона преусердно мечетъ въ классѣ банкъ, отыскивая рутерку. Разумѣется, успѣхи учениковъ были не блистательны и кто не учился по-французски дома, тотъ имѣлъ такое произношеніе, которому могла позавидовать любая семинарія... Кавалеръ св. Людовика въ одинъ годъ сдѣлалъ для насъ гораздо болѣе, чѣмъ наполеоновскій соратникъ въ три года. Зато уже почти и не проходило ни одного класса, чтобы нашъ шевалье не ругнулъ хорошенько кавалера Почетнаго Легіона не за то, что онъ насъ ничему не выучилъ, а за то, что онъ, нося извѣстную фамилію, бывшую въ свойствѣ съ Монморанси и другими, унизился до того, что служилъ въ рядахъ узурпатора,—титулъ, которымъ приверженецъ Бурбоновъ постоянно величалъ Наполеона».

Въ іюлѣ 1834 года, П. И. Мельниковъ со своими товарищами выдержалъ выпускной экзаменъ въ нижегородской гимназіи. Публичный актъ происходилъ

Digitized by Google

въ залѣ дворянскаго собранія, потому что домъ гимназіи тогда развалился. Мельниковъ получилъ свой аттестатъ изъ рукъ прибывшаго на актъ гимназіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, тогда еще двад-

П. И. Мельниковъ въ 1872 году.
(Свѣтопись фотографическаго отдѣла Общ. Разв. Техн. Знаній)

ца и-двухъ-лѣтняго молодого человѣка. Всѣхъ окончившихъ курсъ въ гимназіи было двѣнадцать человѣкъ, изъ которыхъ пятеро отправилось доканчивать свое образованіе въ университеты: Двое: Мизко и Безсоновъ,

Digitized by Google

отправились въ Москву, а трое: Мельниковъ, Евдокимовъ и Мальчиковскій въ Казань. Имъ всѣмъ хотѣлось ѣхать въ Московскій университетъ, но для поступленія въ него по словесному факультету надобно было знать греческій языкъ, котораго тогда въ нижегородской гимназіи не преподавали. Мизко и Безсоновъ рѣшились пробыть годъ вольными слушателями, чтобы потомъ, научившись по-гречески, поступить въ студенты; остальные же трое не рѣшились ждать такъ долго и отправились въ Казань. Нижегородская гимназія, директоромъ которой въ 1834 году, и притомъ очень недурнымъ, былъ М. А. Никольскій, входила тогда въ составъ казанскаго учебнаго округа.

П. И. Мельникову очень желательно было поступить въ Московскій университетъ, но родители не пустили его туда. Незадолго передъ тѣмъ была извѣстная исторія со студентами въ Москвѣ, отъ которой пострадалъ тогда въ числѣ прочихъ и Герценъ, а потому нижегородскіе дворяне перестали отправлять своихъ сыновей въ Московскій университетъ. Все къ лучшему въ этомъ мірѣ. Если бы Мельниковъ отправился въ Москву, то навѣрное не былъ бы принятъ въ студенты. Не зная хорошо математики и имѣя нервное отвращеніе отъ мертвыхъ тѣлъ, онъ не могъ поступить ни на медицинскій, ни на математическій факультеты, а на юридическомъ надобно было быть своекоштнымъ, но у родителей его не было средствъ, чтобы содержать его въ чужомъ городѣ. Средства ихъ были ограничены, даже скудны. Оставался факультетъ словесный, къ которому Мельниковъ стремился, но, какъ уже сказано, греческій языкъ, введенный во всѣхъ гимназіяхъ московскаго округа, въ нижегородской гимназіи не преподавался. Поэтому Мельниковъ не выдержалъ бы экзамена въ студенты. Мизко и Безсоновъ, бывшіе старше его и учившіеся лучше его, провали-

Digitized by Google

лись на экзаменѣ въ Московскомъ университетѣ, цѣлый годъ послѣ того вновь приготовлялись ко вступительному экзамену одинъ по юридическому, а другой по математическому факультету, оставивъ попеченіе о греческомъ языкѣ.

Къ Мельникову, Евдокимову и Мальчиковскому присоединился и Василій Павловичъ Васильевъ (нынѣ заслуженный профессоръ китайскаго языка въ петербургскомъ университетѣ), бывшій другомъ П. И. Мельникова съ десятилѣтняго возраста. Крупенину, окончившему гимназическій курсъ вмѣстѣ съ Мельниковымъ, нельзя было ѣхать въ университетъ, потому что ему не было еще 15-ти лѣтъ. Онъ поступилъ въ университетъ въ 1835 году. Васильевъ успѣлъ окончить гимназическій курсъ 13-ти лѣтъ отъ роду, такъ что онъ два года дожидался срока, когда ему можно будетъ поступить въ университетъ. Правило о пріемѣ въ студенты не ранѣе 16-ти лѣтъ не очень строго соблюдалось въ тѣ времена, особенно относительно хорошо выдерживавшихъ вступительный экзаменъ. Преемникъ Магницкаго, попечитель казанскаго учебнаго округа, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, говаривалъ: «Государь послалъ меня сюда (въ Казань) не разгонять студентовъ (какъ дѣлалъ Магницкій), а собирать ихъ»; но, все-таки, тринадцатилѣтнему мальчику нельзя было надѣяться поступить въ университетъ.

Начало пріемныхъ экзаменовъ въ Казанскомъ университетѣ въ 1834 году назначено было 15 августа. Времени оставалось еще довольно, и Мельниковъ поѣхалъ въ Семеновъ проститься съ больною матерью, нѣжно его любившею.

Digitized by Google

III.

Первое путешествіе Мельникова по Волгѣ.—Пріѣздъ въ Казань.

Учитель русской словесности, Александръ Васильевичъ Савельевъ, сдержалъ слово и поѣхалъ вмѣстѣ съ юношами въ Казань. Онъ отправлялся туда къ учебному начальству по какому-то дѣлу. Тогда лучшимъ путемъ для переѣзда изъ Нижняго въ Казань, какъ и нынѣ, считалась матушка-Волга. На сдаточныхъ перекладныхъ ѣхать было безпокойно и небезопасно. Троичные извозчики нанимались тогда верстъ на полтораста и болѣе, изъ Нижняго, напримѣръ, до Иваньковскаго перевоза черезъ Суру, въ Ядринскомъ уѣздѣ, или до Козьмодемьянска. Первый извозчикъ, проѣхавъ станцію верстъ въ сорокъ, пятьдесятъ, сдавалъ сѣдоковъ другому, или какъ говорили тогда, «продавалъ ихъ», этотъ сдавалъ третьему и т. д. Условившись, напримѣръ, за 25 рублей провезти 150 верстъ, онъ, отъѣхавъ верстъ 50, получалъ 15 рублей, и за 10 рублей передавалъ другому, который везъ тѣ же 40 или 50 верстъ и получалъ за то 10 или 12 рублей, а затѣмъ слѣдовали станціи уже болѣе короткія, верстъ по 15 и по 20, и за каждую платилось менѣе и менѣе, такъ что послѣднему троичнику, провезшему верстъ двадцать, доводилось получать рубль или полтора. Чуваши, черемисы всегда честно доставляли сѣдоковъ до мѣста, хотя бы имъ за послѣднюю станцію приходилось получать и нѣсколько гривенъ мѣдью, но съ нашими единоплеменниками иной разъ бывало не то. Пріѣдутъ на станцію отпрягутъ лошадей и разбѣгутся, такъ что хоть пѣшкомъ ступай.

Въ то время, между Нижнимъ и Астраханью, ходилъ только одинъ пароходъ, въ 60 силъ, Евреинова.

Digitized by Google

Онъ ходилъ черепашьимъ шагомъ, стаивалъ на меляхъ по недѣлѣ и болѣе и перевозилъ только кладь. Пассажирами на немъ были «находившіеся при клади». Буксирныхъ пароходовъ не было на Волгѣ. Всѣ подобныя попытки оказывались неудачными, потому что пароходы не могли идти съ судами противъ теченія. Причина тому заключалась въ слабосильности сооружаемыхъ пароходовъ, но на Волгѣ сложилось убѣжденіе, что «вода въ ней слишкомъ густа для пароходовъ». Нелѣпость подобнаго мнѣнія доказана была осязательно пароходомъ «Волга», пущеннымъ въ ходъ, въ 1846 году, учредившимся акціонернымъ «обществомъ пароходства по Волгѣ».

На пароходъ поэтому разсчитывать было нельзя въ 1834 году, а потому молодежь отправилась въ Казань на крытомъ дощаникѣ, или большой лодкѣ, который путь туда изъ Нижняго совершалъ въ трое сутокъ.

«Погода стояла прекрасная;—пишетъ П. И. Мельниковъ, описывая свой переѣздъ въ Казань:—солнце палило, когда мы спускались по Коровьему взвозу на берегъ Волги, гдѣ подъ Пятницею [1]) стоялъ нашъ дощанникъ. Сильно было нетѣрпѣніе наше; хотѣлось сейчасъ же ѣхать, чтобы взглянуть на невиданныя еще мѣста Приволжья. Это я говорю про себя. Товарищей моихъ провожали родные; имъ, конечно, хотѣлось отдалить хотя сколько-нибудь минуту разлуки, но у меня родныхъ не было въ Нижнемъ; я уже простился съ ними въ Семеновѣ. Сидя въ кормѣ дощаника, зорко смотрѣлъ я на знакомый плескъ Волги и думалъ, что-то будетъ тамъ, за поворотомъ, у Печерскаго монастыря, какія-то тамъ будутъ мѣста, какая-то тамъ будетъ Волга. Рисовалась въ моемъ воображеніи далекая и

[1]) Ни Коровьяго взвоза, ни церкви Пятницы, нынѣ не существуетъ. На этомъ мѣстѣ устроенъ съѣздъ и разбитъ великолѣпный Волжскій садъ

Digitized by Google

еще незнакомая Казань, съ университетомъ въ серединѣ, съ мечетями вокругъ него, съ дворцами и башнями мавританской архитектуры. Столицу татарскаго царства я воображалъ Альгамброю, населялъ ее мысленно только студентами да татарами, и никакъ не могъ себѣ представить, что это такой же губернскій городъ, какъ и Нижній, только побольше.

«А дощаникъ все не отчаливаетъ; то лодочники за харчами на базаръ пойдутъ да въ кабакѣ пропадутъ, то кормщикъ съ кумою проститься сбѣгаетъ на минуточку, которая бываетъ въ добрый часъ. Вотъ раздался на горѣ и подъ горою гулъ колоколовъ съ пятидесяти колоколенъ; вотъ и вечерня кончилась; на плотахъ рыбаки стали уже расправлять невода, чтобы закинуть ихъ ночью, когда стихаетъ шумъ и гамъ на Волгѣ—а дощаникъ все у пристани. Уже солнце сѣло за низменный долъ Балахонскаго Приволжья, а на лѣвомъ, боровскомъ, берегу Волги, на перевозѣ и рыбачьихъ стоянкахъ замелькали огоньки; уже все стихло вокругъ и сталъ слышенъ глухой шумъ отъ берега. Дощаникъ поворотилъ носомъ къ низу рѣки.

«— Молись Богу, православные!—громче прежняго крикнулъ, снимая шапку, кормчій. Бурлаки покинули весла, и мы всѣ, бывшіе на дощаникѣ, снявъ шапки, стали креститься. Крестились и насъ крестили издали оставшіеся на берегу родные и знакомые.

«Мѣрно раздавались въ вечерней тиши всплески воды подъ веслами дружно работавшихъ лодочниковъ. Всѣ молчали. Какъ ни заманчива была будущность, какъ ни хотѣлось намъ извѣдать неизвѣданнаго, посмотрѣть на новыя мѣста и на людей невиданныхъ, а все-таки грустно было разставаться съ роднымъ городомъ. Вотъ и кремль сгинулъ съ глазъ нашихъ и незатѣйливыя строенія Пятницкаго конца (сломаннаго въ 1837 году), и только бѣлая, высокая церковь св. Георгія

Digitized by Google

высилась на углу крутого сорокосаженнаго утеса. Но вотъ и она скрылась изъ глазъ; вотъ и знакомый древній Печерскій монастырь скрылся и Подновье. Прощай Нижній!

«Когда скрылись и Печера, и Подновье, мы, оторванные отъ родного города, разомъ всѣ заговорили, разумѣется, о Казани. Александръ Васильевичъ Савельевъ сталъ намъ говорить про студенческую жизнь, и въ рѣчахъ его уже звучалъ голосъ товарища, а не буки-учителя, какимъ, впрочимъ, онъ не былъ. Много говорилъ онъ намъ о союзѣ молодой дружбы, которая на скамьяхъ университета и важнаго аристократа, и сына ремесленника, и поповича, и мѣщанина соединяетъ въ одно неразрывное братство. Много онъ говорилъ намъ, какъ полезно это братство для будущей жизни, когда, скинувъ студенческій мундиръ, станемъ мы лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Жадно ловили мы слова Александра Васильевича, конечно не совсѣмъ ясно понимая ихъ, и сразу выучили наизусть, со словъ его, «Gaudeamus igitur». Были уже глухія сумерки, когда плылъ нашъ дощаникъ мимо Великаго Врага, одного изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Приволжья. Дружный хоръ молодежи раздался тогда на тихой Волгѣ:

Vivat universitas!
Vivant professores!
Vivat nostra civitas!
Et qui illam regit!

«Радостно вторилъ намъ А. В. Савельевъ.

«— Вотъ,—говорилъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:—вотъ какая пѣснь раздается теперь на Волгѣ! Въ первый разъ раздается она здѣсь, потому что сихъ поръ мало нижегородцевъ ѣздило въ казанскій университетъ, а если и ѣздили, такъ все одиночками. Вотъ какую пѣснь поютъ теперь на Волгѣ въ тѣхъ мѣ-

Digitized by Google

стахъ, гдѣ рядомъ стоятъ «Слопинецъ и Татинецъ, всѣмъ разбойникамъ кормилецъ»... А прежде пѣвали здѣсь буйныя свои пѣсни волжскіе разбойники, да «сарынь на кичку» кричали. Вотъ что значитъ просвѣщеніе-то! Давай Господи, давай Господи!

«Въ ознаменованіе братства и на животъ, и на смерть, на первый разъ порѣшили мы собрать во едино наши харчи и жить на дощаникѣ артелью. Но Евдокимовъ, у котораго было всякихъ припасовъ столько, что ихъ хватило бы и до Саратова, на это не согласился. Это значитъ—и жить и умереть вмѣстѣ, а ѣсть, пить врозь. И былъ же наказанъ онъ. Время стояло жаркое: гнили его рябчики, куры и яйца и бросилъ онъ, сердечный, подъ Чебоксарами все свое хозяйство въ воду. Васильевъ года два донималъ его этими рябчиками; все бывало спрашиваетъ: «А не попортились ли куры твои, Евдокимовъ?» Впрочемъ, этотъ случай не безъ пользы былъ для Евдокимова; онъ впослѣдствіи сдѣлался прекраснымъ товарищемъ.

«Ни Слопинца, ни Татинца мы не видали — проспали. А какъ сладко спалось въ свѣжую августовскую ночь на дощаникѣ, плывшемъ по соннымъ струямъ Волги, при мѣрныхъ всплескахъ веселъ, при полувнятной пѣснѣ лодочниковъ. Мы проснулись у Макарьева монастыря. Было раннее утро; туманъ еще не совсѣмъ сошелъ съ поверхности Волги, и мы едва могли разглядѣть богатое Лысково, раскинувшееся на горахъ, по правому берегу рѣки, за островами, поросшими тальникомъ. Ближе къ полугорѣ виднѣлись Исады съ яблочными садами, которые будто полѣзли въ гору. Въ Макарьевскомъ монастырѣ благовѣстили къ заутренѣ, и яркій звонъ колокола разносился по волжской водной равнинѣ. Что за мѣста, что за виды! И съ каждымъ новымъ плескомъ Волги, новые да новые виды, и все лучше, все живописнѣе!

Digitized by Google

«Къ ночи были мы верстахъ въ полутора отъ Козьмодемьянска. Не знаю почему, лодочники, не дойдя до города, сдѣлали здѣсь привалъ. Тихій вечеръ догоралъ; опаловый отблескъ покрывалъ поверхность рѣки; кое-гдѣ вспыхивали звѣздочки; издали неслась бурлацкая пѣсня съ ходовой расшивы. Мы вышли на берегъ и купили у рыбаковъ превосходныхъ стерлядей; хотя за нихъ заплатили мы только полтину серебра, но это была такая рыба, что хотя бы на царскій столъ. Взяли у лодочниковъ походный котелокъ, разложили на берегу огонь и, усѣвшись вокругъ него на сырой осокѣ, принялись за стряпню... Много разъ послѣ этого ѣдалъ я стерляжью уху и на годовыхъ обѣдахъ дворянскаго клуба въ Нижнемъ, и за столомъ откупщиковъ, и на великолѣпныхъ купеческихъ обѣдахъ на нижегородской ярмаркѣ, ѣдалъ сурскихъ стерлядей въ Василѣ, сылвенскихъ въ Кунгурѣ, шехонскихъ, донскихъ, камскихъ, но никакая уха, изготовленная знаменитымъ поваромъ, сваренная на шампанскомъ, поставленная на роскошно сервированномъ столѣ, не казалась мнѣ такъ вкусною, какъ наша козьмодемьянская, сваренная въ бурлацкомъ котелкѣ. И какая чудная ночь накрывала въ это время поднебесье: звѣзды чаще и чаще загорались на темносинемъ небѣ и красный мѣсяцъ выкатывался изъ-за горы. Волга тиха; не шелохнется ея стеклянная поверхность; какъ вороново крыло, почернѣла она, а два мерцавшіе вдали рыбачьи огонька показывали, гдѣ лѣвый берегъ, уже, давно потонувшій во мракѣ. Вскорѣ мѣсяцъ серебромъ разсыпался по Волгѣ, мы поплыли дальше, и отдохнувшіе лодочники дружно подхватили удалую волжскую пѣсню:

«Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Надъ дубравою взойди, надъ зеленою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ—сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ—людей бѣглыхъ.

Digitized by Google

Мы не воры вѣдь: не воры, разбойнички,
Стеньки Разина мы вольные разботнички,..

«Такъ плыли мы три дня и три ночи, коротая время въ оживленныхъ разговорахъ или слушая бурлацкія пѣсни про Стеньку Разина и про волжскихъ разбойниковъ. Давно уже и въ поминѣ не было этихъ удальцовъ, что однимъ крикомъ «сарынь на кичку» останавливали цѣлые караваны судовъ и, спокойно проходя между рядовъ улегшихся ничкомъ бурлаковъ, дочиста опоражнивали хозяйскіе сундуки; давно не слыхать про волжскихъ разбойниковъ, но преданія о нихъ были еще живы. Словоохотливый, бывалый лоцманъ нашего дощаника разсказывалъ намъ преданіе за преданьемъ, указывая на самыя мѣста разбойничьихъ подвиговъ.

— «Вотъ села Татинецъ да Слопинецъ», говорилъ лоцманъ, «всѣмъ ворамъ кормилецъ». Показалось устье какой-то рѣки, выпавшей съ лугового, лѣсистаго берега. «Это рѣчка быстрая, омутистая, зовутъ Керженкой», продолжалъ лоцманъ: «притонъ разинцевъ и и послѣ нихъ волжскихъ разбойниковъ. Тамъ, на пустынныхъ берегахъ этой рѣки, они дуванъ дуванили и строили теплыя зимницы, чтобы пробиться въ нихъ до весны, когда вновь придетъ пора разгуливать въ косныхъ лодкахъ по широкому раздолью Волги. Вотъ села Юркино и Лысково, часто поминаемыя въ разинскихъ и разбойничьихъ пѣсняхъ. Вотъ село Фокино, прозванное по имени разбойника Фоки, слывшаго колдуномъ и сбиравшаго подать со всѣхъ мимо него проходившихъ судовъ. Вотъ за Сурою, на высокой горѣ, узкое ущелье; тамъ жилъ знаменитый разбойникъ Галагай, который на своемъ кафтанѣ плавалъ по Волгѣ, какъ въ лодкѣ, и, сказавъ тайное слово, вѣщьбу, обратилъ свою рукавицу въ птицу, и перелеталъ на ней съ одного берега на другой, а размахнувъ передъ собою кушакомъ, усыплялъ цѣлые полки

Digitized by Google

царской рати и отбиралъ у сонныхъ ратниковъ ихъ оружіе». Разсказывалъ разговорчивый лоцманъ и про русскаго князя-мурзу, что въ дни стародавніе разселилъ русскій народъ по пустыннымъ дотолѣ берегамъ Волги. «Плылъ князь-мурза внизъ по рѣкѣ на камешкѣ, въ одной рукѣ держалъ ведро привезенной изъ Руси земли, а другою бросалъ ту землю по берегамъ Волги. И гдѣ броситъ горсточку, тамъ городъ является, гдѣ броситъ щепоточку, тамъ выростаетъ селеніе».

«Въ половинѣ четвертаго дня мы подплывали къ деревнѣ Морквишамъ, расположенной у подножья высокой, крутой горы, стоящей надъ рѣкою почти отвѣсно.

«— Вотъ и Казань! сказалъ нашъ разговорчивый лоцманъ, указывая рукою вдаль, на правую сторону.

«На краю небосклона синеватою пеленою широко разстилалась какая-то мгла, и среди нея бѣлѣлось множество какихъ-то зданій. Были ли то дома, церкви, башни, разглядѣть было еще невозможно. Быстро несется нашъ дощаникъ по всплескамъ воды, дуетъ вѣтеръ попутный, но намъ не терпится, не сидится. Новость мѣста, новость жизни, новость занятій—такъ бы и перелетѣлъ туда птицею... Эхъ, какъ бы знать да вѣдать тайное слово, чародѣйную вѣщьбу Галагая-разбойника.

«Ближе и ближе подплываемъ къ Бакалдинской пристани. Зданія обрисовываются и представляются напряженному взору яснѣе. Тотъ же нашъ пріятель-лоцманъ сталъ намъ указывать и разсказывать,

«— Вонъ тамъ, лѣвѣе-то, гляди — это Кремль, а вишь красную башню съ золотымъ шаромъ, татарская царица ее ставила, когда Казань еще за татарами была, а теперь ихъ за край города выселили: гляди налѣво, вишь татарскія слободы, вишь сколько у нихъ тамъ мечетей наставлено.

Digitized by Google

«Дощаникъ отъ услонскаго берега круто поворотилъ къ Бакалдѣ. Казань стала передъ нами, какъ на ладони.

«— Гдѣ универстетъ? Гдѣ университетъ?—въ одинъ голосъ спросили мы Александра Васильевича Савельева.

— «Вонъ, направо отъ тѣхъ башенъ, видите на горѣ бѣлое зданіе? Это университетъ.

«Мы невольно сняли фуражки. Я всегда былъ нервнымъ мальчикомъ: у меня слезы выступили на глазахъ; съ каждымъ взмахомъ веселъ яснѣе и яснѣе представлялись глазамъ нашимъ университетскія зданія. Будто растутъ, будто ширятся, будто простираютъ они къ намъ материнскія объятія, и что-то вѣщее запѣло духовнымъ ушамъ моимъ: «Сюда, сюда! здѣсь просвѣщеніе, здѣсь благо!»

«Лишь только привалили мы къ Бакалдѣ, пристани въ шести верстахъ отъ Казани, какъ наша волжская «civitas» разрознилась. Мальчиковскій ѣхалъ въ Казань къ своимъ роднымъ, Евдокимовъ къ знакомымъ, а у насъ съ Васильевымъ не было въ Казани ни родныхъ, ни знакомыхъ. Когда мы плыли Волгою, ни на одну минуту мнѣ и Васильеву въ голову даже не приходило, гдѣ мы будемъ жить до поступленія въ студенты; только на Бакалдѣ пришло это намъ въ голову.

— «Александръ Васильевичъ, куда же намъ ѣхать?» —заразъ спросили мы своего учителя словесности.

«Александръ Васильевичъ Савельевъ и самъ сначала немного призадумался, но тотчасъ же и самъ вышелъ, и насъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія,

«— Въ гостиницу съ собою я васъ не возьму,— сказалъ онъ:—это не идетъ, вы еще молоды. А пойдемте-ка мы съ вами прямо въ университетъ, тамъ у меня есть старинный пріятель, Алексѣй Ивановичъ Теласковъ; человѣкъ онъ семейный, живетъ на казенной квартирѣ, человѣкъ добрый, хорошій; жена его барыня добрая; она будетъ за вами, какъ за своими

Digitized by Google

дѣтьми, смотрѣть. Я увѣренъ, что онъ приметъ васъ на хлѣба».

«Взяли мы извозчиковъ и поѣхали къ Теласкову, служившему въ правленіи университета и бывшему послѣ того казначеемъ. Онъ принялъ насъ съ Васильевымъ радушно, и мы такимъ образомъ неждано, негадано нашли себѣ пріютъ въ университетѣ. Это насъ пріободрило, потому что обоимъ намъ было невступно по 15 лѣтъ

IV.

Пріемный экзаменъ.—Профессора.—Пребываніе въ университетѣ. — Памятники Магницкаго.—Буряты въ университетѣ.—Лама Минитуевъ.—Императоръ Николай I въ университетѣ.—Выпускной актъ.

«Дня черезъ два послѣ нашего пріѣзда въ Казань—пишетъ П. И. Мельниковъ:—начались пріемные экзамены въ тамошнемъ университетѣ. Я и Васильевъ подали ректору Лобачевскому просьбы, представили свои документы и не безъ радости вступили въ залу совѣта, гдѣ профессора экзаменовали желавшихъ поступить въ университетъ. Все лица новыя, незнакомыя; изъ нихъ одинъ только Гр. Б. Никольскій, незадолго передъ тѣмъ ревизовавшій нижегородскую гимназію, былъ немножко знакомъ. Онъ экзаменовалъ изъ страшной для насъ математики. Старикъ Никольскій спрашивалъ безъ билетовъ; многіе уже у него срѣзались окончательно. Онъ наводилъ страхъ и ужасъ. Каково же было намъ, вовсе не знавшимъ математики? Самъ не понимаю, какимъ образомъ случилось, что, когда я подошелъ къ Никольскому, онъ тотчасъ же спросилъ меня:

«—А знаешь ли ты, государикъ мой, Пиѳагоровы штаны?

Digitized by Google

«Я схватилъ мѣлъ и бойко разрѣшилъ Пиѳагорову теорему.

«— Хорошо,—сказалъ Никольскій:—а ну-ка, государикъ мой, уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ?

«И это дѣло знакомое: уравненіе сошло съ рукъ недурно. Тутъ Никольскій спросилъ меня что-то изъ тригонометріи, и я сталъ въ пень. Онъ еще что-то такое спросилъ, но отъ меня ни гласу, ни послушанія.

«— А по какому ты факультету думаешь идти, государикъ мой?

«Я отвѣчалъ, что по словесному.

«— Ну, коли по словесному, такъ будетъ съ тебя!— сказалъ Никольскій, справился въ бумагахъ и, увидавъ, что я дѣйствительно желаю поступить по словесному факультету, поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

«Зато на экаменѣ изъ исторіи и географіи, которыми я съ ранней молодости любилъ особенно заниматься, я выдержалъ экзаменъ блистательно. Профессоръ Булыгинъ былъ въ восхищеніи отъ моихъ отвѣтовъ и сталъ задавать вопросы все труднѣе и труднѣе. Я кое-какъ отвѣчалъ, но наконецъ задалъ молчка, когда онъ спросилъ меня, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ Несторъ свою лѣтопись. Булыгинъ какъ будто обрадовался, что вотъ сбилъ же таки меня, поглядѣлъ немножко на меня, потомъ справился въ экзаменаціонномъ спискѣ и поздравилъ меня студентомъ, сказавъ:

«— А объ Несторѣ и его источникахъ вы узнаете на второмъ курсѣ.

«Это былъ послѣдній мой экзаменъ. Возвратясь къ Теласкову, я сейчасъ же взялся за перо и написалъ письмо къ отцу и матери, увѣдомляя ихъ о радостномъ событіи, а потомъ пошелъ къ портному заказывать студентское платье.

«У Васильева экзаменъ сошелъ хорошо. Попечитель

Digitized by Google

Мусинъ-Пушкинъ каждый день бывалъ на пріемныхъ экзаменахъ съ начала до конца. Всѣ были испытаны на его глазахъ. Отвѣты Васильева до того ему понравились, что онъ распорядился о пріемѣ его въ казеннокоштные студенты и тутъ же предложилъ ему учиться по-монгольски, обѣщая, что если онъ хорошо окончитъ курсъ, то его пошлютъ въ Китай для изученія тамошняго языка и литературы, а потомъ дадутъ каѳедру китайскаго языка, которой въ то время въ Россіи еще не было. Такъ все и вышло.

«Дней черезъ пять послѣ экзамена у Булыгина я уже щеголялъ въ вицъ-мундирѣ съ синимъ воротникомъ. Получалъ я послѣ и чины, и кресты, и перстни, и денежныя награды, но не было никакого сравненія съ тою радостію, съ тѣмъ восторгомъ, который я чувствовалъ, надѣвши студентскій вицъ-мундиръ и прицѣпивъ съ боку шпагу. И всѣ бывшіе студенты единогласно говорятъ то же самое. Иначе и быть не можетъ: это переходъ изъ дѣтства въ возрастъ юности; это первый шагъ человѣка въ жизни, первый самостоятельный шагъ. Тутъ въ первый разъ возникаетъ въ бывшемъ дотолѣ ребенкѣ сознаніе собственнаго достоинства, сознаніе независимости и самобытности. Дѣлаешься человѣкомъ, а вѣдь достоинство человѣка выше всякихъ чиновъ и титуловъ.

«Ногъ подъ собою не слыхалъ я. Идешь бывало по улицѣ въ новенькомъ съ иголочки вицъ-мундирѣ, гордо посматриваешь по сторонамъ; всѣ проходящіе будто смотрятъ на тебя съ уваженіемъ, удивляются и только что пальцами не показываютъ: вонъ, дескать, идетъ новый студентъ. Мы съ Васильевымъ въ три, четыре дня облетали всю Казань, вездѣ хотѣлось побывать, людей посмотрѣть, себя показать. И въ Казанскомъ монастырѣ у обѣдни, и на Черномъ озерѣ, и въ Цейцаріи, и даже въ Татарской слободѣ — вездѣ

Digitized by Google

мы перебывали, все осмотрѣли, со всѣмъ ознакомились.

«Но вотъ наступило 1-е сентября. На лекціи, на лекціи! Съ замираніемъ сердца, съ внутреннимъ трепетомъ подходилъ я въ первый разъ къ аудиторіи съ тетрадью чистой бумаги въ рукахъ, на которой хотѣлъ записывать первую лекцію психологіи. Вхожу, сажусь: профессора еще нѣтъ; въ нетерпѣніи я считаю, пересчитываю минуты, скоро ли, скоро ли? Виноградскій [1]), подлѣ котораго я сѣлъ, студентъ уже опытный, успѣвшій разузнать всѣ университетскіе порядки, съ усмѣшкою спросилъ меня:

«— Зачѣмъ это ты притащилъ тетрадь-то?

«— Какъ зачѣмъ? Лекціи записывать.

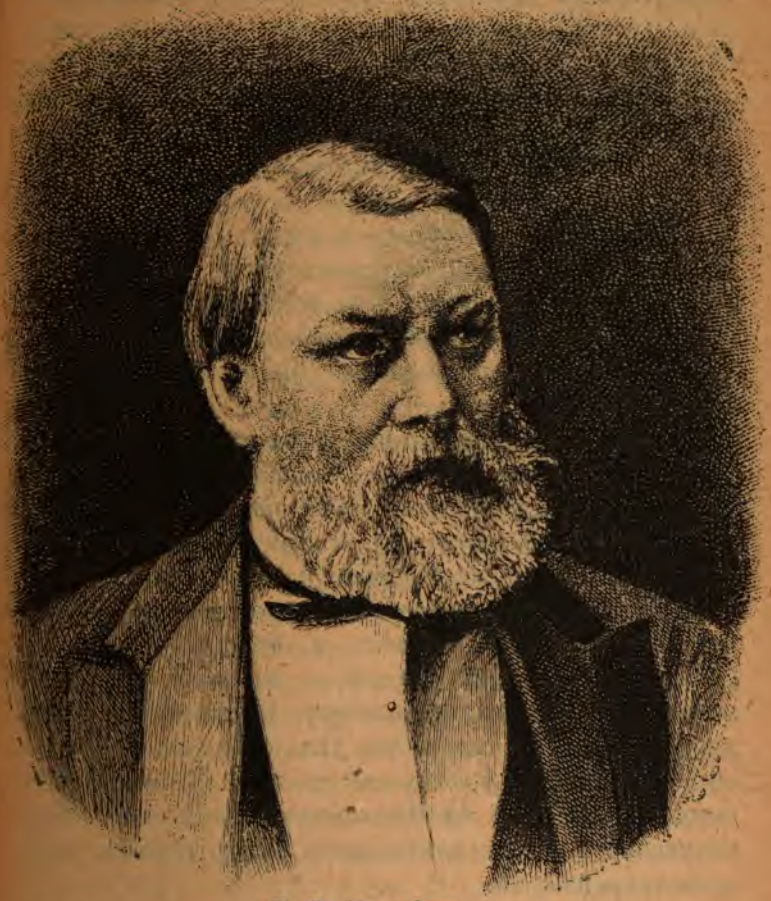
«Виноградскій захохоталъ и обратился ко всѣмъ студентамъ, указывая на меня: «Господа, посмотрите-ка. Мельниковъ хочетъ лекціи психологіи записывать». Всѣ, глядя на меня, засмѣялись. Я сконфузился, не могъ ни слова отвѣчать и думалъ про себя: что же это такое значитъ? чему они смѣются? Но вотъ дверь отворяется, является адъюнктъ и, ходя взадъ и впередъ по аудиторіи, читаетъ лекцію: «Психологія, психологія. Психологія, говорю я! Слышите ли? Психологія. Психологія есть наука. Наука о душѣ человѣческой». И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Оказалось, что Виноградскій былъ правъ. Записывать лекціи этого адъюнкта дѣйствительно не стоило; надобно было просто на просто списать курсъ психологіи, который съ незапамятныхъ временъ адъюнктъ-профессоръ читалъ своимъ слушателямъ, не измѣняя ни одной іоты. Звонитъ солдатъ, татаринъ Халитъ, ходя по корридору. Лекція окончилась. Идемъ въ другую аудиторію — учиться языку

---

[1]) Афиногенъ Васильевичъ, впослѣдствіи олонецкій и костромской вице-губернаторъ.

Digitized by Google

божественной Эллады. И начинаешь: «Альфа, вита, гамма, дельта». Лекціи въ двѣ мы, однако, выучились читать и принялись за склоненія Придетъ, бывало,



П. И. Мельниковъ.
(Съ портрета, рисованнаго его сыномъ и гравированнаго Паннемакеромъ).

профессоръ Грацинскій, начнетъ спрашивать уроки, заставитъ писать склоненія на доскѣ. Та же гимназія, но что же дѣлать? Не зная вовсе греческаго языка,

Digitized by Google

необходимо было начинать съ азбуки. Тихи, чинны, монотонны были эти лекціи. Я помню только одинъ случай, когда на лекціи Грацинскаго нарушена была усыпительная монотонность. Спросилъ профессоръ одного, другого, третьяго склоненіе какого-то слова и тѣмъ же гробовымъ тономъ, какимъ называлъ фамиліи студентовъ, сталъ задавать урокъ къ слѣдующей лекціи:

«— βασιλεὺς — царь, сказалъ онъ.

«— Боленъ! — хоромъ отвѣчали мы въ тотъ же тонъ.

«Профессоръ засмѣялся и мы также, разумѣется. Дѣло въ томъ, что между нами былъ студентъ Василій Аристовъ, котораго тогда не было на лекціи и мы, полагая, что Грацинскій хочетъ спрашивать у него урокъ, поспѣшили увѣдомить профессора, что Аристовъ боленъ.

«Послѣ лекціи эллинской азбуки, пошли мы въ аудиторію адъюнктъ-профессора, издававшаго тогда въ Казани «Заволжскій Муравей». Онъ читалъ теорію краснорѣчія. По первымъ же его словамъ мы замѣтили, что его лекціи тотъ же Кошанскій. Признаюсь, первый учебный день въ университетѣ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; не того я ожидалъ, не того я искалъ. По окончаніи лекцій, я получилъ приказаніе немедленно явиться къ ректору. Призывъ къ ректору много у насъ значилъ. Онъ дѣлался не иначе, какъ по особому важному какому-нибудь дѣлу. Иное дѣло, какъ позовутъ студента на Проломную улицу, т. е. къ попечителю. Туда студентъ идетъ безъ страха, оттуда какъ встрепанный.

«— Ну, что? — спросятъ товарищи.

«— Да ничего.

«— Въ карцеръ, что ли?

«— Нѣтъ, не посадилъ.

«— А шибко зѣвалъ?

Digitized by Google

«— Какъ водится.

«— И пѣна у рта.

«— И пѣна у рта.

«И затѣмъ какъ съ гуся вода. Но ректоръ, ректоръ — это другое дѣло. Къ достоинству ректора и власти его студенты имѣли благоговѣйное уваженіе. Кому ректоръ сдѣлаетъ замѣчаніе, лица, бывало, на томъ нѣтъ; ночи двѣ, бывало, не спитъ студентъ послѣ ректорскаго спокойнаго, холоднаго, безстрастнаго выговора. Надъ другими, бывало, и остришь, другихъ и на смѣхъ поднимаешь въ пріятельскомъ кружкѣ, но, сохрани Богъ, сказать неуважительное слово о ректорѣ — весь университетъ встанетъ на дерзкаго. Да и примѣровъ тому въ наше время не бывало. Слышали мы по преданію, что былъ когда-то такой случай, и что тогда студенты всѣхъ факультетовъ потребовали, чтобы студентъ, сказавшій дерзко о ректорѣ, вышелъ изъ университета, а не то плохо ему будетъ! Онъ долженъ былъ оставить университетъ, а начальство и не узнало о причинѣ его выхода.

«Такимъ же точно всеобщимъ уваженіемъ пользовался у насъ инспекторъ студентовъ, профессоръ Ѳедоръ Ивановичъ Эрдманъ. Онъ былъ профессоромъ арабской словесности, но, за неимѣніемъ профессора всеобщей исторіи, читалъ на первомъ курсѣ древнюю исторію, точно такъ же, какъ профессоръ словесности и эстетики, Суровцовъ, читалъ среднюю и новую исторіи студентамъ второго и третьяго курсовъ. Бывало, одного слова Эрдмана достаточно, чтобы сдѣлать изъ студента все, что ему нужно. И никогда при немъ не бы ю большихъ шалостей, ни какого-нибудь озорства: с денты боялись огорчить Ѳедора Ивановича. Но когда м то инспектора занялъ одинъ полковникъ изъ кадетс го корпуса, мигомъ все измѣнилось, и недѣли не п ходило, чтобы кто-нибудь не сотворилъ непрости-

Digitized by Google

тельной шалости. Ни карцеръ, ни арестъ въ казармѣ служителей, ни отдача въ солдаты, ничто не могло возстановить тишины и порядка, бывшихъ при Эрдманѣ.

«Надѣвъ мундиръ, шпагу, трехъ-уголку, я поспѣшилъ къ ректору. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ трепетомъ взбирался я на лѣстницу ректорскаго дома и входилъ въ залу. Черезъ минуту медленнымъ шагомъ выходитъ изъ кабинета Николай Ивановичъ Лобачевскій съ длинною трубкою, съ которою онъ дома не разставался.

«— Васъ нельзя принять въ университетъ!—сказалъ онъ. Духъ замеръ во мнѣ, слова не могу сказать, гляжу вопросительно на ректора.

«— Вамъ нѣтъ шестнадцати лѣтъ. Ну, да ужъ это наша бѣда!—продолжалъ ректоръ, немного помолчавъ:—Вы не виноваты, что мы не досмотрѣли вашихъ документовъ. Разъ принявши въ университетъ, не исключать же васъ безъ вины. Сходите къ профессору Булыгину, поблагодарите его; онъ въ совѣтѣ за васъ горою стоялъ.

«Восторгъ проникъ во весь составъ мой. Ни прежде, ни послѣ, я никогда такъ не радовался. Бѣгомъ выбѣжалъ я изъ ректорскаго дома, подхватилъ извозчика и прямо къ Булыгину. Онъ принялъ меня ласково, разспрашивалъ, какія книги читалъ я по русской исторіи и статистикѣ.

«— Вы еще, такъ сказать, черезъ годъ будете слушать у меня лекціи,—сказалъ на прощанье профессоръ:—но если у васъ будетъ время, читайте до тѣхъ поръ Эверса и Шлецера. Есть ли у васъ эти книги?

«Я отвѣчалъ, что нѣтъ, и профессоръ далъ мнѣ Шлецерова Нестора».

Мельниковъ поступилъ въ казанскій университетъ черезъ восемь лѣтъ послѣ Желтухинской ревизіи, вслѣд-

Digitized by Google

ствіе которой попечитель казанскаго округа, Магницкій, былъ отвезенъ съ жандармами изъ Казани въ Ревель. Того духа, что былъ внесенъ Магницкимъ въ университетъ, уже не было, но оставались еще нѣкоторые изъ профессоровъ, которыми онъ замѣнилъ изгнанныхъ имъ европейскихъ знаменитостей въ области науки, Литрова, Френа, Бартельса, Врангеля и друг. Разумѣется, преемники этихъ славныхъ ученыхъ, введенные въ университетъ Магницкимъ, не вели преподаванія въ его духѣ. Если бы Магницкій слышалъ то, что они говорили студентамъ съ каѳедры, и если бы не былъ лишенъ силы, онъ бы, конечно, поступилъ съ ними такъ же, какъ съ профессорами петербургскаго университета во время извѣстной исторіи. Что если бы Магницкій слышалъ, какъ взысканный имъ Булыгинъ, на лекціяхъ по русской исторіи, объяснялъ принятіе великимъ княземъ Владиміромъ христіанства политическими расчетами, внутренними и внѣшними. Что онъ сказалъ бы, если бы послушалъ отысканнаго имъ гдѣ-то Суровцова, когда онъ на своихъ лекціяхъ проводилъ студентамъ параллели одъ Горація и «Ars amandi» Овидія съ «Пѣснями Пѣсней» царя Соломона. Сергѣевъ, возведенный въ ординарные профессора Казанскаго университета изъ учителей петербургскаго благороднаго университетскаго пансіона, бывшій ближайшимъ наперсникомъ Магницкаго, преподавалъ естественное право по Шмальцу и говорилъ отъ себя о происхожденіи политической власти такъ, что у Магницкаго, сокрушившаго Куницына, конечно, волосы стали бы дыбомъ.

«Въ мое время въ университетѣ—сообщаетъ П. И. Ульниковъ:—сохранялись еще нѣкоторые вещественные памятники Магницкаго, но уже лежали въ кладовыхъ, со всякимъ хламомъ. Почти половина обширнаго университетскаго зданія, вѣроятно, по неискусству

Digitized by Google

архитектора, оставалась и теперь почти пустою. Въ ней было нѣсколько комнатъ и ни одного окна. Въ этихъ комнатахъ, называвшихся темненькими, стояли зимнія рамы, ломаная мебель и сундуки съ собственными вещами казеннокоштныхъ студентовъ. Тутъ же стояло десятка полтора старыхъ каѳедръ, устроенныхъ Магницкимъ. На каждой каѳедрѣ, на сторонѣ, обращенной къ слушателямъ, золотыми буквами сдѣланы были надписи съ изреченіями царя Соломона и апостола Павла: «Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеса повиннѣмъ грѣху. Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію по стихіямъ міра». Въ тѣхъ же темненькихъ комнатахъ находилась почти уже совершенно изорванная, огромная картина, писанная на холстѣ масляными красками кистью не весьма важнаго, кажется, художника. Картина эта изображала страшный судъ и болѣе двухъ третей ея занималъ адъ, въ которомъ представлены были разнообразныя мученія грѣшниковъ, все мужчинъ и все молодыхъ. Эта картина повѣшена была въ карцерѣ съ тою цѣлью, чтобы арестованные студенты, называвшіеся «грѣшниками» (за нихъ даже молились студенты на утренней и вечерней молитвѣ), созерцая ужасы преисподней, раскаивались въ своихъ проступкахъ. Самый карцеръ устроенъ былъ недалеко отъ церкви, подъ колокольней. Магницкій сдѣлалъ это для того, чтобы «грѣшники», лишенные слышанія церковной службы, слышали бы однако колокольный звонъ и были бы имъ побуждаемы къ раскаянію, послѣ котораго они переводились изъ разряда «грѣшниковъ» въ разрядъ «припадающихъ», которыхъ въ церковь не пускали, но позволяли только стоять на паперти съ тѣмъ, чтобы они, кланяясь низко каждому, входившему въ церковь студенту, просили его помолиться о немъ, грѣшномъ

Digitized by Google

Карцеръ и въ наше время остался въ томъ же мѣстѣ и выраженіе «колокола караулить» означило, на языкѣ студентовъ, сидѣть въ карцерѣ.

«Много въ наше время сохранилось преданій о Магницкомъ, стремившемся обратить университетъ въ монастырь; много было знакомыхъ, вышедшихъ въ его время изъ университета и получившихъ медали «за благонравіе и преклонность къ церкви». Но вотъ каковы были плоды отъ древа, насажденнаго Магницкимъ; всѣ до единаго, сколько я ни зналъ ихъ, были отъявленными безбожниками и при томъ циниками, либо спивались съ круга.

«Преемнику Магницкаго, Мусину-Пушкину, Казанскій университетъ много обязанъ. Онъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго управленія округомъ, возстановилъ университетъ и довелъ его до такого состоянія, въ какомъ онъ не бывалъ ни прежде, ни послѣ. Особенно хорошъ былъ факультетъ математическій, гдѣ всѣ профессоры были замѣчательные ученые, и надъ всѣми ними возвышались профессора: чистой математики Лобачевскій, астрономіи Симоновъ и химіи Зининъ. Въ медицинскомъ факультетѣ были также замѣчательные профессора, а въ нашемъ словесномъ факультетѣ замѣчательные профессора восточныхъ языковъ Казембекъ, Ковалевскій, Эрдманъ и весьма полезенъ былъ для насъ старикъ Суровцовъ, преподававшій словесность и эстетику, и Фойгтъ, читавшій исторію всеобщей литературы. Юридическій факультетъ въ наше время былъ слабѣе другихъ; онъ процвѣталъ послѣ, въ сороковыхъ уже годахъ, когда на о каѳедрахъ явились такіе профессора, какъ, напри-ѣръ, Мейеръ.

«Добродушный, любимый нами старикъ, Григорій епановичъ Суровцовъ, не былъ замѣчателенъ своими еными трудами, да едва ли, кромѣ рѣчей для уни-

Digitized by Google

верситетскихъ актовъ, и писалъ онъ что-нибудь. Надъ нимъ подтрунивали студенты особенно другихъ факультетовъ, но кто хотѣлъ учиться, и кто внимательно слушалъ его, тому онъ много приносилъ пользы. Все преподаваніе его поставлено было на твердомъ основаніи древнихъ классическихъ писателей. Горацій и Аристотель были его кумирами: и на лекціяхъ словесности, и на лекціяхъ эстетики онъ все на нихъ основывалъ. Мы не настолько знали древніе языки, чтобы свободно читать этихъ писателей, но достаточно ознакомились съ ними и ихъ твореніями изъ лекцій Суровцова. Мы имѣли возможность усвоить, насколько могли, строгія и твердыя правила славныхъ учителей древности, и знакомство съ ними принесло намъ впослѣдствіи большую пользу. Прекрасно зная народный языкъ и созданія народнаго творчества, пѣсни, сказки, пословицы, Суровцовъ постоянно говаривалъ, что въ нихъ заключается чистый, ничѣмъ не возмутимый источникъ для настоящаго литературнаго русскаго языка, котораго еще нѣтъ, но который будетъ, и будетъ непремѣнно. Онъ постоянно внушалъ намъ, что неисчислимый вредъ родному языку и литературѣ приноситъ введеніе въ него множества иноязычныхъ словъ, употребляемыхъ безъ всякой нужды. Въ подаваемыхъ ему сочиненіяхъ, бывало, сохрани Богъ, написать какое-нибудь иностранное слово: засмѣетъ старикъ, тотчасъ скажетъ непремѣнную свою поговорку: «Пробавляться чужими словами все одно, что жить чужимъ умомъ», и за ней анекдотъ о Пушкинѣ, котораго зналъ лично, познакомившись съ нимъ въ то время, когда нашъ великій поэтъ ѣздилъ въ Оренбургъ собирать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Однажды, говорилъ Суровцовъ, спросили Пушкина, какъ онъ находитъ даму, съ которою онъ долго говорилъ, умна ли она? Поэтъ отвѣчалъ: «Не знаю; вѣдь, я гово-

Digitized by Google

рилъ съ нею по-французски». Изъ русскихъ писателей Суровцовъ объяснялъ намъ только Ломоносова и Державина, но высоко ставилъ Пушкина. Онъ не разбиралъ его, говорилъ, что время для оцѣнки его произведеній еще не наступило; но читалъ намъ нѣкоторыя стихотворенія, отрывки изъ «Бориса Годунова» и только что напечатанной тогда «Капитанской дочки».

«— Музыка перловъ!—восторженно восклицалъ онъ, послѣ прочтенія чего-нибудь изъ Пушкина.

«Суровцову пришлось возвѣстить намъ и о преждевременной кончинѣ славнаго нашего поэта. Въ пятницу, 5-го февраля 1837 года, въ 8 часовъ утра, на третьемъ курсѣ словеснаго факультета была лекція русской словесности.

«Суровцовъ, по обыкновенію, вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ. Мы ожидали, что онъ, какъ водится, взойдетъ, слегка прихрамывая, на каѳедру, сядетъ, оглядитъ студентовъ, замѣчая, кто не пришелъ на лекцію, вынетъ серебряную табакерку, положитъ ее направо, вынетъ красный фуляровый платокъ и положитъ его налѣво и начнетъ лекцію обычною фразою: «Въ прошедшій разъ бесѣдовали мы, государи мои, о томъ-то». Не тутъ-то было. Григорій Степановичъ взошелъ на каѳедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, помнится, «Русскаго Инвалида», поднялъ его къ верху и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: «Встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевныя слезы, онъ прочелъ извѣстіе — всего нѣсколько строкъ. Живо помню первыя слова его: «Солнце нашей поэзіи закатилось— нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на каѳедру сѣдую, какъ серебро, голову,

Digitized by Google

горько заплакалъ... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «Князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. Быть можетъ, оно еще не предано землѣ. При не закрытомъ еще гробѣ Пушкина, какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ — пойдемте молиться».

«Къ 9-ти часамъ пріѣхалъ въ университетскую церковь попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Въ церкви собрались всѣ почти профессора и студенты, члены общества любителей отечественней словесности при Казанскомъ университетѣ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ. Архимандритъ Гавріилъ и четыре протоіерея отслужили панихиду, а потомъ заупокойную обѣдню по рабѣ Божіемъ, болярынѣ Александрѣ.

«Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ поста, когда мы готовились къ выпускному экзамену, на одной изъ послѣднихъ лекцій, Суровцовъ принесъ извѣстное стихотвореніе тогда еще безвѣстнаго Лермонтова и прочелъ его намъ. Кончивъ, онъ сказалъ:

«— Говорятъ, это написалъ кто-то изъ молодыхъ, Лермонтовъ какой то. Не родня ли вамъ, г. Лермонтовъ?—прибавилъ профессоръ, обращаясь къ одному студенту, ни по плоти, ни по духу не бывшему, впрочемъ, въ родствѣ съ нашимъ знаменитымъ писателемъ:— Какой стихъ! Какая сила! Какая смѣлость оборотовъ! Музыка перловъ! Нѣтъ, это не Лермонтовъ, это самъ Пушкинъ изъ гроба послалъ свой ропотъ на раннюю и ужасную кончину свою.

«Говорили потомъ, что Суровцову, за его увлеченіе и особенно за прочтеніе стиховъ Лермонтова, былъ сильный нагоняй отъ Мусина-Пушкина, который, впрочемъ, самъ съ гордостью говаривалъ намъ на экзаменѣ, что онъ происходитъ отъ одного родоначальника съ славнымъ нашимъ поэтомъ.

«Суровцовъ скончался въ Самарѣ въ началѣ шести-

Digitized by Google

десятыхъ годовъ въ преклонной старости. Незадолго до того я видѣлся съ нимъ, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Я въ то время уже кое-что напечаталъ. Не забуду я послѣдней встрѣчи моей съ моимъ почтеннымъ наставникомъ. Крѣпко онъ обнялъ меня и сказалъ:

«—Спасибо тебѣ, спасибо!.. Ты, вѣдь, мой, мой ученикъ. Да, нѣтъ, что я говорю? Ты послѣ меня научился. А попомнилъ же меня, старика. Я все читаю, что ты пишешь; иноязычныхъ словъ у тебя нѣтъ. Хвалю, ставлю тебѣ 5.

«Я сказалъ, что ему обязанъ первоначальнымъ образованіемъ, и когда пишу, не выпускаю изъ памяти его наставленій и наставленій Горація и Аристотеля, имъ переданныя. Заплакалъ старецъ. Онъ вообще былъ слезливъ; рѣдкая лекція обходилась безъ подавляемыхъ слезъ профессора. Добромъ только могу я помянуть незабвеннаго учителя.

«Вообще Суровцовъ совѣтовалъ намъ избѣгать малѣйшей вычурности въ выраженіяхъ, внушалъ, что простота и естественность главнѣйшія свойства изящнаго. Замѣчательно, что это говорилось съ каѳедры въ тридцатыхъ годахъ, когда риторика царствовала въ нашей литературѣ и когда все преклонялось передъ Марлинскимъ. «Это фейерверкъ!» говаривалъ намъ Суровцовъ про Марлинскаго: «Избави васъ Богъ подражать ему. Огня много, но тепла ни на грошъ. Вспыхнетъ, блеснетъ, ослѣпитъ и померкнетъ». Надъ Суровцовымъ смѣялись, говорили, что онъ не знаетъ своего предмета, что онъ устарѣлъ, а мнѣ кажется, что онъ на десятки лѣтъ ушелъ впередъ.

«Другой профессоръ, имѣвшій на насъ доброе вліяніе, былъ молодой еще тогда К. К. Фойгтъ, впослѣдствіи попечитель харьковскаго учебнаго округа, умершій въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Фойгтъ, незадолго до моего поступленія въ Казанскій университетъ, окон-

Digitized by Google

чилъ курсъ въ немъ по восточному отдѣленію словеснаго факультета и сначала преподавалъ въ казанской гимназіи и въ первомъ курсѣ университета персидскій языкъ. Мы были на второмъ курсѣ, когда ему поручено было читать исторію всеобщей литературы. Какъ теперь помню первую лекцію К. К. Фойгта. Ждали новаго профессора съ равнодушіемъ, отчасти даже съ недовѣріемъ. Но вотъ онъ начинаетъ читать лекцію. Изящность и живость блестящей рѣчи, соединенная съ простотою и естественностью (онъ также былъ ученикъ Суровцова), съ первыхъ словъ поразила насъ. Представивъ намъ картину природы въ Индіи, онъ перешелъ къ народу, издревле тамъ обитавшему, указалъ на значеніе санскрита для европейскихъ языковъ, особенно же для славянскихъ, и затѣмъ перешелъ къ памятникамъ санскритской литературы. Онъ разсказывалъ намъ содержаніе каждой изъ замѣчательнѣйшихъ эпопей и драмъ и приводилъ изъ нихъ длинные отрывки. Новость предмета, своеобразіе произведеній индійскихъ поэтовъ, передаваемыхъ живымъ словомъ, каждый разъ привлекали на лекціи студентовъ изъ другихъ факультетовъ. Аудиторія стала тѣсна, и Фойгту отвели самую большую, гдѣ помѣщалось до 200 человѣкъ, и каждый разъ всѣ скамьи въ ней были заняты. Отъ санскритской литературы онъ перешелъ прямо къ греческой и потомъ къ латинской. И это не была простая исторія литературы; нѣтъ, весь древній классическій міръ представалъ передъ нами на лекціяхъ К. К. Фойгта. Онъ всесторонне изобразилъ намъ жизнь эллиновъ и римлянъ до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ онъ указывалъ на книги, которыя совѣтовалъ прочитать, и, будучи въ то же время университетскимъ библіотекаремъ, снабжалъ на свой страхъ даже самыми дорогими и рѣдкими изданіями каждаго изъ студентовъ, кто бы ни попросилъ его.

Digitized by Google

«Болѣе половины нашего курса занималась восточными языками и была освобождена отъ лекцій греческаго языка. Но большая часть и насъ, такъ называемыхъ тогда, общихъ словесниковъ, прилежно слушала нѣкоторые предметы восточнаго курса. Такъ, мы у профессора Эрдмана слушали исторію Персіи, халифата и мусульманскихъ династій до XV вѣка по арабскимъ и персидскимъ источникамъ, а также исторію литературы персидской и арабской; у профессора Ковалевскаго исторію буддизма и исторію монгольской литературы. Такимъ образомъ, на университетскихъ скамьяхъ, мы хорошо ознакомились съ древнею литературою и съ литературою Востока, но не изучили исторіи новой европейской словесности, что, конечно, составляло важный пробѣлъ въ нашемъ образованіи. Правда, адъюнктъ Бюрно читалъ исторію французской литературы; пасторъ Фюрренъ исторію нѣмецкой, а лекторъ Турнерелли англійской, но надобно признаться, что мы не очень много вынесли изъ ихъ аудиторій. При томъ же одинъ изъ нихъ только и читалъ о провансальской поэзіи; другой, какъ и подобаетъ, впрочемъ, духовному лицу, цѣлый годъ читалъ намъ о Клопштокѣ и его Мессіадѣ; и я, право, не знаю, на что эти лекціи были болѣе похожи: на лекціи нѣмецкой литературы или на лекціи протестанскаго богословія. Турнерелли что-то очень туманно разсказывалъ объ Оссіанѣ и далѣе не пошелъ.

«Курсъ философіи мы прошли полный; чистую и прикладную логику мы слушали еще въ гимназіи, а въ университетѣ начинали съ психологіи, за которою слѣдовала метафизика, нравственная философія, естественное право по Шмальцу и исторія философическихъ системъ по Гамму. Не могу сказать, чтобы преподаваніе матери наукъ у насъ было блестящее, но мы всѣ и до нынѣ благодаримъ судьбу, что выслушали полный курсъ

Digitized by Google

философіи. Много принесла она пользы, а главное выучила тому, какъ учиться, по выходѣ изъ университета.

«Изъ особенностей нашего университетскаго воспитанія могу указать на то, что мы тогда находились въ общеніи со студентами разныхъ восточныхъ племенъ. На медицинскомъ факультетѣ и на восточномъ отдѣленіи словеснаго было тогда нѣсколько десятковъ татаръ, башкиръ и киргизовъ. Они воспитывались на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы вышли изъ нихъ врачи для башкирскихъ кантоновъ и киргизскихъ степей и переводчики при пограничныхъ управленіяхъ. Было нѣсколько закавказскихъ армянъ, калмыковъ и въ томъ числѣ сынъ самаго хана, Джингиръ Тюменевъ. Въ 1835 году, привезли въ Казань человѣкъ до пятнадцати мальчиковъ бурятъ, сыновей тамошнихъ тайшей, и съ ними пріѣхалъ прелюбезный и премилый лама Галсонъ Минитуевъ, котораго мы обыкновенно называли Галстукъ Никитичъ. Буряты поступили въ первую гимназію. Галстукъ Никитичъ жилъ съ ними въ особыхъ комнатахъ и былъ при нихъ гувернеромъ, законоучителемъ и совершителемъ религіозныхъ буддійскихъ обрядовъ. Въ одной изъ занимаемыхъ ими комнатъ былъ даже устроенъ алтарь, на которомъ стояло десятка два мѣдныхъ разной величины изображеній Будды и другихъ божествъ. Лама, въ обыкновенное время ходившій въ какомъ-то особаго покроя суконномъ кафтанѣ ярко-краснаго цвѣта съ желтыми отворотами и въ желтой шапочкѣ, во время богослуженія надѣвалъ шелковыя мантіи одну на другую, одну желтую, другую красную съ вытканными на ней драконами, а на головѣ имѣлъ что-то въ родѣ короны. Гимназисты-буряты тоже надѣвали какіе-то шелковые яркихъ цвѣтовъ балахоны и, когда лама прерывалъ чтеніе молитвъ, они что есть силы колотили въ мѣдныя тарелки, барабаны и китайскій тамъ-тамъ, пронзительно трубили въ особаго устрой-

Digitized by Google

ства мѣдныя трубы, словомъ, задавали такой концертъ, отъ котораго, бывало, поскорѣе давай Богъ ноги.

«Въ августѣ 1836 года, Казанскій университетъ былъ посѣщенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ, желая показать императору буддійское богослуженіе, въ одной изъ залъ устроилъ огромный буддійскій алтарь подъ балдахиномъ или, лучше сказать, въ палаткѣ изъ китайскихъ шелковыхъ матерій. Въ казанскомъ университетѣ былъ очень богатый азіятскій кабинетъ, теперь находящійся въ Петербургѣ. Въ немъ было множество буддійскихъ идоловъ. Всѣхъ ихъ поставили на алтарь; передъ ними поставили курильницы съ ладаномъ, поставили своеобразной формы зажженныя восковыя свѣчи. Самъ лама и его единовѣрцы-гимназисты были одѣты въ великолѣпныя платья. Когда государь вступилъ въ залу, Галстукъ Никитичъ и всѣ буряты упали ницъ, и Мусину-Пушкину стоило не малаго труда уговорить ихъ встать. — «Какъ на солнце нельзя смотрѣть,—говорилъ лама, знавшій хорошо по-русски:—такъ нельзя взирать и на повелителя многихъ народовъ». И когда, послѣ рѣшительнаго приказанія встать и начинать свой молебенъ, онъ исполнилъ это, то все-таки не взглянулъ на государя, а пошелъ къ своему алтарю съ зажмуренными глазами. Ставъ передъ алтаремъ, лама началъ молитву на тибетскомъ языкѣ, въ которомъ поминались имена всѣхъ особъ царской фамиліи. И лишь только онъ успѣлъ закончить, гимназисты-буряты такъ забарабанили и затрубили, что государь тотчасъ же вышелъ изъ залы, подальше отъ такой неслыханной еще, конечно, имъ музыки.

«Моего товарища и друга Васильева, для практики въ монгольскомъ языкѣ и для изученія тибетскаго, поѣстили въ гимназіи вмѣстѣ съ ламою и бурятами. Я часто бывалъ у него и очень сблизился съ Галстукомъ

Digitized by Google

Никитичемъ. Бывало, цѣлые вечера проводили Васильевъ, я и нѣкоторые другіе товарищи съ ламою. Онъ угощалъ насъ кирпичнымъ чаемъ, свареннымъ на молокѣ съ солью, жирною бараниною и объяснялъ ученіе своей вѣры. Интересныя были бесѣды. Гимназисты-буряты были очень способны и прекрасно учились, но не многіе изъ нихъ дошли до университета: всѣ перемерли одинъ за другимъ отъ непривычной европейской жизни. Остальные перемерли, будучи студентами. Кончилъ университетскій курсъ одинъ, Дорджи Бонзаровъ, необыкновенно способный молодой человѣкъ, вполнѣ усвоившій себѣ европейскую жизнь. Онъ написалъ замѣчательное сочиненіе «О черной, т. е. шаманской вѣрѣ» и, защитивъ его, получилъ степень магистра. Это былъ первый и послѣдній магистръ изъ монгольскаго племени. Ему чрезвычайно хотѣлось остаться въ Петербургѣ и даже съѣздить за границу, но, по распоряженію правительства, какъ казеннокошный воспитанникъ, онъ былъ отправленъ на службу въ Иркутскъ, въ распоряженіе тамошняго генералъ-губернатора. Съ годъ прожилъ онъ въ Иркутскѣ и встосковался по роднымъ мѣстамъ. Заѣхавъ въ бурятскія селенія, гдѣ съ него какъ вѣтромъ сняло весь европеизмъ, онъ спился тамъ съ круга и умеръ.

«Шли годъ за годомъ и подошли выпускные экзамены. Но и они окончились. 18-го іюня 1837 года весь университетъ собрался въ большой университетской залѣ, обыкновенно называвшейся желтою. Съ одной стороны выстроились рядомъ студенты по факультетамъ, выставивъ впереди своихъ кандидатовъ и лѣкарей первой степени. Съ другой стороны стали въ рядъ всѣ университетскіе профессора въ мундирахъ. Хотя въ залѣ было до 500 человѣкъ, однако тишина была невозмутимая. Вдругъ на улицѣ, подъ самыми окнами университета, сотни голосовъ закричали громкое, радо-

Digitized by Google

стное ура. Черезъ нѣсколько минутъ, сопровождаемый попечителемъ, ректоромъ и блестящею свитою, въ залу

П. И. Мельниковъ.
(Съ гравюры на деревѣ 1883 года).

вступилъ стройный, прекрасный собою, добромъ и привѣтомъ сіявшій молодой человѣкъ въ генералъ-адъютант-

Digitized by Google

скомъ мундирѣ. Это былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, путешествовавшій тогда по Россіи. Попечитель представилъ ему всѣхъ профессоровъ и затѣмъ перешелъ на ту сторону, гдѣ стояли студенты. Ректоръ Лобачевскій прочелъ передъ цесаревичемъ списокъ новыхъ кандидатовъ и лѣкарей первой степени. Цесаревичъ сказалъ намъ нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ и, при нашихъ кликахъ *ура*, пошелъ далѣе по университету. Въ залѣ остались двое изъ сопровождавшихъ цесаревича. Одинъ высокій ростомъ, съ задумчивымъ видомъ и кроткими, сіявшими душевною красотою, глазами, другой невысокій, съ умнымъ лицомъ и проницательными глазами. Во всей свитѣ только они двое были во фракахъ. Они подошли къ кандидатамъ словеснаго факультета и ласково разговаривали съ нами, разспрашивали, кто куда намѣренъ поступить по выходѣ изъ университета. То были знаменитый нашъ поэтъ Жуковскій и первый разработавшій отечественную статистику по правиламъ науки Арсеньевъ.

«Такъ кончилась наша университетская жизнь. Въ нашемъ курсѣ было только 14 человѣкъ. Выпускъ считался однимъ изъ лучшихъ, потому что изъ 14 человѣкъ шестеро вышли кандидатами. Въ наше время кандидатскій дипломъ получить было гораздо труднѣе, чѣмъ потомъ, когда въ каждомъ выпускѣ кандидатовъ было болѣе, чѣмъ дѣйствительныхъ студентовъ. Кандидатами вышли Васильевъ, Березинъ (ординарные профессоры петербургскаго университета), Диттель (профессоръ того же университета, умершій въ 1848 году), я, Каратаевъ и Александровъ-Дольникъ».

Digitized by Google

V.

Мельниковъ учитель гимназіи и археологъ.

Мельниковъ поступилъ въ Казанскій университетъ своекоштнымъ студентомъ. Родители его, несмотря на небольшіе свои достатки, не жалѣли по возможности средствъ, необходимыхъ молодому человѣку для окончанія своего образованія. Это видно изъ писемъ къ нему его матери, нѣжно его любившей, которой, по словамъ П. И. Мельникова, онъ обязанъ былъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. Она любила литературу и исторію, сама много читала и сына своего пріучила къ чтенію. Страсть къ чтенію перешла къ ней отъ отца, Сергѣева. У десятилѣтняго Мельникова были уже толстыя тетради, въ которыхъ по линейкамъ переписывалъ онъ Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Дельвига. По выдержаніи Мельниковымъ пріемнаго экзамена въ университетъ, его мать, между прочимъ, писала къ нему изъ Семенова 29-го августа 1834 года: «Дай Богъ, чтобы тебя приняли на казенный счетъ. Попроси о томъ, если кого знаешь, кого нужно просить... Живи хорошенько, удаляйся пороковъ и доставь намъ ту радость, что мы не для шалуна какого-нибудь старались и себя разстраивали, а для сына, котораго поведеніе доставляетъ надежду на будущее». Отъ 26-го сентября того же года, мать писала сыну изъ Семенова: «Папенька велѣлъ къ тебѣ написать, что если можно тебѣ учиться юриспруденціи, то онъ соглашается содержать тебя четыре года на своемъ содержаніи, хотя это намъ и сдѣлаетъ чувствительную растрату, но изъ твоего письма видно, что уже перемѣнить нельзя, то, вѣроятно, такъ Богу угодно, чтобы ты учился словесности. Богъ опредѣ-

Digitized by Google

ляетъ для каждаго судьбу, и кто на него полагается и уповаетъ, тотъ никогда не бываетъ несчастливъ. Равно и ты положись на Его всемогущую волю. Буди Его святая воля»!

Но когда въ началѣ 1835 года Мельникова зачислили въ число казеннокоштныхъ студентовъ, и онъ увѣдомилъ о томъ своихъ родныхъ, то мать 13-го февраля отвѣчала ему: «Письмо твое получила, въ которомъ ты пишешь, что принятъ на казенный коштъ. Слава Богу! Это намъ большое облегченіе, а то, правду сказать, мы на силу могли посылать тебѣ на содержаніе и, кажется, году не выдержали бы, тѣмъ болѣе, что изъ Приказа деньги не получены до сихъ поръ. Ты пишешь, что «закабалился въ учители»: учись примѣрно, веди себя хорошо, и ты не только куда-нибудь въ городъ поступишь старшимъ учителемъ, но, можетъ быть, тебя оставятъ даже въ Казани. Подумай, какое жалованье тогда будешь получать, но все это зависитъ отъ тебя». И дядя его по матери, Николай Сергѣевъ, писалъ П. И. Мельникову 15-го апрѣля 1835 г.: «Очень радъ, что ты поступилъ на казенное содержаніе и уже не имѣешь больше нужды требовать большаго пособія отъ твоихъ родителей».

Мать не дожила до окончанія сыномъ университета. Она скончалась въ 1835 году. Отецъ Мельникова умеръ въ 1837 году, такъ что, по выходѣ изъ университета, Мельниковъ предоставленъ былъ самому себѣ. Какъ казеннокоштный студентъ, онъ обязанъ былъ отслужить опредѣленное число лѣтъ по учебному вѣдомству, но, какъ окончившій съ отличіемъ курсъ наукъ, онъ, по выдержаніи экзаменовъ, послѣ акта 18-го іюня 1847 года, оставленъ былъ жить въ университетѣ и и готовился къ поѣздкѣ за границу. По словамъ его ученика, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, Мельникова вѣдомство народнаго просвѣщенія прочило тогда

Digitized by Google

на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Но съ этою цѣлью при университетѣ онъ прожилъ только съ полгода, потому что назначеніе его измѣнилось. Не даромъ мать его еще при жизни своей неоднократно просила сына въ своихъ письмахъ: «чтобы велъ себя смирнѣе. Я знаю твою горячку». На одной изъ тогдашнихъ студенческихъ попоекъ, вѣроятно, сопровождавшихъ выпускъ 1838 года, Мельниковъ до того увлекся, благодаря своей «горячкѣ», что казанскій попечитель, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, призвалъ его къ себѣ, объявилъ ему, что за его провинность назначаетъ уѣзднымъ учителемъ въ Шадринскъ (Пермской губерніи) и немедленно отправилъ его въ Пермь, въ качествѣ «будущаго», при университетскомъ солдатѣ. Въ Перми онъ узналъ, что гнѣвъ положили на милость, потому что его оставили въ этомъ городѣ, и 10-го августа онъ былъ опредѣленъ въ службу въ тамошнюю гимназію исправляющимъ должность старшаго учителя исторіи и статистики.

Урокъ подѣйствовалъ. Мельниковъ не только прилежно принялся исполнять обязанности преподавателя исторіи и географіи, но въ февралѣ 1839 года ему поручена была должность учителя французскаго языка въ высшихъ классахъ гимназіи съ половиннымъ окладомъ жалованья. По-французски П. И. Мельниковъ выучился еще дома, въ Семеновѣ, у Карла Ивановича Гектора. Онъ былъ врачъ наполеоновской арміи, плѣненный въ 1812 году подъ Краснымъ и присланный на житье въ Нижній Новгородъ, гдѣ принялъ русское подданство и получилъ дипломъ на званіе штабъ-лѣкаря в Семеновскомъ уѣздѣ. Онъ лѣчилъ въ домѣ родителей П. И. Мельникова и сверхъ того обучалъ послѣдняго французскому языку. Благоволеніе учебнаго начальства къ Мельникову возвратилось, такъ что желаніе его, когда онъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ

Digitized by Google

гимназію въ Нижній Новгородъ, гдѣ у него были родственныя и другія связи, которыхъ не было въ Перми, было исполнено, и 25-го мая 1839 года, къ новому учебному году, онъ былъ уже тамъ учителемъ исторіи и статистики, утвержденнымъ въ этой должности.

Но артистическая натура Мельникова не была создана для педагогическаго поприща. Она искала себѣ исхода въ болѣе широкой дѣятельности. Въ продолженіе своей службы въ Перми, онъ объѣхалъ нѣкоторые заводы Пріуральскаго края, собиралъ свѣдѣнія о немъ, знакомился съ бытомъ русскаго народа, «лежа у мужика на полатяхъ», какъ говаривалъ Мельниковъ, и положилъ первые задатки къ полному его изученію. Всѣ эти поѣздки дали ему возможность начать рядъ статей для народившагося въ 1839 году новаго журнала «Отечественныя Записки». Успѣхъ его «Дорожныхъ замѣтокъ», одобреніе со стороны редактора этого журнала, приглашеніе продолжать свое сотрудничество—вывели Мельникова на литературное поприще, которое пришлось ему по душѣ и указало на дѣйствительное его назначеніе. Мельникову только что исполнилось двадцать лѣтъ, когда первый его литературный трудъ появился въ ноябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» [1]. Переходъ въ Нижній Новгородъ, сближеніе тамъ съ мѣстнымъ архіепископомъ Іаковомъ [2],

[1]) Въ письмахъ къ А. А. Краевскому (см. № 68 «Литературной газеты» 1840 года), Мельниковъ сообщаетъ, что на изученіе восточной части европейской Россіи, вошедшей въ составъ его «Дорожныхъ записокъ», онъ употребилъ три года. Третья статья его, представившая характеристику общества города Перми, надѣлала тамъ много шума и гама. «Въ 1812 году, по словамъ Мельникова, въ Перми не было такого волненія, какое оказалось въ 1840 году», когда тамъ прочли статью Мельникова.

[2]) Іаковъ былъ прежде епископомъ саратовскимъ, гдѣ и занялся изученіемъ раскола. Интересная его рукопись «О расколѣ бѣглопоповской секты по саратовской епархіи» хранится въ библіотекѣ нижегородской семинаріи. Этою рукописью пользовалась редакція «Православнаго Собесѣдника» для своихъ статей по расколу въ изданіи 1857 года.

Digitized by Google

знатокомъ исторіи и раскола, надѣлявшимъ Мельникова рѣдкими рукописями и матеріалами, указывавшимъ на тѣ мѣстные архивы, гдѣ ими можно пользоваться, наконецъ, съ 1840 года, съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, а потомъ М. П. Погодинымъ, В. И. Далемъ — увлекли окончательно Мельникова съ скромнаго поприща гимназическаго учителя на болѣе широкій путь литературной дѣятельности.

Въ 1883 году я встрѣтилъ въ Нижнемъ Новгородѣ одного изъ бывшихъ учениковъ П. И. Мельникова, родственника его, служащаго тамъ нынѣ по одному вѣдомству, современника Ешевскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина. Онъ мнѣ говорилъ, что послѣдніе двое были любимыми учениками Мельникова, отвѣчавшими ему въ классахъ не урокъ, заданный въ классѣ, но то, что они прочитали по тому же предмету по разнымъ историческимъ сочиненіямъ. Къ лѣнивымъ или нерадивымъ ученикамъ Мельниковъ относился съ безпощаднымъ презрѣніемъ. Такъ, одинъ изъ числа послѣднихъ, Мезенцовъ, отличался тѣмъ, что вралъ безъ милосердія своему учителю и путался на каждомъ шагу, вслѣдствіе незнанія предмета. Мельниковъ, не поправляя ошибокъ, слушалъ молча такого ученика и только, когда онъ останавливался въ своемъ враньѣ, приговаривалъ: «А дальше?» И снова начиналась невообразимая путанница. Безстрастными вопросами «а дальше» Мельниковъ доводилъ Мезенцова и другихъ ему подобныхъ лѣнтяевъ до того, что они разражались слезами.

Въ біографіи своего товарища, Ешевскаго, предпосланной собранію его сочиненій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что въ его время въ нижегородской гимназіи самымъ лучшимъ учителемъ былъ П. И. Мельниковъ. По словамъ Бестужева-Рюмина, «П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ, рѣдко

Digitized by Google

говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи; говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ, но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной римской имперіи [1]), персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину, но если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и такимъ образомъ поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно; книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я».

О себѣ, какъ объ учителѣ, и вообще о тогдашнемъ времени, П. И. Мельниковъ оставилъ слѣдующія замѣтки.

«Каковъ я былъ учитель — не знаю, какъ сказать. Самому о себѣ трудно судить, но отзывы тогдашнихъ моихъ начальниковъ, прошедшихъ семинарскую премудрость, въ литературѣ не признававшихъ, послѣ Державина и Карамзина, ни одного таланта (Пушкинъ, по ихъ мнѣнію, пустомеля, не имѣющій изящнаго вкуса, и притомъ вольнодумецъ, Лермонтовъ—мальчишка, которому необходимы розги, Гоголь — сальный марака, а Бѣлинскій — сумасшедшій человѣкъ, который самъ

---

[1]) Эти лекціи П. И. Мельникова были напечатаны имъ въ «Литературной Газетѣ» 1840 года, именно въ № 61, подъ заглавіемъ: «Судьбы древности» (начало историческаго сочиненія «Имперія и варвары») и въ № 103 «О праздникахъ персидскихъ при Сассанидахъ» (отрывокъ изъ IX главы сочиненія: «Персія при Сассанидахъ»).

Digitized by Google

не знаетъ, что пишетъ),—отзывы такихъ людей, для меня не совсѣмъ благопріятные, я и тогда не цѣнилъ высоко. Полагаюсь болѣе на отзывы бывшихъ моихъ учениковъ, напримѣръ, Московскаго университета профессоровъ М. Я. Китарры и С. В. Ешевскаго, а также Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, теперь одного изъ замѣчательныхъ знатоковъ русской исторіи. Они говорятъ, что для массы учениковъ я былъ плохой учитель, но для тѣхъ немногихъ, которые хотѣли учиться, очень полезенъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ скучно было биться съ шаловливыми и невнимательными мальчиками, и, за ихъ невниманіе къ предмету я самъ оставлялъ ихъ безъ вниманія. Въ гимназіи, т. е. въ обществѣ учителей, я былъ почти лишнимъ человѣкомъ. Въ это время директоръ, инспекторъ и многіе учители были изъ семинаристовъ стараго покроя, несносные въ классѣ, дравшіе и бившіе учениковъ нещадно (каждую субботу была «недѣльная расправа» и много розогъ изводилось) и низкопоклонничавшіе не только передъ высшими чинами губернской администраціи, но и передъ совѣтниками. Я одинъ былъ изъ дворянъ и притомъ хотя незначительный, но помѣщикъ той же Нижегородской губерніи. Это обстоятельство открыло мнѣ двери въ домахъ, куда мое начальство и товарищи не могли попасть. Въ то время дворянская спѣсь процвѣтала еще во всей силѣ и не всякій рѣшался принять, какъ равнаго себѣ, какого-нибудь «учителя-кутейника». Вообще, учители гимназіи не пользовались уваженіемъ общества. Правда, ихъ принимали родители учениковъ раза по два, по три въ годъ, когда бывали, по случаю именинъ и тому подобныхъ случаевъ, «кормежки учительскія», но, если ученикъ выходилъ, знакомство прекращалось. Такъ какъ я составлялъ исключеніе, то и не могъ сблизиться съ товарищами-педагогами, которымъ весьма не нравились мои зна-

Digitized by Google

комства, выѣзды на балы и маскарады, въ собраніе и т. п. Я бывалъ въ гимназическомъ обществѣ, но какъ не игралъ въ карты и не умѣлъ выпивать громаднаго количества ерофеича, то и былъ человѣкъ лишній.

Хотя я и бывалъ въ обществѣ, но, не имѣя достаточныхъ средствъ къ жизни, не могъ, разумѣется, тянуться за всѣми. Притомъ же въ 1841 году я женился на небогатой и скорѣе бѣдной арзамасской помѣщицѣ, Лидіи Николаевнѣ Бѣлокопытовой. Пошли дѣти; жена была все больна и совершенно не выѣзжала. Расходы увеличились, а доходы не прибавлялись. Я сидѣлъ больше дома и учился [1]).

«Изъ университета мы не Богъ знаетъ какія свѣдѣнія вынесли, но вынесли, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ наукѣ, и если не выучились, какъ учить, то выучились, какъ учиться. Еще будучи въ Перми, я началъ писать для новаго журнала: «Отечественныя Записки» и вошелъ въ переписку съ его редакторомъ, А. А. Краевскимъ. Первая моя статья помѣщена была въ 11-й книжкѣ этого журнала за первый годъ (1839). Потомъ я писалъ много въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературной Газетѣ» въ продолженіе 1840, 1841 и 1842 годовъ. О чемъ я не писалъ тогда: и о Пермской губерніи, по которой ѣздилъ лѣтомъ 1839 года, вмѣстѣ съ инспекторомъ гимназіи Лопатинымъ, и о ни-

---

[1]) Лидія Николаевна была старше однимъ годомъ своего мужа. Она скончалась 7 августа 1848 года, тридцати лѣтъ отъ роду, какъ значится въ полицейскомъ свидѣтельствѣ о ея смерти. У Павла Ивановича Мельникова было нѣсколько дѣтей отъ перваго брака, но всѣ они умерли въ младенчествѣ, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзненнаго, чахоточнаго состоянія Лидіи Николаевны. Она была внукою или правнукою губернатора Бѣлокопытова, котораго П. И. Мельниковъ мастерски очертилъ въ «Бабушкиныхъ разсказахъ» подъ именемъ Сергѣя Михайловича Чурилина (см. стр. 120 «Разсказовъ Андрея Печерскаго», изданіе второе, 1882 г.), равно и его образъ жизни въ отставкѣ въ Зимогорскѣ (Нижнемъ Новгородѣ).

Digitized by Google

жегородскомъ театрѣ, и о персидскихъ праздникахъ при Сассанидахъ, и подражанія Мицкевичу; началъ печатать въ «Литературной Газетѣ» 1840 года и повѣсть, но, видя, что она плоховата, и что я мало знаю жизнь, оставилъ беллетристику. Преимущественно изучалъ я исторію и древности Нижняго и вообще бывшаго Суздальскаго великаго княжества. По нижегородской исторіи и археологіи мнѣ пришлось прокладывать непроторенную еще дорогу: я собиралъ рукописи, занимался въ архивахъ, которыхъ до того никто не касался. Нѣсколько интересныхъ актовъ послалъ я въ Археографическую Коммиссію: они обратили вниманіе министра народнаго просвѣщенія на нижегородскаго учителя, и я сдѣланъ былъ корреспондентомъ Археографической Коммиссіи. Это обстоятельство подняло меня въ мнѣніи начальства учебнаго округа, но вмѣстѣ съ тѣмъ подарило мнѣ сильнаго врага въ лицѣ профессора исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Иванова. Иванова я не зналъ; онъ поступилъ на каѳедру послѣ моего выхода изъ университета. Это былъ злой человѣкъ, но блестящій профессоръ, вскорѣ получившій огромное вліяніе. Онъ былъ того мнѣнія, что, до занятія имъ каѳедры, исторія въ Казани преподавалась не хорошо, и въ этомъ былъ справедливъ. Поэтому онъ хотѣлъ замѣстить всѣ мѣста учителей исторіи въ округѣ своими слушателями. Мнѣ готовилось оставить мѣсто Ивановъ ѣздилъ въ Петербургъ, занимался тамъ въ Публичной Библіотекѣ и въ Археографической Комиссіи и очень желалъ сдѣлаться ея членомъ, что, однако, ему не удалось. Ему очень не понравилось, когда министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, обратилъ на меня вниманіе не по представленію попечителя, а по моимъ печатнымъ работамъ и по представленнымъ стариннымъ актамъ, и сдѣлалъ корреспондентомъ той самой Коммисіи, въ которую онъ, Ивановъ,

Digitized by Google

не попалъ. Къ этому еще другое обстоятельство случилось. Ивановъ былъ сотрудникомъ Булгарина въ его изданіи: «Россія». Первыя двѣ части этого сочиненія, заключающія статистику, были писаны имъ. Въ одной изъ статей моихъ: «Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), я показалъ нѣкоторыя грубыя ошибки въ статистикѣ «Россіи» и посмѣялся надъ ними, а въ разборѣ «Начальственныхъ распоряженій по Казанскому учебному округу» [1]), напечатанномъ хотя и безъ подписи моей, сдѣлалъ намекъ на Иванова, какъ онъ перекраиваетъ на свой ладъ исторію. А онъ передъ слушателями своими раздѣлилъ ее на три періода: первый до Петра, второй отъ Петра до нашихъ временъ, а третій отъ нашего времени до кончины міра. Онъ обѣщался читать третій періодъ и дѣйствительно началъ читать его передъ крымскою войною, но событія этой войны не оправдали пророчественныхъ лекцій профессора, который и перешелъ къ нѣмцамъ въ Дерптъ, гдѣ спившись съ кругу, долженъ былъ volens-nolens оставить профессуру. Отношенія Иванова ко мнѣ были открыто враждебны, но въ то же время обращенное на меня вниманіе министра не дозволяло прогнать меня, чтобы дать мое мѣсто ивановскому слушателю. Ивановъ былъ циникъ большой руки во всѣхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи (1846 г.), когда я уже не былъ болѣе старшимъ учителемъ въ нижегородской гимназіи, я съ нимъ познакомился и цѣлый день пробесѣдовали мы съ нимъ у инспектора нижегородскаго дворянскаго института Лопатина (племянника инспектора пермской гимназіи). Ивановъ мнѣ прямо сказалъ, бывши въ веселомъ отъ пунша настроеніи духа: «Я всегда уважалъ ваши познанія, но не могъ терпѣть

---

[1]) См. «Отечественныя Записки» 1843 г.

Digitized by Google

васъ, какъ учителя, который знать не хочетъ старшихъ и мимо ихъ входитъ въ сношенія съ самимъ министромъ. Притомъ же вы не мой слушатель, а я хочу, чтобы учителя въ гимназіяхъ были моими помощниками, въ моемъ духѣ приготовляли мнѣ слушателей».

«Отношенія мои къ Иванову горько обходились моимъ ученикамъ, поступавшимъ въ Казанскій университетъ. На пріемныхъ экзаменахъ онъ ихъ всячески притѣснялъ; но мои ученики, вслѣдствіе того, что я обращалъ вниманіе только на особенно хорошихъ и давалъ полную волю учиться или не учиться, были двухъ родовъ: или прекрасно знали предметъ, нѣкоторые такъ, что хотя бы на кандидата экзаменъ держать, или ровно ничего не знали и отвѣчали на экзаменахъ въ родѣ того, что Александръ Македонскій былъ великій князь Новгородскій, а Мохамедъ основатель королевства англійскаго. Середины у меня не было. Не знавшіе исторіи вовсе не поступали въ университетъ, а которые знали и поступали, тѣ оказывались лучшими. Самъ преемникъ Иванова по кафедрѣ въ Казани, Ешевскій, былъ мой ученикъ. Лучшіе ученики мои занимались у меня, какъ студенты, писали сочиненія по источникамъ, какъ напримѣръ, Ешевскій «О мѣстничествѣ», и публично защищали съ кафедры свои тезисы, какъ бы магистранты. На такихъ диспутахъ бывали и губернаторъ, и губернскій предводитель дворянства, и архіерей, и дамы, всего человѣкъ по пятидесяти и болѣе» [1]).

Мельниковъ былъ утвержденъ въ званіи корреспондента Археографической Коммиссіи 8 апрѣля 1841 года, слѣдовательно, менѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ окончанія университетскаго курса.

Съ какимъ рвеніемъ онъ занимался историческими и археографическими изслѣдованіями, можно видѣть

---

[1]) См. «Нижегородскія Губернскія Вѣдомости» 1846 года №№ 27 и 39.

Digitized by Google

изъ слѣдующаго его письма къ князю Ширинскому-Шихматову:

«Занимаясь въ продолженіе четырехъ лѣтъ составленіемъ полной исторіи великаго княжества Владимірско-Суздальскаго и всѣхъ происшедшихъ отъ него отдѣльныхъ княжествъ, изъ которой отрывки я напечаталъ въ журналѣ «Отечественныя Записки» 1840 года, я старался собрать столько матеріаловъ для этого сочиненія, сколько имѣлъ возможность собрать. Но теперь я вижу, что всѣ собранные мною матеріалы еще недостаточны для составленія совершенной исторіи; знаю теперь и то, что въ архивахъ Нижегородской, Владимірской, Костромской и Ярославской губерній хранится много матеріаловъ, большею частію еще неизвѣстныхъ, которые могли бы пополнить этотъ недостатокъ. Но, зная о существованіи ихъ, я еще не могу ими пользоваться, не могу даже осмотрѣть ихъ, потому что не имѣю на это никакого права.

«Желая собрать эти матеріалы и, главное, быть по силамъ своимъ полезнымъ для дѣйствій Археографической Коммиссіи, я беру смѣлость обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о причисленіи меня къ ней въ качествѣ чиновника. Если я буду столь счастливъ, что ваше сіятельство удостоите меня этимъ званіемъ, то я надѣюсь сдѣлать слѣдующее для Коммиссіи:

«а) Осмотрѣть архивъ нижегородскаго губернскаго правленія и нижегородской казенной палаты, въ которыхъ, какъ мнѣ извѣстно, находится много любопытныхъ бумагъ XVII и XVIII столѣтій. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и вошли въ составъ актовъ, собранныхъ Археографическою Коммиссіею, но я знаю, что еще много осталось неизслѣдованнымъ. Въ особенности же здѣсь интересны дѣла вотчинныя. Сколь ни мало вѣрно, повидимому, ихъ достоинство, но все-

Digitized by Google

таки въ кипахъ столбцовъ ихъ могутъ находиться болѣе или менѣе вѣрныя историческія свѣдѣнія, которыхъ мы еще не знаемъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня то, что я, разбирая нѣкоторыя вотчинныя бумаги, частнымъ образомъ мнѣ доставшіяся, нашелъ, какимъ образомъ переходилъ изъ рукъ въ руки нынѣшній Семеновскій уѣздъ, какимъ образомъ, бывъ сперва достояніемъ супругъ государевыхъ, онъ сдѣлался дворцовымъ, былъ пожалованъ астраханскому князю Акубѣеву и проч. Словомъ, по этимъ находящимся у меня бумагамъ, можно обработать исторію сѣверной части Нижегородской губерніи. Акты эти хранятся у семеновскаго помѣщика князя Черкасскаго [1]), и я могу достать ихъ для представленія Коммиссіи, если ей будетъ это угодно. Въ архивѣ нижегородской казенной палаты также есть много любопытныхъ бумагъ, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

«b) Въ здѣшнемъ Благовѣщенскомъ монастырѣ есть книги духовнаго содержанія, писанныя рукою Никона, ученика св. Сергія. Я могу описать какъ эти книги, такъ и нѣкоторыя корсунскія утвари, хранящіяся въ Спасскомъ соборѣ, Благовѣщенскомъ монастырѣ, семинарскомъ правленіи и въ другихъ мѣстахъ. Также различныя государевы и патріаршія грамоты съ XIV до XVIII столѣтій находятся въ церквахъ и монастыряхъ Нижегородской губерніи

«c) Я могу достать много любопытнаго у здѣшняго купца Судовщикова, старика, обладающаго многими рѣдкостями. У него есть довольно порядочный архивъ рѣдкихъ бумагъ, относящихся до Нижняго-Новгорода и даже до Нижегородскаго удѣльнаго княжества.

«d) Заведя знакомство съ раскольниками, что сдѣ-

---

[1]) Черновая этого письма Мельникова написана крайне нечетко, съ сокращеніями, а потому не ручаюсь за вѣрность этой фамиліи.

Digitized by Google

лать я имѣю весьма рѣдкій случай, я могу, по крайней мѣрѣ, описать многія старинныя книги, у нихъ находящіяся. Какъ много у нихъ старинныхъ книгъ, этому можетъ служить доказательствомъ разговоръ мой и директора здѣшней ярмарочной конторы, графа Дмитрія Николаевича Толстаго, занимающагося также археологіею, съ однимъ изъ раскольниковъ. Мы читали ему списки старопечатныхъ книгъ. Онъ ихъ всѣ почти знаетъ и сказалъ намъ о 13 книгахъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ описаніи старопечатныхъ книгъ.

«е) Я могу осмотрѣть и описать многіе памятники старины, состоящіе какъ изъ церковной утвари, такъ и изъ прочихъ вещей, надгробныхъ камней и проч. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Нижній-Новгородъ, Балахна, Городецъ, бывшій столицею Городецкаго княжества, село Богородское, въ которомъ есть паникадило, жалованное Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Спасскій нижегородскій соборъ, Арзамасъ, село Возьянъ, гдѣ находился станъ царя Ивана Васильевича Грознаго и гдѣ цѣлы до сихъ поръ царскія двери, жалованнныя этимъ государемъ; Макарьевскій Желтоводскій монастырь, села Мурашкино и Работки, въ которыхъ находятся большіе архивы. О послѣднихъ архивахъ считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что ихъ необходимо осмотрѣть какъ можно скорѣе, потому что они находятся въ крайнемъ небреженіи и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе истребляются.

«f) Доставить свѣдѣнія о родѣ Мининыхъ, о могилѣ князя Пожарскаго и о пребываніи въ Нижнемъ Марѳы Посадницы. Послѣднее свѣдѣніе основывается на современномъ актѣ, который обѣщали мнѣ доставить. Этотъ актъ—перепись прихожанъ церкви Іоанна Предтечи, гдѣ сказано, что къ нимъ принадлежала и Марѳа, бывшая посадница Новгорода Великаго.

Digitized by Google

«Въ губерніяхъ Владимірской, Костромской и Ярославской я также надѣюсь собрать много любопытнаго. Списывая любопытные акты и описывая остальное, я буду присылать все это на разсмотрѣніе Археографической Коммиссіи. Если вашему сіятельству угодно будетъ удостоить меня званіемъ чиновника Археографической Коммиссіи и поручить мнѣ изслѣдованіе архивовъ Нижегородской, Владимірской, Костромской и Ярославской губерній, то чрезъ нѣсколько лѣтъ Археографическая Коммиссія будетъ имѣть всѣ сохранившіяся свѣдѣнія относительно великаго княжества Суздальско-Владимірскаго и прочихъ отъ него отдѣлившихся княжествъ, а также и акты, находящіеся еще на храненіи въ архивахъ сказанныхъ губерній. Изслѣдованіе архивовъ Нижняго-Новгорода и въ окрестностяхъ его находящихся я могу производить въ теченіе всего года. Для изслѣдованія другихъ архивовъ у меня остается свободнаго времени въ году два мѣсяца: августъ, половина декабря и половина апрѣля. Если же вашему сіятельству не угодно будетъ поручить мнѣ изслѣдованіе архивовъ въ четырехъ губерніяхъ, для чего потребовались бы нѣкоторыя издержки на мои разъѣзды, то изслѣдованіе архивовъ одной Нижегородской губерніи не будетъ стоить Археографической Коммиссіи никакихъ издержекъ».

Вслѣдствіе этого письма, Мельникову поручено было разобрать архивы присутственныхъ мѣстъ и монастырей Нижегородской губерніи. Онъ занимался этимъ разборомъ и впослѣдствіи, когда оставилъ службу по учебной части, 21 мая 1846 года, извлекъ много интересныхъ свѣдѣній и документовъ для исторіи Нижегородскаго края. Даже лѣтъ тридцать спустя, въ іюнѣ 1878 года, онъ вновь обратился съ подобною просьбою къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Тимашеву, который 8 іюля раз-

Digitized by Google

рѣшилъ Мельникову снять копіи съ историческихъ документовъ, хранящихся въ Нижегородскомъ губернскомъ правленіи.

Добытыми изъ архивовъ матеріалами Мельниковъ воспользовался для многочисленныхъ статей своихъ, помѣщенныхъ имъ въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», редакторомъ неоффиціальной части которыхъ онъ состоялъ съ 1 января 1845 года по 14 мая 1850 года. Мельниковъ желалъ сдѣлать интереснымъ порученный ему отдѣлъ, но сотрудниковъ для оживленія газеты не было, и онъ въ первые десять мѣсяцевъ 1845 года, съ свойственною ему неутомимостью, работалъ одинъ, писалъ все самъ отъ перваго слова до послѣдняго. Въ 1847 году у него уже было въ газетѣ 19 сотрудниковъ, въ томъ числѣ графъ В. А. Соллогубъ и М. Н. Авдѣевъ, помѣстившій первый свой фельетонъ въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ». Первыя сочиненія нашего археолога, тогда еще архимандрита Макарія, начавшаго заниматься русскими древностями при содѣйствіи Мельникова, также появились въ этомъ провинціальномъ изданіи.

«Архивныя занятія, пишетъ П. И. Мельниковъ въ одной изъ своихъ собственноручныхъ замѣтокъ, повели меня къ дѣлу отысканія потомковъ Минина. Опишу подробнѣе этотъ случай. Мнѣ кажется, онъ довольно характеристиченъ. Со временъ Екатерины II, бывшей въ Нижнемъ въ 1767 году и нашедшей, что этотъ городъ «строеніемъ мерзокъ», со временъ императора Павла I, бывшаго здѣсь въ 1797 году, государи не бывали въ Нижнемъ. Въ 1834 году 10 октября пріѣхалъ императоръ Николай I, и городокъ, мерзкій строеніемъ, по выраженію его бабки, сдѣлалъ городомъ красивымъ, построивъ откосы, бульвары, набережныя, казармы, сломавъ Пятницкую церковь, всѣ частные дома въ Кремлѣ и много другихъ внѣ его

Digitized by Google

Слѣдствіемъ этого было, что городъ Нижній остался съ цифрою долга въ разные приказы общественнаго призрѣнія столь почтенною, что она превосходила сумму долговъ всѣхъ остальныхъ городовъ Россійской имперіи, а между тѣмъ, воровавшіе общественныя деньги «Клейнмихелевы дѣточки», инженеры путей сообщенія, такъ исполнили «высочайше повелѣнныя работы» [1]), что оныхъ теперь и вовсе не видно [2]). Полезнѣйшее изъ этихъ сооруженій, нижняя набережная на самомъ берегу Волги, построенная по указанію императора Николая I, была сооружена до того неискусно и непрочно, что отъ нея осталось весьма мало слѣдовъ.

«Когда императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, то первый его осмотръ — былъ осмотръ кафедральнаго Спасскаго собора, только что освященнаго, въ началѣ августа 1834 года. Шелъ дождь. На непокрытой паперти императора встрѣтилъ архіерей Амвросій съ крестомъ и длинною рѣчью. Императоръ долженъ былъ слушать краснорѣчіе владыки, между тѣмъ какъ осенній дождь обильно орошалъ его голову, начинавшую уже лысѣть. Послѣ обычнаго молебствія преосвященный Амвросій повелъ

---

[1]) Нижегородское губернское правленіе и тамошняя городская дума долго не могли отвыкнуть именовать въ оффиціальныхъ бумагахъ эти строенія «высочайше повелѣнными работами», хотя послѣ того было въ Нижнемъ не мало другихъ высочайше повелѣнныхъ работъ,

[2]) Такъ, въ 1843 году часть кремлевской стѣны подъ дворцомъ упала, и при этомъ была разрушена древняя церковь Св. Духа, бывшая дворцовою и только что отдѣланная, по повелѣнію императора Николая Павла. Другая церковь Живоноснаго Источника дала такія трещины, что ее надобно было перестраивать. Причиною разрушенія было то, что инженеры, устраивая дворцовый садъ, не озаботились отвести ключи, которыхъ въ горѣ было очень много. Когда стѣна упала, оказалось, что итальянскій архитекторъ XVI столѣтія былъ гораздо искуснѣе строителей XIX вѣка. Подъ стѣною обнаружились огромныя кирпичныя трубы, которыя должны были бы отвести воду.

Digitized by Google

императора въ склепъ, гдѣ теперь устроена церковь (по мысли П. И. Мельникова). Ходъ былъ не тотъ, что теперь, а съ другой стороны; сводъ подъ лѣстницею былъ низенькій. Преосвященный Амвросій, идя передъ императоромъ во всемъ облаченіи, счелъ долгомъ предупредить августѣйшаго посѣтителя, и, не выучась въ семинаріи и академіи придворнымъ тонкостямъ, сказалъ спроста: «Ваше величество! поберегите голову». Разгнѣванный длинною, привѣтственою рѣчью владыки и долго падавшимъ на вѣнценосную голову октябрскимъ дождемъ, императоръ отвѣтилъ: «Сами, преосвященный, поберегитесь, чтобы съ васъ митра не свалилась». Митра не свалилась, но преосвященный Амвросій, пострадавшій отъ поляковъ на Волыни во время польскаго возмущенія 1831 г., былъ переведенъ вскорѣ послѣ того на нисшую епархію, въ Пензу.

«Въ склепѣ императоръ Николай Павловичъ поклонился до земли передъ гробницею Минина, и, обратясь къ начальнику губерніи, Михаилу Петровичу Бутурлину, спросилъ: «Остались ли потомки послѣ Минина?» М. П. Бутурлинъ (бывшій первымъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ), два мѣсяца приготовлявшійся бойко и съ ловкостью военнаго человѣка отвѣчать на всевозможные царскіе вопросы, подобнаго вопроса не предугадалъ и чрезвычайно сконфузился. Императоръ, замѣтивъ смущеніе губернатора, сказалъ: «Отыскать; если остались, я награжу за службу предка».

«Послѣ отъѣзда императора, Бутурлинъ не мало думалъ о томъ, кому поручить исполненіе такого высочайшаго повелѣнія. «Отыскать», сказалъ государь; кому же отыскать? Разумѣется, тому, кто отыскиваетъ въ городѣ всякихъ людей: бѣглыхъ, безпаспортныхъ, мошенниковъ и тому подобныхъ личностей, т. е. поли-

Digitized by Google

ціймейстеру. Бутурлинъ такъ и сдѣлалъ. Полиціймейстеромъ былъ тогда Махотинъ, добрый человѣкъ, но совершенно гоголевскій полиціймейстеръ («Мертвыя Души»): брать—бралъ и осетрами кормилъ. Во время ярмарки у него въ квартирѣ съ утра до ночи столъ былъ накрытъ, на которомъ стояли разныя кушанья, вина, фрукты: всякій приходи и кушай на здоровье. Славныя у него были кулебяки. Шипучее же вино была самодѣльщина. Покупалъ онъ у армянъ чихиръ и выдѣлывалъ изъ него шампанское. Бутылка такого шампанскаго обходилась полиціймейстеру копѣекъ въ 60 ассигнаціями. Главный сбытъ этого вина былъ въ многочисленные (въ то время до восьмидесяти) развеселые дома Кунавина, содержательницы которыхъ обязаны были покупать махотинское шампанское по 8 р. асс. за бутылку, а продавали они его своимъ гостямъ по 14 и 15 р. асс. Махотинъ былъ изъ даточныхъ или изъ кантонистовъ. Бывши солдатомъ, и храбрымъ, онъ подъ Бородиномъ потерялъ правую руку, но отлично игралъ въ карты лѣвою. Грамотный солдатъ, пройдя лѣстницу чиновъ нисшей военной іерархіи, капрала, ефрейтора, фельдфебеля, онъ получилъ офицерство, дослужился до маіора, вышелъ въ отставку и въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣланъ былъ нижегородскимъ полиціймейстеромъ. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ до 1843 года, переведенъ былъ въ Рязань, гдѣ, прослуживъ годъ, получилъ генерала при отставкѣ и возвратился въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь онъ дожилъ свой вѣкъ нижегородскимъ помѣщикомъ 500 душъ и почетнымъ опекуномъ дворянскаго банка. Вообще, онъ былъ хорошій человѣкъ. Что касается до взятокъ, такъ это было въ тогдашнемъ порядкѣ вещей и притомъ для его характеристики необходимо упомянуть вошедшую впослѣдствіи въ поговорку въ Нижнемъ-Новгородѣ слѣдующую фразу о тамошнихъ полиціймейстерахъ: «Прежде

Digitized by Google

полиціймейстеръ бралъ одною рукою (безрукій Махотинъ), потомъ двое двумя (Львовъ и Зенгбушъ), а одинъ и лапу запустилъ» (Лаппа-Старженецкій). Послѣ того былъ полиціймейстеромъ Цейдлеръ, который имѣя своихъ и жениныхъ болѣе тысячи крестьянскихъ надѣловъ, взятокъ, можетъ быть, и не бралъ лично, но зато съ городскою казною обходился такъ, какъ и не снилось его предшественникамъ. А полиціймейстерскихъ кулебякъ со дней Махотина нѣтъ и не будетъ!

«Этому Махотину Бутурлинъ и поручилъ отыскать потомковъ Минина. Къ чести Махотина надобно сказать вотъ что: будучи женатъ на нижегородской купчихѣ, онъ не произвелъ въ потомки никого изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, хотя почти всѣ купцы Нижняго и Балахны претендуютъ на родство съ Мининымъ. Хотя Махотинъ и былъ осаждаемъ многочисленными просьбами, но не произвелъ въ потомки Минина ни одного изъ своихъ родственниковъ и свойственниковъ, изъ которыхъ многимъ видѣлись впереди великія и богатыя царскія милости. Не имѣя ни малѣйшаго образованія и еще менѣе зная русскую исторію, безрукій полковникъ семь лѣтъ отыскивалъ «потомковъ» и нашелъ ихъ цѣлую кучу въ средѣ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и кантонистовъ. На большомъ александрійскомъ листѣ, великолѣпно написанное и разрисованное въ школѣ военныхъ кантонистовъ родословное дерево было отправлено въ Петербургъ».

Эта родословная, какъ никуда негодная, была возвращена изъ Петербурга въ Нижній, и по высочайшему повелѣнію 12 марта 1842 года Мельникову, какъ занимавшемуся разборкою архивовъ, поручено было произвести изслѣдованіе о потомствѣ Козьмы Минина. Но и Мельниковъ не отыскалъ потомковъ великаго гражданина по той причинѣ, что, какъ оказалось, единственный сынъ Козьмы Минина, стряпчій Нефедъ Козьмичъ.

Digitized by Google

умеръ бездѣтнымъ, и пожалованныя Минину имѣнія взяты были на государя. Но Мельниковъ отыскалъ въ одной купчей крѣпости, что Минина звали не Козьма Мининъ, а Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ. Составленное Мельниковымъ оффиціальное донесеніе по этому изслѣдованію онъ передѣлалъ въ литературную статью и помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» [1]).

VI.

Дѣятельность Мельникова по расколу на административномъ поприщѣ.

«До 1847 года, живя въ Нижнемъ-Новгородѣ и занимаясь русскою исторіею,—говоритъ Мельниковъ:—я сталъ изучать расколъ и раскольниковъ. Моимъ занятіямъ способствовали два обстоятельства: поѣздки по нижегородскому Заволжью, наполненному раскольниками, и знакомство съ книжниками на нижегородской ярмаркѣ. Въ Заволжьѣ, именно, въ Семеновскомъ уѣздѣ. было у меня маленькое, доставшееся послѣ матери, имѣніе; крестьяне, жившіе въ немъ, были всѣ до единаго раскольники, поповщинской секты. Они были раскольники «записные», т. е. значившіеся изстари, по книгамъ земскаго суда, раскольниками; дѣды ихъ платили двойные оклады. Поэтому они были избавлены отъ притѣсненій полиціи и поповъ. Народъ этотъ былъ хорошій. Теперь вотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ имѣніе (деревня Казанцово) въ нашемъ родѣ, но въ продолженіе этого довольно долгаго періода времени не только къ нашимъ крестьянамъ не наѣзжалъ судъ по

---

1) 1842 года, августъ.

Digitized by Google

уголовнымъ дѣламъ, но даже ни одинъ крестьянинъ никогда не былъ прикосновененъ къ какому бы то ни было дѣлу. Вина капли въ ротъ не берутъ. Они не богаты, но зажиточны; оброкъ небольшой (12 р. съ тягла); недоимокъ почти никогда не бывало. Въ Казанцовѣ я прежде всего познакомился съ раскольничьимъ бытомъ; неподалеку отъ деревни (верстахъ въ трехъ) былъ раскольническій скитъ Кошелевскій (поповщинскій). Здѣсь я познакомился съ скитскими жителями. Старшина моего селенія Иванъ Петровъ, умный, грамотный и довольно развитой человѣкъ, большой начетчикъ и сынъ начетчика, пользовался уваженіемъ отъ своихъ и чужихъ крестьянъ-раскольниковъ. Съ нимъ много мы толковали о расколѣ. Бывало, когда пріѣдетъ Иванъ Петровъ въ Нижній, цѣлые вечера проводили мы съ нимъ, говоря о расколѣ.

«Съ 1840 года директоромъ на нижегородской ярмаркѣ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, бывшій впослѣдствіи губернаторомъ калужскимъ, воронежскимъ и директоромъ департамента исполнительной полиціи (въ шестидесятыхъ годахъ). Мы съ нимъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ занимался исторіею русской церкви, хорошо зналъ церковный уставъ и изучалъ расколъ. Чрезъ него я познакомился съ Дементьемъ Васильевичемъ Пискаревымъ, съ Большаковымъ, съ Морозовымъ и другими раскольниками, торговавшими на ярмаркѣ старопечатными и старописьменными книгами и иконами. У нихъ бывало много раскольничьихъ рукописей; они скупали ихъ у приносившихъ и продавали въ Москвѣ раскольникамъ и М. П. Погодину. Покупать рукописи было не по моимъ средстамъ; но торговцы давали мнѣ ихъ на прочетъ. Я много читалъ, дѣлалъ выписки. Въ 1841 году пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ Погодинъ и познакомился со мною. Мы съ нимъ осматривали нижегородскія

Digitized by Google

древности, ярмарку; онъ накупилъ книгъ для своего древлехранилища и просилъ меня, какъ постояннаго нижегородскаго жителя, присматривать для него на ярмаркѣ и въ городѣ у Головастикова, тоже торговца старыми книгами и иконами, «рѣдкостныя вещи». Года четыре я занимался этимъ дѣломъ и еще болѣе познакомился съ раскольническою литературою. Въ это время я узналъ и Головастикова, съ которымъ впослѣдствіи пришлось встрѣтиться въ совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ» [1]). Занимаясь изслѣдованіемъ состоянія раскола въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ замѣтилъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ расколъ сильно ослабѣвалъ или даже вовсе прекращался, если помѣщикъ послѣдовательно преслѣдовалъ его отдачею раскольниковъ въ рекруты. Поэтому Мельниковъ пришелъ къ тому выводу, что если бы повсюду, гдѣ живутъ вмѣстѣ съ православными раскольники, стали отдавать

---

[1]) Въ «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи» П. И. Мельникова, составленномъ имъ по порученію министра внутреннихъ дѣлъ въ 1854 году, къ числу второстепенныхъ коноводовъ раскола въ этой губерніи былъ причисленъ и Алексѣй Семеновичъ Головастиковъ, нижегородскій третьей гильдіи купецъ, 55-ти лѣтъ, находившійся въ то время въ бѣгахъ. Въ этомъ отчетѣ Головастиковъ былъ очерченъ слѣдующимъ образомъ: «занимается торговлею старопечатными и старописьменными книгами и иконами и распространеніемъ между раскольниками сочиненій, направленныхъ противъ православія. Онъ разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ Россіи, скупалъ книги и письменные памятники нашей старины и продавалъ ихъ въ лавкѣ своей, на Нижнемъ Базарѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, торговалъ ими и на ярмаркѣ нижегородской. Онъ раскольникъ бѣглопоповской секты, но, поступивъ лѣтъ восемь тому назадъ на городскую службу, записался въ единовѣрцы, хотя на исповѣди и у причастія никогда не бывалъ. Онъ обладаетъ быстрымъ умомъ и рѣдкою памятью; знакомъ со старинною русскою литературою, а тѣмъ болѣе съ литературою раскольническою. Съ такими знаніями онъ проповѣдывалъ расколъ въ своей лавкѣ собиравшимся въ ней разнаго рода людямъ; особенно онъ занимался этимъ во время нижегородской ярмарки. Выбранный, по настоянію старшаго полиціймейстера Зенгбуша, въ ратманы нижегородской полиціи, Головастиковъ свелъ связи съ этимъ чиновникомъ и съ частнымъ приставомъ Коротковымъ, и, подъ покрови-

Digitized by Google

въ рекруты послѣднихъ, и притомъ начали бы очередь съ богатыхъ, то, по его мнѣнію, расколъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительно бы ослабѣлъ, такъ какъ фанатиковъ мало, а не фанатики обратились бы въ православіе. Понятно, что въ этомъ отношеніи наиболѣе затруднительнымъ дѣломъ было бы принятіе мѣръ къ отвращенію злоупотребленій, которыя непремѣнно были бы направлены въ пользу денежныхъ раскольниковъ. Эту мысль свою Мельниковъ высказалъ нижегородскому губернатору, князю Урусову, который послѣ сказалъ ему, что онъ помѣстилъ ее въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1853 годъ, и что императоръ Николай Павловичъ на томъ мѣстѣ, гдѣ эта мысль была изложена, собственноручно написалъ высочайшее повелѣніе: «Сдѣлать объ этой мѣрѣ соображеніе».

Сверхъ того, Мельниковъ предложилъ и другую мѣру для прекращенія раскола, которую онъ считалъ

тельствомъ ихъ, открыто распространялъ изъ лавки своей книги и вещи, способствующія къ поддержанію раскола. Онъ завелъ у себя и складочное мѣсто воровскихъ вещей, но когда оно было открыто мѣстнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ и началось дѣло, то уголовная палата предписала посадить его въ тюрьму. Полиція дала ему знать объ этомъ и способствовала его побѣгу, въ которомъ онъ и находится съ мая 1853 года. Головастиковъ—раскольникъ не по убѣжденію, но руководитъ раскольниками изъ расчетовъ корысти. Онъ знаетъ хорошо слѣдственную часть и гражданскіе законы, знакомъ и съ злоупотребленіемъ закона, извѣстнымъ подъ названіемъ крючкотворства. Всѣми этими знаніями онъ служитъ раскольникамъ. Случится ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, а особенно въ Заволжьѣ, дѣло по расколу, прикосновенные къ этому дѣлу идутъ совѣтоваться съ Головастиковымъ, который имъ даетъ наставленія: какъ показывать при допросахъ, что говорить на очныхъ ставкахъ, указываетъ на лицъ, посредствомъ которыхъ можно «обдѣлать дѣло», а также имѣетъ и наблюденіе за дѣлами, производящимися о раскольникахъ въ нижегородскихъ присутственныхъ мѣстахъ посредствомъ письмоводителя старшаго полиціймейстера. Раскольники не уважаютъ Головастикова, но онъ имъ человѣкъ нужный во всѣхъ отношеніяхъ и онъ руководитъ и поддерживаетъ расколъ разными своими противозаконными дѣйствіями. Торговлю книгами и иконами послѣ его бѣгства принялъ сынъ его Алексѣй».

Digitized by Google

едва ли не болѣе дѣйствительною, именно, отдачу въ кантонисты дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглыми попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію, словомъ, отъ «браковъ, неизвѣстныхъ правительству». Но и здѣсь необходимо было, по словамъ Мельникова, принять мѣры противъ примѣнителей закона, тѣмъ болѣе, что между раскольниками уже ходилъ въ то время (1854 г.) темный слухъ о намѣреніи правительства привести такую мѣру въ исполненіе. Слухъ этотъ распространился между раскольниками послѣ высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года о порядкѣ записыванія въ девятую народную перепись женъ и дѣтей раскольниковъ безпоповщинскихъ сектъ. Установленный порядокъ, даже и безъ отдачи въ кантонисты дѣтей раскольниковъ безпоповщинскихъ, оказался бы впослѣдствіи самымъ тяжелымъ, относительно рекрутскихъ наборовъ, ибо тогда семейства раскольниковъ, имѣющихъ замужнихъ дочерей, значительно увеличились бы, если бы были приписаны къ нимъ, подъ названіемъ незаконнорожденныхъ, всѣ дѣти ихъ дочерей: семейства эти не сходили бы съ рекрутской очереди. Раскольники Нижегородской губерніи, услышавъ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи, пришли въ ужасъ, сообразивъ будущія его послѣдствія, и многіе изъ нихъ хотѣли тотчасъ же обратиться въ церковь и обвѣнчаться. Но они достигли своей цѣли и безъ этого; они, какъ сказано Мельниковымъ въ отчетѣ о современномъ состояніи раскола, подкупили правителя канцеляріи губернатора, Сомова, который скрылъ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20-го іюня 1850 г. за № 2808 до тѣхъ поръ, какъ ревизія была кончена. Оно 3-го ноября, т. е. чрезъ два дня по заключеніи народной переписи, было передано въ губернское правленіе, но не отъ лица начальника губерніи, который и не зналъ этого, а изъ кан-

Digitized by Google

целяріи. Губернское правленіе, въ которомъ въ это время правитель канцеляріи Сомовъ былъ уже совѣтникомъ, по журналу 6-го ноября сдѣлало извѣстнымъ высочайшее повелѣніе, чрезъ пять почти мѣсяцевъ по его полученіи, и въ то время, когда его исполнить уже нельзя было. При повѣркѣ ревизіи посланнымъ чиновникомъ подъ рукою г. Сомовымъ было приказано отнюдь не касаться этого вопроса. Когда же нижегородская городская дума донесла, что въ нижегородскомъ купечествѣ есть раскольники безпоповщинской секты, совершающіе браки по своимъ обрядамъ, и что, за силою высочайшаго повелѣнія 10-го іюня 1850 года, дума, затрудняясь, какъ писать ихъ въ паспортахъ, испрашиваетъ разрѣшеніе губернскаго правленія, то, по вліянію вице-губернатора и совѣтника Сомова, по журналу 21-го декабря 1850 года, было постановлено, что думѣ не слѣдовало вовсе входить со своимъ представленіемъ. Такимъ образомъ, высочайшее повелѣніе, при подкупности чиновниковъ, было не исполнено и раскольники въ самомъ началѣ деньгами отразили отъ себя ударъ, который имъ готовился.

«Въ 1847 году—продолжаетъ Мельниковъ:—я (оставивъ за годъ передъ тѣмъ гимназію) былъ приглашенъ на службу княземъ Михаиломъ Александровичемъ Урусовымъ, тогдашнимъ нижегородскимъ губернаторомъ, и получилъ 8-го апрѣля этого года мѣсто чиновника особыхъ порученій. О князѣ Урусовѣ надобно сказать нѣсколько словъ.

«Онъ былъ старшимъ сыномъ оберъ-камергера, князя Александра Михайловича Урусова, который возвысился въ 1826 году, послѣ коронаціи императора Николая Павловича, и жилъ до смерти въ Москвѣ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ московскомъ великосвѣтскомъ обществѣ блистали двѣ дочери князя А. М. Урусова, обѣ красавицы. Марія была въ

Digitized by Google

первомъ бракѣ за графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, а во второмъ, послѣ его смерти, за княземъ Горчаковымъ (свадьба ихъ была въ 1838 году), бывшимъ впослѣдствіи канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ. Другая дочь, Софья, обратила на себя вниманіе императора Николая Павловича и была вслѣдствіе того виновницею возвышенія Урусовыхъ, до того времени не игравшихъ важной роли. Она вышла замужъ за князя Льва Радзивилла, наслѣдовавшаго отъ предковъ страсть къ медвѣжьей охотѣ, удальству и балагурству, но не наслѣдовавшему сочувствія къ полякамъ, своимъ соотечественникамъ. Братья княгини Радзивиллъ, воспитывавшіеся въ пажескомъ корпусѣ, сдѣлали карьеру. Старшій, Михаилъ, сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ и впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ; второй, Павелъ, пошелъ тѣмъ же путемъ и былъ генералъ-адъютантомъ, прочіе также. Они были не богаты, но женились, какъ говорится, счастливо: Михаилъ на дѣвицѣ Энгельгардъ, Павелъ на дочери министра народнаго просвѣщенія, графинѣ Уваровой, Петръ на Сипягиной (племянницѣ генералъ-адъютанта Бибикова, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ), всѣ трое на богатыхъ наслѣдницахъ. Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, возвратясь откуда-то изъ губерніи съ рекрутскаго набора, жилъ у отца, въ Москвѣ, которая, какъ извѣстно, славилась калачами, колоколами и невѣстами. «Что вы не женитесь, князь?» говорятъ красивому, статному флигель-адъютанту его знакомые.

— И радъ бы жениться да не на комъ!—отвѣчалъ Урусовъ.

— Да вотъ невѣста, племянница смоленскаго помѣщика Бѣлкина, mademoiselle Энгельгардъ. У дяди ея дѣтей нѣтъ, зато четыре тысячи душъ; племянницу Бѣлкины любятъ, какъ дочь; она воспитывалась у нихъ съ малолѣтства, крещена даже у нихъ въ домѣ, а не

Digitized by Google

у отца, богатаго дѣтьми, но не имѣніемъ. Все бѣлкинское имѣніе пойдетъ къ Екатеринѣ Петровнѣ Энгельгардъ.

«Князь М. А. Урусовъ былъ человѣкъ практическій, а Бѣлкинъ во всякомъ флигель-адъютантѣ видѣлъ полубога. Чрезъ недѣлю сыграли свадьбу. Екатерину Петровну не спрашивали; она была слишкомъ молода и могла бы отказаться «отъ счастья» быть женою флигель-адъютанта и княгинею. Она, восемнадцатилѣтняя дѣвица, назвала красиваго жениха «солдатомъ» и со слезами обвѣнчалась. Свѣтская дѣвушка назвала флигель-адъютанта «солдатомъ» въ 1840 году. Явленіе довольно рѣдкое. Екатерина Петровна имѣла всѣ задатки, чтобы сдѣлаться замѣчательною женщиною, но пустота свѣтской женщины и затѣмъ пустота провинціальная, скука, безлюдье въ Нижнемъ убили эти задатки. Но если этимъ запискамъ суждено дойти до тѣхъ людей, которые послѣ насъ будутъ жить, пусть не умретъ свидѣтельство современника, четыре года бывшаго близкимъ человѣкомъ къ Урусовымъ, ежедневнаго ихъ гостя, знавшаго до мельчайшихъ подробностей домашній и общественный бытъ ихъ: ее оклеветали въ Нижнемъ, а съ нижегородской клеветы и въ Петербургѣ».

По должности чиновника особыхъ порученій при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, Мельникову пришлось совершать безпрерывно поѣздки по губерніи. Какъ изучавшему расколъ, ему поручались, предпочтительно передъ другими, дѣла, имѣвшія съ нимъ соприкосновеніе. Въ первомъ же году своего состоянія при князѣ Урусовѣ Мельниковъ отличился выполненіемъ очень труднаго, но еще болѣе щекотливаго, порученія. Въ 1847 году холера появилась на окраинахъ Россіи, между прочимъ, и въ Астрахани. При общей тревогѣ, необходимо было предупреждать появленіе эпидеміи на нижегородской ярмаркѣ, которая могла разстроиться въ

Digitized by Google

своихъ торговыхъ оборотахъ. Въ этомъ году, вслѣдствіе предшествовавшаго неурожая въ западной Европѣ, особенно въ Ирландіи, изъ Россіи вывезено было заграницу огромное, небывалое еще количество хлѣбнаго товара. Въ Рыбинскѣ Волга въ іюнѣ покрыта была сплошными рядами судовъ всякой конструкціи на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Посреди этого многотысячнаго каравана съ хлѣбомъ оставленъ былъ узкій проходъ для двухъ встрѣчныхъ судовъ, которыя съ трудомъ проходили въ этомъ мѣстѣ рѣку. Мнѣ самому пришлось въ іюнѣ съ большимъ затрудненіемъ проплыть сквозь этотъ караванъ на тихвинкѣ. Въ виду появленія въ Астрахани холеры, высочайше повелѣно было осматривать всѣхъ людей и всѣ суда, направлявшіяся вверхъ по Волгѣ на нижегородскую ярмарку, но производить подобный осмотръ на столько тайно, чтобы не произвести тревоги отъ холеры въ ярмаркѣ. Этотъ секретный карантинъ порученъ былъ П. И. Мельникову. Въ послужномъ его спискѣ сказано, что онъ «съ 1 августа по 15-е сентября, осмотрѣвъ до 2,500 судовъ, шедшихъ изъ низовыхъ губерній къ Нижнему-Новгороду, не подалъ повода заключить о цѣли осмотра, которая могла бы нарушить спокойствіе на нижегородской ярмаркѣ». Мельниковъ провелъ по этому случаю болѣе мѣсяца съ бурлаками, переходя съ одного судна на другое, у Печерской брандвахты на Волгѣ, подъ Нижнимъ Новгородомъ.

Въ продолженіе трехлѣтней службы своей чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ Мельниковъ, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, исполнилъ, по предписаніямъ губернскаго начальства, 87 порученій, большею частію секретныхъ (т. е. раскольничьихъ), изъ которыхъ, сверхъ осмотра судовъ въ 1847 году, важнѣйшими были: произведеніе дѣлъ о раскольническомъ инокѣ Варлаамѣ, ока-

Digitized by Google

завшемся крестьяниномъ Калужской губерніи, бѣжавшимъ въ 1813 году; произведеніе слѣдствія о пожарѣ въ городѣ Семеновѣ, бывшемъ въ 1847 году; произведеніе изслѣдованія о безпорядкахъ, бывшихъ въ церкви села Пуреха, при выносѣ изъ нея чудотворнаго животворящаго креста; составленіе подробнаго описанія раскольническихъ скитовъ Нижегородской губерніи; открытіе въ часовнѣ Городца колоколовъ, которые отыскивались съ 1826 года; произведеніе слѣдствія объ открытыхъ безпорядкахъ въ раскольническомъ Керженскомъ скитѣ; обращеніе къ единовѣрію путемъ убѣжденія Керженскаго и Осиновскаго раскольничьихъ скитовъ; произведеніе слѣдствія объ оглашеніи раскольниками бывшей въ Шарпанской деревнѣ иконы Казанской Богородицы; командировка въ Сергачскій уѣздъ, по случаю появленія тамъ раскола, раскрытіе существованія тамъ ереси, начальникъ которой обратился къ единовѣрію, вслѣдствіе увѣщаній Мельникова.

Можетъ быть, я ошибаюсь въ своемъ предположеніи, но обращеніе къ единовѣрію поповцевъ вызвано было слѣдующими обстоятельствами: у керженскаго раскольничьяго монаха Тарасія (впослѣдствіи игуменъ Керженскаго единовѣрческаго монастыря, скончавшійся 89 лѣтъ, 10 августа 1876 г.) украли пудъ меду. Семеновскій исправникъ, дѣлая обыскъ у подозрѣваемаго въ томъ крестьянина Арефья Иванова, превысилъ свою власть. Ивановъ, жалуясь на это губернатору, объявилъ, что въ Керженскомъ скитѣ производятся разные безпорядки. Дознаніе поручено было П. И. Мельникову. При произведенномъ имъ въ 1848 году обыскѣ Керженскаго скита, имъ найдены были разныя запрещенныя раскольникамъ вещи и писанный рукою монаха Діонисія (Дмитрія Рахманова), подложный высочайшій указъ за подписаніемъ будто бы государя императора о свободѣ раскольническаго богослуженія всѣхъ толковъ

Digitized by Google

и сектъ. Изъ этого подложнаго [1]) указа можно видѣть, что Діонисій мало былъ образованъ и не зналъ формъ государственныхъ постановленій; указъ начинался: «По указу его императорскаго величества» и т. д., а въ концѣ сказано: «На подлинномъ написано тако: Николай, министръ Волконскій, министръ финансовъ, синодальный оберъ-прокуроръ». Впрочемъ, быть можетъ, такая безсмысленная форма сильнѣе увѣряла въ истинѣ подложнаго указа легковѣрныхъ раскольниковъ.

Рахмановъ былъ братъ извѣстныхъ въ то время коноводовъ рогожскаго согласія: Алексѣя Андреевича [2]) и Ѳедора Андреевича Рахмановыхъ, хлѣбныхъ торговцевъ, одинъ изъ первѣйшихъ московскихъ богачей. Третій братъ, Дмитрій, въ монашествѣ Діонисій, жилъ преимущественно въ Керженскомъ скитѣ, Семеновскаго уѣзда. Рахмановы принадлежали къ числу тѣхъ, которые рѣшились искать архіерейства. Они съ самаго начала Бѣлой Криницы изъявили желаніе имѣть особаго для Россіи епископа. Говорятъ, они думали, соединивъ всю русскую поповщину подъ духовное главенство Амвросія, назвать его «митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи», а подначальнаго ему епископа, который жилъ бы въ Москвѣ, именовать архіепископомъ московскимъ. Разсказываютъ, будто бы личные разсчеты Рахмановыхъ побуждали ихъ къ этимъ затѣямъ: имъ хотѣлось имѣть епископа, принадлежащаго къ ихъ семьѣ, чтобы посредствомъ него управлять всею

---

[1]) Въ сентябрѣ 1884 года одинъ поповецъ въ нижегородскомъ Заволжьѣ, человѣкъ уважаемый въ своей средѣ, начитанный и очень развитой, увѣрялъ меня, что этотъ указъ не подложный, вопреки удостовѣренію П. И. Мельникова. Такое убѣжденіе, повидимому, донынѣ сохранилось въ средѣ поповцевъ.

[2]) Въ тѣ годы говорили, что онъ оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ отказалъ 1.406,000 р. на разныя благотворенія, а душеприказчикамъ словесно объявилъ свою волю, чтобы эти деньги были отправлены въ Бѣлую Криницу.

Digitized by Google

поповщиною, обитающею въ Россіи. По этимъ расчетамъ Діонисій и долженъ былъ получить омофоръ отъ Амвросія. Мельниковъ, производя дознаніе въ Керженскомъ монастырѣ въ 1848 году, слышалъ, что Діонисій въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ подъ судомъ въ Костромской губерніи за пропаганду по расколу и, чтобы избавиться отъ наказанія, далъ подписку объ обращеніи къ единовѣрію, но, получивъ свободу, тотчасъ же впалъ опять въ расколъ, снова поселился въ Керженскомъ скиту и поддерживалъ связи нижегородскаго Заволжья съ Рогожскимъ кладбищемъ. Милліонеръ Діонисій высоко стоялъ въ глазахъ нижегородскихъ раскольниковъ и по своему огромному богатству, и по своему фанатизму въ расколѣ. Возвращаясь изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Москву, Діонисій разсказывалъ легковѣрнымъ раскольникамъ, жившимъ въ керженской глуши, будто бы онъ, или братъ его Алексѣй, имѣли счастіе разговаривать въ Москвѣ съ государемъ императоромъ или съ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и слышали будто отъ нихъ, что всѣ стѣсненія свободы раскольниковъ по богослуженію происходятъ безъ вѣдома императорской власти. Кончилось это тѣмъ, что Діонисій сталъ писать [1]) подложные указы, за подписью будто бы государя императора о свободѣ раскольническаго богослуженія. Съ 1847 года Діонисій жилъ большею частію въ Москвѣ, пріѣзжая, впрочемъ, и на Керженецъ и, вѣроятно, привозя сюда для сохраненія принадлежности будущаго своего архіерейскаго служенія. При обыскѣ, произведенномъ Мельниковымъ въ Керженскомъ скитѣ, въ іюлѣ 1848 года, были имъ найдены, между прочимъ,

---

[1]) Тотъ же поповецъ удостовѣрялъ меня, что Діонисій не могъ «писать этихъ указовъ, потому что онъ вообще не занимался письменнымъ дѣломъ».

Digitized by Google

архіерейскія рипиды, посеребренныя, съ вызолоченными херувимами, совершенно новыя.

Открытіе Мельниковымъ подложнаго указа вызвало слѣдствіе, стали требовать къ нему Діонисія, который по этому случаю не только не могъ получить заграничнаго паспорта для поѣздки въ Бѣлую Криницу за омофоромъ, но и самъ долженъ былъ отъ поисковъ полиціи уѣхать изъ Москвы въ Рыбинскъ, а когда слѣдователь узналъ объ этомъ его мѣстопребываніи и, снявъ чрезъ рыбинскую полицію съ него допросъ, потребовалъ его въ Нижегородскую губернію для очныхъ ставокъ, то Діонисій скрылся отъ поисковъ полиціи. Съ 1849 года [1]) онъ скрывался въ Москвѣ, въ какихъ-то особыхъ помѣщеніяхъ у своихъ братьевъ, купцовъ Рахмановыхъ [2]).

Подложный указъ Діонисія грозилъ карою всѣмъ монахамъ Керженскаго раскольничьяго монастыря, а потому весьма возможно, что это обстоятельство усилило убѣжденія Мельникова, и скитники перешли въ единовѣріе, чтобы избѣжать уголовщины, тѣмъ болѣе, что и покровитель ихъ Діонисій скрылся.

Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, обратилъ вниманіе на подобную разнообразную, неутомимую дѣятельность провинціальнаго чиновника, и 19 мая 1850 года, безъ просьбы Мельникова, причислилъ его къ своему министерству, оставивъ его при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ до окончанія

---

[1]) Во время венгерской кампаніи 1849 года, въ разныхъ мѣстахъ Россіи ходили между старообрядцами толки, будто бы война происходитъ за лже-митрополита, котораго Австрія не выдаетъ Россіи. Когда военныя дѣйствія въ 1849 году происходили невдалекѣ отъ Бѣлой Криницы, то главные старообрядцы въ Россіи сильно опасались, чтобы ихъ іерархія не была уничтожена въ самомъ своемъ началѣ.

[2]) Онъ скрылся наконецъ въ Черниговскую губернію, гдѣ и скончался.

Digitized by Google

начатыхъ имъ статистическихъ работъ по городамъ Нижегородской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что на Мельникова указалъ графу Перовскому Владиміръ Ивановичъ Даль, бывшій прежде начальникомъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и пользовавшійся его довѣріемъ. Въ 1849 году Даль поселился въ Нижнемъ Новгородѣ, по должности управляющаго тамошнею удѣльною конторою и вскорѣ до того сблизился съ Мельниковымъ, что послѣдній все свое свободное время проводилъ въ семействѣ казака Луганскаго, уже тогда славившагося знаніемъ русскаго народа и его быта.

Мельниковъ 1850 и 1851 годы оставался въ Нижнемъ-Новгородѣ, исполняя разныя порученія своего министерства и, между прочимъ, изслѣдуя городское хозяйство въ разныхъ городахъ Нижегородской губерніи. Въ августѣ 1850 года, во время пребыванія въ Нижнемъ Новгородѣ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, онъ назначенъ былъ состоять при ихъ императорскихъ высочествахъ, для объясненій мѣстныхъ достопримѣчательностей, какъ знатокъ ихъ. Мельниковъ поднесъ имъ свои и др. сочиненія: «Нижегородская ярмарка», «Балахна», и собственноручную рукопись Гермогена, патріарха московскаго, о явленіи иконы Богородицы въ Казани, за что удостоился получить отъ ихъ высочествъ брилліантовый перстень.

Въ 1852 году Мельниковъ явился въ Петербургъ. Онъ уже былъ однажды въ обѣихъ столицахъ, въ 1845 году, осенью, когда бралъ для того двухмѣсячный отпускъ, во время котораго увеличилъ свои литературныя связи и знакомства. Въ 1852 году онъ явился къ мѣсту своего новаго служенія, въ министерсво внутреннихъ дѣлъ. Въ сохранившихся его письмахъ изъ Петербурга этого времени заключается много харак-

Digitized by Google

терныхъ особенностей, по отношенію къ Мельникову, и къ тогдашнимъ административнымъ порядкамъ. Вотъ что онъ писалъ, отъ 23-го марта 1852 года: «Въ среду, 19-го марта, представлялся я министру внутреннихъ дѣлъ, потому что наконецъ ему сказали обо мнѣ. Позвалъ меня въ свой кабинетъ и говорилъ съ полчаса. Скажу вамъ одно: собираясь въ Петербургъ, думалъ я не разъ о представленіи графу Перовскому, но, признаюсь вамъ, въ самыхъ пылкихъ мечтахъ не предполагалъ я такого лестнаго пріема, какой былъ мнѣ оказанъ. Что изъ этого вышло, узнаете современемъ. Теперь же скажу только одно: я возвращаюсь, по «особому приказанію» министра въ Нижегородскую губернію и, кончивъ «особое» дѣло, по которому онъ почтилъ меня своею довѣренностію, возращаюсь къ новому 1853 году въ Петербургъ навсегда. Ревизующимъ же городское хозяйство въ Нижегородской губерніи назначается другой; кажется, будетъ Толстой, не графъ Дмитрій Николаевичъ, а его родственникъ, Николай Васильевичъ. Я же буду чиновникомъ департамента иностранныхъ исповѣданій, и въ 1853 году придется жить либо въ Ригѣ, либо въ Одессѣ. Цѣль же моего возвращенія въ Нижній такова, что узнаютъ объ ней послѣ моего отъѣзда и тогда, можетъ быть, скоро еще не поймутъ. Приготовляется на Нижній туча. Крѣпись, князь Урусовъ! Невѣрное пока извѣстіе, а едва ли не мнѣ же и ярмарку поручатъ, вмѣсто Старикова. Предписаніе описать положеніе ярмарки я уже получилъ».

Отъ 29-го марта Мельниковъ писалъ: «Здѣсь удивляются, почему я отказываюсь отъ того, что мнѣ даютъ теперь же, и ѣду въ Нижній Новгородъ возиться съ княземъ Урусовымъ, Зенгбушами [1]) и т. п. Но если бы

---

[1]) Въ 1851 году было предписано нижегородскому губернатору, одного подсудимаго скопца въ Лукояновскомъ уѣздѣ одѣть въ бабій

Digitized by Google

я не видѣлъ въ Нижнемъ счастья, котораго никогда не доставятъ никакія служебныя положенія, то было бы въ высшей степени неблагоразумно съ моей стороны возвращаться въ Нижній-Новгородъ, тѣмъ болѣе, что теперь здѣсь, находясь въ томъ обществѣ, къ которому я всегда стремился, я стряхнулъ съ себя грязь нижегородскую. Совѣстно мнѣ самого себя, когда я вспомню, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ прія-

---

сарафанъ и показать народу на базарѣ. Вмѣсто того, чтобы это исполнить подъ рукою такъ, чтобы никто не догадался, что на подобную мѣру послѣдовало высочайшее соизволеніе, мѣстное начальство облекло это исполненіе въ такія формы, которыя съ самаго начала не предвѣщали ничего добраго. Для того, чтобы одѣть скопца въ сарафанъ, командировали слишкомъ за двѣсти верстъ старшаго полиціймейстера Нижняго-Новгорода, Зенгбуша. Вся Нижегородская губернія въ то время болѣе или менѣе понимала значеніе старшаго полиціймейстера Зенгбуша, который, по своему неограниченному вліянію на губернатора, генералъ-лейтенанта князя Урусова, во многихъ отношеніяхъ, можно сказать, управлялъ всѣмъ краемъ. Командированіе такого чиновника, до тѣхъ поръ не выѣзжавшаго никуда изъ Нижняго-Новгорода, не могло не обратить тревожнаго вниманія, по крайней мѣрѣ, трехъ уѣздовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, тѣмъ болѣе, что тотчасъ же пошла молва, что ѣдетъ онъ по секретному высочайшему повелѣнію. Г. Зенгбушъ—нѣмецъ, лютеранинъ, не имѣлъ понятія о расколѣ и русскомъ народномъ бытѣ. Взявъ скопца изъ Лукояновскаго тюремнаго замка, онъ съ особенною торжественностью провезъ его 47 верстъ до заштатнаго города Починокъ, какъ будто въ Лукояновѣ не было базара. Мельниковъ, ревизуя городское хозяйство, былъ все это время въ сосѣднемъ городѣ Арзамасѣ «и слышалъ всеобщую народную молву, что полиціймейстеръ ѣдетъ казнить скопца. Зенгбушъ, нарядивъ скопца въ сарафанъ, хотѣлъ показать свое усердіе къ службѣ тѣмъ, что, какъ онъ выразился, кажется, даже въ рапортѣ своемъ» «пригласилъ народъ плевать скопцу въ глаза». Но на многолюдномъ базарѣ не было смѣха: смущенная толпа, вслѣдствіе распространившейся молвы о казни, ожидала появленія палача и висѣльцы. Кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ, и раскольники, и не раскольники смотрѣли на скопца, какъ на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно въ уѣздный городъ, то народное къ нему участіе выразилось въ необыкновенно щедромъ подаяніи ему калачами и деньгами. Скопчество и хлыстовщина отъ такой мѣры не только не уменьшились въ Лукояновскомъ уѣздѣ, но даже увеличились; чрезъ нѣсколько времени хлысты явились даже въ церковномъ клирѣ одного селенія Лукояновскаго уѣзда».

Digitized by Google

телемъ князя Гагарина [1]), о которомъ и говорить-то здѣсь не прилично, и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ усерднымъ посѣтителемъ нижегородскаго клуба и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ разными лицами, слывущими якобы за умныхъ людей. Ну, право, совѣстно за самого себя! И вспомню Екатерину Львовну, какъ, бывало, разбранитъ она меня за клубныя похожденія, да прибавитъ: «Хотя и жаль васъ, Павелъ Ивановичъ, а надобно васъ вонъ изъ Нижняго, въ другое общество». По возвращеніи въ Нижній, я думаю, вы меня не узнаете, тѣмъ болѣе, что мнѣ дано и оффиціально приличное наставленіе, какъ вести себя въ провинціи. Дѣйствительно, не прилично мнѣ возиться съ помянутыми господами. Это, какъ увидалъ я, можетъ повредить моей репутаціи здѣсь. Богъ и тутъ былъ ко мнѣ милостивъ: меня понимаютъ за человѣка солиднаго и положительнаго, которому можно поручить всякое дѣло. Слава Богу, здѣсь не знаютъ объ отношеніяхъ моихъ къ князю Гагарину и о клубныхъ похожденіяхъ, а то было бы дѣло дрянь. Согласитесь, что надобно же поддержать здѣшнюю репутацію, которой я дорожу столько же, сколько пренебрегаю сужденіями нижегородскими. Возвратясь въ Нижній-Новгородъ, рѣшительно разрываю всѣ мои связи съ Нижнимъ, кромѣ васъ и Даля съ Панютинымъ. Пусть зовутъ меня гордецомъ, пусть фанфарономъ, хвастуномъ, неучемъ, какъ угодно — для меня все равно. Надобно же поддержать составленное здѣсь мнѣніе, что полезно и для службы. А во мнѣ, повѣрьте, достанетъ на это силы воли. Рѣшеніе мое твердо».

Отъ 1-го мая: «Изъ Новгорода я возвратился по желѣзной дорогѣ утромъ 24-го апрѣля, и все это время,

---

[1]) Извѣстный своими скандалами, нижегородскій помѣщикъ князь Левъ Гагаринъ, сосланный затѣмъ на житье въ Вологду.

Digitized by Google

отъ пріѣзда въ Петербургъ до настоящаго дня, проведено мною въ такой служебной суетѣ, что другой на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, сошелъ бы съ ума. Не пускаютъ изъ Петербурга, да и все тутъ. «Сдѣлайте то, да напишите мнѣніе объ этомъ, дайте заключеніе томъ». И это каждый день, и утромъ, и вечеромъ. Если еще недѣля пройдетъ въ такомъ положеніи—бѣгу изъ Петербурга; иначе не вырвешься. Правду говаривалъ мнѣ Владиміръ Ивановичъ Даль, что не слѣдуетъ быть слишкомъ усерднымъ; вижу теперь справедливость его словъ... Я честолюбивъ, но брошу въ грязь всевозможную почесть и славу; я гордъ, но готовъ поклониться негодяю, если бы отъ этого зависѣло наше соединеніе [1]). Слова мои искреннія, правду мою Богъ видитъ... Скажу одно: министръ [2]) меня приблизилъ къ себѣ. Остальное говорить подожду, потому что, хотя теперь и дѣлаются распоряженія объ измѣненіи моего положенія, но готовящееся мнѣ дѣло такъ неожиданно и такъ высоко, что мнѣ и самому не вѣрится, а совершенно повѣрю тогда лишь, какъ будетъ въ рукахъ предписаніе. Но отразятся въ Нижнемъ разговоры мои съ министромъ и отразятся добромъ... Между прочимъ, поручено мнѣ географическимъ обществомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ произвести изслѣдованіе о мордовскомъ населеніи въ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Самарской губерніяхъ».

Отъ 8-го мая: «Быть можетъ, до васъ дойдутъ слухи о томъ, что я арестованъ. Повѣсть «Красильниковы» имѣла сильный успѣхъ, но цензура, говорятъ, возопіяла и послала въ Москву узнать, кто такой «Пе-

---

[1]) Письма эти посылались къ его тогдашней невѣстѣ, впослѣдствіи второй его женѣ.

Графъ Перовскій.

Digitized by Google

черскій» [1])... Если это справедливо, безъ непріятностей не обойдется: здѣсь то и дѣло литераторы на гауптвахтѣ сидятъ. Авось и пройдетъ! По поводу этой повѣсти Панаевъ въ «Современникѣ» превознесъ меня. И въ самомъ дѣлѣ, «Красильниковыхъ» читаютъ на расхватъ. Панаевъ задалъ мнѣ обѣдъ; вмѣсто 50 р. за листъ, которые даетъ Погодинъ, предлагаетъ 75 р. с. за листъ. Если не запретятъ писать, надобно будетъ воспользоваться этимъ выгоднымъ предложеніемъ» [2]).

Отъ 16-го мая изъ Петербурга: «Не буду писать вамъ о томъ, какъ меня преобразовали здѣсь съ внѣшней стороны, и по костюму, и даже по лицу, какъ изъ меня сдѣлали модную картинку (нельзя, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой не велѣлъ иначе и въ люди показываться),—лучше о дѣлѣ. Принятъ я здѣсь очень хорошо. Н. А. Милютинъ, съ которымъ мнѣ всего нужнѣе поладить, съ перваго свиданія въ Географическомъ Обществѣ, пригласилъ завтра обѣдать. Послѣ завтра обѣдаю у Н. И. Надеждина, тоже человѣка сильнаго въ министерствѣ. Товарищъ министра Лексъ принялъ меня чрезвычайно любезно. А Оржевскій, директоръ департамента полиціи исполнительной, принялъ такъ, что я и не ожидалъ. Съ перваго слова назвалъ меня «бѣглецомъ», сказалъ, что мнѣ готовились слѣдствія въ Арзамасѣ и въ Нижнемъ, что уже бумаги

---

[1]) Псевдонимъ «Печерскій» употребленъ былъ впервые Мельниковымъ не въ 1852 году, подъ повѣстью «Красильниковы», появившейся въ «Москвитянинѣ», а въ 1850 году, подъ статьею: «Концерты на нижегородскомъ театрѣ», напечатанной въ № 17 «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Только въ 1850 году онъ подписался «П. Печерскій», а въ 1852 году «Андрей Печерскій».

[2]) Можно кстати замѣтить, для исторіи гонорара въ нашей журналистикѣ, что редакторъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», Амплій Николаевичъ Очкинъ, объявляя объ изданіи ихъ (бывшихъ въ то время еще не въ арендѣ у него, на 1841 годъ, упомянулъ, что редакція за переводы платитъ отъ 30 до 60 руб. асс. съ листа, а за оригинальныя статьи отъ 100 до 200 р. асс.

Digitized by Google

написаны и проч. и проч. Ѣдетъ на мое мѣсто Рожновъ, который, впередъ говорю, утопитъ полицію. Я получилъ приказаніе: одинъ часъ въ недѣлю являться къ Оржевскому, для доклада о городскихъ и земскихъ полиціяхъ. Причиною такого вниманія ко мнѣ Оржевскаго — дѣла, произведенныя мною по высочайшему повелѣнію [1]). Онъ меня благодарилъ за нихъ и при этомъ сказалъ: «Да какой вы молоденькій! А я думалъ, что у васъ уже внучата растутъ». Директоръ департамента общихъ дѣлъ, Гвоздевъ (для меня, впрочемъ, не очень нужный) принялъ меня холодно, и я слышалъ отъ него разные намеки на мои отношенія къ князю Урусову. Скрипицынъ, директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, меня очень обласкалъ и чрезъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго предлагаетъ мнѣ мѣсто у себя чиновникомъ особыхъ порученій, съ 1,500 р. с. жалованья, кромѣ суточныхъ во время командировокъ, что всего составитъ до 3,000 или 2,500 р. Жить въ Петербургѣ, на виду у министра, дорога широкая, словомъ быть назначеннымъ на мѣсто племянника графа Д. Н. Толстого, который 28 лѣтъ отъ роду попалъ въ вице-директоры, и хотя мѣсто его упразднили, но графъ Перовскій выпросилъ у государя возстановленіе этого мѣста. Вотъ какая дорога: изслѣдованіе и составленіе исторіи всѣхъ иновѣрцевъ въ Россіи, кромѣ католиковъ, исторію которыхъ Толстой уже кончилъ. Дѣло бы очень хорошее, но ничего не скажу Скрипицыну. Жду вашего рѣшенія. Разумѣется, что при этомъ откладывать свадьбу на два года невозможно. Все, что могу я сдѣлать — возвратиться въ Нижній, засѣсть тамъ за работы, работать до ноября и, кончивъ въ это время одну нижегородскую думу, уѣхать совсѣмъ въ Петербургъ. Чрезъ два года придется быть

---

[1]) Т. е. порученія по раскольничьимъ дѣламъ.

Digitized by Google

въ Ригѣ, или въ Эчміадзинѣ, у армянскаго патріарха. Жду вашего рѣшенія».

22-го мая 1852 года Мельниковъ назначенъ былъ начальствующимъ статистическою экспедиціею въ Нижегородской губерніи, независимо отъ другого порученія, возложеннаго на него тамъ же министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это порученіе имѣло цѣлью сдѣлать самое вѣрное исчисленіе раскольниковъ. Получивъ это назначеніе, Мельниковъ писалъ изъ Петербурга отъ 20-го мая: «О томъ, что мнѣ даны три помощника изъ министерскихъ чиновниковъ, что мой штатъ усиленъ, что мнѣ поручена ревизія ярмарки, полиціи со всѣми ея частями и отдѣленіями, равно и старшаго полиціймейстера и проч., о томъ, что мнѣ слѣдуетъ обозрѣть въ Нижнемъ лѣсную и соляную пристани и состояніе на нихъ рабочаго класса, о томъ, что я сдѣланъ начальствующимъ нижегородскою экспедиціею — обо всемъ этомъ вы, вѣроятно, уже слышали, ибо бумаги отъ министровъ объ этомъ посланы, равно какъ и письмо нашего министра къ губернскому предводителю о томъ, что мнѣ же поручено исчисленіе дворянъ и помѣщичьихъ крестьянъ, равно какъ и различныя объ этомъ соображенія».

Мельниковъ съ присущею ему ретивостью принялся за статистическое описаніе Нижегородской губерніи, и дѣйствительно, по своей полнотѣ и отчетливости, оно вышло образцовымъ. До такихъ же работъ земства, такимъ подробнымъ образомъ описана была у насъ еще только Ярославская губернія. Помощниками его въ этой статистической работѣ были С. Н. Аксаковъ, Огородниковъ и Зайцевскій. Мельникову Нижегородская губернія была уже хорошо знакома по разъѣздамъ по ней, при исполненіи разнообразныхъ порученій губернатора, между прочимъ по составленію инвентарей недвижимыхъ имуществъ, а также по

Digitized by Google

возложенному на него въ 1850 году министромъ внутреннихъ дѣлъ подробному обозрѣнію городского хозяйства. На Мельникова возложено было въ послѣдней работѣ: 1) обревизовать дѣйствія городскихъ учрежденій и обнаружить существующій недостатокъ въ общественномъ и хозяйственномъ управленіи; 2) составить подробные инвентари городскихъ недвижимыхъ имуществъ; 3) составить статистическія описанія, долженствующія заключать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, какія необходимы для правильнаго сужденія объ источникахъ и развитіи общественнаго и частнаго богатства городовъ, а также о состояніи наружнаго и общественнаго ихъ устройства, и 4) на основаніи собранныхъ свѣдѣній, представить соображенія о лучшемъ устройствѣ какъ хозяйственныхъ, такъ и общественныхъ дѣлъ.

Статистическое описаніе Нижегородской губерніи заняло у Мельникова весь 1852 годъ. Онъ писалъ, напримѣръ, изъ Княгинина, отъ 23-го іюля: «Никакъ не предполагаю кончить объѣзда Княгининскаго уѣзда ранѣе 15-го августа. Торопился къ Аксакову, но въ Митинѣ его не нашелъ. Думая, что скоро онъ подъѣдетъ, легъ спать въ тарантасѣ, на улицѣ, но Аксаковъ пріѣхалъ не ранѣе трехъ часовъ утра. Воскресенье провели въ дорогѣ. Въ Арзамасѣ, въ трактирѣ, занимались вмѣстѣ съ Аксаковымъ приготовленіемъ трапезы, въ которой чувствовали сильную потребность, и оба нашли, что каждый изъ насъ имѣетъ способности къ поваренному искусству, такъ что если бы мы не были министерскими чиновниками, то непремѣнно призанялись бы изученіемъ науки приготовлять снѣдь смертнымъ и, почему знать, можетъ быть, прославились бы въ Россіи такъ же, какъ прославился во Франціи поваръ Каремъ [1])».

[1]) Мельниковъ былъ большой гастрономъ, умѣвшій не только заказывать вкусные обѣды, но и совѣтовать, какъ изготовлять то, или дру-

Digitized by Google

Между тѣмъ, графъ Левъ Александровичъ Перовскій, впавшій временно въ немилость у императора Николая Павловича, былъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ, который 16-го января 1853 г. предписалъ Мельникову: «Съ полученіемъ сего, прекратить дальнѣйшія занятія ваши, относительно изслѣдованія настоящаго числа раскольниковъ, проживающихъ въ Нижегородской губерніи, представивъ мнѣ немедленно всѣ сданныя вами доселѣ по сему предмету изысканія». Мельниковъ поспѣшилъ въ Петербургъ, и, отъ 26-го января, писалъ въ Нижній, что онъ «остался ревизующимъ городское имущество по тремъ губерніямъ: Нижегородской, Казанской и Вятской». Но 10-го іюня 1853 года состоялось высочайшее повелѣніе о приведеніи въ точную извѣстность современнаго раскола въ Нижегородской губерніи, и Мельниковъ вызванъ былъ въ Петербургъ. О своемъ пребываніи въ столицѣ онъ сообщалъ своей женѣ слѣдующія свѣдѣнія отъ 17-го іюля: «О дѣлахъ моихъ покамѣстъ ничего не могу сказать рѣшительнаго, ибо еще не представлялся министру. Едва ли не буду у него завтра, въ субботу, 18-го іюля. Теперь лѣто, всѣ живутъ на дачахъ и потому чрезвычайно не легко видаться съ тѣми и другими знакомыми. Въ день моего пріѣзда я обѣдалъ у Ник. Ив. Надеждина [1]). Ты вѣдь знаешь, что онъ на меня сердился, но съ пяти словъ мы съ нимъ поладили попрежнему и теперь такъ же хороши, какъ и прежде. Съ Н. А. Милюти-

ое кушанье. Въ его бумагахъ я нашелъ, напримѣръ, собственноручно написанные имъ рецепты для приготовленія соусовъ. Въ его романахъ «Въ Лѣсахъ» и «На горахъ, при описаніи имъ обѣдовъ, угощеній, разныхъ закусокъ, видно его умѣнье «вкусно покушать».

[1]) Въ то время всѣ раскольническія дѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточены были въ рукахъ Н. И. Надеждина.

Digitized by Google

нымъ видѣлся только два раза въ департаментѣ, хотя живу противъ того дома (на Владимірской), гдѣ его квартира, но онъ въ ней не бываетъ, потому что квартиру его передѣлываютъ; своей же дачи онъ не имѣетъ, а бываетъ на дачахъ, то у графа Киселева, то у великой княгини Елены Павловны. Стало быть, забираться къ нему уже мнѣ высоко; нашего брата туда и не пустятъ. Былъ сегодня у директора департамента общихъ дѣлъ, Гвоздева. Думалъ, что будетъ иначе, нежели вышло. Принялъ онъ меня очень скоро, поважничалъ и потомъ съ иронической улыбкой сказалъ:

— «Вы такъ скоро, такъ быстро работаете; вы такъ отчетливо все дѣлаете; вы такъ знакомы съ разнообразными предметами управленія; вы одинъ изъ первыхъ статистиковъ, и мы въ правѣ были ожидать вашихъ работъ скорѣе!»

«На эти слова, съ усмѣшкою сказанныя, я отвѣчалъ, что я дѣйствительно сдѣлалъ въ началѣ ошибку, начавъ дѣло въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ. На это онъ, прервавъ меня, сказалъ: «Да, вы сдѣлали много ошибокъ, которыя, впрочемъ, можетъ быть, и не будутъ имѣть на васъ вліянія. Прощайте! Вамъ должно явиться къ министру». Затѣмъ онъ поклонился и ушелъ.

«И самъ не знаю, что это значитъ. То ли, что ему досадно, что ему не удалось свернуть меня прошлою зимою (а по милости его, министръ два раза велѣлъ меня выгнать изъ службы), то ли, что онъ еще успѣетъ что-нибудь впередъ мнѣ натворить, — не знаю. Все разъяснится, по свиданіи съ министромъ, который, какъ говорятъ Н. А. Милютинъ и Н. И. Надеждинъ, ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Первый изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Новому министру наговорили объ васъ такъ много дурного и такъ много хорошаго [1]), что онъ

[1]) Такова была участь П. И. Мельникова и ранѣе, когда онъ дѣйствовалъ только въ Нижнемъ-Новгородѣ, и впослѣдствіи: одни его пори-

Digitized by Google

не можетъ не интересоваться вашею личностью». Вообще говорятъ, что я не возвращусь въ Нижній, что меня здѣсь прочатъ куда-то. Но куда — не знаю, и никто не знаетъ. Милютина спросить неловко на первыхъ порахъ. Думаю, что при представленіи министру и это дѣло разъяснится. Хотя мнѣ и дано порученіе въ Нижегородскую губернію новое, но съ предписаніемъ я разъѣхался. Въ чемъ состоитъ это порученіе, тоже не знаю; тоже думаю, что разъяснится при представленіи министру. Вообще я еще какъ въ лѣсу, но, повидимому, все будетъ не дурно.

«Сейчасъ возвратился отъ Н. А. Милютина. Онъ докладывалъ обо мнѣ министру. Министръ приказалъ мнѣ завтра, въ 11 часовъ утра, быть у него, но Милютинъ говоритъ, что едва ли министръ не уѣдетъ завтра въ Петергофъ къ государю, потому, вѣроятно, завтра по пустякамъ прокачусь въ мундирѣ на Аптекарскій островъ, гдѣ дача министра, а попаду къ нему уже въ воскресенье».

Отъ 19-го іюля: «Вчера былъ у министра, но онъ былъ у государя въ Петергофѣ. Сегодня опять ѣздилъ къ нему. У него никого не было. Пришлось подождать, ибо онъ завтракалъ. Наконецъ министръ вышелъ (обо мнѣ доложили) и въ то время, какъ я говорилъ: «Имѣю честь представиться», генералъ-адъютантъ Бибиковъ подошелъ ко мнѣ, положилъ мнѣ на плечо руку и сказалъ: «Здравствуйте! Наконецъ, вы пріѣхали. На первый разъ я вамъ скажу, что нынѣшній день мы съ вами о дѣлахъ говорить не будемъ. Поѣзжайте къ такому-то (одинъ важный государственный человѣкъ); переговорите съ нимъ о томъ-то, и потомъ мы съ вами потолкуемъ. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра или послѣ завтра. О дѣлахъ экспедиціи и другихъ поговоримъ, когда воз-

ли, во что бы то ни стало, часто безъ всякихъ доказательствъ, нѣкоторые же, въ свою очередь, превозносили его безъ всякой мѣры.

Digitized by Google

вратитесь опять въ Петербургъ. До свиданія»! Слава Богу! министръ очень и очень хорошъ со мною. Завтра я ѣду къ графу Л. А. Перовскому, который опять въ большой силѣ при дворѣ. Въ прошломъ году я пріѣхалъ въ Петербургъ 14-го марта и представлялся министру 19-го іюля. Совершенно одинаковый пріемъ. Поневолѣ будешь суевѣренъ».

Отъ 24-го іюля: «Чрезвычайно непріятно, что я, кажется, отхожу отъ Ник. Ал. Милютина, ибо отъ самаго министра получилъ порученіе. Это очень разстраиваетъ меня».

Исполненіе высочайшаго повелѣнія объ опредѣленіи современнаго положенія раскола въ Нижегородской губерніи возложено было тогда на П. И. Мельникова. Ему поручено было собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) Сколько теперь въ Нижегородской губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію только этими книгами, то нужно обратить особое вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей, не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто именно. 2) Въ какихъ мѣстахъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по сколько именно въ какомъ городѣ, селѣ, и выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи, съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники Нижегородской губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ Нижегородской губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ на-

Digitized by Google

добностямъ; извѣстно ли, гдѣ они находятся, снабжены ли законными видами и состоятъ ли со своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ Нижегородскую губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ? 5) Скиты и другія незаконныя раскольническія сборища начало свое возъимѣли въ Заонежскомъ краѣ, въ Нижегородской губерніи и въ сопредѣльныхъ съ послѣднею. Скиты эти въ прежнее время были разсадникомъ и училищемъ раскола. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ упразднились, и въ настоящее время въ Нижегородской губерніи дѣлаются распоряженія о закрытіи нѣкоторыхъ скитовъ. Вамъ поручается негласно собрать свѣдѣнія о томъ, какое дѣйствіе по сему предмету происходитъ. Затѣмъ объ оставшихся отъ прежняго времени скитахъ и другихъ раскольническихъ сборищахъ нужно имѣть свѣдѣнія: въ какихъ находятся они мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ на географической картѣ; чѣмъ они въ настоящее время поддерживаются и содержатся; сколько въ нихъ людей проживаетъ и кто именно эти люди: къ какимъ они принадлежатъ сословіямъ и мѣстамъ, давно ли тамъ находятся и имѣютъ ли узаконенные виды для проживанія. О скитахъ упразднившихся, или упраздненныхъ, слѣдуетъ объяснить, чѣмъ теперь заняты и въ какомъ положеніи находятся мѣста, на которыхъ они существовали. 6) Не составилось ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, по отдаленнымъ мѣстамъ, новыхъ скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, правительству еще не извѣстныхъ, и если такіе составились, то гдѣ, когда, въ какомъ числѣ людей и кто эти люди? 7) До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло, что въ Нижегородскую губернію перешли важные, подъ видомъ сектаторовъ, преступники, именующіе себя бѣгунами и скитальщиками. Вамъ поручается обратить особенное вниманіе на это обстоятель-

Digitized by Google

ство и тщательнѣйшимъ образомъ дознать, кто эти люди, гдѣ они скрываются, кто укрыватели ихъ и т. п. 8) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники Нижегородской губерніи по образу жизни, по занятіямъ и понятіямъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими тамошними жителями и чѣмъ отличаются; распространяется ли между ними грамотность; грамотные у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ и т. п. 9) На какія секты раздѣляются теперь раскольники Нижегородской губерніи; лжеученіе извѣстныхъ раскольническихъ сектъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде, или съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками и какими именно, и не образовались ли между ними новые скиты и какіе. Въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи? Вообще нужно узнать о духѣ и направленіи раскольниковъ Нижегородской губерніи: какіе именно между ними ходятъ толки; въ чемъ состоятъ ихъ надежды; съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ; какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей; чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ которыхъ можно было бы воспользоваться. 10) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, чтобы обнаружить самый скелетъ раскола, т. е., во-первыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ быть, въ иныхъ мѣстахъ по недостатку самыхъ храмовъ; во-вторыхъ, руководителей раскола по

Digitized by Google

фанатизму и, въ-третьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ видовъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія, относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній вашихъ о каждомъ: какимъ образомъ слѣдовало бы поступать съ ними, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ. 11) Такъ какъ вы должны находиться въ Нижнемъ-Новгородѣ во время тамошней ярмарки, на которую съѣзжаются торговцы изъ числа раскольниковъ со всѣхъ мѣстъ Россіи, то, пользуясь такою общею встрѣчею ихъ, обратите на оную особенное вниманіе, дабы дознать, что есть общаго въ духѣ и направленіи ихъ, чѣмъ именно содѣйствуютъ они взаимно одни другимъ; какія вещи, книги, рукописи и все, служащее къ поддержанію раскола, на ярмаркѣ продается и передается: какія у нихъ общія надежды и толки, въ особенности о лжеепископахъ, гдѣ они теперь находятся и кто они, и черезъ что могутъ быть открыты и средства поймать этихъ лжеепископовъ. Книги и рукописи особенно замѣчательныя постарайтесь пріобрѣсти, а продажу ихъ затруднить. При исполненіи этого порученія, сказано было въ концѣ предписанія, «вы должны дѣйствовать со всевозможною осторожностью, не обнаруживая ни предъ кѣмъ настоящей инструкціи и не подавая никакого повода раскольникамъ къ заключенію и разглашенію, что имъ готовятся будто бы стѣсненія по вѣрѣ и т. п. Дѣйствія же ваши можете объяснить порученіемъ начальства привести въ точную извѣстность всѣ мѣстности и составъ жителей Нижегородской губерніи, въ видахъ содѣйствія къ развитію промышленныхъ силъ

Digitized by Google

и для наблюденія за точнымъ исполненіемъ государственныхъ постановленій».

VI.

Различныя порученія по раскольничьимъ дѣламъ. — Столкновеніе съ Головастиковымъ.

Получивъ предписаніе отправиться въ Нижегородскую губернію для исполненія означеннаго порученія по расколу, «лично возложеннаго на него министромъ внутреннихъ дѣлъ», Мельниковъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ іюля 1853 года. Вся вторая половина этого года, равно и весь 1854 годъ, посвящены были имъ составленію его объемистаго «Отчета о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи». Мельниковъ представлялъ свой трудъ министру по частямъ, по мѣрѣ изготовленія, и окончилъ его только въ исходѣ 1854 года. Вышелъ собственно не отчетъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи, а точная, вѣрная картина его во всей Россіи. Жаль, что этотъ отчетъ до сихъ поръ вполнѣ не напечатанъ. Разошедшись въ спискахъ по рукамъ высшихъ свѣтскихъ духовныхъ лицъ, отчетъ Мельникова далъ первый толчекъ къ изученію раскола въ связи съ бытовыми условіями и явленіями русскаго народа. Одновременно съ отправкою Мельникова въ Нижегородскую губернію для изученія раскола, посланы были съ тою же цѣлью другія лица въ губерніи Ярославскую, Костромскую, Саратовскую. Это была первая попытка со стороны правительства основательнымъ образомъ ознакомиться съ расколомъ. Хотя, напримѣръ, графъ Стенбокъ (впослѣдствіи предсѣдатель департамента удѣ-

Digitized by Google

ловъ, гофмейстеръ), бывшій въ числѣ этихъ изслѣдователей, и составилъ превосходное описаніе «странниковъ или бѣгуновъ, иначе Сопѣлковское согласіе (оставшееся въ рукописи), однако трудъ Мельникова оказался несравненно выше остальныхъ отчетовъ, вслѣдствіе глубокаго знакомства его съ расколомъ, добытаго предшествовавшимъ его изученіемъ. Мельниковъ неоднократно выражалъ сожалѣніе что труды экспедицій по изученію раскола не были обнародованы, и въ своихъ «Письмахъ о расколѣ» (1862 г.) осторожно замѣтилъ, что этими отчетами «по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ воспользовались г. Щаповъ и редакторъ «Православнаго Собесѣдника».

Командировка Мельникова въ Нижегородскую губернію съ подобнымъ порученіемъ, считавшимся въ то время «очень секретнымъ» и долженствовавшимъ повести къ раскрытію потакательствъ раскольникамъ со стороны тамошней полиціи, не могла быть пріятна ни ей, ни ея главному начальнику, губернатору князю Урусову. Между командированнымъ министромъ чиновникомъ и полицейскими властями начались неизбѣжныя столкновенія, вскорѣ послѣ приступа его къ порученному имъ дѣлу. На жалобы Мельникова министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ 6-го октября 1853 года написалъ ему: «Вы должны дѣйствовать по точной силѣ возложеннаго на васъ порученія, не останавливаясь неудовлетворительными дѣйствіями нижегородской полиціи и предупреждая оныя непосредственными представленіями исправляющему должность начальника губерніи». Между тѣмъ, сверхъ главнаго порученія, отчета о современномъ положеніи раскола, генералъ-адъютантъ Бибиковъ обращался къ нему и по другимъ, возникавшимъ въ это время дѣламъ по расколу: или чтобы онъ представилъ ему «свои соображенія», напримѣръ, о раскольникѣ, удѣль-

Digitized by Google

номъ крестьянинѣ Семенѣ Антоновѣ Голубевѣ, арестованномъ въ Костромской губерніи, подъ именемъ монаха Софронія (въ Костромѣ крестьяне-раскольники встрѣтили его съ открытыми головами и низкими поклонами), или чтобы онъ собралъ ему свѣдѣнія о крестьянинѣ Ѳедорѣ Анисимовѣ (Семеновскаго уѣзда), арестованнаго въ Хвалынскѣ и признаннаго графомъ Стенбокомъ, дѣйствовавшимъ въ Саратовской губерніи, за наставника семеновскихъ скитовъ и даже за бѣглаго священника, и проч., и проч.

Одно изъ подобныхъ особенныхъ порученій коснулось книгопродавца Головастикова, признаннаго «вреднымъ распространителемъ раскола». Головастиковъ былъ хорошо знакомъ Мельникову. Послѣдній былъ постояннымъ посѣтителемъ этого книжника-антикварія и не разъ пользовался попадавшими къ нему со всѣхъ сторонъ рѣдкими и драгоцѣнными остатками нашей старины. Такъ, въ 1842 году на нижегородской ярмаркѣ Мельниковъ нашелъ въ лавкѣ Головастикова хронографъ XVII столѣтія, писанный въ Нижнемъ-Новгородѣ, по которому составилъ статью: «Нижній-Новгородъ и нижегородцы въ смутное время» [1]). Въ 1850 году у того же Головастикова на ярмаркѣ онъ отыскалъ другой хронографъ XVII столѣтія, который далъ ему «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени» [2]). Вообще, безграничная преданность раскольниковъ ко всему, что носитъ на себѣ признакъ старины, принесла весьма важную услугу отечественной наукѣ сохраненіемъ памятниковъ нашей древности. Когда въ XVIII столѣтіи русскіе, при сильномъ порывѣ къ европейскому преобразованію, насмѣшливо смотрѣли на завѣтныя наслѣдія предковъ и губили

---

[1]) Въ № 7 «Отечественныхъ Записокъ» 1843 г.
[2]) Въ «Москвитянинѣ» 1850 года, № 21.

Digitized by Google

ихъ, раскольники собирали и сохранили старинные памятники. Когда же возродилось въ насъ сочувствіе къ родному, и мы стали дорожить остатками старины, надобно было обратиться къ раскольникамъ, чтобы они возвратили наукѣ то, отъ чего такъ легкомысленно отказались наши дѣды. Раскольники сначала недовѣрчиво смотрѣли на пробудившееся уваженіе къ памятникамъ старины, но вскорѣ охотно стали дѣлиться съ современною наукою сохраненными у нихъ сокровищами. Не безъ цѣли, однако, они это дѣлали: во главѣ собирателей старины стояли лица государственныя, и раскольники, въ видахъ достиженія какимъ-либо путемъ пользы своему дѣлу, выносили на свѣтъ старину, сохранившуюся у нихъ. Знаменитое древлехранилище М. П. Погодина, принадлежащее нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ, составлено большею частію, по словамъ П. И. Мельникова, изъ рукописей и вещей, доставленныхъ Погодину раскольниками.

Вслѣдствіе убѣжденія правительства во вредѣ отъ Головастикова, вмѣстѣ съ книжнымъ дѣломъ соединившаго въ себѣ распространителя раскола, Мельникову, 12-го октября 1853 года предписано было: «1) обсудить и приготовить въ «совершенной тайнѣ» всѣ возможные по законамъ способы къ тому, чтобы обнаружить противозаконную торговлю разными сектаторскими принадлежностями раскола, привезенными въ Нижній-Новгородъ изъ уничтоженныхъ семеновскихъ скитовъ, а также назначенными для бѣгуновъ, производимую несовершеннолѣтнимъ сыномъ раскольника Алексѣя Головастикова на Нижнемъ Базарѣ, въ Сыромятномъ ряду и у себя дома. Равнымъ образомъ приготовить также такіе же способы къ отысканію самого Алексѣя Головастикова, скрывающагося у частнаго пристава Кроткова. 2) По приготовленіи всего нужнаго, справиться къ г. исправляющему должность началь-

Digitized by Google

ника губерніи, представить ему прилагаемое при семъ предписаніе [1]) и, испросивъ у него въ тотъ же самый часъ назначеніе кого и какъ слѣдуетъ, исключая старшаго полиціймейстера [2]), для присутствованія при открытіи и для полнаго вамъ содѣйствія, отправиться немедленно въ самые мѣста означенной торговли и укрывательства Алексѣя Головастикова. Когда же и торговля, и укрывательство обнаружены будутъ, то всѣ найденныя вещи опечатать и препроводить до рѣшенія къ г. исправляющему должность начальника губерніи, равно какъ самого Головастикова для содержанія, какъ надлежитъ».

Головастикова самого Мельникову не удалось арестовать въ Нижнемъ-Новгородѣ, потому что въ 1853 году, какъ онъ писалъ въ своемъ отчетѣ о современномъ положеніи раскола, этотъ замѣчательный книжникъ-антикварій скрывался въ бѣгахъ. Былъ ли онъ вообще пойманъ, изъ бумагъ, оставшихся у Мельникова, не видно. Но изъ нихъ оказывается, что обыскъ сдѣланный имъ въ домѣ Головастикова, былъ поводомъ къ жалобѣ жены послѣдняго на Мельникова не только министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Бибикову, но и въ правительствующій сенатъ на этого сановника. По словамъ прошенія министру нижегородской купеческой жены, Авдотьи Петровны Головастиковой, въ 11 часовъ вечера, 30-го ноября 1853 года, къ ея дому подъѣхали неизвѣстные ей шесть человѣкъ, при которыхъ находились шестеро евреевъ-будочниковъ, служащихъ въ штатѣ нижегородской

---

[1]) Въ этомъ предписаніи велѣно было оказать Мельникову полное содѣйствіе, помимо старшаго полиціймейстера, и было сказано, что на предметы, порученные къ дознанію Мельникову, «обращено особое его императорскаго величества вниманіе».

[2]) Зенгбуша, котораго подозрѣвали, вмѣстѣ съ приставомъ Кротковымъ, въ покровительствѣ и укрывательствѣ Головастикова.

Digitized by Google

полиціи. Двое будочниковъ перелѣзли черезъ ворота, отворили ихъ и впустили пріѣхавшихъ на дворъ, на которомъ и былъ разставленъ немедленно караулъ. Означенные шесть человѣкъ вошли въ нижній этажъ дома, гдѣ Головастикова со своими домашними находилась при больной замужней своей дочери, разрѣшившейся за 18 часовъ передъ тѣмъ отъ бремени. Изъ вошедшихъ Головастикова узнала чиновника Павла Мельникова и частнаго пристава Смирнова, а другихъ двухъ представилъ ей Мельниковъ, назвавъ ихъ служащими по одному съ нимъ министерству, одного Огородниковымъ [1]), другого Трубниковымъ [2]). Третьяго Мельниковъ не назвалъ. Мельниковъ потребовалъ ключи отъ сундуковъ и кладовыхъ, такъ какъ ему нужно сдѣлать обыскъ во всемъ домѣ, въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ. На вопросъ Головастиковой: «Гдѣ же сторонніе понятые люди, при которыхъ онъ все это долженъ дѣлать?» Мельниковъ, по ея словамъ, ей отвѣчалъ: «Что намъ надобно, того и станемъ искать, а что найдемъ, то и возьмемъ, вотъ тебѣ и понятые». Затѣмъ чиновники, собравъ всѣхъ находившихся въ домѣ людей, равно и троихъ дѣтей Головастикова, заперли подъ карауломъ въ кухню, а г-жу Головастикову взяли съ собою, для указанія имъ ея кладовыхъ и для отпиранія сундуковъ, гдѣ все перерыли до послѣдняго маленькаго узелка. Не найдя, по словамъ Головастиковой, ничего тамъ предосудительнаго, чиновники отправились въ верхній этажъ, но «видя свой неуспѣхъ и въ верхнихъ комнатахъ, относительно обыска, гг. Мельниковъ, Трубниковъ, Огородниковъ и

---

[1]) Евлампій Кириловичъ Огородниковъ, бывшій старшій редакторъ гистическихъ работъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, умершій въ 4 году.

[2]) Владиміръ Васильевичъ или Константинъ Васильевичъ, такъ какъ брата Трубниковы начали свою службу въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Digitized by Google

Смирновъ, обратили уже свое мщеніе на прибитыя по стѣнамъ въ разныхъ комнатахъ моего дома и стоявшія въ кіотахъ драгоцѣнныя иконы разныхъ наименованій, коихъ и забрали счетомъ пятнадцать, изъ числа коихъ семь украшенныхъ въ серебряныхъ подъ золотомъ окладахъ и шесть безъ украшенія. Послѣднія двѣ, подъ названіемъ Божіей Матери и Троицы, работы извѣстнаго въ Россіи художника Андрея Рублева, съ неоцѣненными сокровищами, имѣющія при себѣ залитыя въ мастикѣ мощи разныхъ угодниковъ Божіихъ, которыя напредъ сего, по извѣту содержащагося и по сіе время въ нижегородскомъ тюремномъ замкѣ какого-то злодѣя, были правительствомъ отъ моего мужа отбираемы и, по освидѣтельствованіи ихъ мѣстнымъ архипастыремъ, мужу моему возвращены. Каковая святыня, какъ бы для поруганія ея, была, къ прискорбію моему, чиновникомъ Мельниковымъ отдана въ руки евреевъ, которые съ пренебреженіемъ побросали иконы, какъ ничего не стоящія доски, въ его сани». Такъ жаловалась Головастикова на Мельникова, присовокупляя, что онъ «обратилъ вниманіе и на больную мою дочь и приступилъ къ осмотру ея постели и чего-то искалъ за нею, на ея кровати, на которой она лежала, да и за оной, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, и таковымъ неожиданнымъ своимъ дѣйствіемъ привелъ больную въ бо́льшее болѣзненное состояніе, и у ней отъ испуга произошла нервическая съ бредомъ лихорадка».

Мельниковъ обыскалъ сѣновалы, амбары, погреба, баню, коровникъ, курятникъ, но нигдѣ, по словамъ Головастиковой, не нашелъ болѣе иконъ. Въ ту же ночь на 1-е декабря, онъ запечаталъ лавку Головастикова съ иконами и книгами, на Нижнемъ Базарѣ, и кладовую въ отдаленномъ корпусѣ гостинаго двора а также палатку съ иконами и книгами. И лавка, и

Digitized by Google

кладовая, и палатка оставались подъ арестомъ четыре дня, причемъ обыскъ въ нихъ дѣлался Мельниковымъ только съ приставомъ Смирновымъ и съ депутатомъ со стороны Головастиковой, купцомъ Торгуевымъ. Мельниковъ «перебралъ болѣе тысячи иконъ, искалъ чего-то въ самыхъ щеляхъ лавки и кладовой, но, не найдя также ничего, напослѣдокъ выбралъ для себя око 50 иконъ и увезъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ и составилъ опись всему увезенному».

Жалуясь министру, а затѣмъ сенату, на «причиненіе ей убытка въ капиталѣ, на осрамленіе въ народной публикѣ ея дома и семейства, на ущербъ здоровью ея и ея дочери, на тяжкую себѣ обиду», Головастикова просила возвратить ей отобранное чиновниками у нея имущество и поступить съ ними «по точной силѣ уложенія о наказаніяхъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ два раза требовалъ объясненій у Мельникова по жалобѣ Головастиковой, въ декабрѣ 1853 г., когда ея прошеніе поступило къ нему, и 15-го марта 1854 года, когда оно получено было генералъ-адъютантомъ Бибиковымъ при указѣ правительствующаго сената. Объясненій Мельникова я не отыскалъ въ его бумагахъ. Въ эту эпоху преслѣдованія раскола, усиленныхъ розысковъ епископовъ и священниковъ австрійскаго поставленія, Мельниковъ, даже въ своемъ излишнемъ усердіи при обыскѣ у Головастиковой, оказался, вѣроятно, правымъ и предъ своимъ высшимъ начальствомъ, и предъ правительствующимъ сенатомъ.

Въ декабрѣ 1854 года Мельниковъ окончилъ свой ...етъ по современному состоянію раскола въ Нижегородской губерніи, нѣкоторыя извлеченія изъ котого читатель найдетъ въ слѣдующихъ главахъ, и уже ...го января 1855 года, вслѣдствіе высочайшаго повеленія «о приведеніи въ точную извѣстность современ-

Digitized by Google

наго положенія раскола въ Казанской губерніи», получилъ предписаніе немедленно отправиться туда. Инструкція, данная Мельникову по этому порученію, была почти одинакова съ выработанною для Нижегородской губерніи, потому что только три слѣдующіе новые пункта были включены въ нее: 1) «Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, сколько до 1855 года было купцовъ-раскольниковъ, сколько изъ нихъ приписалось на 1855 годъ на временномъ правѣ и сколько представили свидѣтельства о принадлежности ихъ къ православію или единовѣрію. 2) Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на сношенія казанскихъ раскольниковъ по дѣламъ, касающимся буковинской лже-іерархіи, а также и на то, гдѣ нынѣ находятся лжеепископы, и кто они такіе 3) Если вы получите свѣдѣнія, по соображенію и убѣжденію вашему достовѣрныя, о мѣстѣ укрывательства лжеепископовъ и другихъ мнимо-духовныхъ лицъ, о производствѣ сектаторской переписки и проч. тому подобное, то, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, можете приступить къ открытію и задержанію ихъ, не ограничиваясь предѣлами Казанской губерніи».

Но Мельникову не довелось составить описаніе современнаго положенія раскола въ Казанской губерніи. По пріѣздѣ въ Казань, въ началѣ 1855 года, на него посыпалось отъ генералъ-адъютанта Бибикова одно порученіе за другимъ, правда, касавшіяся раскола, но которыя отвлекали его отъ главной цѣли поѣздки туда и наконецъ заставили почти весь этотъ годъ проѣздить по губерніямъ Казанской, Пензенской, Нижегородской, Костромской, Владимірской и Московской. Въ его послужномъ спискѣ сказано, что «съ іюля по 11-е сентября 1855 года, находился въ Москвѣ и въ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Нижегородской и Костромской, для наблюденія за производствомъ фор-

Digitized by Google

мальнаго слѣдствія по секретному дѣлу». Сверхъ того, въ февралѣ онъ производилъ въ Казани слѣдствіе о подлогѣ, сдѣланномъ при бракѣ купца Мокѣева, причемъ присоединилъ къ единовѣрію казанскихъ раскольниковъ Мокѣева и Плаксина. Въ январѣ ему велѣно было ѣхать въ Чебоксары, для дознанія о моленной при домѣ мѣщанина Будаева и о томъ, какіе лже-попы пріѣзжаютъ въ Чебоксары и въ окрестныя мѣста. Въ мартѣ ему поручено было ѣхать въ село Пойму Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи, гдѣ исправникъ захватилъ въ моленной у раскольниковъ образа, книги, паникадила и проч. и все возвратилъ обратно на другой день за 400 руб. Въ маѣ Мельниковъ командированъ былъ въ Нижегородскую губернію съ порученіемъ «секретнѣйшимъ образомъ и совершенно негласно собрать свѣдѣнія о томъ, какія распоряженія дѣлаются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ по извѣстнымъ вамъ предписаніямъ, посланнымъ отъ меня [1]) начальнику Нижегородской губерніи о тамошнихъ раскольникахъ». Изъ этого видно, что столкновенія Мельникова съ нижегородскими властями не прекращались и въ 1855 г. Съ 18-го іюля начались поиски за старообрядческими епископами. Раскольничій инокъ Кононъ (у него нашли походную церковь, одиконъ, запасные дары, что все было переслано Мельниковымъ къ своему министру), арестованный во Владимірской губерніи, далъ показанія, что посвятившій его епископъ Антоній находится въ домѣ крестьянина деревни Большой Дворъ Ѳедорова. Туда отправили мѣстнаго исправника, но никого не нашли, потому го, какъ выразился Бибиковъ, поимка Конона была пишкомъ «разглашена». Мельникову поручено было въ экстренныхъ случаяхъ лично руководить поисками».

---

1) Генералъ-адъютанта Бибикова.

Digitized by Google

Въ іюлѣ Мельниковъ прибылъ во Владиміръ и затѣмъ въ село Иваново для производства слѣдствія надъ пойманными тамъ сектаторами и чтобы «добыть отъ нихъ самое опредѣлительное описаніе примѣтъ лжеепископа Антонія». Но во Владиміръ ему дано было, сверхъ того, и другое порученіе, именно: изслѣдовать «неоднократные примѣры оскопленія малолѣтныхъ новымъ способомъ», причемъ найденъ былъ тамъ и виновный въ томъ крестьянинъ Михаилъ Корицкій. Одинъ изъ арестованныхъ въ Ивановѣ, іеромонахъ Павелъ, показалъ Мельникову, что онъ намѣревался изъ Иванова отправиться въ «лѣса Костромского Заволжья, гдѣ раскольники въ послѣднее время начали разводить скиты». Министръ внутреннихъ дѣлъ 4-го августа поручилъ Мельникову собрать точныя, подробныя свѣдѣнія, «въ какихъ именно уѣздахъ, какихъ вѣдомствахъ, мызахъ и имѣніяхъ, съ котораго именно времени, какіе именно скиты начали разводить раскольники въ Костромской губерніи, кто именно и при чьемъ содѣйствіи или потворствѣ». Вслѣдъ затѣмъ, 10-го августа, министръ Бибиковъ направилъ Мельникова въ Москву, потому что получилъ свѣдѣніе, что «въ настоящее время лжемитрополитъ Антоній и архіепископъ Софроній находятся въ Москвѣ, оба большею частью скрываются и проживаютъ у купца Морозова, на фабрикѣ въ Зуевѣ». Сообщая поименно о рукоположенныхъ ими священникахъ, министръ присовокуплялъ, что «службы производятся секретно въ Москвѣ, въ домахъ: у Щаповой на Землянкѣ, у Устиновой въ Сокольникахъ, у Рябушкина на Якиманкѣ, у Медвѣдева въ Кожевникахъ, у Серпуховскихъ воротъ неизвѣстно въ чьемъ домѣ, у Аржаникова на Нѣмецкомъ рынкѣ и у Барабанова за Рогожскою Заставою». Въ Москвѣ военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, командировалъ къ

Digitized by Google

Мельникову для содѣйствія «при производствѣ обысковъ въ Рогожскомъ богадѣленномъ домѣ», полиціймейстера Сѣчинскаго и чиновника Дашкова.

Но, въ исходѣ августа 1855 года, на мѣсто генералъ-адъютанта Бибикова, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ С. С. Ланской, который уже съ 1-го сентября спрашивалъ у Мельникова, когда онъ окончитъ всѣ порученныя ему по расколу дѣла и пріѣдетъ въ Петербургъ для представленія подробнаго отчета и личнаго объясненія, а 22-го декабря предписалъ ему немедленно возвратиться для того въ Петербургъ. Розыски Мельниковымъ старообрядческихъ епископовъ и священниковъ были прекращены. Новое царствованіе, а съ прекращеніемъ трехлѣтней изнурительной крымской войны, новыя задачи Россіи, рядъ преобразованій въ ея внутреннемъ устройствѣ—положили конецъ многимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ предшествовавшаго царствованія, въ томъ числѣ и преслѣдованію раскольниковъ.

VIII.

Раскольничьи скиты.—Нравственное состояніе скитскихъ жителей.

Раскольничьи скиты завелись въ Россіи, въ Заонежскомъ краѣ и въ нынѣшней Нижегородской губерніи, въ самомъ началѣ появленія у насъ раскола. Въ первые тридцать или сорокъ лѣтъ скитское общежительство до того усилилось въ предѣлахъ Нижегородской и сопредѣльной Костромской губерніяхъ въ Заволжьѣ, что всѣхъ скитовъ считалось до 94. Въ началѣ XVIII столѣтія скиты Нижегородскаго Заволжья сдѣлались разсадниками и училищами ра

Digitized by Google

скола. Архіепископъ нижегородскій, Питиримъ, уничтожилъ до 1737 года почти всѣ скиты керженскіе и чернораменскіе, такъ что уцѣлѣли только бѣдные остатки двухъ изъ нихъ, Оленевскаго и Шарпанскаго. Но послѣ указа 16-го октября 1762 года, дозволившаго заграничнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію, многіе изъ нихъ прибыли въ Нижегородское Заволжье, гдѣ и завели скиты, которыхъ чрезъ 26 лѣтъ было уже до 54 съ 8,000 жителей. Въ началѣ XIX столѣтія, въ Семеновскомъ уѣздѣ ихъ оставалось всего 35, изъ числа которыхъ 22 принадлежали къ поповщинѣ, 8 къ спасовому согласію, а 5 къ поморскому. Московская поповщина поддерживала своими богатыми средствами только скиты своего толка, а потому скиты другихъ согласій постепенно уменьшались въ числѣ. Во время нашествія Наполеона московскіе поповцы рогожскаго согласія удалились со своими семействами въ нижегородскіе скиты и прожили въ нихъ всю зиму. Въ это время московскіе поповцы очень охладѣли къ скитамъ, потому что прежде думали, что они населены людьми праведными, а между тѣмъ на дѣлѣ увидали совершенно противное. Поэтому послѣ 1812 года изъ Москвы подаяній въ скиты стали присылать менѣе прежняго, вслѣдствіе чего число ихъ стало сокращаться. Въ 1827 году, было уже только 28 скитовъ съ 90 обитателями, въ которыхъ жило 2,813 человѣкъ, въ томъ числѣ 2,304 въ поповщинскихъ.

Послѣ 1826 года послѣдовалъ рядъ правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью уничтоженіе скитовъ въ Нижегородскомъ Заволжьѣ. Такъ въ ноябрѣ 1838 года воспрещено было вновь приписывать раскольниковъ къ скитамъ, а 17-го сентября 1826 года 28-го апрѣля 1836 года и 26-го февраля 1842 года, воспрещено было строить новыя и поправлять старыя моленныя, устраивать ихъ въ домахъ и имѣть коло-

Digitized by Google

кола. Сверхъ того, болѣе строгій надзоръ мѣстныхъ властей за скитами, начавшійся съ 1847 года со вступленія въ управленіе нижегородскою епархіею преосвященнаго Іакова, также содѣйствовалъ уничтоженію скитовъ, потому что преосвященный нерѣдко лично объѣзжалъ скиты и о замѣчаемыхъ въ нихъ безпорядкахъ сообщалъ губернатору. По этимъ сообщеніямъ произведено было до 15-ти слѣдствій. Губернаторъ, видя потакательство скитамъ со стороны полиціи, поручилъ, съ 1847 года надзоръ за скитами своимъ чиновникамъ особыхъ порученій, а скитницы, увидавъ невозможность надѣяться болѣе на помощь всегда имъ вѣрной земской полиціи, сами добровольно стали покидать скиты. По требованію преосвященнаго Іакова, изъ скитовъ взяты были иконы, оглашаемыя раскольниками чудотворными, въ томъ числѣ икона Казанской Богородицы изъ Шарпана и икона Николая Чудотворца изъ Оленевскаго. Наконецъ, когда высочайшимъ повелѣніемъ 1-го мая 1853 года предписано было о высылкѣ изъ скитовъ всѣхъ постороннихъ жителей, причемъ взяты были отъ всѣхъ жившихъ въ нихъ по паспортамъ подписки, чтобы они сносили дома свои и сами выселились непремѣнно къ 1-му ноября 1853 года, въ Семеновскомъ уѣздѣ осталось гласныхъ скитовъ 16, съ 49 обителями, съ 1,002 жителями обоего пола. Мужчинъ было только 99 человѣкъ; остальныя были женщины. Въ скитахъ къ этому сроку было 29 часовенъ и моленныхъ. Теплыхъ комнатъ было 2.128, или по $2^1/_2$ комнаты на каждую скитницу, сверхъ 200 свѣтлицъ, въ которыхъ жили только лѣтомъ, холодныхъ надворныхъ строеній было до 1,500.

Въ своемъ отчетѣ «О современномъ состояніи раскола» Мельниковъ представилъ подробное описаніе нижегородскихъ скитовъ въ историческомъ, бытовомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Они же дали ему бо-

Digitized by Google

гатый матеріалъ для его двухъ романовъ: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Посѣщая неоднократно скиты въ качествѣ чиновника особыхъ порученій нижегородскаго губернатора, сопровождая туда преосвященнаго Іакова, командированнаго туда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алябьева, который въ 1848 году и предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ уничтожить скиты, Мельниковъ изучилъ скиты до мельчайшихъ подробностей. Вотъ его характеристика тогдашняго нравственнаго состоянія скитскихъ жителей.

«Вообще, русскій раскольникъ, если онъ занялъ почему-либо видное мѣто въ кругу сектаторовъ, отличается ханжествомъ и лицемѣріемъ. Но нигдѣ, конечно, это лицемѣріе не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ скитахъ, особенно женскихъ. Этимъ ханжествомъ скитскіе жители поддерживаютъ доброе о себѣ мнѣніе богатыхъ раскольниковъ и соблазняютъ простой народъ окрестныхъ деревень. Нерѣдко бывая въ семеновскихъ скитахъ, до высылки изъ нихъ постороннихъ лицъ, я видѣлъ живущихъ въ нихъ раскольниковъ въ домашнемъ ихъ быту. Изъ долговременнаго наблюденія этого быта я вывелъ заключеніе, что всякій скитскій раскольникъ или раскольница на каждомъ шагу употребляетъ разсчитанное ханжество и лицемѣріе въ разныхъ видахъ и формахъ. Онъ ханжитъ передъ чиновниками, и притомъ иначе передъ высшимъ, иначе передъ нисшимъ, иначе передъ молодымъ, иначе передъ старымъ. Онъ ханжитъ передъ богатыми раскольниками, ханжитъ передъ простымъ народомъ. Одна обитель ханжитъ передъ другою, и въ одной обители старухи ханжатъ передъ молодыми, а молодыя лицемѣрятъ передъ старыми, словомъ, каждый часъ, каждую минуту скитскій раскольникъ лицемѣритъ, живетъ обманомъ, съ малолѣтства до преклонной старости ходитъ въ личинѣ.

Digitized by Google

«Пріѣзжаетъ въ скитъ губернаторъ или другой чиновникъ, по званію своему имѣющій большое вліяніе на скиты: весь скитъ или вся обитель встрѣчаетъ его за воротами, кланяется въ землю разомъ, подноситъ хлѣбъ-соль, зоветъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ, за котораго день и ночь молятся Богу. Лица всѣхъ такъ смиренны, такъ плаксивы; движенія и пріемы такъ скромны; рѣчи такъ льстивы и угодливы, что незнающій коротко скитовъ дѣйствительно подумаетъ, что это бѣдныя старухи, которыхъ напрасно хотятъ преслѣдовать. Необыкновенная чистота во всѣхъ комнатахъ, порядокъ въ домоводствѣ, видимые, хотя и ложные, признаки трудолюбія, все располагаетъ въ ихъ пользу важнаго чиновника. Ханжи такимъ образомъ внушаютъ ему выгодное о себѣ мнѣніе, напередъ прикрывъ себя лицемѣріемъ, какъ покрываютъ онѣ иноческое свое одѣяніе длинными, черными, надѣтыми въ роспускъ платками, передъ встрѣчею «желаннаго» гостя, котораго не знаютъ какъ бы поскорѣе выпроводить.

«Случалось мнѣ бывать въ скитахъ вмѣстѣ съ покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ. Передъ архіереемъ такое же ханжество, какъ и передъ губернаторомъ. Тотъ же пріемъ за воротами, но поклонъ въ поясъ и безъ хлѣба-соли. Тѣ же льстивыя и угодливыя рѣчи, но безъ увѣреній, что за него молятся Богу, и затѣмъ безпрестанныя предложенія покушать чаю, вина и проч. Когда преосвященный увѣщевалъ ихъ, то, отвѣчая на его доводы, онѣ кланялись ему въ ноги со словами: «Оставьте насъ на прежнемъ положеніи», или же говорили: «Мы люди темные, неученые, мы знаем только молитву Іисусову, какъ намъ отвѣчать на слова ваши». Называя его преосвященнымъ, иныя даже вслѣдыкою, скитницы, на предложеніе его принять единовѣріе, всѣ въ разъ одно говорили: «Какъ родители жили, такъ и насъ благословили», вслѣдъ затѣмъ снова

Digitized by Google

предлагали чаю или закуску, хотя преосвященный уже не разъ отказывался отъ такихъ предложеній. Всѣ старанія преосвященнаго, чтобы онѣ вступили съ нимъ въ бесѣду, были напрасны: уставницы притворялись неумѣющими читать и по словамъ всѣхъ никто не зналъ ничего, кромѣ молитвы Іисусовой. Послѣ онѣ сами признавали, что преосвященный много начитанъ и хорошо поучаетъ, но увѣщанія его падали на каменную почву лицемѣрія. Таковы раскольники повсюду. Преосвященный Іаковъ разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ скитѣ Саратовской губерніи онъ очень долго увѣщевалъ нѣсколько женщинъ, которыя сначала кланялись подобно семеновскимъ, а потомъ стали слушать со вниманіемъ. Наконецъ одна старуха прослезилась, повидимому, отъ искренняго чувства. Преосвященный, обратясь къ ней, убѣждалъ ее сказать, что ее тронуло. Старуха долго не говорила, но наконецъ призналась слѣдующимъ образомъ:

— «Объ васъ плачу, ваше преосвященство.

— «Что же ты обо мнѣ плачешь?

— «Да вы таково красно говорите, таково учительно, мнѣ и жаль васъ стало.

— «Отчего же жаль?

— «Да что душенька-то ваша на томъ свѣтѣ, все-таки, къ дьяволу пойдетъ.

«Передъ чиновниками земской полиціи скитницы ханжатъ и лицемѣрятъ меньше. При нихъ и платокъ на иноческое одѣяніе накидывается лѣниво; при нихъ и лица смотрятъ не такъ пасмурно и строго; при нихъ и изъ свѣтлицъ слышится свободный, звонкій смѣхъ молодыхъ келейницъ. Въ какую бы пору ни пріѣхалъ чиновникъ полиціи, начинается угощеніе ему, его людямъ и привезшимъ его лошадямъ. Лицемѣріе здѣсь преимущественно проявляется въ гостепріимствѣ, повидимому, радушномъ и искреннемъ, но дѣйствительно при-

Digitized by Google

творномъ и разсчитанномъ. Во всякомъ случаѣ скитницы достигаютъ своей цѣли: заступится ли напоенный, накормленный и задаренный скитницами чиновникъ за какого-нибудь православнаго бѣдняка, челобитчика на раскольницъ? дастъ ли онъ судъ и правду противъ гостепріимныхъ и щедрыхъ хозяекъ, особенно если еще неравнодушно слушаетъ онъ звонкій смѣхъ обитательницъ заманчивыхъ свѣтлицъ?

«Пріѣзжаетъ бывало въ скитъ богатый раскольникъ и тогда совсѣмъ иначе смотритъ обитель: въ часовнѣ или моленной чинно стоятъ рядами женщины, одѣтыя въ древнее иноческое одѣяніе; впереди старухи, сверхъ «вѣнца» надѣвающія флеровую «накидку», а между ними иногда стоятъ, опершись на посохъ, схимницы въ черной одеждѣ, расшитой красными крестами. Передъ богатымъ иконостасомъ, составленнымъ изъ древнихъ иконъ, теплятся лампады и горитъ нѣсколько десятковъ свѣчъ. Среди часовни, передъ престоломъ, стоитъ смиренная уставница; опустивъ глаза въ землю, она внятно, благоговѣйно дѣлаетъ возгласы. По клиросамъ стоятъ головщицы и чистыми, звонкими голосами стройно поютъ церковныя пѣсни. Молодыя дѣвки, въ широкихъ черныхъ передникахъ и въ такихъ же платкахъ на головѣ, стоятъ передъ налоями и читаютъ, не торопясь, съ приличнымъ благоговѣніемъ. Всѣ крестятся и кланяются въ одно время; всѣ въ разъ бросаютъ передъ поклономъ на землю подручники; всѣ въ разъ поднимаютъ ихъ; всѣ въ разъ поднимаютъ лѣстовки. Никто не скажетъ слова; никто не взглянетъ на сторону; всѣ погружены въ богомысліе и молитву, и это продолжается сряду четыре или пять часовъ... Пріѣзжій раскольникъ, чувствуя уваженіе къ отшельницамъ при видѣ такого благолѣпія, заказываетъ ямъ панихиду о своимъ роднымъ; и, видя слезы поющихъ, онъ трогаетъ ихъ участіемъ къ его скорби; онъ пораженъ

Digitized by Google

скитскимъ благочестіемъ и щедрѣе отсчитываетъ милостыню. Теперь [1]), когда часовенъ болѣе нѣтъ, въ тайныхъ моленныхъ производится по временамъ такое же лицемѣрно-благоговѣйное служеніе, и приходящій туда раскольникъ еще болѣе принимаетъ участіе въ скитницахъ, видя, какъ онѣ послѣ службы передъ иконою «Богородицы умягченія злыхъ сердецъ» поютъ «канонъ за обидящихъ», подразумѣвая правительство, выславшее изъ скитовъ наброд людей разнаго рода.

«Такая внѣшность общественнаго богослуженія еще сильнѣе дѣйствуетъ на простой народъ. Сродно человѣку русскому уваженіе къ отшельникамъ, посвятившимъ дни свои на служеніе Богу, но, къ сожалѣнію, большая часть нашихъ монастырей, неблаговидною своею жизнію, подрываетъ это народное чувство. Но всякое врожденное народное чувство безпрестанно ищетъ удовлетворенія. Видя въ раскольническихъ скитахъ всю благовидную внѣшность, простой народъ удовлетворяетъ такое чувство и безъ сомнѣнія получаетъ уваженіе къ скитницамъ, чувствуетъ привязанность и къ старымъ обрядамъ, вѣря, что только въ этихъ вертепахъ лицемѣрія и сохранилась святая вѣра Христова. И, глядя на скиты, народъ сильнѣе и сильнѣе привязывается къ расколу, тѣмъ болѣе, что скитницы въ извѣстные праздники и напоятъ, и накормятъ приходящій народъ, а доброму для нихъ раскольнику, или православному, подающему надежду на отпаденіе отъ церкви, стоитъ только слово сказать въ скитѣ о ходатайствѣ передъ чиновными людьми, или передъ купцами-раскольниками, какъ помощь уже готова: ходатайство «матерей» не бываетъ безуспѣшно.

«Но эта угодливость, это ласкательство, это гостепріимство, это смиреніе и благоговѣніе, это добродушіе

---

[1]) Въ 1854 году.

Digitized by Google

и эта готовность помочь ближнему—все это ложь, ханжество, лицемѣріе. Скитскіе жители угождаютъ начальству въ надеждѣ на милости, или, по крайней мѣрѣ, на снисхожденіе его. Они угощаютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ, полицію для того, чтобы она сквозь пальцы смотрѣла на ихъ дѣйствія. Они смиряются и благоговѣйно молятся на глазахъ богатыхъ раскольниковъ, чтобы выманить отъ нихъ больше денегъ. Они помогаютъ бѣдному крестьянину, чтобы сдѣлать изъ него даровой работника. Подъ личиною мнимыхъ добродѣтелей, въ скитахъ скрываются ненасытная алчность къ деньгамъ, своеволіе, праздность, пьянство и развратъ. Корыстолюбіе внушило старухамъ мысль набирать дѣвочекъ, учить ихъ грамотѣ и расколу и, когда онѣ достигнутъ 16 или 17 лѣтъ, отправлять въ каноницы на подвиги лицемѣрія и разврата: за такіе подвиги своихъ воспитанницъ они получаютъ отъ богатыхъ раскольниковъ деньги. Не зная заботъ, свойственныхъ имъ, по простому ихъ происхожденію, скитскія жительницы проводятъ жизнь въ праздности и своеволіи: съ молоду привыкнувъ ѣсть чужой хлѣбъ, добываемый безъ труда, и жить бѣлоручками, онѣ тяготятся обыкновенно домашними работами. Прося начальника Нижегородской губерніи [1]) о дозволеніи имѣть работниковъ и работницъ, эти крестьянки говорили: «Надобно воды принести, полы вымыть, бѣлье выстирать, а мы этого не можемъ сами дѣлать». Духъ своеволія сильно развитъ въ скитахъ, и каждая скитница повинуется настоятельницѣ только до тѣхъ поръ, пока ей хочется, ибо знаетъ, что она надъ нею законной власти не имѣетъ. мѣчательно, что при обращеніи къ единовѣрію скивъ Керженскаго и Осиновскаго, остались въ расколѣ

1) Послѣ закрытія въ 1853 году скитовъ и высылки изъ нихъ посторонних лицъ, при объѣздѣ ихъ мѣстности губернаторомъ, княземъ Гусовымъ, 2-го и 3-го января 1854 года.

Digitized by Google

не особенно закоренѣвшіе въ немъ, а болѣе другихъ своевольные, которымъ страшно было принять единовѣріе, ибо они знали, что въ законной обители безпрекословно повинуются начальству. И въ самыхъ скитахъ мало теперь осталось фанатиковъ; если бы не жаль было скитницамъ разстаться съ своеволіемъ и оставить праздную жизнь, безъ труда доставляющую хорошія деньги, то нѣтъ сомнѣнія, что большая часть скитницъ давно обратилась бы къ единовѣрію [1]). Съ праздностію не разлучены пьянство и развратъ, и они въ сильной степени господствуютъ въ скитахъ. Въ Комаровѣ одна игуменья пропила обитель (Кутихину). Въ близь лежащей отъ этого скита деревнѣ Елфимовкѣ только для скитскихъ потребностей учреждена была стодневная продажа вина, производимая, разумѣется, во всѣ 365 дней года. По высылкѣ изъ скитовъ посторонних жителей, выручка отъ этой продажи до того упала, что едва ли не переведутъ ее въ другое мѣсто [2]).

«Степень разврата въ скитахъ видна изъ именного списка оставшихся въ скитахъ раскольницъ: въ немъ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своего отчета П. И. Мельниковъ говоритъ, что если бы система, принятая въ отношеніи къ скитамъ преосвященнымъ Іаковымъ съ 1847 года и поведшая въ 1848 году къ обращенію въ единовѣріе Керженскаго и Осиновскаго скитовъ, продолжалось бы еще полтора года, то весьма вѣроятно, что почти всѣ скиты обратились бы въ единовѣріе.

[2]) Если какой-нибудь даже сотскій, разсыльный земской полиціи, волостнаго правленія или удѣльнаго приказа, случалось, ѣдетъ недалеко отъ скита, то онъ непремѣнно заѣзжаетъ въ скитъ, гдѣ ему даютъ водку и обѣдъ. Кто бы ни пріѣхалъ въ скитъ, ямщику платятся прогоны, все равно заплатилъ ихъ ему проѣзжій, или не заплатилъ. Для этого скитницы дѣлаютъ складчину и по приговору отводятъ по очереди въ одной обители въѣзжую годовую квартиру. Чтобы опредѣлить расходы на одну водку, достаточно упомянуть о томъ, что настоятельница обители Манефиной въ Комаровскомъ скитѣ сказывала Мельникову, что у нея въ годъ на въѣзжей квартирѣ вышло 40 ведеръ пѣннаго вина. Содержаніе же въѣзжей квартиры, съ столомъ и виномъ для пріѣзжающихъ и съ прогонами для ямщиковъ, обходилось обители въ 2 000 р. въ годъ.

Digitized by Google

то и дѣло встрѣчаются заимствованныя изъ ревизскихъ сказокъ слова «незаконнорожденная дочь». Напримѣръ въ Оленевскомъ скитѣ, при 96 именахъ, 19 разъ упоминается о незаконныхъ рожденіяхъ, а о настоятельницѣ обители Никонориной говорится такъ: «Она незаконнорожденная дочь умершей игуменьи этой обители, Никоноры, и у нея самой есть двѣ незаконнорожденныя дочери, Анна и Хиритина, изъ которыхъ первая уже родила незаконнорожденную дочь, а другая, какъ слышно, родитъ въ нынѣшнемъ году». Въ Комаровскомъ скитѣ одна романовская мѣщанка имѣла открытый домъ разврата, куда во всякое время могли приходить обительскія дѣвки со своими любовниками. Для всякаго грѣха у скитницъ есть свое извиненіе. Развратъ молодыхъ дѣвокъ онѣ извиняютъ такъ: «Блудъ не грѣхъ, а только паденіе, и всѣ святые отцы падали, да угодили Богу покаяніемъ. Не покаявшись, не спасешься; не согрѣшивши, не покаешься, дѣвицѣ позволено согрѣшать, а то бы ей не въ чемъ было и покаяться, а не каявшись, онѣ не спасутся». Лицемѣріе и ханжество, главнѣйшія основы скитскаго быта, не исчезаютъ даже въ минуты увлеченія въ развратъ [1]). Сами раскольники понимаютъ это, и ханжество своихъ сосѣдокъ, соединенное съ распутствомъ, сдѣлалось достояніемъ народныхъ поговорокъ въ ихъ средѣ [2]). Записка найденная при обзорѣ Улангерскаго скита, какъ

---

[1]) Такъ, одинъ православный, имѣвшій въ скиту любовницу, разсказывалъ, что проведя ночь въ ея свѣтлицѣ, онъ пилъ воду изъ стоявшей подлѣ постели кружки. Захотѣлось пить и любовницѣ его, но когда онъ подалъ ей недопитую кружку, то она оттолкнула ее, сказавъ: «Съ ума ты никакъ сошелъ: развѣ я буду пить изъ одной посуды съ таликомъ».

[2]) Вотъ народная поговорка о скитницахъ: «Эй, вы, матери-келейницы сухопары (т. е. наоборотъ жирныя) сидидомницы: пріѣхалъ стадъ во дворъ. — Ай, гдѣ вы? — Въ часовнѣ часы читаемъ. — Эй, вы, матери-келейницы, сухопары сидидомницы: пріѣхалъ молодчикъ во дворъ.—Ай, гдѣ вы?—По кельямъ лежимъ».

Digitized by Google

нельзя болѣе характеризируетъ чудовищное смѣшеніе лживой набожности съ грубымъ развратомъ; на одной сторонѣ записки объяснено символическое значеніе лѣстовки, а на другой написанъ одинъ изъ неблагопристойнѣйшихъ акростиховъ Баркова.

«Рождаемыхъ въ скитахъ дѣвочекъ воспитываютъ въ самыхъ скитахъ, сначала тайно, а потомъ, когда дѣвочка подростаетъ, явно, объявляя тогда полиціи, которая записываетъ ее въ число скитницъ; при каждой перепискѣ вносятся онѣ и въ ревизскія сказки. Зачатую и рожденную въ скитѣ дочь зовутъ «келейною дочкою», зачатую въ то время, когда мать читала каноны на сторонѣ, зовутъ «гостейкою». Такая гостейка бываетъ баловницею всей обители, ибо большею частію она бываетъ дочь какого-нибудь купеческаго сынка или племянника, присылающаго въ обитель хорошія деньги на воспитаніе своего ребенка. Мальчиковъ тотчасъ по рожденіи везутъ въ село Городецъ и, окрестивъ въ тамошней часовнѣ, подкидываютъ къ раскольнику изъ крестьянъ, государственныхъ или удѣльныхъ. Если мать солдатка или помѣщичья крестьянка, то первою заботою бываетъ, чтобы подкинуть ребенка къ государственному или удѣльному крестьянину изъ опасенія, чтобы новорожденный не попалъ современемъ въ кантонисты или въ крѣпостное состояніе. Слухъ о дѣтоубійствахъ, бывающихъ въ скитахъ, безъ сомнѣнія, ложенъ, потому что въ скитскомъ быту рожденіе дѣвкою ребенка нисколько не безславитъ ее, слѣдовательно, для нея нѣтъ побудительной причины къ такому страшному преступленію. Если и родила она, такъ ей стоитъ только «покрыть грѣхъ». По раскольничьему смыслу, это выраженіе значитъ «ходить, покрывши голову», а не то, что понимаютъ подъ этими словами православные—«обвѣнчаться съ отцомъ ребенка». Этого не сдѣлаетъ никакая скитская дѣвка, потому что

Digitized by Google

ей съ малолѣтства внушили, что лучше «семь разъ родить, чѣмъ одинова замужъ ходить». Притомъ же и суевѣрный страхъ препятствуетъ ей выходить замужъ: «Кто изъ обители замужъ пойдетъ, у той дѣти слѣпыми родятся» [1]).

Вышеизложенная картина нравственной стороны скитской жизни была одной изъ главныхъ причинъ уничтоженія правительствомъ раскольничьихъ женскихъ обителей въ Заволжьѣ, Нижегородской и сопредѣльныхъ съ нею губерній.

IX

Отчего Павелъ сдѣлался Савломъ.

Занявшись изученіемъ раскола, Мельниковъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи такіе успѣхи, что, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, «при знаніи каноническаго права и раскольническихъ сочиненій, содѣйствовалъ своими убѣжденіями къ обращенію въ единовѣріе раскольническихъ скитовъ Керженскаго и Осиновскаго, дѣйствительно обратившихся». Оба эти скита находились въ Семеновскомъ уѣздѣ [2]), и самое обращеніе совершено было Мельниковымъ въ 1849 году. По его словамъ, онъ изучилъ для того всѣ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописьменныя книги, потому что, при вразумленіи раскольниковъ, необходимо истину православія доказывать имъ ихъ же кни-

---

1) То же самое говорятъ о раскольницахъ, выходящихъ замужъ православныхъ.

2) Керженскій находится на правомъ берегу рѣки Керженца, въ точной части Семеновскаго уѣзда, а Осиновскій въ сѣверо-западномъ у того же уѣзда, близъ границы Костромской губерніи.

Digitized by Google

гами. Съ согласія тогдашняго архіепископа нижегородскаго и арзамасскаго Іакова, Мельниковъ употребилъ этотъ способъ убѣжденія раскольниковъ и такимъ образомъ въ непродолжительное время обратилъ въ единовѣріе означенные скиты. Передъ тѣмъ прикомандированный къ чиновнику особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Алябьеву, который въ сороковыхъ годахъ употреблялся преимущественно по раскольничьимъ дѣламъ и розыскамъ, Мельниковъ составилъ подробное описаніе раскольничьихъ скитовъ Нижегородской губерніи, а въ 1848 году, при отысканіи бѣжавшаго раскольническаго попа, открылъ въ часовнѣ, въ Городцѣ, тѣ колокола, которые секретно отыскивались по высочайшему повелѣнію еще съ 1826 года. Ихъ не могли найти отчасти по той причинѣ, что мѣстная полиція и мѣстные употреблявшіеся для этой цѣли чиновники щедро награждались раскольниками за неусмотрѣніе колоколовъ, отчасти по незнакомству съ дѣломъ тѣхъ лицъ, на которыхъ такое порученіе возлагалось. Затѣмъ, «въ 1849 году—какъ сказано въ послужномъ спискѣ—онъ произвелъ слѣдствіе объ оглашеніи раскольниками бывшей въ Шарпанской деревнѣ иконы Казанской Богородицы». Эта икона почиталась старообрядцами чудотворною; по ихъ преданіямъ, она находилась въ Соловецкомъ монастырѣ во времена патріарха Никона. Говорили, что она была комнатною иконою царя Алексѣя Михайловича въ первые годы его царствованія. По преданію, когда уже не было никакой надежды на избавленіе Соловецкой обители отъ осадившихъ ее царскихъ войскъ, эта икона перенесена была по воздуху, вмѣстѣ съ дивнымъ инокомъ Арсеніемъ, въ пустынные лѣса Чернораменскіе, гдѣ на урочищѣ Шарпанъ Арсеній и поставилъ первый скитъ въ тамошней мѣстности. Старообрядцы твердо

Digitized by Google

вѣровали, что какъ только соловецкая икона выйдетъ изъ Шарпана и будетъ поставлена въ никоніанской церкви, то древнему благочестію настанетъ неизбѣжный конецъ. Въ своемъ романѣ «На горахъ», Мельниковъ описываетъ, какъ петербургскій чиновникъ, т. е. онъ самъ, прибылъ въ Шарпанскій скитъ, открылъ въ тамошней моленной икону Казанской Богородицы и вынесъ ее оттуда [1]). Она была перенесена въ Керженскій Благовѣшенскій монастырь, незадолго передъ тѣмъ обращенный къ единовѣрію Мельниковымъ изъ раскольническаго скита. Осиновскій же монастырь получилъ икону Николая Чудотворца, которая тѣмъ же «петербургскимъ чиновникомъ» была взята въ Комаровскомъ скиту [1]).

Подобная дѣятельность молодого чиновника естественно обратила на него вниманіе не только свѣтскихъ административныхъ лицъ, но и высшаго духовенства, особенно когда, во время царствованія императора Николая, преслѣдованіемъ раскольниковъ, закрытіемъ ихъ молеленъ и тому подобными мѣрами, надѣялись ограничить или даже уменьшить численность раскола. Учрежденіе бѣлокриницкой митрополіи точно такъ же побуждало правительство къ строгимъ

---

[1]) Въ сентябрѣ 1884 года я слышалъ отъ многихъ поповцевъ какъ въ Семеновѣ и Городцѣ такъ и отъ современницъ разгрома скитовъ, что «матери» успѣли обмануть при этомъ П. И. Мельникова и выдали ему не подлинную икону Казанской Богородицы, но копію съ нея. Всѣ означенныя лица, равно какъ и нѣкоторыя сельскія власти, увѣряли меня, что подлинная древняя икона сохраняется донынѣ въ средѣ поповцевъ Семеновскаго уѣзда, не указывая, однако, гдѣ именно. Можетъ быть, интересы поповщины побуждаютъ ея послѣдователей утверждать подобный подмѣнъ подлинной иконы «петербургскому чиновнику», преслѣдовавшему ихъ въ тѣ времена, по распоряженію высшей власти.

[2]) Скиты Шарпанскій и Комаровскій лежатъ къ сѣверо-западу отъ Семенова, невдалекѣ отъ него. Шарпанъ, послѣ удаленія изъ него древней иконы, много лѣтъ представлялъ только одно пепелище, но теперь тамъ вновь поселился одинъ старикъ крестьянинъ съ женою.

Digitized by Google

мѣрамъ противъ раскольниковъ, какъ и вкоренившееся тогда убѣжденіе, что они «опасны и въ политическомъ отношеніи для государства». Въ это время самъ Мельниковъ, по его словамъ, раздѣлялъ это убѣжденіе, несмотря на то, что онъ уже тогда, лучше многихъ высокообразованныхъ духовныхъ лицъ, не говоря уже о свѣтскихъ и администраторахъ, знакомъ былъ съ расколомъ. Но только дальнѣйшее его изученіе до самаго корня побудило Мельникова отказаться отъ этого убѣжденія и въ дальнѣйшихъ своихъ докладахъ по начальству доказывать несостоятельность подобнаго взгляда на расколъ.

Доказавъ на практикѣ возможность убѣжденія раскольниковъ въ ихъ заблужденіи, Мельниковъ въ составленномъ имъ въ 1854 г. «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи» выставилъ на видъ неподготовленность православнаго духовенства къ воздѣйствію на раскольниковъ путемъ убѣжденія. Онъ откровенно объяснилъ въ своемъ отчетѣ и тогдашнее состояніе сельскаго духовенства въ Нижегородской губерніи, и причины этого неудовлетворительнаго положенія православнаго духовенства, и вліяніе такого состоянія духовенства на расколъ.

Мельниковъ писалъ въ своемъ отчетѣ, что большинство раскольниковъ въ Нижегородской губерніи принадлежитъ къ разряду остающихся въ расколѣ по невѣдѣію или по недостатку церковнаго вразумленія. Отрасли спасова согласія, извѣстныя подъ названіемъ церковщиковъ и перекупыванцвеъ, образовались прямо вслѣдствіе недостатка церковнаго вразумленія. Тотъ же самый недостатокъ способствовалъ къ увеличенію и поддержанію поповщины въ Заволжьѣ. Въ уѣздахъ Сергачскомъ и Лукояновскомъ и въ большей части Арзамасскаго, Ардатовскаго и Княгининскаго уѣздовъ, расколъ, можно положительно сказать, воз-

Digitized by Google

никъ и развился по причинѣ жалкаго состоянія, въ которомъ находилось православное духовенство, далеко не соотвѣствуя своему высокому назначенію.

«Состояніе сельскаго православнаго духовенства дѣйствительно самое жалкое—писалъ Мельниковъ министру внутреннихъ дѣлъ:—Народъ, котораго совѣсть должна была бы находиться въ рукахъ священниковъ, по свыше данному имъ праву вязать и рѣшать—этотъ народъ не уважаетъ духовенства, преслѣдуетъ его насмѣшками и укоризнами и тяготится имъ. Въ рѣдкомъ разсказѣ забавнаго содержанія народъ не глумится надъ попомъ, попадьею и поповскимъ батракомъ. Во всѣхъ народныхъ пословицахъ, присказкахъ и байкахъ, во всѣхъ народныхъ поговоркахъ и присловьяхъ, если только говорится о духовенствѣ, говорится съ насмѣшкою. Народъ чуждается духовенства и прибѣгаетъ къ нему не по внутреннему внушенію совѣсти, а поневолѣ. Преслѣдуя насмѣшкою поповъ своихъ, онъ преслѣдуетъ ею и весь родъ ихъ: никакіе подвиги, никакія заслуги не избавятъ поповскаго сына отъ браннаго прозвища «кутейникъ»; онъ умретъ съ этимъ прозваніемъ и передастъ его дѣтямъ своимъ. Въ этомъ прозваніи высказывается нелюбовь народа къ своему духовенству. Повидимому, все это мелочи, но такъ какъ эти мелочи выражаютъ понятіе народа о духовенствѣ, то онѣ и перестаютъ быть мелочами. Скорѣе злобныя насмѣшки раскольниковъ надъ нашимъ духовенствомъ можно назвать мелочами, чѣмъ эти незлобивыя насмѣшки надъ нимъ православныхъ, доказывающія, что пастыри наши народомъ не уважаются. ту слабую сторону православія знаетъ расколъ, и, несчастію, давно уже ею воспользовался.

«Оттого духовенство наше не уважается народомъ, о сяишкомъ отрѣшено отъ общества. Получивъ преатное воспитаніе, оно не вноситъ въ жизнь народ-

Digitized by Google

ную живаго ученія духа, а остается при однихъ мертвыхъ формахъ внѣшняго служенія, да и тѣми пренебрегаетъ до кощунства. Оттого духовенство не уважается народомъ, что оно часто представляетъ безпрерывные примѣры неуваженія къ вѣрѣ; оттого оно не уважается народомъ, что служеніе Богу превратило оно въ доходное для себя ремесло.

«Можетъ ли народъ съ уваженіемъ смотрѣть на духовенство, можетъ ли онъ не уклоняться въ расколъ, когда то и дѣло слышитъ онъ, какъ одинъ попъ, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ-подъ подушки деньги, какъ другого народъ вытащилъ изъ непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго, во время пасхальнаго богослуженія, діаконъ вытащилъ за волосы изъ царскихъ дверей? Можетъ ли народъ уважать поповъ, которые не выходятъ изъ кабака, пишутъ кляузныя просьбы, дерутся крестомъ, бранятся скверными словами въ алтарѣ? [1]). Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда повсюду въ средѣ его видитъ святокупство, небрежность къ служенію, безчиніе при совершеніи таинственныхъ обрядовъ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда видитъ, что правда совсѣмъ исчезла въ немъ, а потворство консисторій, руководимыхъ не регламентами, а кумовствомъ и взятками, истребляетъ въ немъ и послѣдніе остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками въ исповѣдныя росписи и метрическія книги, оброки, собираемые священниками съ раскольниковъ, превращеніе алтарей въ оброчныя статьи, отдачу за поповскими дочерьми въ приданое церквей Божіихъ и проч. т. под., то вопросъ о томъ, можетъ ли народъ ува-

---

[1]) Нѣсколько страницъ можно наполнить такого рода примѣрами, означая время и мѣсто каждаго случая и не выходя притомъ изъ предѣловъ Нижегородской губерніи. Прим. Мельникова.

Digitized by Google

жать наше духовенство и можетъ ли затѣмъ не уклоняться въ расколъ—рѣшится самъ собой.

«Несчастному положенію православнаго духовенства не менѣе содѣйствовали образованіе касты и зависимость отъ народа въ матеріальныхъ средствахъ. Въ настоящее время священникомъ можетъ быть только сынъ священника. Этого въ старину не бывало. Тогда всякій, кто чувствовалъ въ себѣ призваніе, могъ свободно вступать въ клиръ церковный, если личностію своею онъ удовлетворялъ требованіямъ церковныхъ постановленій. Такіе священники по рожденію своему не были отрѣшены отъ своей паствы. Они жили съ нею общею жизнію, имѣли къ ней сочувствіе, за которое и паства платила имъ взаимнымъ сочувствіемъ. Оттого избранный священникъ пользовался любовію прихожанъ, имѣлъ на нихъ нравственное вліяніе и, по праву вязать и рѣшать, руководилъ ихъ совѣстію не на словахъ, какъ теперь, а на дѣлѣ. Когда же образовалась духовная каста, неправильно называемая духовнымъ сословіемъ, связь клира съ народомъ разрушилась. Тотъ, кому прихожане должны были бы вручать совѣсть свою, являлся между ними не избранный ихъ совѣстью, какъ бы слѣдовало по правиламъ апостольскимъ и вселенскихъ соборовъ, а человѣкъ незнаемый, чуждый имъ и по рожденію, и по образу мыслей, и по взгляду на міръ житейскій. Естественно, что отъ этого произошло взаимное охлажденіе клира и народа и отчужденіе духовенства отъ прихожанъ. За охлажденіемъ послѣдовало неуваженіе, за неуваженіемъ насмѣшка.

«Между тѣмъ клиръ матеріальными средствами (ими зависитъ отъ народа. Когда клиръ былъ при- у свой человѣкъ, приходъ достаточно обезпечивалъ и не заставлялъ духовенство прибѣгать къ свято- ству. Но когда послѣдовало охлажденіе прихода къ ждому отъ него клиру, и духовенство неизбѣжно

Digitized by Google

должно было почувствовать всю тягость зависимости своей отъ прихожанъ, его не уважающихъ, то, изъ необходимости имѣть насущный хлѣбъ, оно должно было смотрѣть сквозь пальцы на безпорядки паствы, а такъ какъ снисхожденіе было корыстное, то, въ награду за него, пастыри, конечно, не могли пріобрѣсти и любви, и уваженія прихожанъ. Дошло дѣло до вымогательствъ, отъ вымогательствъ до святокупства, и это окончательно разрушило народное уваженіе къ духовенству и охладило народъ къ самой вѣрѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что народу стало въ тягость духовенство съ его поборами, а духовенство получило ненасытную алчность къ стяжанію, перестало задумываться надъ средствами къ пріобрѣтенію и стало торговать алтаремъ.

«Такое печальное состояніе нашего духовенства способствуетъ усиленію раскола, послѣдователи котораго всегда указываютъ на неблаговидную жизнь священниковъ и усиливаются доказывать ею мнимую неправость православія. По алчности своей къ стяжаніямъ, духовенство не можетъ желать уничтоженія раскола: дойдя до крайней степени святокупства, оно видитъ въ расколѣ вѣрную статью дохода и оберегаетъ ее. Сельскому причту несравненно выгоднѣе, если у него въ приходѣ раскольниковъ больше, чѣмъ православныхъ: за то, чтобы «не исправлять» у нихъ требы, онъ получаетъ несравненно болѣе, чѣмъ отъ православныхъ «за исправленіе» требъ. При опредѣленіи большей или меньшей выгодности прихода, всегда принимаются въ соображеніе раскольники; чѣмъ больше ихъ въ приходѣ, тѣмъ приходъ считается выгоднѣе. Само епархіальное начальство допускаетъ такого рода оцѣнку приходовъ. Такъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ скиты были раздѣлены между шестью приходами, и такъ какъ приходу пафнутовскому, по географическому его мѣстоположенію, не доставалось скитовъ.

Digitized by Google

то, чтобы не обидѣть пафнутовскій причтъ передъ сосѣдними причтами, причислили къ нему скиты Улангерскій и Фундриковскій, отстоящіе верстъ на тридцать отъ границъ прихода, между тѣмъ какъ пять церквей находятся отъ этихъ скитовъ въ несравненно ближайшемъ разстояніи, чѣмъ церковь села Пафнутова. Есть, напримѣръ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ приходъ Личадѣевскій, въ которомъ почти всѣ прихожане тайные раскольники, отъ которыхъ священникъ получаетъ болѣе 1000 рублей серебромъ и зато даже въ Свѣтлое Воскресеніе не служитъ обѣдни. По особому условію съ раскольниками, онъ никогда не показывается на улицѣ, такъ что, въ случаѣ надобности выѣхать изъ села, онъ выѣзжаетъ изъ дома задними воротами. Въ духовныхъ росписяхъ всѣ прихожане его показываются самыми усердными христіанами, и если бы они вздумали обратиться къ православію, то первый противъ этого былъ бы, конечно, приходскій священникъ.

«При такомъ несчастномъ положеніи вещей, возможно ли церковное вразумленіе раскольниковъ? Много ли найдется сельскихъ священниковъ, которые выгодами своими пожертвовали бы для блага церкви? На словахъ и на бумагѣ найдется много; на дѣлѣ очень мало. Составитель сего отчета получилъ положительныя свѣдѣнія, что многіе сельскіе священники въ Нижегородской губерніи, больше чѣмъ самые раскольники, боятся рѣшительныхъ мѣръ правительства противъ раскола.

«Но если бы какимъ-нибудь чудомъ нравственное состояніе духовенства улучшилось, и оно, сознавая ıгъ свой, рѣшилось бы церковнымъ вразумленіемъ йствовать противъ раскола, то и въ такомъ случаѣ пѣха ожидать было бы невозможно. Чтобы дѣлать рковное вразумленіе, надобно умѣть его дѣлать. А ьское духовенство, за исключеніемъ весьма немно-

Digitized by Google

гихъ священниковъ, рѣшительно неспособно къ этому, по причинѣ получаемаго имъ превратнаго воспитанія. Нельзя сказать, чтобы семинарское воспитаніе вполнѣ соотвѣтствовало своей цѣли. Образцами для нашихъ духовныхъ училищъ въ свое время послужили кіевскія и бѣлорусскія школы, имѣвшія цѣлью образовать духовенство, которое могло бы бороться съ уніею и католицизмомъ. Оттого въ нашихъ семинаріяхъ преобладалъ латинскій языкъ и доселѣ существуетъ мертвое схоластическое направленіе. То и другое несообразно ни съ духомъ русскаго народа, ни съ духомъ православія. Нашему духовенству не придется бороться ни съ уніею, которой уже не существуетъ, ни съ католицизмомъ, но зато на немъ лежитъ обязанность истреблять расколъ. Почему бы не ввести въ духовныя училища такое воспитаніе, которое собственно и направлено было бы для искоренія раскола? [1]) При такомъ воспитаніи духовенства, при исправленіи нравственности его и при достаточномъ обезпеченіи его со стороны правительства, можетъ быть, можно было бы надѣяться на успѣхи православія противу раскола; до тѣхъ же поръ всякія мѣры правительства не достигнутъ вполнѣ своей цѣли. Само собою разумѣется, что для достиженія этой цѣли необходимо отмѣнить секретное воспрещеніе православному духовенству входить въ дома раскольниковъ и вступать съ ними въ

---

[1]) Недавно при Петербургской духовной академіи учреждены особые классы для образованія миссіонеровъ, назначаемыхъ для обращенія раскольниковъ. Если бы такіе же классы существовали при каждой семинаріи и если бы въ священники рукополагали только тѣхъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ прошли эти классы, тогда церковное вразумленіе раскольниковъ сдѣлалось бы дѣломъ возможнымъ. Конечно, для каждаго семинариста было бы несравненно полезнѣе время, употребляемое имъ на изученіе Аристотеля и Цицерона, употребить на изученіе Аввакума, Андрея Денисова и проч. т. подобн. для того, чтобы умѣть впослѣдствіи доказать раскольникамъ нелѣпость ученія этихъ ересіарховъ.

Примѣчаніе Мельникова.

Digitized by Google

религіозные разговоры. Какъ же и требовать отъ духовенства церковнаго вразумленія, когда оно воспрещено особымъ повелѣніемъ [1]).

«Не менѣе, чѣмъ исправленіе нравственности духовенства, необходимо для истребленія раскола возстановленіе въ церквахъ благочинія и уставной службы. Весьма много православныхъ уклоняются въ расколъ; весьма многіе раскольники не приступаютъ къ православію, единственно потому, что въ церквахъ нашихъ отправляется служба не по уставу. Повсюду не исключая и самыхъ соборовъ кафедральныхъ, не соблюдается у православныхъ церковный уставъ, что особенно замѣчается за всенощными [2]). Составителю сего отчета въ каѳедральныхъ даже соборахъ не разъ случалось слышать замѣчанія и укоризны купцовъ и мѣщанъ на несоблюденіе устава. Въ городахъ духовенство хочетъ угодить дворянству, помѣшанному на какой-то европейской жизни и, по несчастному своему полуобразованію, чуждому всего русскаго, а тѣмъ болѣе православнаго. Это дворянство не понимающее православія, не знающее его уставовъ, требуетъ только одного—

---

1) Для вразумленія раскольниковъ священникамъ необходимо изучать всѣ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописьменныя книги, ибо, при вразумленіи раскольниковъ, необходимо истину православія доказывать ихъ же книгами. Недавно умершій протоіерей единовѣрческой цекви въ селѣ Городцѣ, Георгій Иконниковъ имѣлъ намѣреніе написать въ такомъ родѣ книгу противъ раскола, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Примѣч. Мельникова.

Начало означеннаго труда протоіерея Иконникова было представлено П. И. Мельниковымъ при его отчетѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) Такъ, благословеніе хлѣбовъ бываетъ только во время двунатыхъ праздниковъ; нѣкоторые стихиры, а иногда и всѣ пропускаются, читаются вмѣсто того, чтобы пѣть ихъ; сѣдальны пропускаются; валитѣхъ, вмѣсто пѣнія, читается и притомъ съ большими пропусками; ны поются безъ катавасій, напѣвы гласовъ на «Господи воззвахъ», прокимнахъ, на «Богъ Господь», на ирмосахъ, на хвалитѣхъ не соблюдается, такъ что вмѣсто 6 гласа поется на 7, вмѣсто 4 на 5 и т. д. Примѣчаніе Мельникова.

Digitized by Google

скорой службы, и угодливое городское духовенство вмѣсто службы, поетъ ему, такъ сказать, извлеченіе изъ службы; сельское духовенство подражаетъ городскому, а народъ, который всегда и вездѣ несравненно болѣе православенъ, чѣмъ жалкое своимъ полуобразованіемъ дворянство, ропщетъ на такое отступленіе отъ уставовъ церковныхъ, ропщетъ и потомъ мало-помалу уклоняется въ расколъ.

«Изъ всего сказаннаго видно, что распространенію и поддержанію раскола въ Нижегородской губерніи весьма много способствуютъ упадокъ нравственности духовенства, его святокупство и корыстное потворство расколу, отсутствіе благочинія въ церквахъ и пренебреженіе устава церковнаго. При такихъ несчастныхъ условіяхъ состоянія духовенства, конечно нельзя, ожидать отъ него надлежащаго церковнаго вразумленія раскольниковъ, которыхъ самая значительная часть пребываетъ въ расколѣ именно по причинѣ недостатка этого вразумленія. Чрезвычайно много раскольниковъ остается въ своемъ заблужденіи единственно по невѣдѣнію. Они не знаютъ, въ чемъ состоитъ различіе церкви отъ ихъ секты [1]), не знаютъ правилъ своего лжеученія и раскольничаютъ, или глядя на другихъ, или оттого, что, по причинѣ торговыхъ или промышленныхъ связей съ богатыми раскольниками, находятъ раскольничество дѣломъ выгоднымъ. Къ числу такихъ раскольниковъ, остающихся въ расколѣ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, можно причислить почти все молодое поколѣніе раскольниковъ. Оно

---

[1]) Были примѣры, что, при производствѣ формальныхъ слѣдствій раскольники при всемъ желаніи своемъ разсказать слѣдователямъ, въ чемъ состоятъ ихъ религіозныя убѣжденія, не могли, или лучше, не могли, что сказать, и ограничивались словами: «Вѣра наша въ томъ и состоитъ, чтобы въ два перста креститься, да въ церковь не ходить».

Примѣчаніе Мельникова.

Digitized by Google

совсѣмъ не имѣетъ понятія о расколѣ, не знаетъ, для чего и на какомъ основаніи уклоняется оно отъ церкви и только ссылается на примѣръ отцовъ и дѣдовъ: «Какъ родители жили, такъ и насъ благословили».

«Изъ ста семидесяти тысячъ явныхъ и тайныхъ раскольниковъ, находящихся въ Нижегородской губерніи, едва найдется и двадцать тысячъ преданныхъ расколу по убѣжденію. Можно положительно сказать, что изъ нихъ 150,000 человѣкъ уклоняются отъ церкви и пребываютъ въ расколѣ, не имѣя никакого понятія ни о церкви, ни о расколѣ. Двуперстное сложеніе, молитва съ лѣстовкою, исключительное поклоненіе старымъ иконамъ, необщеніе съ православными и нехожденіе въ въ церковь—вотъ въ чемъ состоитъ все догматствованіе этихъ раскольниковъ. Такіе раскольники, конечно, присоединятся къ церкви, если съ одной стороны будетъ устранено безчиніе и святокупство духовенства, а съ другой прекратится на нихъ вліяніе фанатиковъ и коноводовъ раскола, которые, по своимъ личнымъ расчетамъ, держатъ толпу въ раскольническомъ заблужденіи для того, чтобы посредствомъ этого имѣть на нее вліяніе и руководить ею по своей волѣ».

Не надобно забывать, что такое откровенное мнѣніе объ отношеніи духовенства къ расколу было высказано тридцать лѣтъ тому назадъ молодымъ чиновникомъ, недавно только что промѣнявшимъ провинціальную службу на столичную. Подобный отзывъ не могъ понравиться высшимъ лицамъ духовной іерархіи, хотя многія изъ нихъ сами сознавали печальную участь сельскаго духовенства. Вслѣдствіе того благоволеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ П. И. Мельникову, какъ разобличителю непривлекательныхъ сторонъ раскола, выраженныхъ имъ какъ по прежде исполненнымъ имъ изслѣдованіямъ, такъ и въ первыхъ частяхъ его отчета «О современномъ положеніи раскола», которыя онъ по-

степенно представлялъ своему начальству въ продолженіе 1853 и 1854 годовъ,—смѣнилось на немилость. Одно высокопоставленное духовное лицо, какъ разсказывалъ самъ Мельниковъ, оказывавшее ему прежде особаго рода вниманіе, по прочтеніи его мнѣнія о духовенствѣ и о расколѣ, выразило свое неудовольствіе слѣдующею остроумною игрою словъ: «Было время, когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савелъ».

X

Оригиналъ Потапа Максимовича Чапурина.

Читатели двухъ романовъ Мельникова, «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», знакомы съ личностью заволжскаго тысячника, Потапа Максимовича Чапурина, своими связями въ губернскомъ городѣ и своими хорошими отношеніями къ полицейсмимъ и другимъ властямъ, устранявшимъ, на сколько было возможно, бѣды и напасти отъ чернораменскихъ и керженскихъ раскольническихъ скитовъ. Зато скитскія матери не знали, какъ благодарить его и охотно прощали ему и насмѣшки его надъ образомъ жизни въ скитахъ, и выходки его самодурства. Подобный тысячникъ не представляетъ лица, вымышленнаго фантазіею автора. Въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и оказывалъ сильное покровительство расколу въ Заволжьѣ. Почти за пятнадцать лѣтъ до появленія своего романа «Въ лѣсахъ» Мельниковъ описалъ такого старообрядца въ своемъ «Отчетѣ о современном положеніи раскола», въ лицѣ Петра Егоровича Бурова, имѣвшаго въ 1853 году 65 лѣтъ отъ роду, то

Digitized by Google

говавшаго тогда по свидѣтельству перваго рода удѣльнаго крестьянина Семеновскаго уѣзда Чистопольскаго приказа деревни Поповой. Онъ былъ поповцемъ рогожскаго согласія и жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ занимался казенными подрядами и хлѣбною торговлею.

По словамъ «Отчета», значительныхъ коноводовъ раскола, подобныхъ московскимъ, въ Нижегородской губерніи въ то время не было. Тамошніе раскольники по большей части находились въ зависимости отъ коноводовъ Москвы, Казани, Саратова и другихъ городовъ, подчинившихъ подъ свое вліяніе второстепенныхъ коноводовъ, которые имѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ постоянное пребываніе. Къ такимъ второстепеннымъ дѣятелямъ Мельниковъ отнесъ и Бугрова, и представилъ слѣдующую характеристику его, связавъ его съ тогдашними порядками въ Нижегородской губерніи:

«Совершенно чуждый образу жизни новаго поколѣнія раскольниковъ, Бугровъ живетъ такъ, какъ жилъ онъ прежде, будучи не капиталистомъ, какъ теперь, а рядовымъ мужикомъ деревни Поповой [1]). При суровомъ образѣ жизни, столь уважаемомъ раскольниками, Бугровъ и держитъ себя со всѣми просто: и своему работнику, и губернатору онъ говоритъ одинаково «ты». Имѣя рѣдкій умъ и смѣтливость, онъ прикидывается неучемъ и тѣмъ много выигрываетъ въ свою пользу, привлекая къ себѣ кого нужно задушевною, повидимому, простотою и дѣйствительною прямотою поступковъ во всемъ, что не касается раскола. Имѣя нѣ-

---

[1]) П. Е. Бугровъ, будучи уже многократнымъ милліонеромъ, продолжалъ прежній простой образъ жизни до своей смерти. Такъ, разъѣзжая по своимъ дѣламъ, онъ на пароходахъ бралъ мѣсто въ третьемъ классѣ, возилъ съ собою ржаной коровай съ огурцами или лукомъ и довольствовался подобною пищею, не прибѣгая къ услугамъ пароходнаго буфета. И его одежда, порядочно поношенная, соотвѣтствовала такому образу жизни. Сынъ его и наслѣдникъ, по отзывамъ нижегородцевъ, держится также, подобно отцу, простого образа жизни.

Digitized by Google

сколько большихъ каменныхъ домовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, большую водяную мельницу въ Семеновскомъ уѣздѣ и кредитъ чрезвычайно обширный, ворочая сотнями тысячъ, этотъ старикъ живетъ хуже всякаго мѣщанина средней руки и дѣлаетъ это не отъ скупости, не изъ ханжества и вообще не по какимъ-либо расчетамъ, а по привычкѣ къ простому быту.

«Для опредѣленія обширности кредита Бугрова, достаточно представить слѣдующій случай: лѣтъ пять тому назадъ Бугровъ хотѣлъ взять большой подрядъ на перевозку казенной соли изъ нижегородскихъ оптовыхъ магазиновъ. Знали, что онъ значительно спуститъ цѣны, и потому члены соляного правленія изъ своихъ расчетовъ не хотѣли допустить Бугрова къ торгамъ. Узнавъ, что у Бугрова въ наличности денегъ нѣтъ, но что онъ долженъ получить въ возвратъ залогъ свой изъ строительной коммиссіи, они устроили дѣло такъ, что строительная коммиссія подъ разными предлогами задержала выдачу ему залога. Приходитъ день переторжки. Бугрову въ этотъ день приказали явиться въ строительную комиссію за полученіемъ залога, продержали тамъ до половины двѣнадцатаго часа и затѣмъ объявили, что залога онъ не можетъ получить ранѣе слѣдующаго дня. Оставалось только полчаса до переторжки. Бугровъ опрометью бросается на Нижній Базаръ и тамъ, сказавъ торговцамъ: «Братцы, давайте денегъ скорѣе», снялъ передъ ними свой малахай. Черезъ четверть часа въ малахай было накидано 20,000 р. серебр., съ которымя Бугровъ поспѣлъ на переторжку во-время, и поставка осталась за нимъ [1]).

«Въ ветхой шубенкѣ, крытой крашениной, въ истертомъ малахаѣ, на простыхъ роспускахъ, запряжен

---

[1]) См. такой же случай съ Чапуринымъ, разсказанный «Въ лѣсахъ» изд. 1875 года, часть первая, стр. 8.

Digitized by Google

ныхъ неказистою клячею, разъѣзжаетъ онъ по городу, чтобы посмотрѣть за работами, взятыми имъ съ подряда, или побывать у людей чиновныхъ, съ которыми говоря о дѣлахъ по постройкамъ и подрядамъ, онъ въ случаѣ надобности ловко ввертываетъ хитрое словцо, которымъ убѣждаетъ нужнаго человѣка дѣйствовать въ пользу раскола Въ той же шубенкѣ, въ которой, глядя на мостовщика, не знающаго снаровки, Бугровъ самъ садится на заподряженную имъ мостовую и бьетъ молотомъ булыжникъ, съ шуточною приговоркою, что достался же крѣпышъ своему хозяину, — въ той же шубенкѣ онъ приходитъ и въ пріемную губернатора, но не остается въ ней долго: въ то время какъ болѣе или менѣе важные чиновники часа по два ожидаютъ выхода начальника губерніи, Бугровъ немедленно впускается въ губернаторскій кабинетъ. Тамъ толкуетъ онъ съ начальникомъ губерніи о разныхъ дѣлахъ по подрядамъ, шутя и балагуря, уступаетъ цѣны на заготовляемые матеріалы, берется сдѣлать безплатно сверхсмѣтныя работы и, пріобрѣтая такимъ образомъ расположеніе начальника губерніи, ходатайствуетъ въ то же время передъ нимъ за того или другаго раскольника, но всегда заводитъ о томъ рѣчь осторожно, стороною. Такія ходатайства угодливаго Бугрова имѣютъ весьма сильное вліяніе на положеніе дѣлъ о раскольникахъ въ Нижегородской губерніи, ибо двѣ копѣйки пониженія цѣнъ на какую-нибудь поставку губернаторъ, генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, считаетъ дѣломъ, безъ всякаго сравненія, важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, нежели прекращеніе развивающагося по безпечности его Нижегородской губерніи раскола. Ходатайству Бугра семеновскіе скиты обязаны тѣмъ, что губернаръ смотритъ на возобновленіе ихъ сквозь пальцы; датайству Бугрова обязаны скиты тѣмъ, что князь усовъ въ 1853 году писалъ даже о необходимости

Digitized by Google

оставить скиты въ прежнемъ положеніи; ходатайству Бугрова обязана городецкая часовня тѣмъ, что губернаторъ, имѣя въ виду высочайшее повѣленіе уничтожить ее при удобномъ случаѣ, оставляетъ ее неприкосновенною [1]).

«Съ полиціею Бугровъ дѣйствуетъ, конечно, съ съ меньшею осторожностью, чѣмъ съ губернаторомъ, и притомъ напрямикъ, т. е., просто даетъ чиновникамъ ея годовой оброкъ, или условную за дѣло плату. Оттого полицейскіе чиновники дозволяютъ ему имѣть школы для обученія раскольническихъ дѣтей, оттого дозволяется ему имѣть моленныя; оттого дозволяется ему въ деревнѣ Поповой устраивать обители для высланныхъ изъ скитовъ раскольницъ. Пользуясь такимъ покровительствомъ губернатора и имѣя на своей сторонѣ подкупную полицію, Бугровъ ни мало не стѣсняется въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Напрасно преосвященный Іеремія [2]) обращаетъ на него вниманіе князя Урусова; напрасно преосвященный представляетъ Святѣйшему синоду о вредѣ, приносимомъ Бугровымъ; напрасно г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по сообщенію Св. синода, предписываетъ губернатору принять мѣры относительно Бугрова, губернаторъ убѣжденъ, что все это говорятъ и пишутъ ему несправедливо и не дѣлаетъ рѣшительно никакихъ распоряженій, чтобы сколько-нибудь обуздать этого раскольника. Да и какъ сталъ бы онъ дѣлать противъ него распоряженія? Въ то время, какъ начались объ немъ настоянія преосвященнаго и предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, посредстомъ подставного лица (помощника директора ярмарочной кон

---

[1]) Она построена въ 1771 году съ дозволенія Екатерины II и существуетъ донынѣ.

[2]) Бывшій епископъ нижегородскій, живущій еще, на покоѣ, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Digitized by Google

торы, Смолькова) содержащій постоянно въ Нижнемъ-Новгородѣ и временно въ Костромѣ труппу актеровъ и только что потерпѣвшій убытокъ отъ пожара, истребившаго старый театръ, — былъ до высшей степени обрадованъ угодливостью Бугрова, который на свой счетъ взялся построить ему каменный театръ. Оттого онъ никогда не выдастъ его и, дозволяя ему дѣлать, что ему угодно, всегда будетъ защищать передъ высшимъ правительствомъ этого коновода раскола, столь обязательно споспѣшествовавшаго увеличенію его театральныхъ домовъ [1]). Бугровъ имѣетъ сильное вліяніе на раскольниковъ: всѣ издержки на покупку мѣстныхъ властей принимаетъ онъ на свой счетъ, думая тѣмъ дѣлать богоугодное дѣло, и потому всѣ бѣглопоповцы Нижегородской губерніи считаютъ его своимъ ходатаемъ и покровителемъ. Дома Бугрова открыты для всякаго единомысленнаго съ нимъ сектатора, и если въ нихъ не было пріюта лжеепископамъ, то единственно потому, что Бугровъ не признаетъ правильности ихъ хиротоніи. Значительная переписка сектаторская раскольниковъ Нижегородской губерніи, особенно заволжскихъ, съ Москвою, Казанью, Саратовомъ, Сибирью и другими мѣстами производится черезъ Бугрова. Особенно силь-

---

[1]) Въ Нижнемъ-Новгородѣ и вообще въ Нижегородской губерніи носится всеобщій слухъ даже о томъ, будто бы князь Урусовъ имѣетъ частныя сдѣлки по всѣмъ подрядамъ какъ съ Бугровымъ, такъ и съ Губинымъ. До какой степени вѣроятенъ этотъ слухъ, составитель сего отчета (Мельниковъ) сказать не можетъ, но считаетъ не излишнимъ упомянуть, что князь Урусовъ, имѣя съ нимъ (Мельниковымъ) въ сентябрѣ 1854 года, частный разговоръ о томъ, какое неблагопріятное вліяніе имѣетъ на внутреннюю торговлю Нижняго ярмарка, сказалъ слѣдующія слова: «Неужели вы думаете, что здѣшніе купцы дѣйствительно богаты? всѣхъ у нихъ гроша нѣтъ за душою. Вотъ, напримѣръ, Мичуринъ ородской голова, православный), Бугровъ, Губинъ, у нихъ часто не ываетъ денегъ для залоговъ, и я имъ свои деньги даю, потом, что цѣны, и предлагаемыя, для казны чрезвычайно выгодны, а безъ залога ихъ льзя допустить къ исполненію подрядовъ. Я знаю, что объ этомъ въ ородѣ много ходитъ сплетенъ, но я дѣйствую для пользы казны».

Digitized by Google

ное вліяніе имѣетъ этотъ коноводъ на Семеновскій и Балахнинскій уѣзды. Тамошніе раскольники всѣ у него подъ рукою, особенно же удѣльные крестьяне Чистопольскаго приказа, въ которомъ и головою выбранъ находящійся въ полномъ повиновеніи у Бугрова однодеревенскій съ нимъ раскольникъ.

«Какое бы ни возникло въ Нижегородской губерніи дѣло по расколу, Бугровъ всегда является его заступникомъ и ходатаемъ и даетъ ему направленіе по своему усмотрѣнію. Занимаясь постройками и подрядами, Бугровъ имѣетъ у себя много работниковъ и, отдавая явное предпочтеніе раскольникамъ, способствуетъ уклоненіямъ въ расколъ православныхъ. Никакими вразумленіями на него нельзя подѣйствовать. Составитель сего отчета имѣлъ съ нимъ нѣсколько разъ разговоръ объ этомъ предметѣ, но Бугровъ всегда старался уклониться отъ прямого отвѣта на это и всегда говорилъ одно и то же: «Какой я раскольникъ? У меня вонъ сколько работы подряжено; мнѣ не то, что раскольничать, а лба перекрестить некогда».

«Помогая бѣднымъ, иногда изъ какихъ-либо расчетовъ и православнымъ, дѣлая пожертвованія [1]) на общеполезныя учрежденія и предпріятія и ведя вообще жизнь трудолюбивую и притомъ честную, Бугровъ даже и прямого начальника своего, управляющаго удѣльною конторою, статскаго совѣтника Даля, хорошо знающаго и расколъ, и раскольниковъ, поставилъ въ такое убѣжденіе, что будто бы онъ не вреденъ въ сектаторскомъ отношеніи.

---

[1]) Такихъ пожертвованій, дѣйствительно, сдѣлано Бугровымъ очень много. Даже послѣ его смерти, по его завѣщанію, они не прекращаются. Такъ, въ настоящее время (1884 г.) въ Нижнемъ Новгородѣ, сооружается домъ для помѣщенія 50 вдовъ съ семьями. Къ этому пожертвованію присоединили свою лепту и Блиновы, а городское управленіе безплатно уступило землю, необходимую для этого зданія.

Digitized by Google

«Когда, въ декабрѣ 1853 года, составитель сего отчета запечаталъ моленную у раскольника Блинова [1]) и лавку у книгопродавца Головастикова, Бугровъ на другой же день явился къ нему «похлопотать о дѣлѣ». У составителя сего отчета, въ восьми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, есть небольшая деревня [2]), изъ которой хлѣбъ продается не зерномъ, а мукою. Бугровъ, пріѣхавъ къ нему, сначала сталъ просить о томъ: «нельзя ли повести дѣло Блинова полегче; нельзя ли не подуть на него холоднымъ вѣтромъ». Когда же Бугровъ получилъ на то отказъ, то сказалъ: «Да вѣдь я, баринъ, къ тебѣ не за тѣмъ пріѣхалъ, а вотъ что: продай мнѣ изъ Ляхова муку-то; надобно въ казенные магазины ставить, а муки ни куля». Когда ему было сказано, что мука уже вся продана, Бугровъ, повидимому, не вѣря этому, сказалъ: «Эхъ, баринъ, поищи-ка у себя въ амбарахъ-то я бы тебѣ полтора рубля за пудъ далъ». А мука въ то время продавалась въ Нижнемъ-Новгородѣ по 1 руб. ассиг. за пудъ. Вотъ образецъ ходатайства Бугрова».

П. Е. Бугровъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ милліонеромъ, оставившимъ послѣ себя добрую память въ Нижнемъ-Новгородѣ. По слухамъ, онъ оставилъ послѣ себя семь милліоновъ рублей капитала и 180.000 десятинъ лѣса, по нижегородской желѣзной дорогѣ и по шоссе отъ Нижняго до Владиміра, а также въ Семеновскомъ уѣздѣ. Увѣряютъ, что принадлежащія ему лѣсныя богатства оцѣниваются въ 14 милліоновъ рублей. «Это цѣлое княжество, въ нашей губерніи», говорятъ нижегородцы, недовольные пере-

---

1) Умеръ, осенью 1883 года, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, оставъ послѣ себя милліонное состояніе. Онъ вмѣстѣ съ Бугровымъ принадлежалъ къ числу немногихъ дѣйствительныхъ капиталистовъ Нижго-Новгорода.

2) Ляхово, сельцо, не П. И. Мельникова но его второй жены.

Digitized by Google

ходомъ дворянскихъ земель къ купцамъ. Для разработки этого лѣсного богатства устроено нѣсколько паровыхъ лѣсопиленъ, соединенныхъ рельсовыми вѣтвями съ нижегородскою желѣзною дорогою. Огромный садъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, бывшій князя Грузинскаго, также принадлежитъ наслѣдникамъ Бугрова.

Въ своемъ «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола» Мельниковымъ приводится нѣсколько примѣровъ и случаевъ, въ которыхъ нижегородскій губернаторъ князь Урусовъ оказывался на сторонѣ раскольниковъ. Такъ, къ числу закоренѣлыхъ фанатиковъ-раскольниковъ, временно проживавшихъ въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ отнесъ въ своемъ отчетѣ также крестьянина деревни Поспѣлихи Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи, Захара Никитина, послѣдователя Нѣтовской секты. По словамъ Мельникова, онъ «распространялъ въ народѣ нелѣпыя раскольническія сочиненія объ антихристѣ, направленныя противъ православія и правительства, и велъ гласную проповѣдь раскола. Въ 1854 году на нижегородской ярмаркѣ онъ распродалъ, по крайней мѣрѣ, до ста самыхъ вредныхъ раскольническихъ сочиненій и, сидя у дверей лавки № 59 по Холщевой линіи, гдѣ имѣлъ пристанище, бывалъ постоянно окруженъ раскольниками. Среди бѣлаго дня Никитинъ, сидя на складномъ стулѣ у лавки, съ счетами въ рукахъ, проповѣдывалъ ученіе о воцареніи антихриста, въ лицѣ государя императора, и на счетахъ дѣлалъ вычисленія апокалипсическаго числа 666. О распространеніи Никитинымъ на ярмаркѣ книгъ и о публичной его проповѣди раскола я неоднократно докладывалъ нижегородскому губернатору, прося его о немедленномъ пресѣченіи этому раскольнику возможности распространять привезенныя имъ на ярмарку книги и проповѣдывать расколъ. Генералъ-лейтенантъ

Digitized by Google

князь Урусовъ принялъ это со свойственною ему безпечностью и не сдѣлалъ относительно Захара Никитина никакихъ распоряженій. При одномъ моемъ докладѣ о Никитинѣ, князь Урусовъ сказалъ, что онъ это дѣло поручитъ своему адъютанту, но адъютантъ, занятый разсылкою приглашеній на балъ, данный княземъ Урусовымъ, и устройствомъ самаго бала, не имѣлъ ни времени, ни возможности заняться Захаромъ Никитинымъ, который благополучно продалъ весь свой товаръ и также благополучно уѣхалъ изъ Нижняго».

Вотъ еще случай. Посланія объ учрежденіи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ проникли впервые въ Нижегородское Заволжье въ 1847 году, одновременно изъ Саратова и изъ Москвы, съ прибывшими изъ этихъ городовъ скитницами Оленевскаго и Комаровскаго скитовъ. Въ 1848 году Мельниковъ, состоя чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, «получилъ въ Семеновскомъ уѣздѣ списки съ двухъ бѣлокриницкихъ воззваній, которые и представилъ губернатору, но послѣдній не сдѣлалъ никакихъ распоряженій по этому предмету. Князь Урусовъ въ то время не вѣрилъ возможности лжеепископства, а нынѣ (въ 1854 году) совершенно равнодушенъ къ этому дѣлу, считая все это «пустяками, не стоящими никакого вниманія». Это были собственныя выраженія князя Урусова».

Этими случаями столкновенія чиновника особыхъ порученій съ своимъ губернаторомъ, особенно когда первый считалъ, что послѣдній не выполняетъ строгихъ предписаній о преслѣдованіи раскола, которыя присылались тогда изъ Петербурга, объясняется удовольствіе Мельникова, когда, въ 1850 году, онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно былъ освобожденъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ зависимости мѣстнаго начальника губерніи. Испол-

Digitized by Google

ня возлагаемыя на него министрами внутреннихъ дѣлъ порученія, Мельниковъ не щадилъ ни губернатора, ни полицію, ни богатыхъ раскольниковъ, несмотря на ихъ попытки пріобрѣсти себѣ его благоволеніе или, по меньшей мѣрѣ, снисхожденіе. По какимъ именно внутреннимъ побужденіямъ князь Урусовъ мирволилъ раскольникамъ: по тѣмъ ли, о какихъ заставляетъ подозрѣвать «Отчетъ о современномъ положеніи раскола», или по другимъ, но онъ только предупредилъ, такъ сказать, тотъ сниходительный къ нимъ образъ дѣйствія, который, съ воцареніемъ новаго императора, замѣнилъ прежнія преслѣдованія. Жаркимъ сторонникомъ такого снисхожденія сдѣлался впослѣдствіи самъ П. И. Мельниковъ.

XI

Всеподданнѣйшій отчетъ 1855 года.—Рядъ повѣстей и разсказовъ Андрея Печерскаго.—Прошенія поповщины.—Историко-догматическое описаніе раскола.

Съ назначеніемъ Сергѣя Степановича Ланского министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. И. Мельникову приходилось служить при третьемъ лицѣ на одномъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ постовъ въ Россіи. Несморя на краткое, въ повелительномъ тонѣ, приказаніе «немедленно прибыть» въ Петербургъ изъ Нижняго-Новгорода, С. С. Ланской принялъ Мельникова, по пріѣздѣ его въ столицу, столь же ласково и внимательно, какъ и его предшественники, графъ Перовскій и генералъ-адъютантъ Бибиковъ. Искренній давнишній другъ Мельникова, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, вновь оказалъ ему услугу, рекомендо-

Digitized by Google

вавъ его С. С. Ланскому съ самой лучшей стороны и тѣмъ предупредилъ интриги недоброжелателей Мельникова. Новый министръ встрѣтилъ Мельникова слѣдующими словами: «Вы мнѣ нужны; я выбралъ васъ для составленія всеподданнѣйшаго отчета. Этотъ отчетъ долженъ быть совсѣмъ особеннымъ, новымъ. Государь новый, министръ новый, а каково при этомъ положеніе государства?.. Вы получите нѣсколько десятковъ отчетовъ [1]) и, можно напередъ сказать, найдете въ нихъ оффиціальную неправду, фантазію, вымыслы и уже непремѣнно самохвальство: каждый губернаторъ считаетъ теперь себя спасителемъ отечества. Въ моемъ отчетѣ должна быть одна правда, какъ бы она горька ни была, и ни малѣйшаго самовосхваленія. Необходимо вполнѣ ознакомить государя съ его наслѣдіемъ, во всей его наготѣ, отнюдь не скрывая язвъ. Онъ посланъ къ намъ Богомъ, какъ лѣкарь, чтобы исцѣлить Россію отъ хроническихъ ея болѣзней — дай только Богъ долголѣтняго ему царствованія: онъ исцѣлитъ насъ. А передъ лѣкаремъ язвъ не скрываютъ... Впрочемъ, я набросаю на бумагѣ мои мысли относительно этого и завтра пришлю вамъ... Я желаю, чтобы мой отчетъ нисколько не пахнулъ канцеляріею, чтобы въ немъ былъ живой духъ, выраженный живымъ слогомъ, а не мертвая буква. Я знакомъ съ вашимъ перомъ; вы пишете немножко рѣзко; это для канцеляріи, конечно, непріятно, но для меня теперь нужно... А главное правда, строгая правда. Пишите такъ, какъ бы стали вы говорить самому государю, если бы онъ спросилъ васъ... Мало того, пишите такъ, какъ бы вы отвѣчали самому Господу Богу на страшномъ судѣ».

И порученіе, и довѣріе новаго министра были не-

---

[1]) Департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разныхъ подвѣдомственныхъ ему отдѣльныхъ управленій и губернаторовъ.

Digitized by Google

обыкновенно лестны Мельникову. При графѣ Перовскомъ всеподданнѣйшіе отчеты составлялъ Н. И. Надеждинъ, а послѣ его смерти другіе наиболѣе выдающіеся чиновники министерства. Поэтому дѣло, порученное С. С. Ланскимъ Мельникову, разомъ выдвигало его впередъ. Онъ усердно принялся за работу и къ іюлю 1856 года отчетъ былъ окончательно обработанъ, одобренъ министромъ и представленъ государю императору, передъ отъѣздомъ его на коронацію въ Москву. На этомъ отчетѣ императоръ Александръ Николаевичъ собственноручно написалъ: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые съ Божіею помощію и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться». Сверхъ того, на поляхъ отчета было множество собственноручныхъ замѣчаній государя и высочайшихъ повелѣній, имѣвшихъ важное значеніе для Россіи.

Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ подвинулъ впередъ крестьянскую реформу, указалъ на необходимость предоставленія большей самостоятельности въ хозяйственномъ управленіи уѣзда, на необходимость довѣрія въ этомъ отношеніи къ мѣстнымъ жителямъ, на неотлагательность отдѣленія слѣдственныхъ дѣлъ отъ обязанностей полиціи и проч. По поводу матеріальнаго и нравственнаго положеній земской и городской полиціи было выражено, что «настоящая картина указываетъ на необходимость преобразованій въ полицейской части». Въ этомъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ было сказано, что «въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, въ ущербъ самому дѣлу. Упрощеніемъ этихъ обрядовъ можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ, и тогда можно будетъ дѣлать выборъ хорошихъ чиновниковъ изъ соискателей».

Digitized by Google

Мельниковъ до конца жизни гордился своимъ участіемъ въ составленіи всеподданнѣйшаго отчета, за 1855 годъ, что, между прочимъ, видно и изъ его «Воспоминаній о графѣ Ланскомъ», помѣщенныхъ имъ въ Русскомъ Архивѣ» 1879 годда. С. С. Ланской, увидавъ, что Мельниковъ оправдалъ выборъ его для этого труда, приблизилъ его къ себѣ болѣе другихъ своихъ чиновниковъ, такъ что онъ имѣлъ къ нему доступъ во всякое время и преимущественно являлся для бесѣды по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

По составленіи всеподданнѣйшаго отчета, С. С. Ланской 31-го іюля 1856 г. предписалъ Мельникову «немедленно отправиться на Нижегородскую ярмарку гдѣ, при собираніи свѣдѣній о ходѣ торговли восточными товарами, войти въ сколь возможно близкія сношенія съ прибывшими туда послѣдователями армяно-григоріанскаго исповѣданія какъ русскими подданными, такъ и находящимися въ подданствѣ султана турецкаго и шаха персидскаго и узнать отъ нихъ о характерѣ и дѣйствіяхъ верховнаго патріарха гайканскаго народа, Нерсеса, и о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на армяно-григоріанъ, состоящихъ въ подданствѣ Россійской имперіи, незамѣщеніе остающихся вакантными архіерейскихъ каѳедръ и мѣстъ членовъ эчміадзинскаго синода. Свѣдѣнія сіи предлагаю вамъ собрать совершенно секретно и представить мнѣ». Мельниковъ составилъ пространное описаніе дѣйствій патріарха Нерсеса, причемъ доказывалъ въ своемъ докладѣ, что главными причинами безпорядковъ въ Эчміадзинѣ были: 1) невѣжество и низкая нравственность а[illegible]янскаго духовенства, до которыхъ оно доведено т[illegible]кельмъ владычествомъ мусульманъ; 2) слабое управ-л[illegible]іе патріарха Іоакима, предшественника Нерсеса; 3[illegible] непомѣрное своеволіе Нерсеса, который, при пре-к[illegible]ныхъ лѣтахъ, не привыкъ признавать другой вла-

Digitized by Google

сти, кромѣ собственныхъ побужденій, большею частью честолюбивыхъ и корыстныхъ и 4) бездѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

На досугѣ, отдыхая въ подгородномъ сельцѣ Ляховѣ, имѣніи его второй супруги, Елены Андреевны, урожденной Рубинской, П. И. Мельниковъ, послѣ четырехлѣтняго перерыва, вновь принялся за беллетристику. За подписью «Андрей Печерскій» появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 года разсказъ: «Старые годы». Это было начало ряда разсказовъ («Поярковъ», «Дѣдушка Поликарпъ», «Медвѣжій уголъ» «Непремѣнный» «Бабушкины росказни»), которые въ 1857 и 1858 годахъ сдѣлали Андрея Печерскаго однимъ изъ любимѣйшихъ писателей русскаго общества. Эти разсказы были третьимъ приступомъ Мельникова къ исключительно беллетристической формѣ своихъ литературныхъ произведеній. Первый приступъ его къ тому былъ въ 1840 году. Въ № 52 «Литературной газеты» 1840 года (въ послѣдній годъ редактированія ея А. А. Краевскимъ) появился разсказъ, за подписью П. М—н—к—въ, «О томъ, кто такой былъ Эльпидифоръ Перфильевичъ, и какія приготовленія дѣлались въ Черноградѣ къ его именинамъ» (начало повѣсти, которая, можетъ быть, будетъ окончена, а, можетъ быть, и не будетъ, какъ объявилъ авторъ). Въ № 80-мъ продолженіе этой повѣсти, уже за подписью П. И. Мельниковъ, появилось подъ заглавіемъ: «О томъ, какія были послѣднія приготовленія Эльпидифора Перфильсвича, и какъ собрались къ нему гости». Третьяго продолженія повѣсти не появилось, и такимъ образомъ публика не узнала вполнѣ ея героя, уѣзднаго испраника. Повѣсть эта, попытка Мельникова подражать Гоголю, была слабымъ произведеніемъ, написанным въ юмористическомъ духѣ, въ которомъ чувствовалс, однако, невѣрный, невыдержанный тонъ. Мельников

Digitized by Google

самъ остался недоволенъ своимъ первымъ беллетристическимъ произведеніемъ и въ письмѣ къ брату Николаю, убитому въ 1844 году на Кавказѣ сообщалъ: «Ты пишешь, что въ Кубанской глуши добылъ «Литературную газету» и восхищался Эльпидифоромъ и Художникомъ [1]). Плохой же у тебя вкусъ, если только восхищеніе твое не произошло единственно отъ родственнаго чувства. Никогда не прощу себѣ, что я напечаталъ такую гадость; если бы можно было, я собралъ бы всѣ листки «Литературной газеты» не только на Кубани, но и по всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи и всѣ бы ихъ въ печку. Я еще мало знаю людей, чтобы писать повѣсти, и даю тебѣ и себѣ честное слово не писать ни стиховъ, ни прозы до тѣхъ поръ, пока не узнаю жизнь получше. Исторія и статистика особая статья. Покаюсь тебѣ, кстати, еще въ грѣхѣ: написалъ я повѣсть, и повѣсть большущую, въ четырнадцати главахъ, подъ названіемъ: «Звѣзда Троеславля» [2]), да этого еще мало—послалъ ее къ Краевскому, но, слава Богу, онъ возвратилъ мнѣ ее для передѣлокъ: я ее и передѣлалъ на фидибусы; раскуривалъ трубку этими фидибусами чуть не полгода. Вотъ какая огромная звѣзда была!»

Двѣнадцать лѣтъ Мельниковъ не принимался за беллетристику. Изслѣдуя городское хозяйство въ Нижегородской губерніи, онъ написалъ, въ 1852 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ повѣсть: «Красильниковы» и прочелъ ее В. Далю. Тотъ уговорилъ его напечатать эту повѣсть: и она появилась въ № 8-мъ «Москвитянина», за подписью «Андрей Печерскій». Это былъ второй приступъ П. И. Мельникова къ беллетристикѣ.

---

[1]) Въ № 55 «Литературной Газеты» 1840 года помѣщено было стихотвореніе Мельникова «Великій художникъ» (переводъ съ польскаго, Мицкевича).

[2]) Ярославля.

Digitized by Google

Тогдашніе журналы обратили вниманіе на это произведеніе и осыпали его похвалами. По словамъ «Современника», передъ «самою сжатостью и безъискусственностью разсказа Андрея Печерскаго, въ которомъ нѣтъ ни одной слабой, или невѣрной черты, ни одного неумѣстнаго, вычурнаго слова, гдѣ дѣйствительность является безъ прикрасъ, безъ подмалевокъ, безъ ухищреній фантазіи, блѣднѣютъ даже нѣкоторые разсказы лучшихъ и талантливѣйшихъ современныхъ писателей. По вѣрности, дѣйствительности, по мѣткости и по силѣ впечатлѣнія, этотъ разсказъ можетъ быть поставленъ на ряду только съ лучшими произведеніями».

И «Старые годы» произвели сильное впечатлѣніе на читателей. По выраженію «Библіотеки для чтенія» 1857 года, этотъ разсказъ «глубоко поэтическая панихида надъ нашими безпутными годами. Выведенныя въ «Старыхъ годахъ» личности не только этнографически, но и психологически вѣрны: онѣ думаютъ, говорятъ, дѣйствуютъ, движутся какъ живые люди, а это несомнѣнно обнаруживаетъ въ авторѣ поэтическій талантъ. Есть мѣста, гдѣ его историческій этюдъ переходитъ въ драматическія сцены, исполненныя удивительно-художественно». Знавшіе всевдонимъ Мельникова привѣтствовали его и благодарили частными письмами за «Старые годы». Близкій къ нему товарищъ его по казанскому университету, извѣстный своими статистическими работами, А. И. Артемьевъ (онъ тремя годами позже Мельникова кончилъ курсъ), писалъ къ нему, съ границъ Финляндіи, отъ 23-го іюля 1857 года:

†

«Такъ начинали въ «старые годы» [1]). Начнем же постародавнему. А дѣйствительно безпутны был

[1]) Т. е. крестомъ.

Digitized by Google

«старые годы», хотя во время оно и начиналось все съ «Господи-благослови», а оканчивалось славословіемъ...

«И нельзя не порадоваться, что прошли, миновали эти «старые годы». И дай Богъ, чтобы не возвращались они. И нѣтъ сомнѣнія, что не возвратятся они!

«Только за одно можно похвалить «старые годы», и ради этого одного можно порадоваться продолженію ихъ...

«Въ «старые годы» былъ у насъ Печерскій, возсоздавшій въ своей «Повѣсти» старые годы съ ихъ князьями, съ ихъ дикимъ нестыдѣніемъ къ невѣсткамъ и проч.

«И теперь у насъ есть новый Печерскій, также возсоздавшій передъ нами «старые годы» съ ихъ князьями Иванами Алексѣевичами, Алексѣями Юрьевичами...

«И дай Богъ, чтобы въ этомъ отношеніи шло все постарому, чтобы Печерскіе, возсоздатели «старыхъ годовъ», не прекращались на многія лѣта впредь, ради наученія современниковъ и потомства.

«А теперь позвольте, г. Андрей Печерскій, выразить предъ вами искреннее желаніе, чтобы и вашему художественному возсозданію «старыхъ годовъ» выпала доля вашего соплеменника Печерскаго Нестора: благородная доля—быть предметомъ уваженія для 800 лѣтъ потомства».

Всѣ разсказы Андрея Печерскаго появились въ журналахъ съ разрѣшенія тогдашней цензуры, но наибольшая ихъ часть была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», цензоръ котораго, фонъ-Крузе, допускалъ ля его редакціи такую свободу печати, которая заставляла завидовать петербургскихъ редакторовъ своему осковскому собрату. Успѣху «Русскаго Вѣстника» ъ первые годы его появленія подъ редакціею М. Н. аткова, много содѣйствовалъ фонъ-Крузе усвоенною

Digitized by Google

имъ себѣ системою цензуры. Но когда петербургскій книгопродавецъ А. Давыдовъ предпринялъ отдѣльное изданіе «Разсказовъ А. Печерскаго» и представилъ ихъ для того въ цензуру, то вышелъ своего рода курьезъ. Цензоръ московскаго комитета, фонъ-Крузе, одобрилъ къ печати эти «Разсказы» 18 іюня 1858 г., но когда потребовалось разрѣшеніе петербургскаго цензурнаго комитета, вслѣдствіе печатанія этого изданія въ Петербургѣ, то комитетъ опредѣлилъ: «Возвратить издателю безъ одобренія», причемъ зачеркнулъ и разрѣшеніе московской цензуры, равно какъ и приложенную къ нему печать московскаго комитета. Книгопродавцу Давыдову, въ его сборникѣ: «Для легкаго чтенія», разрѣшено было перепечатать только два разсказа: «Красильниковъ» и «Поярковъ». Обличительный тонъ остальныхъ разсказовъ, не понравившійся въ тѣ годы многимъ лицамъ высшей администраціи, былъ причиною цензурнаго ихъ запрещенія въ новомъ изданіи. Впослѣдствіи разсказы Андрея Печерскаго разошлись въ нашей публикѣ въ двухъ изданіяхъ.

Но, сверхъ своихъ беллетристическихъ занятій, П. И. Мельниковъ и въ 1857 году не оставлялъ своего излюбленнаго по преимуществу вопроса о расколѣ. Особенный случай далъ ему вновь поводъ высказаться по этому вопросу, разумѣется, непечатано. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ августѣ 1856 года, тамошніе поповцы подали всеподданнѣйшее прошеніе государю императору о дозволеніи имъ принимать отъ церкви бѣглыхъ священниковъ. Эта просьба была оставлена безъ послѣдствій, подобно тому, какъ и прежде имъ было въ томъ отказываемо, при неоднократныхъ ихъ подобныхъ прошеніяхъ. Правительство находило, что такое дозволеніе было бы несообразно съ достоинствомъ православной церкви. Св. синодъ находилъ, что самый побѣгъ священника къ раскольникамъ есть уже пре-

Digitized by Google

ступленіе уголовное. Наконецъ и желаніе старообрядцевъ возвращать епархіальному начальству попа, почему-либо сдѣлавшагося для нихъ негоднымъ, ни въ какомъ случаѣ не могло быть исполнено, ибо тогда православная церковь представилась бы какимъ-то вмѣстилищемъ, куда поповцы могутъ кидать все имъ ненужное и въ то же время брать изъ него все, что есть получше. Впрочемъ, невозможность удовлетворить желаніе раскольниковъ, дозволеніемъ имъ брать изъ православной церкви поповъ, сознавали сами поповцы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые были развитѣе и безпристрастнѣе.

Но въ мартѣ 1857 года московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, представилъ новую просьбу тамошнихъ поповцовъ подобнаго же сосодержанія, причемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайствовалъ, въ видахъ успокоенія раскольниковъ, «даровать имъ поповъ не подчиненныхъ духовному начальству» и для осуществленія этой цѣли придумалъ три способа. На докладѣ графа Закревскаго императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ написать: «Дѣло это внести неотлагательно на разсмотрѣніе Секретнаго Комитета, причемъ обращаю вниманіе гг. членовъ на важность сего государственнаго и, можно сказать, жизненнаго для насъ вопроса и ожидаю полнаго и откровеннаго ихъ мнѣнія, для успокоенія колеблющейся моей совѣсти въ этомъ важномъ дѣлѣ, т. е. какъ согласовать выгоды нашей церкви съ государственными выгодами, ибо дѣло идетъ о успокоеніи умовъ 5 милл. людей».

Приглашенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ланимъ, дать свое мнѣніе по докладу графа Закревскаго, льниковъ доказалъ всю несостоятельность предложенныхъ имъ трехъ способовъ удовлетворенія просьбы повцевъ. Особенно онъ возсталъ противъ второго

Digitized by Google

способа, который, по словамъ Мельникова, долженъ былъ уронить въ глазахъ народа всякое уваженіе къ достоинству правительства, прибѣгающаго ко лжи, ради соблюденія формальности. Именно гражданское правительство должно было бы, по предложенію графа Закревскаго, отвѣчать епархіальному архіерею, что попъ находится при своемъ мѣстѣ, тогда какъ онъ собственно пребываетъ уже у старообрядцовъ, и архіерей долженъ повѣрить этой лжи и въ своихъ бумагахъ лгать, что бѣглый попъ находится при своемъ мѣстѣ. «А ложь (писалъ Мельниковъ), какого бы рода она ни была, по каноническимъ правиламъ, разрушаетъ санъ архіерейства, а по дворянской грамотѣ разрушаетъ дворянство. Слѣдовательно и гражданское и епархіальное начальства, исполняя волю правительства, то и дѣло разрушали бы свое достоинство. Ни правительство, прибѣгающее въ затруднительныхъ вопросахъ ко лжи, ни церковь, принимающая ложь за правду, не могутъ быть уважаемы народомъ. Правда, что распоряженіе это будетъ сдѣлано секретно, но секретъ въ дѣлѣ, касающемся до пяти милліоновъ людей, не есть секретъ. Онъ будетъ существовать только на бумагѣ». Въ заключеніе своей записки Мельниковъ полагалъ, что «единственнымъ выходомъ изъ этого дѣла есть дарованіе раскольникамъ своихъ архіереевъ изъ православнаго духовенства. Это успокоило бы умы пяти милліоновъ подданныхъ его императорскаго величества, прекратило бы дальнѣйшее развѣтвленіе раскола и образованіе новыхъ сектъ, которое послѣдуетъ при всякой другой мѣрѣ и, что всего важнѣе въ государственномъ отношеніи—это тотчасъ же не только уничтожило бы зловредное вліяніе на Россію Австріи, но и окончательно убило бы Бѣлую Криницу».

Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской представилъ въ Секретномъ Комитетѣ свое мнѣніе, въ которомъ го-

Digitized by Google

ворилъ, что не сообразно было бы ни со святостью церкви, ни съ достоинствомъ правительства, дозволить священникамъ бѣгать къ раскольникамъ и терпѣть такихъ бѣглецовъ. Для успокоенія же раскольниковъ поповщинской секты онъ предлагалъ осуществить обѣщаніе, данное правительствомъ при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, но не исполненное: «Дать единовѣрцамъ оообыхъ архіереевъ», даровать совершенно полное устройство единовѣрческой церкви. Это предположеніе Ланского осталось безъ послѣдствій.

Возбужденное графомъ Закревскимъ ходатайство въ пользу раскольниковъ обратило вниманіе на нихъ правительства въ 1857 году, и Мельниковъ составилъ для великаго князя Константина Николаевича особую записку о русскомъ расколѣ, которая появилась въ печати только въ 1866 году, но безъ конца, съ пропусками и искаженіями, въ «Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о расколѣ», изданномъ В. И. Кельсіевымъ въ Лондонѣ.

Въ бумагахъ П. И. Мельникова осталось нѣсколько черновыхъ отъ его мнѣній по вопросу о расколѣ, изложенныхъ имъ въ 1857 году. Въ одной изъ такихъ записокъ, онъ, между прочимъ, излагалъ: «Исторія двухъ сотъ лѣтъ достаточно показала, что ни крутыя мѣры Петра Великаго, ни казни, совершенныя въ его царствованіе, ни публичное осмѣяніе раскола, ни анафема, произнесенная въ 1667 голу, ни полемическія и увѣщательныя сочиненія духовныхъ пастырей, ни полумѣры правительства, предпринимаемыя безъ всякой послѣдовательности, а единственно по случайнымъ обстоятельствомъ, или по личнымъ взглядамъ на этотъ предметъ государей и высшихъ сановниковъ государства, изучавшихъ расколъ преимущественно по оффиціальнымъ бумагамъ,—ничто не могло уврачевать эту язву, болѣе и болѣе распространяющуюся на госу-

Digitized by Google

дарственномъ тѣлѣ нашего отечества. Все это, а въ особенности непослѣдовательность полумѣръ по воздвигаемымъ преслѣдованіямъ раскола, то оставлявшихъ его безъ всякаго вниманія, то стѣснявшихъ гражданскія права раскольниковъ, то дававшихъ имъ неумѣстныя льготы,—все это не только не ослабило раскола, но значительно усилило его и увеличило число его послѣдователей. При Петрѣ Великомъ раскольниковъ едва ли было болѣе полумилліона; теперь ихъ до десяти милліоновъ обоего пола. Если и на будущее время будутъ приниматься такія же полумѣры, какія были предпринимаемы въ послѣднія двѣсти лѣтъ, то, безъ сомнѣнія, расколъ будетъ усиливаться, и число раскольниковъ будетъ увеличиваться въ той же пропорціи. Такимъ образомъ можно ожидать, что въ XX столѣтіи всѣ великороссы, за исключеніемъ дворянства и духовенства, будутъ въ расколѣ. Сдѣлаются ли раскольниками малороссіяне — Богъ знаетъ, но жители Новороссійскаго края и юго-западныхъ губерній послѣдуютъ за великороссами: между ними и теперь расколъ сильно распространяется, а близость Бѣлой Криницы, конечно, не остается безъ вліянія на Бессарабію, Волынь, Подолію.

«И какая страшная опасность угрожаетъ Россіи въ будущемъ! Событія послѣднихъ годовъ, кажется, достаточно доказали, что Россія не можетъ разсчитывать на дружбу и доброжелательство Австріи. Мы потеряли, можетъ быть, навсегда возможность грозить Вѣнѣ славянскимъ вопросомъ, а австрійское правительство на границахъ нашихъ поставило страшную для насъ каѳедру Бѣлокриницкую. Наполеонъ I сдѣлалъ страшну ошибку, войдя въ Москву. Если бы онъ, притворя шійся въ Египтѣ мусульманиномъ, вмѣсто того, чтоб превращать кремлевскіе соборы въ конюшни, взял бы съ Рогожскаго кладбища раскольническаго поп

Digitized by Google

заставилъ бы его отслужить въ Успенскомъ соборѣ обѣдню и объявилъ бы возстановленіе въ Россіи старой вѣры и стараго быта, обошелъ бы съ раскольниками крестнымъ ходомъ Кремль Московскій — война 1812 года имѣла бы другой исходъ. Напрасно думаютъ, что онъ, какъ иностранецъ и иновѣрецъ, не нашелъ бы сочувствія въ народѣ русскомъ. И тогда какъ онъ своими необдуманными поступками возбудилъ ненависть къ себѣ народа русскаго, считавшаго его антихристомъ —явилась же въ Россіи и до сихъ поръ втайнѣ существующая секта наполеоновская, признающая Наполеона I сыномъ Божіимъ [1])!

«Австрійцы съ Бѣлокриницкою митрополіею обходятся не такъ, какъ Наполеонъ I обходился съ православіемъ. Изъ перваго манифеста Бѣлокриницкаго (въ ноябрѣ 1846 г.), разосланнаго по Россіи, русскіе раскольники узнали, что митрополитъ Амвросій былъ милостиво принятъ императоромъ Фердинандомъ, получилъ отъ него охранную грамоту, съ почетомъ былъ принятъ львовскимъ губернаторомъ и съ торжественностію слѣдовалъ изъ Львова въ Бѣлую Криницу. Во время послѣдней войны русскіе раскольники узнали, что 6-го января 1855 года, когда митрополитъ Кириллъ совершалъ крестный ходъ для освященія воды, его сопровождалъ эрцгерцогъ австрійскій, и, когда Кириллъ погружалъ крестъ, австрійская артиллерія дѣлала выстрѣлы. Между русскими раскольниками распространена исторія Бѣлокриницкой митрополіи, въ которой говорится съ уваженіемъ объ австрійскомъ императорѣ, а о императорѣ Николаѣ Павловичѣ говорится въ такомъ духѣ: «и царь русскій зѣльно уязвился злобою на преосвященнаго Амвросія... и по наговору русскаго

[1]) До 1848 года никто въ Россіи и не подозрѣвалъ этой секты. Первый намекъ на нее сдѣлалъ извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ. Прим. Мельн.

Digitized by Google

царя и за помощь его противъ венгерцевъ новый австрійскій Юзефъ сослалъ преосвященнаго митрополита Амвросія въ заключеніе въ Тироль, въ городъ Цилль».

«Преданность бѣлокриницкому митрополиту и вслѣдствіе того сочувствіе покровительствующему Бѣлой Криницѣ австрійскому правительству съ каждымъ годомъ усиливается между русскими раскольниками. Бѣлая Криница составляетъ ихъ гордость, ихъ надежды. Изъ Бѣлой Криницы чаютъ они спасенія. Лжеепископы, которыхъ теперь въ Россіи шесть, если не болѣе, и множество лжепоповъ, поддерживаютъ это сочувствіе нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ людей къ иноземному правительству.

«Что если у насъ произойдетъ разрывъ съ Австріею, и впереди австрійскихъ войскъ явится на русской землѣ митрополитъ Кириллъ въ древнемъ облаченіи русскихъ святителей? Что если онъ возгласитъ: «Я гряду, христіане древляго благочестія, подъ прикрытіемъ австрійскихъ солдатъ, очистить мерзость запустѣнія [1]), въ священномъ Кремлѣ Московскомъ и во всемъ государствѣ русскомъ»? Своимъ осьмиконечнымъ крестомъ онъ принесетъ тогда намъ въ сто разъ больше вреда, чѣмъ штуцеры и улучшенныя осадныя орудія англо-французовъ. Изъ края въ край восколебнется тогда земля русская — и двуглавый орелъ австрійскій въ самомъ центрѣ Россіи восторжествуетъ надъ нашимъ двуглавымъ орломъ. Австрія намъ страшнѣе всякаго другого врага. Она страшнѣе намъ всей остальной Европы, ополчившейся на насъ».

Таковъ былъ въ 1859 году взглядъ П. И. Мельникова на политическое значеніе для Россіи Бѣлокриницкой митрополіи, учредившейся въ Австріи. Разрывъ

---

1) Такъ зовутъ раскольники православное богослуженіе въ древнихъ церквахъ.

Digitized by Google

впослѣдствіи съ митрополіею той части поповщины, которая не признаетъ «австрійскаго священства», придаетъ этому мнѣнію Мельникова нынѣ одно «историческое» значеніе. Но это мнѣніе находило въ то время многихъ сторонниковъ среди лицъ высшей администраціи Россіи.

Пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ къ нему С. С. Ланского, Мельниковъ въ это время своей жизни стремился всѣми силами направить вопросъ о расколѣ на тотъ путь, на которомъ, по его убѣжденію, могло послѣдовать его разрѣшеніе въ смыслѣ, наиболѣе полезномъ для государства и для народа. На этомъ основаніи онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ докладъ, въ которомъ разъяснилъ, что расколъ остается все еще недостаточно изслѣдованнымъ, потому что исторія и догматика всѣхъ нашихъ разнообразныхъ вѣроученій и сектъ неизвѣстны не только нашему правительству, но даже и большинству самихъ раскольниковъ. Мельниковъ предлагалъ ассигновать до 10,000 р. въ годъ на постепенное изданіе исторіи и догматики раскола, поручивъ критическую разработку каждаго предмета лицамъ, заявившимъ уже свои познанія по этому вопросу. Докладъ Мельникова совпалъ съ замѣчаніемъ государя императора, что исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны, и что незнаніе всѣхъ его обстоятельствъ затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще. 18-го октября 1857 года С. С. Ланской поручилъ П. И. Мельникову, совмѣстно съ Александромъ Ивановичемъ Артемьевымъ, «составленіе возможно полнаго историко-догматическаго изложенія ученія разныхъ раскольническихъ сектъ въ Россіи». Имъ было предоставлено пользоваться книгами

Digitized by Google

и рукописями Императорской Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея, открытъ былъ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разрѣшенъ былъ осмотръ дѣлъ Секретнаго Комитета по расколу и извлеченіе изъ нихъ выписокъ, а также было выдано «на пріобрѣтеніе необходимыхъ рукописей» 150 руб. Вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ 1858 года, послѣдовало особое высочайшее повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ о составленіи подробнаго описанія раскола, согласно съ планомъ, выработаннымъ Мельниковымъ. Сверхъ себя и Артемьева, онъ предлагалъ воспользоваться услугами для того и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и экстраординарнаго профессора Московской духовной академіи Субботина, извѣстнаго знатока раскола.

При участіи гг. Субботина, Мельникова и имъ подобныхъ дѣятелей, означенный трудъ по расколу обѣщалъ быть капитальнымъ. Съ разрѣшенія С. С. Ланского, Мельниковъ вошелъ въ сношенія съ разными лицами въ Россіи, которыя стали сообщать ему всѣ замѣчательные случаи проявленія раскола. Мельниковъ и Артемьевъ издали три тома «Сборника постановленій, относящихся къ расколу». Въ 1861 году начатыя работы были прерваны съ замѣной С. С. Ланского, въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаремъ П. А. Валуевымъ, тѣмъ болѣе, что и суммъ, необходимыхъ на осуществленіе предположеннаго въ обширномъ размѣрѣ труда о расколѣ, уже не отпускалось. Черезъ три года, 6-го марта 1864 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, «предложилъ» Мельникову немедленно ему донести, «въ какомъ положеніи находится нынѣ порученное вамъ въ 1857—1858 году составленіе историко-догматическаго описанія раскола». Мельниковъ представилъ ему, рапортомъ отъ 14-го марта, положеніе порученнаго ему труда, но такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то онъ и прекратилъ возло-

Digitized by Google

женную на него работу. Такимъ образомъ цѣлесообразно задуманное и высочайше одобренное ознакомленіе правительства, общества и раскольниковъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни русскаго народа осталось однимъ предположеніемъ.

5-го ноября 1857 года, въ годовщину основанія Казанскаго университета, впервые, по почину Мельникова и нѣкоторыхъ его университетскихъ товарищей, собрался кружокъ бывшихъ воспитанниковъ этого высшаго учебнаго заведенія. Обѣдъ бывшихъ казанцевъ и рѣчи, произнесенныя на немъ, въ свое время подробно были описаны и сообщены въ «Русскомъ Вѣстникѣ». На этомъ обѣдѣ рѣшено было издать сборникъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Казанскаго университета съ тѣмъ, чтобы чистый доходъ, послѣ покрытія издержекъ на бумагу и печать, предоставить въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Сборникъ этотъ вышелъ въ 1859 году подъ заглавіемъ «Братчина», подъ редакціею Мельникова. Это названіе придумано было Сергѣемъ Тимоѳеичемъ Аксаковымъ, оказавшимся въ 1857 году старѣйшимъ бывшимъ студентомъ Казанскаго университета. На обѣдѣ 5-го ноября, Мельниковъ, провозглашая «здоровье старѣйшаго казанца», назвалъ С. Т. Аксакова «первымъ» русскимъ писателемъ. Это обстоятельство вызвало слѣдующее любопытное письмо С. Т. Аксакова къ Мельникову отъ 8-го ноября 1857 года, изъ Москвы: «Вчера возвратился сынъ мой изъ Петербурга, и я узналъ отъ него, какъ много обязанъ вамъ за ваши лестные обо мнѣ отзывы, высказанные вами на обѣдѣ 5-го ноября, а равно и за то сочувствіе, съ какимъ приняты были ваши одушевленныя слова всѣми бывшими студентами Казанскаго университета. Примите, милостивый государь, мою душевную благодарность; вы доставили мнѣ такія отрадныя минуты, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти. Теперь

Digitized by Google

я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: вы назвали меня въ своей рѣчи «первымъ» русскимъ писателемъ, и мнѣ сказалъ мой сынъ, что все это будетъ напечатано. Не нужно говорить, какъ мнѣ лестенъ и дорогъ отзывъ человѣка, талантъ котораго уже обратилъ на себя вниманіе и одобреніе всей читающей публики, и котораго статьи недавно были выслушаны мною съ наслажденіемъ; но вы слишкомъ благосклонны ко мнѣ и потому сдѣлались несправедливы къ другимъ. Не согласитесь ли вы измѣнить ваше выраженіе въ печати и, вмѣсто «перваго» писателя, назвать меня однимъ изъ первыхъ. Слово «первый», котораго я не заслуживаю, оскорбитъ и возстановитъ противъ меня многихъ. Въ изустной рѣчи, при всеобщемъ сочувствіи и увлеченіи и притомъ въ извѣстномъ кругѣ людей, болѣе или менѣе ко мнѣ расположенныхъ, это слово могло быть принято съ одобреніемъ; но въ печати — совсѣмъ другое дѣло».

Когда С. Т. Аксаковъ скончался въ 1859 году, Мельниковъ напечаталъ нѣсколько прочувствованныхъ о немъ словъ въ своемъ «Русскомъ Дневникѣ». Этотъ отзывъ вызвалъ слѣдующее письмо къ Павлу Ивановичу Мельникову отъ Ивана Сергѣевича Аксакова изъ Москвы отъ 2-го іюня 1859 г.: «По порученію матушки, брата, всего нашего семейства и по собственному своему побужденію, приношу вамъ искреннюю, сердечную благодарность за ваши прекрасныя строки объ отцѣ моемъ. Вы въ немногихъ словахъ сказали больше и полнѣе, чѣмъ другіе въ длинныхъ статьяхъ. Вы такъ рельефно изобразили его внутреннюю духовную сторону, что трудно повѣрить, что вы никогда не видали его, не знали его лично! Все это въ моихъ глазахъ свидѣтельствуетъ въ одно время какъ о силѣ таланта вашего, такъ о тонкости и вѣрности вашего душевнаго разумѣнія. Еще разъ благодаримъ васъ за то утѣше-

Digitized by Google

ніе, которое доставили ваши строки всему нашему семейству».

XII.

Дневникъ 1858 года. — Я. И. Ростовцовъ. — Князь В. А. Долгоруковъ.

Въ 1858 году предположено было ихъ императорскими величествами совершить поѣздку по нѣкоторымъ мѣстамъ Россіи, причемъ посѣтить и приволжскіе города. Мельникову, какъ знатоку приволжскаго края, поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ, по волѣ императрицы Маріи Александровны, составить указатель достопримѣчательностей на пути и очеркъ нижегородской ярмарки. Указатель былъ составленъ изъ отдѣльныхъ 14 частей. Какъ указатель, такъ и очеркъ ярмарки не были пущены въ продажу, составляютъ библіографическую рѣдкость и были напечатаны безъ одобренія цензуры и безъ означенія типографіи. Въ библіотекѣ, оставшейся послѣ П. И. Мельникова, оказался экземпляръ этого указателя, съ слѣдующею собственноручною надписью автора: «По приказанію Государыни Императрицы, въ 1858 году написалъ и напечаталъ отдѣльными брошюрами въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ». Въ этихъ брошюрахъ были вкратцѣ описаны: 1) Тверь, 2) Клинъ, 3) Дмитровъ, 4) Переяславль-Залѣсскій, 5) Ростовъ (Ярославскій), 6) Ярославль, 7) Волжскій путь отъ Ярославля до Костромы, 8) Кострома, 9) Волжскій путь отъ Костромы до Нижняго, 10) Нижній-Новгородъ, 11) Вязники, 12) Владиміръ-на-Клязьмѣ, 13) Покровъ, 14) Богородскъ.

Въ 1858 года началась усиленная дѣятельность губернскихъ комитетовъ по крестьянской реформѣ. Хотя

Digitized by Google

Мельниковъ, состоя помѣщикомъ Семеновскаго уѣзда, а по имѣнію жены и Нижегородскаго уѣзда, могъ бы принять участіе въ занятіяхъ по реформѣ, но онъ не былъ приглашенъ къ нимъ ни въ Петербургѣ, ни въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Но этотъ вопросъ не могъ не интересовать Мельникова, знатока крестьянскаго дѣла. Дѣйствительно, въ бумагахъ Мельникова оказался дневникъ его, который онъ началъ было вести, съ 24-го марта 1858 года, но выдержалъ свое намѣреніе только въ продолженіе немногихъ дней. Если бы онъ не прекратилъ своего дневника, то въ немъ отразилась бы интересная картина тогдашняго времени, преисполненнаго заботъ, волненій, предположеній о готовившейся крестьянской реформѣ. Мельниковъ, сочувствуя этому важному дѣлу, не могъ не волноваться въ своемъ дневникѣ, при томъ или другомъ слухѣ, извѣстіи, касавшихся задуманнаго преобразованія. На этомъ основаніи я привожу вполнѣ его дневникъ 1858 года, тѣмъ болѣе что онъ можетъ служить своего рода документомъ для этой интересной эпохи.

«Марта 22-го. Великая суббота. День прекрасный ясный, теплый. Часу во второмъ пошелъ я на Невскій; тамъ толпа огромная. Совершенно неожиданно встрѣтился съ Сергѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ и ходилъ съ нимъ по Невскому и по Литейной болѣе двухъ часовъ. Онъ сегодня поутру пріѣхалъ изъ Нижняго, гдѣ засѣдалъ въ комитетѣ объ освобожденіи крестьянъ депутатомъ отъ Горбатовскаго уѣзда. Онъ, разумѣется, противъ освобожденія. Бранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ губернатора Муравьева и членов комитета, особенно Штевена, Карамзина и друг., кс торые горячо стоятъ за крестьянъ. «Людей-то у нас много, да головъ мало!» замѣтилъ онъ. Муравьев дѣйствительно уже черезчуръ гонитъ дѣломъ; ем

Digitized by Google

хочется, чтобы къ 20-му августа непремѣнно было все кончено, но это не возможно. Дѣло дѣлается навѣкъ. Нельзя же его вокругъ пальцевъ обвести. Шереметевъ сказалъ, между прочимъ, что еще будутъ перемѣны въ этомъ дѣлѣ, но какія не говорилъ. Онъ въ связяхъ и родствѣ съ великими міра сего и, конечно, говоритъ не безъ основанія. Что же это будетъ? Народу обѣщали свободу, назначили срокъ и правила; народъ ждетъ; вездѣ тихо, спокойно, несравненно спокойнѣе, чѣмъ прежде, и вдругъ, если Шереметевъ правду говоритъ, пойдетъ дѣло въ оттяжку. Такихъ дѣлъ откладывать нельзя, а то, чего добраго, и за топоры примутся.

«Марта 23-го. У заутрени и обѣдни былъ въ церкви министра внутреннихъ дѣлъ. Въ началѣ обѣдни пріѣхали изъ дворца Ланской съ дочерью; новостей не узналъ. Въ 11 часовъ былъ на общемъ представленіи у министра и здѣсь узналъ новости: Княжевичъ замѣнилъ Брока (министра финансоеъ), Ковалевскій [1]) Норова (министра народнаго просвѣщенія); князь Вяземскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, тоже уволенъ. Все остальное незначительно. А Панинъ сидитъ себѣ да сидитъ, а пора бы и ему, по вошедшему обыкновенію, съѣздить безсрочно за границу. Назначеніе Княжевича произвело во всѣхъ живѣйшее удовольствіе;—одного жаль—старъ. За Ковалевскаго говорятъ два обстоятельства: то, что онъ отстоялъ цензора Крузе и прекрасно велъ исторію о побіеніи студентовъ московскаго университета полицейскими разбойниками въ октябрѣ 1857 года [2]).

---

[1]) Бывшій попечителемъ московскаго учебнаго округа. У.

[2]) Извѣстное столкновеніе студентовъ московскаго университета съ
[illegible]ціею, которая оскорбила студентовъ. Судъ и высочайшая воля рѣ-
[illegible] дѣло въ пользу студентовъ. Виновные чины полиціи были наказаны
[illegible]кону. У.

Digitized by Google

перемѣнѣ министровъ Норова и Брока положительно говорили уже недѣли полторы тому назадъ, но объ нашемъ (Ланскомъ) и рѣчи не было, тогда какъ съ новаго 1857 года, передъ каждымъ праздникомъ, молва смѣняла его и назначала то Булгакова, то Буткова, то Суковкина, то Игнатьева.

«Марта 25-го. Праздникъ храмовой у министра. Послѣ обѣдни у Петра Ермолаевича Волкенштейна обѣдъ; было человѣкъ до тридцати, но никого изъ властей не было. Волкенштейнъ старостою церковнымъ при домовой церкви (министра внутреннихъ дѣлъ). Шуринъ его, Евгеній Пеликанъ, теперь профессоръ медико-хирургической академіи, будетъ вице-директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто нашего казанца Козлова, котораго Енохинъ (директоръ медицинскаго департамента военнаго министерства) взялъ къ себѣ въ вице-директоры, а Ланской далъ ему на прощанье станиславовскую звѣзду. Пеликанъ теперь въ Парижѣ и обратилъ тамъ на себя большое вниманіе французскихъ медиковъ, сдѣланъ членомъ-корреспондентомъ парижской Академіи наукъ. Всѣхъ Пеликановъ я знаю, кромѣ него, но говорятъ, что онъ лучше всѣхъ, а Пеликаны люди хорошіе.

«Марта 27-го. Завернулъ въ министерство и услышалъ вновь возникшіе слухи объ увольненіи Ланского и объ назначеніи на мѣсто его Якова Ивановича Ростовцова. Вѣроятно, сказки. Ростовцовъ вѣкъ свой управлялъ кадетами, а, вѣдь, министерство внутреннихъ дѣлъ не кадетскій корпусъ. Впрочемъ, чего не бываетъ на свѣтѣ.—Охтенскіе поселяне уволены изъ адмиралтейскаго вѣдомства; имъ предоставлено перечислиться къ городскимъ или сельскимъ сословіямъ и образовать отдѣльное подгородное общество, а такъ какъ они большею частію ремесленники и промышлен-

Digitized by Google

ники, то предположено образовать у нихъ ремесленную управу, по примѣру петербургской, и подчинить ее петербургской городской думѣ. Прекрасная записка (историческо-административная) по этому дѣлу составлена Чернавскимъ. Она въ хозяйственномъ департаментѣ.

«Марта 28-го. Былъ въ министерствѣ. Слухи о назначеніи Ростовцова ростутъ. Говорятъ, что это будетъ 17-го апрѣля, въ день рожденія государя. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Левшинъ, говорилъ въ статистическомъ комитетѣ, что министръ «будто бы» самъ ему сказывалъ, что онъ болѣе не останется министромъ. Левшинъ при этомъ объявилъ, что онъ не останется товарищемъ ни при какомъ министрѣ. Великаго князя или принца крови, конечно, не назначатъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Левшинъ со своими александровскими алмазами, иначе какъ у высочества или, по меньшей мѣрѣ, у свѣтлости товарищемъ быть не можетъ!!! Левшинъ приказалъ нѣкоторыя срочныя бумаги готовить, какъ можно скорѣе, чтобы перемѣна министерства не застала врасплохъ.

«Марта 30-го. Ростутъ и ростутъ слухи о Ростовцовѣ. Но Ланской ничего не говоритъ. Гвоздевъ (директоръ департамента общихъ дѣлъ) прислалъ мнѣ записку, что министръ ждетъ меня завтра поутру съ работами о раскольникахъ. Эту работу еще въ январѣ обѣщалъ я сдѣлать къ 1-му апрѣля, но Ланской, шутя сказалъ, «что онъ боится «poisson d'avril»; я ему отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ къ 2-му апрѣля».— Нѣтъ, уже лучше къ 31-му марта!—отвѣчалъ онъ.— спомнилъ старикъ.

«Марта 31-го. Поутру былъ съ докладомъ. Министръ былъ очень веселъ и любезенъ и совершенно не замѣтно, чтобы что-нибудь походило на его увольненіе. Впрочемъ, говорятъ, его дѣлаютъ графомъ, ка-

Digitized by Google

кимъ-то первымъ чиномъ двора и оставляютъ все содержаніе; стало быть, унывать ему нечего. Но не захочется ему разстаться съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, которое онъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, да отчасти съ графомъ Блудовымъ двинули, а то бы оно и до сихъ поръ лежало въ проектѣ. Секретный комитетъ собирался бы по субботамъ, Панинъ сказывалъ бы членамъ его сказки, и вопросъ не подвинулся бы ни на шагъ. Особенно золъ князь Орловъ [1]) на Ланского. Онъ еще около новаго года, когда закладывалъ свое имѣніе, сказалъ: «Ланской графство-то получитъ, а шею-то себѣ, все-таки, сломитъ» [2]). Орловъ предводитель тайной партіи; Панинъ, Ростовцовъ его сподручники. Закревскій, другъ Орлова, свирѣпствуетъ въ Москвѣ. Князь Долгоруковъ слишкомъ ограниченъ, чтобы имѣть какое-нибудь мнѣніе, а Мих. Ник. Муравьевъ заботится не о свободѣ крестьянъ, а о свободѣ своего кармана, о лентахъ владимірской и андреевской. Изъ-за денегъ да изъ-за лентъ онъ отца родного зажаритъ [3]). Княжевичъ едва-ли будетъ дѣйствовать рѣшительно по крестьянскому дѣлу. Что

---

[1]) Бывшій тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

[2]) Ланской остался министромъ внутреннихъ дѣлъ до весны 1861 года и уже послѣ крестьянской реформы получилъ графское достоинство и былъ назначенъ оберъ-камергеромъ. У.

[3]) Подобныя мнѣнія о князѣ Вас. А. Долгоруковѣ и Мих. Ник. Муравьевѣ, дѣйствительно, были распространены въ то время въ обществѣ, особенно въ той его части, которая нетерпѣливо ожидала рѣшенія крестьянскаго вопроса, такъ что Мельниковъ былъ только отголоскомъ этихъ мнѣній, но ихъ слѣдуетъ считать преувеличенными и не соотвѣтствующими истинѣ. Замѣчательно, что Мих. Ник. Муравьевъ бывшій противникъ Я. И. Ростовцова въ реформѣ 19 февраля 1861 года исправилъ ея недостатки относительно крестьянъ западнаго края, вкравшіеся вслѣдствіе искуснаго образа дѣйствія представителей польскихъ помѣщиковъ, когда самъ сдѣлался могущественнымъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ и увидѣлъ на дѣлѣ, на поселянахъ, послѣдствія лоской польской интриги. У.

Digitized by Google

дѣлаетъ тамъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ [1]), не слышно, но онъ, сколько мнѣ извѣстно по нижегородскимъ его дѣламъ, пропитанъ помѣщичьимъ духомъ съ ногъ до головы. Итакъ, кто же остается? Великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Блудовъ и Ланской. Но Блудовъ очень боленъ, почти совсѣмъ разрушается; весною онъ ѣдетъ на свадьбу къ сыну за границу, со свадьбы на воды, чтобы лѣчиться, но вѣроятно, оттуда пріѣдетъ прямо на кладбище Александроневской лавры [2]). Затѣмъ, если еще Ланского не будетъ, кто же въ главномъ комитетѣ останется изъ людей преданныхъ общественной пользѣ Россіи— одинъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Темная партія сѣтьми опутываетъ государя. Добраго что-то не предвѣщаетъ настоящее. Тучки набѣгаютъ на ясное небо Россіи, а Муравьевъ съ Ростовцовымъ мѣтятъ въ Аракчеевы.

«У министра внутреннихъ дѣлъ былъ Салтыковъ Михаилъ Евграфовичъ; откланивался передъ отъѣздомъ въ Рязань на вице-губернаторство. Ланской говорилъ ему, между прочимъ, чтобы онъ былъ поосторожнѣе въ литературныхъ дѣлахъ, потому что Богъ знаетъ, съ которой стороны вѣтеръ подуетъ. Салтыковъ въ пріемной у министра мнѣ говорилъ, что, «если будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ростовцовъ, намъ съ нимъ лафы не будетъ». Клингенбергъ, вновь назначенный губернаторомъ въ Рязань, прежде былъ у насъ въ хозяйственномъ департаментѣ чиновникомъ особыхъ

---

[1]) Гагаринъ былъ въ то время вліятельнымъ членомъ государствен- совѣта. Муравьевъ министромъ государственныхъ имуществъ, Па- , министромъ юстиціи, князь Долгоруковъ шефомъ жандармовъ, овцовъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, Закрев- московскимъ генералъ-губернаторомъ. У.

[2]) Графъ Блудовъ возвратился изъ-за границы совершенно здоровымъ слѣ князя Орлова былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и ета министровъ. У.

Digitized by Google

порученій, потомъ перешелъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и былъ протежé Ростовцова, который и сдѣлалъ его управляющимъ дѣлами совѣта военно-учебныхъ заведеній, далъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергерскій ключъ въ какіе-нибудь четыре года и наконецъ исходатайствовалъ у государя назначеніе его губернаторомъ, такъ что Ланской подавалъ о немъ всеподданнѣйшій докладъ по приказанію. Когда Клингенбергъ [1]) явился къ Якову Ивановичу благодарить его, Ростовцовъ сказалъ, между прочимъ: «Ну очень радъ, мой милый, что ты получилъ губернію; губернія прекрасная, близко отъ Москвы...» и проч., и проч.. «одно жаль, вице-губернатора къ тебѣ назначили какого! Пишетъ все это губернскіе очерки — человѣкъ безпокойный!» Это было еще великимъ постомъ, когда никакихъ слуховъ о назначеніи Ростовцова министромъ внутреннихъ дѣлъ еще не было и Клингенбергъ разсказалъ Салтыкову этотъ разговоръ. Ну, а уже я съ Салтыковымъ по одной дорожкѣ иду: что Щедрину, то и Печерскому. Гвоздевъ, горюя о Ланскомъ, когда мы до доклада сидѣли въ кабинетѣ его въ особенной канцеляріи, сказалъ мнѣ прямо, что если министромъ будетъ Ростовцовъ, то первый я улечу изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ростовцовъ другъ и пріятель съ Чевкинымъ, и сынъ Чевкина у него адъютантомъ [2]), а Чевкинъ не можетъ мнѣ простить «Медвѣжьяго угла» [3]), а еще болѣе того, что онъ жало-

---

[1]) Клингенбергъ велъ у Я. И. Ростовцева переписку съ высокопоставленными лицами и ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ во дворецъ въ дни всеподданнѣйшихъ докладовъ по дѣламъ военно-учебныхъ заведеній. Клингенбергъ читалъ эти доклады, между тѣмъ какъ императоръ съ Ростовцовымъ ходилъ по кабинету. У.

[2]) Это не вѣрно. Сынъ Чевкина не былъ адъютантомъ у Ростовцова но послѣдній былъ въ дружбѣ съ Чевкинымъ, какъ своимъ товарищем по воспитанію. У.

[3]) Въ этой повѣсти Мельниковъ разсказалъ неблаговидныя продѣл

Digitized by Google

вался на меня государю и ничего изъ этого не вышло, а послѣ государь его же попрекнулъ, сказавъ: «Вѣрно, Мельниковъ лучше васъ знаетъ, что у васъ дѣлается». Это было еще въ декабрѣ 1857 года, и Чевкинъ былъ двѣ недѣли послѣ того боленъ».

Далѣе 31-го марта П. И. Мельниковъ въ 1858 году не продолжалъ своего дневника; но мнѣ изъ разныхъ источниковъ извѣстны тогдашнія отношенія Я. И. Ростовцова.

Передъ кончиною императора Николая Павловича, въ февралѣ 1855 года, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ находился въ Тулѣ, гдѣ осматривалъ тамошній кадетскій корпусъ. Въ этомъ городѣ 19-го февраля онъ получилъ телеграмму отъ императора Александра Николаевича съ извѣстіемъ о кончинѣ Николая I и съ приглашеніемъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. Я. И. Ростовцовъ явился на призывъ и въ самое непродолжительное время сдѣлался вліятельнымъ человѣкомъ въ царствованіе новаго императора, приближеннымъ къ которому онъ уже былъ при Николаѣ I, по совмѣстному управленію военно-учебными заведеніями. Никто въ то время не ожидалъ подобнаго повышенія Я. И. Ростовцова. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]) я уже говорилъ, какъ Я. И. Ростовцовъ, въ октябрѣ 1855 года, зналъ уже о рѣшеніи прекратить войну съ англо-французами и о предстоявшихъ предварительныхъ переговорахъ о мирѣ.

Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, назначен-

и способы личнаго обогащенія со стороны инженеровъ путей сообщенія Нижегородской губерніи. Для Чевкина это было непріятно еще и потому, что, при вступленіи своемъ въ главноуправляющіе путями сообщенія въ 1856 году, онъ говорилъ молодымъ офицерамъ своего вѣдомства, предупреждая ихъ отъ взятокъ отъ подрядчиковъ на казенныхъ работахъ, что онъ «надѣлъ мундиръ инженеровъ путей сообщенія, съ цѣлію искоренить взяточничество въ этомъ вѣдомствѣ».

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1882 года, февраль.

Digitized by Google

ный въ коронацію, 26-го августа 1856 года, шефомъ жандармовъ, не смотря на свой новый важный постъ, чувствовалъ преобладающее вліяніе на дѣла Я. И. Ростовцова и неоднократно указывалъ на это обстоятельство лицамъ, которымъ онъ болѣе всего довѣрялъ. Незадолго передъ новымъ назначеніемъ своимъ, уволенный изъ военныхъ министровъ, князь Долгоруковъ считалъ себя тогда какъ бы въ опалѣ, не зналъ что дѣлать, а между тѣмъ уже въ 1857 году, говоря, что Ростовцовъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и что въ этомъ званіи онъ возьметъ верхъ надъ нимъ, шефомъ жандармовъ, по своему личному вліянію, прибавлялъ: «или я, или онъ, кто-нибудь долженъ уступить». Уже въ это время князь Долгоруковъ сталъ носиться съ проектомъ уничтоженія III Отдѣленія собственной канцеляріи, или сліянія его съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но при всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ получилъ въ отвѣтъ резолюцію, «что еще не время». Князь Орловъ, князь Меншиковъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, графъ Гурьевъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ и другія лица, съ вліяніемъ въ предшествовавшее царствованіе, также съ неудовольствіемъ взирали въ то время на возроставшее значеніе генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцова. Многія изъ этихъ лицъ всѣми способами парализировали ходъ крестьянскаго дѣла, хотя бы только въ имущественныхъ цѣляхъ, состоя крупными помѣщиками и земельными собственниками. Но эта оппозиція не была дѣломъ небывалой политической партіи, какъ стараются нѣкоторые писатели выставить подобное сопротивленіе волѣ государя.

Между тѣмъ императоръ Александръ Николаевич, отправившись въ продолжительное путешествіе по Россіи, взялъ съ собою князя Василія Андреевича Долгорукова, графа Александра Владиміровича Адле-

Digitized by Google

берга, молодыхъ генераловъ и флигель-адъютантовъ своей свиты, но генералъ-адъютанта Ростовцова оставилъ въ Петербургѣ. Что произошло во время этой поѣздки—для сообщавшихъ мнѣ обо всемъ разсказываемомъ осталось неизвѣстнымъ, но только по возвращеніи императора въ Петербургъ, Я. И. Ростовцовъ замѣтилъ какъ бы охлажденіе къ нему государя. Это охлажденіе особенно выразилось на смотру военно-учебныхъ заведеній весною 1858 года. По настоятельному требованію врачей, Я. И. Ростовцовъ въ началѣ мая отправился за границу. Во время его отсутствія происходилъ парадъ. Государь императоръ на немъ выразилъ рѣзко свое неудовольствіе, во всѣхъ отношеніяхъ, кадетскими корпусами. Никогда еще подобнаго неудовольствія не слыхали отъ государя. Очевидно было для всѣхъ, что положеніе Я. И. Ростовцова пошатнулось, хотя еще въ февралѣ 1858 года циркуляры къ губернаторамъ, по крестьянскому дѣлу, составленные по указаніямъ Ростовцова его тогдашнимъ секретаремъ Ѳ. П. Еленевымъ, безъ всякихъ измѣненій подписывались С. С. Ланскимъ и разсылались по принадлежности. Такимъ образомъ, не будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Я. И. Ростовцовъ по крестьянскому дѣлу былъ уже въ то время полноправнымъ распорядителемъ въ этомъ вѣдомствѣ. Такая податливость и услужливость С. С. Ланского, не мѣшавшаго ходу крестьянскаго дѣла, а равно сближеніе Ростовцова съ Н. А. Милютинымъ, котораго онъ прежде чуждался, не вынуждали уже его искать поста министра внутреннихъ дѣлъ, хотя ранѣе 1858 года онъ высказы-
ь своимъ приближеннымъ подобное желаніе. Изъ-
границы онъ началъ писать къ государю императору
ьма по крестьянскому вопросу. Письма эти были
аны изъ Вильдбада, отъ 17-го и 23-го августа,
Карлсруэ отъ 28-го августа и изъ Дрездена отъ

Digitized by Google

3-го сентября. Извлеченіе изъ этихъ всеподданнѣйшихъ писемъ было напечатано, по высочайшему повелѣнію, въ 1858 году для соображеній главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, но въ продажу не поступало. Главная сущность этихъ писемъ состояла: 1) въ необходимости дарованія крестьянамъ не одной усадьбы, но и земельнаго надѣла и 2) въ необходимости дарованія имъ земли не во временное пользованіе, но въ постоянное. Представившись императору, по возвращеніи изъ заграничнаго отпуска, въ Варшавѣ, Я. И. Ростовцовъ убѣдился, въ указанномъ ему пріемѣ, что неблаговоленіе къ нему государя, высказанное на парадѣ весною, не прекратилось. «Мои противники достигли своей цѣли,—сказалъ Я. И. Ростовцевъ по возвращеніи въ Петербургъ:—но я не боюсь интриги». Дѣйствительно, осенью же 1858 года къ Я. И. Ростовцову возвратилось благорасположеніе императора, видѣвшаго въ немъ незамѣнимаго сотрудника въ важной реформѣ. По разсказамъ Я. И. Ростовцова, письма его изъ-за границы были прочитаны императоромъ и императрицею, выразившими ему за нихъ свою благодарность. Послѣдствіемъ было назначеніе Ростовцова въ февралѣ 1859 года предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій, учрежденныхъ для составленія положенія о крестьянахъ. Членомъ Секретнаго Комитета по улучшенію быта крестьянъ онъ состоялъ уже съ начала 1857 года.

Если уже въ 1857 году князь Долгоруковъ говорилъ про Я. И. Ростовцова: «Или онъ, или я», намекая на ожиданіе видѣть въ немъ министра внутреннихъ дѣлъ, то понятно то волненіе, которое господствовало въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при подобныхъ слухахъ объ увольненіи С. С. Ланскаго, оставшагося однако на своемъ посту до пасхи 1861 года. Между тѣмъ и вліяніе князя В. А. Долгорукова,

Digitized by Google

съ назначеніемъ его шефомъ жандармовъ, стало усиливаться, вслѣдствіе личнаго довѣрія къ нему императора. Оно не ослабѣло по самый выходъ князя изъ должности шефа жандармовъ, послѣ событія 4-го апрѣля 1866 года, когда онъ, несмотря на нежеланіе государя согласиться на его прошеніе объ увольненіи, сказалъ, что «не считаетъ себя достойнымъ занимать этотъ постъ, когда онъ не съумѣлъ охранить особу государя отъ покушенія Каракозова». Тогдашнее значеніе князя В. А. Долгорукова можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго мнѣ очевидцемъ. Для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета военнаго министра генералъ-адъютанта Сухозанета за 1856 годъ была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, графа Гурьева, въ квартирѣ котораго, на Фонтанкѣ, у Аничкова моста, и происходили ея засѣданія. Членомъ этой коммиссіи былъ также и шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ. Однажды, во время занятій коммиссіи, князю Долгорукову доложили, что пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и желаетъ его непремѣнно видѣть. — «Пусть подождетъ!» отвѣчалъ шефъ жандармовъ. Сужденія членовъ коммиссіи продолжались попрежнему, и министру Ланскому пришлось прождать въ пріемной гостиной около четверти часа. Князь Долгоруковъ наконецъ вышелъ къ С. С. Ланскому и, переговоривъ съ нимъ, сказалъ, возвратившись въ комнату, гдѣ засѣдала коммиссія:

— Вотъ каковъ министръ внутреннихъ дѣлъ! вотъ зачѣмъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ!

Оказалось, что, по какому-то возникшему между министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ дѣлу, С. Ланской привозилъ князю Долгорукову показать черновую заготовленнаго къ нему письма и спросить, можетъ ли онъ въ такой редакціи письма отвѣчать ему.

Digitized by Google

Я. И. Ростовцовъ скончался 6-го февраля 1860 года. Передъ скончавшимся своимъ подданнымъ, пожертвовавшимъ собою на великое дѣло освобожденія, императоръ Александръ Николаевичъ простоялъ болѣе получаса на колѣняхъ, заставивъ и другихъ присутствовавшихъ послѣдовать его примѣру.

Въ вышедшей вскорѣ послѣ его смерти книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ самомъ началѣ ея, въ траурной каймѣ было напечатано извѣстіе о кончинѣ этого государственнаго человѣка, въ теплыхъ о немъ выраженіяхъ. Редакторъ журнала, А. А. Краевскій, былъ немедленно приглашенъ въ III Отдѣленіе собственной канцеляріи, гдѣ ему былъ сдѣланъ за черную кайму необыкновенно строгій выговоръ, необыкновенный по рѣзкимъ выраженіямъ, которыми онъ сопровождался. Мнѣ его передали вслѣдъ затѣмъ, «въ поученіе быть осторожнымъ самому», какъ редактору «Сѣверной Пчелы». А. А. Краевскій очень долго не могъ забыть выговора, полученнаго имъ за некрологъ Я. И. Ростовцова.

XIII.

«Русскій Дневникъ».—«Письма о расколѣ».—«Русская Правда и Польская Кривда».

Составивъ себѣ имя въ литературѣ своими беллетристическими произведеніями, историческими и статистическими трудами и пользуясь покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланского, П. И. Мельниковъ легко выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на изданіе съ 1859 года ежедневной газеты, подъ названіемъ «Русскій Дневникъ». Въ то время, несмотря

Digitized by Google

на облегченія въ цензурѣ, новыхъ ежедневныхъ газетъ еще не разрѣшали. Въ программу «Русскаго Дневника» вошли внутреннія извѣстія, науки и искусства, словесность и библіографическія извѣстія. Иностраннаго политическаго отдѣла не существовало въ новой газетѣ, что не мало способствовало ея неуспѣху. Этотъ отдѣлъ былъ особою привилегіею нѣкоторыхъ тогдашнихъ газетъ и просматривался цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ что, напримѣръ, даже «Московскія Вѣдомости» имѣли право заимствовать иностранныя политическія извѣстія только изъ петербургскихъ газетъ.

«Русскій Дневникъ» составлялъ собственность нѣсколькихъ лицъ, а не одного Мельникова, который подписывался подъ газетою только «редакторомъ» ея, но не «издателемъ». Такъ какъ въ то время закономъ не требовалось, какъ нынѣ, обязательная подпись издателя или издателей, то они и оставались неизвѣстными. Мельниковъ принялъ на свою отвѣтственность только литературную часть газеты, что не воспрепятствовало ему, однако, при прекращеніи газеты, 5-го іюля 1859 года на № 141, взять на себя обязанность удовлетворить подписчиковъ тѣмъ или другимъ способомъ, за недоданные нумера годового изданія. Главнымъ помощникомъ Мельникова по изданію газеты былъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ, усидчивая, спокойная натура котораго уравновѣшивала недостатки нервной, порывистой работы Мельникова въ ежедневномъ изданіи. Въ «Русскомъ Дневникѣ» появилось много интересныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ Россіи, много [illegible]ей, разнообразныхъ свѣдѣній, часть которыхъ по[illegible]алась изъ донесеній губернаторовъ министру вну[illegible]нихъ дѣлъ, который разрѣшилъ Мельникову поль[illegible]ться этимъ матеріаломъ. Рядъ передовыхъ статей, [illegible]подписью П. М. (передовыя статьи въ «Русскомъ

Digitized by Google

Дневникѣ» подписывались заглавными буквами фамилій ихъ авторовъ), принадлежалъ редактору газеты. Нѣкоторыя статьи газеты не нравились высшимъ административнымъ сферамъ, изъ которыхъ иныя непріязненно относились въ то время къ расширенію свободы печатнаго слова. Редактированіе газеты выдающимся чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ было причиною, что ее стали считать его органомъ. Вслѣдствіе того министру С. С. Ланскому приходилось выслушивать замѣчанія и неудовольствія на «Русскій Дневникъ», какъ бы виновнику или вдохновителю статей, появлявшихся въ немъ. Такое положеніе оказалось настолько непріятнымъ для С. С. Ланского, что онъ наконецъ призвалъ къ себѣ П. И. Мельникова и предложилъ ему на выборъ: или выйти въ отставку изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и продолжать изданіе, не въ качествѣ его чиновника, или прекратить «Русскій Дневникъ» и остаться въ такомъ случаѣ на государственной службѣ. Не имѣя состоянія, Мельниковъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, предпочелъ остаться на государственной службѣ, дававшей ему средства къ жизни. При недостаточномъ числѣ подписчиковъ, всего 1518, на полугодовое изданіе «Русскаго Дневника» не только были израсходованы всѣ деньги, собранныя съ подписчиковъ, но и затрачена была, сверхъ того, довольно значительная сумма. Такъ, Мельниковъ получилъ въ ссуду изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ 3,000 р. на изданіе «Русскаго Дневника». По его прекращеніи, эту ссуду стали вычитать изъ скромнаго жалованья П. И. Мельникова, такъ что онъ былъ сильно стѣсненъ въ средствахъ къ жизн Долгъ этотъ былъ ему прощенъ только впослѣдств благодаря ходатайству тогдашняго директора депа тамента общихъ дѣлъ. графа Петра Андреевича Шу лова.

Digitized by Google

Въ «Русскомъ Дневникѣ» стала появляться за подписью Андрея Печерскаго повѣсть «Заузольцы» [1]), которая послужила началомъ его романа «За Волгой» и «Въ Лѣсахъ». Всего напечатано было въ 1859 г. семь фельетоновъ о «Заузольцахъ». Въ «Заузольцахъ» Потапъ Максимовичъ Чапуринъ явился подъ именемъ Лукьяна Никитина, дочери его назывались Груша и Липа. Отца Алексѣя Лохматова звали въ этой повѣсти Пахомъ Ононкинъ. Многое изъ «Заузольцовъ», слово въ слово, перешло въ романъ «Въ Лѣсахъ». Въ «Русскомъ же Дневникѣ» появился впервые разсказъ Андрея Печерскаго «На Станціи». Повѣсть свою «Заузольцы» П. И. Мельниковъ началъ подъ вліяніемъ неоднократно данныхъ ему совѣтовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскимъ, который, зная перо и обширныя свѣдѣнія Мельникова о русскомъ народѣ и его бытѣ, почти настоятельно убѣждалъ своего чиновника приступить къ его описанію съ наибольшими подробностями.

Во время изданія «Русскаго Дневника», у Мельникова произошло столкновеніе съ редакціею «Русскаго Вѣстника», вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства. Въ февралѣ 1859 года, послѣ запрещенія цензурою отдѣльнаго изданія «Разсказовъ Андрея Печерскаго», у книгопродавцевъ появились въ продажѣ «Старые годы» и «Медвѣжій уголъ», вырѣзанными изъ «Русскаго Вѣстника» 1857 года и сброшюрованными въ особой оберткѣ. Оказалось, что редакція продала оставшіеся у ней неразошедшимися по подпискѣ 400 экземпляровъ «Русскаго Вѣстника» этого года, а книгопродавецъ Свѣшниковъ, пріобрѣтя ихъ, пустилъ въ продажу означенные разсказы по 1 р. с.

---

1) Т. е. живущіе за рѣкою Узолою, которая, протекая по заволожской части Балахнинскаго уѣзда, впадаетъ въ Волгу выше Балахны. Къ числу заузольцевъ П. И. Мельниковъ отнесъ жителей Балахнинскаго и Семеновскаго уѣздовъ.

Digitized by Google

за экземпляръ. Въ этомъ поступкѣ редакціи журнала не было ничего предосудительнаго, потому что она была въ правѣ располагать своимъ изданіемъ. Иначе посмотрѣлъ на эту продажу Мельниковъ и въ № 59 «Русскаго Дневника» напечаталъ за своею подписью слѣдующее заявленіе: «Хотя я и обѣщалъ редакціи «Русскаго Вѣстника» помѣстить въ этомъ журналѣ мой романъ «Свадьба уходомъ» и другія статьи, но, послѣ продажи г. Свѣшниковымъ моихъ сочиненій не считаю себя обязаннымъ исполнить это обѣщаніе: названный романъ и другія статьи, назначенныя для «Русскаго Вѣстника», будутъ напечатаны, думаю, въ «Современникѣ», частію въ «Русскомъ Дневникѣ». Понятно, что для редакціи «Русскаго Вѣстника» разрывъ съ нею Мельникова былъ непріятенъ, и она желала примиренія. Такъ, въ январѣ 1860 года одинъ литераторъ писалъ мнѣ изъ Москвы: «М. Н. Катковъ радъ возрожденію «Сѣверной Пчелы». Намѣренія его журнала къ вашей газетѣ очень дружественны. Желательно было бы, чтобы П. И. Мельниковъ послалъ въ «Русскій Вѣстникъ» хотя одну статью Печерскаго, въ знакъ прекращенія какихъ-то недоразумѣній, мнѣ неизвѣстныхъ, впрочемъ». Но первая статья Мельникова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась только въ концѣ 1862 года.

Для удовлетворенія подписчиковъ «Русскаго Дневника», за невысланные имъ нумера этой газеты, Мельниковъ въ ноябрѣ 1859 года принялъ мое предложеніе разослать имъ газету «Сѣверная Пчела», которая обновлялась, подъ моею редакціею, съ 1-го января 1860 года. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ принялъ дѣятельное участіе своими статьями въ моей газетѣ, которое продолжалось въ теченіе 1860, 1861 и 1862 годовъ. Это его участіе уже описано въ моихъ «Воспоминаніяхъ о Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ», появив-

Digitized by Google

шихся въ 1883 году въ «Новомъ Времени» [1]). Сверхъ многихъ статей разнообразнаго содержанія, Мельниковъ помѣстилъ въ эти годы въ «Сѣверной Пчелѣ»: разборъ «Грозы», Островскаго (№ 41 и № 42, 1860 г.), разсказы Андрея Печерскаго: «У Макарья» (№ 144 1860 г.) и «Въ Чудовѣ» (№ 30 1862 г.), «Преданіе о судьбѣ Таракановой» (№ 39 1860 г.) и наконецъ пять «Писемъ о расколѣ». Послѣднія появились безъ подписи автора, но его всѣ узнали немедленно по знанію предмета, по ясности, убѣдительности изложенія. Эти «Письма» были переверстаны изъ «Сѣверной Пчелы» въ особую брошюру и изданы въ числѣ 500 экземпляровъ. «Письма о расколѣ» были капитальнымъ даромъ Мельникова газетѣ. Мнѣ стоило двухлѣтнихъ усилій убѣдить П. И. Мельникова начать писать о расколѣ въ газетѣ. Онъ не рѣшался взяться за этотъ трудъ и по своему служебному положенію, и изъ опасенія, что цензура не дозволитъ ему высказать свои взгляды ясно, откровенно, согласно его убѣжденію. По этому предмету у меня были продолжительные переговоры съ тогдашнимъ цензоромъ «Сѣверной Пчелы», Егоромъ Егоровичемъ Волковымъ, благоволившимъ къ моей газетѣ. «Письма о расколѣ» произвели сильное впечатлѣніе въ нашемъ духовномъ мірѣ. Вотъ, что писалъ преосвященный Нектарій, епископъ нижегородскій, въ письмѣ къ П. И. Мельникову изъ Нижняго отъ 14-го мая 1862 года: «Примите мою живѣйшую благодарность за то величайшее утѣшеніе, которое доставили мнѣ «Письма о расколѣ» за вашимъ подписаніемъ и съ вашею надписью, свидѣтельствующею о вашемъ добромъ, глубоко чувствуемомъ мною высокоцѣнимомъ расположеніи ко мнѣ. Хотѣлъ я писать къ вамъ, достоуважаемый Павелъ Ивановичъ,

[1]) См. № 2528 и 2537.

Digitized by Google

не прежде, какъ по прочтеніи этихъ «Писемъ», но, къ сожалѣнію моему, дѣла, посѣтители, просители и служба дозволили мнѣ прочитать до сихъ поръ только три письма, а завтра отправляюсь обозрѣвать епархію, именно, Горбатовскій уѣздъ, гдѣ особенно силенъ расколъ, и беру съ собою «Письма» ваши. Впрочемъ, не только изъ трехъ писемъ, но и изъ первыхъ строкъ видно, что малъ золотникъ, да дорогъ. Видно и то, что вы умѣли задобрить цензора... Въ самомъ дѣлѣ, есть очень, очень смѣлыя выраженія и предположенія».

Начавъ свои «Письма о расколѣ», П. И. Мельниковъ задался идеею представить историческій очеркъ каждаго религіознаго разномыслія, его догматику обрядность. Въ послѣднемъ, пятомъ, письмѣ онъ обѣщалъ продолженіе своего труда, но оно не появилось въ «Сѣверной Пчелѣ». Онъ не хотѣлъ браться за анализъ раскола, говоря, что для того не наступило еще время и что прежде всего необходимо сообщить о немъ факты и факты, которыхъ собрано имъ много. Они и стали появляться съ 1863 года въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ разными заглавіями: «Старообрядческіе архіереи» (№ 4—6 1863 г.), «Историческіе очерки поповщины« (№ 5 1864 г., № 5 и 9 1866 г., № 2 1867 г. «Русскаго Вѣстника»), «Счисленіе раскольниковъ» (№ 2 «Русскаго Вѣстника» 1868 г.), «Тайныя секты»(№ 5 1868 г.), «Бѣлые голуби, разсказы о скопцахъ и хлыстахъ» («Русскій Вѣстникъ» № 3 и 5 1869 г.).

Появившееся въ то время въ нашей литературѣ мнѣніе, первоначально, впрочемъ, высказанное нѣкоторыми представителями нашей іерархіи, будто бы расколъ составляетъ готовую почву для переворота зараженъ демократическими поползновеніями, а потом и имѣетъ не только церковное, но и политическо значеніе, заставило П. И. Мельникова въ № 142 «С верной Пчелы» 1862 года напечатать особое заявлен

Digitized by Google

о его взглядѣ на расколъ. Въ немъ онъ объявилъ, что въ его «Письмахъ о расколѣ» имъ проведена была слѣдующая мысль: «Раскольники не заключали и не заключаютъ въ себѣ ничего опаснаго для государства и общественнаго благоустройства: двухсотлѣтнее преслѣдованіе ихъ и ограниченіе въ гражданскихъ правахъ поэтому было совершенно излишне и даже вредно, и раскольники вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами». Далѣе: «Я самъ прежде смотрѣлъ на расколъ такъ же, какъ и другіе авторы; но занимаясь изученіемъ его не со вчерашняго дня, пришелъ къ убѣжденію, что раскольники вовсе не заключаютъ въ себѣ тѣхъ элементовъ, за мнимое присутствіе которыхъ они два вѣка подвергались то преслѣдованіямъ, то ограниченіямъ гражданскихъ правъ. Вѣроятно, вамъ желательно, чтобы я объ этомъ предметѣ говорилъ противное: чтобы я говорилъ, что расколъ заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, за подозрѣніе которыхъ преслѣдовали его послѣдователей. Не буду. Потому не буду, что это было бы ложно и по отношенію къ раскольникамъ крайнею несправедливостью и даже клеветою Конечно, можно сдѣлать и доказать, напримѣръ, что въ раскольникахъ есть присутствіе демократизма. Чего нельзя доказать? Нужна только извѣстная ловкость. Для этого надобно лишь искажать изъ любви къ искусству историческіе факты; переносить ихъ изъ столѣтія въ столѣтіе; изъ оффиціальныхъ актовъ и раскольничьихъ сочиненій выдергивать нужные клочки, не вставлять тѣхъ, которые ослабляютъ или все уничтожаютъ мысль, высказанную въ этихъ очкахъ; кое-гдѣ присочинить, кое-что не договорить, е о чемъ вовсе умолчать; но не думаю, чтобы въ акомъ сочиненіи могла быть правда. Цѣль оправдыетъ средства, но какова бы цѣль ни была, дѣло

Digitized by Google

все-таки будетъ не хорошо, если въ основаніе его положена ложь. Притомъ же это правило старое; оно уже сильно поизносилось еще отцами іезуитами, которыхъ, кажется, нельзя заподозрить въ политической честности» [1]).

Политическія событія 1863 года доказали вѣрность взгляда П. И. Мельникова на раскольниковъ, когда не только русскіе старообрядцы, но даже и турецкіе (некрасовцы), подускиваемые поляками, отказались дѣйствовать за одно съ врагами русскаго царя.

Въ то время, когда П. И. Мельниковъ принадлежалъ къ числу главныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», онъ получилъ въ августѣ 1861 года приглашеніе отъ попечителя покойнаго цесаревича великаго князя Николая Александровича, генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строганова, прибыть въ Нижній-Новгородъ для руководства его императорскаго высочества при обзорѣ нижегородской ярмарки и затѣмъ сопровождалъ цесаревича въ Казань и обратно въ Нижній. Эта поѣздка, по словамъ П. И. Мельникова, имѣла вліяніе на появленіе впослѣдствіи его художественныхъ произведеній «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Во время поѣздки по Волгѣ на пароходѣ Мельниковъ передавалъ цесаревичу разныя сказанія о тѣхъ мѣстахъ нагорнаго и лугового береговъ рѣки, мимо которыхъ они плыли. Цесаревичъ, любившій преданія, повѣрья, сказанія про русскій народный бытъ, съ интересомъ внималъ рѣчи талантливаго разсказчика. Когда около Лыскова Мельниковъ распро-

---

1) Этотъ взглядъ на раскольниковъ былъ высказанъ Мельниковымъ не въ его «Письмахъ о расколѣ», какъ утверждаетъ Д. И. Иловайскій, въ своей статьѣ «П. И. Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность» («Русскій Архивъ» 1875 г., стр. 83), а въ отдѣльной статьѣ, въ полемическомъ отвѣтѣ автору внутренняго обозрѣнія въ «Современникѣ».

Digitized by Google

странился о жизни народа за Волгою, о тамошнихъ скитахъ, лѣсахъ и промыслахъ, цесаревичъ сказалъ:

— Чтобы вамъ, Павелъ Ивановичъ, все это написать; изобразить повѣрья, преданія, весь бытъ заволжскаго народа.

Когда Мельниковъ сталъ уклоняться отъ подобнаго труда, отговариваясь неимѣніемъ времени при служебныхъ занятіяхъ, цесаревичъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, непремѣнно напишите. Я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ «въ лѣсахъ» за Волгою.

Преждевременная кончина цесаревича Николая Александровича и присутствіе на его погребеніи въ Петропавловской крѣпости П. И. Мельникова не только воскресили въ его памяти разговоръ 1861 года на пароходѣ подъ Лысковомъ, но и побудили его приняться за осуществленіе мысли, данной ему покойнымъ великимъ княземъ.

Между тѣмъ въ служебной карьерѣ Павла Ивановича Мельникова произошла невыгодная для него перемѣна. Въ 1861 году, на мѣсто С. С. Ланского, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. А. Валуевъ. Вмѣсто прежняго благосклоннаго вниманія, которое ему оказывали предшествовавшіе три министра, къ Мельникову почувствовали какое-то нерасположеніе. Вмѣсто прежняго довѣрія къ его знаніямъ, опытности, къ его умѣнію исполнять самыя трудныя административныя порученія, новый министръ сталъ пренебрегать своимъ чиновникомъ особыхъ порученій держать его, что называется, въ «черномъ тѣлѣ». Такое обхожденіе сильно огорчало Мельникова, дорожившаго коронною службою, какъ единственнымъ почнымъ источникомъ содержанія его семьи и ея обезпеченія въ будущемъ. Почти двадцатипятилѣтняя служба давала ему основаніе надѣяться, что и онъ

Digitized by Google

имѣетъ право на занятіе болѣе обезпеченной должности, чѣмъ постъ чиновника особыхъ порученій, благосостояніе котораго зависѣло отъ командировокъ, дополнявшихъ его скудный бюджетъ.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе издавать съ 1-го января 1862 г. ежедневную газету «Сѣверная Почта», вмѣсто прежняго ежемѣсячнаго «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Редакторомъ новаго органа своего министерства П. А. Валуевъ избралъ не изъ служащихъ въ своемъ вѣдомствѣ, а профессора и академика А. В. Никитенко. Выборъ этотъ оказался неудачнымъ. Не такое лицо нужно было П. А. Валуеву, желавшему сдѣлать свою газету первенствующимъ органомъ въ нашей печати. П. И. Мельниковъ надѣялся, что выборъ падетъ на него, какъ на извѣстнаго литератора; но на мѣсто А. В. Никитенко редакторомъ «Сѣверной Почты» назначенъ былъ также талантливый беллетристъ И. А. Гончаровъ. Мельникову было предложено сотрудничать въ газетѣ его министерства, но онъ уклонился, потому что для его самолюбія было обидно, что ему предоставляютъ второстепенное мѣсто, когда онъ могъ бы съ пользою исполнять обязанности главнаго редактора. Это уклоненіе Мельникова было одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія къ нему новаго министра. П. А. Валуевъ говорилъ, что если «его чиновникъ умѣетъ писать статьи для другихъ газетъ, то долженъ умѣть ихъ писать и для «Сѣверной Почты».

Разгорѣвшійся польскій вопросъ заставилъ однако, министра обратить вниманіе на П. И. Мельникова. Въ 1863 году, по видамъ правительства, найдено было необходимымъ написать изложеніе тогдашнихъ польскихъ событій, которое легко было бы усвоено народомъ. Составленіе подобнаго сочиненія поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ П. И. Мельникову. Онъ

Digitized by Google

написалъ «Письмо къ православнымъ христіанамъ», которое при слѣдующей докладной запискѣ представилъ 11-го іюля 1863 года Петру Александровичу Валуеву: «Въ виду настоящихъ политическихъ событій, сопровождаемыхъ попытками враговъ Россіи, посредствомъ распространенія прокламацій и фальшивыхъ манифестовъ, вовлечь крестьянъ въ безпорядки и тѣмъ произвести внутреннія замѣшательства въ Великой Россіи, ваше превосходительство изволили поручить мнѣ написать брошюру для крестьянъ, которая служила бы пропагандою противъ возмутительной пропаганды.

«Представляя присемъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства «Письмо къ православнымъ христіанамъ», долгомъ поставляю покорнѣйше просить взглянуть на него не болѣе, какъ на образецъ и быть самымъ строгимъ судьею. По крайнему моему разумѣнію, все, что писано въ этомъ письмѣ, полезно при настоящихъ обстоятельствахъ распространить въ народѣ, но до какой степени сообразно оно съ высшими видами и намѣреніями правительства, я не знаю. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обращеніе къ народной массѣ въ столь знаменательную историческую минуту, какова настоящая, самолюбіе всякаго автора, если онъ истинно русскій, должно умолкнуть. Вполнѣ сознавая это, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство не оставить меня своимъ руководствомъ и наставленіями и смотрѣть на меня, не какъ на литератора, имѣющаго нѣкоторую извѣстность, а какъ на ученика.

«Относительно изложенія дозволяю себѣ представить нѣсколько соображеній. Большинство нашихъ писателей, обращаясь къ простонародью, или говорятъ с нимъ, какъ съ дѣтьми, или до приторности наполняютъ рѣчь свою разнаго рода прибаутками. Мнѣ кажется, что ни то, ни другое никуда не годится. До

Digitized by Google

какой бы степени ни былъ неразвитъ русскій народъ (а онъ вовсе не до того неразвитъ, какъ обыкновенно думаютъ, но лишь имѣетъ своеобразное міросозерцаніе), во всякомъ случаѣ обращаться къ нему, какъ къ ребенку, нельзя. Вѣдь, этому ребенку тысяча лѣтъ. Такой тонъ для него оскорбителенъ и довѣрія внушить не можетъ; сочиненій, въ родѣ дѣтскихъ книжекъ, онъ не любитъ и даже смѣется надъ ними. На сочиненія же, приправленныя не въ мѣру и некстати прибаутками, смотритъ, какъ на скоморошество. Такою рѣчью можно потѣшить молодежь деревенскую, но ничего серьезнаго ею достигнуть невозможно. Современники московскаго разоренья утверждаютъ, что самыя растопчинскія афишки нравились только гулякамъ и пьяной толпѣ; люди же болѣе серьезные изъ московскаго простонародья, особенно старообрядцы, смотрѣли на нихъ весьма неблагосклонно. Мнѣ кажется, что въ сочиненіяхъ, обращаемыхъ къ народу, особенно въ важные историческіе моменты, должно говорить серьезно и съ достоинствомъ, говорить тѣми своеобразными оборотами рѣчи, тѣми выраженіями, которыя, въ теченіе столѣтій народъ выработалъ изъ чтенія книгъ церковныхъ, изъ былинъ и сказаній, изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ; это тѣ обороты рѣчи, тѣ выраженія, которыя не доступны для изученія въ аудиторіяхъ и кабинетахъ, но которыя могутъ быть усваиваемы образованнымъ человѣкомъ не иначе, какъ посредствомъ долгаго и близкаго знакомства съ простонародьемъ, сопровождаемаго изученіемъ церковной литературы, лѣтописныхъ сказаній и изустныхъ былинъ и преданій.

«На сколько могъ, я старался говорить такимъ языкомъ, и въ основу «Письма» положилъ религіозное чувство народа и преданность его царю.

«Затѣмъ дозволяю себѣ войти въ нѣкоторыя со-

Digitized by Google

ображенія относительно распространенія представленнаго «Письма», если ваше превосходительстзо изволите найти его достигающимъ предначертанной вами цѣли.

«Я полагалъ бы напечатать его въ Москвѣ и назвать «Письмомъ изъ Москвы». Простонародье имѣетъ къ Москвѣ благоговѣйное уваженіе, какимъ Петербургъ не пользуется. Москва и Кіевъ города святые, по понятіямъ народа. Въ то время, когда народный духъ возбужденъ, когда по сельщинѣ и деревеньщинѣ раздаются, какъ теперь, старинные наши голоса: «За домъ Пресвятой Богородицы и за православнаго царя!» съ народомъ удобнѣе говорить изъ Кремля, чѣмъ съ Невскаго проспекта. Петербургъ имѣетъ высокій правительственный авторитетъ въ глазахъ народа, основанный на томъ, что государь императоръ имѣетъ въ немъ постоянное пребываніе. Москва же имѣетъ авторитетъ религіозный и народный, не будучи лишена и царственнаго авторитета. Кореннымъ царскимъ городомъ народъ все-таки считаетъ Москву.

«Если ваше превосходительство изволите признать мысль о напечатаніи «Письма» въ Москвѣ основательною, то я охотно принялъ бы на себя распоряженія и самый надзоръ за печатаніемъ предварительно посовѣтовавшись съ московскими литераторами, знающими русскій народъ лучше, чѣмъ петербургскіе, и принимающими близко и горячо совершающіяся событія къ своему русскому сердцу.

«Полагаю, что брошюру непремѣнно надо продавать, хотя за самую ничтожную плату. Безплатная раздача сильно можетъ повредить успѣху дѣла. Чтобы брошюра получила болѣе сочувствія въ народѣ, слѣдовало бы ее продавать, напримѣръ, въ пользу семействъ убѣхъ солдатъ и крестьянъ, которые убиты польскими мятежниками, что и напечатать на оберткѣ. Распространять ее надо преимущественно изъ Москвы и съ

Digitized by Google

нижегородской ярмарки, посредствомъ офеней или кустарниковъ. Если угодно будетъ вашему превосходительству, то, имѣя довольно значительное знакомство съ торговцами нижегородской ярмарки, я съ полною готовностью принялъ бы на себя распространеніе брошюры на этомъ всероссійскомъ народномъ съѣздѣ.

«Настоящія событія, теперешнее положеніе дѣлъ таковы, что и непосвященному въ государственныя тайны и высшія соображенія правительства, безошибочно можно сказать, что одинъ Богъ знаетъ, что предстоитъ намъ въ близкомъ будущемъ. Если потребуется перо для народа и если ваше превосходительство признаете, что я могу владѣть имъ, то не оставьте меня своею начальническою милостью: доставьте мнѣ и впередъ, если то нужно будетъ, возможность сослужить посильную службу всемилостивѣйшему государю моему и русскому народу, къ которому принадлежу по праву рожденія, по вѣрѣ и по воспитанію».

На этой запискѣ сохранилась слѣдующая надпись ея автора: «Записка Мельникова, представленная министру Валуеву (тогда еще тайному совѣтнику). Вслѣдствіе этой записки на отпущенныя изъ казны деньги напечатано 40,000 экземпляровъ брошюры «О русской правдѣ и польской кривдѣ» въ Москвѣ, въ типографіи Каткова и Комп. Посредствомъ офеней распродана вся мѣсяцевъ въ пять или шесть. Продавалась (четыре листа печатныхъ) по 6 коп.».

Желаніе Мельникова было исполнено. Онъ отправился въ Москву и на нижегородскую ярмарку, причемъ ему поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ тогдашнее смутное время ознакомиться съ настроеніемъ общества и народа въ Россіи, для чего ярмарка представляла наиболѣе удобное время. Мельниковъ 18-го іюля отправился въ Москву. Тамъ его брошюра, вмѣсто своего прежняго заглавія «Письмо къ

Digitized by Google

православнымъ христіанамъ», получила другое заглавіе: «О русской правдѣ и польской кривдѣ». М. Н. Катковъ, въ виду патріотической цѣли брошюры, согласился напечатать ее по такой дешевой цѣнѣ, что сдѣлалось возможнымъ пустить ее въ продажу по 6 коп. за экземпляръ. Даль и Погодинъ, съ которыми совѣтовался Мельниковъ, настаивали напечатать не 40,000, а 100,000 экземпляровъ, но такое количество, вѣроятно, не разошлось бы въ народѣ въ теченіе и всего года. Брошюра одобрена была къ печати цензурою 25-го іюля и заключала въ себѣ 56 страницъ. Она была «писана добрымъ православнымъ христіанамъ изъ царствующаго града Москвы» и т. д., какъ было сказано въ заголовкѣ и начиналась слѣдующимъ образомъ:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Аминь.

Православные христіане!»

На первой страницѣ былъ приведенъ стихъ изъ Голубиной Книги о томъ, что правда сходилась съ кривдою, что правда преодолѣла кривду, и правда пошла на небо къ самому Христу, Царю Небесному, а кривда осталась на сырой землѣ и пошла по сырой землѣ, по всѣмъ четыремъ по сторонушкамъ. Кто станетъ жить у насъ съ правдою, тотъ наслѣдуетъ царство небесное, а кто станетъ жить съ кривдою, тотъ обреченъ будетъ на муки вѣчныя. Вообще вся брошюра «О русской правдѣ и польской кривдѣ» отличалась своеобразными особенностями, указывавшими на умѣнье ея автора удовлетворить требованіямъ русскаго п столюдина, предъявляемымъ имъ къ наиболѣе излюб-л нымъ имъ произведеніямъ печати. Брошюра закан-ч алась текстомъ молитвы изъ рукописи XVI столѣ-т и молитвами: «Спаси, Господи, люди твоя» и «Вѣ-р мъ и исповѣдуемъ».

Digitized by Google

Если бы напечатать коллекцію частныхъ писемъ, посланныхъ Мельниковымъ министру внутреннихъ дѣлъ въ іюлѣ и августѣ 1863 года, то она представила бы интересную картину настроенія московской печати вообще, дворянства, купечества, народа въ эпоху польской смуты, въ первые годы крестьянской реформы, эпохи неудовольствія на мировыхъ посредниковъ, введенія уставныхъ грамотъ, вслѣдъ за неудавшеюся попыткою размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, разныхъ толковъ въ торговомъ сословіи по поводу начинавшаго установлять иные порядки новаго министра финансовъ и т. д. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ П. И. Мельникова не оказалось ни черновыхъ этихъ писемъ, ни вообще какихъ-либо замѣтокъ его объ этой эпохѣ, когда общество, публика, народъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ были въ крайне враждебномъ настроеніи ко всѣмъ посягательствамъ на цѣлость и достоинство Россіи.

XIV

Редакторъ «Сѣверной Почты» Д. И. Каменскій.—Мельниковъ редакторъ ея внутренняго отдѣла.—Редактированіе этой газеты П. А. Валуевымъ.—Новая записка Мельникова по расколу.—Столкновеніе его съ генералъ-губернаторомъ Огаревымъ.

Не прошло и трехъ лѣтъ со дня появленія «Сѣверной Почты», а министру внутреннихъ дѣлъ приходилось искать для своей газеты третьяго редактора. Первые два не удовлетворили тѣмъ условіямъ, которыя онъ желалъ найти въ подобномъ лицѣ. П. И. Мельниковъ, какъ извѣстный уже литераторъ, какъ чиновникъ, исполнявшій разнообразныя порученія своего министра, между прочимъ, и по составленію подобной

Digitized by Google

брошюры, каковою явилась «Русская правда и польская кривда», полагалъ, что онъ имѣетъ право быть редакторомъ «Сѣверной Почты». Таково было и мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ съ вліяніемъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, говорившихъ въ пользу Мельникова Петру Александровичу Валуеву; но не таково было желаніе послѣдняго. Редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ, на мѣсто И. А. Гончарова, Дмитрій Ивановичъ Каменскій, сотрудничавшій передъ тѣмъ въ газетѣ «Голосъ» и въ «Современной Лѣтописи», прибавленіи къ «Русскому Вѣстнику», и послѣ преобразованія «Сѣверной Почты» въ «Правительственный Вѣстникъ» при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантѣ А. Е. Тимашевѣ, назначенный членомъ совѣта главнаго управленіи по дѣламъ печати. П. И. Мельникову предложено было быть помощникомъ редактора «Сѣверной Почты». Онъ отказался отъ этой обязанности потому, что считалъ за собою болѣе Д. И. Каменскаго правъ быть редакторомъ органа своего министерства. Сверхъ того, многимъ было извѣстно, что Д. И. Каменскій не питалъ особаго расположенія къ П. И. Мельникову, хотя оба они сходились въ своихъ чувствахъ расположенія и привязанности къ М. Н. Каткову. Полагаю, что П. И. Мельниковъ догадывался о нерасположеніи къ нему Д. И. Каменскаго. Но такъ какъ П. А. Валуевъ настаивалъ на сотрудничествѣ Мельникова въ «Сѣверной Почтѣ» и выражалъ неудовольствіе на участіе его въ другихъ частныхъ періодическихъ изданіяхъ, то, въ видахъ сохраненія за собою положенія въ администраціи и тѣхъ преимуществъ, которыя пріобрѣтены были слишкомъ двадцатипятилѣтнею службою, Мельниковъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, согласился быть редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Сѣверной Почтѣ», самостоятельнымъ, отвѣтственнымъ.

Digitized by Google

Естественно, что подобное его положеніе въ редакціи не могло нравиться главному редактору газеты Д. И. Каменскому.

П. И. Мельниковъ предетавилъ своему министру пространную програму для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», какъ онъ предполагалъ бы вести его. Самой программы въ бумагахъ Мельникова не оказалось, но я нашелъ критическій разборъ ея, сдѣланный министромъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ замѣчаній послѣдняго, въ большинствѣ основательныхъ и вѣрныхъ, видно, какъ П. А. Валуевъ смотрѣлъ, съ своей точки зрѣнія, на оффиціальный органъ, и чего онъ для него требовалъ отъ его редакторовъ.

На слова программы: «Полная, по возможности, лѣтопись дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ во внутреннемъ отдѣлѣ «Сѣверной Почты»,—министръ замѣтилъ: «Можно, но вовсе не главная цѣль. Министерство издаетъ «Сѣверную почту», но не для себя, въ видахъ самописанія. Полная лѣтопись большею частію скучная лѣтопись. Министерство должно имѣть въ виду пріобрѣтать нравственное вліяніе и силу. Слѣдовательно, въ лѣтопись должно входить преимущественно то, что способствуетъ къ этому пріобрѣтенію».

На слова программы, что «внутреннія извѣстія «Сѣверной почты» должны быть, сколь возможно, полны и свѣжи», министръ возразилъ, что «это—точка зрѣнія всякой вообще газеты; и извѣстія «Сѣверной Почты» должны быть: своевременны, точны, разборчивы».

П. И. Мельниковъ полагалъ, что «выборъ статей «Сѣверной Почты» согласуется со взглядомъ и цѣлями министерства», противъ чего П. А. Валуевъ коротко написалъ: «конечно».

Относительно руководящихъ статей министръ замѣтилъ: «совершенно такъ». Касательно словъ программы, что «мелкія извѣстія заимствуются «Сѣверно

Digitized by Google

Почтою» изъ другихъ газетъ», П. А. Валуевъ выразилъ, что «ихъ вообще слѣдуетъ весьма мало заимствовать».

На предположеніе П. И. Мельникова, что «фельетонъ вообще исключается изъ «Сѣверной Почты», какъ газеты серіозной и оффиціальной» послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ министра: «конечно, но, устраняя всякій юмористическій, литературный или до ежедневной жизни относящійся фельетонъ, нѣтъ однакоже повода отказываться отъ подстрочнаго (т. е. на мѣстѣ фельетона) помѣщенія отдѣльныхъ статей библіографическаго, научнаго и тому подобнаго содержанія».

На слова программы, что «Сѣверная Почта» не проходитъ молчаніемъ замѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ и вообще въ литературѣ», министръ замѣтилъ, что «все это большею частію относится не только для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», но и до иностраннаго».

Предположенія о сношеніяхъ редактора внутренняго отдѣла съ учеными, художниками и литераторами вызвали слѣдующій отвѣтъ министра: «Все это вообще правильно; но случаи примѣненія неизбѣжно будутъ рѣдки. Съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду то, что встрѣчается или встрѣтится часто».

Въ программѣ Мельникова были выяснены отношенія редактора внутренняго отдѣла къ главному редактору. Это обстоятельство дало поводъ П. А. Валуеву высказать слѣдующее: «Обо всемъ этомъ я нѣсколько сожалѣю, какъ о признакѣ опасеній, которыхъ я не желалъ бы встрѣчать. Замѣчательно, что у насъ вообще предусматриваются такого рода препятствія и затрудненія, которыя имѣютъ личный характеръ, и предусматриваются какъ нѣчто, могущее повторяться часто, между тѣмъ какъ подобные случаи могутъ быть

Digitized by Google

только рѣдко. Полезнѣе обождать подобнаго случая въ конкретной формѣ».

На слова Мельникова о «необходимости извлеченія секретаремъ при директорѣ департамента общихъ дѣлъ министерства для «Сѣверной Почты» свѣдѣній изъ входящихъ бумагъ всего министерства», П. А. Валуевъ съ своей стороны замѣтилъ: «Все это можетъ быть исполнено съ тѣмъ, чтобы не задерживать теченіе входящихъ бумагъ; но повторяю, что свѣжести и полности свѣдѣній приписывается преувеличенное значеніе. Это видно, напримѣръ, изъ того, что говорится во всѣхъ бумагахъ, а въ сущности думается о донесеніяхъ, о происшествіяхъ и о какихъ-либо особыхъ административныхъ распоряженіяхъ или событіяхъ, напримѣръ, открытіи земскихъ и дворянскихъ собраній, учрежденіи банковъ, устройствѣ путей сообщенія и т. п.».

Въ программѣ было также сказано, что «статьи, составленныя въ департаментахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по относящимся до нихъ предметамъ, поступаютъ на окончательное разсмотрѣніе редактора внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты». На это министръ возразилъ: «Здѣсь есть оттѣнокъ. Если статья составлена, по распоряженію директора департамента, то помѣщеніе ея не можетъ зависѣть отъ редакціи. «Сѣверная Почта» обязана помѣщать то, что министерству нужно, и молчать о томъ, что для него неудобно. Въ случаѣ разногласія слѣдуетъ спрашивать министра».

Мельниковъ писалъ въ программѣ, что въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщаются отчеты губернаторовъ, врачебныхъ управъ и другихъ мѣстъ». П. А. Валуевъ замѣтилъ на это: «всякое извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ можетъ быть печатаемо не иначе, какъ по прочтеніи въ корректурѣ министромъ».

Digitized by Google

На желаніе Мельникова, чтобы «въ распоряженіи редактора внутренняго отдѣла находился особый писарь», министръ написалъ, что «вопросъ объ одномъ писцѣ есть вопросъ совершенно второстепенный».

Касательно «способа выборки изъ газетъ текущихъ новостей», предложеннаго Мельниковымъ, министръ замѣтилъ, что «здѣсь я не встрѣчаю повода ближе всматриваться въ дѣло, предоставляя способъ разрѣшенія взаимному согласію главнаго редактора и завѣдующаго внутреннимъ отдѣломъ».

На предложеніе Мельникова имѣть корреспондентовъ для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», по одному въ губерніи, П. А. Валуевъ написалъ слѣдующую резолюцію: «Развѣ для того, чтобы не печатать ихъ корреспонденцій? Здѣсь снова примѣръ радикальнаго различія съ моимъ взглядомъ. «Сѣверная Почта» не можетъ быть ведена въ перегонку съ «Голосомъ», или съ «Московскими Вѣдомостями». Она не можетъ печатать $^{99}/_{100}$ частныхъ корреспонденцій, потому что въ нихъ непремѣнно затрагиваются дѣла самого министерства или другихъ министерствъ. Если у насъ нѣтъ фельетонистовъ, то у насъ еще менѣе корреспондентовъ. «Московскія Вѣдомости» тому доказательствомъ. Частные корреспонденты, кромѣ научныхъ предметовъ, у насъ для «Сѣверной Почты» траченыя деньги. Министерство должно настоять на томъ, чтобы губернскія вѣдомости доставляли нужные обиходные матеріалы, и чтобы необходимые для того доставлялись самими губернаторами».

Что касается до «расходовъ на устройство внутренняго отдѣла», то министръ замѣтилъ убѣдительно: «предоставляю себѣ распорядиться впослѣдствіи».

Вполнѣ самостоятельнымъ, какъ бы независимымъ отъ главнаго редактора, редакторомъ внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты» П. И. Мельникову не уда-

Digitized by Google

лось сдѣлаться. Сверхъ понятнаго желанія Д. И. Каменскаго быть самому на первомъ планѣ, требованія П. А. Валуева, предъявляемыя имъ къ лицамъ, которыя становились во главѣ редакціи его органа, были иногда до тонкости неуловимы. П. А. Валуевъ, вступивъ въ апрѣлѣ 1861 года въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сейчасъ же обратилъ вниманіе на значеніе печати и познакомился съ тѣми редакторами главныхъ газетъ, которыхъ онъ до того не зналъ. Желаніе его быть руководителемъ тогдашней печати выразилось въ созданіи «Сѣверной Почты». Его «министерство должно было имѣть въ виду пріобрѣтать нравственное вліяніе и силу» при посредствѣ такой газеты. Оно, несомнѣнно, и пріобрѣло бы ихъ, если бы П. А. Валуеву возможно было, оставаясь министромъ внутреннихъ дѣлъ, найти время на то, чтобы въ то же время быть дѣятельнымъ редакторомъ своей газеты. Онъ, впрочемъ, былъ имъ въ дѣйствительности, на сколько ему позволяли его многочисленныя административныя обязанности. П. А. Валуевъ прочитывалъ статьи въ корректурахъ, исправлялъ ихъ, передѣлывалъ до того, что иныя являлись, вслѣдствіе подобной редакціи, самостоятельными его произведеніями; дѣлалъ указанія на то, чего не слѣдовало помѣщать въ газетѣ, сообщалъ, какъ слѣдуетъ относиться къ общественному явленію, событію и проч. Административный тактъ, какъ бы опредѣленная, намѣченная программа дѣйствія, желаніе тонкими штрихами отдѣлываться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе накладывали на картину слишкомъ густую тѣнь, проглядывали во всѣхъ замѣткахъ П. А. Валуева и въ исправленіяхъ имъ статей. Онъ руководствовался, можно сказать, въ этомъ отношеніи французскою поговоркою, que le ton fait la musique. И весьма немногіе изъ редакторовъ и сотрудниковъ, ко

Digitized by Google

торыхъ П. А. Валуевъ приглашалъ или допускалъ для своего органа, удовлетворяли его требованіямъ или желаніямъ. П. А. Валуеву необходимо было найти для «Сѣверной Почты» другого себя, съ его познаніями, перомъ и, важнѣе всего, съ его тактомъ и тономъ,—и онъ не находилъ подобнаго лица. Болѣе другихъ подошелъ къ его образцу Д. И. Каменскій, и онъ долѣе первыхъ двухъ своихъ предшественниковъ остался редакторомъ «Сѣверной Почты». Можетъ быть, П. А. Валуеву прискучило уже отыскиваніе «идеальнаго» редактора, и онъ сталъ удовлетворяться Д. И. Каменскимъ; можетъ быть, упроченію послѣдняго способствовало и то обстоятельство, что онъ ежедневно по нѣсколько разъ письменно или словесно испрашивалъ у министра указаній, приказаній, распоряженій, посылалъ ему въ корректурныхъ листахъ статьи, каждое самостоятельное извѣстіе, каждый фактъ, наводившій главнаго редактора на сомнѣніе.

П. И. Мельниковъ сталъ писать руководящія или передовыя статьи для «Сѣверной Почты», относившіяся до порученнаго ему внутренняго отдѣла. Въ бумагахъ его я нашелъ двѣ его статьи въ коррекурныхъ листахъ, бывшія на разсмотрѣніи П. А. Валуева. Обѣ статьи касались до состоянія хлѣбныхъ полей и видовъ на урожай въ Россіи. Одну статью П. А. Валуевъ рѣшительно не одобрилъ и написалъ на ней слѣдующую резолюцію: «Все это слишкомъ безпокойно, не твердо, не увѣренно. Мимоходомъ замѣчу, что «утѣшаться» не административное чувство; «если»—неудобопримѣнимый оборотъ рѣчи въ оффиціальной газетѣ, а «безнадежность»—слово, которому въ ней нѣтъ мѣста. Не тотъ складъ. Такъ можетъ писать губернаторъ въ конфиденціальной торопливости. Такъ не можетъ говорить «Сѣверная Почта». Прошу Павла Ивановича на меня не сѣтовать. Наши оффиціальные органы потому

Digitized by Google

имѣли и имѣютъ мало вліянія, что пренебрегаютъ тактическими пріемами и легко сходятъ съ должнаго уровня».

Замѣченныя П. А. Валуевымъ, по его мнѣнію, неудобныя выраженія были употреблены П. И. Мельниковымъ въ слѣдующаго рода фразахъ: «Получаемыя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ извѣстія изъ разныхъ губерній о состояніи полей съ каждымъ днемъ утѣшительнѣе»; или «Изъ Самарской губерніи получены слѣдующія весьма утѣшительныя извѣстія»; наконецъ: «Если бы и случился болѣе или менѣе повсемѣстный неурожай, котораго, при настоящемъ состояніи полей въ Россіи, благодаря Бога, и предполагать невозможно, народное продовольствіе не было бы безнадежнымъ».

Другую передовую статью Мельникова, также о видахъ на урожай, П. А. Валуевъ принялся было переправлять карандашемъ, но затѣмъ не одобрилъ ее всю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вся статья написана слишкомъ въ тонѣ отвѣта на обвинительный актъ или на допросъ въ судѣ. Оправдываться никогда не слѣдуетъ. Правда, что мы могли заговорить ранѣе, но если не спохватились, то нечего въ томъ признаваться. Это не даетъ авторитета, а его колеблетъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ становиться въ роль сфинкса, говорящаго или безмолвствующаго по произволенію. Конецъ статьи [1]) слишкомъ явно показываетъ намѣреніе успокоить. Это неловко. Тѣ же цифры можно напечатать мимоходомъ чрезъ три или четыре дня.

П. И. Мельниковъ составилъ для «Сѣверной Почты» извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра вну-

---

[1]) Въ концѣ статьи были сообщены оффиціальныя цифры о количествахъ наличнаго хлѣба въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ и въ магазинахъ министерства государственныхъ имуществъ, а равно размѣры продовольственнаго капитала по этому вѣдомству и по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Digitized by Google

треннихъ дѣлъ за 1862 годъ. Это извлеченіе представлено было ему въ рукописи. Въ седьмомъ отдѣлѣ названномъ: «Дѣла духовныя», сказано было, что «по дѣламъ духовнымъ, на обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ лежитъ: а) охраненіе православія; б) управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій». Противъ подобной систематики П. А. Валуевъ написалъ: «нельзя считать полицейскихъ дѣйствій дѣяніями духовными. Подъ рубрику: «дѣла духовныя», т. е., духовнаго вѣдомства, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подходятъ только дѣла духовныя иностранныхъ исповѣданій. Дѣла по расколу и полицейскому содѣйствію къ охраненію православной церкви должны быть отдѣлены. О расколѣ статья можетъ быть составлена г. Волкенштейномъ, съ доведеніемъ до извѣстной ему моей записки [1]) включительно. По части полиціи, буде найдется матеріалъ для особой статьи, нужно ее составить по справкѣ въ департаментахъ полиціи и общихъ дѣлъ. О церковныхъ постройкахъ въ Западномъ краѣ составить особую статью, для которой справки будутъ доставлены г. Батюшковымъ».

Изъ этой замѣтки видно, что П. А. Валуевъ считалъ тогдашняго начальника раскольническаго отдѣленія въ департаментѣ общихъ дѣлъ, П. Е. Волкенштейна (извѣстнаго садовода), болѣе компетентнымъ лицомъ для составленія статьи о расколѣ, чѣмъ П. И. Мельникова, котораго новый министръ внутреннихъ дѣлъ устранялъ какъ бы отъ раскольническихъ дѣлъ. Но это не воспрепятствовало Мельникову подать новую записку о расколѣ, когда, въ февралѣ 1864 года, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый временный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-

[1]) Представленной государю императору и, какъ кажется, имѣвшей послѣдствіемъ образованіе «особаго комитета 1864 года», подъ предсѣдательствомъ графа Панина.

Digitized by Google

секретаря графа Панина, изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, для обсужденія представленныхъ П. А. Валуевымъ государю императору соображеній о необходимости измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о раскольникахъ. Мельниковъ писалъ, между прочимъ:

«Доведенные оскудѣніемъ священства до послѣдней крайности, раскольники основали въ 1846 году такъ называемую Бѣлокриницкую іерархію. По требованію русскаго правительства, митрополитъ Амвросій былъ высланъ въ 1847 году изъ Бѣлой Криницы, но до того онъ посвятилъ двухъ архіереевъ: намѣстника себѣ Кирилла и другого архіерея для раскольниковъ, живущихъ въ Турціи. По выѣздѣ Амвросія изъ Бѣлой Криницы, Кириллъ, мѣстный уроженецъ, заступилъ его мѣсто и сдѣлался митрополитомъ. Онъ посвятилъ нѣсколькихъ епископовъ въ Россію изъ русскихъ подданныхъ. Затѣмъ, на основаніи каноническаго права, въ Россіи находившіеся епископы, собравшись вдвоемъ или втроемъ, посвящали новыхъ епископовъ. Наконецъ, въ 1862 году въ Москвѣ былъ учрежденъ особый «духовный совѣтъ», въ родѣ синода, а въ 1863 году русскіе раскольники разорвали связи съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ, чтобы не имѣть дѣла съ заграничными епископами, и своего архіепископа Антонія возвели въ санъ «митрополита московскаго и всея Россіи». Турецкіе раскольники признали надъ собою духовную власть московскаго митрополита и также расторгли связи съ Кирилломъ. Ихъ епископы перешли въ Россію [1]). Теперь въ Россіи около 15-ти архіереевъ и много поповъ.

---

[1]) Послѣднему, Аркадію, который въ 1863 году написалъ адресъ некрасовцевъ государю, и который проповѣдью своею удержалъ некрасовцевъ отъ соединенія съ находящимися въ Турціи поляками, дозволено пріѣхать въ Россію. По доносу извѣстныхъ Кельсіевыхъ и обвиненію ими въ государственной измѣнѣ, онъ успѣлъ убѣжать отъ турокъ въ Измаилъ въ ноябрѣ 1863 года. Примѣчаніе Мельникова.

Digitized by Google

«Такимъ образомъ раскольники поповщинскаго толка образовали у себя правильно, т. е., на точномъ основаніи церковныхъ постановленій, іерархію и, надобно сознаться, устроили ее болѣе согласно съ правилами апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, нежели устроена администрація современной русской церкви, ибо «Духовный Регламентъ», а также учрежденіе или уставъ о консисторіяхъ, заключаютъ въ себѣ много антиканоническаго. Раскольники поповщинскаго отдѣла не нуждаются болѣе въ бѣглыхъ отъ церкви православной попахъ и не просятъ ихъ. Правительству не предстоитъ болѣе суровой необходимости отказывать въ просьбахъ о христіанскомъ утѣшеніи милліонамъ полезныхъ гражданъ, доказавшихъ и словомъ, и дѣломъ, всю непоколебимую вѣрность Царю и русской землѣ и совершенное отвращеніе отъ подстрекательствъ революціонной партіи, которая, въ лицѣ лондонскихъ агитаторовъ (Герцена, Кельсіева и друг.), всячески старалась поколебать въ нихъ уваженіе и преданность къ законному правительству.

«Успокоеніе пяти милліоновъ раскольниковъ поповщины, успокоеніе, столь сильно и столь искренно желаемое государемъ императоромъ, теперь можетъ быть достигнуто безъ нарушенія достоинства православнаго правительства и безъ оскорбленія св. церкви дозволеніемъ ея священнослужителямъ бѣгать тайно къ раскольникамъ. Теперь возможно согласить выгоды церкви съ желаніями милліоновъ русскихъ людей, двѣсти лѣтъ тому назадъ отъ нея удалившихся въ силу неотразимыхъ историческихъ событій. Теперь государю не съ «колеблющеюся совѣстью», а съ твердымъ духомъ Царя-Христіанина и Царя-Освободителя, предлагаетъ историческая судьба—новый великій подвигъ освобожденія—освобожденіе одной седьмой части его вѣрноподданныхъ отъ стѣснительныхъ мѣръ, въ прошедшее

Digitized by Google

время предпринятыхъ противъ религіозныхъ убѣжденій и противъ дѣла совѣсти значительной части коренного русскаго народа.

«Теперь раскольники поповщинской секты просятъ прежде всего терпимости ихъ архіереевъ и поповъ, или, какъ они выражаются, «высшаго и нисшаго ихъ духовенства», причемъ желаютъ, чтобы они, по примѣру православнаго духовенства и терпимыхъ въ Россіи христіанскихъ исповѣданій, были избавлены отъ податей и пользовались бы другими предоставленными духовнымъ лицамъ правами и привилегіями. Согласиться на это правительству, сдѣлать столь рѣзкій переходъ отъ строгаго преслѣдованія архіереевъ старообрядческихъ къ предоставленію имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользуются архипастыри господствующей церкви, едва ли возможно; это было бы торжественнымъ признаніемъ, что церковь и правительство двѣсти лѣтъ были неправы передъ раскольниками и самое господствующее исповѣданіе неправославно. Не надобно забывать, что расколъ, собственно такъ называемый, т. е., поповщина и безпоповщина, есть порожденіе грубости и невѣжества [1]), и что онъ долженъ современемъ уничтожиться, когда просвѣщеніе проникаетъ въ нисшіе слои народа. Передъ свѣтомъ общечеловѣческаго образованія не устоять расколу, если не будутъ воздвигаться на него новыя преслѣдованія и новыя гоненія. Но есть разница, и разница большая между терпимостью и покровительствомъ. Въ видахъ государственной и народной пользы, терпимость необходима, но покровительство положительно вредно. Не забудемъ, что, употребляя вмѣсто терпимости покровительство, русское правительство XVIII

---

1) Молокане, духоборцы, общіе и т. п. не подходятъ подъ это. Они тоже въ православіи, что протестанты въ римско-католичествѣ и имѣютъ свою будущность. Примѣчаніе Мельникова.

Digitized by Google

столѣтія утвердило и распространило между киргизами и башкирами мохамеданство, тогда какъ при одной терпимости, безъ покровительства мулламъ и проч., они были бы теперь непремѣнно христіанами. Не забудемъ, что покровительствомъ ламамъ, какимъ они нигдѣ не пользуются не только въ Китаѣ, но и въ Тибетѣ, гдѣ владычествуетъ Далай-Лама, мы утвердили между бурятами и калмыками буддизмъ, котораго они не понимали до тѣхъ поръ, пока русское правительство не взяло его подъ свое покровительство. Если духовенство раскольническое только «терпѣть», оно само впослѣдствіи приведетъ раскольниковъ къ возсоединенію съ церковью, и расколъ рано или поздно уничтожится: если ему «покровительствовать», онъ укрѣпится, получитъ крѣпкую организацію, и тогда надобно совершенно отказаться отъ надежды, что впослѣдствіи, когда-нибудь цѣлость и миръ въ русской православной церкви будутъ возстановлены.

«Терпимость относительно высшихъ и нисшихъ лицъ раскольническаго духовенства (поповщинской секты) должна состоять въ томъ, чтобы было «допущено» (а не разрѣшено) отправлять имъ богослуженіе по своему обряду и исполнять другія свои обязанности (наприм. судъ епископовъ надъ священниками и проч. т. под.). Но оффиціально пусть они будутъ купцами, мѣщанами, крестьянами, словомъ пользовались бы гражданскими преимуществами, которыя имъ по праву рожденія, а не по праву посвященія принадлежатъ. Словомъ, пусть они будутъ у насъ находиться точно въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся римско-католическіе священники, епископы и даже кардиналы въ Англіи. Тамъ еще можно было опасаться, что это духовенство составляетъ легіонъ служителей папы, естественнаго врага англійскаго государства, у насъ и подобнаго опасенія существовать не можетъ. По

Digitized by Google

разрывѣ связей съ Бѣлою Криницею, наши поповщинскіе раскольники имѣютъ центръ духовной власти въ Москвѣ.

«Дано же позволеніе задунайскому старообрядческому епископу Аркадію, пострадавшему отъ турокъ за преданность государю императору и Россіи, возвратиться въ Россію съ паспортомъ, гдѣ бы онъ не былъ названъ «епископомъ Аркадіемъ», а его мірскимъ именемъ. Вотъ примѣръ и относительно другихъ старообрядческихъ духовныхъ лицъ.

«Двѣсти лѣтъ тому назадъ архіереи (Павелъ Коломенскій и другіе) и попы (Аввакумъ, Никита и многіе другіе), во время исправленія обрядовъ Никономъ, увели часть народа изъ церкви въ расколъ. «Кто увелъ, тотъ только и привести можетъ». Только раскольническіе архіереи могутъ возсоединить раскольниковъ съ церковью. Это не историческая только теорія; она у насъ на опытѣ доказана. Кто увелъ изъ православія бывшихъ уніатовъ? Митрополитъ Михаилъ Рагоза и другіе епископы западнаго края. Кто привелъ въ православіе уніатовъ? Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и другіе митрополиты западнаго края.

«Урокъ, данный русскому правительству исторіею, долженъ ли пропасть даромъ?

«Упомяну объ одномъ обстоятельствѣ, ничтожномъ, но, мнѣ кажется, такомъ, которое современемъ дастъ въ руки правительству большую силу. Старообрядческое духовенство чрезвычайно падко на внѣшніе знаки отличія, несмотря на то, что наперстные кресты, камилавки и скуфьи учреждены гораздо позже патріарха Никона (при императорѣ Павлѣ I); архіереи старообрядческіе раздаютъ ихъ своимъ попамъ, и попы весьма дорожатъ ими. При совѣщаніяхъ о томъ, какъ подавать просьбу государю и чего просить, старообрядческіе архіереи, говорятъ, высказали желаніе, чтобы

Digitized by Google

въ числѣ испрашиваемыхъ милостей, было и пожалованіе ихъ «орденами за усердную службу». Такое стремленіе старообрядческихъ архіереевъ къ почестямъ и отличіямъ, раздаваемымъ по пожалованію государемъ императоромъ, можетъ быть современемъ могущественнымъ орудіемъ для правительства въ дѣлѣ возсоединенія къ церкви старообрядцевъ.

«Если государю императору благоугодно будетъ даровать высочайшую свою милость вѣрнымъ ему старообрядцамъ, и онъ повелитъ: не покровительствуя старообрядческому духовенству, отъ Амвросія, митрополита бѣлокриницкаго, происшедшему, терпѣть его, то неминуемо возникаетъ вопросъ: «Какъ огласить такое повелѣніе?» Надобно ожидать, что этотъ вопросъ возбудитъ недоумѣнія и можетъ быть, даже опасенія. Опасенія эти весьма умѣстныя и вполнѣ справедлавыя. Могутъ сказать, и сказать совершенно основательно: буряты прежде толпами обращались въ христіанство, но съ тѣхъ поръ какъ правительство регламентировало ихъ церковную администрацію (чего нѣтъ ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ) и даже учредило достоинство Бондидо-Хамбы (чего и китайское правительство никогда не дѣлало), то буряты перестали обращаться въ христіанство, говоря, что не хотятъ отойти отъ «царской« вѣры (полагая, что государь все это утвердилъ самъ, послѣдуя буддизму) и не смѣютъ быть ослушниками царя, который поставилъ надъ ними Бондидо-Хамбу. Дѣйствительно, «въ настоящее время», когда въ памяти народной еще такъ свѣжи преслѣдованія раскола, а особенно архіерейства, торжественное объявленіе не покровительства даже, а только терпимости старообрядческаго духовенства,—будетъ ли оно выражено въ манифестѣ, будетъ ли изложено въ высочайшемъ указѣ произведетъ сильные толки и тогда не только не будетъ новыхъ обращеній изъ раскола въ православіе,

Digitized by Google

но неминуемо послѣдуютъ и самыя отпаденія въ расколъ, ибо надобно никогда не забывать, что «девять десятыхъ великороссійскаго простонародья, принадлежащаго къ православію, сочувствуютъ старообрядству и свою новую вѣру далеко не такъ уважаютъ, какъ вѣру старую». Если простонародье узнаетъ о «торжественномъ покровительствѣ» государя старообрядству, оно поголовно перейдетъ въ расколъ, и тогда православнымъ архіереямъ и священникамъ останется пастырствовать (на Великой Россіи) только надъ дворянствомъ и чиновниками.

«Поэтому «терпимость» старообрядческаго духовенства должно огласить не иначе, какъ посредствомъ циркуляра отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній о томъ, чтобы они предписали полиціямъ ни въ какія религіозныя дѣла старообрядцевъ не мѣшаться, преслѣдуя лишь такія дѣянія ихъ, которыя прямо нарушаютъ общественное благочиніе, причемъ губернаторовъ снабдить секретнымъ предписаніемъ, чтобы они въ случаѣ настояній мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ объ арестованіи и т. п. старообрядческихъ духовныхъ лицъ, оставляли эти настоянія безъ послѣдствій, донося лишь о томъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

«Конечно, это полумѣра, но на первый разъ и она будетъ благодѣтельна. Впослѣдствіи правительству предстоитъ составить подробную программу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій и слѣдовать ей неуклонно, путемъ расширенія правъ старообрядческаго духовенства, сообразно со степенью близости его къ возсоединенію съ господствующею церковью. Но главное въ этомъ отношеніи: «школы, школы и школы». Повторяю — передъ лицомъ просвѣщенія расколу не устоять. Теперь старообрядцы просятъ «своихъ гимназій». Если ихъ желаніе будетъ удовлетворено, лѣтъ черезъ пят-

Digitized by Google

надцать, черезъ двадцать они попросятъ и «университета». Не опасаясь быть лжепророкомъ, скажу: первый старообрядческій архіерей, вышедшій изъ этого университета, будетъ новый Іосивъ Сѣмашко. По вѣроятностямъ человѣческаго долголѣтія, государь не будетъ утѣшенъ при жизни своей этимъ великимъ въ русской исторіи явленіемъ, но одинъ изъ его преемниковъ непремѣнно будетъ имѣть утѣшеніе подписать: «Благодарю Бога и принимаю» на докладѣ о возсоединеніи старообрядцевъ. Это утѣшеніе будетъ несравненно большимъ того, которое испыталъ покойный государь 26-го марта 1839 года, когда писалъ эти слова на докладѣ синода о возсоединеніи уніатовъ».

Произведенный въ апрѣлѣ 1864 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Мельниковъ въ продолженіе этого года участвовалъ въ ревизіи текущаго дѣлопроизводства департамента своего министерства, а затѣмъ въ іюлѣ былъ командированъ въ Нижній-Новгородъ по нѣсколькимъ порученіямъ. На него возложено было собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о причинѣ пожара, случившагося на мѣстѣ расположенія нижегородской ярмарки 4-го іюня этого года, а равно и о томъ, были ли приняты всѣ мѣры къ предупрежденію распространенія пожара, и, сверхъ того, представить свои соображенія относительно мѣръ къ предупрежденію повторенія подобныхъ случаевъ на будущее время. При этомъ ему было поручено собрать необходимыя свѣдѣнія по устройству пожарной части въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сверхъ того, П. И. Мельниковъ долженъ бы[illegible] осмотрѣть ярмарочный гостиный дворъ и пред-
ст[illegible]ь свои соображенія о томъ, на какихъ основа-
ні[illegible] можетъ быть допущена продажа лавокъ этого
дв[illegible] въ собственность купечества безъ убытка для
ка[illegible] безъ вреда для торговли. Пожаръ 4-го іюня
18[illegible] потому потребовалъ командировки въ Ниж-

Digitized by Google

ній-Новгородъ особаго чиновника изъ Петербурга, что онъ произошелъ въ то время, когда на ярмаркѣ еще вовсе не бываетъ съѣзда торговцевъ, когда товары едва начинаютъ туда прибывать, а между тѣмъ пожаръ принялъ такіе большіе размѣры, что имъ было истреблено 40 корпусовъ съ 1514 лавками и 148 отдѣльныхъ зданій. Также обращено было вниманіе и на то обстоятельство, что въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ одна и та же часть ярмарочныхъ зданій три раза истреблялась пожаромъ.

Въ 1864 году генералъ-губернаторомъ на нижегородской ярмаркѣ былъ генералъ-адъютантъ Огаревъ, облеченный особыми полномочіями. Ему было непріятно, что чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, Мельниковъ, былъ присланъ на ярмарку для слѣдствія о пожарѣ, для наблюденія за могущими тамъ произойти чрезвычайными случаями и съ тѣмъ вмѣстѣ не былъ ему подчиненъ. При первомъ же неважномъ обстоятельствѣ произошло столкновеніе между генералъ-губернаторомъ и чиновникомъ особыхъ порученій, вѣроятно, дававшимъ понимать прочему служащему міру на ярмаркѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ свое независимое положеніе отъ главной, находившейся тамъ власти. Въ письмѣ изъ Нижняго Новгорода отъ 29-го іюля Мельниковъ писалъ:.. «Жду, не дождусь окончанія ярмарки, до того мнѣ надоѣло все. Къ тому же пошли непріятности съ генералъ-адъютантомъ Огаревымъ, которому досадно, что я не въ его распоряженіи, какъ въ прошломъ году. Третьяго дня, по случаю посланной мною министру телеграфической депеши о начавшемся было 27-го числа подлѣ главнаго до- о- жарѣ, у насъ было весьма крупное объясненіе, о- рое хотя и кончилось поцѣлуями, но встревожило ня и подняло во мнѣ всю желчь! Писалъ министру ли бы онъ исполнилъ мою просьбу! Прошусь возвр- ся

Digitized by Google

въ Петербургъ и докончить дѣло тамъ, что возможно. Генералъ-адъютантъ Огаревъ стараго закала человѣкъ; онъ добрый, пріятный господинъ, но съ нимъ надобно держать себя осторожно: играй, какъ съ медвѣдемъ, все ничего, все ничего, а какъ вдругъ озлится, да ни съ того, ни съ сего и тяпнетъ»...

Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ Мельникову слѣдующимъ письмомъ: «Аптекарскій островъ, 31/VII. 64. Вы очень хорошо сдѣлали, что мнѣ телеграфировали. Прошу такъ поступать и впредь. Вы въ моемъ, а не въ чьемъ иномъ распоряженіи, и монополія телеграфовъ никому не присвоена. — Но вы неправильно поступили, если, являясь генералъ-адъютанту Огареву, вы не доложили ему о данныхъ вамъ порученіяхъ. Я не упомянулъ о нихъ въ разговорѣ съ генераломъ Огаревымъ, потому что полагалъ, что онъ не могъ о нихъ забыть, и потому что я вообще не распространяюсь, о грядущемъ и не люблю будущаго наклоненія глаголовъ. Когда дѣло подвигается, настаетъ время о немъ толковать. Передайте мой поклонъ А. А. Одинцову [1]), преданный Валуевъ».

Письмо это успокоило Мельникова, и онъ остался въ Нижнемъ-Новгородѣ до половины сентября, выполняя возложенныя на него тамъ дѣла. Начавшіеся на ярмаркѣ обѣды служили, впрочемъ, ему немалымъ развлеченіемъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ сообщилъ слѣдующія подробности въ письмѣ отъ 19-го августа: «...А у насъ здѣсь были литературные обѣды съ купцами. На одномъ изъ нихъ Арсеньевъ [2]) (Илья Александровичъ) ни съ того, ни съ сего въ рѣчи своей

---

[1]) Въ то время начальникъ Нижегородской губерніи.

[2]) Арсеньевъ былъ въ первые два года (1862 и 1863 г. завѣдывающимъ иностраннымъ политическимъ отдѣломъ въ «Сѣверной Почтѣ» и по время вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ Розенгеймомъ издавалъ чрическій журналъ «Заноза».

Digitized by Google

отъ имени всей литературы обругалъ все купечество подлецами. Самое непріятное вышло положеніе. Вступился за купцовъ графъ Шуваловъ, бывшій на обѣдѣ. Онъ флигель-адъютантъ и заводчикъ; у него желѣзные заводы. Но вышло еще хуже. Онъ началъ рѣчь, но по-русски говорить не умѣетъ: заговорилъ, да и спутался, а на французскій языкъ перейти было неудобно. Смѣху сколько надѣлалъ! Якушкинъ (Павелъ Ивановичъ), бывшій тоже на обѣдѣ, напился пьянъ. Вообще былъ скандалъ громадный. Я и еще нѣсколько московскихъ литераторовъ, чтобы показать, что мы тутъ сторона, встали изъ-за стола и въ углу залы подсѣли къ нѣмкамъ, играющимъ на арфахъ и скрипкахъ, и стали съ ними любезничать, потчевать ихъ шампанскимъ и фруктами. Это имѣло свой эффектъ. Купцы обидѣлись на Арсеньева. Затѣмъ былъ другой обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Владиміра Павловича Безобразова: обѣдъ чинный, приличный и удавшійся какъ нельзя лучше. Арсеньева на этотъ обѣдъ не пригласили. На обѣдѣ рѣчь говорилъ я одинъ о сближеніи сословій и о тому подобномъ, другими словами мировую. Ну и помирились. Все прошло хорошо.

«Якушкинъ, вѣчно пьяный, безобразничаетъ на ярмаркѣ. Генералъ-губернаторъ Огаревъ хотѣлъ выслать его съ ярмарки, для чего уже и жандармы были готовы. Передъ тѣмъ генералъ-губернаторъ обругалъ Якушкина какъ нельзя хуже. Генералъ-адъютантъ Огаревъ спросилъ у меня моего совѣта по этому дѣлу. Я сказалъ ему, что выслать Якушкина онъ въ правѣ, но что, по моему мнѣнію, ругаться не слѣдуетъ и высылку надобно сдѣлать помягче. Огаревъ и пересолилъ: вмѣсто высылки, началъ обниматься и цѣловаться съ Якушкинымъ и оставилъ его здѣсь. Якушкинъ теперь и вретъ, что онъ отдѣлалъ генералъ-адъютанта и проч., и проч. Вообще здѣсь скандалъ за скандаломъ. Такъ, вчера

Digitized by Google

предсѣдатель нижегородскаго ярмарочнаго биржеваго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шиповъ [1]) въ трактирѣ пѣсни пѣлъ. Ужасъ, что за безобразія».

Сотрудничество въ «Сѣверной Почтѣ» П. И. Мельникова не имѣло успѣха. Онъ не могъ подчинить своего пера требованіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, или, вѣрнѣе, онъ не попадалъ въ тотъ тонъ, который желателенъ былъ П. А. Валуеву. Возвращеніе статей Мельникова съ вышеприведенными резолюціями, ежедневныя вѣжливыя препирательства съ Д. И. Каменскимъ, отстаивавшимъ свои права, какъ главнаго редактора, сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшую дѣятельность Мельникова, въ качествѣ редактора внутренняго отдѣла въ оффиціальной газетѣ. Между тѣмъ скуднымъ жалованьемъ чиновника особыхъ порученій трудно было существовать съ семьею въ Петербургѣ. Съ крестьянскою реформою 1861 года прекратился прежній доходъ съ небольшого подгородняго нижегородскаго имѣнія Ляхово, принадлежавшаго его супругѣ. Заглазное управленіе имъ изъ Петербурга ничего, кромѣ убытка, не приносило. При такихъ условіяхъ Мельникову сдѣлался необходимъ литературный заработокъ въ извѣстномъ размѣрѣ, болѣе или менѣе опредѣленномъ. Въ тогдашнихъ петербургскихъ газетахъ и журналахъ онъ не могъ его получить, тѣмъ болѣе, что польскія смуты, какъ онъ говорилъ, измѣнили кореннымъ образомъ его взглядъ на многіе предметы и заставили отшатнуться отъ многихъ его прежнихъ симпатій и увлеченій. «Московскія Вѣдомости» болѣе другихъ изданій, своимъ направленіемъ съ 1863 года, способствовали новымъ стремленіямъ Мельникова. Во

---

[1]) Александръ Павловичъ Шиповъ съ 1864 года смѣнилъ купца Гу[illegible] въ должности предсѣдателя нижегородскаго ярмарочнаго биржева[illegible]тета

Digitized by Google

время проѣздовъ чрезъ Москву въ Нижній-Новгородъ въ 1861, 1862, 1863, 1864 годахъ, онъ видался съ М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ и возобновилъ съ ними прежнія близкія отношенія, прерванныя въ 1859 году его заявленіемъ въ «Русскомъ Дневникѣ». Такимъ образомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ концѣ 1862 года появилась его статья о Преобрржeнскомъ кладбищѣ, подписанная буквою S, которая была назначена и обѣщана собственно для «Сѣверной Пчелы» [1]); въ 1863 году появились «Старообрядческіе архіереи», а въ 1864 г. «Историческіе очерки поповщины». Всѣ эти статьи, касавшіяся раскола въ Россіи, были собственно продолженіемъ «Писемъ о расколѣ», какъ возвѣщено было самимъ Мельниковымъ въ послѣднемъ (пятомъ) письмѣ [2]). Новое сближеніе Мельникова съ Катковымъ и Леонтьевымъ имѣло послѣдствіемъ приглашеніе его принять дѣятельное участіе въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»

XV.

Обогащеніе Мельникова новыми свѣдѣніями по расколу.

Въ 1866 году Мельникову дано было изъ министерства внутреннихъ дѣлъ новое порученіе по расколу, которое, по его словамъ, обогатило его знанія по этому дѣлу и разъяснило ему новыми данными нѣкоторыя его стороны. Такое признаніе знатока раскола само уже указываетъ на интересъ тѣхъ изслѣдованій, которыми онъ занялся въ Москвѣ. Оффиціальная про-

---

[1]) См. его письмо ко мнѣ, отъ 12-го ноября 1862 года, въ № 2528 «Нов. Времени» 1883 г.

[2]) См. № 15 «Сѣверной Пчелы» 1862 года.

Digitized by Google

грамма по этому порученію, данная 24-го апрѣля и пригода Мельникову, гласила: ого по-

«Собрать совершенно негласнымъ образомъ одного дующія свѣдѣнія: 1) Въ какихъ отношеніяхъ находятся нынѣ русскіе раскольники къ заграничнымъ, особенно же къ австрійцамъ, своимъ единовѣрцамъ; 2) О личномъ составѣ раскольнической, такъ называемой, іерархіи (біографическія подробности, характеристика каждаго архіерея, степень его нравственнаго вліянія на раскольниковъ, связи, отношенія и т. п.); 3) Съ какою дѣйствительною цѣлью составлено было «окружное посланіе», и что намѣрены дѣлать раскольники теперь, по уничтоженіи его на соборѣ 1-го ноября 1865 года; 4) Какое вліяніе произвело на раскольниковъ совершившееся въ 1865 году присоединеніе къ единовѣрію нѣкоторыхъ изъ ихъ архіереевъ, и не предпринимаютъ ли раскольники теперь какихъ-либо мѣръ къ ослабленію этого вліянія; 5) Какія намѣренія имѣютъ раскольники относительно дальнѣйшаго существованія поколебавшейся отъ внутреннихъ раздоровъ ихъ іерархіи; въ чемъ ихъ надежды на будущее; 6) На основаніи собранныхъ свѣдѣній и раскольничьихъ документовъ, «которые можно будетъ достать, составить записку о современномъ состояніи поповщинскаго раскола въ Россіи»; 7) Въ какомъ смыслѣ и значеніи представляется раскольникамъ предположеніе о дарованіи имъ правъ гражданскихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ духовныхъ, подъ условіемъ внесенія во списокъ лицъ, признающихъ бракъ и молящихся за царя; 8) Степень значенія въ расколѣ интересовъ промышленныхъ, мануфактурныхъ, торговыхъ и вообще ...тиво-полицейскихъ; 9) Степень значенія въ расколѣ лицъ, стоящихъ внѣ іерархическихъ его интересовъ, Солдатенкова, Хлудова, Рахманиновой и другихъ; 10) Какой дѣйствительно смыслъ стремленія ту-

Digitized by Google

время п, раскольниковъ къ переселенію въ Россію? въ въ 186 отношеніи къ этому расколу Гончаровъ, Чай- М. Н. и задунайское раскольничье священство? 11) съ нѣнь значенія раскола въ Сибири».

1859 изъ черновыхъ съ писемъ Мельникова къ министру внутреннихъ дѣлъ, посланныхъ имъ изъ Москвы въ 1866 г., сохранились въ его бумагахъ далеко не всѣ Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ Мельниковъ писалъ:

«Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я нахожусь въ Москвѣ, но до сихъ поръ еще не имѣлъ времени прочесть то множество доселѣ даже и не подозрѣваемыхъ документовъ, которые у меня въ настоящее время подъ руками. Вотъ ихъ краткій перечень: 1) Всѣ документы австрійскаго правительства, отъ императорской грамоты до бумагъ Черновицкаго Крейсамта. относящіеся до тамошнихъ раскольниковъ съ 1783 года по 1817 годъ; 2) Всѣ документы австрійскаго правительства о признаніи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ и о дозволеніи буковинскимъ раскольникамъ имѣть своего епископа; 3) Уставъ Бѣлокриницкой митрополіи, составленный въ 1841 году и утвержденный австрійскимъ правительствомъ; это огромная тетрадь листовъ въ двадцать, если ее напечатать; 4) 213 протоколовъ Бѣлокриницкой митрополіи, съ 12-го (24-го) октября 1846 года по 25-е апрѣля (7-го мая) 1863 года; 5) 194 документа московско-владимірской раскольничьей архіерейской каѳедры съ ея основанія, 4-го февраля 1853 года, до 4-го февраля 1864 года; 6) Огромная переписка съ заграничными раскольниками; особенно замѣчательны письма Арк. Славскаго съ 1854 года до 1866 года о дѣйствіи Гончарова и о польско-раскольнической партіи Турціи; 7) Много записокъ обратившихся въ еди вѣріе архіереевъ.

Digitized by Google

«Обѣщана, но пока еще самъ не беру, хотя и приносили, вся переписка, по составленію окружнаго посланія и послѣднихъ соборовъ въ Москвѣ. Пока одного не прочту, за другое не возьмусь.

Изъ этого вы усмотрѣть изволите, что я въ настоящее время испытываю въ нѣкоторомъ смыслѣ положеніе Тантала. Списать все—нѣтъ возможности; едва ли успѣю и самыя краткія выписки сдѣлать, а между тѣмъ ежедневныя личныя сношенія съ раскольниками отнимаютъ много времени, хотя эта потеря и вознаграждается пріобрѣтеніемъ интересныхъ свѣдѣній; не мало его тратится на разговоры пустые, но въ моемъ положеніи необходимые, для поддержанія довѣрія ко мнѣ раскольнической интеллигенціи. А между тѣмъ, по извѣстнымъ вамъ обстоятельствамъ [1]), не имѣю ни малѣйшей возможности пробыть въ Москвѣ еще болѣе двухъ недѣль, и то едва ли. Съ горькимъ чувствомъ предвижу, что далеко не сдѣлаю всего, что могъ бы сдѣлать, пользуясь моими отношеніями, и чего, могу смѣло сказать, едва ли кто изъ вашихъ подчиненныхъ сдѣлать можетъ.

«Но дѣлать нечего, придется ограничиваться лишь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать въ столь короткое время. Даже на выборъ интересныхъ свѣдѣній, для выписки ихъ, не имѣю времени: списываю то, что попадается подъ руку и, конечно, многаго любопытнаго не запишу. Вѣдь, у меня теперь въ квартирѣ цѣлый архивъ, который, стоитъ слово сказать, сейчасъ удвоится.

«Лицъ, имѣющихъ эти любопытные документы, я убѣждаю все напечатать. Они боятся не правительственной цензуры, а своихъ. Что касается до первой, то на мой взглядъ (который, впрочемъ, не смѣю

---

[1]) Неимѣніемъ денегъ на житье въ Москвѣ.

Digitized by Google

считать компетентнымъ въ цензурномъ отношеніи) можно было бы все напечатать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о митрополитѣ московскомъ Филаретѣ. А это было бы драгоцѣнное собраніе.

«Ваше высокопревосходительство! Могу ли я предложить имъ свое участіе въ ходатайствѣ передъ вами о напечатаніи всѣхъ актовъ? Они сами наводятъ разговоръ на это, но я уклоняюсь отъ отвѣта, не зная, какъ вы изволите на это взглянуть. Прикажите увѣдомить меня поскорѣе, могу ли я взять на себя такое ходатайство, или—подходитъ ли это собраніе документовъ подъ статью закона 6-го апрѣля 1865 года, о печатаніи безъ цензуры оригинальныхъ сочиненій болѣе десяти печатныхъ листовъ; само собою разумѣется, что ни имъ не хочется подпасть подъ судъ и подвергнуть секвестру свое изданіе, ни мнѣ ввести ихъ въ такое положеніе.

«Частію по бумагамъ, но еще болѣе по разсказамъ я начинаю уяснять себѣ до нѣкоторой степени загадочное дѣло о злоумышленіи на жизнь императора Николая Павловича въ 1853 году. Это было дѣломъ Равскаго, Жуковскаго и Осипа Гончарова, дѣломъ революціонно-польско-некрасовской партіи, во главѣ которой теперь находятся Аркадій Славскій и Михаилъ Бакунинъ, пріѣхавшій недавно въ Румынское княжество и въ Славу. Тогда случилось одно странное обстоятельство. Неумѣнье читать по-славянски ротмистра Родзянки и петербургскаго оберъ-полиціймейстера Кокошкина обратило розыскъ и слѣдствіе совершенно въ сторону. Изъ записки, найденной въ Измаилѣ, о посланныхъ въ Петербургъ убійцахъ, видно, что изъ нихъ одинъ вошелъ въ Москвѣ въ сношенія, но не съ раскольниками, а съ людьми совсѣмъ иного сорта (въ дѣлахъ министерства есть на

Digitized by Google

то указанія), а другой назначался на цареубійство, если первый промахнется. Первый названъ въ запискѣ имярекъ. Родзянко и Кокошкинъ верхній приняли за знакъ, и слово «имярекъ» прочитали «Иракъ». Въ Москвѣ не обратили на эту ошибку вниманія и пошли отыскивать Ирака, но какъ такого имени нѣтъ, то стали искать «Ираклія», и графъ Закревскій (тогдашній московскій генералъ-губернаторъ) указывалъ даже на «Ираклія», выходца изъ-за границы, ранѣе пріѣхавшаго. Тѣмъ дѣло и кончилось. Купецъ Бѣляевъ, у котораго найдена была записка, года четыре просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а потомъ, какъ купецъ города Измаила, отошедшаго отъ Россіи по Парижскому трактату, былъ отпущенъ въ свой городъ.

«Зная отчасти, что дѣлаетъ теперь партія Бакунина, Гончарова, Кельсіева и другихъ, собравшихся на нашихъ границахъ въ Добруджѣ и Румыніи и единомышленныхъ съ ними Аркадія Славскаго и немногихъ некрасовцевъ, я долгомъ поставляю представить соображенія мои, весьма, можетъ быть, ошибочныя, относительно происшествія 4-го апрѣля 1866 года. Нѣкоторые изъ нашей несчастной, сбитой съ толка, молодежи ушли въ Женеву и Добруджу. Женевскій станъ Герцена и компаніи и станъ Бакунина и Гончарова въ Добруджѣ и Румыніи находятся между собою въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Бакунинъ во время рѣзни 3-го апрѣля былъ въ Яссахъ и, кажется, не одинъ; но несправедливо, что тамъ же находился и находится Алимпій Милорадовичъ, бывшій съ Бакуниным на сеймѣ 1848 года въ Прагѣ депутатъ [1]) отъ русскихъ. Онъ теперь въ Москвѣ и, можетъ быть, мнѣ удастся съ нимъ познакомиться. Президентъ общества «Земля и Воля», издавшій въ

---

[1]) изгнанцемъ.

1862 году извѣстную прокламацію къ «Молодой Россіи» (которая напечатана была не за границею и не въ Петербургѣ, а въ какой-то деревнѣ, невдалекѣ отъ Динабурга), живетъ то въ Женевѣ, то на нашей границѣ съ Румыніею. Изъ словъ единовѣрцевъ, живущихъ въ Чудовскомъ монастырѣ (изъ нихъ Пафнутій въ 1862 году былъ въ Лондонѣ у Герцена и проживалъ у Кельсіева, когда они думали устроить въ Лондонѣ раскольническую церковь и архіерейскую каѳедру), видно, что Кельсіевъ указывалъ имъ на мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ можно узнать всѣ адресы членовъ общества «Земля и Воля». Я нисколько не сомнѣваюсь въ словахъ чудовской братіи, и потому не вышелъ ли Каракозовъ изъ лагеря Бакунина и общества «Земля и Воля»? Вотъ мое заключеніе, выведенное изъ разговоровъ съ разными здѣсь лицами».

Согласія на напечатаніе всѣхъ документовъ, доставленныхъ Мельникову старовѣрами и раскольниками въ 1866 году, не послѣдовало, потому-то такого сборника издано не было.

Въ другомъ позднѣйшемъ письмѣ Мельниковъ писалъ своему министру:

«Занятія мои приближаются къ концу, я надѣюсь недѣли черезъ полторы имѣть честь представиться вашему высокопревосходительству. Все интересное мною записано. Списывать все сполна оказалось невозможно: это дѣло, по крайней мѣрѣ, полугода, и притомъ хотя значительнѣйшая часть бумагъ оказалась весьма интересною, но для министерства едва-ли пригодною. Это полемика богословскаго содержанія, богословскіе трактаты, выписки изъ творе і св. отцовъ съ замѣчаніями и толкованіями, разсуж - нія о церковныхъ правилахъ и т. п. Весьма важн а для Св. синода, эти бумаги всегда могутъ быть у доступны чрезъ профессора московской духовной -

Digitized by Google

доміи Субботина и чрезъ инока Пафнутія, бывшаго епископа коломенскаго, человѣка въ высшей степени замѣчательнаго и могущаго принести огромную пользу св. церкви, если захотятъ имъ воспользоваться, относясь сколь можно осторожнѣе къ нему, чтобы какъ-нибудь не оскорбить его самолюбія [1]).

«Независимо отъ извлеченія свѣдѣній изъ документовъ, я много записалъ какъ изъ разсказовъ братій новаго монастыря (единовѣрческаго), такъ и изъ разсказовъ раскольниковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: 1) разсказъ бывшаго намѣстника митрополіи, епископа Онуфрія, о Бѣлой Криницѣ; 2) разсказъ бывшаго іеромонаха Іосафа о типографіяхъ и цѣляхъ поѣздки въ Россію арестованнаго Палладія Лецинскаго; 3) разсказъ бывшаго епископа Пафнутія о поѣдкѣ его въ Лондонъ (въ 1861—1862 г.) для учрежденія тамъ архіерейской каѳедры, высшаго училища, типографіи, журнала, дома для пристанища раскольниковъ и о сношеніяхъ его съ Герценомъ, Кельсіевымъ, М. Бакунинымъ и др.; 4) о поѣздкѣ Кельсіева въ 1862 году въ Москву и проч.

«Первые два разсказа составлены самими Онуфріемъ и Іоасафомъ; третій записанъ мною со словъ Пафнутія,

«Возвратясь въ Петербургъ, я буду имѣть честь представить вашему высокопревосходительству постепенно цѣлый рядъ записокъ на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній. Теперь въ самомъ краткомъ очеркѣ представляю о попыткахъ внѣшнихъ и внутреннихъ недоброхотовъ Россіи сдѣлать раскольниковъ своимъ (діемъ.

Учрежденіе Бѣлокриницкой митрополіи было дѣ-

Недавно инокъ Пафнутій покинулъ единовѣріе и сдѣлался по-
-v поповцомъ. У.

Digitized by Google

ломъ: 1) поляковъ, оставившихъ наши предѣлы послѣ революціи 1831 года, 2) австрійскихъ государственныхъ людей, католическаго и уніатскаго духовенства (въ отомщеніе за возсоединеніе уніатовъ) и эрцгерцога Людовика, 3) русскихъ государственныхъ людей, графа Бенкендорфа и князя Паскевича, дѣйствовавшихъ, вѣроятно, по непониманію того, что они дѣлали. Графа Бенкендорфа въ это дѣло вовлекъ купецъ Громовъ, князя Паскевича Алексѣй Петровичъ Мельниковъ [1], братъ министра путей сообщенія.

«Возникшая на Иргизѣ въ 1831 году мысль объ учрежденіи іерархіи была одобрена въ 1832 году въ Москвѣ. На осуществленіе ея собрано было $2^1/_2$ милліона рублей ассигнаціями. Хлопотать стали въ Петербургѣ Громовы. Сергѣй Громовъ сказалъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Блудову; онъ напомнилъ ему Петропавловскую крѣпость. Графъ Бенкендорфъ же одобрилъ мысль раскольниковъ. Какъ не русскій человѣкъ и лютеранинъ, онъ сказалъ, что если у нихъ будетъ за границею архіерей, то поставленные ими попы будутъ приняты въ вѣдѣніе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (объ этомъ есть и въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1854 годъ). У меня есть копіи съ писемъ громовскаго приказчика, Алексѣя Великодворскаго, который, подъ псевдонимомъ пономаря Аркадія Смирнова, велъ въ 1834—1844 годахъ переписку съ австрійскими расколь-

---

[1]) Алексѣй Петровичъ Мельниковъ скончался въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, въ отставкѣ. Это былъ человѣкъ со своими убѣжденіями. У него былъ домъ въ С.-Петербургѣ, въ Галерной улицѣ, гдѣ всѣ контракты на квартиры были заключены у нотаріусовъ на полуимперіальную монету. Онъ предупредилъ ими новѣйшій проектъ министра финансовъ. А. П. Мельниковъ мнѣ говорилъ (я жилъ въ его домѣ три года), что онъ не признаетъ «деньгами» кредитные рубли, и что только золотая монета служитъ дѣйствительнымъ мѣриломъ цѣны. У.

Digitized by Google

никами. О томъ же говоритъ и бывшій намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи, Онуфрій. Это, наконецъ, распространено между русскими и заграничными раскольниками отъ Иркутска до Египта и отъ Архангельска до Ливанскихъ горъ и до Багдада.

«Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ купилъ у графа Румянцова Гомельское имѣніе [1]) и послалъ служившаго при немъ Алексѣя Петровича Мельникова для осмотра покупки и совершенія купчей крѣпости. Осматривая имѣніе, Мельниковъ посѣтилъ четыре монастыря раскольничьихъ, въ немъ находившіеся, и познакомился съ игуменомъ Лаврентьева монастыря Аркадіемъ (теперь епископъ славскій въ Добруджѣ). Изъ Лаврентьева монастыря вышли всѣ главные дѣятели Бѣлокриницкой митрополіи, ободренные Мельниковымъ. Аркадій съ другимъ монахомъ, Іоплемъ, въ 1835 году были привезены Мельниковымъ въ Варшаву и заявили князю Паскевичу о своемъ намѣреніи, одобренномъ графомъ Бенкендорфомъ. Какъ Паскевичъ принялъ эти заявленія, неизвѣстно, но его подлинный открытый листъ можетъ свидѣтельствовать до нѣкоторой степени о томъ, какъ его свѣтлостію была принята мысль раскольниковъ. Въ дѣлахъ министерства 1854 года вы увидите этотъ документъ за подписью намѣстника царства Польскаго и его печатью. Обратите вниманіе на выраженія этого открытаго листа, о причинахъ поѣздки раскольничьихъ иноковъ въ Варшаву и о вниманіи намѣстника къ поднятому ими труду. Это было въ 1835 году, а въ Сводѣ Законовъ, изд. 1832 года, уже было напечатано о неименованіи раскольничьихъ иноковъ

---

[1]) За взятіе Варшавы въ 1831 году князь Паскевичъ, сверхъ другъ наградъ, получилъ отъ императора Николая I одинъ милліонъ рублей сигнаціями, на который и купилъ Гомельское имѣніе, подаренное императрицею Екатериною фельдмаршалу графу Румянцову. Сыновья послѣдго не имѣли законнорожденныхъ дѣтей. У.

Digitized by Google

«иноками». Я зналъ одного дворянскаго засѣдателя, котораго въ 1835 году отдали подъ судъ за именованіе въ оффиціальной бумагѣ одного раскольника «инокомъ» Бумаги по этой подсудности я знаю, ибо этотъ дворянскій засѣдатель былъ мнѣ близкій родственникъ, но онъ былъ капитанъ, а не фельдмаршалъ. Замѣчаніе это не кстати, но смѣю думать, что нѣсколько извинительно сыну этого капитана, человѣка простого, но хорошаго.

«Хорошій былъ салонъ графини Стадіонъ въ Вѣнѣ, блестящій былъ салонъ княгини Меттернихъ. Въ этихъ салонахъ около 1843 года съ чрезвычайною предупредительностью, какъ дорогіе гости, приняты были мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ-Милорадовъ и валдайскій ямщикъ Петръ Великодворскій (инокъ Павелъ), родной братъ вышеупомянутаго громовскаго приказчика. Алимпій, не нуждаясь въ вилкѣ и ножѣ, ѣлъ руками; постоянно пьяный человѣкъ, который, живя въ Бѣлой Криницѣ, никогда не возвращался домой безъ синяковъ и рѣдко безъ окровавленнаго лица, имѣющій привычку сморкаться выстрѣлами въ сторону, посредствомъ прижиманія пальцемъ противоположной ноздри — подобный человѣкъ въ салонѣ княгини Меттернихъ! Дѣло объясняется преданностью графини и княгини католической церкви и вліянію на нихъ іезуитовъ.

«Изъ разоказовъ бывшихъ раскольничьихъ архіереевъ (нынѣ иноки Онуфрій и Пафнутій) и изъ раскольнической переписки оказывается, что польско-революціонная партія много содѣйствовала къ учрежденію заграничной раскольничьей іерархіи, что нѣкоторая часть заграничныхъ раскольниковъ доселѣ находится въ связи съ этою партіею и съ русскими революціонерами, которые старались вовлечь въ свое дѣло и раскольниковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, но напрасно.

Digitized by Google

«Раскольники не рѣшались приступить къ дѣлу, пока въ 1836 году графъ Бенкендорфъ не указалъ купцу Громову на учрежденіе за границею епископской каѳедры, какъ на единственный, по его мнѣнію, исходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое они были поставлены воспрещеніемъ имѣть поповъ, бѣглыхъ отъ православной церкви. Это подтверждается, сверхъ переписки раскольниковъ, словами бывшихъ епископовъ Онуфрія и Пафнутія и архидіакона Бѣлокриницкой митрополіи Филарета. То же говорятъ и многіе московскіе раскольники, въ свое время принимавшіе участіе въ учрежденіи іерархіи. По словамъ тѣхъ и другихъ, никто не рѣшился бы на такое дѣло, если бы въ такомъ участіи близкаго къ покойному государю человѣка не видѣли они нѣкотораго ручательства въ томъ, что задуманное ими дѣло не навлечетъ на себя царскаго гнѣва.

«Теперешній епископъ славскій и экзархъ некрасовцевъ, Аркадій, другъ Гончарова, человѣкъ не безъизвѣстный и Наполеону III, разсказываетъ, что около того же времени, т. е. 1835 или 1836 года, мысль эта была одобрена намѣстникомъ царства Польскаго, княземъ Паскевичемъ, съ которымъ Аркадій былъ будто бы близокъ и ѣздилъ къ нему въ Варшаву въ гости. Одобрялъ ли князь Паскевичъ затѣю раскольниковъ, не зналъ ли вовсе о ней, но Аркадій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей въ дѣлѣ учрежденія іерархіи, показывая охранный листъ, данный ему намѣстникомъ и остававшійся въ рукахъ раскольниковъ до 1853 года, много способствовалъ распространенію между раскольниками ѣжденія, что такіе сильные люди, какъ Паскевичъ Бенкендорфъ, сочувствуютъ ихъ замысламъ, не прознымъ и волѣ государевой.

«При такомъ убѣжденіи русскіе раскольники принялись за дѣло, причинившее много вреда православ-

Digitized by Google

ной церкви и надѣлавшее много хлопотъ правительству, которыя однако успѣхомъ не увѣнчались. Упрекать названныхъ государственныхъ людей въ сознательномъ дѣйствіи противъ интересовъ церкви и государства, конечно, нельзя, но неосторожность ихъ очевидна.

«Если въ Россіи успѣху затѣяннаго раскольниками дѣла способствовали высокіе по положенію люди, вслѣдствіе непониманія раскольниковъ или неосторожности, то высокія лица за границею, желая нанести вредъ Россіи, способствовали этому успѣху вполнѣ сознательно. Въ Австріи хорошо знали, что наше правительство въ прошедшее царствованіе было убѣждено, что расколъ составляетъ политическую язву Россіи (убѣжденіе это и мною вполнѣ раздѣлялось, пока я не изучилъ раскола до его корней) [1]). Тамъ, можетъ быть, и не вѣрили тому, что въ расколѣ заключаются разрушительныя начала. Какъ бы то ни было, австрійцы воспользовались этимъ.

«Въ 1839 году у насъ возсоединены уніаты. Уніатскій митрополитъ въ Австріи, Михаилъ Левицкій, не безъ вѣдома папы римскаго, подалъ буковинскимъ липованамъ (раскольникамъ), между которыми уже бродила занесенная изъ Россіи мысль о епископѣ, совѣтъ, чтобы они обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ учрежденіи каѳедры раскольничьяго митрополита. Онъ составилъ имъ программу дѣйствій и обнадежилъ въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. Это была месть за возсоединеніе уніатовъ. Приведенный сейчасъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но слѣдующій

---

[1]) Не принадлежавъ и не принадлежа къ числу людей, составляющихъ правительство, я однако исполнялъ важныя по этому дѣлу порученія, и слова моихъ донесеній переходили иногда въ правительственные акты. Говорю съ тою цѣлію, чтобы вы не приписали моей фразѣ значенія глупаго хвастовства. Примѣч. Мельникова.

Digitized by Google

требуетъ повѣрки, для которой у меня нѣтъ подъ руками матеріаловъ. Говорятъ, что князь Меттернихъ съ 1815 года получалъ отъ Россіи жалованье, въ видѣ дипломатической субсидіи, какія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ были весьма обыкновенны въ кругу европейскаго дипломатическаго корпуса. Говорятъ, что около 1840 года Россія прекратила выдачу субсидіи этому «другу», державшему насъ на уздечкѣ и принесшему намъ не мало бѣдъ. Недочетъ въ ежегодномъ бюджетѣ поставилъ «отца дипломатіи» въ такое положеніе, что онъ тайное намъ недоброжелательство смѣнилъ на болѣе явное и, подъ вліяніемъ той же мысли, что расколъ есть наша политическая язва, задумалъ изъ Буковины сдѣлать арсеналъ для оружія, всегда готоваго проникнуть въ сердце Россіи, какъ только австрійское правительство признаетъ нужнымъ направить его выстрѣлы не изъ штуцеровъ и пушекъ, а изъ раскольничьихъ лѣстовокъ и двуперстнаго благословенія іерарховъ.

«Объ участіи князя Меттерниха въ этомъ дѣлѣ, по слухамъ между нашими раскольниками, я доносилъ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибикову, въ 1854 году. Теперь, изъ разговоровъ съ бывшимъ намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи, вижу, что слухи эти были не въ одной Россіи и имѣли свое основаніе. Но повторяю, что фактическихъ доказательствъ на это и теперь не имѣю, хотя вникнувъ въ ходъ дѣла, остаюсь вполнѣ убѣжденнымъ, что это правда.

«И римскій дворъ, какъ говорятъ, мстя за уніатовъ, принималъ участіе въ дѣлѣ образованія раскольеской іерархіи. Для подтвержденія этого, еще въ 54 году представленнаго мною г. министру, слуха ктическихъ доказательствъ также немного, но изъ сьма Аркадія Славскаго къ митрополиту Кириллу окриницкому изъ Константинополя отъ 3-го октября

Digitized by Google

1858 г. видно, что раскольники и въ это время расчитывали на папу. Рѣчь въ письмѣ идетъ о неосвобожденіи русскимъ правительствомъ изъ Суздаля архіепископа Аркадія [1]) и о стѣсненіяхъ вѣры. Вотъ отрывокъ слово въ слово. «Г. Гончарову письмо вручилъ и жалобу во Францію мы читали. Сходно съ моими мыслями. Я всегда помышлялъ, чтобы нашу обиду донести европейскимъ державамъ и папѣ, но только какъ за свое мнѣніе, такъ и за ваше (разумѣются письменныя мнѣнія) недоумѣваю, что будутъ они въ пользу. Если бы посовѣтоваться съ сѣверными (т. е. русскими раскольниками), какъ они скажутъ! Если бы тѣ просили, то мы оба (Аркадій и Гончаровъ) поѣхали бы въ Парижъ и подали бы жалобу Наполеону и папѣ. Но на это нуженъ совѣтъ всего сѣвера. Гончаровъ составилъ стихъ (статью) отъ себя противъ Николая и читалъ въ Царѣградѣ; у него просили европейцы (поляки, судя по другимъ мѣстамъ переписки), хотѣли въ газетахъ напечатать, но Гончаровъ не далъ имъ афишку, подхватятъ (поляки для печати), только просимъ повторенія, да если бы и отъ сѣвера было приглашено».

Слѣдующее письмо П. И. Мельникова дополняетъ свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ предшествовавшемъ.

«Изученіе любопытныхъ матеріаловъ, находящихся у меня подъ руками, а еще болѣе знакомства, сдѣланныя мною съ обратившимися къ единовѣрію епископами и другими лицами раскольнической духовной іерархіи, доставили мнѣ возможность довольно обстоятельно узнать объ отношеніяхъ къ русскому расколу революю-

---

[1]) Аркадій Славскій былъ арестованъ 24-го апрѣля 1854 г. и отправленъ первоначально въ Кіевъ, потомъ въ Москву и наконецъ, 2[illegible]-го октября, былъ заточенъ въ монастырѣ въ Суздалѣ. Онъ родился въ 1[illegible]09 году и 19 лѣтъ принялъ монашество въ Мануиловскомъ скиту, въ Молдавіи, а затѣмъ поселился въ Славскомъ скиту, въ Добруджѣ. Въ [illegible]ірѣ онъ назывался Андрей Спиридоновичъ. Отецъ его старообрядецъ, [illegible]лъ жителемъ дер. Кунички, въ Бессарабіи. V.

Digitized by Google

ціонной въ Европѣ партіи, враждебныхъ намъ поляковъ и отчасти нашихъ доморощенныхъ соціалистовъ.

«Первоначально мысль образованія собственной іерархіи возникла въ началѣ царствованія покойнаго государя на Иргизѣ. Въ 1832 году въ Москвѣ былъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ были депутаты отъ разныхъ раскольническихъ обществъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Иргизская мысль была одобрена, но рѣшено было сначала попытаться въ Петербургѣ: нельзя ли будетъ исходатайствовать у правительства разрѣшенія имѣть попрежнему дозволенныхъ бѣглыхъ поповъ. Для сего поѣхали три богатые купца: изъ Москвы Ѳедоръ Рахмановъ и Иванъ Окороковъ и города Вольска Суетинъ, впослѣдствіи сосланный въ Кутаисъ. Съ ними былъ хвалынскій купецъ, секретарь въ Иргизѣ, Аѳанасій Кочуевъ, которому принадлежалъ починъ учрежденія архіерейства и который впослѣдствіи умеръ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ

«Въ Петербургѣ принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ купецъ Сергѣй Громовъ, у котораго поселился Кочуевъ. Когда ходатайство раскольниковъ о дозволенныхъ попахъ оставлено было безъ послѣдствій, Громовъ обратился къ графу Бенкендорфу. Вслѣдствіе его указанія объ учрежденіи архіерейской кафедры за границею, раскольники сначала обратились было съ просьбою къ нѣкоторымъ изъ православныхъ епископовъ, приглашая ихъ къ себѣ, но никто разумѣется, не захотѣлъ измѣнить св. церкви. Это подтверждается разсказомъ преосвященнаго Іереміи, въ то время кіевскаго викарія, а теперь живущаго на покоѣ, въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ [1]). Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсказывалъ мнѣ о дѣланномъ ему предложеніи около 1840 года

[1]) Въ настоящее время преосвященный Іеремія живетъ на покоѣ въ Печерскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. У.

Digitized by Google

«Не найдя изъ русскихъ православныхъ епископовъ ни одного, который согласился бы на переходъ въ расколъ, раскольники рѣшились искать архіереевъ за границею. Нашлись люди рѣшительные, дѣятельные, которые предприняли путешествія въ отдаленныя страны Востока. Въ то время существовалъ еще раскольничій монастырь Лаврентьевъ Могилевской губерніи Гомельскаго уѣзда, уничтоженный въ 1845 году. Находясь на земляхъ канцлера графа Н. П. Румянцова, этотъ монастырь пользовался особымъ покровительствомъ означеннаго сановника. Когда Гомельское имѣніе перешло къ фельдмаршалу князю Варшавскому, то и онъ оказывалъ покровительство монастырю. Настоятель его, Аркадій, нынѣшній раскольничій епископъ Славы [1]), звено соединяющее раскольниковъ съ революціонною партіею, какъ увѣряютъ съ согласія князя Паскевича, отправилъ нѣсколько монаховъ своего монастыря за границу для отысканія архіереевъ и для устройства епископской каѳедры въ Буковинѣ. Въ числѣ ихъ былъ Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, нынѣ единовѣрческій инокъ, но онъ не путешествовалъ, а прямо поселился въ Буковинѣ.

«Путешественники съ 1836 по 1846 годъ нѣсколько разъ отдѣльными партіями обходили Малую Азію, придерживаясь берега Чернаго моря до персидской границы, Палестину, Сирію и далѣе до Багдада, гдѣ нашли нѣсколько раскольниковъ изъ некрасовцевъ Мехмета-Али египетскаго; другіе были въ Египтѣ, доходили до Нубіи; третьи обошли европейскую Турцію и были на Черной Горѣ, но нигдѣ не нашли, чего искали. На ихъ путешествія московскіе раскольники и собрали [illegible] милліона рублей ассигн. Затѣя раскольниковъ въ [illegible]

[1]) Его не нужно смѣшивать съ вышеупомянутымъ Аркадіемъ [illegible]скимъ.

Digitized by Google

время, конечно, и кончилась бы, если бы не стали во главѣ дѣла трое замѣчательныхъ по своимъ способностямъ и ничѣмъ непреодолимой энергіи раскольниковъ: Геронтій, Павелъ и Олимпій (Алимпій), и если бы имъ не помогли недоброхоты русскаго государства. Геронтій, помѣщичій крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи (теперь въ Петропавловской крѣпости, если не умеръ), устроилъ Бѣлокриницкій монастырь, дотолѣ совершенно ничтожный, обогатилъ его московскими деньгами, сдѣлался его настоятелемъ и приготовилъ мѣсто для «Липованской митрополіи», пользуясь грамотой императора Іосифа II отъ 9-го октября 1783 года, данной раскольникамъ, выходцамъ въ новопріобрѣтенную тогда Австріею Буковину; ямщикъ города Валдая, потомъ приказчикъ Громова, потомъ инокъ Павелъ и затѣмъ основатель и дѣйствительный правитель митрополіи (умеръ въ 1854 году) и наконецъ мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ, бѣжавшій за границу и назвавшій себя Милорадовымъ [1]),—были главными дѣятелями учрежденія заграничной раскольничьей митрополіи. Но безъ враговъ Россіи они ничего не сдѣлали бы. Уніатскій митрополитъ въ Австріи, Михаилъ Левицкій, далъ имъ совѣтъ обратиться къ австрійскому правительству съ просьбой объ епископѣ, указалъ имъ всѣ пути, составилъ программу и обнадежилъ въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. И онъ не обманулъ раскольниковъ: все исполнилось по его программѣ, составленной имъ въ отомщеніе за возсоединеніе уніатовъ.

---

[1]) Онъ теперь въ Москвѣ, но раскольники мнѣ его не показали, отаясь, что онъ уже уѣхалъ. А съ сыномъ перваго митрополита Амвросія видѣлся, но на самое короткое время. Онъ поѣхалъ на нѣсколько дней Петербургъ и воротится чрезъ недѣлю, и тогда я надѣюсь поговорить нимъ побольше. Зовутъ его Георгій Андреевичъ; онъ австрійскій подданный, не раскольникъ, имѣетъ законный паспортъ.

Примѣч. Мельникова.

Digitized by Google

«При тайномъ содѣйствіи католическаго высшаго духовенства, лицъ высшаго вѣнскаго круга, даже нѣкоторыхъ дамъ, валдайскій ямщикъ и крыловскій мѣщанинъ проникли въ министерскіе кабинеты, представлялись эрцгерцогу Райнеру и самому императору Фердинанду. Переводчикомъ у нихъ былъ сербъ Константинъ Ефимовичъ Огняновичъ, котораго нелѣпый и положительно для успѣховъ православія вредный игуменъ Гуслицкаго монастыря, Парѳеній, сдѣлалъ въ своей книгѣ жидомъ. Напрасно православные духовные, митрополитъ Карловичскій и епископъ Буковинскій, Евгеній Гакманъ, протестовали: австрійское правительство согласилось на существованіе отдѣльной епархіи липованъ (раскольниковъ) и потребовало «устава».

«Уставъ для представленія правительству писалъ Павелъ, но когда онъ представилъ его, то австрійское правительство, не найдя существенной разницы въ вѣрѣ липованъ отъ православной вѣры, кромѣ незначительныхъ обрядовъ, и не понимая, разумѣется, той догматической важности, которую раскольники приписываютъ двуперстію, ходамъ пóсолонь, двойной аллилуіи и т. п., рѣшило дозволить учрежденіе особой епархіи, но съ подчиненіемъ ея Карловичскому митрополиту. Какъ громъ, поразила эта новость раскольниковъ: то, отъ чего они бѣжали изъ Россіи, представлялось имъ и теперь, даже и болѣе того. Подчиненіе Карловичскому митрополиту — тоже единовѣріе. Но былъ ли бы этотъ митрополитъ столь же снисходителенъ къ ихъ обрядамъ, какъ нашъ Св. синодъ — это еще вопросъ.

«Богъ знаетъ, заумствовался ли Павелъ, съ умысломъ ли онъ сдѣлалъ дѣло, ничѣмъ неизвинительное, но, переправляя возвращенный правительствомъ уставъ, онъ внесъ въ него богословіе, въ которомъ коснулся самыхъ главныхъ догматовъ христіанства и изложилъ

Digitized by Google

ихъ еретически. Именно онъ провелъ мысль, что до сотворенія міра существовалъ одинъ Богъ-Отецъ, пребывавшій въ молчаніи, имѣя Сына, слово Божіе, только въ умѣ своемъ. Когда же изрекъ: «Да будутъ вѣцы», это слово осуществилось во второмъ лицѣ св. Троицы, выйдя изъ ума Бога; въ то же время Богъ-Отецъ отрыгнулъ отъ сердца своего Духъ Святый, и сбылось сказанное пророкомъ: «Изъ чрева прежде денницы родихъ Тя». Слѣдовательно, второе и третье лица св. Троицы небезначальны.

«Видя столь существенную разницу въ догматствованіи липованъ отъ догматствованія не только православныхъ, но и вообще всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, какія только есть въ предѣлахъ австрійскихъ владѣній, вѣнское правительство признало липованскую вѣру за особое исповѣданіе и дозволило ему іерархію императорско-королевскимъ декретомъ 18-го сентября 1844 года. Этимъ же декретомъ разрѣшено было имъ искать себѣ епископа въ иностранныхъ государствахъ и водворить его въ Бѣлой Криницѣ. Подлинные декретъ и уставъ были у меня въ рукахъ. Декретъ списанъ, а «уставъ» я не списывалъ, потому что въ непродолжительномъ времени обращенный въ единовѣріе бывшій епископъ Пафнутій напечатаетъ его съ благословенія митрополита Филарета. Это будетъ сильный ударъ расколу: по причинѣ еретическаго богословія, «уставъ» бѣлокриницкій содержался въ тайнѣ между весьма немногими лицами, и даже русскіе раскольничьи епископы вполнѣ его не знаютъ, а только по отрывкамъ. Разумѣется, когда напечатается «уставъ», наши раскольники скажутъ, что это клевета, что это правительственная выдумка, но опроверженіе находится въ рукахъ правительства и церкви. Подлинникъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за подписью братства Бѣлокриницкаго, въ томъ числѣ и Павла, утверж-

Digitized by Google

денный императоромъ Фердинандомъ, теперь въ Чудовомъ монастырѣ у Пафнутія. Стоитъ только вынести его въ одинъ изъ праздниковъ на кремлевское преніе [1]).

«Бѣлокриницкій уставъ» и другіе подлинные акты находились въ послѣднее время у архидіакона Филарета, правителя дѣлъ Бѣлокриницкой митрополіи. Въ 1864 году Филаретъ съ священноинокомъ Іосафомъ были посланы въ Россію, въ качествѣ митрополичьихъ пословъ. Боясь оставить архивъ въ рукахъ невѣжественныхъ монаховъ (умные и начитанные монахи въ Бѣлой Криницѣ или перемерли, или выѣхали въ Россію; осталось 15—20 совершенно ничтожныхъ людей, изъ коихъ самый ничтожнѣйшій митрополитъ Кириллъ), Филаретъ взялъ его съ собой и, обратившись къ единовѣрію, не возвратилъ его раскольникамъ. Такимъ образомъ важнѣйшіе документы раскола сдѣлались достояніемъ церкви. Говорятъ, что заграничные раскольники хлопочутъ, чтобы австрійское правительство вытребовало эти бумаги у нашего путемъ дипломатическимъ. Но въ настоящее время австрійскому правительству не до того, да притомъ у липованъ уже нѣтъ такихъ ходатаевъ, какихъ имѣли прежде: Геронтій въ крѣпости, Павелъ умеръ, Пафнутій и Филаретъ въ единовѣрческомъ монастырѣ, а Алимпій, сиживавшій въ салонѣ графини Стадіонъ, теперь въ Россіи и пьетъ мертвецки. Развѣ поляки помогутъ.

«Павелъ и Алимпій въ 1845 году отправились въ Константинополь и добыли тамъ митрополита Амвросія, бывшаго до 1841 года въ Босніи. Всѣ свѣдѣнія о личности Амвросія и о томъ, какимъ образомъ добыли его

---

[1]) На кремлевскихъ преніяхъ Пафнутій рѣшительно побѣдоносенъ. Пять разъ я былъ тому свидѣтелемъ. Онъ овладѣваетъ совершенно толпою противниковъ въ 150 — 200 человѣкъ и въ полномъ смыслѣ заграждаетъ имъ уста. Что за умъ! Что за начитанность! Что за умѣнье овладѣть слушателями! Примѣч. Мельникова.

Digitized by Google

раскольники, свѣдѣнія, какъ имѣющіяся въ дѣлахъ министерства, такъ и напечатанныя въ разныхъ нашихъ журналахъ и отдѣльныхъ книгахъ, напримѣръ, епископа Будинскаго, Платона Аѳаницкевича, игумена Парѳенія, профессора петербургской духовной академіи Нильскаго, а въ особенности извратившаго свѣдѣнія о расколѣ до крайнихъ предѣловъ нелѣпости г. Ливанова («Отечественныя Записки» 1865 года), — оказываются совершенно ложными. Имѣю честь представить возстановленіе истины, основанное на документахъ и другихъ самыхъ неоспоримыхъ источникахъ, на которые и буду ссылаться въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

«О личности митрополита заимствую изъ сказанія Стаки Скендеровой [1]), изъ бумагъ австрійскихъ, изъ разсказовъ бывшаго намѣстника митрополичьяго, Онуфрія, изъ разсказовъ Василья Васильевича Борисова, бывшаго раскольника, скрывшагося въ 1847 году и тѣмъ избавившагося отъ Шлиссельбургской крѣпости, куда, по повелѣнію покойнаго государя, былъ помѣщенъ товарищъ его, Жигаревъ Этотъ Борисовъ, те-

---

[1]) Стака Скендерова, дочь купца въ городѣ Сараевѣ, дѣвушка высокой нравственности и, можно сказать, первая просвѣтительница своего народа, знавшая лично и близко Амвросія, когда онъ былъ босно-сараевскимъ митрополитомъ, прислуживала въ церкви св. Архангеловъ, единственной православной церкви во всемъ Сараевѣ, и написала о митрополитѣ Амвросіи сказаніе въ своей стихотворной «Лѣтописи Босніи». О Стакѣ Скендеровой и ея высоконравственныхъ качествахъ узнала графиня А. Д. Блудова и доложила о ней государынѣ императрицѣ. Въ 1856 и 1857 годахъ отъ щедротъ императрицы Стака Скендерова получила капиталъ на открытіе перваго въ Босніи женскаго училища, содержимаго доселѣ на счетъ ея величества. Такая дѣвушка, какъ Скендерова, безъ малѣйшаго сомнѣнія, можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Вотъ акъ Скендерова отзывается объ Амвросіи въ своей «Лѣтописи»:

Тай владика свести чоекъ био,
Сиротиню много є угледо,
Тай є родомъ отъ Бугара био,
Сребра нпє ни мало любло,

Digitized by Google

перь уже лѣтъ десять усерднѣйшій единовѣрецъ ѣздилъ въ 1847 году съ Жигаревымъ, въ качествѣ пословъ къ митрополиту Амвросію отъ Москвы и всего старообрядческаго міра въ Россіи, жилъ съ Амвросіемъ два мѣсяца и крестилъ его новорожденнаго внука. Наконецъ, принимаю въ соображеніе разсказъ митрополичьяго сына.

«Амвросій не грекъ, а болгаринъ, уроженецъ города Эноса; фамилія его Пòпповичь. Въ мірѣ назывался Андреемъ Георгіевичемъ. Онъ стариннаго іерейскаго рода: со дней императора Алексѣя Комнина двадцать одно поколѣніе Пòпповичей служило передъ православнымъ алтаремъ. Родившійся въ 1791 году, Георгій Пòпповичь былъ двадцать-вторымъ священникомъ [1]). Въ 1811 году греческимъ эносскимъ митрополитомъ Матвѣемъ онъ рукоположенъ въ іереи и былъ приходскимъ священникомъ въ Эносѣ. Въ 1814 году онъ овдовѣлъ; у него остался малолѣтній сынъ Георгій, находящійся теперь въ Петербургѣ и надняхъ ожидаемый въ Москву. По строго соблюдаемому у грековъ обычаю, молодой вдовецъ не можетъ долгое время оставаться бѣлымъ священникомъ, и потому отецъ

Радъ би био да є народъ чиранъ
Да народу не има зулума...

—

Єра му є био доди яло,
Гледаючи одъ народа яда,
Што су паше народу чиниле...

Въ переводѣ эти строки значатъ: «Тотъ владыка былъ святой человѣкъ; онъ много заботился о бѣдякахъ; онъ былъ болгарскаго рода нимало не былъ сребролюбивъ и заботился лишь о томъ, чтобы нар было спокойно, чтобы народъ не терпѣлъ притѣсненій... Ему опротив глядѣть на страданія, которыя причиняли народу паши».

Примѣч. Мельникова.

[1]) Прошеніе Амвросія о подданствѣ, поданное императору Фе панду лично въ Вѣнѣ 11-го іюня 1846 года.

Примѣч. Мельникова.

Digitized by Google

Андрей Попповичь въ 1816 году постригся и принялъ имя Амвросія. До 1823 года онъ жилъ при домѣ митрополита эносскаго, а въ этомъ году сдѣлался игуменомъ монастыря Пресвятой Троицы на островѣ Халки, при которомъ есть училище для образованія православнаго духовенства, содержимаго на счетъ константинопольской патріархіи и частію на русскія деньги, посылаемыя Св. синодомъ. Въ 1826 году Амвросій сдѣланъ былъ предстоятелемъ церкви въ Мегаремвѣ (Арнаутъ-Кіоѣ), что въ Босфорѣ, со всѣми правами епископа, кромѣ рукоположенія и другихъ епископскихъ священнодѣйствій. Вскорѣ патріархъ Константій сдѣлалъ его протосингеломъ великой патріархіи Цареградской, членомъ Константинопольскаго синода и правителемъ его дѣлъ, а въ 1835 году митрополитомъ Босносараевскимъ [1]).

«Столь высокія должности, занимаемыя Амвросіемъ, не фанаріотомъ, а болгариномъ (едва ли не единственный примѣръ въ нетерпящей болгаровъ фанаріотской патріархіи), кажется, вполнѣ могутъ свидѣтельствовать, что онъ былъ далеко не дюжинный человѣкъ, не дуракъ, не мошенникъ, не христопродавецъ, какимъ, съ голоса Платона Будинскаго, представляютъ его отечественные писатели, съ нелѣпѣйшимъ Парѳеніемъ во главѣ ихъ. Для этихъ господъ, если кто раскольникъ, то уже непремѣнно негодяй, тогда какъ среда раскольническая, несмотря на религіозныя ея заблужденія, имѣетъ въ себѣ немало хорошихъ сторонъ, которыхъ каждый истинно русскій человѣкъ не можетъ не пожелать и себѣ, и всѣмъ своимъ православнымъ собратамъ. Дай Богъ, чтобы, въ виду проявившагося между раскольниками въ послѣднее время стрем-

---

[1]) Прошеніе Амвросія императору Фердинанду 11-го іюня 1846 года. Разсказъ митрополичьяго сына. Примѣч. Мельникова.

Digitized by Google

ленія къ образованію, правительство наше пошло вѣрнымъ путемъ и не было бы шаткимъ въ своихъ распоряженіяхъ. Тогда (мы, конечно, не доживемъ до этого) образованное старообрядчество внесетъ въ нашу жизнь «новые» элементы, или, лучше сказать, «старые», забытые нами отъ наплыва западныхъ понятій и обычаевъ, несродныхъ ни русской землѣ, ни русской душѣ, элементы временъ добраго Михаила Ѳедоровича, кроткаго и мудраго Алексѣя Михайловича (до мельчайшихъ подробностей подобнаго нашему возлюбленному государю), благодушнаго и симпатичнаго Ѳедора Алексѣевича, элементы, подорванные Петромъ по закону исторической необходимости, которые онъ, однако (встань онъ изъ гроба), первый бы, по безпредѣльной любви его къ Россіи, теперь, въ пору благовременную, сталъ бы возстановлять... Разумѣю не тѣхъ quasi-образованныхъ старообрядцевъ, которые зовутся «раскольниками въ палевыхъ перчаткахъ», не того, который, отстоявъ уставную службу съ лѣстовкою и по рогожскому закону «съ поясомъ ниже пупа», совѣщевается съ московскими литераторами о переводѣ Шекспира, въ которомъ не понимаетъ ни уха, ни рыла, или всласть наговаривается о судьбахъ Европы и Россіи съ самопервѣйшимъ умникомъ міра сего, самимъ Александромъ Ивановичемъ. Не тѣхъ раскольниковъ, что образовали изъ себя новый типъ русскихъ людей—«раскольниковъ-нигилистовъ», въ родѣ . . . . . , людей до тошноты отвратительныхъ во время разговора съ ними, разумѣю я подъ «будущими образованными раскольниками», а тѣхъ, первообразами которыхъ теперь: Пафнутій, бывшій епископъ Коломенскій, а теперь простой инокъ; Филаретъ, бывшій архидіаконъ Бѣлокриницкій, жившій въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ и хотя не бывавшій въ салонѣ графини Стадіонъ, но пользовавшійся расположеніемъ нашего вѣнскаго свя-

Digitized by Google

щенника Раевскаго, въ Черновицахъ профессора православной академіи Хибайлы (Гакмана), Палацкаго и другихъ, и, наконецъ, инокъ Ѳеодосій, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, бывшій діаконъ раскольничьяго тобольскаго епископа Савватія, а передъ тѣмъ бѣгунъ, странникъ, скрывавшійся въ верхотурскихъ лѣсахъ... Вамъ новы эти рѣчи? Не правда ли? Новы и для меня впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ пишу эти рѣчи. Ваше высокопревосходительство! Пославъ меня сюда, вы сдѣлали мнѣ благодѣяніе: вы утвердили во мнѣ вѣру въ незыблемость дорогой нашей матери Россіи. Живя въ Петербургѣ, человѣку, прожившему и дѣтство, и молодость въ коренной русской землѣ, втянувшись въ ложную жизнь великолѣпно разукрашеннаго чухонскаго болота, чуть не каждый день приходится отчаиваться за русскую будущность, но въ той средѣ, въ которой я теперь нахожусь, свѣтло и радостно смотрится впередъ и вполнѣ вѣрится, что всѣ эти соціализмы, и коммунизмы, и спиритизмы, и космополитизмы, и самое 4-е апрѣля — наносныя болячки на русскомъ здоровомъ тѣлѣ: немножко сѣрной печенки, и чесотка пройдетъ. А главный оплотъ будущаго Россіи все-таки вижу въ старообрядцахъ, которые не будутъ раскольниками, ибо расколу старообрядства передъ свѣтомъ просвѣщенія не устоять. Старообрядцы — Лотова жена, обратившаяся назадъ и окаменѣвшая. Два столѣтія пронеслись надъ этимъ «сланымъ столпомъ», онъ не двинулся, а мы-то въ это время куда зашли? До 4-го апрѣля дошли!

«Я всегда говорилъ, что надобно воздвигнуть памятникъ польскому возстанію 1863 года. Оно отрезвило насъ; оно сорвало съ русскихъ глазъ повязку, съ которою кто не щеголялъ! Оно соединило насъ; оно вновь скрѣпило тысячелѣтнія узы русскихъ сословій, которыя наносными идеями уже разслабѣвали было;

Digitized by Google

оно заставило постарому биться русское сердце. Сбылась русская пословица: «Свои собаки грызутся, чужая не приставай». И во благо посужило намъ это глубокомудрое, хотя и не весьма граціозное, изреченіе тысячелѣтняго народа.

«Это было «знаменіе во благо». Да будетъ же «знаменіемъ во благо» и событіе 4-го апрѣля. Что это будетъ такъ, духъ Москвы, сердца Россіи, говоритъ. Что онъ такъ говоритъ, «тому послухъ есмь», говоря языкомъ нашихъ прадѣдовъ. Въ субботу, 21-го мая. буду въ Кремлѣ въ толпѣ народной и напередъ предвкушаю то русское чувство, которымъ «Москва заговоритъ», при видѣ государя.

«А возстановленіе русскаго духа, старобытной нашей жизни, все-таки, произойдетъ отъ образованныхъ старообрядцевъ, которые тогда не раскольники будутъ.

«Я такъ далеко отвлекся отъ прямого предмета, что мнѣ слѣдуетъ уже не возвращаться немедленно къ нему, а еще далѣе отвлечься.

Простите мнѣ, ваше высокопревосходительство, эти отвлеченія, но отнюдь не увлеченія. Говорю, что думаю, и «нѣсть лести во языцѣ моемъ». Не имѣя чести быть вашимъ приближеннымъ, не имѣю и возможности выражать мои убѣжденія вамъ лично, словесно. Но вы дозволили, вы даже приказали мнѣ писать къ вамъ письма подъ впечатлѣніями, которыя буду испытывать. Исполняю ваше приказаніе. Сухой, чиновничій рапортъ позвольте написать, по возвращеніи въ Петербургъ».

Вотъ еще одно письмо П. И. Мельникова, относящееся къ 1866 году, къ исполненію даннаго ему въ то время порученія министромъ внутреннихъ дѣл

«Въ послѣдніе годы въ старообрядческихъ обществахъ, вообще въ Россіи, особенно же въ Мос произошло сильное движеніе. Преслѣдованія расс прекращены. Слѣдствіемъ этого было то же с е

Digitized by Google

явленіе, какое было и при Екатеринѣ II, по прекращеніи преслѣдованій раскола: начались споры и ожесточенная полемика между раскольническими сектами, поповщиною и безпоповщиною. Когда были преслѣдованія и тѣхъ, и другихъ, былъ общій непріятель, и частные раздоры умолкли; общаго непріятеля не стало, старинные раздоры поповщины съ безпоповщиною возникли съ прежнею силою.

«Въ прежнее время безпоповцы постоянно брали верхъ надъ поповцами. Когда говорили они имъ, что у нихъ нѣтъ церкви, ибо нѣтъ архіереевъ, а попы хотя и есть, но отъ никоніанъ краденные, поповщинѣ отвѣчать было нечего. Приходилось или отдѣлываться разными изворотами, или молчать. Теперь не то. Теперь у поповщины 12 или 15 архіереевъ и множество своихъ не краденныхъ поповъ. Ихъ церковь организована совершенно, и притомъ съ нынѣшняго года сдѣлалась самостоятельною, разорвавъ связи съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ на томъ основаніи, что онъ подданный не русскаго государя и имѣетъ пребываніе во враждебной намъ Австріи. Митрополитъ Кириллъ, недавно бывшій въ Петербургѣ (пріѣхалъ туда изъ Берлина) и въ Москвѣ, уѣхалъ чуть не выгнанный. Онъ очень упалъ духомъ, ибо чувствуетъ, что Бѣлой Криницѣ приходитъ конецъ: митрополія тамошняя и вообще заграничные старообрядческіе архіереи поддерживались московскими деньгами, а теперь старообрядцы рѣшили не давать ни гроша въ Австрію.

«Замѣчательно, что старообрядцы, имѣя теперь возможность сдѣлать особаго московскаго митрополита, и даже патріарха, не сдѣлали его, ибо на то по законамъ надобно соизволеніе царя. Они учредили, по примѣру нынѣшней православной церкви, свой синодъ названіемъ «духовнаго совѣта», находящагося въ Москвѣ. Нынѣ члены его слѣдующіе: 1) Аѳа-

Digitized by Google

насій, епископъ Саратовскій, въ качествѣ первоприсутствующаго; 2) Антоній, архіепископъ Владимірскій (бывшій и всея Россіи); 3) епископъ Онуфрій, присланный въ концѣ 1861 года изъ-за границы, но присоединившійся къ россійской старообрядческой церкви и разорвавшій связи съ австрійскими; 4) Іовъ, епископъ Кавказскій; 5) Пафнутій, епископъ Казанскій; 6) Варлаамъ, епископъ Балтовскій; 7) епископъ Іустинъ; 8) Константинъ, епископъ Оренбургскій (онъ находится въ своей епархіи, а, вмѣсто него, въ духовномъ совѣтѣ засѣдаетъ уполномоченный имъ іеродіаконъ Викентій); 9) Савватій, епископъ Тобольскій. Прочіе епископы не члены духовнаго совѣта: Софроній Симбирскій, Виталій, Измаилъ, Сергій, Пафнутій. Изъ нихъ двое находятся подъ запрещеніемъ: Софроній за святокупство, Пафнутій за то, что на Кузнецкомъ мосту своей пріятельницѣ бурнусъ покупалъ. Сергій Тульскій, въ нынѣшнемъ году посвященный митрополитомъ Кирилломъ, въ назначенной ему епархіи не принятъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ австрійскій подданный, не можетъ быть вѣренъ русскому царю и не можетъ пасти стадо Христово, изъ вѣрноподданныхъ русскому государю состоящее. Онъ собирается уѣхать за границу, если уже не уѣхалъ. Вотъ современный личный составъ старообрядческой іерархіи, самостоятельной и отъ Бѣлокриницкаго митрополита болѣе не зависимой.

«Безпоповцы Преображенскаго кладбища съ 1860 года обнаружили сильный прозелитизмъ, направленный на общество поповщины. Православныхъ они болѣе не привлекаютъ въ свою вѣру, опасаясь возобновленія преслѣдованій, и если дѣлаются совращенія православныхъ, то весьма рѣдко и весьма тайно; зато много они перекрестили изъ поповщины, особенно тѣхъ, которые сомнѣваются въ правильности новой старообрядческой іерархіи.

Digitized by Google

«Это очень озаботило поповщину. Влѣдствіе того былъ присланъ еще въ концѣ 1861 года изъ Бѣлой Криницы епископъ Онуфрій. Онъ, вмѣстѣ съ русскими старообрядческими архіереями, имѣлъ 24-го февраля 1865 года въ Москвѣ соборъ и составилъ окружное посланіе. Главныя положенія этого собора слѣдующія:

«I. Отвергнуты десять сочиненій, написанныхъ въ прежнее время безпоповцами; объявлены лжесоставленными, со св. писаніемъ несогласными и здравому разуму противными. Эти сочиненія слѣдующія:

«а) «Апокалипсисъ седмитолковый», въ которомъ четвероконечный крестъ злославится, въ имени Іисусъ. господствующею церковью употребляемомъ, имя антихриста толкуется; евхаристія господствующей церкви нарицается зміинымъ блеваніемъ и антихристовымъ агнцемъ и проповѣдуется истребленіе священной хиротоніи во всей вселенной.

«б) Книга «Евстафія Богослова», гдѣ сказано, что антихристъ убилъ три царя великіе: вѣру, надежду и любовь, и семь таинствъ церковныхъ покорилъ подъ себя, и что нынѣшнія таинства отъ звѣря морского, котораго Даніилъ пророкъ видѣлъ (Даніилъ, глава 7).

«в) «Толкованіе Амфилохіево» на вторую пѣснь Моисееву.

«г) «Слово отъ старчества», гдѣ сказано, что будто инокъ Захарія ученику своему сказалъ, что священство не будетъ до скончанія міра стоять, а будетъ истреблено, что уже и случилось.

«д) «Толкованіе десяти перстъ ногъ тѣла, показанго Навуходносору, и 10 роговъ четвертаго звѣря, дѣннаго Даніиломъ», въ которой книгѣ сказано, что десять роговъ суть: Алексѣй, Ѳеодоръ, Петръ I, катерина I, Анна, Елисавета, Екатерина II, Павелъ, ександръ I и Николай I

Digitized by Google

«е) «Слово о бражникѣ». Оно напечатано въ «Памятникахъ древней русской литературы»

«ж) «О винномъ сотвореніи», гдѣ говорится, что хмѣль (растеніе) діаволомъ созданъ.

«з) «О губьбѣ или картофелѣ», будто оный отъ діавола, и ѣсть его будто нельзя.

«и) «О духовномъ Антихристѣ», наполненное ругательствами на православіе.

«і) Тетрадь, означающая день и время кончины міра.

«Всѣ эти книги соборъ отвергъ и отметнулъ, имѣть и читать ихъ запретилъ, подъ страхомъ клятвы церковной.

«II. Господствующая въ Россіи и восточная греческая церковь признана не еретическою. «Вѣруетъ не во иного Бога, но во единаго съ нами».

«III. Велѣно употреблять имя Ісусъ, но хулу глаголать на имя Іисусъ воспрещено, ибо Ісъ и Іисъ одного Спасителя означаютъ, только что слово Іисъ неправильно.

«IV. Запрещено ругаться четвероконечному кресту.

«V. О таинствахъ господствующей церкви повелѣно говорить съ уваженіемъ, ругательство же имъ объявлено богохульнымъ и душепагубнымъ.

«VI. «Иже отъ высочайшія и вседержащія Божія десницы поставленнаго, и славою, и честію вѣнчаннаго, самодержавнѣйшаго, богохранимаго великаго государя Александра Николаевича, и всего августѣйшаго дома его, и о всей палатѣ, и о воехъ его творите моленія о здравіи, и о спасеніи, и о царстѣй побѣдѣ. О немъ же на св. праскомидіи божественныя литоргіи, въ числѣ великихъ седьми, пятая да приносится просфора и приноситися будетъ, якоже о немъ, тако и о будущихъ преемницѣхъ престола и скипетра его, въ родъ и родъ и до вѣки, яко да Господь Богъ соблюдетъ его здрава,

Digitized by Google

мирна, и долгоденствующа, да подастъ ему побѣду на врага, да оградитъ державу его миромъ, и да покоритъ подъ нозѣ его всякаго врага и супостата и да вложитъ въ сердцѣ его благая и полезная о святѣй церкви [1]), яко да и мы тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и честности.

«VII. Кривосказательныхъ ученій (безпоповскихъ) бѣгати и лжесоставленныхъ (ими же) книгъ не принимати.

«VIII. О пришествіи Иліи и Еноха предъ кончиною міра вѣровати, якоже учитъ св. церковь (Это противъ безпоповцевъ, которые говорятъ, что они уже были духовно и убиты уже антихристомъ).

«IX. О антихристѣ вѣровать со св. церковью, что онъ будетъ «чувственно, видимо и самообразно», а не духовно, какъ говорятъ безпоповцы, полагая, что антихристъ есть господствующая церковь.

«X. Испытословити о времени, днѣ и часѣ кончины міра воспрещается.

«Наконецъ сказано слѣдующее: «Ооъявляемъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, яко, помогающу Богови, составленъ будетъ «Уставъ», или краткое изложеніе догматовъ и преданій, древле-православно-каѳолическаго исповѣданія единыя, святыя, соборныя и апостольскія церкви, который и преподанъ будетъ въ руководство и окормленіе [2]) всѣмъ православнымъ, священнымъ же и мірскимъ, во еже правѣ и извѣстнѣ вѣдати о догматахъ вѣры, и о семи таинствахъ церковныхъ, и о инѣхъ нужныхъ и благословныхъ винахъ».

«Этотъ уставъ еще не составленъ. Онъ будетъ разсмотрѣнъ въ духовномъ совѣтѣ и разосланъ по всѣмъ поповщинскимъ обществамъ для строгаго наблюденія

---

[1]) Т. е. старообрядческой.

[2]) Отъ слова корма, не **окормленіе** (отрава) а **ѡкормленіе**.

Digitized by Google

его. Отъ достовѣрныхъ людей я слышалъ, что тогда же старообрядцы пошлютъ депутацію отъ разныхъ городовъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и будутъ просить представить этотъ уставъ государю императору, какъ ихъ **profession de foi**. У государя же будутъ просить: дать имъ на столько гражданскихъ правъ и на столько свободы богослуженія, на сколько государь признаетъ возможнымъ, прочитавъ этотъ уставъ.

«Безпоповцы послѣ собора 24-го февраля 1862 года стали смущать нѣкоторыхъ поповцевъ, говоря, что архіереи ихъ признали правильность господствующей церкви, слѣдовательно отступили отъ завѣтовъ отцовъ и прадѣдовъ и древняго благочестія. Многіе были смущены; иные отпали въ безпоповщину; другіе представляли духовному совѣту и Аѳанасію Саратовскому письменныя и словесныя прошенія, даже съ укоризнами.

«Поэтому 26-го іюня 1863 года было въ Москвѣ засѣданіе духовнаго совѣта. Присутствовали: архіепископъ Антоній, епископы: Аѳанасій, Онуфрій, Іовъ, Пафнутій, Варлаамъ, Іустинъ, Савватій и іеродіаконъ Викентій, вмѣсто Константина Оренбургскаго. Аѳанасій Саратовскій на этотъ разъ уступилъ предсѣдательское мѣсто Антонію, какъ архіепископу, но душею совѣта былъ не Антоній, а Аѳанасій. Написано: соборное опредѣленіе на окружное посланіе. Оно начинается такъ:

«Божіею милостію, мы, освященный россійскій соборъ, слушали относительно окружнаго посланія представленныя письменныя и словесныя прошенія и съ глубокою скорбью въ душѣ видимъ, что нѣкоторые изъ христіанъ находятся въ смущеніи, полагая, что будто бы духовенство святой древле-православной церкви окружнымъ посланіемъ признаетъ имя Іисус за истинное имя Господа нашего Іс҃а Хр҃та, а также трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе, уп-

Digitized by Google

ребленіе, идѣ же не показано, четвероконечнаго креста будто бы почитаетъ за правильное. А потому освященный соборъ вынужденнымъ себя находитъ для успокоенія христіанъ издать нижеслѣдующее».

«Затѣмъ слѣдуетъ разъясненіе тѣхъ мѣстъ окружнаго посланія 24-го февраля 1862 года, которыя подали поводъ къ соблазну. Здѣсь, равно какъ и въ окружномъ посланіи, говорится о соединеніи старообрядчества съ православіемъ. Вотъ условія, на которыхъ оно соединилось бы.

«1666 года на московскомъ соборѣ ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древляя церковныя преданія произнесести. И строгое гоненіе, и преслѣдованіе воздвижесясь мученіемъ. И по сихъ поръ отъ пастырей, поборающихъ по новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее имя Христа Спасителя нашего Іс злохульно перечено, аки бы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего инаго Ісуса—равноухаго [1]). Къ сему же, але дерзости, именованіе чудовищнымъ и ничего не значащимъ [2]) двоеперстное сложеніе тако перечено: аріанствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобожнымъ раздѣленіемъ, арменствомъ, арменскою ересію, арменскимъ кукишемъ, аріевою пропастію, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоносидѣніемъ и чертовымъ преданіемъ [3])... Сихъ ради совѣсть наша не допущаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкви, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ (спорныхъ) книгъ и не уничтожаютъ означенныхъ жесто-

---

1) Розыскъ Димитрія Ростовскаго, часть I, глава 15, листъ 18.

2) Отвѣты Никифора Астраханскаго, стран. 87.

3) Розыскъ Димитрія Ростовскаго, обличенія Ѳеофилакта Лопатинаго и отвѣты Никифора Астраханскаго.

Digitized by Google

кословныхъ порицаній, порицаній отвратительныхъ. благочестивому слуху невмѣстимыхъ и христіанскимъ пастыремъ отнюдь несвойственныхъ. Аще же нѣкогда, благодатію Божіею озарившеся, отложатъ вышеупомянутыя порицанія и соборнѣ оставятъ свои новодогматствованія, а святую старожитность возлюбятъ и порученнымъ себѣ хранити ю повелятъ и начнутъ послѣдовати древле-церковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится церковь въ такой точности догматовъ и преданій, яко же бѣша отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра.... и мы безъ всякаго увѣщанія человѣческаго пойдемъ къ общенію ея... И сего ради нѣсь мы раскольницы и раздорницы, но чада единыя, святыя, соборныя, апостольскія. древлеправославныя каѳолическія церкви.

«Въ соборномъ опредѣленіи 26-го іюня 1863 года сказано: «покудова великороссійская церковь соборно, г. е. публично, не откажется отъ своихъ новодогматствованій и оскорбительныхъ для божества порицаній, до тѣхъ поръ мы ни подъ какимъ видомъ соединиться съ нею не можемъ».

«Собственно, говоря, старообрядцы желаютъ, чтобы отвергнуты были тѣ порицанія, которыя были сдѣланы на имя Іс и на двуперстное сложеніе въ прошломъ столѣтіи. Это, по моему мнѣнію, вещь возможная, ибо дѣйствительно эти порицанія въ высшей степени возмутительны и совершенно противны духу православія. Остановки, затрудненія могутъ быть въ томъ, что Димитрій Ростовскій, написавшій (?) «Розыскъ», признанъ святымъ. Но и это не можетъ помѣшать. Посмотрите въ синодскій и другіе архивы, не найдется ли чего о томъ, какъ оклеветано было имя Димитрія, какъ приписано было этому великому человѣку то, о чемъ онъ и не думалъ. «Розыска» онъ не писалъ — свидѣтельство тому въ самомъ

Digitized by Google

«Розыскѣ». Это—нечистое дѣло архіереевъ елисаветинскаго времени. Сказать правду не грѣхъ: мы не отвѣтчики за дѣло тупоумныхъ фанатиковъ, которые уже сто лѣтъ въ могилахъ лежатъ, и которые своимъ неразумнымъ словомъ совершили отдѣленіе отъ насъ пяти милліоновъ поповщины.

«Старообрядцы сами знаютъ, что Димитрій Ростовскій не писалъ «Розыска», что имя его употреблено для бо́льшаго авторитета, употреблено святотатственно въ то самое время, когда открыты его мощи. Его соименникъ Димитрій Сѣченовъ (за отъемъ монастырскихъ крестьянъ 1000 душъ, получившій митрополита) и его сотрудники нехорошее дѣло сдѣлали. Черезъ сто лѣтъ теперь можно было бы, кажется, поправить дѣло. Вѣдь, митрополитъ Исидоръ не Димитрій Сѣченовъ и оберъ-прокуроръ А. П. Ахматовъ не князь Яковъ Шаховской, а, главное, государь нашъ не Елизавета Петровна.

«Въ воскресенье, 21-го іюля, съ 4 часовъ пополудни до десятаго вечера былъ на словопреніи раскольниковъ разныхъ толковъ, между собою и съ православными, въ Кремлѣ, у Архангельскаго собора. Прежде это бывало на Пасхѣ, теперь же каждый праздникъ. Мнѣ пришлось быть ораторомъ у кремлевскихъ соборовъ, но хотя мнѣ же предлагали не разъ на обсужденіе мои слова, въ печатныхъ сочиненіяхъ сказанныя, и упоминали мое имя, но, что я Мельниковъ, того не узнали: я не сказался именемъ а знакомыхъ не было. Много было замѣчательнаго. Напримѣръ, говорятъ, говорятъ о вѣрѣ, да тотчасъ и ернутъ на поляковъ и на то, что надо стоять за ря и русскую землю безъ различія вѣръ. Въ Ильинъ нь кому-то три оплеухи дали за богохульство и неажительное слово о царѣ. При мнѣ какая-то юная родка, проповѣдывавшая сначала о «идеѣ права»,

Digitized by Google

буквально говорю, сказала о мощахъ Успенскаго собора, что ихъ надо было бы подвергнуть химическому анализу: бородку чуть было не поколотили, но удержались и только обругали и прогнали.

— «Кто это?—спросилъ я одного старика-старообрядца, стоявшаго возлѣ меня.

— «Должно быть, полякъ!—отвѣчалъ старикъ.

— «Да, вѣдь, онъ чисто по-русски говоритъ!—замѣтилъ я.

— «Ну, такъ изъ Петербурга какой-нибудь!—возразилъ старообрядецъ.

«Вообще я тутъ замѣтилъ, что московскій народъ недоброжелательно смотритъ на Петербургъ, говоритъ, «что тамъ есть измѣна царю». Имена Горчакова и Муравьева у всѣхъ на языкѣ: съ восторгомъ говорятъ о нихъ. А о государѣ безъ особеннаго чувства и говорить не могутъ. Сколько разъ слышалъ я слова: «Эхъ, какъ бы батюшка-царь все зналъ да вѣдалъ! Уши-то ему завѣшиваютъ, очи-то ему закрываютъ! Какъ бы онъ все зналъ, давно бы всю измѣну вывелъ».

«А вотъ еще случай не на площади, а въ трактирѣ. Говоритъ одна сѣдая борода: «Слышно, десять королей за поляка заступаются и говорятъ нашему царю: у тебя, ваше царское величество, земля большая, а у насъ земли махонькія—дай намъ на брата по двѣ губерніи, а не дашь—войною пойдемъ. А царь нашъ и говоритъ: не то что губерніи, а уѣзда не дамъ, да и мужики мои не хотятъ, православные, т. е. всѣ христіане».

Посылка П. И. Мельникова въ Москву дала ему возможность собрать тамъ богатый матеріалъ по дѣламъ раскола. Это видно какъ изъ приведенныхъ его писемъ, посланныхъ имъ въ 1866 году министру внутреннихъ дѣлъ, такъ и изъ слѣдующаго письма отъ 21-го сентября 1866 года полученнаго П. И. Мельни-

Digitized by Google

новымъ отъ тогдашняго директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Тысячу разъ жалѣю, что не пришлось видѣться съ вами, по возвращеніи моемъ изъ-за границы. Можете представить, какъ живо интересовали меня дѣла по вашей послѣдней командировкѣ въ Москву. Изъ вашихъ майскихъ писемъ къ г. министру и ко мнѣ въ виду имѣются вещи великолѣпныя, которыя, при мастерской оправѣ отъ рукъ такого опытнаго ювелира, представляются просто сокровищами. Я видѣлъ въ канцеляріи письмо ваше къ г. министру отъ 4-го іюня; видѣлъ двѣ копіи съ показаній Іосафа и Аркадія о предполагавшейся къ устройству русской типографіи у заграничныхъ раскольниковъ (отъ 5-го и 6-го іюня). Теперь, вѣроятно, у васъ готово уже что-нибудь солидное; вѣдь, столько важныхъ вопросовъ по извѣстной программѣ взялись вы обсудить. А матеріалы-то, матеріалы! Гдѣ они? Что съ ними? Я говорилъ объ этомъ съ г. министромъ: между прочимъ, онъ находитъ, что теперь матеріалы эти слѣдовало бы представить ему. Вслѣдствіе этого объясненія я шлю вамъ спѣшно писаніе сіе, нетерпѣливо ожидая приношеній великихъ и богатыхъ и вашего отзыва для доклада г. министру».

Труды Мельникова въ Москвѣ и доставленныя имъ свѣдѣнія оцѣнены были министромъ внутреннихъ дѣлъ. Мельниковъ, бывшій не въ состояніи вначалѣ оставаться въ Москвѣ, по неимѣнію средствъ, получилъ все, что ему было необходимо, для продолженія своихъ изслѣдованій.

Пребываніе же въ Москвѣ въ 1866 году столкнуло его вновь съ старымъ знакомымъ сороковыхъ годовъ, который угощалъ его вкуснымъ рыбнымъ столомъ въ Керженскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, бывшемъ скиту (см. романъ «На Горахъ» [1]). 15-го мая Мель-

[1]) Томъ IV, стр. 236, 237.

Digitized by Google

никовъ присутствовалъ въ Москвѣ на открытіи единовѣрческаго монастыря, гдѣ «иноками (по его словамъ) состоятъ бывшіе раскольничьи архіереи, а теперь простые иноки, а надъ ними настоятелемъ старый знакомый, отецъ Тарасій, архимандритъ изъ Семеновскаго уѣзда [1]). Народу было до 3,000 человѣкъ. Служилъ архіерей Леонидъ по-старообрядчески. Послѣ того былъ обѣдъ, а послѣ обѣда я повелъ своихъ знакомыхъ, Погодина, Субботина, Хлудова и другихъ къ Тарасію. Старикъ до-нельзя обрадовался, увидѣвъ меня».

XVI.

Переселеніе въ Москву.—Третій приступъ къ беллетристическимъ произведеніямъ.—Отзывъ Мельникова о своемъ талантѣ и о своей памяти.—Поѣздка 1869 года.—Коммиссія о расколѣ 1875 года.

Командировка П. И. Мельникова въ Москзу дала ему возможность окончательно условиться съ редакціею «Московскихъ Вѣдомостей» о его постоянномъ, дѣятельномъ въ ней сотрудничествѣ. Онъ рѣшился переселиться со всею семьею на жительство въ Москву. Вслѣдствіе этого 19-го августа 1866 года онъ былъ уволенъ отъ должности чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, причисленъ къ этому министерству и откомандированъ въ распоряженіе московскаго генералъ-губернатора, но безъ назначенія ему содержанія. Мельникову приходилось съ переселеніемъ въ Москву существовать однимъ литературнымъ тру-

---

[2]) Архимандритъ Тарасій не принялъ предложенія быть настоятелемъ единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, несмотря на убѣдительныя просьбы, и возвратился въ Керженскій монастырь, гдѣ и скончался.

Digitized by Google

домъ, но онъ положился на обѣщанія М Н. Каткова и П. М. Леонтьева.

Устроившись въ Москвѣ, Мельниковъ съ 1867 года принялъ на себя редакторство внутренняго отдѣла въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но оно было также недолговременно, какъ и подобнаго же рода обязанности въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860—1862 года и въ «Сѣверной Почтѣ» 1864—1865 года. По своему характеру онъ не былъ способенъ къ усидчивому, ежедневному, неблагодарному газетному труду. При его крайней впечатлительности и отзывчивости ко всѣмъ явленіямъ въ политической и бытовой жизни народа, къ ученой и учебной дѣятельности, къ реформамъ, къ разнообразнымъ потрясеніямъ въ послѣдніе годы въ нашемъ государствѣ, въ соединеніи съ обширными его познаніями исторіи и быта русскаго народа, съ подробнымъ знакомствомъ потребностей и слабыхъ сторонъ нашей администраціи какъ столичной, такъ и губернской, — Мельниковъ теоретически былъ неоцѣненнымъ редакторомъ для внутренняго отдѣла большой ежедневной газеты. Но по врожденнымъ ему свойствамъ онъ могъ работать только какими-то урывами, какъ бы нервными порывами. Въ эти моменты онъ работалъ до того усердно, быстро, что едва ли имѣлъ себѣ въ томъ многихъ соперниковъ. Но затѣмъ онъ долго не брался за перо, причемъ многое начатое не доводилось до конца, обѣщанное не исполнялось, и по необходимости въ его отдѣлѣ оказывались пропуски, недомолвки, молчаніе, когда слѣдовало давать свое мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ.

Поэтому Мельниковъ недолго пробылъ редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и въ непродолжительное тамъ свое сотрудничество нашелъ себѣ достойную оцѣнку въ ихъ руководителяхъ, особенно въ покойномъ П. М. Леонтьевѣ. Оставивъ

Digitized by Google

свои постоянныя, ежедневныя занятія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», лишившись поэтому опредѣленнаго жалованья, что для него было крайне тяжело, при многочисленной семьѣ, онъ долженъ былъ существовать построчнымъ и полистнымъ вознагражденіемъ за свои труды. Тогда онъ получилъ приглашеніе, на выгодныхъ для него условіяхъ, писать для «Русскаго Вѣстника». «Историческіе очерки поповщины», «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская», «Очерки Мордвы», «Счисленіе раскольниковъ», «Тайныя секты», «За Волгою», «Бѣлые Голуби», «Въ Лѣсахъ», «Авдотья Петровна Нарышкина», «Воспоминаніе о В. И. Далѣ», наконецъ, «На Горахъ» — появились на страницахъ «Русскаго Вѣстника» въ 1868—1881 годахъ. За немногими статьями, помѣщенными въ этотъ періодъ времени въ «Русской Старинѣ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей», вся литературная дѣятельность Мельникова въ послѣднія четырнадцать лѣтъ его авторства была посвящена «Русскому Вѣстнику». Это былъ третій приступъ Мельникова къ исключительно беллетристической дѣятельности, приступъ наиболѣе плодовитый, давшій наибольшій вкладъ съ его стороны въ нашу литературу и съ тѣмъ вмѣстѣ упрочившій за нимъ въ ней почетное мѣсто. Матеріальная до извѣстной степени обезпеченность своей семьи, вслѣдствіе хорошаго вознагражденія за свои произведенія, поощряла Мельникова къ труду, давала ему возможность обдумывать и обрабатывать свои произведенія. Сверхъ того, и жизнь въ Москвѣ не представляла ему тѣхъ развлеченій и увлеченій, которымъ въ Петербургѣ, при его впечатлительной природѣ, онъ невольно поддавался. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы Мельниковъ не переселился въ Москву, то русская публика не прочитала бы его романовъ «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ».

Digitized by Google

Подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ слѣдующее извлеченіе изъ его письма отъ 26-го октября 1872 года изъ Петербурга, по поводу тогдашняго предположенія о переѣздѣ вновь на жительство въ эту столицу... «Что касается до корректуры [1]), то никто нигдѣ такихъ удобствъ получить не можетъ, какъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», да и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» я одинъ пользуюсь подобною привилегіею. А моя корректура стоитъ издателямъ, по крайней мѣрѣ, въ четыре или пять разъ дороже обыкновенныхъ на то типографскихъ расходовъ. Говорятъ же, что одинъ мой печатный листъ стоитъ въ типографіи столько же, сколько восемь листовъ другихъ авторовъ. Это также надобно принять въ соображеніе. Отъ этого мои произведенія выходятъ свѣжѣе и обработаннѣе и обращаютъ на себя вниманіе публики. Ты думаешь, все зависитъ отъ таланта да отъ вдохновенія. Выкинь, пожалуйста, это изъ головы. Будучи женою писателя, ты могла увидѣть, что никакого поэтическаго вдохновенія нѣтъ и не бываетъ. Талантъ заключается только въ томъ, что человѣкъ умѣетъ взяться за работу и имѣетъ тактъ. Главное же — трудъ, трудъ и трудъ. Не только обыкновенные смертные, къ числу коихъ принадлежу и я, все берутъ главнѣйшимъ образомъ трудомъ, но даже и геній есть не что иное, какъ трудъ. Больше буду я трудиться, болѣе и получу. Но для беллетристическаго труда,

---

[1]) Корректуры Мельникова своихъ статей, разсказовъ, романовъ, которыми онъ дорожилъ, были таковы, что иногда въ корректурѣ прежде написанное появлялось совершенно въ другомъ видѣ. Въ корректурѣ онъ окончательно обрабатывалъ свое произведеніе, посылая его въ рукописи — типографію, не прочитавши. При сотрудничествѣ Мельникова въ «Вѣрной Пчелѣ», я могъ цѣнить ту массу труда, который онъ задавалъ типографіи своими корректурами. Онъ дорожилъ правомъ держать подобного рода корректуру. Впослѣдствіи, получая изъ редакціи «Русскаго Вѣстника» по 300 р. за печатный листъ своихъ романовъ, онъ уступилъ 100 р. съ листа въ пользу типографіи за подобное право переиначивать въ корректурѣ первоначальное свое произведеніе. У.

Digitized by Google

если не нужно небываліго вдохновенія, то необходимо спокойствіе духа, сосредоточенность, замкнутость. При сильныхъ развлеченіяхъ, дѣло на ладъ не пойдетъ. Оттого и у насъ и за границею всѣ эти вещи пишутся почти всегда не въ городахъ, а въ деревняхъ, въ уединеніи. Живя въ Петербургѣ, я не работалъ столько, сколько теперь пишу. Въ Москвѣ работа удобнѣе, а въ деревнѣ, какъ ты сама нынѣшнимъ лѣтомъ могла замѣтить, еще удобнѣе. Я мало занимался въ Пестряковѣ «Лѣсами», а написалъ болѣе восьми листовъ, что бывало писывалъ въ полгода, а, живя въ Петербургѣ, и въ годъ того не могъ написать. И это надобно принять въ соображеніе. При кипучей жизни въ Петербургѣ, при волнующихъ ежедневно интересахъ, при моей впечатлительной натурѣ, на все откликающейся, много времени уйдетъ на все это. Если газеты сообщаемыми ими извѣстіями отнимаютъ у меня немало времени, то сколько же уйдетъ времени, когда будешь au courant всего. Вспомни, какъ мало писалъ я, живя въ Петербургѣ: не служба же, вѣдь, мнѣ не давала времени Ты сама знаешь, что она меня не очень тяготила, и что бывало по службѣ иной разъ нѣсколько мѣсяцевъ палецъ о палецъ не ударишь. Поэтому я признаю, для добыванія денегъ литературною работою, самымъ удобнымъ мѣстомъ зимою Москву, а лѣтомъ деревню».

Далѣе, въ томъ же письмѣ П. И. Мельниковъ сообщалъ:

...«Но когда я съ директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Мансуровымъ, весьма ко мнѣ расположеннымъ, заговорилъ, что вотъ скоро исполнится тридцать пять лѣтъ моей службы, и мнѣ хотѣлось бы для пенсіи вновь на нѣкоторое время служить дѣятельно, то узналъ, что мѣста для меня нѣтъ, потому что членами совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, при упраздненіи теперь старыхъ департаментовъ» сената, дѣлаютъ

Digitized by Google

только заслуженныхъ губернаторовъ, какъ прежде назначали ихъ сенаторами. Въ губернаторы попасть мнѣ можно, но я ни за что на свѣтѣ не пойду въ губернаторы. Не имѣя состоянія, я буду получать только 5,000 рублей, которые и теперь могу получить безъ отвѣтственностей и непріятностей, которыя неизбѣжны на губернаторскомъ мѣстѣ, и не буду обязанъ жить по-губернаторски, т. е. давать обѣды, балы, сверхъ необходимости держать лошадей. До звѣздъ и лентъ, ты знаешь, я не охотникъ. Губернатору надобно проживать по меньшей мѣрѣ 10,000 или 12,000 рублей. Гдѣ я ихъ возьму? Не взятки же брать, какъ иные дѣлаютъ, при жалованьѣ въ 5,000 рублей. Именно столько же можно получить отъ литературы. Но губернатору неудобно возиться съ Потапами Максимовичами и Манеѳами. Пожалуй, какъ разъ и выгонятъ: своимъ, дескать, дѣломъ не занимается. Да притомъ и некогда. А гдѣ и когда найдешь необходимую для литературнаго труда сосредоточенность, гдѣ возьмешь необходимое спокойствіе духа?»

Но если Мельниковъ въ письмѣ къ супругѣ своей могъ отрицать присущность ему поэтическаго вдохновенія, то отъ другого своего природнаго таланта, удивительной памяти, онъ не отказывался. Память его дѣйствительно была замѣчательная. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о ней на празднованіи своего тридцати-пятилѣтняго юбилея 10-го ноября 1874 года, въ отвѣтъ на тостъ Н. И. Субботина за Мельникова, какъ писателя и человѣка:

«Сегодня я получилъ столько заявленій сочувствія къ посильнымъ трудамъ моимъ, столько почета, что, право, можетъ голова закружиться; чего добраго, пожалуй, я могу возмечтать, что я дѣйствительно знаменитый русскій писатель. Нѣтъ, господа, я только любитель русской словесности. Сегодня обо мнѣ наго-

Digitized by Google

ворили столь много лишняго, приписали мнѣ столько хорошихъ свойствъ, что, видитъ Богъ, я того не заслуживаю. А о главномъ-то свойствѣ моемъ, выраженіемъ котораго было все, что ни сдѣлалъ я въ эти тридцать пять лѣтъ, никто даже не заикнется. Другіе прошли о томъ молчаніемъ; видно, ужъ мнѣ самому приходится сказать о немъ. Это не будетъ хвастовствомъ, потому что нельзя хвалиться тѣмъ, что досталось безъ труда, что зависѣло отъ природы человѣка. Богъ далъ мнѣ память, хорошую память; до сихъ поръ она еще не слабѣетъ. Что ни видишь, что ни слышишь, что ни прочтешь, — все помнишь. Какъ помнишь — самъ не знаю. И радъ бы радешенекъ иное забыть, такъ нѣтъ, что хочешь тутъ дѣлай, да и только. А на роду было писано довольно таки поѣздить по матушкѣ по святой Руси. И гдѣ-то ни доводилось бывать?.. И въ лѣсахъ, и на горахъ, и въ болотахъ, и въ тундрахъ, и въ рудникахъ, и на крестьянскихъ палатяхъ, и въ тѣсныхъ кельяхъ, и въ скитахъ, и въ дворцахъ, всего и не перечтешь. И гдѣ ни былъ, что ни видѣлъ, что ни слышалъ, все твердо помню. Вздумалось мнѣ писать; ну, думаю, давай писать и сталъ писать «по памяти, какъ по грамотѣ», какъ гласитъ старинное присловье. Вотъ и все. Нашъ почтенный предсѣдатель упомянулъ въ засѣданіи о тщательной обработкѣ моихъ сочиненій. Какая же тутъ тщательная обработка? Просто шесть корректуръ, больше ничего. Держу по шести корректуръ. За то ужъ какъ же и бранятъ меня въ типографіи: вотъ редакція можетъ это засвидѣтельствовать. Говорили о художественности моихъ литературныхъ произведеній, объ ихъ обдуманности. Да, ей Богу же, когда беру листъ бумаги и пишу на немъ первую строку, никогда и не знаю, о чемъ буду писать на послѣдней строкѣ той страницы. Не заслугамъ, а единственно вашей благо-

Digitized by Google

склонности, вашей любви, обязанъ я всѣмъ, что сегодня видѣлъ и слышалъ»...

Въ періодъ жизни въ Москвѣ, наименѣе производительными годами для русской литературы со стороны Мельникова были 1869 и 1870 годы. Въ это время онъ настойчиво, усердно принялся за дѣло соединенія Нижняго-Новгорода желѣзными дорогами съ Казанью и Сызранью. На эту дѣятельность онъ былъ вызванъ довѣріемъ нижегородскаго земства, избравшаго его 18 декабря 1868 года въ число депутатовъ, которымъ поручено было ходатайствовать передъ правительствомъ о дарованіи концессіи на рельсовый путь отъ Нижняго до Сызрани съ вѣтвію къ Казани и войти въ предварительныя сношенія о томъ съ земствами Симбирской и Казанской губерній. Съ тѣмъ вмѣстѣ П. И. Мельникова просили составить записки объ этихъ желѣзныхъ дорогахъ для представленія ихъ правительству. Трудъ этотъ, подъ заглавіемъ «Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская желѣзныя-дороги; записка уполномоченныхъ земствомъ Нижегородской губерніи и городскимъ обществомъ Нижняго-Новгорода», напечатанъ былъ въ февралѣ 1869 г. въ Петербургѣ. Цѣль записки была повліять на отклоненіе сооруженія желѣзной дороги отъ Моршанска къ Сызрани и убѣдить правительство въ необходимости соединить послѣдній городъ съ Нижнимъ-Новгородомъ. Хотя нижегородская депутація и не достигла своей цѣли, но означенная записка, составленная Мельниковымъ, и донынѣ во многихъ отношеніяхъ не утратила своего интереса, по множеству заключающихся въ ней любопытныхъ данныхъ и изслѣдованій, провѣренныхъ о разнымъ источникамъ и свѣдѣніямъ.

Въ 1869 году не было еще окончательно рѣшено направленіе желѣзной дороги, которая должна соединить въ будущемъ Сибирь съ построенными уже рель-

Digitized by Google

совыми путями. Высочайше утвержденная коммиссія, для рѣшенія вопроса о сѣверномъ или южномъ направленіи сибирской желѣзной дороги, отправлена была на Уралъ въ 1870 году и только въ 1875 году впервые состоялось высочайшее повелѣніе, послѣ приступа къ сооруженію Уральской горнозаводской желѣзной дороги, въ пользу постройки южнаго направленія сибирской дороги, отъ Нижняго Новгорода чрезъ Казань на Екатеринбургъ. Занявшись желѣзно-дорожнымъ вопросомъ, близкимъ для его родного Нижняго-Новгорода, П. И. Мельниковъ сошелся въ 1869 году въ Петербургѣ съ нѣкоторыми предпринимателями-капиталистами, которые взяли на себя расходы по изысканіямъ Мельникова къ сѣверу отъ Волги, наикратчайшаго направленія для южной сибирской дороги отъ Нижняго-Новгорода. Министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, «признавъ полезнымъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи народной производительности въ сѣверныхъ губерніяхъ, направленіи сбыта главныхъ произведеній, а равно и о томъ вліяніи, которое могутъ имѣть на развитіе этой производительности нѣкоторыя изъ предположенныхъ линій желѣзныхъ дорогъ», 13-го іюня 1869 года поручилъ Мельникову «произвести изысканія, согласно ближайшимъ указаніямъ директора центральнаго статистическаго комитета, въ губерніяхъ Вятской, Нижегородской, Пермской, Казанской и Уфимской». Такое офиціальное порученіе облегчило Мельникову собираніе необходимыхъ для него свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что онъ для этой цѣли просилъ себѣ отпускъ, а вмѣсто того получилъ командировку, но безъ какихъ-либо денежныхъ пособій отъ казны.

Изъ Нижняго Новгорода Мельниковъ выѣхалъ 11-го іюля, въ сопровожденіи Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, профессора Петербургскаго университета, его бывшаго ученика. Въ городѣ Семеновѣ они

Digitized by Google

пробыли недѣлю, но болѣе всего разъѣзжали по его уѣзду, посѣтили игумена Тарасія въ единовѣрческомъ монастырѣ на Керженцѣ, а также Осиновскій женскій монастырь. Оба они были, какъ извѣстно, присоединены къ единовѣрію изъ раскола стараніями Мельникова еще въ 1849 г Разъѣзды по Семеновскому уѣзду дали Мельникову возможность повѣрить и сравнить перемѣны въ быту и понятіяхъ заволжскихъ раскольниковъ, которыхъ онъ не видалъ въ послѣднія шестнадцать лѣтъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, говоря объ этой интересной для него поѣздкѣ въ своихъ воспоминаніяхъ о П. И. Мельниковѣ [1]), замѣчаетъ, что «онъ былъ свидѣтелемъ того уваженія, съ которымъ раскольники относились къ Мельникову, отчасти, впрочемъ, вслѣдствіе его записки 1856 года». Онъ сообщаетъ также, что въ Уренѣ (на границѣ Костромской и Вятской губерній) «мировой посредникъ и лѣсничій сказали имъ, что тамъ есть раскольники неизвѣстно никому какой секты. «Гдѣ они?» спросилъ Мельниковъ. Онъ отправился къ нимъ и все узналъ о нихъ».

Изъ Семенова [2]) наши путешественники поѣхали въ

---

[1]) См. «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», мартъ 1883 года. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ—уроженецъ Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Тамъ находится Кудряши, его родовое помѣстье, нынѣ перешедшее, кажется, по раздѣлу, въ другія руки. Имѣніе это отличалось великолѣпнымъ садомъ и паркомъ. Отецъ его, Николай Павловичъ, былъ любитель и знатокъ садоводства, развелъ этотъ садъ, устроилъ паркъ. Въ домѣ у него была богатая библіотека. При Николаѣ Павловичѣ Кудряши славились во всей губерніи. У.

[2]) Въ Семеновѣ Мельниковъ посѣтилъ игуменью Маргариту изъ раскольническаго Оленевскаго скита, которая поселилась въ этомъ городѣ послѣ уничтоженія скитовъ въ 1853 году. Онъ видѣлъ у нея образъ св. Филиппа митрополита и старинные святцы, писанные, по преданію, Софисою Колычевою, родственницею митрополита, инокинею, поселившуюся въ Оленѣ, въ началѣ раскола, со своими родственниками, также раскольниками. Маргарита дорожила иконою и святцами, какъ святынею. Маргарита умерла лѣтъ чрезъ пять послѣ посѣщенія ея Мельниковымъ в 1869 году. Мать Маргарита послужила ему типомъ для матушки Неѳы въ его романахъ. У.

Digitized by Google

большое село, Воскресенское, на рѣкѣ Ветлугѣ, откуда переѣхали въ Костромскую губернію, гдѣ были въ деревнѣ у двоюроднаго брата К. Н. Бестужева, Поливанова, а затѣмъ прибыли въ городъ Варнавинъ. Въ этомъ городѣ случилось курьезное происшествіе, о которомъ П. И. Мельниковъ слѣдующимъ образомъ разсказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Пріѣхали мы туда вечеромъ часу въ одиннадцатомъ и ищемъ Поливанова, другого двоюроднаго брата Бестужева, служащаго тамъ мировымъ посредникомъ. Подъѣхали къ нумерамъ какого-то купца, гдѣ узнали, что Поливановъ остановился въ другихъ нумерахъ, у Бекорюкова. Мы туда, спрашиваемъ: «Здѣсь ли Поливановъ?» Отвѣчаютъ: «Здѣсь, но ушелъ гулять».

— «Есть ли свободные нумера?

— «Есть.

— «Хорошо, мы займемъ одинъ.

«Нумера Бекорюкова помѣщаются въ двухъ флигеляхъ, построенныхъ по сторонамъ дома, куда мы послали сначала состоявшаго при насъ солдата Горбунова. Онъ разговариваетъ съ хозяйкою нумеровъ, а мы сидимъ въ тарантасѣ на улицѣ противъ оконъ внутри освѣщеннаго дома. Вечеръ тихій, теплый; окна въ домѣ открыты. Намъ все въ немъ видно и все слышно. Видимъ, что хозяйка играетъ въ карты съ двумя ксендзами (сосланными въ Варнавинъ), и когда Горбуновъ на вопросъ ея отвѣчалъ, что пріѣхалъ «генералъ изъ Петербурга, Мельниковъ», то она встала изъ-за картъ, захлопоталась, и мы слышимъ, что она по-французски отдаетъ кому-то приказаніе показать намъ свободные нумера. Между тѣмъ время идетъ, и я начинаю волноваться. Является какая-то женщина, лѣтъ тридца которая объявляетъ, что нумера есть, но ключъ с нихъ потерянъ. Я довольно жестко говорю ей съ у ромъ: «Хороши у васъ нумера, хорошъ порядо

Digitized by Google

когда ключи пропадаютъ. Да дайте же кого-нибудь изъ прислуги».

— «Прислуга у насъ вся больна,—отвѣчаетъ, какъ бы извиняясь, женщина:—вотъ кухарка занемогла, лакей занемогъ.

— «Да что мнѣ за дѣло до вашихъ лакеевъ, говорю я, покажите скорѣе нумеръ.

«Ключъ нашелся; мы входимъ въ комнату Та женщина съ нами.

— «Ну, говорю я, поставьте намъ самоваръ, да нѣтъ ли у васъ чего поѣсть. Мы были голодны.

— «Самоваръ сейчасъ будетъ!—отвѣчала женщина: —я уже сама поставлю, но, кажется, ничего отъ обѣда не осталось, кромѣ заливного поросенка и жаренной утки.

— «Пожалуйте сюда, говорю я, и поросенка, и утку.

— «Да, право, я не знаю: осталось ли?

«Я опять со своими укорами: хороши у васъ нумера, нечего сказать, отличный порядокъ и такъ далѣе

— «Какая у васъ есть провизія? продолжаю я спрашивать.

— «Есть говядина.

— «Дичь есть? рябчики?

— «Нѣтъ, рябчиковъ нѣтъ, а курица есть.

— «Ну, давайте курицу.

— «Да, вѣдь, плита не разведена.

«Я начинаю горячиться, когда она начинаетъ меня увѣрять, что некому затопить плиты, потому что прислуга больна. Наконецъ, я требую курицу, говоря, что самъ ее приготовлю въ паровой кострюлѣ. Приносятъ рицу.

— «Изжарьте ее! говорю я женщинѣ.

— «Я не умѣю!—отвѣчаетъ она.

«Я опять волнуюсь, браню городъ Варнавинъ, браню мера... Въ это время приходитъ Поливановъ, и дѣло

Digitized by Google

разъясняется. Думая, что мы въ трактирѣ, мы попали въ домъ варнавинскаго помѣщика, душъ въ триста, мирового посредника и почетнаго мирового судьи. Игравшая въ карты съ ксендзами была его жена, а приносившая курицу—его племянница. Самого помѣщика не было дома, но онъ вскорѣ пріѣхалъ

«Можно представить мое глупое положеніе, когда я узналъ, что я распоряжался и шумѣлъ въ самую полночь не въ трактирѣ, а въ домѣ почтеннаго семейства, и образованную, милую даму принялъ за трактирную служанку. Оказалось, что Бекорюковы предобрѣйшіе и патріархально гостепріимные люди, у которыхъ въ двухъ флигеляхъ останавливаются пріѣзающіе въ городъ ихъ знакомые, и что въ городѣ эти флигеля извѣстны подъ именемъ «нумеровъ». Пошли извиненія, объясненія, а затѣмъ явились и чай, и поросенокъ, и утка, и даже та курица, которую принесла мнѣ хозяйская племянница»,

Проѣхавъ черезъ Вятку и Пермь до Екатеринбурга, Мельниковъ возвратился съ богатымъ запасомъ матеріаловъ для опредѣленія экономическаго значенія желѣзной дороги въ Заволжьѣ. Онъ доказывалъ, что желѣзная дорога, начатая на берегу Нижегородской ярмарки и направленная чрезъ Семеновъ, Царевосанчурскъ, Сарапулъ къ Екатеринбургу, съ вѣтвью на Казань, будетъ на 130 верстъ короче линіи изъ Нижняго-Новгорода чрезъ Казань и обойдется значительно дешевле послѣдней постройкою не только потому, что короче, но и потому, что мѣстность по луговому берегу Волги не представляетъ тѣхъ естественныхъ препятствій, которыя на нагорномъ берегу должны увеличить стоимость сооруженія. Въ 1869 году Мельниковъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Современной Лѣтописи» нѣсколько статей, объяснявшихъ экономическое значеніе отысканнаго имъ нижегородско-сара-

Digitized by Google

пульскаго направленія для южной сибирский желѣзной дороги, а равно и выгоды, представляемыя имъ, относительно меньшей стоимости всего сооруженія.

Защита Мельниковымъ луговой желѣзной дороги должна была разъединить его съ тѣми лицами, которыя стояли на сторонѣ направленія рельсоваго пути изъ Нижняго въ Казань по нагорному берегу. Мджду тѣмъ для личныхъ интересовъ Мельникова, послѣднее направленіе было выгоднѣе. Оно должно было имѣть свое начало на землѣ сельца Ляхова, имѣнія его жены, гдѣ предполагалось построить станцію, такъ какъ земли Ляхова граничатъ съ городскими землями Нижняго-Новгорода и спускаются къ самому берегу Оки. Но интересы общественные, государственные Мельниковъ постоянно ставилъ выше собственныхъ. Когда производились изысканія для предполагавшагося въ то время направленія желѣзной дороги отъ Нижняго-Новгорода къ Сызрани, Мельниковъ писалъ, между прочимъ 10-го іюля 1869 года главному инженеру, завѣдывавшему ими: «Имѣю честь обратить вниманіе ваше на слѣдующій, какъ кажется мнѣ, удобный путь для вывода сызранской желѣзной дороги на нижегородскую: изъ Вода, по водораздѣлу Сережи и Кудьмы, къ селу Хвощевкѣ (Рождественское) Горбатовскаго уѣзда; отсюда доломъ къ селу Грудцыну, селу Ворсмѣ, деревнѣ Жестелевой и къ Устной мельницѣ подъ Домнинскою Горою. Здѣсь переходъ чрезъ Оку весьма удобенъ: оба берега невысоки, ширина рѣки не болѣе 250 саженъ, разлива двѣ версты. Затѣмъ, лѣсами до деревни Мануиловки, что на нижегородской дорогѣ между нціями Чулковскою и Гороховецкою... Несмотря то, что, идя къ Нижнему, вы должны были бы реходить Оку въ моемъ имѣніи и устроить тамъ нцію (сами природныя условія мѣстности того тре-отъ), несмотря на такія лично для меня выгодныя

Digitized by Google

условія, я все-таки подаю и всегда буду подавать голосъ за направленіе отъ Вода на Хвощевку, Ворсму и Мануиловку»

Когда 19-го апрѣля 1874 года получили силу закона разсмотрѣнныя въ государственномъ совѣтѣ правила о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ, проектированныя еще особымъ временнымъ комитетомъ 1864 года, то, при утвержденіи этого закона, состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ поручено было министру внутреннихъ дѣлъ дать въ возможно скорѣйшемъ времени движеніе остальнымъ заключеніямъ комитета 1864 года. Приведеніе же ихъ въ исполненіе замедлялось необходимостью предварительнаго опредѣленія общегражданскихъ правъ раскольниковъ. Во исполненіе такого высочайшаго повелѣнія, въ началѣ 1875 года была вновь образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, князя Лобанова-Ростовскаго, коммиссія изъ членовъ II и III Отдѣленій Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Св. синода и министра юстиціи для всесторонняго обсужденія и разработки положеній комитета 1864 года, оставшихся еще не разрѣшенными. П. И. Мельниковъ былъ приглашенъ въ эту коммиссію, въ качествѣ эксперта, слѣдующимъ письмомъ отъ 15-го марта, посланнымъ къ нему въ Москву директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Мансуровымъ: «При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра, статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, особая коммиссія для обсужденія нѣкоторыхъ предположеній относительно раскольниковъ. Его сіятельство князь Алексѣй Борисовичъ, признавая весьма полезнымъ для исполненія возложеннаго на коммиссію дѣла получить отъ вашего превосходительства, какъ специа-

Digitized by Google

листа по части раскола, нѣкоторыя по сему предмету свѣдѣнія, въ особенности касательно классификаціи раскольническихъ сектъ, поручилъ мнѣ пригласить васъ, милостивый государь, въ засѣданіе коммиссіи, имѣющее быть въ четвергъ 20-го марта, въ часъ пополудни въ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ у Чернышева моста».

Мельниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ раскольнической коммиссіи, происходившихъ по четвергамъ. Въ засѣданіи 27-го марта онъ говорилъ болѣе трехъ часовъ, защищая свое мнѣніе о той классификаціи раскольниковъ, которую онъ считалъ наиболѣе правильною, но которая не совпадала ни съ мнѣніемъ особаго комитета 1864 года, ни съ мнѣніемъ Св. синода и главноуправлявшаго II Отдѣленіемъ собственной канцеляріи, статсъ-секретаря князя Урусова. Мельникову былъ оказанъ въ Петербургѣ въ этотъ пріѣздъ лестный, внимательный пріемъ. 29-го марта онъ удостоился быть принятымъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Въ письмѣ своемъ отъ 31-го марта Мельниковъ сообщалъ, что «его императорское высочество, продержавъ меня въ кабинетѣ болѣе получаса, разспрашивалъ о моей службѣ, о моихъ сочиненіяхъ, написанныхъ и будущихъ, потомъ былъ долгій разговоръ о раскольникахъ, П. М. Леонтьевѣ [1]) и проч. Послѣднія слова были: «До свиданія; когда въ Петербургъ пріѣдете, буду всегда радъ васъ видѣть».

Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ, принимая Мельникова 24-го марта, послѣ болѣзни, постигшей его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сказалъ ему, что «онъ достигъ такого положенія, что не имѣетъ права

---

[1]) Въ Петербургѣ были получены тогда телеграммы объ опасной болѣзни этого редактора «Московскихъ Вѣдомостей», отъ которой онъ и скончался. У.

Digitized by Google

рисковать своею жизнью и здоровьемъ». Передъ тѣмъ, привѣтствуя Мельникова телеграммою, въ день празднованія его юбилея, 10-го ноября 1874 г., генералъ-адъютантъ Тимашевъ принесъ ему поздравленіе съ тридцатипятилѣтіемъ его «научной и литературной дѣятельности, столь много содѣйствовавшей разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія ввѣреннаго мнѣ министерства», признавая за Мельниковымъ его многолѣтнее участіе въ вопросѣ о расколѣ. Министръ просилъ его изложить письменно все то, что онъ говорилъ въ коммиссіи въ засѣданіи 27-го марта. Составленіе этой записки потребовало не мало труда, а потому онъ присутствовалъ еще на засѣданіи 3-го апрѣля и затѣмъ, передавъ министру свое мнѣніе о раздѣленіи раскольническихъ сектъ, выѣхалъ въ Москву.

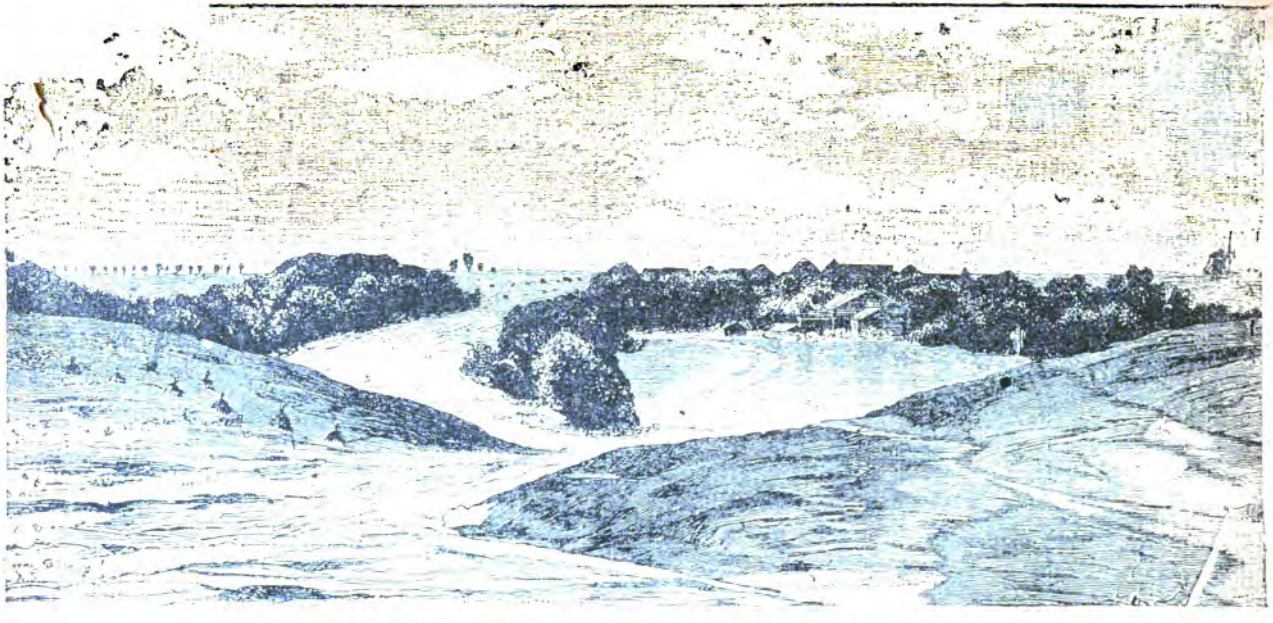
Такимъ образомъ важный вопросъ о расколѣ подвигался впередъ только десятилѣтіями. Въ 1854 году рѣшено было изслѣдовать «современное состояніе раскола»; въ 1864 году учрежденъ былъ особый комитетъ графа Панина, двинувшій сильно вопросъ о расколѣ къ желаемому рѣшенію; въ 1874 году обнародованъ былъ законъ о метрикѣ раскольниковъ и, наконецъ, въ 1883 году законъ объ ихъ гражданскихъ правахъ.

XVII.

Ляхово. — Его мѣстоположеніе. — Домъ Мельниковыхъ. — Переманиваніе Мельникова въ другіе журналы. — Успѣхъ романа «Въ Лѣсахъ». — Учебная христоматія изъ этого романа.

Верстахъ въ восьми отъ Нижняго-Новгорода лежитъ сельцо Ляхово, принадлежащее второй женѣ П. И.

Digitized by Google



Видъ сельца Ляхова, имѣнія жены П. И. Мельникова.
(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ).

Digitized by Google

Мельникова, Еленѣ Андреевнѣ, урожденной Рубинской. Оно досталось ей отъ ея дѣда. Большой почтовый арзамасскій трактъ, соединяющій Нижній-Новгородъ съ Саратовомъ, перерѣзываетъ земли Ляхова, которыя граничатъ съ городскою землею. Въ верстахъ четырехъ отъ города, проселочная дорога сворачиваетъ влѣво съ почтоваго тракта и доводитъ путника до Ляхова, расположеннаго на покатости холма. Дубовая роща, тѣнистый садъ съ двухсотлѣтними липовыми аллеями скрываютъ усадьбу со стороны саратовской дороги. Направо отъ почтоваго тракта владѣнія Ляхова оканчиваются обрывистымъ берегомъ, такъ называемымъ «Вѣнцомъ» на горѣ Ровнеди, съ Островомъ, откуда открывается великолѣпный видъ на ярмарку, на теченіе Оки, извивающейся подъ ногами стоящаго на горѣ. Въ своемъ романѣ «На горахъ» Мельниковъ описываетъ этотъ берегъ [1]) слѣдующими словами: «Вотъ по слудѣ (высокій, бугристый, поросшій лѣсомъ берегъ большой рѣки) желтою ленточкою вьется середь низкорослаго чапыжника (едва проходимаго кустарника) дорожка къ вѣнцу горы, къ Ровнеди, гдѣ гордо высится роща полуторастолѣтнихъ густолиственныхъ дубовъ. Послѣдній бѣдный остатокъ дремучихъ лѣсовъ, когда-то сплошь покрывавшихъ нагорный берегъ Оки. Отъ Ровнеди какъ бы отщепилась скала и нависла надъ рѣкою. Она тоже поросла дубами и внизу вся проточена порытыми для ломки алебастра пещерами. То мѣсто «Островомъ» зовется. Красивъ, величавъ видъ на эти мѣста съ водной равнины Оки». Горы, составляющія въ этомъ мѣстѣ нагорный берегъ Оки, начинаются у Мурома, направляются къ Волгѣ и затѣмъ по ея правому берегу внизъ до Царицына. Чѣмъ далѣе отъ Мурома, тѣмъ с становятся выше. Съ противоположнаго лугового

---

[1]) Часть I, стр. 246, изданіе 1881 года.

Digitized by Google

рега Оки онѣ представляются необыкновенно красивою панорамою. Но, удаляясь отъ береговъ Оки и Волги внутрь страны, эти горы образуютъ холмистую мѣстность, отличающуюся также живописными видами. Посреди подобныхъ холмовъ и лежитъ Ляхово.

Нынѣшняя усадьба его представляетъ деревянный двухъ-этажный помѣстительный домъ, построенный въ 1875 году на мѣстѣ прежняго одно-этажнаго стариннаго столѣтняго помѣщичьяго дома. Новый домъ строился по плану и подъ наблюденіемъ П. И. Мельникова. Съ западной стороны домъ окруженъ самою тѣнистою частью сада. Въ первомъ этажѣ находился кабинетъ нашего писателя, потому что онъ любилъ, чтобы лѣтомъ его рабочая комната была въ тѣни. Во второмъ этажѣ надъ кабинетомъ помѣщалась его библіотека. Съ небольшого балкона, изъ второго этажа лѣстница спускается прямо въ садъ. П. И. Мельниковъ былъ страстнымъ любителемъ цвѣтовъ и ежегодно весною заботился объ украшеніи своего сада новыми цвѣтами, разведеніемъ огородныхъ овощей и ягодныхъ растеній. Въ саду, отъ аллеи двухсотлѣтнихъ липъ, идетъ кленовая аллея, насаженная Мельниковымъ. Въ 1883 году этимъ кленамъ исполнилось тридцать лѣтъ. Каждая новость по садоводству интересовала его, доказательства чему видны въ его письмахъ и бумагахъ, въ его наставленіяхъ рабочимъ, какъ, что и гдѣ сажать въ ляховскомъ саду.

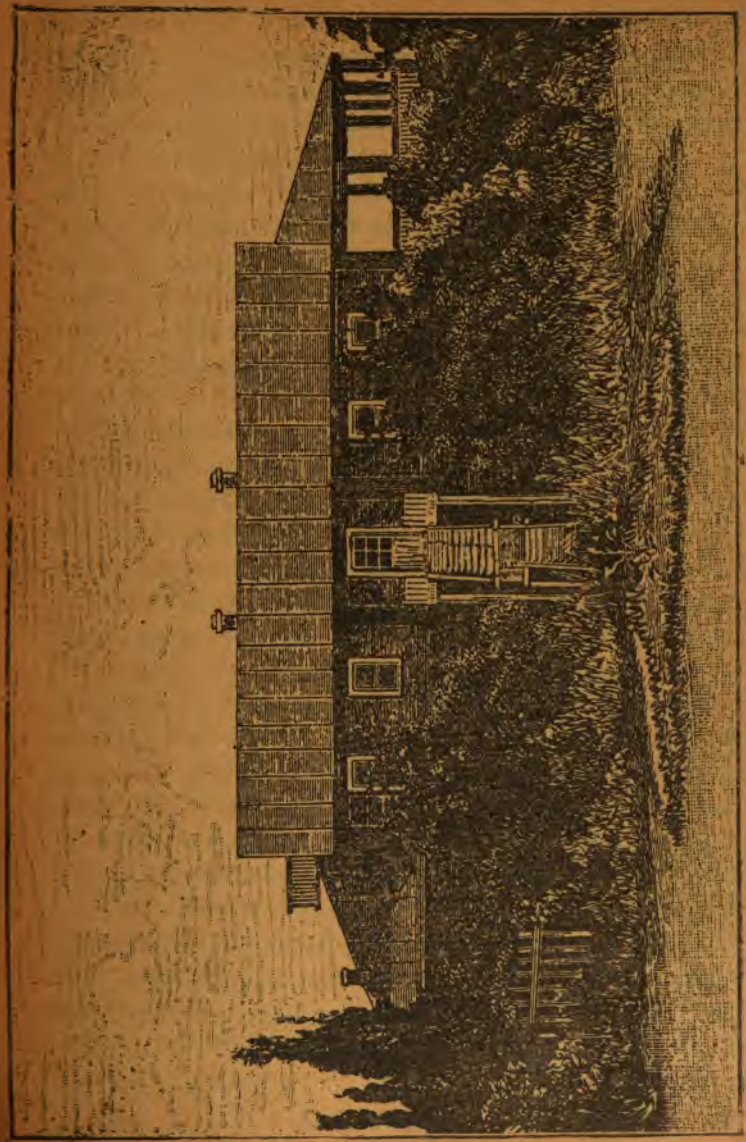
Съ южной стороны у ляховскаго дома находятся въ обоихъ этажахъ двѣ пространныя террасы, изъ которыхъ верхняя видна на рисункѣ, нижняя же закрыта растительностью, а съ восточной стороны небольшой балконъ. Съ этихъ балконовъ открываются живописные виды на Козловку, на Ѣшенцово. Въ ближнемъ оврагѣ, подлѣ крестьянскихъ домовъ сельца струится Рахма, на которой русскіе бились съ татарами.

Digitized by Google

По берегамъ оврага можно полагать, что нынѣшній ручеекъ былъ прежде рѣкою. Видна вдали и рѣка Кудьма (верстах въ трехъ отъ Козловки), которая, вслѣдствіе холмистой мѣстности, подобно рѣкамъ Свіягѣ и Пьянѣ, течетъ по крайне извилистому, прихотливому ложу. Въ одномъ мѣстѣ Кудьма совершенно подошла къ Окѣ, такъ что оставалось только впасть въ нее, но она поворачиваетъ въ сторону и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого поворота вливается въ Волгу. Вода въ Кудьмѣ до того прозрачна, что дно видно совершенно ясно на полусаженной глубинѣ. Въ Козловкѣ находится Барановъ ключъ, холодный, чистый, о происхожденіи котораго въ народѣ много ходитъ легендъ На самомъ ключѣ построена каменная часовня, въ которой служатъ молебны, и куда стекаются паломники со всѣхъ сторонъ. Онъ названъ Барановымъ потому, что одному крестьянину, потерявшему своего барана, было во снѣ указаніе, гдѣ онъ можетъ его найти, и это мѣсто оказалось на нынѣшнемъ ключѣ. Въ часовнѣ много старинныхъ иконъ. Барановъ ключъ почти примыкаетъ къ обширному помѣщичьему саду Козловки.

Между Козловкою и Ляховымъ лежитъ деревня Бѣшенцово, также расположенная на холмистой покатости. Въ Козловкѣ и Ляховѣ крестьяне православные, но Бѣшенцово населено раскольниками спасова согласія. Волостной старшина этой мѣстности изъ раскольниковъ Бѣшенцова. Недавно умерла его жена, сохранившая въ своихъ сундукахъ женскіе наряды, доставшіеся ей отъ ея бабушекъ и прабабушекъ, украшенные бусами, позументами и проч. Этимъ женскимъ нарядамъ оказывается болѣе ста лѣтъ. Когда одинъ нижегородскій фотографъ предложилъ ей снять съ нея портретъ въ стародавнемъ женскомъ нарядѣ, то она ни что не хотѣла на то согласиться. Всѣ убѣжденія фотографа оказались безуспѣшны.

Digitized by Google



Домъ въ Ляховѣ.
(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ)

Digitized by Google

— Не святые мы,—отвѣчала жена старшины: — чтобы писать съ насъ лики

На сѣверной сторонѣ ляховскаго дома съ верхняго балкона открывается также прекрасный видъ на село Константиново, спрятавшееся за своею церковью въ древесной гущѣ, въ одной верстѣ отъ Ляхова. Это село было дорого П. И. Мельникову, потому что въ его церкви совершилось освященіе его второго брака. Въ этой церкви хранятся вѣнки, которые возложены были на гробъ Мельникова при его погребеніи. Съ балкона сѣверной стороны виднѣется вдали Волга и Высокій Яръ на ней, гдѣ, по народнымъ разсказамъ, разбойничалъ Стенька Разинъ.

Такое мѣстоположеніе Ляхова влекло въ него Мельникова, и онъ, со времени переѣзда въ Москву, почти каждое лѣто проводилъ въ этомъ подгородномъ сельцѣ. Онъ до того къ нему привязался, полюбилъ его, что когда въ послѣдніе годы его жизни медики совѣтовали ему для поправленія и укрѣпленія здоровья ѣхать въ Крымъ на нѣкоторое время, онъ не могъ разстаться со своимъ Ляховымъ, и предпочиталъ спокойную въ немъ жизнь въ хорошемъ климатѣ всякому другому мѣстопребыванію.

Въ Ляховѣ Мельникову удалось написать немало увлекательныхъ страницъ своихъ бытовыхъ романовъ; но первый изъ нихъ, «Въ Лѣсахъ», онъ началъ въ Москвѣ. Успѣхъ этого произведенія въ публикѣ имѣлъ послѣдствіемъ предложенія Мельникову съ разныхъ сторонъ: прекратить свое сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и помѣщать свои труды въ другихъ журналахъ. Эти сманиванія Мельникова вызвали слѣдующее письмо къ нему отъ 17-го октября 1872 г. профессора Любимова, завѣдывавшаго въ то время редакціею «Русскаго Вѣстника»: «Многоуважаемый Павелъ Ивановичъ! Спѣшу отвѣтить на строгое письмо ваше, не

Digitized by Google

безъ удивленія, признаюсь, прочтенное. Что за вами ухаживаютъ и, что называется, васъ сманиваютъ, — удивительнаго ничего нѣтъ. Исполнятъ ли обѣщанія, если вы пойдете на удочку, — вопросъ другой. Какъ говоритъ Павелъ Михайловичъ [1]), въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» никогда не платили меньше другихъ. Вы желаете увеличенія гонорара. По мнѣ, по отношенію къ «Лѣсамъ» нѣтъ къ этому препятствія. Послѣдній гонораръ, сколько помню, назначенъ вами же. Вспомните, какъ вы начали писать эту вещь, и какъ она разрослась и поднялась. Вѣдь, это не была вещь оконченная, принесенная въ редакцію. Писалось, печаталось, — вы знаете какъ, а торговли о гонорарѣ не было. Вы знаете не менѣе меня наши редакціонныя дѣла и порядки, расположеніе къ вамъ Михаила Никифоровича [2]) и высокую цѣну, какую онъ даетъ вашему таланту. Полагаю, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Вы желаете «отъ меня» рѣшительнаго отвѣта, но вы знаете, что Михаила Никифоровича нѣтъ въ Москвѣ, и слѣдовательно, какъ же могу дать я рѣшительный отвѣтъ. Но могу дать рѣшительный совѣтъ: сманиванія не принимать за чистую монету. Тургеневу, сманивая, обѣщали 800 руб. за листъ. Но получалъ ли онъ по 800 руб.? Вернитесь-ка лучше поскорѣе въ Бѣлокаменную, и, полагаю, все можно уладить къ взаимному удовольствію. Того, что вамъ за статьи ученаго содержанія гонораръ «понижался», —рѣшительно не понимаю. Нѣтъ ли какого недоразумѣнія? Мы всегда разсчитываемся попрежнему. Вы не говорили ничего, а я полагалъ, что все идетъ установленнымъ порядкомъ. Жду вашего возвращенія, чтобы ично перетолковать обстоятельнѣе; къ тому же Ми-

---

1) Леонтьевъ.
2) Катковъ.

Digitized by Google

хаилъ Никифоровичъ скоро долженъ пріѣхать. Жму вашу руку и прошу не забывать старыхъ друзей».

Передавая содержаніе этого письма профессора Любимова своей женѣ, П. И. Мельниковъ сообщилъ ей 20-го октября: «Въ заключеніе всего Любимовъ обвиняетъ меня же въ томъ, что я никогда не требовалъ прибавки платы. Я соглашаюсь повременить и, какъ и прежде писалъ, сбавить нѣсколько съ платы 250 р. за листъ, ибо нигдѣ не найду такого удобства въ корректурахъ. Окончательно дѣло рѣшится, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга и Каткова изъ Крыма. Впрочемъ, съ «Вѣстникомъ Европы» я связей не порываю и между тѣмъ какъ буду кончать «Лѣса» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», туда напишу какую-нибудь повѣсть листа въ два. Нынѣшняя поѣздка моя въ Петербургъ открыла мнѣ во многомъ глаза, и если бы я былъ помоложе, то, можетъ быть, у меня закружилась бы голова. Меня чествуютъ какъ лучшаго современнаго писателя, и, что всего удивительнѣе, разныя фрейлины восхищаются моими сиволапыми мужиками и раскольничьими монахинями, которыхъ, если бы онѣ предстали живьемъ, конечно, и близко къ себѣ не подпускали бы. Даже въ нигилистическихъ лагеряхъ про меня толкуютъ, хотя и не безъ злобы. Надняхъ въ ресторанѣ встрѣтился я съ NN [1]), зоветъ меня сотрудничать въ тотъ журналъ, гдѣ онъ пишетъ; я отшучиваюсь, говорю, что меня туда не пустятъ, но онъ увѣряетъ, что вся ихъ партія признаетъ меня въ политическомъ отношеніи за неблагонадежнаго, даже нечестнаго (это высокая похвала изъ ихъ устъ), но въ отношеніи искусства первостепеннымъ талантомъ. Послѣ того книгопродавецъ [illegible]новъ сказывалъ, что у него

---

[1]) Большой пріятел[illegible]льникова въ 1859 — 1861 годахъ, но не позже.

Digitized by Google

въ магазинѣ NN со своими друзьями громко говорилъ то же самое. Сегодня про мои «Лѣса» говорилъ мнѣ даже министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ. Онъ былъ очень любезенъ со мною и опять намекалъ мнѣ на службу, но лучше подальше отъ нея».

На романъ «Въ Лѣсахъ», еще не оконченный, явились въ 1873 году покупатели для отдѣльнаго его изданія. Въ маѣ 1873 года книгопродавецъ Кожанчиковъ предлагалъ Мельникову 10,000 р. съ правомъ напечатать 5,000 экземпляровъ, но съ условіемъ уплаты этой суммы по частямъ. Мельниковъ просилъ 15,000 р., но, по его словамъ, «согласился бы отдать и за 10,000 р., если бы вся сумма была выплачена одновременно». Но затѣмъ Мельниковъ прекратилъ переговоры о продажѣ своего романа, отложивъ ее до окончанія его. «А кажется (писалъ Мельниковъ 20-го мая 1873 г.), не придется ли издавать самому подъ эгидою Каткова, т. е. напечатать на заглавномъ листѣ: «изданіе «Русскаго Вѣстника»; тогда не тронетъ М. Н. Лонгиновъ [1]), а то чего добраго. Хотя вчера вечеромъ мы очень дружелюбно съ нимъ бесѣдовали (а до того у меня была съ нимъ маленькая стычка въ магазинѣ Базунова, и я съ нимъ посчитался), но я плохо повѣрю и его увѣреніямъ въ дружбѣ, не только что дружелюбному разговору съ нимъ въ обществѣ».

Первое изданіе романа «Въ Лѣсахъ» П. И. Мельниковъ напечаталъ на свой счетъ въ Москвѣ въ 1875 году [2]). По просьбѣ автора, государь наслѣдникъ цесаревичъ разрѣшилъ 19-го марта того года посвятить

---

[1]) Тогдашній главный начальникъ управленія по дѣламъ печати.

[2]) Остальные экземпляры этого изданія были проданы книгопродавцу О. Вольфу за 3,500 р. Второе изданіе романа «Въ Лѣсахъ», вмѣстѣ вторымъ изданіемъ «Разсказовъ Андрея Печерскаго», вышедшія въ 2 г., были куплены имъ же 1-го мая 180 г. за 4,000 р., съ правъ отпечатать 3,000 экземпляровъ.

Digitized by Google

это изданіе его августѣйшему имени. П. И. удостоился поднести свое изданіе наслѣднику цесаревичу 23-го мая 1876 года и описывалъ это счастливое событіе въ своей жизни слѣдующими словами: «Мнѣ было оказано много любезностей и благосклоннаго вниманія. Я услышалъ отъ государя наслѣдника то же, что слышалъ отъ покойнаго цесаревича: «Я васъ не забуду». Велѣлъ прислать «На горахъ» по мѣрѣ выхода. Послѣднія слова были: «Такъ до свиданія; когда же вы будете опять въ Петербургѣ»? Я сказалъ, что осенью. «Такъ увидимся тогда», сказалъ государь-наслѣдникъ. А передъ тѣмъ его императорское высочество меня разспрашивалъ, всегда ли я въ Москвѣ живу и гдѣ проведу лѣто. «Въ лѣсахъ?» спросилъ онъ, улыбаясь. Я отвѣтилъ: «Нѣтъ, ваше императорское высочество, на горахъ», и сказалъ, гдѣ находится Ляхово.—«Славныя тамъ мѣста. Я очень любовался Нижнимъ» замѣтилъ наслѣдникъ цесаревичъ».

Передъ тѣмъ, 26-го февраля 1876 г., П. И. Мельниковъ видѣлся съ академикомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ и узналъ отъ него, что за романъ «Въ Лѣсахъ» Мельникова предложили въ члены русскаго отдѣленія Академіи Наукъ, на мѣсто умершаго передъ тѣмъ графа Алексѣя Константиновича Толстого. Такъ какъ въ бывшіе тогда выборы Мельниковъ не попалъ, то Срезневскій надѣялся, что онъ будетъ выбранъ въ декабрѣ. «Это былъ бы большой почетъ (писалъ Мельниковъ изъ Петербурга). Въ настоящее время академическія кресла имѣютъ только трое беллетристовъ: князь Вяземскій, Тургеневъ и Майковъ». Но П. И. Мельниковъ, какъ извѣстно, не попалъ въ число академиковъ,

Въ маѣ 1876 года тогдашній нижегородскій губернаторъ, графъ Павелъ Ипполитовичъ Кутайсовъ, передалъ П. И. Мельникову, бывшему въ это время въ

Digitized by Google

Нижнемъ-Новгородѣ, очень лестное предложеніе министра народнаго просвѣщенія. Вотъ какъ сообщалъ о томъ Мельниковъ въ своемъ письмѣ отъ 3-го мая: «Бывши въ Петербургѣ, графъ Кутайсовъ говорилъ съ министромъ о литературѣ. Министръ замѣтилъ ему, что нашъ языкъ приходитъ въ упадокъ, что поддержать языкъ могутъ и должны съ одной стороны литература, а съ другой школы. Но школы (т. е. отъ начальныхъ училищъ до университета), не имѣя хорошихъ образцовъ чисто русскаго языка, ничего сдѣлать не могутъ. Министръ считаетъ первыми у насъ писателями графа Льва Николаевича Толстого и меня, замѣтивъ, что третій, Тургеневъ, замолкъ. Министръ предполагалъ учить русскому языку по моимъ сочиненіямъ, т. е. «Въ Лѣсахъ». Но въ цѣломъ это сочиненіе не можетъ быть дано въ руки мальчикамъ и дѣвочкамъ. Зная, что я часть года живу въ Нижнемъ-Новгородѣ, министръ народнаго просвѣщенія просилъ графа Кутайсова войти со мною въ переговоры относительно составленія учебной христоматіи изъ моихъ «Лѣсовъ», присовокупивъ, что на такое дѣло изъ средствъ министерства можно дать мнѣ крупную сумму. Я, разумѣется, согласился; но, какъ и что дѣлать, необходимо переговорить съ министромъ. Сегодня графъ Кутайсовъ намѣревался написать о томъ министру народнаго просвѣщенія».

Графу Кутайсову за годъ передъ тѣмъ представился случай передать Мельникову другую лестную для него новость. При свиданіи съ нимъ, въ концѣ августа 1875 года, графъ Кутайсовъ, по высочайшему повелѣнію, какъ генералъ-маіоръ свиты его величества, объявилъ ему благодарность государя императора за статьи, помѣщенныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», которыя велѣно было также благодарить М. Н. Катва, и которыя велѣно было перевести на французскій

Digitized by Google

языкъ и помѣстить въ «Journal de St-Pétersbourg». Когда графъ Кутайсовъ сообщилъ государю императору, что статьи писаны Мельниковымъ, писателемъ, печатающимъ также свои произведенія подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, то его величество сказалъ: «Я его знаю; объ немъ теперь всѣ говорятъ».

Этотъ псевдонимъ Печерскаго былъ тогда поводомъ къ одному курьезному недоразумѣнію. Вотъ какъ передалъ его Мельниковъ въ своемъ письмѣ изъ Нижняго-Новгорода отъ 28-го мая 1874 года: «Графъ Кутайсовъ сегодня разсказалъ мнѣ, что онъ уже зналъ о моемъ пріѣздѣ въ Нижній отъ генерала Ганецкаго, съ которымъ я проговорилъ все время отъ Горбатова до Нижняго-Новгорода. У насъ, между прочимъ, шелъ разговоръ и о раскольникахъ. Ганецкій, разсказывая объ этой встрѣчѣ графу Кутайсову, присовокупилъ: «Какой интересный человѣкъ этотъ Мельниковъ, только одно я за нимъ замѣтилъ и сказалъ бы ему, да мало знакомъ съ нимъ, неловко. Именно, выдаетъ за свое то, что явно вычиталъ изъ такой книги, которую всѣ читаютъ, а я такъ автору ея хоть свѣчку готовъ поставить. Хотѣлъ было ему сказать: «Да вѣдь это вы вычитали изъ романа «Въ Лѣсахъ» Печерскаго?!» Кутайсовъ на это ему отвѣтилъ:

— «Да вѣдь Мельниковъ-то и есть Печерскій; онъ же это и написалъ.

— «Не можетъ быть!—вскричалъ генералъ Ганецкій:—Да, не можетъ этого быть!

«И какъ ни увѣрялъ графъ Кутайсовъ въ томъ генерала Ганецкаго, тотъ все еще не вполнѣ повѣрилъ, что съ нимъ ѣхалъ и говорилъ Мельниковъ-Печерскій»

Военныя событія 1877 года и происшедшія затѣмъ многія перемѣны не дали возможности осуществить предположеніе о народномъ изданіи, въ видѣ христоматіи, романа «Въ Лѣсахъ». На предложеніе сдѣлан

Digitized by Google

ное П. И. Мельниковымъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ министра народнаго просвѣщенія отъ 9-го апрѣля 1877 года: «Вслѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 28-го минувшаго марта по предположенію о новомъ изданіи вашего сочиненія «Въ Лѣсахъ»; съ приспособленіемъ его къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, долгомъ считаю принести вамъ, милостивый государь, искреннюю мою благодарность за выраженную вами готовность приступить къ такому изданію; но при этомъ, въ виду нынѣшнихъ неблагопріятныхъ для государственнаго казначейства обстоятельствъ, я, къ сожалѣнію, не могу удовлетворить вашему ходатайству объ отпускѣ изъ казны денежнаго пособія на означенное изданіе.».

Что можно было легко исполнить въ началѣ 1876 года, то оказалось невозможнымъ дѣломъ чрезъ годъ, когда была рѣшена война съ Турціею. Такимъ образомъ народное изданіе романа «Въ Лѣсахъ» не осуществилось.

XVIII.

Планъ двухъ романовъ Мельникова. — Вниманіе къ нему. — Предложеніе писать для народа въ 1879 году. — Послѣднее оффиціальное порученіе.

Второй свой романъ «На Горахъ», составляющій продолженіе перваго «Въ Лѣсахъ», П. И. Мельниковъ чалъ лѣтомъ 1875 года въ Ляховѣ. Въ это время роился новый домъ въ усадьбѣ, и вся семья писателя мѣщалась въ избѣ крестьянина Василія Большова, сположенной по лѣвой сторонѣ деревенской улицы, и въѣхать въ нее съ большой саратовской дороги.

Digitized by Google

Изба эта была большая, чистая, со свѣтелкою наверху. Въ этой свѣтелкѣ помѣщался кабинетъ П. И. Мельникова, въ ней и написаны первыя главы второго романа. Въ нижнихъ комнатахъ избы помѣщалась семья П. И. Мельникова. Домъ Василія Большова сохранился донынѣ (въ 1884 г.) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ 1875 году. И первая глава романа «На Горахъ» начинается съ описанія той мѣстности, на которой расположено вмѣстѣ съ другими селеніями Ляхово, и которая составляетъ часть нагорнаго берега Оки.

Изъ плана, или конспекта, романовъ П. И. Мельникова, найденнаго въ бумагахъ, видно, что, по мѣрѣ изготовленія перваго романа, онъ во многомъ отступалъ отъ начертанной себѣ программы. Начавъ «За Волгой», продолжая «Въ Лѣсахъ», Мельниковъ, повидимому, и не думалъ, что очутится «На Горахъ». Найденный планъ, представляя содержаніе въ краткихъ чертахъ романа въ четырехъ частяхъ, вылился, при его разработкѣ, въ два романа въ восьми частяхъ. Такъ, хотя Дуня Смолокурова и Самоквасовъ упоминаются въ планѣ, но въ немъ ни слова нѣтъ о хлыстахъ, столь подробно представленныхъ въ романѣ «На Горахъ». Авторъ, работая надъ развитіемъ своей мысли представить бытъ народа, живущаго по обоимъ берегамъ Волги, втягивался въ свой трудъ, совершенствовалъ его, пополнялъ, разрабатывалъ и тогда только увидѣлъ, что въ одномъ романѣ онъ и не совмѣститъ всего, что ему диктовали его память, его разъѣзды по Россіи, его изученіе ея жизни, ея вѣрованій, заблужденій, преданій. Многія набросанныя имъ на планѣ замѣтки, долженствовавшія дать матеріалъ для цѣлыхъ главъ, не были осуществлены на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, онъ намѣревался описать артель гвоздарей, положеніе рабочихъ, въ р павловскихъ, швецовъ по деревнямъ, охоту за ряб ками, мозжевеловыя игрушки, опахиваніе при пал

Digitized by Google

скота, угольщиковъ и смолокуровъ, пожаръ въ скиту, пропившуюся раскольничью обитель Кутилину, набой-

Кабинетъ П. И. Мельникова, гдѣ начатъ романъ „На Горахъ“.
(Съ рисунка А. П. Рябушкина).

щиковъ и красильщиковъ, пряхъ-мужиковъ, разнос чиковъ-вязниковцевъ и проч.

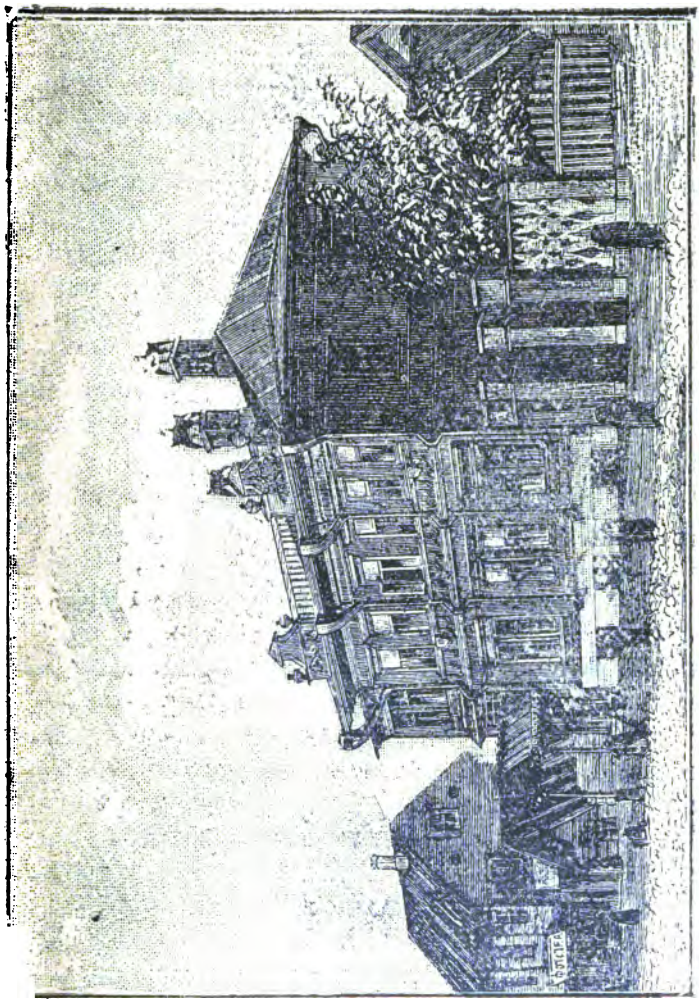
Digitized by Google

Нѣкоторыя подробности въ развитіи хода романовъ въ первоначальномъ планѣ были иначе задуманы, чѣмъ впослѣдствіи исполнены. Мать Манеѳа должна была умереть въ шестой главѣ четвертой части перваго романа, послѣ разоренія скитовъ, причемъ она и дѣлала признаніе о Фленушкѣ, какъ о своей дочери. Между тѣмъ, при выполненіи, Манеѳа не умерла и въ концѣ второго романа «На Горахъ». По плану, Самоквасовъ дѣлаетъ предложеніе Дунѣ Смолокуровой еще при жизни ея отца, который вмѣстѣ съ ней отправляется въ Казань, чтобы узнать о семьѣ Самоквасова, и присутствуетъ при раздѣлѣ ея членовъ. Но въ романѣ все изложено совсѣмъ иначе. По плану, Манефа съ Фленушкою и головщицею Марьею пріѣзжаютъ на Макарьевскую ярмарку, причемъ обѣ дѣвицы попадаютъ даже въ театръ, но въ романѣ ничего подобнаго не было. Первоначально авторъ предполагалъ уже въ третьей главѣ второй части перваго своего романа описать, какъ была отобрана чиновникомъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери изъ Шарпанскаго скита, но объ этомъ важномъ для раскольниковъ событіи сказано немного въ послѣдней главѣ романа «На Горахъ». Подобныхъ сравненій первоначальнаго плана съ его выполненіемъ можно было бы привести еще много, но и сказаннаго достаточно для полнаго понятія о томъ, какъ видоизмѣнялся замѣчательный трудъ П. И. Мельникова по мѣрѣ его изготовленія.

Для облегченія своего труда относительно народной рѣчи, относительно техническихъ, географическихъ, этнографическихъ и прочихъ названій, употребляемыхъ русскимъ народомъ, въ бумагахъ П. И. Мельникова оказался родъ словаря, въ которомъ разъяснено значеніе и употребленіе 98 словъ, оборотовъ, рѣчей. Можетъ быть, подобный словарь былъ имъ составленъ и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но такъ какъ продол

Digitized by Google

женія его я не отыскалъ, то и не могу положительно рѣшить этого вопроса. Такой словарь былъ ему необ-



Домъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ умеръ П. И. Мельниковъ.

имъ, при сочиненіи бытовыхъ романовъ, въ которыхъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ находится много

Digitized by Google

драгоцѣнныхъ поясненій разныхъ словъ и выраженій, употребительныхъ въ народѣ въ той или другой мѣстности. Хотя Мельниковъ и называлъ себя постоянно ученикомъ Даля, однако и послѣдній не обошелся безъ содѣйствія перваго при составленіи своего «Толковаго словаря». Въ знаніи русской народной рѣчи, въ знаніи быта нашего народа и Даль, и Мельниковъ были одинаковыми звѣздами первой величины.

Говорятъ, что, при печатаніи романа «На Горахъ», П. И. Мельниковъ крайне обижался на значительныя исключенія въ его произведеніи, которыя производились въ немъ редакціею подъ тѣмъ оправданіемъ, что будто бы зачеркнутыя мѣста нецензурны. Раздраженіе П. И. Мельникова доходило въ этомъ отношеніи до такой степени, что онъ даже сталъ питать намѣреніе прекратить свой романъ, но, съ другой стороны, зависимость существованія всей семьи отъ литературнаго труда главы ея заставляла не прерывать связей съ журналомъ «Русскій Вѣстникъ». Въ этихъ столкновеніяхъ Мельникова съ редакціею профессоръ Любимовъ, какъ мнѣ говорили, являлся главнымъ защитникомъ интересовъ Мельникова. Но, несмотря на такія обыкновенныя передряги въ редакціонномъ мірѣ, бывающія тѣмъ сильнѣе и обостреннѣе, чѣмъ самостоятельнѣе являются авторъ и редакторъ, взаимныя отношенія между М. Н. Катковымъ и П. И. Мельниковымъ, до самой кончины послѣдняго, остались дружественными, добрыми. Въ бумагахъ П. И. Мельникова я не нашелъ слѣдовъ означенной борьбы редакціи съ романистомъ, и только слѣдующій отрывокъ изъ одного письма профессора Любимова къ Мельникову отъ 21-го іюля (неизвѣстно кого года), указываетъ, какого рода требованія ред ція «Русскаго Вѣстника» предъявляла къ нему въ п зурномъ отношеніи... «Обратите, добрѣйшій Пав Ивановичъ, вниманіе на одно обстоятельство. Въ

Digitized by Google

дятся двѣ стороны: всѣ хлысты описываются добродѣтельными людьми съ возвышенными помыслами, а православное духовенство пьяница на пьяницѣ, воръ на ворѣ. Выводилась бы одна сторона—не бѣда. А то очень рѣзко сравненіе. Поуменьшите водочки и мошенничества у православныхъ пастырей, игуменовъ и архіереевъ». При этомъ кстати замѣтить, что когда, въ 1875 году, скончался П. М. Леонтьевъ, то, въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, П. И. Мельниковъ выражалъ опасенія, что его отношенія къ редакціи «Русскаго Вѣстника» измѣнятся не въ его пользу. Послѣдствія, какъ видно, не оправдали его тревожныхъ ожиданій.

Романъ «На Горахъ» возбудилъ такой же интересъ въ публикѣ, какой былъ вызванъ и романомъ «Въ Лѣсахъ». При посѣщеніи Мельниковымъ Казани, въ августѣ 1877 года, по случаю состоявшагося тамъ археологическаго съѣзда, ему былъ тамъ сдѣланъ цѣлый рядъ овацій. Но передъ тѣмъ онъ удостоился услыхать похвалу себѣ отъ государя императора. На балу у московскаго генералъ-губернатора, князя Долгорукова, 23-го апрѣля 1877 года, П. И. Мельниковъ удостоился чести быть въ первый разъ представленнымъ его императорскому величеству. Императоръ Александръ Николаевичъ въ милостивыхъ выраженіяхъ высказалъ ему свою благосклонность, причемъ упомянулъ, что постоянно читаетъ его произведенія и прочелъ его послѣдніе романы «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ». Съ тѣмъ вмѣстѣ государь освѣдомился о дальнѣйшихъ работахъ, предположенныхъ въ то время Мельниковымъ, и спросилъ его:

— Почему ты не опишешь молоканъ? Не пустятъ ли къ себѣ?

— Нѣтъ, ваше величество, я съ удовольствіемъ приступилъ бы къ этому труду, но въ немъ необхо-

Digitized by Google

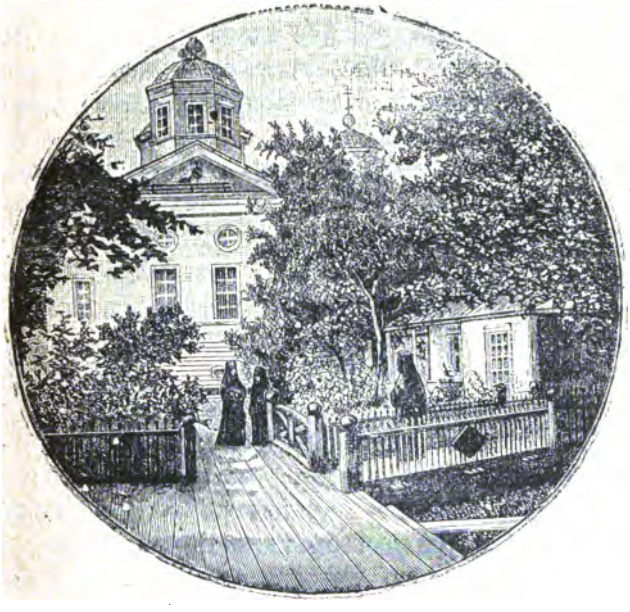
димо будетъ коснуться догматики молоканъ, а духовная цензура не разрѣшитъ этой части моего труда, безъ догматики же нельзя и касаться молоканскаго ученія.

Съ прекращеніемъ войны съ Турціею, усилилось движеніе крамолы въ Россіи. Для борьбы съ нею, въ высшихъ сферахъ правительство найдено было полезнымъ печатать сочиненія для народнаго чтенія. Для достиженія этой цѣли обратили вниманіе на П. И. Мельникова. Уже 20-го сентября 1878 года, исправлявшій тогда обязанности шефа жандармовъ, генералъ-лейтенантъ Сильверстовъ (послѣ убіенія генералъ-адъютанта Мезенцева), писалъ къ Мельникову: «Не можете ли вы пріѣхать въ Петербургъ для свиданія со мной? Я желаю съ вами конфиденціально переговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, именно обратиться къ вашему талантливому золотому перу, чтобы предложить вамъ взять на себя трудъ исполнить одну работу, несложную, но относящуюся до вашей спеціальности. Не откажите немедленно дать отвѣтъ, хотя по телеграфу, о днѣ, въ который вы пріѣдете».

Но Мельниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ только въ январѣ 1879 года. Въ письмахъ своихъ изъ Петербурга онъ сообщалъ о томъ пріемѣ, который ему былъ тамъ оказанъ. «Мнѣ всѣ рады, на рукахъ носятъ», писалъ онъ, сообщая о тѣхъ приглашеніяхъ на обѣды и вечера, которыми его осыпали. Отъ 27-го января онъ писалъ: «Министръ государственныхъ имуществъ, Валуевъ, принялъ меня прекрасно. На другой день самъ заѣхалъ ко мнѣ, но меня не было дома, и пригласилъ пріѣзжать въ восемь часовъ вечера, чтобы поговорить на свободѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Маковъ, также принялъ меня прекрасно, но онъ все время свое посвящаетъ на борьбу съ чумою, которую, кажется удастся прекратить. Завтра, въ два часа дня, онъ на-

Digitized by Google

значилъ мнѣ особую аудіенцію, а на другой день вечеромъ поѣду къ П. А. Валуеву. Послѣдній сказалъ мнѣ: «Мы не можемъ требовать отъ васъ, чтобы вы много писали; вы слишкомъ крупная величина въ нашей литературѣ для этого. Много будемъ обязаны, если напишете двѣ, три брошюры въ примѣръ другимъ, рядовымъ писателямъ. Было бы непростительно отвле-



Кресто-Воздвиженскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ погребенъ П. И. Мельниковъ.

кать васъ отъ того блестящаго поприща, по которому вы идете». Завтра у министра внутреннихъ дѣлъ все ъяснится».

Отъ 28-го января Мельниковъ сообщалъ: «Сейчасъ нулся отъ министра Макова. Въ полчаса все дѣло рѣшили. Работа пойдетъ по своему министерству утреннихъ дѣлъ. Министръ самъ назначилъ 200 р.

Digitized by Google

за печатный листъ, когда я наотрѣзъ отказался назначить самъ сумму вознагражденія. Распространеніе брошюръ предоставляютъ мнѣ. Никого, кромѣ своего министра, въ этомъ дѣлѣ я не знаю. Предоставлено мнѣ переговорить съ генералъ-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ о назначеніи мнѣ штатнаго мѣста съ жалованьемъ, но такъ какъ такого мѣста нѣтъ безъ большого дѣла, то дано слово испросить мнѣ пенсію въ усиленномъ размѣрѣ, тысячи въ двѣ, съ тѣмъ, чтобы она по смерти моей перешла къ моей женѣ. Я сказалъ было, что это трудно, при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ государственнаго казначейства, но министръ отвѣтилъ, что онъ ручается за успѣхъ и заблаговременно доложитъ о томъ государю императору. Вообще Л. С. Маковъ держалъ себя со мною по-товарищески, говорилъ, что «вѣдь, мы старые пріятели и сослуживцы, и нѣтъ причины измѣнять этихъ старыхъ отношеній, установившихся долгимъ временемъ»

Отъ 3-го февраля: «Побывавши у разныхъ министровъ и высшихъ сановниковъ, я узналъ, въ чемъ дѣло. Мысль о составленіи брошюръ принадлежитъ самому государю императору. Было для того особое совѣщаніе изъ четырехъ министровъ, и каждый изъ нихъ получилъ право избрать лицо для исполненія. Выборъ палъ на меня. Сегодня одно высокопоставленное лицо передало мнѣ желаніе государя, что писать и какъ писать, и присовокупило свои мысли. Сегодня я былъ на вечерѣ у графа Шереметева. Было много дамъ. Меня упросили прочитать что нибудь изъ «Лѣсовъ». Всѣ были довольны. Всѣхъ слушателей было болѣе 25 человѣкъ».

Изданіе предположенныхъ для народа брошюръ не состоялось.

На Мельникова въ 1879 году было возложено еще новое порученіе, довольно труднаго свойства

Digitized by Google

Московскій генералъ-губернаторъ, въ виду приближенія нижегородской ярмарки, въ заботѣ объ охраненіи этого главнѣйшаго русскаго рынка отъ пожаровъ, изъ которыхъ наиболѣе опустошительные бывали всегда тамъ въ концѣ мая и началѣ іюня, нашелъ необходимымъ 24-го мая командировать Мельникова, какъ довѣренное лицо, въ Нижегородскую губернію для мѣстныхъ соображеній относительно предупрежденія пожаровъ и всякаго рода безпорядковъ. Ему поручено было немедленно собрать во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ какъ нынѣ дѣйствующія, такъ и бывшія прежде постановленія высшаго правительства и мѣстныхъ властей, а также приговоры городскаго общества, ярмарочнаго купечества и ярмарочнаго комитета объ охранѣ отъ огня, о благоустройствѣ какъ въ городѣ, такъ и на ярмаркѣ, на пристаняхъ и на судахъ и о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и безпорядковъ всякаго рода. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, предписано было Мельникову представить въ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, ему поручено было наблюдать за всѣмъ относящимся до полицейскаго порядка и городского благоустройства, особенно за схо[illegible]ами разнаго рода людей на ярмаркѣ и за дѣйс[illegible]скихъ городскихъ и уѣздныхъ управленій, слѣдить за издающимися въ Нижнемъ-Новгородѣ произведеніями печати и за книжною торговлею въ городѣ и на ярмаркѣ и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить московскому генералъ-губернатору, увѣдомляя въ то же время и нижегородскаго губернатора, для прекращенія имъ могущихъ возникнуть какихъ-либо безпорядковъ. Въ случаѣ надобности Мельникову предоставлено было отправляться въ города и селенія Нижегородской губерніи.

Исполненіе этого порученія заняло у Мельникова

Digitized by Google

все его время до осени. Это было послѣднимъ оффиціальнымъ административнымъ трудомъ его. Онъ началъ свою административную дѣятельность въ родномъ Нижнемъ-Новгородѣ и окончилъ ее въ немъ.

XIX.

Послѣдніе годы жизни.—Утѣшеніе друга.

Сидячая жизнь, обусловленная родомъ занятій П. И. Мельникова, повліяла разрушительнымъ образомъ на его организмъ. Своими привычками въ послѣднее десятилѣтіе жизни своей, онъ, можетъ быть, даже усилилъ вліяніе его умственныхъ, литературныхъ трудовъ на вкравшійся въ его организмъ недугъ. Вмѣсто подвижной жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, онъ сдѣлался въ Москвѣ какимъ-то сиднемъ. По цѣлымъ недѣлямъ онъ не выходилъ изъ дома и, лежа на диванѣ, обложенный журналами, книгами, рукописями, занимался почти безъ перерыва чтеніемъ. Знакомые врачи обращали его вниманіе на подобный образъ жизни и говорили, что онъ къ добру не приведетъ. П. И. Мельниковъ не вѣрилъ этимъ совѣтамъ, или, вѣрнѣе, пренебрегалъ ими. Но зародышъ смертельной болѣзни усиливался съ каждымъ годомъ. Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1876 году, Мельниковъ уже жаловался, что «у него въ правой рукѣ что-то творится, что она отказывается служить ему попре; нему». 8-го мая 1877 года онъ писалъ одному свое: знакомому изъ Москвы: «Извините, что такъ долго отвѣчалъ на ваше письмо. Укатали бурку круті горки! Дошла до меня барская болѣзнь — подагр

Digitized by Google

хотя болитъ нога, а рукѣ писать не даетъ. Не приведи Богъ! Меня утѣшаютъ, что съ подагрою можно до ста лѣтъ прожить, что эта болѣзнь имѣетъ свойство поглощать въ себѣ всѣ болѣзни, свойственныя нашему возрасту, но Богъ съ ними со ста годами. Еще хорошо, что не постоянно мучитъ, даетъ отдохнуть, а теперь съ теплою, сухою погодою и совсѣмъ прошла, но надолго ли? Всѣ знакомые говорятъ: «А, попался! а сколько смолоду выпилъ шампанскаго?» Но въ томъ-то и дѣло, что не въ шампанскомъ грѣхи, хотя я и не могу похвалиться особенною воздержностью; но не за шампанское теперь расплачиваюсь, а за сидячую жизнь при жирной пищи (жирная то — страсть моя). Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшили эскулапы, увѣряя, что это «послѣднее слово науки»,—фраза, опротивѣвшая мнѣ, по милости нашихъ газетныхъ фельетоновъ».

Ноги у него ослабѣли и болѣли до того, что по временамъ ему трудно было ходить. Но когда, въ январѣ и въ февралѣ 1879 года, во время пребыванія въ Петербургѣ и особенной дѣятельности при переговорахъ о сочиненіяхъ для народа, Мельниковъ велъ болѣе подвижной образъ жизни, то писалъ въ Москву, что «ноги его до того окрѣпли, что, пожалуй, онъ возвратится въ Москву съ совершенно здоровыми ногами». Врачи совѣтовали ему, при желаніи продолжать свои литературные труды, переѣхать въ болѣе теплый климатъ, но и этотъ совѣтъ оставленъ былъ безъ вниманія. Съ начала 1880 года болѣзнь стала усиливаться. Оказалось, что организмъ пораженъ параличемъ, который постепенно усиливается и распространяется. Въ 1881 году, уже пораженный смертельною болѣзнію, П. И. Мельниковъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Нижній-Новгородъ, причемъ оба лѣта 1881 и 1882 года провелъ въ своемъ любимомъ Ляховѣ. Зимою 1881 года онъ былъ неузнаваемъ для тѣхъ,

Digitized by Google

кто давно его не видалъ. Онъ постарѣлъ, лишился своей живости, блеска своей рѣчи. Уже въ 1880 году послѣднія главы своего романа «На Горахъ» онъ не могъ самъ писать и диктовалъ ихъ женѣ своей. Въ январѣ 1881 года онъ съ трудомъ могъ написать немного строкъ. Въ 1882 году П. И. Мельникову стало еще хуже. Пораженный параличемъ, онъ, по словамъ очевидцевъ, уже лѣтомъ 1882 г. съ трудомъ произносилъ слова, постоянно забывался, не могъ держать въ рукѣ папиросу и безпрерывно ронялъ ее. Зимою 1882—1883 года даже домашніе Мельникова не могли разбирать его рѣчи, до того она сдѣлалась затруднительна. Онъ скончался 1-го февраля 1883 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ домѣ на Петропавловской улицѣ, гдѣ провелъ послѣдніе дни своей жизни.

Болѣзнь П. И. Мельникова глубоко отозвалась въ сердцахъ его друзей, почитателей и цѣнителей его таланта. Старинный другъ его, полюбившій его съ сороковыхъ годовъ, неоднократно помогавшій ему въ его служебной карьерѣ, въ моменты министерскихъ перемѣнъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой [1]), отозвался на болѣзнь своего друга слѣдующими сердечными письмами изъ Сергіевскаго посада (подъ Москвою), гдѣ онъ тогда жилъ. «25-го января 1881 года. Я такъ давно не видался, такъ давно не бесѣдовалъ съ вами, добрѣйшій мой Павелъ Ивановичъ, что рѣшился напомнить вамъ о себѣ этими строками. Надняхъ былъ у меня Бартеневъ [2]) и сказывалъ, что вы нездоровы. Николай Ивановичъ Субботинъ [3]) говорилъ мнѣ, что видѣлся съ вами у Хлудова, и тоже говорилъ, что вы постарѣли и ходите съ помощью дру-

---

[1]) Онъ скончался въ мартѣ 1884 года, переживъ только го Мельникова.

[2]) Редакторъ «Русскаго Архива».

[3]) Профессоръ московской духовной академіи.

Digitized by Google

Могила П. И. Мельникова.
(Со рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ).

Digitized by Google

гого. Что вы постарѣли—это меня не удивляетъ, потому что, хотя вы и моложе меня на десять лѣтъ, совсѣмъ тѣмъ эта относительная молодость въ сущности есть довольно почтенная старость. Онъ сказывалъ мнѣ также, что вы въ отставкѣ и обезпечены пенсіею [1]). Этому послѣднему я радуюсь, но все предшествовавшее внушаетъ нерадостныя мысли.

«Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, а конецъ приближается. Что дѣлать? Хорошо, если силы есть работать попрежнему, хотя и не въ той мѣрѣ. Если же силъ не хватаетъ, а жизнь течетъ, то можетъ, по милости Божіей, довести васъ и до моихъ лѣтъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ искренній вашъ другъ, горячо васъ любящій, совѣтую сосредоточиться въ самомъ себѣ, обозрѣть не только поступки, но и самыя помышленія вашей жизни и съ вѣрою и любовію обратиться къ Тому, Кто взялъ на себя грѣхъ всего міра и пришелъ спасти грѣшниковъ. Просите у него, дабы даровалъ покаяніе и примирилъ васъ съ собою посредствомъ божественныхъ св. тайнъ. Пишу эти строки не потому, что я боялся за продолженіе вашей жизни, которая, какъ я слышу, не въ опасности, но подъ вліяніемъ искренней моей къ вамъ любви. Думать о смерти и каяться никогда не рано; вотъ почему я изъ глубины души молюся съ вами: Господи, въ покаяніе пріими насъ и не введи въ напасть! Быть можетъ, что скоро буду въ Москвѣ. Дай, Боже, силъ посѣтить васъ».

Отъ 19-го февраля 1881 г.: «Уважаемый и сердечно любимый Павелъ Ивановичъ. Н. И. Субботинъ сказывалъ мнѣ надняхъ, что вы, бесѣдуя съ Ал. Ив. Хлудовымъ, говорили о полученномъ отъ меня письмѣ съ миромъ и любовію. Благодарю Бога, настроившаго ваше сердце. Я боялся, что непрошенные совѣты, хотя

---

[1]) Ему назначена была пенсія всего въ 1,500 р.

Digitized by Google

внушенные искреннею къ вамъ привязанностію, могли быть для васъ непріятны. Опасеніе это было до того сильно, что я, въ бытность мою въ началѣ сего мѣсяца въ Москвѣ, не рѣшился посѣтить васъ, несмотря на сильное желаніе васъ видѣть. Изъ того же источника я узналъ, что вы жалуетесь, что вамъ не съ кѣмъ сказать «умнаго слова» о вѣчности, и что преосвященный Амвросій выразилъ намѣреніе посѣтить васъ съ этою цѣлію на первой недѣлѣ поста. Дай Боже здоровья попечительному архипастырю. Я не сомнѣваюсь, что въ немъ вы найдете «умнаго» собесѣдника, который будетъ силенъ произвести на васъ спасительное впечатлѣніе и по уму, и по лежащей на немъ благодати св. Духа.

«Имѣя въ виду такого наставника, я долженъ былъ бы только тому радоваться и въ молчаніи ожидать результата, какимъ отзовется на это ваша воля, безъ которой самъ Богъ никого къ себѣ не призываетъ. Но я рѣшился и отъ себя сказать вамъ нѣсколько словъ. Зачѣмъ ищете вы «ума» тамъ, гдѣ нужна только одна простая вѣра? Великая тайна спасенія человѣческаго чрезъ воплощеніе Божіе и обоготвореніе природы человѣческой для «ума» непостижимы. Развѣ вы не знаете, что апостолъ Павелъ, пиша къ жителямъ умнѣйшаго того времени Коринѳа, самъ слово креста называетъ словомъ безумія? И всю силу, и всю надежду нашу заключаетъ въ покореніи разума послушанію вѣры? Знаю я, что кощуны нашего времени обращаютъ такое ученіе въ укоръ, но пусть они докажутъ что Павелъ былъ не уменъ. Безуміе креста состоитъ не въ глупости, а въ непостижимости тайны воплощенія Божія и спасенія человѣческаго. А поэтому отъ всей души желаю вамъ не «ума», которымъ владѣете вы въ изобиліи, а простоты смиренной, вѣры и чувства живой благодарности къ даровавшему намъ способность знать

Digitized by Google

и цѣнить радость искупленія, дарованнаго намъ заслугами Спасителя нашего. Если предстоящая бесѣда съ преосвященнымъ принесетъ ожидаемый мною плодъ, то я увѣренъ, что милосердый Господь сохранитъ вашу жизнь, чтобы всѣ мы, дорожащіе вашимъ литературнымъ дарованіемъ, не только продолжали видѣть въ васъ любимаго автора, но и примѣръ милости Божіей въ вѣрующемъ человѣкѣ.

П. И. Мельникова похоронили на кладбищѣ при женскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, расположенномъ на самомъ краю города, близь Оки, у начала большого арзамасскаго тракта, ведущаго къ Ляхову. Монастырь этотъ основанъ въ 1815 году, а въ 1856 году сдѣланъ былъ первоклассным [1]). Кладбище при этомъ монастырѣ считается лучшимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. На могилѣ лѣтомъ 1884 года деревянный крестъ замѣненъ былъ красивымъ чугуннымъ памятникомъ, воздвигнутымъ вдовою и дѣтьми П. И. Мельникова.

Пав. Усовъ.

---

1) Онъ образовался изъ трехъ прежде бывшихъ женскихъ монастырей въ Нижнемъ: Зачатійскаго, Происхожденскаго и Воскресенскаго. Зачатійскій основанъ былъ въ XIV вѣкѣ великою княгинею Анастасіею Ивановною и находился на устьѣ рѣки Почайны, на самомъ берегу Волги, на мысу, смытомъ впослѣдствіи Волгою. Великая княгиня Анастасія, въ монашествѣ Васса, въ схимѣ Ѳеодора, причислена къ лику святыхъ мѣстно-чтимыхъ.

Digitized by Google

ХАРАКТЕРИСТИКА

ТВОРЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

А. П. МИЛЮКОВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ХАРАКТЕРИСТИКА

ТВОРЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

А. П. МИЛЮКОВА.

Вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, графомъ Л. Толстымъ, онъ, П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), служитъ однимъ изъ представителей художественной школы, ознакомившей русское общество съ разными сторонами его жизни и освѣтившей ея внутренній смыслъ. И едва-ли кто изъ писателей этой школы сумѣлъ глубже его проникнуть въ тѣ сокровенные тайники этой жизни, гдѣ чистонародная струна не смѣшивается ни съ какими посторонними примѣсями и видимыми вліяніями, и гдѣ, можетъ быть, скрывается ключъ къ уясненію нашего прошлаго, и къ задачамъ нашего будущаго. Въ этомъ именно отношеніи оригинальный талантъ Мельникова получаетъ особенно важное значеніе, до сихъ поръ далеко еще не выясненное нашею критикою.

Digitized by Google

Первымъ печатнымъ произведеніемъ П. И. Мельникова были «Дорожныя записки изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь», напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1839 году. Статья эта замѣчена была, какъ по точности собранныхъ въ ней фактовъ, такъ и по признакамъ литературнаго дарованія И это дарованіе выразилось яснѣе и обратило на себя вниманіе образованнаго общества, когда подъ всевдонимомъ Андрея Печерскаго явились его разсказы «Медвѣжій уголъ» и «Старые годы». Эти то сочиненія поставили автора ихъ въ первый рядъ нашихъ писателей-художниковъ. Кромѣ занимательности содержанія, вѣрнаго воспроизведенія взятой эпохи и мѣтко схваченныхъ изъ нея типовъ, разсказамъ придало не мало значенія и то, что проведенныя въ нихъ идеи совпадали съ тѣмъ обличительнымъ настроеніемъ, какое господствовало тогда въ нашемъ обществѣ и отражалось въ большей или меньшей степени даже въ писателяхъ чисто-художественнаго характера. Но эта, въ нѣкоторомъ отношеніи тенденціозная струя исчезла въ дальнѣйшей творческой дѣятельности Мельникова, уступивъ мѣсто одному чисто-художественному воспроизведенію русской народной жизни.

Высокое дарованіе П. И. Мельникова выражается даже въ мелкихъ его разсказахъ. Такова, напримѣръ, его повѣсть «Красильниковы», гдѣ чрезвычайно характерно выраженъ взглядъ нашего старосвѣтскаго купечества на просвѣщеніе. Кто читалъ этотъ прекрасный разсказъ, тотъ, конечно, не забудетъ самодура, который при замѣчательномъ умѣ и тонкомъ практическомъ смыслѣ не считаетъ науку полезною для торговли, только въ угоду губернатору соглашается дать образованіе сыну и потомъ губитъ его за то, что онъ женился на иновѣркѣ. Это мѣтко очерченное лицо можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими типами

Digitized by Google

Островскаго. Но вмѣстѣ съ живымъ интересомъ сюжета и художественностью характеровъ, въ повѣсти есть еще замѣчательная сторона, которая придаетъ ей болѣе серьезное значеніе: это то, что въ бесѣдахъ купца Красильникова съ пріѣзжимъ изъ столицы чиновникомъ ярко обрисовывается отношеніе нашей администраціи къ торговлѣ и промышленности. Вы видите, какъ несостоятельны оказываются передъ «учеными на мѣдную полтину» торговцами наши чиновные бюрократы, свысока трактующіе о томъ, что недоступно ихъ кабинетамъ.

Но вполнѣ талантъ П. И. Мельникова развернулся въ обширномъ его произведеніи, подъ названіемъ «Въ лѣсахъ», и «На горахъ». Въ этихъ двухъ романахъ, составляющихъ одно цѣлое, и по единству идеи, и по цѣлости сюжета съ одними и тѣми-же лицами, авторъ является великимъ знатокомъ русской народной жизни и русскаго народнаго духа. Дѣйствіе этой обширной, но по концепціи плана весьма простой эпопеи, обставленной многочисленными и въ тоже время органически связанными эпизодами, происходитъ въ приволжскихъ губерніяхъ, какъ на луговой, такъ и въ нагорной сторонѣ. Тутъ авторъ вводитъ насъ въ мало извѣстный до сихъ поръ большинству русскаго общества, но въ совершенствѣ знакомый ему самому міръ русскихъ старообрядцевъ и раскольниковъ. Передъ нами въ ясныхъ картинахъ раскрывается своеобразный и въ высшей степени характерный бытъ этой милліонной общины, которая составляетъ какъ-бы status in stato въ средѣ нашего общества и сохраняетъ въ себѣ въ первобытной чистотѣ тѣ стороны русской жизни и тѣ черты русскаго духа, которыя или совсѣмъ утратились, или во многомъ измѣнились въ другихъ слояхъ нашего народа. П. И. Мельниковъ съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ всякой обличительной цѣли, какъ

Digitized by Google

спокойный художникъ, рисуетъ и обыденную, и праздничную жизнь этихъ людей, ихъ семейныя и общественныя отношенія, темныя и свѣтлыя стороны ихъ домашняго быта, особенности въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, во взглядахъ и вѣрованіяхъ, сохранившіяся отъ давнихъ временъ или возникшія въ самой средѣ ихъ, вслѣдствіе ихъ исключительнаго положенія. Въ этомъ старообрядческомъ мірѣ на окраинахъ средней Волги, авторъ показываетъ намъ «исконную кондовую Русь», гдѣ никогда не бывало чуждыхъ насельниковъ и гдѣ Русь изстари въ чистотѣ стоитъ, во всемъ своемъ ростѣ и дородствѣ, со всѣми прирожденными ей свычаями и обычаями. И вотъ мы въ богатомъ домѣ старовѣра-тысячника и въ женской старообрядческой обители, на дѣвичьихъ супрядкахъ и на «свадьбѣ уходомъ», на религіозныхъ бесѣдахъ начетчиковъ и въ зимницѣ лѣсовщиковъ, посреди дремучей трущобы, на тайной службѣ въ раскольничьей молельнѣ и въ скитахъ старцевъ, промышляющихъ «золотымъ дѣломъ», т. е. поддѣлкою ассигнацій. Все это представлено въ такихъ очертаніяхъ и краскахъ, какими владѣетъ только художникъ, видимо изучивши предметъ. И сколько характерныхъ лицъ проходитъ передъ читателемъ: этотъ умный и честный тысячникъ Чапуринъ и его симпатичная красавица дочь Пастя, эта суровая мать-игуменья Манеѳа, снисходительная къ грѣхамъ молодости, и продувной прикащикъ Алешка, соблазняющій дочь хозяина и молодую вдовушку-раскольницу, этотъ московскій «посолъ» Василій Борисовичъ, ухаживающій за всѣми смазливыми дѣвушками съ набожнымъ присловьемъ: «охъ, искушеніе»! эти шаловливыя и веселыя уставщицы и канонницы, съ «ихъ метаньями» передъ матушкой и смѣхомъ съ гуляющими молодцами, и, наконецъ, эта послушница Фленушка, устраивающая любовныя свиданія и свадьбы—

Digitized by Google

все это чисто русскіе люди, во всей полнотѣ этого понятія. Въ главную нить романа вплетается цѣлый рядъ народныхъ легендъ и преданій изъ коренной русской жизни, которыя раскрываютъ все богатство русской народной фантазіи. Таковы художественныя эпизоды «О Громѣ Гремучемъ и веселомъ Ярилѣ, о хмѣлевыхъ ночахъ и подводномъ городѣ Китежѣ». Сказанія старообрядческихъ паломниковъ, пѣсни дѣвушекъ на вечеринкахъ и на красной горкѣ и причитанья плакушъ на похоронахъ — все обаятельно переноситъ читателя въ среду нашего исконнаго народнаго быта.

По глубокому знанію коренныхъ началъ русской жизни П. И. Мельникова слѣдуетъ поставить на ряду съ А. Н. Островскимъ. Если у перваго типы не такъ разнообразны, бытовая сторона не въ такой степени многостороння, зато онъ глубже проникаетъ въ основы нашей народности, въ самый источникъ народнаго духа. У него русскій человѣкъ видѣнъ не только во всей чистотѣ его національнаго облика, со всѣми проявленіями ума и нрава, но съ самымъ процессомъ его міровоззрѣнія. Если Островскій въ мастерски намѣченныхъ типахъ передаетъ намъ русскій народный бытъ преимущественно въ кругу средняго сословія, то у Мельникова видимъ, можно сказать, самые корни, на которыхъ выросла русская народная жизнь во всѣхъ ея основныхъ развѣтвленіяхъ. Это можно замѣтить, сравнивая, напримѣръ, бытовыя сцены комедіи «Бѣдность не порокъ» со сценами того-же рода въ романѣ «Въ лѣсахъ». Въ описаніяхъ природы на-
ятся у Мельникова художественныя картины, ка-
встрѣчаются развѣ у Тургенева, но онѣ какъ-бы
е болѣе согрѣты русскимъ колоритомъ; таково его
исаніе ветлужскихъ лѣсовъ съ ихъ непроходимыми
цами. Не говоримъ о языкѣ Андрея Печерскаго: по

Digitized by Google

чисто-русскому складу и типичности, съ нимъ можетъ соперничать только языкъ Островскаго.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ войти въ подробный разборъ произведеній П. И. Мельникова, но нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно этотъ оригинальный талантъ будетъ вполнѣ оцѣненъ нашею критикою, какъ онъ оцѣненъ уже въ обществѣ, и займетъ подобающее ему высокое мѣсто среди самыхъ крупныхъ представителей русской литературы нашего времени *).

*) Настоящій очеркъ составляетъ извлеченіе изъ статьи А. П. Люкова, помѣщенной въ «Нивѣ» (1883, № 1).

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ТОМЪ ВТОРОЙ

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ П. И. МЕЛЬНИКОВА (АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, сверенное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ВТОРОЙ

I. КРАСИЛЬНИКОВЫ.
II. ДѢДУШКА ПОЛИКАРПЪ.
III. ПОЯРКОВЪ.
IV. СТАРЫЕ ГОДЫ.
V. МЕДВѢЖІЙ УГОЛЪ.
VI. НЕПРЕМѢННЫЙ.
VII. ИМЕНИННЫЙ ПИРОГЪ.
VIII. БАБУШКИНЫ РОЗСКАЗНИ.
IX. НА СТАНЦІИ.
X. ГРИША.
XI. ВЪ ЧУДОВѢ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА — Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1897

Digitized by Google

Дозволено цензурою 1-го марта 1897 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

Digitized by Google

КРАСИЛЬНИКОВЫ

(Изъ дорожныхъ записокъ)

I

Въ уѣздномъ городѣ С. остановились мы посмотрѣть на извѣстные кожевенные заводы Красильникова. Нетрудно было отыскать домъ богатаго заводчика, каменный двухэтажный, лучшій во всемъ городѣ; стоитъ онъ недалеко отъ древняго собора, обезображеннаго пристройками въ «новѣйшемъ» вкусѣ.

Въ верхнемъ жильѣ, въ окнахъ съ цѣльными зеркальными стеклами, стояли незатѣйливыя гипсовыя изображенія Вольтера, Суворова, поднявшей чуть не выше головы правую ногу Тальони, зеленаго попугая съ коричневымъ носомъ и разноцвѣтной кошки, съ головой, качавшейся при малѣйшемъ прикосновеніи. Въ середнемъ окнѣ виднѣлись дорогіе бронзовые часы, а стекла угихъ залѣплены были вырѣзанными изъ цвѣтной маги подобіями лошади и чего-то въ родѣ буквы Ф, раздвоеннымъ нижнимъ концомъ и трехуголкой съ рьями наверху. Въ нижнемъ жильѣ въ окна вдѣланы ли толстыя желѣзныя рѣшетки, а стекла сплошь

Digitized by Google

выбиты. На цоколѣ краснымъ карандашемъ въ нѣсколько рядовъ писаны бирочные знаки: кресты, кружки черточки—открытая на весь міръ расходная книга приказчика, отпускавшаго кому-то опойки.

Ворота были заперты. Я стукнулъ тяжелымъ желѣзнымъ кольцомъ о дубовое полотно калитки: раздался сиплый лай цѣпной дворняжки, и въ подворотнѣ показались три собачьи морды, скаля зубы и заливаясь глухимъ ревомъ. Шеколда изнутри стукнула, и краснолицая, курносая дѣвка-чернавка, вершковъ одиннадцати въ отрубѣ, одѣтая въ засаленный московскій сарафанъ изъ ивановскаго ситца, просунулась до половины и опросила насъ:

— Кого вамъ надоть?

— Корнила Егорычъ дома?

— А отдыхаетъ: сейчасъ пообѣдамши.

— Когда его можно застать?

— А не знаю же я... Да вы откелева будете?

— Изъ П...

Я назвалъ губернскій городъ.

— По кожу, аль по сало?

— Нѣтъ... Такъ нужно хозяина повидать. Когда застать-то?

— Не вѣду. Спрошать развѣ Марью Андревну, коль не започивала.

Заперла дѣвка-чернавка калитку, ушла. Воротясь минутъ черезъ пять, сказала:

— Въ вечерню приходите, не то завтра послѣ ранней обѣдни.

— Ну, завтра, такъ, завтра.

Мы съ путевымъ товарищемъ хотѣли было и[illegible] на постоялый дворъ, гдѣ остановились за неимѣнь[illegible] въ С. гостиницы: но дѣвка-чернавка еще разъ оп[illegible]сила насъ, должно быть, для удовлетворенія собст[illegible]наго любопытства:

Digitized by Google

— А сами-то вы изъ какъ ихъ будете? Приказчики, что ли чьи?

— Нѣтъ, не приказчики.

— Кто же вы?

— Чиновные.

— Изъ судовъ?

— Отъ губернатора.

Это слово имѣло чародѣйную силу: не прошли мы ста саженъ, какъ за нами послышались крики:

— Обождите-ка, воротитесь-ка! Корнила Егорычъ васъ кликнуть велѣлъ.

Босоногая дѣвка-чернавка бѣжала во всю прыть. Ее перегоняли собаки, одна вцѣпилась въ полу моего спутника.

— Лыска! лыска! цыма-те! Экой пострѣлъ, кабанъ проклятый!—кричала изо всей мочи дѣвка-чернавка.

И схвативъ валявшуюся на улицѣ слегу, принялась колотить направо и налѣво косматыхъ стражей Корнилы Егорыча. Собаки завизжали и побѣжали домой. Путеводимые спасительницей отъ ихъ ярости, вошли мы на дворъ Красильникова, обошли парадное крыльцо, гдѣ обглоданные мослы и сбитое сѣно указывали на жительство враговъ нашихъ, и теперь еще исподтишка бросавшихся подъ ноги. Обогнувъ уголъ дома, по заднему крыльцу взошли мы на верхъ, нагибаясь подъ протянутыми веревками, развѣшанными для просушки бѣлья. По всему двору крѣпко пахло дегтемъ и кожей.

Темными закоулками провела насъ дѣвка-чернавка въ обширную комнату — въ «залу» и, молвивъ, что хозяинъ сейчасъ выйдетъ, ушла.

По убранству комнаты видно было, что Корнила Егорычъ — человѣкъ домовитый и, разбогатѣвъ, изъ кожи лѣзъ, чтобъ на славу украсить жилище свое: денегъ не жалѣлъ, все покупалъ безъ разбору, платилъ втридорога, и все невпопадъ. Отдѣлалъ стѣны

Digitized by Google

подъ мраморъ, раззолотилъ карнизы, настлалъ дубовый мелкоштучный паркетъ, покрылъ его шелковыми коврами, надъ окнами развѣсилъ бархатные занавѣсы, а на стѣну накеилъ литографію Василья Логинова, въ углу повѣсилъ клѣтку съ перепеломъ, а на окнахъ между кактусомъ и геліотропомъ въ полуразбитыхъ чайникахъ поставилъ стручковый перецъ да бальзаминъ. Мебель въ гостиной за дорогую цѣну куплена была въ Петербургѣ да еще на перебой съ какимъ-то вельможей; но сшитые изъ поношеннаго холста съ крашенинными заплатами чехлы снимались съ нея только въ Свѣтлое Воскресенье да въ хозяйскіе именины. Въ великолѣпныхъ лампахъ, разставленныхъ по столамъ и по угламъ, масла съ роду не бывало, да во всемъ С. и зажигать-то ихъ тогда еще никто не умѣлъ.

Непривычно Корнилѣ Егорычу ходить по мелкоштучному паркету, не умѣетъ онъ ни сѣсть, ни стать въ комнатахъ, строенныхъ не на житье, а людямъ на показъ, робѣетъ громко слово сказать въ виду дорогихъ своихъ мебелей. Душно ему въ своемъ домѣ, сбылась надъ нимъ пословица: «Своя воля страшнѣй неволи». Осторожно пробираясь межъ затѣйливыми диванами и креслами, ровно изгнанникъ бѣжитъ Корнила Егорычъ изъ раззолоченныхъ палатъ въ укромный уголокъ, чужому человѣку недоступный. Тамъ на теплой изразцовой лежанкѣ ищетъ онъ удобствъ, какихъ не сыскать въ разубранныхъ комнатахъ. Вотъ у лежанки стоитъ сосновый, крѣпкой водкой травленный столъ подъ ярославской салфеткой: на немъ счетная, Псалтирь и «Московскія Вѣдомости»; у стола стулъ-складень: привыкъ къ нему Корнила Егорычъ, сидя мальчишкой въ чужой лавкѣ. Вотъ двуспальная кровать съ пуховикомъ чуть не до потолка и съ жиной подушекъ: крѣпко спится на ней Корнилѣ Е рочу. Вотъ каѳельная печь съ поливными фигу

Digitized by Google

балахонской работы: ровно баню, грѣетъ она завѣтный уголъ хозяина, и пригляднѣй ему бѣломраморныхъ стѣнъ залы и бархатныхъ обоевъ гостиной. А часовъ съ кукушкой, что повѣшены противъ кровати, не отдастъ онъ за двѣ дюжины дорогихъ часовъ, что на мраморномъ подставѣ красуются у середняго окна гостиной. Добровольно, но подчасъ съ досадой, жмется Корнила Егорычъ въ тѣсной мурьѣ—хватилъ бы все по боку, и зажилъ бы, какъ хочется — да нельзя!.., Какъ отъ людей отстать? Попалъ въ стаю—лай не лай, а хвостомъ виляй... Еще скрягой прозовутъ. Зато разъ отведена была у него квартира для губернатора. На прощаньи генералъ сказалъ хозяину: «Ну, Корнила Егорычъ, домикъ-то у тебя на славу отдѣланъ—мебель хоть во дворецъ». И счастливъ, и доволенъ былъ Корнила Егорычъ и сторицей вознагражденъ за досадныя минуты, когда, проходя бочкомъ мимо дорогихъ мебелей, думаетъ самъ про себя: «И на какой шутъ, прости Господи, такіе стулья надѣланы? Сѣсть порядкомъ нельзя—безъ сноровки провалишься совсѣмъ».

Не странно въ залѣ Корнилы Егорыча встрѣтить и логиновскую литографію, и стручковый перецъ, и перепела въ клѣткѣ изъ лутошекъ. Дороги они хозяину, добровольному заточеннику въ золотой тюрьмѣ своей. Вспоминали они ему былое, бѣдное, но свободное отъ несроднаго житья-бытья время, — время молодости, когда жилось веселѣй, а на свѣтѣ Божьемъ было просторнѣй, и все смотрѣло яснѣй и радостнѣй Кромѣ перепела да перца, остальное было чуждо, несродно хозяину: здѣсь ему и свое не свое, здѣсь и самъ онъ, вно на выставкѣ—міру на показъ. Ничего для себя; е для чужихъ; даже гипсовыхъ Вольтера съ попуемъ поставилъ онъ передомъ на улицу.

По лицу вышедшаго къ намъ Корнилы Егорыча но было, что могучее слово «отъ губернатора» отс-

Digitized by Google

рвало его отъ дорогой лежанки. Замѣтно было, что одѣвался онъ наскоро; золотыхъ медалей однакнжъ не забылъ надѣть. Это былъ широкоплечій старикъ средняго роста, волосы совсѣмъ почти бѣлые, борода маленькая, клиномъ, глаза подслѣповатые, но живые, выразительные. По суровому облику его видно было, что это старикъ своеобычный, крутой; а розсыпью глядѣвшіе глаза обличали въ немъ человѣка, что всякаго проведетъ и выведетъ. Но въ этомъ хитромъ бѣгающемъ взорѣ крылась какая-то грусть затаенная Туманилось лицо Корнилы Егорыча горемъ душевнымъ, еще не выношеннымъ, не выстраданнымъ. День меркнетъ ночью, человѣкъ печалью, а горе борозды по лицу проводитъ. Казалось, и Корнилѣ Егорычу не годы убѣлили голову, а душевное горе. Оно не молодитъ, а косицу бѣлитъ.

— Покорно просимъ!—сказалъ Корнила Егорычъ:— Извините, позадержалъ: соснуть было прилегъ.

И, при вспоминаньѣ о лежанкѣ, зѣвнулъ, набожно перекрестивъ ротъ. Мы извинились, что потревожили его, сказали свои имена и показали открытый листъ начальника губерніи, гдѣ было сказано, что пріѣхали мы изъ Петербурга отъ министра внутреннихъ дѣлъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Послѣ того я попросилъ хозяйскаго дозволенія взглянуть на его кожевенный заводъ.

Безъ чашки чаю, безъ рюмки вина, безъ закуски отъ русскаго купца стараго закала никому не уйти. Старинное хлѣбосольство не чуждо было и Корнилѣ Егорычу. На столахъ появились вино, закуска, разныя сласти. Приказчикъ, стриженный въ скобку, въ длиннополой суконной сибиркѣ съ борами назади и съ сильнымъ запахомъ кожи, подалъ чай Рѣчь шла про торговлю.

— Кожа плохо пошла!—говорилъ Корнила Егорычъ: —Въ прежни годы въ одну Одессу мы втрое больше

Digitized by Google

ставили, въ Ливурну оттолѣ возили; теперь стало дѣло, да и шабашъ.

— Отчего жъ такъ, Корнила Егорычъ?

— Сырьемъ повезли. У иностранцевъ, я вамъ доложу, на этотъ предметъ руки золотыя — не нашимъ чета. Нашъ братъ Русакъ смѣткой взялъ, а Нѣмецъ —терпѣньемъ. Да въ нашей-то смѣткѣ горе проявилось, да не одно, цѣлыхъ три.. Русскій человѣкъ на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось да какъ-нибудь. Намъ бы тяпъ-ляпъ — и корабль, а тамъ — нѣтъ-съ, тамъ на этотъ счетъ все въ акуратъ... Къ примѣру хоть кожа: что наша русская кожа? Вонъ на дворѣ партія юхты лежитъ — на урюпинску заготовилъ — развваляйте-ка возъ: тутъ подрѣзь, тутъ гниль мясная, а тутъ и все дырье... Отчего?... Оттого, что платишь рабочему поштучно, онъ тебѣ и дѣлаетъ какъ-нибудь, одно норовитъ: больше бы кожъ обрядить... Да какъ пошелъ ножомъ съ плеча валять, тутъ ему не до подрѣзей. Небось, говоритъ, хозяинъ не запримѣтитъ. А хозяинъ, нашъ братъ, не въ печку же ему бросать порчену кожу: авось, думаетъ, на ярмаркѣ сбуду. А какъ работникъ-отъ дѣлаетъ какъ-нибудь, да хоронится за небось, да какъ и хозяинъ-отъ на авоськѣ въ ярманку выѣзжаетъ—добра не жди. Правду надо говорить!... Вотъ за границу наша кожа и нейдетъ, а сырье иностранцы съ рукамъ готовы рвать. Изъ русскаго сырья они такую тебѣ кожу сработаютъ, что нашей-то въ носъ кинется. Вотъ отъ чего, сударь, стала наша кожа. Красна юхта покуда еще идетъ—это особь-статья, эта завсегда пойдетъ; у насъ березы-то не занимать стать; а за границей чуть не каждый сучокъ а перечетѣ.

— Какъ же сбытъ юхты зависитъ отъ березы?

— Березы нѣтъ—дегтю нѣтъ; а безъ дегтю хорошей юхты не сдѣлать.

Digitized by Google

Перешелъ разговоръ на смуты, возникшія въ то время на западѣ.

— Въ венгріи, кажется, война будетъ, сказалъ я: —для тамошнихъ войскъ кожа потребуется, нашей попросятъ...

— Пуда не попросятъ. Пошли бы туда наши кожи, ежели бы тамъ шла война по Божьему велѣнью, сталъ бы царь на царя, законъ на законъ. Тогда бы пошла... А теперь что намъ?... Законная развѣ война... Бунтъ богопротивный, усобица... Подерутся и босикомъ!..

Таковы рѣчи Корнилы Егорыча. А учился за мѣдну полтину у приходскаго дьячка, выѣзжалъ изъ своего городка только къ Макарью на ярмонку, да, будучи городскимъ головой, раза два въ губернскій городъ—ко властямъ на поклонъ. Кромѣ Псалтыря, Чети-Минеи да «Московскихъ Вѣдомостей», сроду ничего не читывалъ, а говорилъ, ровно книга... Человѣкъ бывалый. Природный, свѣтлый умъ бралъ свое. Заговорили о развитіи торговли и промышленности.

— Чтобъ дѣло торговое шло,—молвилъ Корнила Егорычъ:—надо, чтобъ ему не дѣлали помѣхи, а пуще того, что ему не помогали, на казенну бы форму не гнули. Не приказное это дѣло: въ форменну книгу его не уложишь. А главная статья—сноровка... Безъ сноровки будь каждый день съ барышемъ, а вѣкъ проходишь нагишомъ. А главнѣй всего—Божья воля: благословитъ Господь—въ отрепьѣ деньгу найдешь: безъ Божьяго благословенья корабли съ золотомъ ко дну пойдутъ.

— Такъ, Корнила Егорычъ, слова нѣтъ на вашу рѣчь: Божье благословенье первое дѣло; но, кажется вы еще одно позабыли.

— А что жъ такое?

— Науку, просвѣщеніе.

Нахмурился Красильниковъ, помолчалъ, и такую рѣчь повелъ:

Digitized by Google

— Просвѣщеніе!... Это, что въ книгахъ-то пишутъ?... Эхъ, сударь! мало ль что пишутъ да печатаютъ! Супротивъ печатнаго не соврешь. Перо скрыпитъ, бумага молчитъ да все терпитъ... Вотъ, примѣру ради, промысла хоть что-ли взять? Пишутъ да печатаютъ, что въ гору они пошли... Рѣчи нѣтъ, прытко идутъ, шагаютъ широко, да не такъ, какъ пишутъ. Не въ ту силу говорю, что наша промышленность тише идетъ супротивъ того, какъ про нее печатаютъ: нѣтъ-съ, можетъ, она и попрытче того идетъ, а про то я говорю, что пишутъ-то нескладно, неладно, ровно чортъ шестомъ по Неглинной... Вотъ въ «Вѣдомостяхъ» какъ-то разъ я про нашъ уѣздъ вычиталъ. Пишетъ какой-то баринъ — видно такой же, что и вы: тоже свѣдѣнья собиралъ—пишетъ, что въ запрошломъ году и скота у насъ стало больше, и крестьянскій промыселъ въ гору пошелъ; а видно-де это изъ того, что на базарахъ скота больше продано, саней и всякаго другого крестьянскаго издѣлья.

— Что жъ, Корнила Егорычъ? Развѣ базарная торговля не можетъ показать степень крестьянскихъ промысловъ?...

— Врядъ ли, сударь! По нашему, не можетъ... Вотъ хоть бы нашу сторону взять... Сторона гужевая: отъ Волги четыреста, отъ Оки двѣсти верстъ, рѣки, пристани далеко—надо все гужомъ. Вотъ въ запрошлый годъ и уродились у насъ хлѣба вдоволь, а промысла на ту пору позамялись... Мужикъ волкомъ и взвылъ, для того, что ему хлѣбомъ однимъ не прожить... Крестьянско житье тоже деньгу проситъ. Спаси Господи и помилуй православныхъ отъ недорода, избавь, Царю небесный, и отъ того, чтобы многохлѣба родилось.

— Какъ такъ, Корнила Егорычъ?

— Да такъ-съ. Мы люди простые, зато седьмой

Digitized by Google

десятокъ доживаемъ — всего насмотрѣлись. Привелъ Господь смолоду, когда еще въ бѣдности находился, и голодъ изжить: макýху, дурáнду, мезгý сосновую ѣли. И урожаи видалъ. Такъ ужъ я и знаю, что перородъ хуже недорода, что здѣшнему гужевому крестьянину не то бѣда, что гумно не полно, а то горе великое, ежели работа замнется, промыслу не хватитъ, да на ту пору хлѣбъ въ низкой цѣнѣ станетъ. Въ запрошлый годъ хлѣбъ-отъ здѣсь по полтинѣ былъ ассигнаціями. Серебряный пятиалтынный, значитъ, безъ семитки... Подушныя мужику надо платить: вези, значитъ, три воза за двѣсти верстъ до пристани, для того, что по осени да по первозимицѣ на мѣстѣ покупщиковъ ни души. Ну, и вези да считай, много ль дорогой-то денегъ прохарчишь... Да что подати?... Подати у насъ, слава Богу, не больно еще тяжелы; такъ вѣдь не на однѣ подати мужику деньги нужны: надо упряжь справить, надо кушакъ купить, шапку, платокъ женѣ, въ храмовой праздникъ винца хлебнуть, а тамъ еще свадьбы да родины, молебны да крестины, попъ съ праздничнымъ придетъ—ему хлѣбъ-отъ хлѣбомъ, а деньги деньгами. А такъ въ урожайный годъ хлѣбъ-отъ подешевѣетъ да промыслы-то ýхнутъ, и нѣтъ ихъ совсѣмъ, заработки-то пойдутъ дешевые, у мужика изъ рукъ все и отобьется. А на ту пору староста въ окошко стучитъ, оброкъ, говоритъ, подавай. —Денегъ нѣтъ.—Давай, говоритъ, срокъ пришелъ, а нѣтъ денегъ, такъ корову продавай... Повелъ мужикъ телку, повелъ другой сновотелку, повелъ третій бычка. На базарѣ ихъ сосчитали, да въ «Вѣдомостяхъ» и припечатали: скота-де у нихъ расплодилось... Прошелъ мѣсяцъ-другой, опять староста у окна.—Денегъ нѣтъ, говоритъ ему мужичекъ. А староста ему на отвѣтъ: у тебя двѣ телѣги—нову-то продай. Повезъ мужикъ телѣгу, повезъ другой сани, повезъ третій дровни —

Digitized by Google

на базарѣ ихъ сосчитали, а ваша милость, что свѣдѣнья-то сбираете, и хвать въ «Вѣдомостяхъ»— промыслы-де у нихъ въ гору пошли... Не въ ту силу говорю, что ины книги ровно шайтанъ помеломъ въ трубѣ написалъ... Годъ-отъ перерода минетъ, на хлѣбъ станетъ цѣна хорошая, промыслы поднимутся, глядишь —справился мужикъ: скотомъ обзавелся, сбруей, и въ мошнѣ не пусто стало. Въ зимницѣ три, четыре коровушки, подъ навѣсомъ двѣ, три телѣги; и какъ староста подъ окно придетъ, оброкъ-отъ ему платить есть изъ чего. А на базарѣ ни коровъ, ни телѣгъ, ни саней, что въ прошломъ году нужда вывозила. Подмѣтятъ господа, что книги печатаютъ, да, не справясь со святцами—бухъ въ большой, скота-де стало меньше: видно-де, падежъ у нихъ былъ, да и промыслы упали, должно-де быть, народъ обѣднялъ... Обѣднялъ!.. Какже!.. Лежитъ себѣ на печи да бражку потягиваетъ.

Страннымъ казалось мнѣ уклоненье Корнилы Егорыча отъ прямого разговора. «Что бъ это значило? думалось мнѣ. Началъ за здравіе, свелъ за упокой». Опять наклонилъ я рѣчи на прежній предметъ, опять сказалъ, что для успѣховъ торговли надо купцамъ учиться и учиться...

— Въ ниверситетѣ, что ли-съ?—съ горькой, но задорной усмѣшкой возразилъ Красильниковъ:—Нѣтъ-съ, увольте, ваше высокородіе!... Покорнѣйше благодаримъ-съ!.. Знаемъ мы! Это дѣло, сударь, ваше—барское, а нашему брату оно не по шерсти. Изъ нашего брата, изъ купечества, это тому пригодно, кто думаетъ сыновей въ дворяне выводить, а намъ — нѣтъ-съ, ольте!... да и проку мало, ей-Богу, мало. Дѣдъ, ецъ копятъ деньги, скопятъ капиталъ, большія дѣла ведутъ, милліонами зачнутъ ворочать, а ученый сыкъ въ карты ихъ проиграетъ, на шампанскомъ съ ляками пропьетъ, камедіянткамъ расшвыряетъ. аль

Digitized by Google

на балы да на вечеринки... Глядишь—и пошелъ Христовымъ именемъ кормиться... Да это бы еще не бѣда... А какъ разумъ сгинетъ, какъ... Прохора Андреича Крапивина — изволите знать?... Въ Москвѣ суконная фабрика у него была. У него сынокъ-отъ ученый... Въ чинахъ былъ, въ каретахъ ѣздилъ, на дворянкѣ женился, да какъ профуфынился — изъ ружья себя и застрѣлилъ... Вотъ-те и чины!... Вотъ-те и ученье!.. Душеньку-то свою не уберегъ, самому Сатанѣ ее на руки отдалъ...

— Не говорю я, Корнила Егорычъ, чтобъ молодые купцы, выучившись, оставляли свое званіе и проматывали отцовскіе Капиталы. Дѣльное, правильное ученье научитъ быть бережливымъ, научитъ и уваженіе имѣть къ сословію, въ которомъ родился. Теперь у насъ слава Богу...

— Не говорите!... Мнѣ-то этого не говорите?.. Купцу ученье—пагуба, вотъ что!... У меня у самого... Да позабавьтесь финичками-то, ваше высокородіе.... Икорки-то покушайте: перваго, сударь, ба́гренья, прямо изъ Уральска... А ты что губы-то распустилъ, Петровичъ?... Что чашки не примаешь?... Давай еще чаю-то!... Да мадерцы еще рюмочку, ваше высокородіе!... Кликни Сережу, Петровичъ!

Сережа, парень лѣтъ двадцати трехъ—четырехъ, румяный, здоровый, съ богобоязненнымъ видомъ и тихой поступью, робко вошелъ въ комнату. Низко поклонясь, смиренно остановился онъ у притолки, глядя исподлобья на родителя. Тотъ сказалъ ему:

— Сивую въ дрожки, савраску въ бѣговыя. Ты со мной на савраскѣ поѣдешь.

Я сталъ уговариватъ Корнилу Егорыча самому не безпокоиться, а отпустить съ нами на заводъ одного Сережу... Взгрустнулось, должно быть, по лежанкѣ Корнилѣ Егорычу,—согласился.

Digitized by Google

— Парень молодой, сказалъ онъ про сына:—мало еще толку въ немъ... Оно толкъ-отъ есть, да не втолканъ весь... Молодъ, дурь еще въ головѣ ходитъ—похулить грѣхъ, да и похвалишь, такъ Богъ убьетъ. Все бы еще рядиться да на рысакахъ. Извѣстно, зеленъ виноградъ—не вкусенъ, младъ человѣкъ не искусенъ. Лѣтось женилъ: кажется, пора бы и умъ копить. Ну, да Господь милостивъ: это еще горе не великое... не другое что...

Помутился взоръ Корнилы Егорыча. Помолчавши, вздохнулъ онъ и молвилъ вполголоса:

— На волю Божью не подашь просьбы!...

Вошелъ Сережа.

— Поѣзжай на заводъ съ господами!—сказалъ ему отецъ:—Покажи тамъ все, какъ оно есть... Слышишь?... Чего сталъ?... Пошелъ, дожидайся!

Сережа пошелъ было; но отецъ, воротивъ его съ полдороги, тихонько молвилъ ему:

— Митьку въ сушильню!.. Слышишь?—прибавилъ онъ громко.

— Слышу, тятенька!

— Ступай же!... На крыльцѣ дожидайся... А послѣ заводу, ваше высокородіе, просимъ покорно на чашку чаю. Сдѣлайте такое ваше одолженіе, не побрезгуйте убогимъ нашимъ угощеніемъ

Сережа, тихій смиренникъ на отцовскихъ глазахъ. не таковъ былъ на заводѣ. Съ нами обходился подо-трастно, насилу согласился картузъ надѣть, но съ рочими обходился круто и, къ тому жъ, безтолково. крикивая ни за что, ни про что, сурово поглядыъ онъ то на того, то на другого, и пятились ра-ie, и прятались другъ за дружку, косясь на тол-

Digitized by Google

стую, суковатую палку, что была въ сильныхъ, мускулистыхъ рукахъ Сережи.. Но вдругъ какой-то шальной, вывернувшись изъ-за зольнаго чана, мазнулъ его по спинѣ мѣшалкой, обмакнутой въ известковый подзолъ. Сдѣлавъ свое дѣло, поворотилъ онъ неровнымъ шагомъ назадъ. Рабочіе уступали ему дорогу и, казалось, другъ другу говорили глазами: «Ай да молодецъ»!... Увлеченный разсказомъ, черезъ сколько пересоловъ проходитъ яловица прежде квасовъ, Сережа ничего не замѣтилъ. Тотъ шальной былъ молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, въ загрязненной просаленной насквозь холщевой рубахѣ и въ дырявыхъ сапогахъ. Взъерошенная голова, казалось, съ роду не была чесана, небольшая бородка свалялась комьями, блѣдножелтое, худощавое лицо обрюзгло, ротъ глупо разинутъ; но въ тусклыхъ, помутившихся глазахъ виднѣлось что-то невыразимо-странное, что-то болѣзненно-грустное... Потухающій умъ послѣдней прощальной искрой свѣтился въ томъ взорѣ.

Мы проходили черезъ отдѣленіе, гдѣ толкутъ корье. Неочищенную ивовую кору подбрасывали въ толчею. Путевой товарищъ мой замѣтилъ, что онъ видѣлъ въ Бельгіи особую машину для скобленья корья. Сказалъ это по-французски.

— **Les meilleurs cuirs-maroquins, qui se fabriquent...** —проговорилъ за нами сиплый голосъ.

Обернулся Сережа и крикнулъ:

— Въ сушильню!

Оглянувшись, увидалъ я того шальнаго, что вымазалъ спину Сережѣ.

— Нейду!—закричалъ тотъ задорно:—Ты мнѣ указъ... Наушникъ!... Подлецъ!... Ты ее погубилъ Ты убилъ мою...

— Митька!... Тятенькѣ скажу.

Вздрогнулъ шальной. Понуривъ голову, тихо

Digitized by Google

плелся онъ изъ толчеи, но вдругъ быстро обернулся и заговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Сережинька, голубчикъ ты мой? Дай гривенничекъ.

— Въ сушильню.

— Хоть на шкаликъ!

— Слушай, Митька!—поднявъ палку, закричалъ Сережа:—Право, тятенькѣ скажу!.. Хоть бы при чужихъ постыдился!... Сведи его, Ѳедька, въ сушильню. На замокъ.

Митька самъ пошелъ. За дверьми нестройно запѣлъ онъ хриплымъ басомъ:

Quand le vin de Cnampagne
Fait en echappant,
Pan, Pan
La douce gaité me gagne...

— А вотъ здѣсь дегтемъ бухтарму послѣ дубовъ мажутъ!—говорилъ въ то время Сережа, переводя насъ въ другое отдѣленіе.

Digitized by Google

II

Вечеромъ, сидя у Красильникова, опять я свелъ разговоръ на просвѣщеніе. Говорилъ, что купцамъ ученье необходимо... Заговорилъ и Корнила Егорычъ, сидя за пуншикомъ.

— Не говорите про это, ваше высокородіе... Мнѣ-то не говорите!... Говорятъ люди: красна птица перьемъ, человѣкъ ученьемъ... Говорятъ: ученье свѣтъ, неученье тьма... Врутъ люди!... Ученье—прямое мученье, а нашему брату погибель!...

«Купецъ знай читать, знай писать, знай на счетахъ класть, шабашъ—дальше не забирайся!... Лучше не доучиться, чѣмъ переучиться. Ученье-то, вѣдь, что дерево: изъ него и икона, и лопата... Аль что ножикъ: иной его на пользу держитъ, а нашъ братъ себя жъ по горлу норовитъ... Купцу наука, что ребенку огонь. Это ужъ такъ-съ, это—не извольте безпокоиться... Много купецкой молодежи промоталось, много и совсѣмъ сгинуло,—а все отчего?... Все отъ ученья, все моды проклятыя, все оттого, что за господами пошли тянуться, имъ захотѣли въ вёрсту стать. Нѣтъ-былъ бы купецъ смышлёнъ, даромъ что не ученъ.

«Нынче за наши грѣхи не на ту стать пош Не то, что сыновей, дочерей-то французскому ст учить, да на музыкѣ, да плясать. Выучатся до

Digitized by Google

хвать—анъ забыли, которой рукой перекрестить лобъ слѣдуетъ.. У своякa моего, у Петра Андреича Кирпишникова, дочка ученая есть: имя-то святое, при крещеньи богоданное—Матреной зовутъ—на какое-то басурманское смѣняла, выговорить даже грѣхъ, Матильда, песъ ее знаетъ, какая-то стала... Замужъ вышла за дворянина: промотался голубчикъ, женился—карманъ починить. Стала дворянкой, и пустилась во вся тяжка́я: верхомъ, сударь, на лошади катается.. тьфу ты, гадость какая!...

«Вотъ и у меня Митька... Погибъ, совсѣмъ погибъ, пропащій сталъ человѣкъ... А все ученье, все наука... А парень-отъ какой былъ разумный, да тихій, смирный, разсудительный!... Что передъ нимъ Сережка?... Дурь нагольная, какъ есть одна дурь!... Сердце коломъ повернетъ, какъ вспомнишь... Охъ, Ты Господи, Творецъ праведный!...

«Да-съ, безъ дѣтей горе, а съ ними вдвое... Далъ мнѣ Господь двухъ сыновъ да дочку одну: Митька отъ покойницы отъ первой жены, Сережа да Настя отъ Марьи Андревны. Ну, дочь, извѣстно дѣло, чужое сокровище—холь, корми, учи, стереги, да послѣ въ люди отдай... А сынъ домашній гость—корми его да пой—тебѣ же пригодится. Да учи его, покамѣстъ поперекъ лавки лежитъ; выростетъ да во всю вытянется, тогда ужъ его не унять. Худъ сынъ глупый—родной отецъ къ кожѣ ума ему не пришьетъ, а хуже того сынъ ненаказанный—онъ безчестье отцу... Легло безчестье и на мою сѣдую голову!.. Божья воля!..

«Смышленъ росъ Митька, отдалъ я его здѣсь въ здно училище. Учился бойко—три похвальныхъ листа получилъ. Выучился, въ гимназію сталъ проситься, ветъ мой парень: пусти да пусти. Думалъ я ременю гимназію ему въ спину-то засыпать, да шуринъ койникъ уговорилъ... Присталъ, отдай да отдай ему

Digitized by Google

Митю на руки... Попуталъ меня грѣхъ—послушался... Въ гимназіи Митька учился лѣтъ пять и былъ уменъ не по годамъ: лѣтомъ бывало на побывку пріѣдетъ,—на что у насъ пятницкой протопопъ отецъ Никаноръ, и тотъ съ нимъ не связывайся: въ пухъ загоняетъ, да все вѣдь по-латынски... А благочестивый какой былъ: ни обѣдни, ни заутрени не пропуститъ... На крылосѣ какъ пѣлъ... Голосъ-отъ, голосъ-отъ какой былъ!... А смиренникъ какой!... что твоя красная дѣвка... И по заводу навострился: ни корья, ни подзола при немъ, бывало, фунта не украдутъ, даромъ что не былъ пріученъ къ заводскимъ порядкамъ... И думалъ ли я, на него радуясь, что погибнетъ мой разумникъ, что покроетъ онъ горемъ старость мою?.. Господи, Господи!...

«Когда срокъ ученья ему отошелъ, былъ я на ту пору въ губернскомъ городѣ: городскимъ головой служилъ, къ начальству ѣздилъ. Сталъ Митька проситься въ Москву, въ ниверситетѣ доучиваться. Въ ногахъ валяется,—плачетъ: пусти да пусти его еще въ ученье. «Врешь, говорю, Митька, умнѣе не будешь: не пущу!»—Чуяло родительское сердце!... А изъ гимназіи когда его выпущали, былъ онъ что ни на есть первый ученикъ, не то что своего брата, барчатъ всѣхъ за поясъ заткнулъ. На экзаментъ на ихній велѣли мнѣ побывать, печатный билетецъ прислали... Митька рѣчь держалъ по-французскому, качалъ бойко, только ничего не поймешь. Его превосходительство господинъ губернаторъ изъ своихъ рукъ листъ да книгу эту отжаловалъ да, подозвавши меня, сказалъ: «У тебя, говоритъ, Корнила Егорычъ, не сынъ, а звѣзда». А былъ на ту пору въ нашемъ губернскомъ городѣ генералъ, надъ гимназіей-то набольшій; онъ, слышь, допрашивалъ учениковъ, кто что знаетъ и куда послѣ выучки идти хочетъ. Полюбись ему мой Митька: бойко, слышь, изъ книгъ

Digitized by Google

гораздо ему отвѣчалъ. Спрашиваетъ его генералъ: чей сынъ, откуда родомъ и куда хочетъ. А Митька ему: «Такъ и такъ, ваше превосходительство, сынъ я первой гильдіи купца Корнилы Красильникова, очеиноб хотѣлось въ ниверситетъ, да тятенька не пущаетъ...» Ладно, хорошо!.. Сижу я у шурина, глядь, губернаторскій лакей на дворъ, въ золотѣ весь... Что за оказія?... «Гдѣ, говоритъ, Корнила Егорычъ Красильниковъ?...» Здѣсь, говорю, я самый и есть. — «Ступай, говоритъ, къ генералу обѣдать.»—Усомнился я, думаю— прошибся лакей: къ другому послали, а онъ ко мнѣ... Нѣтъ, ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ... Честь не малая: самъ губернаторъ обѣдать зоветъ: ты, говоритъ, Корнила Егорычъ, приходи моего хлѣба-соли кушать. Пошелъ, благо день-отъ скоромный былъ — вторникъ.

«Посадилъ меня губернаторъ съ собой рядышкомъ; а тутъ еще сидѣлъ генералъ, которому Митька-то мой полюбился да губернаторша, да двѣ барышни — дочки губернатору-то — красовитыя изъ себя, только ужъ больно сухопароваты. Губернаторша сама изволила мнѣ похлебки въ тарелку налить, губернаторъ изъ своихъ рукъ виномъ угощалъ... Вотъ оно что!... И стали они меня улещать: «Ты, говорятъ, Корнила Егорычъ, поперекъ Митьки не ходи: изъ мальчугана, говорятъ, выйдетъ прокъ — пусти его до конца доучиться.» А генералъ-отъ, что его возлюбилъ, обѣщалъ ему замѣсто отца быть, какъ за роднымъ дѣтищемъ, говоритъ, пригляжу, баловаться не дамъ, да и парень-отъ, говоритъ, онъ у тебя не такой, баловникомъ не смотритъ... Сами посудите, ваше высокородіе, можно ль тутъ поперечить имъ? Два генерала ровно съ ножомъ къ горлу пристали: пусти, да пусти Митьку доучиться! Губернаторша тоже: «Ты, говоритъ, Корнила Егорычъ, не губи своего дѣтища рожонаго, не отымай у Митьки счастья. Богъ говоритъ за это тебѣ не попуститъ!»—

Digitized by Google

Послушался... Больно не хотѣлось, чуяло сердце... А послушался—потому нельзя: начальство не свой братъ—стоя безъ шапки да переступая съ ноги на ногу, много не накалякаешься...

«Собралъ Митьку въ Москву. Марья Андреевна, хоть не родная мать, а въ гору было полѣзла. И руками, и ногами: «Не пущу, говоритъ, Митеньку, на чужу сторонушку»... Да что она?... Баба, бабѣ плеть—вотъ и все... Призвавъ Бога въ помощь, Николу на путь, снарядилъ я Митьку; да на прощаньи, передъ благословенной иконой, взялъ съ него зарокъ, чтобъ послѣ выучки не ходилъ онъ ни въ офицеры, ни въ приказные, а былъ бы всю жизнь свою купцомъ и кожевеннымъ заводчикомъ. А Митька, ну ужъ двадцать-первой тогда ему шелъ, на полномъ смыслѣ значитъ, «Не бойтесь, говоритъ, тятенька, никуда не пойду, буду вамъ на старости печальникъ, на поконъ души помянникъ, а выучусь, буду то и то, заведемъ мы съ вами такое да этакое»... Да ужъ такъ красно, говорилъ, что нехотя вѣрилось!...

«Четыре года Митька въ Москвѣ выжилъ, учился на первую стать, а въ праздники тамъ какіе аль въ другіе гуляющіе дни, не то, чтобъ мотаться да бражничать, а все на фабрику какую, аль на заводъ да на биржу... Съ первостатейнымъ купечествомъ знакомства свелъ, пять поставокъ юхты уладилъ мнѣ, да разъ сало такъ продалъ, что, признательно сказать, мнѣ бы и во снѣ такъ не приснилось...

«Нашего уѣзда помѣщикъ есть Андрей Васильичъ Абдулинъ. Не изволите ль знать? У него еще конный заводъ въ деревнѣ... Тутъ вотъ неподалеку отъ Ѳедковской станціи, — ѣхали сюда, мимо проѣзжали. Сынокъ у него Василій Андреичъ вмѣстѣ съ моимъ Митькой учился, и такой былъ ему закадычный пріятель ровно братъ родной. Митька у господина Абдулин

Digitized by Google

дневалъ и ночевалъ: учиться-то вмѣстѣ было повадне́е... Охъ пропадай эти Абдулины!... Заѣли вѣкъ у старика, погубили у меня сына любимаго!...

«Отучился Митька, дали ему медаль золотую: не то чтобъ на шею, а такъ, карманную... И въ газетахъ пропечатали: выучился-де такой-то Дмитрій Красильниковъ въ кандидаты... Домой пріѣхалъ, заводомъ занялся: то уладитъ, другое перемѣнитъ, то чанъ, зольникъ, то другое что. Спервоначалу-то я было побаивался: испортитъ, думаю. Нѣтъ: восемь копѣекъ лишковъ на салѣ взялъ, семь копѣекъ на юхтѣ. А все его разумомъ да старательствомъ. Отецъ, вѣдь, кажись, отецъ, а—сыну родному позавидовалъ... Вотъ каковъ былъ умница!... А бережливый какой!... Только и изводилъ деньги, что на книги... Бывало, какъ мѣсяцъ прошелъ такъ изъ Москвы коробъ съ книгами ему и шлютъ.

«Пожилъ Митька у меня мѣсяцевъ съ восемь. Андрей Васильичъ Абдулинъ той порой на теплыя воды собрался жену лѣчить. Ѣхалъ въ чужіе краи всей семьей. Сталъ у меня] Митька съ ними проситься. Что жъ, думаю, избнымъ тепломъ далеко не уѣдешь, печка нѣжитъ, дорога разуму учитъ, дамъ я Митькѣ партію сала, пущай продаетъ его въ чужихъ краяхъ: а благословитъ его Богъ, и заграничный торгъ заведемъ!... Тутъ ужъ меня никто не уговаривалъ—врагъ смутилъ!... Захочетъ кого Господь наказать — разумъ отыметъ, слѣпоту на душу нашлетъ!..

«Три года ѣздилъ мой Митька, продавалъ юхту бродскимъ жидамъ, по салу съ самимъ Лондономъ улалъ дѣла... Большіе пошли барыши—въ три-то года рубль на рубль нажилъ я!... Ненарадовалось сердце!... кой сынъ-отъ думаю... На что московскіе купцы, и з завидовали... Всѣмъ сталъ знаемъ мой Дмитрій Корлычъ Красильниковъ. А я? Чѣмъ бы Бога благода-

Digitized by Google

рить, колоколъ бы вылить аль иконостасъ поставить.. согрѣшилъ, окаянный, возгордился — барыши сталъ считать да сыномъ хвалиться!... Думы-то были за морями, а горе за плечами!... Гдѣ теперь мой разумникъ?... Чѣмъ теперь похвалюсь?... Не родиться бъ ему!... Дай-ка мнѣ пуншу, Петровичъ, да крѣпче налей!...

«На четвертый годъ воротился изъ-за́-моря... Господи, что было радости!... Письма отъ купцовъ заграничныхъ привезъ: товару просятъ, Митьку хвалятъ. Замышляли мы съ нимъ свой корабль снарядить да еще бы года три-четыре побылъ у меня Митька въ разумѣ, два снарядили бы... Думали въ Питерѣ контору открыть, домъ купить, загадывали въ Лондонѣ приказчика держать... И все тогда казалось мнѣ таково сбыточно, какъ вотъ теперь стаканъ пуншу выпить... Анъ нѣтъ... Людское счастье, что вода въ бреднѣ!... Величался почетомъ своимъ, величался сыномъ разумнымъ и не зналъ никого счастливѣй себя!... Все суета!... Въ морѣ потопъ, въ пустынѣ звѣри, въ мірѣ бѣды да напасти!...

«Двадцать девятый Митькѣ пошелъ: давно пора своихъ дѣтей наживать. Правду говорятъ, что и въ раю тошно жить одному. Семейная каша погуще кипитъ, а холостой вѣкъ проживетъ да помретъ—собака не взвоетъ по немъ...

«За невѣстами дѣло не стало бы: ротъ разинь—изъ любого дома бери... Первостатейные, мильйонщики, фабриканты сами съ дочками напрашивались. сами письма писали. И сталъ я Митькѣ совѣтовать пора-де тебѣ и законъ совершить... Только выбирай, говорю, жену не глазами, а ушами, слушай рѣчь, разумна-ли, узнавай, въ хозяйствѣ какова. Съ лица не воду пить: красота приглядится, а щи не прихлебаются. А пуще всего смиренство да разумъ: это на

Digitized by Google

всю твою жизнь пригодится. На богатство не зарься: у самихъ, слава Богу, довольно. Приданое что? Въ потравѣ не хлѣбъ, въ долгахъ не деньги, въ приданомъ не животы...

«Говорю этакъ Митькѣ, а онъ какъ поблѣднѣетъ, а потомъ лицо все пятнами... Что за притча такая?... Пыталъ, пыталъ, недѣлю пыталъ—молчитъ, ни словечка... Ополовѣлъ инда весь, ходитъ голову повѣся, отъ ѣды откинулся, исхудалъ, ровно спичка... Я было за плеть—думаю, хоть и ученый, да все же мнѣ сынъ... И по Божьей заповѣди и по земнымъ законамъ съ родного отца воля не снята... Поучу, умнѣе будетъ—отцовски же побои не болятъ... Совѣстно стало: рука не поднялась...

«Той порой изъ чужихъ краевъ Андрей Васильичъ воротился. Домъ купилъ въ городѣ, рядомъ со мной. Митька тамъ и днюетъ и ночуетъ, отъ дѣла даже отсталъ, пріѣдетъ на заводъ—смотритъ въ оба, а не видитъ ничего. А рабочіе, сами изволите знать, народъ бестія—тотчасъ смекнули и давай добро по сторонамъ тащить... Да что заводъ?... Пропадай онъ пропадомъ, огнемъ гори, сгинь все, что нажито!... Митька-то разумъ терялъ—вотъ гдѣ напасть то!... Кровавыми слезами ее не вымоешь!... Вѣрите ль Богу? Старикъ я, старикъ, а плакалъ, бабой ревѣлъ, и ему, сыну-то своему, рожденью-то своему, покорился!... Да, покорился... Слезами обливаючись, упрашивалъ, умаливалъ его разсказать про кручину, что его одолѣла!... Не вытерпѣлъ слезъ моихъ Митька—сказалъ!... Лучше бъ на ту пору языкъ у него отнялся!... Пуншу, Петровичъ!.. Да лей рому побольше, собака!...

«Нѣмка жила у Андрея Васильича, за дочерью ходила. По найму жила, полторы тысячи ассигнаціями ей давали... Дѣвка безродная, откуда—Богъ вѣсть, такъ шаверь какая-то!. А вѣры ихней еретицкой: не

Digitized by Google

то люторской, не то папежской—да это все равно—такая ли, сякая ли, одна нехристь... Митька и бухъ мнѣ: за моремъ-де слюбился съ ней, и окромя ея ни на комъ въ свѣтѣ не женится... Такъ меня варомъ и обдало!... Въ землю бы легъ, гробовой бы доской укрылся, только бы этихъ словъ не слыхать!... Въ умѣ ль? говорю. А онъ свое!... Корнями обвела, еретица, на богатство польстившись!... Да чтобъ этому быть, чтобъ я самъ себѣ бороду оплевалъ!.. Да весь мой родъ переведись!... По міру пойду, на гноищѣ середь улицы лягу, а такого срама не возьму на себя, не возьму покора отъ роду, отъ племени!... Слушай, говорю Митькѣ, вотъ тебѣ счеты: поѣзжай въ коренную, оттоль прямо въ Нижній къ Макарью, по осени въ степь за скотомъ. Провѣтрится, думаю, дурь-то вытрясетъ. А поѣдешь, говорю, Москвой, побывай у Архипа Иваныча Подколесникова: у него дочка не нѣмкѣ чета: тоже на всякихъ языкахъ говоритъ, въ купеческомъ собраніи пляшетъ, а на музыкѣ позакатистѣй нѣмки играетъ... А главное—благочестивыхъ родителей дочь, не еретица поганая... Митька было перечить, а я ему: слушай, говорю, хоть ты и бариномъ глядишь, а воля съ меня не снята: возьму варовину—не пеняй!—Замолчалъ.

Вечеромъ Андрей Васильичъ пришелъ ко мнѣ. Спервоначалу такъ себѣ о томъ, о семъ покалякали. Потомъ рѣчь на нѣмку свелъ, хвалитъ ее пуще Божьяго милосердія. Я слушаю да думаю: что еще будетъ? Говоритъ, она-де и креститься можетъ; господа-де женятся же на нѣмкахъ. Смекнулъ, къ чему рѣчь клонитъ, говорю ему: господамъ и воля господская, а нашему брату-то не указъ. Вы мой гость, Андрей Васильичъ, грубой рѣчи вамъ не молвлю, а перестанемъ про еретицу толковать... ну, ее къ бѣсу совсѣмъ!»

«— Да мнѣ, говоритъ, Димитрія Корнилыча жалко.—

Digitized by Google

«— Вамъ, говорю, жалко, а мнѣ вдвое жалчѣй: я вѣдь отецъ, хоть дѣтское сердце и въ камнѣ, да отцовское въ дѣткахъ... Да знаете, говорю, Андрей Васильичъ, русскую пословицу: «Свои собаки грызутся, чужа не приставай.—Замолчалъ.

«Митька всю ночь проревѣлъ. Я ужъ далъ волю... Проревется, думаю, легче будетъ. Самого меня отъ хлѣба откинуло: отецъ вѣдь, каковъ ни будь сынъ — все болѣзнь утробы моей!...

«Поутру въ садъ я пошелъ. Обрѣзываю съ яблони сухіе сучья у самого абдулинскаго забора. Слышу, Митькинъ голосъ!... Припалъ ухомъ къ забору— и ея голосъ!... Говорятъ не по-русски!... Изъ моего-то сада калитка тогда была въ абдулинской садъ — я туда. Свѣту не взвидѣлъ... Митька съ Нѣмкой обнявшись сидятъ, плачутъ да цѣлуются!... Увидавши меня, бѣжать шельма, — знаетъ кошка, чье мясо съѣла.... А Митька въ ноги... «Батюшка, говоритъ, мы вѣдь повѣнчаны!...»

«Остамѣлъ я, услыхавши срамоту на мою сѣдую голову... Зелень въ глазахъ заходила, къ сердцу ровно головня подкатилась!... На лежанкѣ очнулся, не помню какъ и добрелъ!... Выдался денекъ!... Пять лѣтъ на кости накинулъ!... Андрей-отъ Васильичъ хорошъ!... Пріятелемъ звался, хлѣбъ-соль водилъ, денегъ когда займовалъ, а у Митьки на свадьбѣ въ посаженыхъ!.. Гдѣ-то за моремъ, песъ ихъ знаетъ, свадьбу сыграли... Безъ моего-то вѣдома, безъ родительскаго благословенья!... Вотъ они друзья-то!... За наше добро намъ же рожонъ въ ребро!... Да и теперь на меня во всемъ ну валитъ!—Сына, слышь, я погубилъ! Сами посуте, ваше высокородіе, чѣмъ же я тутъ причиненъ, змъ виноватъ?... Вѣдь я отецъ — а вѣдь и змѣя своихъ дѣтей бережетъ?... Ученье всему виной, ученье!.. е я жъ въ самомъ дѣлѣ!... Еще, слышь, Сережка

Digitized by Google

да Марья Андреевна на Митьку-де наговаривали!... Какъ же!... Не догадался бъ безъ нихъ!... Такъ вотъ!.. Языкъ-отъ безъ костей!... Вотъ что!...

«На другой день иду отъ ранней обѣдни — нѣмка встрѣчу. Не стерпѣло, — зашибъ: ударилъ маленько. Откуда ни возьмись Митька — отнимать ее... Сердце меня и взяло: его въ сторону, нѣмку за косу да оземь... Насилу отняли... Ужъ очень распалился я...

«Тяжела, видно, свекрова рука пришлась!... Зачахла. Мѣсяцевъ черезъ восемъ померла. Ха, ха, ха!... Слава Богу, думаю, теперь у Митьки руки развязаны, пореветъ, пореветъ да и справится... Быль молодцу не укора, будетъ опять человѣкъ... Да бѣда не живетъ одна: ты отъ горя, оно тебѣ встрѣчу: придетъ чаша горькая—пей до дна...

«На другой день похоронъ пришелъ Митька домой... Господи батюшка!... Никогда этого за нимъ не важивалось!... Вотъ оно гдѣ горе-то неизбывное!... Митя, мой Митя!...

«Крѣпись, Корнило!.. Терпи, голова, благо въ кости скована!... Эхъ, извѣдалъ бы кто мое горе отцовское!.. Глуби моря шапкой не вычерпать, слезъ кровавыхъ родного отца не высушить!.. Пуншу, пуншу, Петровичъ!

— Что жъ потомъ сталось съ нимъ?—спросилъ я послѣ долгаго молчанья.

— Не пытайте отца!... Горько!... Упился я бѣдами, охмѣлился слезами!.. Петровичъ! лей до краевъ!.

Нижній-Новгородъ.
1852.

Digitized by Google

ДѢДУШКА ПОЛИКАРПЪ

(Разсказъ)

Пріѣхавши на Валковскую станцію, вышелъ я изъ тарантаса, велѣлъ закладывать лошадей, а самъ пошелъ пѣшкомъ впередъ по дорогѣ. За околицей, у вѣтряной мельницы, сидѣлъ старикъ на завалинкѣ. На солнышкѣ лапотки плелъ. Я подошелъ къ нему, завелъ разговоръ. То былъ крестьянинъ деревни Валковъ, отецъ стараго мельника, всѣ его звали «дѣдушкой Поликарпомъ.»

Сколько ему лѣтъ—никто не зналъ, и самъ онъ не помнилъ. Одно только сказывалъ, что несъ тягло еще въ ту пору, какъ «царица Катерина землю держала». Крѣпко жаловался старина на нынѣшни времена, звалъ ихъ «останными», потому-де, что восьмая тысяча лѣтъ въ доходѣ, и антихристъ во Египетской странѣ народился. Слово за слово, разговорились мы съ дѣдушкой.

— Что, спросилъ я его, много ль помолу на мельницѣ-то?

— Какой помолъ, родименькій! Какой помолъ! Наши мѣста безхлѣбныя. У насъ, кормилецъ, по всей волости хлѣбъ-отъ плохо родится. Каковъ ни будь урожай,

Digitized by Google

долѣ Святой своего хлѣба не хватитъ; иной годъ съ Тимоѳея Полузимника [1]) на базарѣ покупаемъ.

— Земли-то у васъ, кажется, довольно.

— Эхъ, родименькій, какая земля по нашимъ мѣстамъ! Много ее, да пути-то нѣтъ. И велико поле, да не родимо. Погляди, какова землица-то:—лѣсъ да песокъ, болота да мочажины... Какой у насъ хлѣбъ?... Земля же холодная: овсы иной годъ уродятся, ну и льны тоже, а рожь завсегда плохо бываетъ. А ежели на счетъ пшеницы аль проса, такъ этихъ хлѣбовъ у насъ и въ заведеніи нѣтъ, сѣмена погубить, ежель посѣять. Гречей тоже мало займуются, для того, что каждый годъ морозами ее, сердечную, бьетъ. Такія ужъ наши мѣста!

— А въ старину какъ бывало?

— Какъ можно въ старину! Въ старину все лучше было, на что ни взглянешь, все лучше было. И люди были здоровѣе, хворыхъ да тщедушныхъ, кажись, и вовсе не бывало въ стары-то годы. И все было дешево, и народъ-отъ былъ проще, родимый ты мой. А урожаи въ стары годы и по нашимъ мѣстамъ бывали хорошіе. Всѣ благодарили Создателя. У мужичка, бывало, года по два да по три немолоченный хлѣбъ въ одоньяхъ стоитъ... А въ нынѣшни останны времена не то... Объѣзжай ты, родимый, всѣ наши мѣста: и Заузолье, и Ячменскую волость и Лыковщину, и Жары, нигдѣ ты единаго одонья не увидишь, чтобы про запасъ заготовленъ былъ. Въ стары-то годы, родименькій, «кулижки» [2]) жгли, на нихъ рожь-то, бывало, самъ-восемь да самъ-десятъ. А въ нонѣшни года кулижекъ жечь не велятъ — лѣсные завелись, полѣсовные. Отъ этихъ отъ самыхъ лѣсныхъ кулижка теперь въ такую

---

[1]) Двадцать второе января.

[2]) Кулига—тоже что валки, чища, чищоба, огнище—расчищенный, выкорчеванный и выжженный подъ пашню лѣсъ.

Digitized by Google

цѣну станетъ, что палить ее ужъ и не изъ чего... А бывало, въ старину-то, въ лѣтнюю пору, передъ Ильинымъ днемъ, куда ни поглядишь—тамъ изъ лѣсу дымокъ, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ... Иной разъ мѣстахъ въ десяти разомъ горитъ... А нынче не велятъ, запретъ положонъ.

— Что жъ это за кулиги такія, дѣдушка, для чего онѣ?

— А видишь ли, родной... Пойдетъ, бывало, мужикъ въ лѣсъ, свалитъ ельнику, сколько ему надо, да, сваливши деревья, корни-то выроетъ, а потомъ все и спалитъ. А чтобъ землю-то получше разрыхлить, по веснѣ-то на огнищѣ рѣпы насѣютъ. А къ третьему Спасу [1]) хлѣбцемъ засѣетъ. Землица-то Божья безо всякаго удобренья такой урожай дастъ, что Господа благодарить... Самъ-восемь, самъ-десятъ урожай-отъ бывалъ. А теперь не то,—съ глубокимъ вздохомъ прибавилъ дѣдушка:—теперь не велятъ кулижекъ палить.

— Да нельзя же, дѣдушка, волю надъ лѣсомъ дать. Пожжешь его безъ толку, такъ послѣ не то что на отопку, на лучину ничего не останется.

— Вѣстимо, родименькій. Извѣстно дѣло, мужику нельзя въ лѣсу воли дать... Какъ можно! всякое запрещеніе для порядковъ дѣлается. Только земля-то у насъ ужъ больно скудна, безъ навоженья ничего не родитъ. Такія ужъ наши мѣста! Сѣмена надо сгубить, коль хорошенько не унавозишь полосу. А на кулижкахъ-то и безъ навозу хлѣбецъ родился. Такъ-то оно и хорошо было.

— Что жъ вы получше не навозите землю-то? Навозьте ее больше.

— Вѣстимо такъ, родимый, землю по нашимъ мѣстамъ какъ можно больше надо навозить. Какого хлѣба съ нея безъ навозу взять? Безъ навоза никакъ нельзя... Только скотинка-то у насъ больно плохенька. Вотъ

---

[1]) Шестнадцатое августа.

Digitized by Google

что кормилецъ!... Ужъ куда съ нашими коровенками землю удобрять, какъ слѣдуетъ!... Никакъ невозможно... Посмотри-ка ты, какая по нашимъ мѣстамъ скотина? Сама ледащая именно, какъ пословица молвится: «коровенка меньше котенка». Слава только одна, что скотина. Вонъ на Горахъ [1]) скотина хорошая, крупная: кажда корова барыней смотритъ, оттого тамъ и хлѣбъ родится хорошъ. А у насъ что? Мѣста ужъ такія у насъ.

— Такъ заведите хорошую скотину.

— Извѣстно дѣло, родименькій, что отъ хорошей скотины больше навозу... Это такъ, это ты истинну правду молвилъ... А намъ безъ удобренья никакъ невозможно... Вотъ начальники-то наши, дай имъ Богъ многолѣтно здравствовать, хермы [2]) тоже у насъ завели и скота хорошаго пригнали на нихъ... Такой славный скотъ, что любо-дорого посмотрѣть. И мужичкамъ было хотѣли давать на племя такую скотину, строгостью даже приказывали разбирать ее по дворамъ безданно, безпошлинно... Дай Богъ имъ здоровья, господамъ начальникамъ... Ужъ такое они объ насъ глупыхъ попеченіе принимаютъ, что сказать нельзя. И не стоимъ мы такихъ милостей. Право слово, не стоимъ.

— На расхватъ, чай разобрали жалованныхъ-то коровъ?

— Какъ возможно, родимый? Намъ ли таку скотину держать?... Нѣтъ, нечего Бога гнѣвить, помиловало начальство: ни единой коровки не дали... Всей волостью поклонились тогда мужички управляющему, по чемъ тамъ съ души пришлось, поблагодарствовали... Далъ Господь — откупились. Помиловали начальни дай Богъ имъ, нашимъ добродѣямъ, здоровья—не р

[1]) На «Горахъ»—значитъ на правой сторонѣ Волги. «Нагорные» тели правой стороны Поволжья.

[2]) Фермы.

Digitized by Google

дали коровушекъ. Прописали, гдѣ слѣдуетъ, «желающихъ не оказалось».

— Какъ же такъ, дѣдушка? Даромъ такое добро вамъ давали, а вы не брали? Что жъ это значитъ?

— А то значитъ, родимый, что ужъ такія у насъ мѣста... Мѣсто мѣсту вѣдь рознь. Начальники-то наши, извѣстно дѣло, каждому человѣку добра хотятъ, одначе ихне добро въ иномъ мѣстѣ впрямь добромъ выйдетъ, только надобно будетъ Бога вѣчно молить за него, а въ иномъ, можетъ и неподалеку гдѣ-нибудь, отъ того добра мужикъ-отъ волкомъ взвоетъ... Земля-то наша Святорусская больно ужъ велика стала, кормилецъ: съ одного-то мѣста ее не обозришь... Вотъ, примѣрно сказать про казенну скотину мы съ тобой калякали: по здѣшнимъ мѣстамъ наши ледащія коровенки не въ примѣръ способнѣй крупнаго скота. А какихъ-нибудь за тридцать верстъ, хоть у нагорныхъ, крупна скотина—истинно безцѣнное сокровище. У насъ вѣдь по всѣмъ нашимъ мѣстамъ поемныхъ луговъ во все нѣтъ, и пожней-то, сѣнныхъ-то, значитъ, покосовъ маловато. По плантамъ и много, да въ наличіи не предвидится... Да и что за покосы? Бѣлоусъ, да осока, да донникъ—и все тутъ. На что наши коровенки, и тѣ по раменямъ пасутся, а сыты не бываютъ, зимой стоятъ на соломѣ, для того, что посыпки-то взять негдѣ, и на свой-отъ обиходъ хлѣбушко съ базару покупаемъ.. Ну, отъ такого корму не диви, что здѣшня скотина—кожа да кости. По этому по самому крупному скоту у насъ и невозможно быть: зимнимъ дѣломъ и самъ голодомъ насидишься, и жалованну корову сморишь; а лѣтомъ гдѣ ее пасти? У насъ по покосамъ да по раменямъ: собашникъ, болиголовъ, лютикъ, ѣшеница, молочай, жабникъ [1]). Ну, какъ казенна-то

[1]) Собашникъ—Cynoglossum officinale; болиголовъ—Chaurophyllum;

Digitized by Google

корова да нахватается этой дряни, съ голодухи-то? Вези подъ оврагъ, да принимай отъ начальства остуду, не умѣлъ-де, мошенникъ, жалованной скотины соблюсти. И то сказать, въ способныхъ-то мѣстахъ не хитро дѣло мужику казенну корову во дворъ взять, да хитрое дѣло держать ее. Дадутъ тебѣ корову, и надзоръ приставятъ къ ней. Зачнутъ къ мужику наѣзжать: понавѣдаться, здоровенько ли, молъ, жалованна-то коровушка поживаетъ, держитъ ли хозяинъ ее въ теплѣ да въ холѣ. А вѣдь самъ ты, родименькой, знаешь, что наѣздъ-отъ начальства изъ мошны деньгу волочитъ: и курочку ему заколи, и говядинки купи, и калачика, а по питейной части, окромѣ простого, виноградненькаго потребуется. По этому по самому, родимый, мужички наши отъ казеннаго скота и откупились, для того что жалованна-то корова не въ примѣръ дороже купленной обойдется. Нѣтъ, на что ужъ намъ хороши коровы?... Намъ бы вотъ кулижки позволили, вѣкъ бы стали Бога благодарить.

— Самъ же ты, дѣдушка, сказалъ, что кулижки лѣсъ губятъ, и что запретъ на нихъ положенъ ради порядковъ.

— Вѣстимо, родименькій. Знамо дѣло, для порядковъ. Какъ же намъ жить безъ порядковъ?... Никакъ нельзя... Примѣромъ сказать, хоть объ лѣсѣ, нельзя не молвить, что губленье губленью розь... Самъ посуди, кормилецъ, какое губленье лѣсу отъ кулижки? Много ли мѣста подъ нее надоть?... И то сказать—лѣсъ-отъ на кулижки палятъ вѣдь не строевой, не дровяной, а больше все заборникъ да прясельникъ. А заборнику да прясельнику по нашимъ мѣстамъ такое мѣсто, что, какъ ты его ни руби, онъ изъ земли такъ и лѣзетъ ровно претъ его оттуда кто.

лютикъ—Aconitum; бѣщеница—Cicuta virosa; молочай — Euphorbia palustre; жабникъ—Ranunculus bulbosus—травы болѣе или менѣе ядовитыя.

Digitized by Google

— Дѣдушка! да вѣдь отъ прясельника и хорошій лѣсъ загорится. Тогда что?

— А какъ ему загорѣться-то, родимый?... Хорошему-то лѣсу? Лѣсной-отъ пожаръ по низу не ходитъ, верхомъ все. А кулижку-то прежде повалятъ да потомъ зажгутъ—она и горитъ низомъ, по́ верху ходу ей нѣтъ.

— Какъ же можно попусту лѣсъ губить? Жечь его задаромъ? Жаль такого добра.

— Точно, правда, родимый. Лѣсъ вещь дорогая, дорогая, кормилецъ; какъ не жаль лѣса, когда онъ горитъ? Ужъ такъ его жаль, такъ жаль, что и сказать не можно. Какъ этакъ увидишь, что лѣсокъ-отъ гдѣ-нибудь загорѣлся, такъ горько станетъ, подумаешь: «Вотъ ростилъ его Господь долгія лѣта, и стоялъ онъ, человѣка дожидаючись, чтобъ извелъ на показанную Богомъ потребу, а теперь за грѣхи наши—горитъ безъ пути»... Да вотъ неподалеку отъ насъ, въ Наумовской волости такая палестина лѣсу выгорѣла, подумать страшно: отъ Рожествина почитай до Тóлмазина, верстъ на тридцать выхватило. А лѣсъ-отъ былъ кондовый, дерево-то не охватишь. Загорѣлось отъ Божьей воли, отъ молоньи, а друго дѣло, не знаю. Ну, дерево-то хоша и обгорѣло, а все-таки было годно для того, что въ лѣсномъ-то пожарѣ только хвоя да сучья горятъ, а самому дереву вреды нѣтъ. Наши мужички и хотѣли было купить тотъ горѣлый лѣсъ, на сплавъ чтобъ его въ низовы города. И купцы пріѣзжали, не по одинъ разъ смотрѣли, тоже хотѣли купить. За весь-отъ чтó его погорѣло, два ста тысячъ на монету давали, а Василій Трофимычъ, чтó нами въ ту пору заправлялъ, отписалъ къ самому большому начальству, что тѣхъ денегъ взять мало, коли, дескать, сдѣлать торги, такъ больше дадутъ. Требовалъ, видишь, родименькій, Василій-отъ Трофимычъ двадцать тысячъ благодарности,

Digitized by Google

а его не ублаготворили. Поэтому и прописалъ, чтобы лѣсъ не продавать, казнѣ-де убытки будутъ. На третій годъ послѣ пожару межевой наѣзжалъ, велѣно ему было доподлинно вымѣрять, много ль погорѣло казеннаго лѣсу, и сосчитать, сколько придется на продажу бревенъ, и какой толщины будутъ они. Ну, палестина не малая—скоро ли ее вымѣряешь? Наѣзжалъ года по два,—да все-то, кормилецъ, въ саму рабочую пору. Понятыхъ сбивалъ, подводы, ну и благодарности тоже требовалъ, безъ того ужъ нельзя. Да окромя благодарности: харчевыя, да свѣчныя, да питейныя. Однѣхъ питейныхъ что́ вышло! Человѣкъ-отъ былъ пьющій, народъ-отъ съ нимъ тоже до винца охочій; бывало каждый Божій день два, либо три штофа пѣннику. Ну, послалъ межевой планты, куда слѣдуетъ; по времени и вышло объ лѣсѣ рѣшенье: торги произвесть, кто больше дастъ, тому его и продать. А рѣшенье-то выслали послѣ пожару на восьмой годъ: той порой лѣсъ-отъ подгнилъ, вѣтромъ его повалило, и остались однѣ гнилыя колоды: лежатъ комлемъ вверхъ и новому лѣсу рости не даютъ, корни-то выворо́тило, землю отъ того всю изрыло. Не то, чтобъ онъ купить, съ казны еще стали просить, мѣсто-то бы только очистить... Такъ и запропало Божье мѣсто: гарь теперь одна, не пролѣзешь Грибы даже не растутъ, только и пользы, что малиннику много разродилось. Мѣсто хоть совсѣмъ брось, только бѣглымъ да скрывающимъ скитникамъ жилье уготовали, а больше ничего... Такъ вотъ оно что, родненькой!—примолвилъ дѣдушка, немного помолчавши. — Какъ можно сказать, чтобъ мы не жалѣли лѣсу! Сердце кровью обольется, какъ завидишь лѣс пожаръ. Думаешь: «Ну, какъ и этотъ лѣсъ за́дар пропадетъ?» Какъ намъ не жалѣть лѣсу, родим Вѣдь его Богъ не про кого, что про насъ, вы стилъ.

Digitized by Google

— Ты сказалъ, дѣдушка, что хлѣбъ-отъ у васъ плохо родится. Что жъ промыслами кормитесь?

— Какъ же, родименькой. Промысломъ только и живемъ, издѣльемъ то-есть. Хлѣбца-то мало, кулижекъ-то палить не велятъ, такъ мы все больше около лѣску помышляемъ. Котора деревня ложки точитъ, котора чашки, по другимъ мѣстамъ смолу сидятъ, лыко дерутъ, рогожи ткутъ: только лѣскомъ и живемъ, родимый! Оттого-то лѣсокъ-отъ и любъ намъ, оттого-то мы его и жалѣемъ — вѣдь онъ нашъ поилецъ, кормилецъ.

— За попенныя лѣсъ-отъ берете?

— За попенныя, кормилецъ, за попенныя. Какъ же можно безъ попенныхъ? Не велятъ. Да попенныя что́? Деньги не великія, заминки только много отъ нихъ... Лѣсной-отъ тоже вѣдь баринъ, стало быть, благодарности требуетъ. Да это бы еще ничего — безъ благодарности какъ же ему и быть, на то онъ лѣсной. А вотъ иные больно не подходящи бываютъ и на руку крѣпки: чуть ему слово, онъ тебя изобьетъ какъ ему хочется. Станешь съ нимъ порядкомъ говорить, а онъ свое: «Развѣ, говоритъ, не знаешь, что ты весь въ моихъ рукахъ—застану, говоритъ, съ топоромъ въ лѣсу, до́ смерти могу убить... Знаешь ли, говоритъ, что когда лѣсной порубку преслѣдуетъ, дозволяется ему вора изъ ружья застрѣлить? Такъ поэтому, ты говоритъ, и долженъ ухо востро́ держать и меня почитать больше, чѣмъ исправника аль окружного, потому что тѣ только спину тебѣ вздерутъ, а я, ежель захочу, до́ смерти могу застрѣлить.»

«Нашъ лѣсной Иванъ Васильичъ—добрый, хорошій баринъ—а этакъ же иной разъ нашего брата попугиваетъ. Спервоначалу-то думали морочитъ. «Какъ же можно ему человѣка застрѣлить», этакъ, знаешь, думаемъ. Да грамотѣи изъ нашихъ мужичковъ доподъ-

Digitized by Google

линно въ законныхъ книжкахъ вычитали, что лѣсная стража, ежели кого преслѣдуетъ, можетъ того человѣка убить, и смертное убійство въ грѣхъ ей не вмѣняется. Такая статья есть, кормилецъ... Отъ этого лѣсной нашему брату страшнѣй всякаго: другой баринъ, какъ великъ ни будь, все-таки живота лишить не можетъ, а лѣсному это, стало-быть, можно. Правду сказать, таковыхъ случаевъ не слыхать, а все-таки страху много. Какъ же послѣ того не ублаготворишь ты его? Умирать не своей смертью кому охота? Хоть, можетъ быть, онъ только для острастки такія рѣчи говоритъ, однакожъ все дѣло въ его рукахъ. Ну, а какъ стрѣльнетъ? Тогда что́?

«Вотъ еще эти издѣльны билеты у насъ! Такую заминку дѣлаютъ, что просто не приведи Господи! Что́ мужикъ не сработаетъ: смолы ль насидитъ, кадушекъ ли, ведеръ ли надѣлаетъ, чашекъ ли наточитъ, —на всяко издѣлье, какъ его на продажу везти, долженъ у лѣсного билетъ выправить. И въ тотъ билетъ на дорогѣ всякій у тебя смотритъ, лѣнивый развѣ про билетъ не спрашиваетъ... И на перевозахъ съ нимъ задержка, и на базарѣ хлопотъ не оберешься. А въ города да на ярмонки лучше не ѣзди. Всякій тамъ съ тебя сорвать норовитъ: и городничій, и квартальный, и исправникъ; будочникъ привяжется — и будочника ублаготвори, не то скажетъ, что издѣлье изъ краденаго лѣса: тебя послѣ по судамъ и затаскаютъ. А билетъ даютъ одинъ, сколько мужикъ ни наработаетъ товару, ему все одинъ билетъ. Иной разъ и повезъ бы издѣлье самъ на базаръ, а сына на другой бы послалъ, да страшно: билетъ-отъ не разорвать стать, а куда безъ билета пріѣхалъ, тамъ скажутъ, что ты воровское издѣлье привезъ, и такъ тебя оборвутъ, что долго будешь помнить, каково безъ издѣльнаго билета на базаръ выѣзжать.

Digitized by Google

«Тоже вотъ и на счетъ штрафныхъ за неуборку вершинъ и сучьевъ. Это ужъ выходитъ для насъ немножко и обидно, родименькой. Самъ ты посуди, кому хочется штрафованнымъ быть? Штрафъ-отъ хоть не великъ, да слово-то будто обидно. Да этотъ же штрафъ лѣсной беретъ напередъ, заодно съ попенными, точно тому дѣлу такъ и надо быть, чтобы каждый человѣкъ штрафился. Ты возьми хоть два, хоть три гривенника— за тѣмъ мы не стоимъ,—да штрафомъ-то не зови, а то вѣдь, что́ тамъ ни говори, все же выходишь ты человѣкъ нехорошій, коли штрафъ съ тебя взятъ. Да что́ еще лѣсной-отъ говоритъ, какъ придешь къ нему за билетомъ! «Ты, говоритъ, вершины-то да сучья не убирай, а какъ отъ этого казенному лѣсу порча, такъ и подай за то гривенникъ штрафу, да подай напередъ, чтобъ послѣ мнѣ тебя не розыскивать». Оно и обидно таки рѣчи слушать: вѣдь это все одно, что скажутъ тебѣ, казну-де ты обворовалъ. Такимъ дѣломъ обзывать невиноватаго, кажись бы, не надо.

«А куда убирать вершины да сучья — ни у насъ, ни по другимъ волостямъ мѣстъ не отведено... А мѣста наши ровныя: ни горъ, ни овраговъ верстъ на сотню во всѣ стороны нѣтъ, валить-то вершины да сучья и некуда. Разъ было кучились мужики лѣсному, всѣмъ міромъ кланялись, «укажите, молъ, ваше благородіе, такое мѣсто». Такъ онъ поди-ка какъ разлютовался.— «Учить, говоритъ, меня вздумали? Объ васъ же, говоритъ, начальство заботу принимаетъ, нарочно штрафы учредило, чтобъ васъ отъ дѣла не отрывать, а вы же, мошенники, еще неблагодарны остаетесь! Да пикни, воритъ, у меня кто-нибудь хоть единое слово, не то, о безъ промыслу—безъ дровъ, безъ лучины оставлю. ишу и тепла, и свѣта на всю зиму зименскую». Да есь міръ въ зашей. Опослѣ еще похвалялся нашему ловѣ: «Вотъ, говоритъ, отведу я имъ мѣсто верстъ

Digitized by Google

за пятьдесятъ, такъ узнаютъ кузькину мать». Что ты станешь дѣлать, родимый мой?

«Да нашъ баринъ—добрый и смирный, Иванъ-отъ Васильичъ. Бога надо благодарить за такое начальство. Просто сказать—душа-человѣкъ. Другой разъ и покричитъ, и побьетъ, и убить изъ ружья погрозится, а все же съ нимъ говорить хоть можно—на рѣчи охочій. И много еще милости оказываетъ, дай Богъ ему многолѣтняго здравія. Хоть бы на счетъ лажу. Вѣдь прежде, родименькій, цѣлковый-отъ четыре рубля двадцать пять копѣекъ ходилъ, а потомъ его на три съ полтиной поворотили. Теперь деньги у мужика хоть и тѣ же, да счетомъ-то ихъ стало меньше, оно будто ихъ и не хватаетъ. И по всѣмъ мѣстамъ въ нынѣшни времена, гдѣ ни послышишь — лажъ-отъ вездѣ порѣшился, а нашъ Иванъ Васильичъ, дай Богъ ему здоровья, до сихъ поръ лажемъ милуетъ. Попенны деньги, тѣ на серебро беретъ, а на счетъ иныхъ сборовъ, которы ему слѣдуютъ: за троицки березки, за вѣники, грибной сборъ, орѣховый, за стрѣльбу дичины, дровяныя, лучинныя, харчевыя, это все, дай Богъ ему здоровья, съ лажемъ принимаетъ. Оно нашему брату и повыгоднѣй... Поэтому—хоть иной разъ Иванъ Васильичъ какого непослушника и поизобидитъ, а все жъ мы довольны имъ остаемся: отецъ родной—не баринъ.

«За такимъ лѣснымъ, какъ Иванъ Васильичъ, дай ему Богъ многолѣтняго здравія, жить можно, и только Бога надо благодарить... А вотъ въ Липовской волости лѣсной-отъ Петръ Егорычъ—вотъ ужъ бѣда: строгій—настрогій и самый не подходящій. Слова съ мужикомъ не молвитъ, глядитъ волкомъ, и все норовитъ тебя въ зубы. Какъ ты его ни ублаготворяй, ему все мало. «Мѣсто мое, говоритъ, въ Питерѣ, не у васъ въ трущобѣ съ волками да съ медвѣдями, такъ за это за самое, говоритъ, ты и долженъ меня ублаготворить. Да

Digitized by Google

помни, говоритъ, расканалья ты этакая, что надо мной есть палата, и потому я самъ подъ сборами нахожусь». Что́ съ такимъ бариномъ подѣлаешь? А нашему брату безъ лѣсу никакъ невозможно; лѣсомъ только и живемъ.

Придетъ къ Петру Егорычу мужикъ за билетомъ, попенны принесетъ, ну и почести сколько слѣдуетъ, да коли баринъ на ту́ пору въ сердца́хъ — въ карты проигрался, аль жену въ городъ за покупками снаряжаетъ, заломитъ онъ такую благодарность, что затылокъ затрещитъ. А какъ мужикъ зартачится, да въ цѣнѣ не сойдутся, Петръ Егорычъ ему и молвитъ: «приходи завтра». Завтра, да завтра, да дѣло-то до Евдокеи Плющихи [1]) и дотянетъ. Придетъ мужикъ на Евдокею, онъ билетъ ему выдастъ и окромѣ попенныхъ,—каковъ есть мѣдный грошъ,—не возьметъ. И давать станетъ, еще зарычитъ, ровно медвѣдь: «я человѣкъ благородный, на подлости не пойду, мундира марать не стану. Какъ ты смѣлъ, говоритъ, мошенникъ этакой, взятку мнѣ давать? Да за́ это, говоритъ, въ Сибирь можешь угодить, коли я захочу». Швырнетъ благодарность-то, обругаетъ, иной разъ поколотитъ. А въ билетѣ пропишетъ, что выдалъ его не на Евдокею, а на Крещенье, либо на Спиридона Поворота [2]). Мужикъ, коли не былъ ученъ, сдуру-то, пожалуй, обрадуется, что дешево выправилъ билетъ, да на радостяхъ за топоръ—и въ лѣсъ. И только-что успѣетъ онъ свалить деревья, что́ въ билетѣ прописаны, Петръ Егорычъ передъ нимъ, ровно изъ земли выросъ. Вспороть прикажетъ, веревками руки-ноги скрутитъ, и велитъ полѣсовнымъ въ городъ его везти,—рубильде не въ урочное время. Потому видишь ты; роди-

---

[1]) Первое марта.
[2]) Двѣнадцатое декабря.

Digitized by Google

менькій, съ Евдокеина-то дня рубкѣ лѣсу запретъ, для того что тутъ въ соку онъ бываетъ. Ну, ладно, хорошо. Наругается досыта, ружье на мужика наставитъ, говоритъ: «убью», и отвѣчать не буду: чорту баранъ готовъ ободранъ. Давай пятьдесятъ цѣлковыхъ, не то по суду больше возмутъ». Есть у мужика деньги, дастъ, нѣтъ — подъ судъ его. Тамъ и распоясывайся какъ знаешь, да еще въ тюрьмѣ насидишься.

Попался этакъ ему мой внучекъ, деревни Жужелки крестьянинъ, Василій Блинниковъ. Моя-то дочка, видишь ты, въ Жужелку выдана: Такъ Васька-то внучкомъ мнѣ и приходится. Затребовалъ съ него Петръ Егорычъ шесть золотухъ; тотъ заупрямился, не далъ. Онъ возьми да дѣло-то и затяни за Евдокею, на Сорокъ мучениковъ [1]) билетъ-отъ выдалъ, а прописалъ, что выданъ за день до Рождества. Васютка, дѣломъ не волоча, въ лѣсъ: свалилъ пятьдесятъ никакъ деревъ, что́ въ билетѣ прописаны, да только-что свалилъ, Петръ Егорычъ и шасть на то самое мѣсто. Поругалъ, поколотилъ, убить погрозился, пятьдесятъ цѣлковыхъ спросилъ. Васька не далъ: онъ его въ городъ. Что жъ ты думаешь, родимый? Оцѣнили каждо бревно, по росписанію, въ два цѣлковыхъ, да съ Васютки по суду семьсотъ рублевъ на монету безъ лажу и взяли. Вдвое, вишь, по закону взысканье-то полагается. Что станешь дѣлать? Мужикъ былъ справный, по всей волости немного такихъ было, теперь въ раззоръ раззорили его. Пять лошадокъ держалъ, полная чаша, а теперь ровно бобыль какой, и коровенки-то ребятишкамъ на молоко даже нѣтъ. И въ палату ходили, къ губернатору: вездѣ сказали, что дѣло сдѣлано, какъ быть ему слѣдуетъ.

Ужъ бранилъ же я Ваську и клюкой побилъ. «За-

---

[1]) Девятое марта.

Digitized by Google

чѣмъ, говорю, песъ ты этакой, не ублаготворилъ лѣсного шестью золотухами, зачѣмъ опять, говорю, не далъ ты ему пятидесяти цѣлковыхъ, какъ онъ въ лѣсу тебя накрылъ?...» Да что́ толковать? стараго не воротишь. Да, родименькой, супротивъ вѣтру не подуешь... Вотъ за Васькино упрямство и покаралъ его Господь. И самъ-отъ разорился, и ребятишкамъ по міру придется идти.

Да, родименькій, ужъ оно такъ и слѣдуетъ. На то и порядки установлены, чтобы ихъ исполнять. Вѣдь они для насъ же, глупыхъ, начальствомъ ставятся, безъ порядковъ како ужъ житье? А кто су́противъ порядковъ пойдетъ, тотъ отвѣчай спиной и мошной. Это ужъ такъ слѣдуетъ. Вотъ и внучку такія же рѣчи я баялъ, да ужъ нечего дѣлать. Ну, какъ ему можно было согрубить передъ Петромъ Егорычемъ? Вѣдь лѣсной—начальство, а по нашимъ мѣстамъ начальство-то самое первое, для того что лѣсомъ только и дышимъ. А передъ начальствомъ имѣй голову наклонну, а сердце покорно. Начальства должно́ во всемъ слушаться, и велѣно за него Бога молить. Какъ же можно было ему огорчать Петра Егорыча? И ближній человѣкъ, и болѣзнь утробы моей, а надо правду говорить. Что въ самомъ дѣлѣ?

И какой еще чудной Васютка-то! Чему скорбитъ. «Мнѣ, говоритъ, не то обидно, что меня ободрали да нищимъ пустили, а то, что судили меня съ Прошкой Малыгинымъ:—ему особенныя права дали, а меня разорили». А Прошка Малыгинъ, родименькій, ихней же деревни мужиченка есть — воръ отъявленный — давно ему мѣсто въ Сибири аль въ «рестанской» ротѣ, да все только въ подозрѣніи остается. Спервоначалу-то и онъ былъ справный мужикъ, да хмѣлемъ зашибся, ну, а зелено́ на пагубу дано, къ добру оно не приведетъ. Съяшкался Прошка съ кабацкими сидѣльцами, пропилъ,

Digitized by Google

что было у него, сталъ изъ дому таскать, да старикъ отецъ еще живъ, пріостановилъ. Связался Прошка съ ворами, да съ бѣглыми солдатами, и пошелъ за добромъ черезъ заборъ ходить да на большой дорогѣ у тарантасовъ чемоданы рѣзать. Маялись съ нимъ, маялись жужельски мужики — однакожъ поймали съ поличнымъ. Судъ наѣхалъ—временное, значитъ отдѣленіе. Проживало въ деревнѣ недѣли двѣ. Дорого обошлось жужельскимъ Прошкино дѣло!... Вѣдь кто по суду ли наѣхалъ, всякому припасай и чаю съ сахаромъ, и вина, и всякихъ харчей. Въ двѣ-то недѣли всѣхъ курицъ въ Жужелкѣ перерѣзали, что̀ барановъ перекололи, а свиней, гусей и всякой животины не столь переѣли, сколь озорствомъ разбросали... Да что тутъ говорить—извѣстно дѣло: воръ воруетъ—міръ горюетъ; а воръ попалъ—такъ и міръ пропалъ. У Прошки обыскъ дѣланъ былъ: подъ поломъ много краденаго нашли. Посадили Прошку въ острогъ; сидитъ годъ, сидитъ другой, отъѣлся на острожныхъ-то калачахъ — быкъ быкомъ сталъ. На третій годъ Прошкино дѣло рѣшили. Привели его въ судъ выслушивать рѣшенье, и Васютку моего туда жъ пригнали. Спервоначалу Васькѣ рѣшенье вычитали: взять съ него семьсотъ на монету, а послѣ того Прошкѣ стали вычитывать. Вычитываютъ Прошкѣ такой судъ: «Слѣдовало бы тебя, деревни Жужелки вора, Прошку Малыгина, за твое великое воровство послать на житье въ дальны губерніи, да по статьѣ закона замѣна выходитъ, и по этой статьѣ слѣдуетъ тебя, Прошку, въ «рестанску» роту на полтора года. А какъ де въ нашей губерніи «рестанской» роты покамѣстъ еще не завели, такъ по этому сам случа́ю тебѣ, Прошкѣ, по другой статьѣ друга зам выходитъ: сидѣть тебѣ вору, въ рабочемъ домѣ два г три мѣсяца. А какъ въ рабочемъ домѣ и безъ т вора Прошки, много сидѣльцевъ и посадить т

Digitized by Google

мошенника, некуда, такъ по этому случаю выходитъ тебѣ по третьей статьѣ третья замѣна: велѣно тебѣ, Прошкѣ, дать восемьдесятъ пять розокъ при полиціи». Прочитавши такой судъ, судья спросилъ Прошку: «Доволенъ ли, говоритъ, рѣшеньемъ?» А Прошка ногъ подъ собой не слышитъ: радъ-радешенекъ, что замѣсто дальней губерніи спиной отвѣтить можетъ. Поклонился судьѣ въ ноги: «Много, говоритъ, доволенъ вами, по гробъ жизни, говоритъ, не забуду вашей милости.» А судья ему: «Погоди, говоритъ, вѣдь тебѣ, вору, грабителю, еще особенны права будутъ». Прошка призадумался. «Что жъ думаетъ. — спину-ль вдругорядь станутъ драть, въ острогѣ ль еще сидѣть доведется, али деньги потребуются?..» А судья ему: «Перво дѣло, говоритъ: — не бывать тебѣ сиротскимъ опекуномъ; второе дѣло: не будутъ тебя въ свидѣтели брать; третье дѣло: не станутъ на мірской сходъ пускать; четвертое, говоритъ, дѣло:—ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ сотскіе аль въ десятскіе не станутъ тебя выбирать во всю твою жизнь». Повалился Прошка въ ноги, слезами заливается: «Отцы мои родные, говоритъ, благодѣтели вы мои, ужъ коли такія есть до меня ваши милости, нельзя ли приписать, чтобъ и подводъ-то съ меня не брали?...» Однакожъ подводами Прошку не помиловали, гоняетъ очередь съ другими наряду.

Вотъ на это на самое и обижается Васютка: «Какъ же, говоритъ, «это такъ? По Прошкину дѣлу—воръ Прошка; а по моему дѣлу — воръ не я. Какъ же съ меня семьсотъ цѣлковыхъ взяли, а ему права дали, и алъ онъ теперь счастливъ на всю жизнь?« Я говорю: ъ, Васька, молчи, на то порядокъ, и всякому свое астье, а надо всѣми Богъ. И ты, говорю, Бога не ѣви:—лѣсного почитай, супротивничать не моги, а му какое счастье Господь на судѣ посылаетъ: не

Digitized by Google

тебѣ, сиволапому, о томъ разсуждать. Какъ ты себѣ ни мудри, а Богъ надъ нами, и супротивъ начальниковъ ходить не велѣно. А такая супротивность, говорю, какъ твоя передъ Петромъ Егорычемъ, по всему хуже Прошкина воровства»...

Въ это время послышался колокольчикъ. Тарантасъ подъѣхалъ къ мельницѣ, и я простился съ дѣдушкой Поликарпомъ.

— А не можешь ли ты, родименькій, кулижки-то намъ выхлопотать?—проговорилъ онъ, когда я садился въ тарантасъ.

— Эхъ, ты!... Еще съ кулигами тутъ! А ты знай ковыряй свои лапотки—да языкъ-то не больно распущай, молвилъ ямщикъ: Еще кулиги захотѣлъ!.. Какія ужъ тутъ кулиги! Ѣхать что ли, ваше высокородіе?

— Поѣзжай. Прощай, дѣдушка.

И лихой ямщикъ помчалъ по гладкой дорогѣ. Встрѣчались мужики съ бочками смолы, съ ведрами, кадушками, корытами и другимъ лѣснымъ издѣльемъ. Они торопливо сворачивали съ дороги и, издали снявъ шапки, низко кланялись. Ждали, что и я потребую издѣльнаго билета.

Петербургъ.
1857.

Digitized by Google

ПОЯРКОВЪ

(Разсказъ)

Ѣхалъ я большой торговой дорогой, обсаженной березками. Тутъ когда-то былъ почтовый трактъ, потому и обсадили его. Торный путь набитъ саженъ на шесть въ ширину, и обозы по немъ взадъ и впередъ тянутся безпереводно, другъ дружкѣ не мѣшая, а широкая тридцати-саженная дорога впустѣ лежитъ; давно отдана въ распоряженье гуртовщиковъ, что̀ гоняютъ скотину изъ уральскихъ степей съ Нарынъ-Песковъ, ярманки у Ханской Ставки.

Проѣхавъ версты четыре, ямщикъ остановился, слѣзъ съ козелъ, сталъ поправлять упряжь на коренной и посвистывать пристяжной. Колокольчикъ замолкъ. Въ сторонѣ послышался дрожащій старческій голосъ: *блаженъ мужъ аллилуія, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, аллилуія, аллилуія.*

Я оглянулся: у дороги подъ ракитой сидѣлъ старичокъ въ изношенномъ сюртукѣ, съ котомкой за плечами; на травѣ возлѣ него клюка и кожанный картузъ. Утреннее солнце ярко освѣщало пепельнаго цвѣта лицо его и раскинутые по плечамъ сѣдые, какъ лунь, волосы.

Digitized by Google

— Кто бы это? сказалъ я путевому товарищу.

Богомолецъ. И вѣрно изъ дворовыхъ. Былъ псаремъ либо музыкантомъ у богатаго барина, вѣкъ свой брилъ бороду, ходилъ въ форменномъ казакинѣ, до сѣдыхъ волосъ звался Мишкой либо Гришкой и служилъ вѣрой и правдой. А какъ пришла старость, руки, ноги стали отставки просить, да увидалъ Гришка, что во дворнѣ онъ лишнимъ сталъ: то бабы на рубаху холста забыли ему наткать, то въ застольной мѣсто ему на сажень отъ чашки — бухъ въ ноги барину: «Увольте въ Кіевъ ко святымъ мощамъ на поклоненіе, да къ святителю Митрофанію». Такихъ много по большимъ дорогамъ.

Завидя насъ, старикъ подошелъ и низко поклонился.

— Не въ Ключищи ль изволите ѣхать, ваше высокородіе? спросилъ онъ.

— Въ Ключищи, а что?

— Окажите милость старику; позвольте на облучокъ присѣсть. Дѣло хворое—ноги болятъ. Самъ Богъ не оставитъ васъ.

— Садись, пожалуй, да ты кто такой?

— Титулярный совѣтникъ Поярковъ.

— Садитесь, пожалуйста... Да куда жъ вы? вотъ здѣсь. Тарантасъ широкъ, троимъ не будетъ тѣсно.

— Помилуйте, ваше высокородіе, смѣю ли я?.. Не извольте такъ много безпокоиться.

Насилу уговорилъ его сѣсть съ нами.

— Гдѣ служили?—спросилъ я, думая, что это одинъ изъ оставленныхъ за штатомъ чиновниковъ... Ихъ тоже довольно на большихъ дорогахъ.

— Приставомъ второго стана Пискомскаго уѣзда Хохломской губерніи.

— Долго служили?

— Больше десяти лѣтъ. А до того секретарь

Digitized by Google

земскаго суда былъ, письмоводителемъ въ городническомъ правленіи—все въ полицейскихъ должностяхъ...

«Десять лѣтъ становымъ и на большой дорогѣ нищимъ! Чудеса!..» подумалъ я.

— Отчего жъ не продолжали службу?

— Я-съ... отрѣшенъ отъ должности съ тѣмъ, чтобъ впредь никуда не опредѣлять.

— Чѣмъ же занимаетесь?

— Какъ вамъ доложить?.. Ничѣмъ-съ.. По святымъ обителямъ странствую... Работать не могу—года ужъ такіе.

— Частной бы должности поискали...

— Нельзя-съ.

— Отчего?

— Указомъ Правительствующаго Сената ооъявленъ ябедникомъ, хожденіе по частнымъ дѣламъ воспрещено.. Къ другому ни къ чему не пріобыкъ. Оно, конечно, вона теперь много мѣстовъ по пароходству на Волгѣ и въ компаніяхъ, и жалованье хорошее, и можно бы приспособиться... И пытался... Да съ моимъ аттестатомъ кто возьметъ?

«Вотъ подхватилъ я гуся лапчатаго», подумалось мнѣ.

— А впрочемъ, благодарю Создателя, что не попалъ на мѣсто!—заговорилъ Поярковъ послѣ короткаго молчанья: — А то не сподобилъ бы Господь столько святыни видѣть и недостойными устами своими къ ней прикасаться, не привелъ бы узнать матушку Русь православную, какъ живется, какъ думается народу. Былъ я, ваше высокородіе, въ Кіевѣ и у Почаевской Богородицы, въ Воронежѣ и въ Соловкахъ, у Кирилла Бѣлозерскаго, у Симеона Верхотурскаго, вкругъ Москвы здѣ, всю почти Россію пѣшкомъ выходилъ. А вѣдь шему брату, убогому страннику, въ дворянскіе да чиновничьи дома́ ходу мало; у мужичковъ больше

Digitized by Google

привитаемъ, отъ ихъ трáпезы кормимся. Отъ нихъ-то и узналъ я русскій народъ... Познавать его вѣдь можно только лежа на полатяхъ, а не сидя за книгами да за бумагами, да разъѣзжая по казенной надобности.

Сначала подумалъ я, что если это не закоренѣлый мошенникъ, такъ, по крайней мѣрѣ, плутъ и ужъ навѣрное пьяница. Не даромъ говорится: воръ слезливъ, плутъ богомоленъ. Но вслушиваясь въ звуки рѣчей, всматриваясь въ лицо Пояркова, больше и больше удивлялся... Ни сизаго носа, ни багровыхъ пятенъ на щекахъ, ни мутности въ глазахъ, ни отека въ лицѣ, ни одного изъ признаковъ знакомства съ чарочкой не было. Напротивъ, въ глазахъ выражалось много ума и благодушія, въ лицѣ — много твердости характера.

— Послушайте, господинъ Поярковъ, сказалъ я, — скажу вамъ прямо: вы меня удивляете... По вашему лицу, по вашимъ рѣчамъ не видно, чтобъ вы были...

— Шельмованный негодяй?—перебилъ Поярковъ:— Не ропщу на судъ человѣческій: творился онъ волею Божіей. По дѣлóмъ я наказанъ

— Но...

— Какъ ни будь кривъ судъ человѣческій,—перебилъ меня Поярковъ: — все-таки онъ творится по Божьему велѣнью.

— Бываетъ однако, что невинные страдаютъ.

— Бываетъ, что судьѣ мзда глаза деретъ, бываетъ, что судья неопытенъ и дѣла не разумѣетъ, вершитъ не по закону, не по совѣсти... Такъ... Но, повѣрьте, что за каждымъ невинно осужденнымъ были другіе грѣхи, до людей не дошедшіе, а къ Богу вопіявшіе... За эти-то тайные грѣхи и осуждается человѣкъ [illegible] предлогомъ такихъ, какимъ онъ не причастенъ... человѣческомъ судѣ всего одинъ только разъ [illegible] осужденъ не имѣвшій грѣха. Судьей тогда былъ [illegible] латъ.

Digitized by Google

«Правда,—продолжалъ Поярковъ:—судья, что́ плотникъ; что́ захочетъ, то и вырубитъ, а у всякаго закона есть дышло: куда захочешь, туда и повернешь. Да вѣдь и надъ судьей, и надъ подсудимымъ есть еще Судія... Неужли Онъ допуститъ безвинно страдать? Не палачъ Онъ людей, а весь—любовь безконечная... Судья дѣломъ кривитъ, волю дьявола тѣмъ творитъ, на́ душу свою грѣхъ накладываетъ, а въ то же время, по судьбамъ Божьяго правосудія, творитъ и волю правды небесной, за ту вину караетъ подсудимаго, которой и не зналъ за нимъ. Такъ-то на всякую людскую глупость находитъ съ неба Божья премудрость.

«Хоть объ своемъ дѣлѣ вамъ доложу. Отрѣшенъ отъ должности вотъ за что. Въ деревнѣ баня загорѣлась, ее раскидали. Подаютъ объявленіе о пожарѣ: до деревни восемьдесятъ верстъ, а у меня сорокъ важныхъ дѣлъ на рукахъ, въ томъ числѣ пятнадцать арестантскихъ. Становому всѣхъ обязанностей исполнить нельзя, будь у него въ суткахъ сорокъ восемь часовъ. Потому и держатъ они вольнонаемныхъ писцовъ. Набираютъ ихъ изъ вольноотпущенныхъ, исключенныхъ изъ духовнаго званія, изъ службы выгнанныхъ, изъ лицъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи. Они и заправляютъ дѣломъ, а становой тѣмъ только занятъ, что по важнѣе да прибыльнѣе. И у меня человѣкъ съ пятокъ такихъ было. Одного и послалъ я на слѣдствіе о пожарѣ; онъ допросы снялъ, дѣло, какъ слѣдуетъ, очистилъ, я подписалъ, въ уѣздный судъ представили, рѣшили тамъ: «предать волѣ Божіей». А мужичонка али хозяинъ, кляузникъ былъ, подалъ губернатору жалобу: былъ-де у меня поджогъ, а такой-то отпущенникъ поджигателей скрылъ. Губернскаго чиновника прислали, тотъ нашелъ, что мужикъ вретъ, поджога никакого не бывало, а слѣдствіе въ самомъ дѣлѣ отпущенникъ производилъ, а я на немъ учинилъ фальши-

Digitized by Google

вую значитъ подпись и совершилъ допросы, и очныя ставки заднимъ числомъ... Подлогъ, значитъ!.. Губернаторъ былъ вновѣ, а нова метла чисто мететъ — подъ судъ меня. Въ уголовной 391 статейку и подвели: «лишеніе всѣхъ правъ состояній и ссылка въ Сибирь на поселенье». Подмазалъ—смилостивились: уменьшающія вину обстоятельства нашли, рѣшили «уволить отъ должности». А тутъ другое дѣло завязалось: «о похороненіи на огородѣ безъ священническаго отпѣванія некрещенаго младенца матерью его, состоящею въ расколѣ». Другой чиновникъ пріѣхалъ. Прикосновенными были государственные крестьяне, стало быть, надо депутата. Чиновникъ меня и проситъ: «Нельзя ли, говоритъ, поскорѣй депутата прислать, всего бы лучше безграмотнаго прислать, да прислалъ бы свою печать поскорѣе, мы бы дѣло-то разомъ кончили. У насъ, видите ли, говоритъ, на будущей недѣлѣ въ Хохломскѣ благородный театръ будетъ, я, говоритъ, съ губернаторшей «Женщину-Лунатика» представляю, такъ достаньте, пожалуйста, поскорѣе депутата, да непремѣнно безграмотнаго» Написалъ я къ волостному писарю записочку, выслалъ бы такого-то старшину къ чиновнику. Года черезъ три попадись эта записка къ моимъ лиходѣямъ. Завели новое дѣло «о разглашеніи тайны», подъ 453 статью меня: за сообщеніе бумагъ, отмѣченныхъ надписью «секретно», — отрѣшеніе отъ должности. Вѣдь, изволите знать, что каждая бумага про раскольниковъ, какая ни будь пустяшная, сверху-то «секретно» надписывается. Бабы на базарѣ про дѣло толкуютъ, а ты «секретно» пиши... По совокупности преступленій меня и приговорили—отрѣшить отъ должности, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Кому на разсказать—всякъ подумаетъ, что не по винѣ страдаю А осужденъ я достойно и праведно.

Теперь такъ говорю, когда Господь умягчилъ мое

Digitized by Google

сердце, а въ тѣ поры мыслилъ другое... Когда отрѣшили меня, остался я, на старости лѣтъ, безъ куска хлѣба. Еще слава Богу, что ни передо мной, ни за мной никого тогда не было — одинъ, какъ перстъ. Конечно, деньги были, да лихомъ нажитое прочно не бываетъ,—что было нажито, мірской слезой облито, а мірская слеза у Бога велика. Подъ судомъ бывши истерялся: судъ вѣдь докуку да деньги любитъ; да и жилъ-то широконько — привыкъ, знаете, къ хорошей-то жизни, сразу отвыкнуть не могъ. Въ картишки любилъ поиграть, ну и выпала мнѣ такая линія, что дѣло хоть брось—ни иголки съ елки, ни иконы—помолиться, ни ножа, чѣмъ зарѣзаться. Работать силъ нѣтъ: и годы стары, и руки мягки, а мягки-то руки чужой хлѣбъ въ ротъ кладутъ, а печь своего не умѣютъ. Такъ горько пришлось, такъ прискорбно, что руки на себя хотѣлъ наложить.

И вотъ злость-то какая во мнѣ была: пришелъ къ проруби топиться; о душѣ, объ отвѣтѣ на Страшномъ Судѣ на умъ не приходитъ, а про Чувашъ вспомнилъ, какъ они недругу «суху бѣду дѣлаютъ». На кого золъ, пойдетъ къ тому да у него на дворѣ и удавится, судъ бы на него навести... И сталъ я думать, какая жъ мнѣ польза, ежели утоплюсь—унесетъ меня подъ вешнимъ льдомъ и не знай куда, гдѣ-нибудь сыщутъ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатаютъ, найдено-де неизвѣстное мертвое тѣло, и станутъ вызывать наслѣдниковъ или владѣльцевъ съ ясными на принадлежность онаго доказательствами. Нѣтъ, думаю себѣ, коли класть на себя руки, такъ ужъ съ тѣмъ, чтобъ лиходѣю суху буду сдѣлать: пусть же знаетъ, что безрога корова и шишкой бодаетъ. А лиходѣемъ почиталъ губернатора, что велѣлъ меня подъ судъ отдать. И такое веселье вѣчгъ вложилъ въ меня, что съ проруби-то я ровно стѣнъ,аздника воротился,

Digitized by Google

Свѣдалъ, что у лиходѣя дѣльце есть тяжебное. Въ Малороссію верстъ тысячу пѣшкомъ отшагалъ и усталости не зналъ—вотъ какова злость-то была. У него, видите ли, дядя бездѣтный былъ, имѣнія тысячи двѣ душъ благопріобрѣтеннаго. Покойникъ женѣ завѣщалъ его, а мой лиходѣй сталъ духовную оспаривать. Вотъ, думаю, привелъ же Господь поплатиться, да еще и за правду постоять. Взялъ у тетки довѣренность, ѣздилъ, хлопоталъ, писалъ и «записался»... У племянника-то, у губернатора, то есть, сильна протекція была: тетку по міру пустилъ, а мнѣ хожденіе по дѣламъ воспретили...

Указъ засталъ меня въ Малороссіи. Денегъ ни копѣйки, дѣваться некуда. Опять хотѣлъ руки на себя наложить, опять къ рѣкѣ пошелъ; но тутъ Господь мнѣ помощь явилъ... Встрѣтился я со старцемъ, сказывалъ, что идетъ онъ изъ Кіева въ Саровскую пустынь. Кто такой, не знаю, но человѣкъ Божій и даръ прозорливости имѣлъ. Сталъ разговаривать и всю-то мою жизнь ровно по книгѣ вычиталъ. И самъ не знаю, что со мной сдѣлалось; заплакалъ я — благодать-то Божія коснулась окаменѣлаго сердца. «Научи, говорю, старче, какъ горю помочь». — Ступай, говоритъ, въ Кіевъ, помолись Іоанну Многострадальному, и твоимъ страданьямъ будетъ конецъ.

Слова старца умилили мое сердце; въ тотъ же день побрелъ я въ Кіевъ. Много разъ хотѣлъ съ дороги воротиться, врагъ-отъ дѣйствовалъ. У самыхъ даже воротъ монастырскихъ смутилъ онъ меня, такую тоску нагналъ, что хотѣлъ было я, не заходя во святую лавру,—на Днѣпръ да въ воду. Но за молитвы праведнаго старца, давшаго мнѣ благой совѣтъ, избавилъ Господь отъ врага... И самъ не помню, какъ очутился у мощей Іоанна Многострадальнаго... И тутъ во мнѣ ровно что просіяло, и заплакалъ я сладкими слезами... Мерзка и нечестива пор[illegible] мигомъ прошла

Digitized by Google

жизнь!.. Вотъ теперь девятый годъ по обѣту, данному въ кіевскихъ пещерахъ, странствую по святымъ обителямъ.

Между тѣмъ подъѣхали мы къ Ключищамъ. Старикъ спѣшилъ туда къ храмовому празднику. Въ церкви того села стоитъ чудотворная икона, и къ ней на поклоненье изъ окрестныхъ мѣстъ сходится много богомольцевъ. Послѣ обѣдни залучилъ я къ себѣ Пояркова. Слово зá слово, зашла рѣчь про бытъ уѣздныхъ чиновниковъ. Вотъ чтó онъ разсказалъ:

— Кто кого сильнѣй да важнѣй въ уѣздномъ городѣ,—вы не такъ говорить изволите. Ежели хотите знать, кто кого въ уѣздѣ больше—въ табель о рангахъ не смотрите; тамъ своя табель Первое мѣсто въ городѣ—управляющій откупомъ:—будь онъ чиновникомъ, будь борода—все одно. Ему и честь, и уваженье, его и въ кумовья зовутъ, и на свадьбы въ отцы посаженные. Каждый Божій праздникъ всѣ отъ обѣдни къ нему на закуски, каждое первое число всѣмъ чиновникамъ онъ шлетъ и вина, и пива, и меду, и наличными много ль кому слѣдуетъ, по «росписанью.» Вотъ это самое и росписанье и есть табель о рангахъ: кому откупщикъ больше платитъ, тотъ чиновникъ важнѣе, силы въ немъ больше. Важнѣе всѣхъ, конечно, исправникъ, а ежели городъ большой, богатый, купцовъ живущихъ въ немъ много, аль ярмонки при немъ знатныя есть, — то городничій. Если же городъ не важный, то городничій послѣдняя спица въ колесницѣ, и знать его никто не хочетъ, и не слыхать совсѣмъ про него; только что въ мундирный день въ соборѣ на первомъ мѣстѣ станетъ — въ томъ и весь его авантажъ. Послѣ исправника—становой, потомъ становой, потомъ секретарь земскаго суда да секретарь уѣзднаго. Эти люди первые, за ними пойдетъ мелкая сошка: судья непремѣнный членъ, казначей, стряпчій, винный приставъ. А

Digitized by Google

всѣхъ ниже штатный смотритель да учителя: ими никто не занимается, и никакого къ нимъ уваженія нѣтъ, откупъ имъ копѣйки не даетъ, къ самой даже пасхѣ полштофа полугару не пришлетъ. И въ гости ихъ не зовутъ: развѣ когда изъ милости, аль для счету. Не во всякомъ городу окружные есть да лѣсничіе; а это люди первой статьи: окружной съ исправнекомъ можетъ въ ровень стать, помощникъ его да лѣсничій выше станового, чуть-чуть не исправниками смотрятъ.

А ежели на счетъ грѣховъ, такъ ихъ во всякомъ городу и во всякихъ чинахъ довольно... Про другихъ не стану говорить, зачѣмъ осуждать?.. А про свои грѣхи для чего не разсказать?... Всенародное покаяніе очищаетъ вѣдь ихъ...

Выросъ я въ канцеляріи; за приказнымъ столомъ и состарѣлся. А зналъ людей по одной только бумагѣ. Написано въ дѣлѣ: «Въ деревнѣ Колосковой крестьянинъ Василій Сидоровъ», ну и знаешь, что есть на свѣтѣ Василій Сидоровъ. Явится онъ къ тебѣ по дѣлу, только и думы, какъ бы побольше сорвать съ него. Не думаешь, будетъ ли Сидоровъ съ семьей завтра ужинать, объ одномъ помышляешь, губа-де у меня, у барина, къ сладкому наважена, а мужицкое горло, что́ суконное бердо, проглотитъ и долото. Пишешь, бывало, бумагу: «Съ крестьянина Миронова деньги взысканы», и знаешь, что у Миронова были деньги. Пишешь: «Кондратьевъ розгами наказанъ» и знаешь, что есть у Кондратьева спина. А не сидятъ ли у Миронова ребятишки безъ молока, зажила ль спина у Кондратьева, про то и не думаешь. Со всякаго берешь, а себя праведникомъ ставишь. Что жъ? бывало, ду-маешь: по праздникамъ церковь Божію не обѣг[illegible] поповъ съ празднымъ принимаю, говѣю каждый го[illegible] въ большіе посты не скоромлюсь, нищимъ по с[illegible] помощи подаю, въ тюремномъ комитетѣ состою [illegible]

Digitized by Google

номъ, ежегодныя пожертвованія на дѣтскіе пріюты, по письмамъ губернаторши, плачу исправно. Чего еще?..

Святымъ себя считалъ, а врага слушалъ. Шепчетъ, бывало, въ душу-то: «Карпушку-то Власьева прижми, денегъ у него, у шельмы, много, пущай не забываетъ, что ты его начальство». И прижмешь Карпушку бумаги листомъ, а бумаги листокъ на рукѣ легокъ, а выйдетъ изъ-подъ руки, такъ иной разъ тяжелѣй каменной горы станетъ.

Разъ были нужны деньги до зарѣзу: наличныя въ горку спустилъ, праздники подходятъ, покойница жена шляпки требуетъ, салопъ съ куньимъ воротникомъ ей подай, въ губернское правленіе дань посылать срокъ двѣ недѣли ужъ минулъ. Хоть въ домѣ отъ мірского приносу всякаго припаса и вдоволь, да надо хорошенькаго винца купить, неравно губернскій чиновникъ наѣдетъ, не подашь ему мадеры деверье — шампанскаго подавай, да настоящаго, по три цѣлковыхъ бутылка. Просто бѣда: какъ бредень ни закидывай, рыбешка не ловится. Что дѣлать, какъ быть? А главное дѣло — губернское! Во время не представишь — шесть выговоровъ на недѣлѣ закатятъ, и пошелъ подъ судъ, купайся тамъ.

Почту получаю. Посмотримъ, думаю, — нѣтъ ли благостыни. Подтвержденій штукъ сорокъ, помѣчаю — «къ дѣлу». Пачка публикацій о сыскѣ лицъ и имуществъ: ну это извѣстно дѣло — подъ столъ, письмоводитель подберетъ, напишетъ: «на жительствѣ не оказалось», и конецъ. Отъ губернатора предписанія, да все пустяковыя: статистику требуетъ, да двухъ старыхъ дѣвокъ въ консисторію на увѣщанье переслать... Объявленія объ умершихъ солдатахъ, о взысканіяхъ, о скотскомъ падежѣ, много всякой дряни, а путнаго нѣтъ ничего.—Эхъ, несчастная ты доля моя!.. Еще распечатываю: губернаторша еще разъ пожерт-

Digitized by Google

вовать въ пользу дѣтскаго пріюта приглашаетъ. «Нѣтъ, думаю, шалишь, ваше превосходительство, — не до твоихъ поросятъ свиньѣ, коль ее самое палятъ на огнѣ». Съ горя да съ печали за печатны циркуляры принялся. Видно, тяжело было, что за нихъ принялся... Ихъ, бывало, никогда не читаешь, только съ боку помѣтишь: «къ свѣдѣнію и руководству».

Десятка полтора прочелъ—ничегохонько... Вдругъ, гляжу — милость-то Господня! У циркуляра съ боку припечатано: «объ отдачѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей въ Горыгорѣцкую школу Могилевской губерніи». — Э!.. Не штука — деньги, штука — выдумка!.. Вотъ она благодать-то гдѣ! Съ мѣста даже вскочилъ, запѣлъ отъ радости: *заутра услыши гласъ мой!*

«Лошадей! Въ Ермолино!»... Пріѣхали. «Къ волостному головѣ!..»—Достучались.—Вошли —Хозяйка въ задней избѣ самоваръ ставитъ, а хозяинъ, стóя у притолки, въ кулакъ зѣваетъ: на разсвѣтѣ дѣло-то было.

— Что, говорю, Корней Сергѣичъ, здоровенько ли поживаешь?

— Слава Богу, говоритъ, ваше благородіе, Богъ грѣхамъ терпитъ.

— Ну, слава Богу — дороже всего, говорю... Домашніе что? Хозяюшка здравствуетъ ли?

— Что ей дѣлается?.. Вонъ съ самоваромъ возится... Ишь надымила какъ въ сѣняхъ-то!.. Грунька! Чего въ угли-то налила?.. Эка дурь-баба!.. Дымъ сюда пройдетъ — у барина головка разболится.

— Ничего, говорю, Корней Сергѣичъ... Ну, дочки что?.. Землемѣръ-отъ, чать, не даромъ мѣсяцъ у тебя выжилъ.

— Эхъ, ваше благородіе, чего тутъ ворошить?. Мало ль чего толкуютъ?.. Чужи рѣчи не переслушаешь.

— Ну, да про это что? Дѣвки молодыя! По вашему, можетъ, такъ и надо. Парнишко-то чтó?

Digitized by Google

— Ничего, ваше благородіе,—ростетъ. Часословъ скончалъ, на второй скамейкѣ сидитъ.

— Дѣло хорошее... А вѣдь я, Корней Сергѣичъ, къ тебѣ съ повѣсткой... Читай-ка: человѣкъ ты грамотный.—И подаю ему циркуляръ. А народъ-отъ по захолустьямъ глупъ: видитъ, печатна бумага, да съ боку «министерство» стоитъ — глаза-то у него и разбѣжались. Ученъ еще мало, знаете.

Прочелъ бумагу Корней, повертѣлъ въ рукахъ, на столъ кладетъ.

— Мы, говоритъ, ваше благородіе, люди слѣпые, — извольте приказать, какое тому дѣло есть.

— Что̀ ты за слѣпой человѣкъ, Корней Сергѣичъ!. Зачѣмъ на себя клепать? Читай-ко вотъ, съ боку-то: «объ отдачѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей въ Горыгорѣцкую школу, Могилевско губерніи» Видишь?

— Вижу, ваше благородіе.

— А слыхалъ ли ты про такую губернію? Про Могилевскую-то?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не слыхивалъ, что есть такая Могилевская губернія Впервой слышу?

— Эта губернія за Сибирью, на самомъ краю свѣта, говорю ему. И вся-то она, братецъ ты мой, состоитъ въ могилахъ. А на тѣхъ на могилахъ гора, и на той горѣ школу, вотъ видишь, завели... Крестьянскихъ ребятишекъ тамъ ко всякому горю пріобучаютъ: оттого и прозвана «на горѣ горецкая школа». Понялъ?

— Не въ домекъ, ваше благородіе: ваши рѣчи умныя, да наши головы глупыя.

— Да полно малину-то въ рукавицы совать! Что̀ въ самомъ дѣлѣ на себя клеплешь! У него и Власка каѳизмы читаетъ, а самъ будто и печатнаго разобрать не можетъ. Бери бумагу-то, читай; не морочу вѣдь

Digitized by Google

тея... Печатное. — Не самъ же я печаталъ. Видишь? «Объ отдачѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей»... А ты читай самъ!

Корней ни живъ, ни мертвъ: только пальцами семенитъ. Смекнулъ куда дѣло-то клоню. А все-таки спрашиваетъ:

— Какое жъ тутъ до меня касательство, ваше олагородіе?

— Какъ какое касательство? Власкѣ-то который годъ?

— Двѣнадцатый на Масленицѣ пошелъ.

— Такихъ и требуется. Читай-ка вотъ.

— Нельзя ли помиловать, ваше благородіе?

— Да какъ же я тебя помилую? По ревизскимъ сказкамъ извѣстно, вѣдь, у какого крестьянина какихъ лѣтъ сыновья. Что жъ мнѣ изъ-за твоего Власки на свою голову бѣду брать... А?..

Замолчалъ Корней. Повѣсилъ голову, лицо пятнами пошло. А я себѣ прималкиваю, изъ сундучка бумаги вынимаю да раскладываю ихъ по столу.

— Нельзя ли какъ помиловать, ваше благородіе? заголосилъ Корней?

— Какъ мнѣ тебя миловать-то, Корней Сергѣичъ? Своего что ли сына замѣсто Власки по этапу высылать? Такъ у меня и сына-то нѣтъ.

— Все въ вашихъ рукахъ, ваше благородіе... Какъ Богъ, такъ и вы!.. Помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

Корнеева жена въ избу вошла, знаетъ ужъ о чемъ дѣло идетъ. Повалилась на полъ, ухватилась мнѣ за ноги, воетъ въ источный голосъ на всю деревню. Услыхавши материнъ вой, дѣвки прибѣжали, тоже завыли тоже въ ноги. А Васька, войдя въ избу, сталъ у притолки, самъ ни съ мѣста. Побѣлѣлъ, ровно полотно стоитъ, ровно къ смерти приговоренъ.

Digitized by Google

— Душно что-то здѣсь, молвилъ я Корнею: на крыльцо выйду. Хочешь, вмѣстѣ пойдемъ

Вышли на крыльцо. Хозяйка почти безъ дыханія. Дѣвки было за нами, да Корней цыкнулъ на нихъ.

Сѣлъ на крыльцѣ, трубочку закурилъ, покуриваю себѣ... Говорю Корнею таково пріятно да ласково:

— Избы не хочу сквернить этимъ куревомъ... Знаю, что старинки держишься, скитамъ вѣруешь... Такъ я на крылечкѣ, чтобъ у тебя боговъ не закоптить... Садись-ка рядкомъ, Корней Сергѣичъ, потолкуемъ..

Потолковали. На пяти золотыхъ покончили. Написалъ я Власку нѣмымъ и увѣчнымъ, въ Горыгорѣцкую, значитъ, негоднымъ.

Съ легкой Корнеевой руки у меня дѣло какъ по маслу пошло. Сколько ни было въ стану богатыхъ мужиковъ, — всѣхъ объѣхалъ, никого не забылъ. Сулилъ могилы, да на горахъ горе, получилъ за каждаго парнишку по золотенькому, въ глухіе, въ нѣмые писалъ ихъ... Мужики рады-радешеньки, отбывши такое великое горе. Всѣмъ праздникъ, а мнѣ вдвое: — у жены салопъ и шляпка съ бѣлымъ перомъ, точь-въ-точь какъ у вицъ-губернаторши; у полюбовницъ, что̀ въ стану держалъ: у одной шелково платье, у другой золотная душегрѣйка; шампанскаго вдоволь, хоть на мѣсяцъ пріѣзжай губернскіе... А главное, въ губернскомъ правленіи остались довольны: крѣпко, значитъ, на мѣстѣ сижу.

Да-съ, бывалъ я коткомъ, лавливалъ мышекъ.

Вся штука въ томъ, что надо остроту имѣть, чтобъ показать мужику дѣло не съ той стороны, какъ оно есть. Это у насъ называлось «перелицовать». Кто мастеръ на̀ это, будетъ сытъ, и дѣтки безъ хлѣба не останутся. Законъ, какъ толково ни будь написанъ, все въ нашихъ рукахъ: изъ каждой бумаги хочешь—свѣчку Николѣ сучи, хочешь—посконну веревку вей... А му-

Digitized by Google

жикъ что понимаетъ? Онъ человѣкъ простой: только охаетъ да въ затылкѣ чешетъ. До Бога, говоритъ, высоко, до царя далеко. Похнычетъ, похнычетъ — и перестанетъ.

А нѣтъ ничего прибыльнѣй, какъ раскольники. Народъ ужъ такой: обижаются даже на того, кто не беретъ. Кто взялъ, на того надѣются, что не выдастъ и все по ихнему сдѣлаетъ; а кто не взялъ, того боятся, притѣснителемъ обзываютъ, и пронесутъ имя его, яко зло—до самыхъ высокихъ степеней... Такая ужъ вѣра у нихъ: имъ шагу ступить нельзя, чтобы чего-нибудь супротивнаго закону не сдѣлать. Паспортовъ, по ихнему, не надо, для того, что антихристову печать означаютъ. Отъ того безпаспортнымъ у нихъ пристанище, къ тому жъ безъ бѣглыхъ имъ во всемъ невозможно: попы ли, большаки ли ихніе, народъ все «скрыющійся», попросту сказать, бѣглый. А это нашему брату и на руку. У меня въ стану скиты были—дно золотое.

Въ каждомъ по десяти, по двѣнадцати обителей, въ каждой обители настоятельница, старицъ и бѣлицъ штукъ пятьдесятъ и побольше. Это «лицевыхъ», значитъ, такихъ, что съ паспортами живутъ... Кромѣ того «скрыющихся» много. Каждая настоятельница за «лицевую» въ годъ золотыхъ по два платитъ, а за «скрыющуюся» меньше тридцати взять нельзя. А у богатыхъ раскольниковъ еще такое заведеніе есть, что ежели купеческой дочкѣ пошалить случится, и она тяжела станетъ, ее посылаютъ въ скиты, будто бы къ тетушкѣ тамъ какой-нибудь погостить, въ своемъ-то бы городу огласки не было, женихи бы послѣ не обѣгали. Тутъ, бывало, пожива хорошая: дѣвка-то пріѣдетъ съ деньгами, съ нея за то, чтобъ дѣвичьей тайны не огласить, а ребеночка принесетъ, — слѣдствія бъ не прозводить!..

Большой праздникъ подходитъ: изо всѣхъ обитецэг

Digitized by Google

къ тебѣ съ подносами: — къ Пасхѣ — на куличи, къ Петрову дню — на барана, къ Успенью — на медъ, къ Покрову — на брагу, къ Рождеству — на свинину, къ Масленицѣ—на рыбу, къ Великому Посту на рѣдьку да на капусту.

А то еще за сборами по городамъ матери ѣздятъ. Поѣдутъ передъ зимнимъ Николой, воротятся къ Благовѣщеньеву дню... Ѣдучи въ путь, приходятъ паспорты явить... Со сбору воротятся, опять являются— и чего тутъ, бывало, не натащатъ. Котора въ Саратовъ ѣздила, рыбы да икры, котора въ Казань—сафьяну на сапоги, котора изъ Екатеринбурга пріѣхала—нельмы-рыбы да печатокъ изъ камней самоцвѣтныхъ, съ Дону—балыковъ, изъ Москвы—сукна, матерій разныхъ, всякаго, значитъ, фабричнаго дѣла. Самому ни съѣсть, ни износить, лишки нужнымъ людямъ въ губернію шлешь.. Они довольны, и оттого на счетъ непріятностей опасенія не предвидится.

Въ скитъ пріѣдешь — угощенье тутъ тебѣ богатой рукой. Спервоначалу все чинно: сядешь за столъ съ чиновниками, что прихватишь съ собой разгуляться, матери во всемъ чину у дверей стоятъ:—въ вѣнцахъ, во иночествѣ,—шапочка такая плисовая у нихъ есть, иночествомъ зовется!—на плечахъ у всѣхъ манатейки—пелеринки этакія черныя съ красной выпушкой. У каждой въ рукѣ лѣстовка: стоятъ смиренно, глядятъ умильно, рѣчь ведетъ одна игуменья, да развѣ еще келарь, стряпка значитъ, примолвитъ: «милости просимъ», когда на столъ нову перемѣну ставитъ. Радовыя старицы только вздыхаютъ да молитвы про себя шептъ. Бѣлицъ тутъ не бываетъ, — тѣ по свѣтлицамъ дятъ. И велишь, бывало, матерямъ пить, ихнимъ в добромъ ихъ угощаешь. Хоть всѣ онѣ, кромѣ преарѣлыхъ, до винца и охочи,—а спервоначалу тоже одутъ себя, церемонятся. Выругаешь хорошенько,

Digitized by Google

примутся за чарочки. Перепьются, потому что не смѣютъ ослушаться...

Тогда къ бѣлицамъ въ гости. А бѣлицы бывали хорошія, молодыя, красивыя, полныя такія да здоровенныя—кровь съ молокомъ. Ходятъ чистенько: юбки, рубашки миткалевыя, кофточки полотняныя... При стороннихъ, въ черныхъ сарафанахъ съ цвѣтными широкими ситцевыми передниками. Пойдешь по свѣтлицамъ: тамъ онѣ сидятъ, бисерны кошельки вынизываютъ, шелковы пояски ткутъ, по канвѣ шерстями да синелью вышиваютъ.. Такая тутъ возня пойдетъ, что безъ грѣха никогда, бывало, кончиться не можетъ... На счетъ этого слабеньки..

А вѣдь ихъ винить нельзя. У крестьянской дѣвки хоть много работы, да въ году три радости есть: на Масленицѣ покататься, на Святой покачаться, на Троицу вѣнки завивать. А келейны бѣлицы тяжелаго дѣла не знаютъ, снуютъ цѣлый день изъ часовни въ свѣтлицу, изъ свѣтлицы въ часовню, каноны читаютъ да кошельки вяжутъ—вотъ и работа вся. А ѣдятъ сладко, спятъ мягко, живутъ пространно, всякому пальчику по чуланчику—дурь-то въ голову и лѣзетъ. По ихнему же это и не грѣхъ, а только паденіе: безъ грѣха, слышь, нѣтъ покаянія, а безъ покаянья и спасенія нѣтъ. Потому дѣвицѣ и дозволено согрѣшить, было бы въ чемъ каяться и тѣмъ спасеніе получить. Такая ужъ вѣра.

А когда благодѣтели, значитъ, богатые купцы, пріѣдутъ въ скитъ, тутъ не то.. Не тѣмъ обитель смотритъ, точно въ самомъ дѣлѣ истинное благочестіе въ ней обитаетъ. Поведутъ матери благодѣтеля въ часовню, тамъ старицы стоятъ чинно, рядами, въ п номъ чину, на вѣнцѣ у каждой креповая «наметка» все лицо она покрываетъ. Вездѣ лампадки, вездѣ свѣ горятъ. Въ серединѣ стоитъ «уставщица», смирен въ землю глаза опустивъ, внятно читаетъ старин

Digitized by Google

книги. Чистыми, звонкими голосами стройно бѣлицы поютъ по крюкамъ, демественнымъ разводомъ. Кланяются разомъ, передъ земными поклонами бросаютъ на полъ подручники разомъ, подымаютъ ихъ разомъ, лѣстовки перебираютъ разомъ. Слова сторонняго не молвятъ, въ сторону не взглянутъ—да этакъ часовъ пять, либо шесть сряду. Благодѣтель-отъ упарится, умается а самъ себѣ думаетъ: «Вотъ оно гдѣ благочестіе-то, вотъ она гдѣ старая-то вѣра!..»

И пригоршнями благостыни отвалитъ. . А домой пріѣдетъ, братьѣ своей зачнетъ говорить: «Видѣлъ я, братія, скиты.. Ужъ такое тамъ благолѣпіе, ужъ такое тамъ благочестіе: истинно земные ангелы, небесные же человѣки».—А небесные человѣки—только что благодѣтель вонъ изъ скита, на радостяхъ отъ хорошей выручки,—старицы за рюмочку, а бѣлицы за мила дружка, за сердечнаго.

Благодѣтели на каноны и на негасимую денеги скитницамъ пересылаютъ много. Ежели гдѣ-нибудь, хоть въ дальнемъ какомъ городѣ, богатый раскольникъ умретъ, родственники посылаютъ милостыни «на кормъ братіи». Тѣ деньги идутъ настоятельницамъ, у нихъ въ каждой обители общежительство: пьютъ, ѣдятъ на общій счетъ. Кромѣ того, на «негасимую свѣчу» присылаютъ, значитъ, чтобъ читать Псалтирь по покойникѣ денноночно шесть недѣль, либо полгода, либо годъ, глядя по деньгамъ, и каждый день пѣть «канонъ за единоумершаго». Иной разъ придется рублевъ по пяти на скитницу, богачи-то присылаютъ на всѣ скиты тысячъ по десяти, на ассигнаціи... Дѣлежъ бываетъ въ скрытности, опричь игуменій да какихъ-нибудь знатнѣющихъ, никого тутъ не бываетъ.. А сборы имъ закономъ воспрещены; потому онѣ завсегда у насъ въ рукахъ.

Случится узнать,—привезли панафидныя деньги и

Digitized by Google

будутъ дѣлить въ такой-то обители. Поѣдешь, бывало, но какъ ни пріѣдешь—ничего не застанешь, а по всему видно, что вотъ сейчасъ изъ кельи вонъ разбѣжались... Когда и во-время попадешь, да у нихъ въ скитахъ дома нарочно такіе построены: ходы въ нихъ да переходы, темные корридоры, чуланы да тайники, скрытные проходы межъ двойными стѣнами, подъ двойными полами и подземные ходы изъ одной обители въ другую есть. Имъ безъ того нельзя,—такая ужъ у нихъ вѣра, что вся на бѣглыхъ стоитъ. Прячутъ ихъ въ тайникахъ-то въ случаѣ надобности,

Разъ мнѣ удалось на дѣлежъ попасть. Узналъ, что изъ Сибири большую сумму привезли, и будутъ дѣлить у матери Иринархи въ обители. На ту пору былъ я у матери Иринархи по какому-то дѣлу, а у нея купеческая дочка изъ Москвы жила и со мной, грѣшнымъ дѣломъ, по тайности въ любви находилась. А скитскія дѣвки, я вамъ доложу, бѣда какія неотвязчивыя; ежели съ которой сошелся, требуетъ, чтобы въ гости жаловалъ, а ежели долго въ скитѣ не бывалъ, плачетъ, укоряетъ—забылъ-де меня...

— Знаешь ли что, говорю возлюбленной своей: — Вѣдь у васъ завтра собраніе будетъ, а мнѣ больно хочется посмотрѣть на него. Я бы сегодня такъ сдѣлалъ, будто уѣду изъ скита, а самъ у тебя въ свѣтлицѣ останусь, ты мнѣ ихнее-то собраніе изъ тайничка и покажешь.

Обрадовалась моя Варвара Абрамовна, что цѣлыя сутки у ней въ свѣтлицѣ пробуду... Велѣлъ я письмоводителю мою шубу надѣть, да чтобъ по голосу его не признали, приказалъ ему пьянымъ быть, и вышелъ такъ, будто я напился до безчувствія, и меня, положивши въ сани, изъ скита вонъ увезли. Цѣлыя сутки пробылъ я у Варвары Абрамовны, а подъ вечеръ черезъ тайничекъ внизъ спустился, и сталъ возле

Digitized by Google

Принархиной кельи. Дырочка тамъ проверчена: все видно.

Собрались матери, приказчика привели, что деньги привезъ, помолились, письма прочитали, канонъ за умершаго пропѣли, кутьи поѣли и усѣлись — деньги дѣлить. Самая полночь была Только что деньги на столѣ онѣ разложили, я изъ тайника да середь честной компаніи и сталъ.

— Здорово ль, говорю, поживаете, преподобныя матери?. Что жъ меня-то въ долю не принимаете?

Заметались. А при мнѣ охотничій рогъ былъ. Затрубилъ... Сотскіе да разсыльные, а имъ напередъ велѣно было тайнымъ образомъ къ ночи вкругъ обители собраться, голосъ стали подавать.

— Слышите, говорю, матери? Мои-то молодцы русака въ скиту учуяли! Да не ты ли русакъ-отъ, почтенный? говорю приказчику. Кажи паспортъ!

— Паспорта нѣтъ; въ городѣ на квартирѣ, говоритъ покинулъ.

— Это мнѣ все равно. Ежели при тебѣ па́спорта нѣтъ, милости просимъ въ кутузку.

— Да я, говоритъ, купеческій сынъ.

— А хотя ты и купеческій сынъ, да есть пословица: отъ тюрьмы да отъ сумы никто не отрекайся Сидятъ въ тюрьмѣ и дворяне, не то что ваша братья, купцы.

Такъ да этакъ: смиловался я, отпустилъ приказчика. Три тысячи на ассигнаціи мнѣ досталось. Читали ль матери заказной Псалтирь, нѣтъ ли — того не знаю.

А ужъ какъ легковѣрны онѣ, такъ просто на удивленье! Жила въ Чернушинскомъ скитѣ среднихъ лѣтъ дѣвка, звали ее Пелагея Коровиха. Жила у матерей долго, скитскіе порядки знала; да скружилась,—ее и прогнали. Въ городъ переѣхала. Сайки на базарѣ продавала, съ печенкой у кабака сидѣла — перебивалась

Digitized by Google

этакой торговлей. Познакомилась она съ отставнымъ солдатомъ Ершовымъ, что лѣтъ съ десятокъ при земскомъ судѣ въ разсыльныхъ былъ, по всему уѣзду знали его. Запивать сталъ — потерпѣли, потерпѣли, однако выгнали наконецъ. Приходитъ онъ къ Коровихѣ, на судьбу плачется: не знаю, говоритъ, что и будетъ со мной; удавиться думаю, хуже будетъ, какъ съ голоду помру. Посовѣтовались—да и придумали штуку! Обрѣзала Коровиха косу, добыла гдѣ-то вицъ-мундиръ, чиновникомъ одѣлась, орденъ святого Станислава на шею надѣла. Достали лошадей; Коровиха въ сани, Ершовъ на козлы, да ночнымъ временемъ въ скитъ, только не въ тотъ, гдѣ Коровиха жила, а въ другой, гдѣ не знали ее. А по уѣзду еще не было извѣстно, что смѣненъ Ершовъ, и онъ по дорогѣ сказываетъ, что посланъ исправникомъ при чиновникѣ, что по раскольничьему дѣлу изъ Петербурга пріѣхалъ. Передъ Коровихой всѣ шапки ломаютъ; видятъ, баринъ большой: крестъ на шеѣ.

Пріѣхали. Разбудилъ Ершовъ настоятельницу. «Вставай, говоритъ, скорѣй, мать Евфалія: бѣда твоя до тебя дошла.—Чиновникъ изъ самаго Питера пріѣхалъ. Чуть ли часовню не станетъ печатать» Евфалія заохала. Ершовъ ей свое:

— Меня, говоритъ, исправникъ нарочно съ нимъ послалъ, чтобъ тебѣ, по силѣ-возможности, какую ни на есть помощь подать.

— Кормилецъ ты мой!.. завопила Евфалія. Помоги ты мнѣ старой старухѣ, а ужъ я тебя не оставлю... Заставь за себя Бога молить!.. А сама межъ тѣмъ [illegible] его шову въ руки зелененькую.

— А ты вотъ что, мать Евфалія,—говор[illegible]ія, поло[illegible] шовъ:—сдѣлайся-ка съ нимъ, какъ знаешь; [illegible]злыя суть[illegible] его честь. Исправникъ велѣлъ сказать, чт[illegible]одъ вечер[illegible] дящій, благодарить его можно.

[illegible]ыло

[illegible]талъ воз

Digitized by Google

— Дай Богъ здоровья его высокородію Петру Ѳедорычу, — говоритъ Евфалія: — что на разумъ наставляетъ меня старую да глупую.

А чиновникъ-Пелагея ужъ въ кельѣ.. Очки на носу, бумаги разбираетъ. Вошла къ нему мать Евфалія ни жива, ни мертва.

— Какъ тебя звать?—крикнула ей Коровиха.

— Евфалія грѣшная, ваше превосходительство.

— По отцѣ?

— То-есть по-бѣлически-то зовутъ меня Авдотья Маркова; а это значитъ по-иночески: Евфалія грѣшная.

— Да развѣ ты смѣешь иноческимъ именемъ называться?—закричала Коровиха и ногами затопала.

Да приподнявши платокъ, что Евфалія на себя въ роспускъ накинула, увидала подъ нимъ и манатейку и вѣнецъ... Пуще прежняго закричала:

— Это что такое?.. Это что надѣто на тебѣ.. Не знаешь развѣ, что за́ это вашу сестру въ острогъ сажаютъ? Въ кандалы старую каргу,—крикнула Ершову Коровиха:—въ острогъ ее, шельму, вези!

— Слушаю, ваше превосходительство!—говоритъ Ершовъ.

— Подай изъ саней кандалы!—крикнулъ онъ, выйдя въ сѣни, извозчику.

Ровно громъ грянулъ въ обители: въ ногахъ валяются, милости просятъ. Тутъ и промахнись Коровиха.

— Давай, говоритъ, десять цѣлковыхъ да штофъ пѣннику.

Тотчасъ принесли и деньги, и пѣннику... Только тутъ всѣ и поусумнились: что жъ это за важный чиновникъ, коль за дѣло, что тысячи стоитъ, только десять цѣлковыхъ потребовалъ... Опять же ни мадеры, ни рому, ни другого дворянскаго пойла ему не надобно, а вдругъ подай пѣннику! Неподалеку отъ скита справникъ въ то время на слѣдствіи былъ... Ему дали

Digitized by Google

знать, тотъ нагрянулъ. Входитъ въ келью, а Коровиха съ Ершовымъ, штофикъ-отъ опорожнивши, по лавкамъ лежатъ. Такъ и взяли ее въ вицъ-мундирѣ и съ крестомъ на шеѣ. По суду три года въ рабочемъ домѣ потомъ просидѣла.

Чего въ тѣхъ скитахъ ни творилось! Да вотъ хоть про друга моего, про Кузьку Макурина разсказать. Былъ онъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, парень еще молодой. Отецъ у него кузнечилъ, а когда померъ, довольно деньжонокъ сыну оставилъ, и домъ—полну чашу, и кузницу о двухъ наковальняхъ. Неразумному сыну родительское богатство въ прокъ не пошло; не понравилось Кузькѣ ремесло отцовское: ковать жарко, продавать холодно. Черной работы не жаловалъ; захотѣлось ему бѣлоручкой жить—значитъ, отъ кузницы подальше, меньше бы копоти было. Годика въ два родительское добро все по ниткѣ спустилъ. Къ винцу да къ сладкой ѣдѣ привыкъ, а въ мошнѣ-то пусто. И почалъ деньги ломомъ да отмычками добывать. Разъ пять попадался, да каждый разъ по суду въ подозрѣньи только оставляли. Поймали наконецъ на дѣлѣ, въ солдаты приговорили, потому что недѣли до совершенныхъ лѣтъ у него не хватало.

На другой же день, какъ сдали его, онъ бѣжалъ. По деревнямъ проживать опасно было,—онъ въ скиты. Пришелъ къ матери Маргаритѣ: — «Бѣгаю, говоритъ, отъ антихриста, и ты, матушка, меня въ стѣнахъ своихъ сокрой».

Маргарита разжалобилась, взяла Кузьку на конный дворъ въ работники. Тутъ онъ зажилъ припѣваючи: сытъ, пьянъ, одѣтъ, обутъ... А главное, живучи под крылышкомъ Маргариты, никого не бойся, даромъ чт бѣглый. Мы съ ней жили въ добромъ согласіи. Иног развѣ что скажешь ей: «Кузька-то у тебя больно пр странно живетъ, спрячь его до грѣха». Ну и припряче

Digitized by Google

Кузька со мной подружился черезъ то, что Маргаритину племянницу Евпраксію Михайловну мнѣ предоставилъ. Изо Ржева была, купеческая дочка — съ офицеромъ провинилась, ее и послали къ теткѣ стыдъ прикрывать. Скитское житье ей по нраву пришлось— осталась въ кельяхъ... Ну, Кузька, спасибо ему, помогалъ, очень даже помогалъ. Отъ того и завелась у меня дружба съ нимъ.

Неспокойный былъ человѣкъ. Чѣмъ бы, кажется, не житье ему было у матерей? Такъ нѣтъ, пакостить началъ и скитницъ мнѣ выдавать. Шепнетъ, бывало: «Приходите, ваше благородіе, тихими стопами ночью подъ Успеньевъ день къ матери Ѳеозвѣ въ моленную; бѣглый попъ пріѣхалъ, въ полотняной церкви станетъ служить».

Нагрянешь, во всемъ чину службу застанешь. «Это что? Ты кто такой? Вяжи!» Матери забѣгаютъ, ровно мыши въ подпольѣ: котора антиминсъ за пазуху, котора сосуды въ карманъ, съ попа ризы деретъ. А попъ ровно хмѣльной, самъ шатается, а норовитъ въ уголъ, чтобъ оттуда въ тайникъ, да скрытыми переходами въ другу обитель, а оттолѣ въ лѣсъ. Зналъ я эти штуки-то: «Нѣтъ, говорю, отче святый, отъ меня не улизнешь, знаю я ваши мышиныя норки, а протяни-ка ты лучше стопы свои праведныя, вонъ сотскій-отъ хочетъ кандалы на тебя набивать».

Старицы въ ноги.

— Батюшка, ваше благородіе, положи гнѣвъ на милость!

— Дамъ я вамъ милость, говорю:—Вяжи всѣхъ да подводы подъ нихъ снаряжай... Всѣхъ въ острогъ.

А онѣ:

— Помилосердуй, милость на судѣ хвалится.

— Дамъ я вамъ милость!.. Вяжи всѣхъ да гаси свѣчи: часовню-то запечатаю

Digitized by Google

А самъ изъ кармана снурокъ, печать да сургучъ Всегда при себѣ держалъ: страхъ внушаютъ.

— Да заставьте же, ваше благородіе, за себя Бога молить, — вопятъ старицы: — помилусердуйте!.

— Да что вы, говорю, пристали ко мнѣ?.. Ничего не могу сдѣлать, губернаторъ предписалъ. Сами знаете: твори волю пославшаго

— Да все въ твоихъ рукахъ, батюшка, ваше благородіе!.. Какъ Богъ, такъ и ты!..

Дали. Попа въ кибитку, а мы къ Ѳеозвѣ чай пить да съ бѣлицами балясы точить.

Провѣдаетъ Кузька: подъ моленну новы столбы подвели; скажетъ. Пріѣдешь въ скитъ, найдешь починку, запечатаешь моленную. Пообѣдаешь, разгуляешься, возьмешь, распечатаешь.

А на Кузьку ни одна изъ матерей подозрѣнія не имѣла. Думаютъ: «Свой человѣкъ, состоитъ по древлему благочестію, какъ же ему Іудой-предателемъ быть» А въ своей обители у Маргариты пакостей онъне творилъ

Не сдобровалъ однако у скитницъ мой Кузька: очень ужъ безобразную жизнь повелъ, стали матери имъ тяготиться, а прогнать боялись, потому что, ежели прогнать, скитъ сожжетъ. Напился онъ разъ съ попомъ Патрикіемъ до-нельзя и зачалъ спорить съ нимъ о божественномъ... Спорили они, спорили—Кузька въ ухо попа: «я, дескать, тебя, ревнуя по истинной вѣрѣ, аки Никола святитель Арія—заушаю!.. А попъ-отъ черезъ день возьми да Богу душу и отдай... Слѣдствія не было: бѣглый бѣглаго убилъ, оба люди не лицевые. Такъ оно и заглохло.

Послѣ того его и прогнали. По деревнямъ шататься сталъ гдѣ день, гдѣ ночь. Тяжело пришлось житье: въ водкѣ вкусъ позабылъ. Конокрадствомъ вздумалъ промышлять, да на первой кляченкѣ попуталъ грѣхъ: поймали Кузьку, — ко мнѣ.

Digitized by Google

— Что, говорю, попался?

— Попался, говорить, ваше благородіе, такая ужъ судьба моя проклятая!. А у меня до васъ есть секретъ.

— Какой?

— Важный секретъ, ваше благородіе. Могу сказать только одинъ на одинъ... Потому секретъ по первымъ двумъ пунктамъ, государственный секретъ, ваше благородіе..

Пошли въ боковушку. Сказалъ.

Вышли мы съ нимъ въ канцелярію, сталъ я съ Кузьки показанье снимать.

— «Зовутъ меня Иваномъ; какъ по отцѣ и чей родомъ, не помню, сколько лѣтъ, не знаю; грамотѣ россійской читать и писать умѣю, въ штрафахъ и подъ судомъ не находился, по девятой ревизіи покуда никуда не приписанъ, движимаго и недвижимаго имѣнія за мной нѣтъ никакого, опредѣленнаго промысла или занятія не имѣю, а прибывъ въ прошедшемъ году въ здѣшній Пискомскій уѣздъ, занимался дѣланіемъ фальшивой монеты. На таковое ремесло былъ склоненъ торгующимъ по свидѣтельству третьяго рода крестьяниномъ Маркомъ Емельяновымъ, каковый Маркъ Емельяновъ и научилъ меня, съ помощію собственныхъ его инструментовъ, какъ россійскую, такъ и иностранную монету чеканить. А ту фальшивую монету, изъ опасенія подозрѣнія и законнаго по суду воздаянія въ случаѣ открытія, производили мы въ разныхъ мѣстахъ»... Послѣ того и пошелъ перечислять мужиковъ, что самые богатые были.. Во свидѣтельство представлялъ ва фальшивые талера и старинный цѣлковый, тоже альшивый: «И сильно скорбя о содѣянномъ преступленіи и жестоко мучась угрызеніемъ совѣсти, рѣшился я въ присутствіи вашего благородія чистосердечно объяснить о содѣянномъ мною преступленіи, что

Digitized by Google

вы уже и слышали отъ меня. Имѣю неотъемлемое право на справедливо заслуженное мною наказаніе и, предаваясь въ волю закона, прошу со мною учинить, что́ правосудіе повелѣваетъ»

Сдѣлавъ такое показаніе, Кузька бойко подписался по всѣмъ статьямъ: «Къ сему показанію Иванъ, непомнящій родства, руку приложилъ»

Велѣлъ я заковать Ивана Непомнящаго и поѣхалъ съ нимъ да съ понятыми къ Марку Емельянову. Обыскъ произвели — ничего не отыскали. Маркъ, извѣстно дѣло: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, впервой того человѣка и вижу». Поставилъ ихъ на очную ставку.

Кузька говоритъ: «Побойся Бога, Маркъ Емельянычъ, какъ же ты меня не знаешь? Да не я ль у тебя двѣ недѣли выжилъ? Да не ты ль меня училъ монету дѣлать? Да не ты ль хвалился, что сдѣлаешь монету лучше государевой?»

Маркъ и руками, и ногами, а Кузька ему:

— Нѣтъ, постой, Маркъ Емельянычъ, у меня вѣдь улика есть.

— Какая улика? спрашиваетъ Маркъ Емельяновъ.

— А вотъ какая: прикажите, ваше благородіе, понятымъ въ избу войти.

Я велѣлъ, Кузька и говоритъ имъ:

— Вотъ смотрите, православные, подъ этой подъ самой лавкой я гвоздемъ нацарапалъ такія слова, что съ перваго по 22 октября съ Маркомъ Емельяновымъ вотъ въ этой самой избѣ я триста талеровъ начеканилъ.

Посмотрѣли подъ лавку,—въ самомъ дѣлѣ тѣ слов нацарапаны.

Вязать было Марка—въ острогъ сряжать, да сл дились. Отъ него къ другимъ богатымъ мужикамъ п ѣхали... И всѣхъ объѣхали. А какъ объѣхали всѣх

Digitized by Google

велѣлъ я Кузькѣ бѣжать, кандалы подпиливши, самъ и пилочку далъ ему. Дѣло заглохло.

А Кузька, извольте видѣть, когда по деревнямъ шатался, надписи такія у богатыхъ мужиковъ царапалъ. Попросится ночевать Христа ради, ляжетъ на полу, да ночью, какъ всѣ заснутъ, и ну подъ лавкой исторіи прописывать.

Послѣ того Кузька потомъ оказался и до сихъ, слышь, поръ попи́тъ. Есть на рубежѣ двухъ губерній, Хохломской да Троеславской, деревня Худякова; половина — въ одной губерніи, другая — въ другой. Въ той деревнѣ мужичекъ проживалъ, Левкой звали — шельма, я вамъ доложу, перваго сорта, а промышлялъ онъ попами. Содержать бѣглыхъ поповъ на губернскомъ рубежѣ было ловко: изъ Троеславской губерніи нагрянутъ — въ Хохломскую попа, изъ Хохломской — въ Троеславскую его. Левку всѣ раскольники знали, отъ него попами заимствовались. Съ этимъ самымъ Левкой и сведи дружбу Кузька Макуринъ—днюетъ и ночуетъ у него, такіе стали друзья, что водой не разольешь. Рыбакъ рыбака далеко́ въ плёсѣ видитъ, а воръ къ вору и не хотя льнетъ.

Лежитъ разъ Кузька у Левки въ задней избѣ на полатяхъ, а попъ, по́дъ вечеръ взъѣхавши къ Левкѣ да отдохнувши послѣ дороги, сидитъ за столомъ. Избу заперъ, зачалъ деньги считать, что́ за требы на́бралъ по окольности. Смотритъ Кузька съ полатей, а самъ тоже считаетъ: считалъ, считалъ и счетъ потерялъ. Слѣзъ тихохонько съ печи, отомкнулъ дверь, вышелъ—попъ не видитъ, не слышитъ... Кузька въ пе-
нюю.

Будитъ Левку: «Вставай, говоритъ, дѣло есть». —
ка всталъ, Кузька ему говоритъ: «Попъ деньги счи-
гъ, я подсмотрѣлъ. Такая, братецъ, сумма, что за
не грѣхъ и въ тюрьмѣ посидѣть. Съ такими день-

Digitized by Google

гами, Левушка, вѣкъ свой можно счастливу быть, ні Низъ можно сплавиться, въ купцы тамъ приписаться»

Соблазнилъ.

— А видывалъ ли когда тебя отецъ-отъ Пахомій?— спрашиваетъ Левка.

— Отродясь — говоритъ Кузька: — не видывалъ

— Дѣлай же вотъ какъ, да вотъ какъ.

Пошли пріятели въ заднюю, гдѣ попъ-отъ свои дѣла правилъ.. А хоть дверь и отперта была, все-таки, чтобъ Пахомію не подать сомнѣнья, Левка постучался, входную молитву творя.

— Аминь!—отвѣтилъ попъ изъ избы: — Кто тамъ?

— Я, батюшка, отецъ Пахомій, хозяинъ

— Сейчасъ, свѣтъ, отопру... Эко диво како! Дверь-то была отомкнута!. Забылъ, видно, запереть, вотъ вѣдь память-то какая у меня стала

Вошли Левка съ Кузькой. А деньги у попа ужъ припрятаны. Начáлъ положили у Пахомія, простились и благословились.

— Вотъ, батюшка, отче Пахоміе,—говорилъ Левка:— нашъ христіанинъ, именемъ Косьма, исправиться желаніе имѣетъ, давно мнѣ кучился свести его къ іерею древляго благочестія.

Кузька въ ноги попу — Прими, говоритъ, отче святый, нà духъ.

— Богъ благословитъ, чадо, отвѣтилъ Пахомій, время теперь тихое, исправлю, пожалуй.

Левка вышелъ, Пахомій епитрахиль надѣлъ, Требникъ на налой положилъ.—«Клади начáлъ!» говоритъ.

Положили начáлъ. Легъ Кузька ничкомъ, Пахомій ему голову епитрахилью покрылъ и началъ «исправу:

— Рцы ми, чадо Косьмо...

А Кузька поднялъ голову, говоритъ ему:

— Отче святой, совѣсть-то моя очень сумленна,- рцы ми прежде: по отлученіи отъ великороссійск

Digitized by Google

церкви принялъ ли ты «исправу втораго чина» съ проклятіемъ ересей?

— Нѣтъ, чадо, говоритъ Пахомій:—«исправѣ втораго чина» и проклятію ересей азъ грѣшный по правиламъ не подлежу, того ради, чти и крещеніе имѣю старое, и рукоположеніе старое

— А гдѣ жъ ты старое-то рукоположенье сыскалъ?— спросилъ Кузька, ставъ на ноги передъ Пахоміемъ:— Кто тебя въ попы-то ставилъ?

— Да не смущается сердце твое, чадо Косьмо, вѣдай, яко имамы нынѣ архіереевъ древляго благочестія. Начало же сему произволенію бысть сицевое.

— Ну, послушаемъ, пожалуй, какое тутъ у васъ было произволеніе,—молвилъ Кузька, садясь на лавку:— Садись и ты, отецъ Пахомій, разсказывай, какое было произволеніе.

— Есть, мой свѣтъ, киновія Бѣлокриницкая. Исперва обитаема была едиными токмо мнихами, священныхъ же особъ въ себѣ не имѣла, нынѣ же Божіею къ намъ милостію получила архипастыря. Вси несумнящеся о семъ христіане, елико обрѣтается ихъ въ поднебесной, въ томъ увѣрены. Та киновія, влекуще сѣмя свое отъ древнихъ оныхъ Кубанцевъ, рекше Некрасовцевъ, зашедшихъ туда съ большимъ количествомъ народа, съ женами и дѣтьми. И тако сіи вышереченные Кубанцы, рекше Некрасовцы, поселишася въ Туречинѣ, по рѣкѣ Дунаю, и во упражненіи своемъ занятіемъ рыболовства..

— Да ты балясы-то не точи, говори настоящее дѣло. Какое произволеніе-то было?.. Кто тебя въ попы-то поставилъ?

— Внимай, чадо Косьмо, дивному промышленію и борзися... Симъ бо случаемъ дивная вещь содѣяся памяти достойна.

— А ты лишняго-то не мели, сказывай, кто таковъ?

Digitized by Google

— Азъ многогрѣшный прежде былъ господскимъ крестьяниномъ и не малое время находился приставникомъ при псовой охотѣ. Обаче распалихся желаніемъ іерейства, оставя господина, пріидохъ къ епископу нашему Софронію и молихъ его, да поставитъ мя во іерея. Онъ же по многомъ испытаніи рукоположи мя у единаго мужа благочестива, на пчельникѣ, и даде ми одиконъ, рекше путевой престолъ, и церковь полотняную.

— Такъ ты, по-просту сказать, бѣглый псарь?

— Не глумися, чадо Косьмо́, рцы же ми своя согрѣшенія...

— А вѣдь ты мошенникъ, отецъ Пахомій! Изъ псарей въ попы на пчельникѣ поставленъ!.. Ай да святитель!.. Знаю Софрона-то я. Вѣдь это Степка Жировъ, что́ въ Москвѣ постоялый дворъ въ Вороньемъ переулкѣ держалъ, что́ попа Егора утопилъ?.. Знаю, все знаю, и другого вашего пастыря знаю, Антонія, что́ прежде Шутовымъ прозывался. Такъ ты изъ этакихъ!.. А сколько ты, собашникъ, христіанскихъ-то душъ погубилъ, ихъ исправляючи? Да знаешь ли ты, что твое мѣсто въ Сибири?

Хвать его за честну́ю браду, и «караулъ» закричалъ. Левка съ веревкой вбѣжалъ, скрутили попа, вытащили его на улицу, сбѣжался народъ: кто за попа, а кто кричитъ: «Вези его въ городъ!»... Кутятъ ему Кузька въ полы-то положилъ: «Вотъ, говоритъ, твои прихожане!» Поглумились этакъ надъ Пахоміемъ и пустили его на четыре стороны, а деньги и весь скарбъ у Левки остались.

На другой день приходитъ уставщикъ отъ Пахомія.—«Деньги-то, говоритъ, возьмите, подавитесь из окаянные, ящикъ-отъ только отдайте... Безъ него от Пахомію никакъ невозможно.

— Эка, что вздумалъ!.. молвилъ Кузька Макуринъ

Digitized by Google

Да я такого ящика пятый годъ добиваюсь. Пойду на Урень, — сторона глухая, народъ слѣпой, — стану попить не хуже твоего псаря. Такъ ему и скажи.

Заплакалъ инда уставщикъ: за ящикъ-отъ Софронію никакъ тысяча была заплачена, а теперь все пропало ни за денежку.

Вскрыли ящикъ: тамъ и одиконъ, и полотняная церковь, и прочее, что̀ нужно, и ставлена грамота.

— Эка умница этотъ Жировъ!—молвилъ Кузька:—не пишетъ примѣтъ въ ставленой-то... Хоть я Пахомію во внуки гожусь, а съ этой ставленой могу и Пахоміемъ быть. Прощай, Левушка — деньги всѣ себѣ бери, съ меня и ящика довольно. Вотъ какимъ попомъ буду, самъ ко мнѣ на исправу придешь... Приходи, Левушка: всѣ грѣхи отпущу и гроша́ не возьму.

Такъ и подѣлились. Левка съ деньгами на Низъ уѣхалъ—и тамъ расторговался А Кузька за Пахомія и до сихъ поръ попитъ...

Такъ вотъ съ какими я людьми хороводился! Вотъ какія дѣла дѣлывалъ! Да мало ль чего ни бывало... Всего не перескажешь.

Ничего въ свое время не огласилось, предъ судомъ человѣческимъ ничего не явилось. Но все было ясно предъ неумытнымъ Судіею... И послалъ Онъ мнѣ наказанье достойно и праведно.

Петербургъ.
1857.

Digitized by Google

СТАРЫЕ ГОДЫ

(Разсказъ)

Довелось мнѣ разъ побывать въ большомъ селѣ Заборьѣ. Стоитъ оно на Волгѣ. Мѣсто тутъ привольное.

Это гнѣздо угасшаго рода князей Заборовскихъ. Теперь оно принадлежитъ разбогатѣвшему откупщику Кирдяпину, родитель же его нѣкогда былъ подносчикомъ въ Разгуляѣ. А Разгуляй—любимѣйшій народомъ кабакъ въ селѣ Заборьѣ. Стоитъ онъ между пристанью и базаромъ: мѣсто веселое, бойкое.

Мѣстность въ Заборьѣ живописна. Крутой, высокій берегъ Волги тутъ перемежается, образуя обширную, покатую къ рѣкѣ лощину, въ ней построено Заборье. Тамъ до десятка златоглавыхъ церквей, сорокъ либо пятьдесятъ двухъ-этажныхъ каменныхъ домовъ, больше тысячи деревянныхъ городской постройки, обширный гостиный дворъ; нѣсколько фабрикъ и заводовъ: всюду кипучая дѣятельность. По волжскому берегу тянется длинный рядъ амбаровъ для складки хлѣба другихъ товаровъ, у пристани стоитъ не одна сотня барокъ, расшивъ, ладей, паузковъ и другихъ разной величины парусныхъ судовъ. Поодаль, у особой при-

Digitized by Google

стани, устроенной въ Кривоборскомъ затонѣ, дымятся пароходы. Въ сторонѣ мель, на ней обсохшая коноводка.

И справа, и слѣва тѣсно застроеннаго и шумно оживленнаго Заборья великанами высятся крутыя горы изъ краснаго мергеля. На одной красуются величественные храмы XVII вѣка, украшенные снаружи стѣнописью, увѣнчанные золотыми шатрами и куполами. Вмѣстѣ съ громадными двухъ-этажными зданіями, они обнесены зубчатыми бѣлокаменными стѣнами, высокими башнями и бойницами. Ни казанскіе татары, ни Лисовчики, ни сообщники Разина не могли взять тѣхъ твердынь, хоть не разъ пытались овладѣть Заборскимъ монастыремъ, зная о сокровищахъ, въ немъ сохранявшихся. Теперь не то, теперь здѣсь тихое и безмятежное пристанище немногихъ иноковъ, просторно размѣстившихся по уголкамъ громадныхъ келій, гдѣ въ старые годы тѣсно было жить многочисленной братіи и толпамъ слугъ и служебниковъ Заборской обители.

По другую сторону Заборья высятся на горѣ палаты князей Заборовскихъ. Величественный дворецъ, строенный въ прошломъ столѣтіи по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя надъ Волгой и Заборьемъ, угрюмо смотритъ на новую, развившуюся подъ его ногами дѣятельность. Запустѣлый, обветшалый, точно переглядывается онъ съ древними зданіями монастырскими.. Ведутъ межъ собой каменные старцы беззвучную бесѣду о суетѣ мірской, что́ внизу гуломъ тысячи голосовъ и звуковъ даетъ знать о себѣ, о привольѣ мѣ- и о довольствѣ народа. Ведутъ угрюмые старцы сѣду, а сами будто сокрушаются, что минули стые годы, когда на верху было людно и шумно, а изу говорить громко не смѣли...

Digitized by Google

Исправникъ предложилъ мнѣ показать заборскій дворецъ, но не скоро добился ключей. Трое дворовыхъ приставленныхъ для охраненья гнѣзда угасшихъ князей Заборовскихъ, разсчитавъ, что злонамѣренные люди не украдутъ ввѣреннаго имъ зданія, отправились на пристань шить кули, чтобъ, заработавъ по пятиалтынному на брата, провести веселый вечерокъ въ Разгуляѣ.

Покамѣсть сотскій ихъ отыскивалъ, мы пошли въ садъ. Садъ огромный, версты на полторы тянется онъ по вѣнцу горы, а по утесамъ спускается до самой Волги. Прямыя аллеи, обсаженныя вѣковыми липами, не пропускающими свѣта Божьяго, походили на какіе-то подземные переходы. Мѣстами, гдѣ стволы деревьевъ и молодыхъ побѣговъ срослись въ сплошную почти массу, чуть не ощупью надо было пробираться по сырымъ грудамъ обвалившейся суши и листьевъ, которыхъ лѣтъ восемьдесятъ не убирали въ запущенномъ саду.

Кой-гдѣ уцѣлѣли каменные постаменты, на нихъ въ старые годы стояли статуи. Извѣстный богачъ прошедшаго вѣка, князь Алексѣй Юрьичъ, скупилъ много статуй заграницей и поставилъ ихъ въ своемъ Заборьѣ. Куда послѣ дѣвались онѣ, Богъ знаетъ... Вотъ на одномъ постаментѣ уцѣлѣли буквы **Iov... omnipoten...** На другомъ ясна надпись **Venus et Adonis.**

Повернувъ изъ главной аллеи въ сторону, очутились мы передъ глубокимъ оврагомъ, что́, простираясь до самаго волжскаго берега, раздѣляетъ садъ на двѣ части. Смѣлой аркой перекинутъ былъ черезъ тотъ оврагъ каменный мостъ, на днѣ шумѣлъ родникъ, скрывавшійся въ сочной густой зелени. За мостомъ каме ный павильонъ—это **Parc aux cerfs** Заборья старых годовъ... Давно свалились его двери, давно вышибен изъ оконъ его рамы, вѣтеръ да зимнія вьюги свобод гуляютъ по комнатамъ, гдѣ чего-то не бывало въ ст

Digitized by Google

рые годы!.. Въ одной комнатѣ уцѣлѣли фрески, и какія фрески!—Недюжинный маляръ ихъ работáлъ. Вотъ Венера въ объятіяхъ Марса—хорошо сохранились свѣжія, роскошныя перси и руки богини красоты, досадная улыбка безобразнаго Вулкана до сихъ поръ мерещится мнѣ, только что вспомню павильонъ заборскій... На другой стѣнѣ нагая Леда страстно прижимаетъ лебедя, на третьей свѣженькая нимфа лѣниво отталкиваетъ обхватившиго ее сатира, а на четвертой сладострастно раскинулась юная вакханка и ея

Налитыя нѣгой груди
Чуть прикрытые плющомъ
И бѣлѣе снѣга зубы
И пурпуровыя губы—
Манятъ поцѣлуй...

Плафонъ осыпался, но по сохранившимся остаткамъ замѣтно, что онъ изображалъ торжество Пріапа... Сколько бѣлобрысыхъ Акулекъ и чернявыхъ Матрешекъ перебывало здѣсь, въ качествѣ живыхъ нимфъ и вакханокъ.

— Вонъ тамъ былъ другой такой же павильонъ!—сказалъ исправникъ, указывая на груду кирпичныхъ осколковъ, выглядывавшихъ изъ лопушника, полыни и чернобыли

— Развалился?

— Нарочно сломали.

— Зачѣмъ?

— Да видите ли, чтó здѣсь болтаютъ: князь Данило Борисовичъ, годовъ тридцать тому назадъ, пріѣзжалъ въ Заборье, и въ томъ павильонѣ находку, слышь, ка-то нашелъ, да послѣ того и приказалъ его сломать.

— Чтó жъ онъ нашелъ?

— Да болтаетъ народъ... оно можетъ и вздоръ, а -таки намолвка идетъ, будто въ томъ павильонѣ одна чата изстари была заложена, да такъ, что и при-

Digitized by Google

знать ее было не возможно. А князь Данило Борисовичъ тайно ото всѣхъ своими руками вскрылъ ее.

— Ну?

— Вѣдь это одна намолвка, Андрей Петровичъ, а правда ли, нѣтъ ли, Господь вѣдаетъ. Кладъ что ли какой-то тамъ нашли, только на стѣнѣ, слышь, гвоздемъ было что-то нацарапано. Какъ только князь Данило Борисовичъ прочиталъ, тотчасъ стѣну своими руками топоромъ зарубилъ, а потомъ и весь павильонъ сломать приказалъ.

— Что жъ такое тамъ было?

— Чего здѣсь въ старые годы ни бывало?... Да вы изволили, конечно, читать «Удольфскія таинства» госпожи Радклифъ?

— Читалъ. А что?

— У насъ по уѣзду старики помѣщики говорятъ, будто госпожа Ратклифъ тѣ таинства съ Заборья списывала. Правду ли, пустяки ль говорятъ, доложить не могу... А болтаютъ

— Скажите, пожалуйста, не осталось ли стариковъ, что жили въ Заборьѣ при князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ?

— Гдѣ же? Помилуйте! Вѣдь князь-отъ Алексѣй Юрьичъ лѣтъ сто тому какъ померъ. За пятнадцать лѣтъ до Пугачевщины скончался, считайте, сколько тому времени. Сынъ его, князь Борисъ Алексѣичъ, и внукъ, князь Данило Борисовичъ, подолгу здѣсь не живали, а княжна Наталья Даниловна и вовсе здѣсь не бывала. Послѣ нея имѣніе за долги продано, теперь стало Кирдяпинское. Старина и забылась. А долго таки кое-что поддерживалось.... Вотъ и я еще помню псаря здѣсь, музыкантовъ, арапа стараго, да карлика—древній-надревній былъ. Мало-по-малу переводили все, какъ вотчина къ Кирдяпинымъ перешла, все порѣшилось. Сами изволите знать, ужъ какъ оно ни на есть

Digitized by Google

а все чужое. Оттого и не жаль... Былъ здѣсь старикъ Прокофьичъ. Чуть-чуть его помню. Да вотъ ужъ лѣтъ сорокъ, какъ и онъ померъ. Вотъ онъ такъ ужъ всю подноготную про здѣшніе старые годы зналъ. Дожилъ до ста лѣтъ, а въ молодые годы, при князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ, въ стремянныхъ бывалъ. Мнѣ про того Прокофьича Валягинъ Сергѣй Андреичъ много разсказывалъ, управляющимъ здѣсь былъ... Посаженъ былъ на вотчину Сергѣй Андреичъ княземъ Данилой Борисовичемъ, умеръ при княжнѣ. Славный былъ человѣкъ, хорошій, умный такой. Онъ даже записывалъ все, что ни разсказывалъ ему Прокофьичъ. Видалъ и я у покойника такую тетрадку.

— Куда жъ она дѣвалась?

— У наслѣдниковъ должно быть, коли на подвертку свѣчъ да на пироги не извели. Послѣ Сергѣя Андреича двѣ дочери дѣвушки остались, у нихъ должна быть.

— А гдѣ его дочери?

— А какъ Сергѣй-отъ Андреичъ померъ, уѣхали онѣ къ теткѣ — не то въ Херсонскую, не то въ Костромскую губернію, хорошенько сказать не могу. Слышно было, что замужъ повышли, а за кого—тоже доложить не могу.

Между тѣмъ сотскій привелъ одного изъ хранителей заборскаго дворца. Исправникъ приличнымъ образомъ поругалъ его, посулилъ березовый лапши съ ременнымъ масломъ и приказалъ отпереть домъ.

Сыростью и затхлою гнилью пахнуло, когда отворили двери чертоговъ князей Заборовскихъ. На каждомъ шагу изъ-подъ ногъ густая пыль поднималась, а ворвавшійся въ растворенныя двери потокъ свѣжаго воздуха колыхалъ отставшія отъ стѣнъ и лохмотьями висѣвшія дорогія, рѣдкостныя когда-то, шпалеры. Не грустью, не печалью вѣяло со стѣнъ запустѣлаго жи-

Digitized by Google

лица былой роскоши и чудовищнаго своенравія: будто съ насмѣшкой и сожалѣньемъ смотрѣли эти напудренные пастухи и пастушки, что виднѣлись на обветшалыхъ дырявыхъ гобеленахъ, а въ портретной галлереѣ потемнѣвшіе лики людей старыхъ годовъ спѣсиво и презрительно глядѣли изъ потускнѣвшихъ рѣзныхъ рамъ.... «Зачѣмъ вы зашли сюда, незваные гости?» будто спрашивали они:—Чего не видали?... Вонъ ступайте, жалкіе люди, мы васъ не знаемъ, да и вамъ никогда не извѣдать нашей раздольной, веселой жизни, нашего буйнаго разгула, барскихъ затѣй и ничѣмъ неудержимыхъ порывовъ!...»

— Вотъ князь Алексѣй Юрьичъ!—сказалъ исправникъ.

Высокій, тучный князь стоялъ передъ нами. Открытое лицо съ римскимъ носомъ и выдавшеюся впередъ нижнею губой выражало спѣсь непомѣрную и крутую волю, никогда и ни въ чемъ не знавшую противорѣчія. Князь улыбался, но улыбка лукава была и коварна. Вотъ, вотъ сейчасъ нахмурится это высокое чело, и хитрые, слегка прищуренные, черные глаза заблестятъ неукротимымъ гнѣвомъ.. Рядомъ стоялъ портретъ статной высокой женщины въ желтомъ атласномъ помпадурѣ съ черными кружевами. Лицо было прекрасно, въ глазахъ много ума, но тихая затаенная грусть виднѣлась въ нихъ. Немного радостей, должно быть, видѣла она на вѣку своемъ!

— Это княгиня Марѳа Петровна,—сказалъ исправникъ: — супруга князя Алексѣя Юрьича

Одинъ портретъ особенно поразилъ меня. Въ голубой робѣ на фижмахъ, съ тонко и кокетливо перегнутою таліей стояла, вѣроятно, молодая женщина: прекрасная ея рука, плотно обтянутая длинною перчаткой, играла розою. Но лицо, все лицо было густо замазано черною краской...

Digitized by Google

— Это что́ значитъ?—спросилъ я у исправника.

— А Господь ихъ знаетъ, должно-быть не похожа была.

— Однакожъ, что у васъ про это толкуютъ?

— Да говорить-то много говорятъ... Сказываютъ, что это первая супруга князя Бориса Алексѣевича. Въ замужествѣ, слышь, не долго находилась, а взята была откуда-то издалека. Только-что молодые успѣли, слышь, сюда къ отцу пріѣхать, князь Борисъ Алексѣевичъ на войну ушелъ, супруга его стосковалась, въ полкъ къ нему поѣхала, да на дорогѣ и померла. А скоро послѣ того и самъ князь Алексѣй Юрьичъ померъ. Говорятъ, будто по смерти молодой княгини очень онъ тосковалъ... Пошелъ, слышь, разъ въ портретную одинъ, да и упалъ безъ памяти передъ этимъ портретомъ. А какъ въ чувство пришелъ, велѣлъ замазать лицо. И какъ замазали, на другой же день Богу душу отдалъ. А другіе говорятъ, что хлебнулъ чего-то... Съ мышьячкомъ, должно быть, потому что передъ смертью онъ вѣдь подъ судъ попалъ...

Въ кабинетѣ на стѣнѣ висѣла писанная на пергаментѣ родословная. Похвально поступили господа Кирдяпины, оставивъ чуждый имъ пергаментъ въ запустѣломъ жилищѣ князей Заборовскихъ. Будто живой повѣствователь объ угасшемъ родѣ, онъ здѣсь на своемъ мѣстѣ.

Вотъ у корня родословнаго древа красуются имена Гедимина литовскаго, Монтевида керновскаго, Любарта волынскаго... Вотъ князь Минигайло Зимовитовичъ... Пріѣхалъ онъ въ Москву на службу къ великому князю Василію Дмитріевичу, крещенъ самимъ митрополитомъ Фотіемъ и прозванъ княземъ Заборовскимъ. И пошелъ отъ него рядъ бояръ, воеводъ и думныхъ людей: водили Заборовскіе московскіе полки на Крымцевъ и другихъ супостатовъ; бывали Заборовскіе въ

Digitized by Google

отвѣтѣ [1]) у цесаря римскаго, у короля свѣйскаго, у польскихъ пановъ рады и у Галанскихъ статовъ; сиживали Заборовскіе въ приказахъ московскихъ, бывали Заборовскіе и въ городовыхъ воеводахъ, но только въ городахъ первой статьи: въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Казани или въ Смоленскѣ... А вотъ сынъ окольничаго, князь Юрій, княжъ Никитичъ Заборовскій, уже бритый, сидитъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ въ кригсъ-коммиссаріатской конторѣ военной коллегіи... Скончался въ Питербурхѣ-городкѣ послѣ попойки съ голландскими матросами и знатными персонами изъ россійскаго шляхетства...

Единственный его сынъ, князь Алексѣй Юрьичъ, большой службы не сослужилъ, а *въ случаѣ* бывалъ. При Петрѣ Великомъ ходу ему не было, потому что въ дѣло не годился, за то ловкій князь послѣ умѣлъ наверстать и взять свое: вó время подбился къ Меншикову, вó время вошелъ въ дружбу съ молодымъ Долгоруковымъ, вó время съѣздилъ въ Митаву на поклоненіе Бирону, вó время перекинулся къ Миниху, вó время сблизился съ Лестокомъ. И когда правительственныя перемѣны сопровождались казнями и ссылками, благополучіе князя Алексѣя Юрьича оставалось неизмѣннымъ: чины и деревни летѣли къ нему при каждой перемѣнѣ.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ умный: образованіе получилъ плохое, а отъ природы былъ коваренъ, тщеславенъ, къ тому же былъ великій мастеръ лгать и хвастать непомѣрно. При Петрѣ Великомъ приходилось ему сдерживать свой неукротимый нравъ, въ то время могъ онъ давать полную волю одной только страсти — бражничанью. Много тогда было важныхъ людей, сбрившихъ бороды, надѣвшихъ

---

[1]) Въ послахъ.

Digitized by Google

нѣмецкіе кафтаны, но оставшихся вѣрными той сторонѣ русской народности, про которую еще равноапостольный Владиміръ сказалъ: *Руси есть веселіе пити*. Но напиваясь, подъ защитой вельможныхъ бражниковъ, князь Алексѣй Юрьичъ велъ себя такъ увертливо, что ни разу не отвѣдалъ родительскаго наставленія отъ петровской дубинки. Не понимая и не сознавая важности дѣла сближенія русскаго общества съ Европой, Заборовскій полюбилъ однако общество иностранцевъ, въ особенности близокъ былъ съ вѣнскимъ резидентомъ Гогенцоллерномъ, съ голштинскимъ барономъ Стамбкеномъ, съ прусскими баронами Мардефельдами, а они, какъ гласитъ исторія, были горькіе пьяницы [1]).

Никогда князь Алексѣй Юрьичъ не былъ такъ доволенъ судьбой, какъ въ короткое царствованье Петра II. Хоть въ то время было ему ужъ подъ сорокъ, но вошелъ онъ въ тѣсную дружбу съ даровитымъ обаятельнымъ, но безпутнымъ юношей, княземъ Иваномъ Алексѣичемъ Долгоруковымъ, и былъ съ нимъ всѣ три года его могущества неразлученъ. Князь Заборовскій подъ защитой всесильнаго кутилы, далъ полную волю своему разгулу. Подъ прикрытьемъ драгунъ, ровно сумасшедшій, скакалъ онъ съ княземъ Иваномъ по московскимъ улицамъ, буйствовалъ днемъ, а по ночамъ нагло врывался въ мирныя семейства частныхъ людей... Но когда Долгоруковъ девятилѣтней ссылкой и смертью на колесѣ платилъ за грѣхи молодости, ловкій князь Алексѣй Юрьичъ, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ павшаго собутыльника, съ прекраснымъ аппетомъ изволилъ кушать за роскошными обѣдами герга Эрнста-Іоанна Курляндскаго. Будучи знатокомъ лошадяхъ и проводя ночи въ попойкахъ съ братомъ

[1]) Записка Дюка де Иріа.

Digitized by Google

герцога, Карломъ, былъ онъ въ ходу при Биронѣ, достигъ генеральскаго ранга и получилъ кавалерію Александра Невскаго... Но въ 1743 году счастье повернуло къ нему спину: сказано было князю Алексѣю Юрьичу ѣхать въ свои деревни. Такую немилость современники объясняли близкими отношеніями его къ царицѣ всѣхъ баловъ и ассамблей, графинѣ Ягужинской и дружбою съ первой красавицей Петербурга, Натальей Ѳедоровной Лопухиной. Подъ шумокъ поговаривали, будто Ягужинская въ числѣ немногихъ принимала князя Заборовскаго во время своего таинственнаго затворничества, будто фавориту Натальи Ѳедоровны, графу Рейнгольду Левенвольду, князь Алексѣй Юрьичъ проигрывалъ въ фаро огромныя суммы, будто близокъ онъ былъ съ вѣнскимъ резидентомъ, маркизомъ Боттой, будто разъ на охотѣ арапникомъ отдулъ самаго Разумовскаго. Правда ли, нѣтъ ли—кто теперь разберетъ?..

Когда вѣтренныхъ красавицъ, пріятельницъ князя Заборовскаго, постигла плачевная участь, самъ онъ хоть не совсѣмъ чистъ вышелъ изъ дѣла, но такъ съумѣлъ обдѣлать дѣлишки, что ему только велѣно было отправиться въ свои вотчины для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, живъ, здравъ, невредимъ пріѣхалъ князь Алексѣй Юрьичъ въ свое Заборье, здѣсь онъ началъ строить великолѣпный дворецъ, разводить сады и вести жизнь самую буйную, самую неукротимую... Въ деревенской глуши, въ забытомъ уголкѣ, никѣмъ и ничѣмъ неудерживаемый, онъ предался той жизни, что́ такъ по́ сердцу пришлась ему во дни могущества князя Ивана. Не только въ Заборьѣ,—по всей губерніи все ему кланялось, все передъ нимъ раболѣпствовало, а онъ съ каждымъ днемъ больше и больше предавался неудержимымъ порывамъ необузданнаго нрава и глубоко-испор-

Digitized by Google

ченнаго сердца... Вскорѣ для князей не стало иной законности, кромѣ собственныхъ прихотей и самоуправства... При такомъ состояніи человѣка до преступленія одинъ шагъ, и князь Алексѣй Юрьичъ, совершая ихъ, ни мало не помышлялъ, что грѣшитъ передъ Богомъ и передъ людьми. О послѣднихъ-то впрочемъ онъ не заботился, и щедро одѣляя вкладами монастыри, строя по церквамъ иконостасы и платя за молебны пригоршнями серебра, твердо уповалъ на Божіе милосердіе... И до того дошелъ князь Заборовскій, что разсказы про его житье-бытье въ наше время кажутся страшною сказкой..

Женатъ былъ князь Алексѣй Юрьичъ на княжнѣ Мареѣ Петровнѣ, послѣдней въ родѣ князей Тростенскихъ. Своимъ приданымъ увеличила она и безъ того огромное богатство князей Заборовскихъ. Единственный сынъ ихъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, крестникъ императрицы Анны Іоанновны, вахмистръ гвардіи въ колыбели, двадцати лѣтъ уѣхалъ изъ Заборья въ Петербургъ искать счастья. Находясь съ полкомъ въ какомъ-то захолустьѣ Россіи, влюбился онъ въ дочь небогатаго дворянина Коростина, женился на ней безъ родительскаго благословенья и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, пріѣхалъ черезъ годъ послѣ свадьбы въ Заборье, кинуться вмѣстѣ съ женой къ стопамъ оскорбленнаго родителя.. Ждали страшной грозы, дѣло кончилось благополучно. Молодая княгиня была такъ прекрасна, такъ была образована, такъ умна, что съ перваго свиданья умѣла растопить каменное сердце суроваго свекра... Вскорѣ началась семилѣтняя война; молодой князь Заборовскій поспѣшилъ подъ знамена Апраксина, оставивъ въ Заборьѣ молодую жену. Стосковавшись по мужѣ, поѣхала она къ нему въ новопокоренный Мемель, но умерла по дорогѣ...

Послѣ войны, вдовый князь Борисъ Алексѣевичъ

Digitized by Google

поселился въ Петербургѣ, женился въ другой разъ и, проживъ до 1803 года по-барски, скончался отъ несваренія въ желудкѣ, послѣ плотнаго ужина въ одной масонской ложѣ. Цѣлую жизнь, будто по заказу, старался онъ разстроить свое достояніе, но дѣдовскія богатства были такъ велики, что онъ не могъ промотать и половины ихъ, оставивъ все-таки три тысячи душъ единственному своему сыну и наслѣднику, князю Данилѣ Борисовичу. Этотъ, послѣдній князь въ древнемъ родѣ князей Заборовскихъ, какъ ни старался поправить грѣхи родительскіе, но не могъ возстановить дѣдовскаго состоянія. Впрочемъ, и самъ онъ протиралъ таки глаза отцовскимъ денежкамъ исправно. Съ Воронцовскимъ корпусомъ во Франціи былъ, денегъ, значитъ, извелъ не мало; въ мистицизмъ, по тогдашнему обычаю, пустился, въ масонскихъ ложахъ да въ хлыстовскомъ кораблѣ Татариновой малую толику деньжонокъ ухлопалъ; дѣлалъ большія пожертвованія на Россійское Библейское Общество. Душъ восемсотъ спустилъ понемножку. Дочь его, княжна Наталья Даниловна, какъ только скончался родитель ея, отправилась на теплыя воды, потомъ въ Италію, и двадцать пять лѣтъ такъ весело изволила проживать подъ небомъ Тасса и Петрарки, съ католическими монахами да съ оперными пѣвцами, что когда привезли изъ Рима въ Заборье засмоленый ящикъ съ останками княжны, въ вотчинной кассѣ было двѣнадцать рублей съ полтиной, а долговъ на милліоны. Близкихъ родственниковъ у княжны не было, изъ дальнихъ не оказалось ни въ одномъ столь нѣжныхъ родственныхъ чувствъ къ покойницѣ, чтобъ воспользоваться Заборьемъ, да кстати ужъ принять на себя и должишки итальянскіе. Кончилось тѣмъ, что Заборье пошло подъ молотокъ. Сынъ подносчика въ Разгуляѣ сталъ владѣльцемъ гнѣзда знаменитаго рода князей Заборов-

Digitized by Google

скихъ, а кредиторы княжны получили по тридцати пяти копѣекъ за рубль.

О, Гедимины и Минигайлы! Какъ-то встрѣтили вы послѣднюю благородную отрасль вашего благоцвѣтущаго корня — княжну Наталью Даниловну?. Князь Алексѣй Юрьичъ! Вы-то батюшка; ваше сіятельство, какъ изволили встрѣтить свою правнучку?.. Ну, онъ-то, развѣ пожалѣлъ только, что встрѣтился съ нею не въ здѣшнемъ свѣтѣ. Здѣсь-то бы онъ расправился.

Лѣтъ черезъ пять послѣ того, какъ былъ я въ Заборьѣ, въ одномъ степномъ городкѣ на верховьяхъ Дона, по случаю, досталась мнѣ связка бумагъ, принадлежавшихъ какому-то господину Благообразову. Онѣ состояли большею частью изъ черновыхъ просьбъ, сочиненіемъ которыхъ, какъ видно, занимался господинъ Благообразовъ. Но представьте, каково было мое удивленіе, когда, разбирая кипу, въ заглавіи одной тетради я прочелъ:

СТАРЫЕ ГОДЫ.

Писано по словамъ столѣтняго старца Анисима Прокофьева съ надлежащими объясненіями коллежскимъ секретаремъ Сергѣемъ Андреевымъ сыномъ Валягинымъ 17-го мая 1822 года въ селѣ Заборьѣ.

— Записки Валягина!

— Это должно-быть тестя, замѣтилъ, случившійся на ту пору у меня, одинъ старожилъ того городка!— Благообразовъ-отъ на дочери Валягина былъ женатъ.

Вотъ *Записка Валягина*

Digitized by Google

I.

Розовый павильонъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Заборье, только что принялъ я въ управленіе вотчину, пошелъ я поутру съ докладомъ къ князю Данилѣ Борисычу. Онъ былъ не въ духѣ.

— Я, говоритъ, сегодня ни на вóлосъ уснуть не могъ. Чтó это за вой былъ у насъ на разсвѣтѣ?

— Должно быть, на псарномъ дворѣ собаки звѣря учуяли, докладываю ему.

А князь спрашиваетъ съ неудовольствіемъ:

— Развѣ, говоритъ, у меня есть псарный дворъ?

— Какъ же, говорю, псарня у вашего сіятельства хорошая; собакъ пятьсотъ борзыхъ, да сотни полторы гончихъ. Псарей и доѣзжачихъ при нихъ дó сорока человѣкъ.

— Какъ! закричалъ князь:—шестьсотъ пятьдесятъ собакъ и сорокъ псарей-дармоѣдовъ!.. Да вѣдь эти проклятые псы столько хлѣба съѣдаютъ, что имъ на худой конецъ полтораста бѣдныхъ людей круглый годъ будутъ сыты. Прошу васъ, Сергѣй Андреичъ, чтобъ сегодня же всѣ собаки до единой были перевѣшаны. Псарей на мѣсячину, кто хочетъ идти на заработки—выдать паспорты. Деньги, чтó шли на псарню, упо-

Digitized by Google

требите на образованіе въ Заборьѣ отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества.

— Слушаю, ваше сіятельство, сказалъ я, и тотчасъ же отдалъ приказъ вѣшать собакъ.

Черезъ полчаса приходитъ къ князю древній старецъ. Лицо у него все сморщилось; длинные, по плечамъ лежавшіе волосы пожелтѣли, во рту ни единаго зуба, а черные глаза такъ и горятъ. Одѣтъ былъ онъ въ старинный чекмень съ золотымъ галуномъ, опоясанъ черкесскимъ поясомъ.

— Я вѣковѣчный холопъ вашего сіятельства, Анисимъ Прокофьевъ,—зашамкалъ старикъ:—а былъ, государь мой, первымъ стремяннымъ у вашего дѣдушки, у князя Алексѣя Юрьича.

— Здравствуй, здравствуй, старикъ, садись-ка, усталъ чай!—говоритъ ему князь.

— Сидѣть мнѣ передъ вашимъ сіятельствомъ не приходится. А пришелъ я къ вамъ, государь мой, челомъ ударить.

— О чемъ это, Анисимъ Прокофьичъ?

— Да слышно, ваше сіятельство, что изволили на насъ свой княжескій гнѣвъ положить.

— Я?.. Что ты, Прокофьичъ?.. Въ умѣ ли?

— Не мудрое дѣло, ваше сіятельство, и ума лишиться отъ такого безчеловѣчія!.. Избить шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ, ничѣмъ неповинныхъ!.. Это дѣло, сударь, не малое!.. Вѣдь это все едино, что какъ царь Иродъ неповинныхъ младенцевъ избивалъ!.. Чѣмъ бѣдныя собачки провинились передъ вашимъ сіятельствомъ? Вѣдь это не шутка: шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ задавить!.. Надо вѣдь будетъ вашему сіятельству и Богу на страшномъ судищѣ отвѣтъ отдавать...

— Полно, старикъ, успокойся, перестань...—говоритъ ему князь.

Digitized by Google

— Чего мнѣ перестать?... Коль я не буду говорить, кто тебѣ скажетъ?—гнѣвно вскричалъ старый стремянный:—Да какъ же тому статься, чтобъ всѣхъ собакъ перевѣшать?... Дѣдами, прадѣдами псарня установлена, больше ста годовъ держится, прошла про нее слава по всему, почитай, свѣту, и вдругъ ни съ того ни съ сего разомъ перевести ее!... Да отъ такого дѣла, князь Данило Борисычъ, кости твоихъ родителей во гробахъ повернутся, всѣ твои дѣды, прадѣды изъ гробовъ встанутъ, руки на тебя протянутъ, проклятье тебѣ изрекутъ... Знаешь ли ты, государь мой, что псарня-то наша со дней царя Петра Алексѣича нерушимо стоитъ?... За что̀ жъ ее порушить хотите?... Да вѣдь это роду вашему вѣчный покоръ, всему вашему княжому племени безчестье, не говорю ужъ про то, что на совѣсть свою такое душегубство хотите принять!... Собака-то, батюшка, тоже тварь Божія, а въ писаніи что сказано?... «блаженъ иже и скоты милуетъ.» Идете, ваше сіятельство, супротивъ Божіей заповѣди!... И вотъ, сударь, ваше сіятельство, надѣлъ я на старости лѣтъ жалованный чекмень вашего дѣдушки—двадцать лѣтъ въ сундукѣ лежалъ, думалъ я что придется его только въ могилу надѣть;—вотъ, сударь, одѣлъ я и поясъ черкесскій, а жаловалъ мнѣ этотъ поясъ родитель вашъ въ ту самую пору, какъ, женившись на вашей матушкѣ, княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ, привезъ ее въ вотчину и въ первый разъ охоту своей княгинѣ изволилъ показывать: никто изъ нашихъ не могъ русака угнать, а сосѣдъ Иванъ Алексѣичъ Рамировъ уже совсѣмъ почти угонялъ, я поскакалъ, угналъ русака и тѣмъ княжу̀ю честь передъ молодой супругой сохранилъ... Власть ваша, князь Данило Борисычъ, съ мѣста не сойду, покамѣстъ милости собакамъ не выпрошу.

— Да чего жъ ты хочешь?—спрашиваетъ у него князь

Digitized by Google

— А того я хочу, ваше сіятельство, чтобы вы мнѣ прежде голову приказали снять, а потомъ бы ужъ и собакъ вѣшать изволили... Въ этомъ чекменѣ, въ этомъ поясѣ предстану я предъ вашими родителями, дѣдами и прадѣдами, подведу къ нимъ собачекъ, вами задавленныхъ... А они-то, старики-то ваши, яко зѣницу ока ихъ берегли!... Пусть же ваши родители судятся съ вами на страшномъ судѣ за такое злодѣйство... что не хотѣли вы уберечь родительскаго благословенья, пролили кровь неповинную!.. Дѣло мое, государь мой, старое, а порядки у васъ новые, отпустите меня, ваше сіятельство, къ господамъ моимъ: прикажите рубить голову, а тамъ ужъ и собакъ вѣшайте.

Отъ сильнаго волненья у Прокофьича духъ занялся, и ноги подкосилисъ; онъ бы упалъ и расшибся, еслибъ мы съ княземъ его не поддержали. Безъ чувствъ вынесли старика изъ дома.

Горячее заступничество девяностолѣтняго стремяннаго спасло на время собакъ. Псарный дворъ въ Заборьѣ былъ уничтоженъ лишь послѣ смерти князя Данилы Борисыча и Прокофьича...

Князь полюбилъ старика, часто призывалъ его къ себѣ и разспрашивалъ о старыхъ годахъ. По нѣскольку часовъ, бывало, просиживали они вмѣстѣ.

Разъ, вечеромъ, послѣ долгой бесѣды съ Прокофьичемъ, послалъ князь за мной, требуя, чтобъ я тотчасъ же явился къ нему

Я нашелъ князя сильно взволнованнымъ.

— Сергѣй Андреичъ,—сказалъ онъ:—въ состояніи ли вы нѣсколько часовъ, вмѣстѣ со мной, проработать ломомъ?

— Какъ проработать ломомъ, ваше сіятельство?

— Пробить каменную стѣну... Видите ли, Прокофьичъ сейчасъ разсказалъ мнѣ одинъ необыкновен-

Digitized by Google

ный случай стараго времени... Мнѣ бы хотѣлось узнать: вздоръ болтаетъ старикъ или правду говоритъ.. Постороннихъ, особенно своихъ крѣпостныхъ, въ это дѣло мѣшать не годится... Будьте такъ любезны, Сергѣй Андреичъ, не откажите...

Я согласился, далъ слово и спросилъ князя, что жъ такое разсказывалъ ему Прокофьичъ?

— Э, да все это, можетъ быть, еще вздоръ... Прокофьичъ, кажется, изъ ума сталъ выживать, разсказываетъ вещи несодѣянныя... А все-таки хочется удостовѣриться.. Завтра, надѣюсь, вы исполните данное слово.

Я повторилъ обѣщаніе, и князь тотчасъ же завелъ рѣчь о хозяйственныхъ дѣлахъ, но занятый другимъ, вовсе не слушалъ словъ моихъ. Наконецъ отпустилъ меня

— Такъ завтра?—сказалъ онъ, подавая руку.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Таинственность предстоявшей работы, какое-то необыкновенное событіе старыхъ годовъ, волненіе князя—все это до такой степени распалило мое воображеніе, что я всю ночь заснуть не могъ. Чѣмъ свѣтъ присылаетъ за мной князь.

— Пойдемте!—сказалъ онъ, когда я вошелъ въ кабинетъ.

Пошелъ за нимъ. Князь отдалъ приказаніе, чтобы никто не смѣлъ входить въ садъ до нашего возвращенья. Пройдя большой садъ, мы перешли мостъ, перекинутый черезъ оврагъ, и подошли къ *Розовому павильону*. У входа въ тотъ павильонъ уже лежали два лома, двѣ кирки, нѣсколько восковыхъ свѣчъ и небольшой краснаго дерева ящикъ. Князь на разсвѣтѣ самъ ихъ отнесъ туда.

Въ павильонѣ было пять или шесть комнатъ. Пройдя три, князь ударилъ въ глухую стѣну и сказалъ:

Digitized by Google

— Здѣсь!

Мы принялись за работу; часа черезъ полтора стѣна была пробита. Князь зажегъ свѣчи, и мы пролѣзли въ темную, наглухо со всѣхъ сторонъ закладенную комнату.

Среди развалившейся и полусгнившей мебели лежалъ человѣческій остовъ...

Князь перекрестился, заплакалъ и тихо проговорилъ:—«Упокой Господи душу рабы твоея.»

— Старикъ сказалъ правду!—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Что это? — спросилъ я, немного оправившись отъ перваго впечатлѣнія.

— Грѣхи старыхъ годовъ, Сергѣй Андреичъ. Послѣ все разскажу; теперь помогите собрать это...

Бережно собрали мы кости и положили ихъ въ ящикъ краснаго дерева. Князь заперъ его и положилъ ключъ въ карманъ. Когда мы собирали смертные останки, нашли между ними бриллiантовыя серьги, золотое обручальное кольцо, нѣсколько проволокъ изъ китоваго уса, на которыхъ кой-гдѣ уцѣлѣли лохмотья полуистлѣвшей шелковой матерiи. Серьги и кольцо князь взялъ къ себѣ.

Утомленные трудомъ и сильными впечатлѣнiями, вынесли мы ящикъ изъ сада.

— Сейчасъ же собрать человѣкъ полтораста съ ломами и топорами, да нарядить пятьдесятъ подводъ!— сказалъ князь бурмистру, проходившему черезъ дворъ.

Я зашелъ въ свой флигель умыться и переодѣться. Когда пришелъ къ князю, его не было въ кабинетѣ.

— Гдѣ князь?—спросилъ я попавшагося лакея.

— Въ портретную галлерею прошли!—отвѣчалъ ,тъ

Тамъ запыленный, запачканный, какъ вышелъ изъ вильона, стоялъ князь передъ портретомъ женщины,

Digitized by Google

у которой, по какой-то прихоти прежнихъ владѣльцевъ лицо было замазано черной краской. Знакомый ящикъ стоялъ на полу передъ портретомъ. Я взглянулъ на князя. Онъ плакалъ.

И разсказалъ онъ страшную повѣсть стараго времени. Подробнѣе узналъ я ее послѣ отъ Прокофьича...

Когда рабочіе были собраны, князь приказалъ имъ сломать «Розовый павильонъ» до основанія, а кирпичъ отвезти къ строившейся тогда въ Заборьѣ церкви. Когда потолокъ съ павильона былъ снятъ, мы еще разъ вошли въ ту комнату.

На стѣнѣ чѣмъ-то острымъ было нацарапано: *1757 года октября 14-го. Прости, мой милый, твоя Варенька пропала отъ жестокости тв...*

— Топоръ!—вскрикнулъ князь, прочитавъ эти слова.

Подали топоръ. Князь быстро изрубилъ штукатурку.

— Живѣй ломайте!—торопилъ онъ рабочихъ:—Скорѣе, скорѣй!

Къ вечеру павильонъ былъ сломанъ.

На другой день, чѣмъ свѣтъ подали карету. Мы сѣли вдвоемъ съ княземъ и взяли съ собой обернутый въ черное сукно ящикъ.

— Въ монастырь!—сказалъ князь

Тамъ, въ усыпальницѣ князей Заборовскихъ, зарыли мы ящикъ съ костями, а на другой день слушали заупокойную обѣдню и панихиду *о упокоеніи души рабы Божіей княгини Варвары.*

Черезъ недѣлю князь Данило Борисычъ уѣхалъ въ Петербургъ. Больше мы съ нимъ и не видались. Черезъ три года онъ скончался. Въ духовномъ завѣщаніи не забылъ ни меня, ни Прокофьича.

Молва о таинственной работѣ нашей и о сломкѣ павильона быстро разошлась по народу. Толковали,

Digitized by Google

что князь въ «Розовомъ павильонѣ» нашелъ цѣлый ящикъ золота. Чтобъ поддержать этотъ слухъ, онъ самъ послѣ разсказывалъ своимъ знакомымъ, что Прокофьичъ открылъ ему тайникъ, гдѣ княземъ Алексѣемъ Юрьичемъ заложены были нѣкоторыя родовыя драгоцѣнности. Мы съ Прокофьичемъ ту же сказку разсказывали Такъ всѣ и увѣрились.

Digitized by Google

II.

Прокофьичъ.

— Да, батюшка Сергѣй Андреичъ,—говорилъ мнѣ однажды Прокофьичъ: — въ старину-то живали не понынѣшнему. Въ старину — коли баринъ, такъ и живи бариномъ, а нынче что?.. Измельчало все, измалодушествовалось, важности дворянской не стало. Послѣдніе годы міръ стоитъ. Скоро и свѣту конецъ.

Совсѣмъ, сударь, другой свѣтъ нонѣ сталъ. Посмотришь, посмотришь, да иной разъ согрѣшишь и поропщешь: зачѣмъ, дескать, Господи, зажился я у Тебя на здѣшнемъ свѣтѣ? Давно бы Тебѣ пора велѣть старымъ моимъ костямъ идти на вѣчный покой, не глядѣли бъ мои глазыньки на годы новые... А все-таки, батюшка Сергѣй Андреичъ, милъ вольный свѣтъ, хоть и подумаешь этакъ, а помирать не хочется.

А ужъ такъ измельчало, такъ измельчало все, что и сказать невозможно. У барина, напримѣръ, не одна тысяча душъ, а во дворѣ какихъ-нибудь десять, пятнадцать человѣкъ—и дворней-то нельзя назвать. Псарня малая, ни музыкантовъ, ни пѣсенниковъ, а ужъ насчетъ барскихъ барынь, шутовъ, карликовъ, араповъ, скороходовъ, нѣмыхъ, калмыковъ, — такъ я думаю, теперь ни у одного барина и въ заводѣ нѣтъ; всѣ

Digitized by Google

стали ровно мелкопомѣстные. Я такъ полагаю, сударь, что теперь врядъ-ли гдѣ можно сыскать кучера, чтобъ съумѣлъ карету цугомъ заложить. Всѣ на парочкахъ— ровно мелкаго рангу, аль купцы какіе... А вѣдь и въ законѣ написано, что столбовому барину шестерикомъ ѣздить слѣдуетъ. Да чего ужъ тутъ шестерикомъ? до такой грамоты дошли, что и сказать нельзя: заложатъ куцу лошаденку въ каку-то одноколку, сядетъ лакей съ бариномъ рядомъ — самъ руки крестомъ, а барину вожжи въ руки. Смотрѣть даже скверно... — Вотъ до какого униженія дошли!.. И хоть бы неволя нудила, ну дѣлать нечего, — такъ вѣдь нѣтъ: сами захотѣли... Просто, сударь, можно сказать — никакого благородства не стало, одинъ Богъ знаетъ, что это значитъ такое... До чего вѣдь иные дворяне дошли? Торговать пустились, на купчихахъ поженились, конторскія книги сами ведутъ!.. Ну, сами вы умный человѣкъ, посудите ради Христа — дворянское-ли это дѣло?.. Да хоть бы богатство отъ того какое получили; и того нѣтъ—всѣ профуфынились, всякъ долженъ вѣкъ, а платежу нѣтъ какъ нѣтъ... Эхъ, встали бы дѣдушки да прадѣдушки, царство имъ небесное!.. Ужъ свели бы любезныхъ внучковъ на конюшню, да по старому заведенію, такую бы ременную масленицу въ спину-то имъ засыпали, что забыли бы послѣ того дурь-то на себя накидывать.

Хоть бы нашего князя Данилу Борисыча взять! Чтó ни говорите, бѣденъ онъ, бѣденъ, а все жъ не одна тысяча душъ у него найдется—стало быть, баринъ настоящій. А похожъ ли хоть маненько на барина-то? Ну, сами вы скажите — похожъ ли?.. Въ Москвѣ въ какомъ-то нивирситетѣ обучался, съ портными да съ сапожниками тамъ на одной скамьѣ, слышь, сидѣлъ,— товарищемъ ихнимъ звáлся. Ну, возможно ль сапожнику съ княземъ въ товарищахъ быть?.. Чтó же вы-

Digitized by Google

шло? Сапожниковъ да всякихъ другихъ разночинцевъ не облагородилъ, а самъ вкругъ нихъ холопства набрáлся. Хотя бы вотъ тогда пріѣзжалъ онъ съ вами въ свою вотчину — чтó дѣлалъ?.. Чѣмъ бы на охоту съѣздить, аль банкетъ сдѣлать, балъ, гулянку какую,— по мужичьимъ избамъ на посидѣлки пóчалъ таскаться, съ парнями да съ дѣвками мужицкія игры играть, стариковъ да старухъ сказки заставлялъ разсказывать да пѣсни пѣть, а самъ на бумагу ихъ записывалъ... Княжеское ли это дѣло?.. Старыя книги да образа за большія деньги сталъ покупать. Кто ни скажетъ ему, вотъ, молъ, ваше сіятельство, въ такой-то деревнѣ у такого-то мужика есть рѣдкостная книга—глазенки у него такъ и загорятся, такъ и забѣгаютъ. Въ пóлночь ли, зá-полночь ли—лошадей!.. И поскачетъ, сломя голову, верстъ за тридцать, либо за сорокъ къ мужику за книгой... Курганы почнетъ копать, самъ съ мужиками въ землѣ роется, черепки тамъ попадутся аль жеребейки какіе, онъ ихъ въ хлопчату бумагу ровно драгоцѣнные камни, да въ ящики, да въ Питеръ. Не видали, знать, тамъ этакой дряни! — Увидалъ разъ нищаго слѣпца, стоитъ слѣпецъ на базарѣ, Лазаря поетъ.—Батюшки свѣты!.. Нашъ князь Данило Борисычъ такъ и взбеленился, беретъ слѣпца за руки, сажаетъ съ собой въ карету; привезъ домой, прямо его въ кабинетъ, усадилъ обóрванца на бархатныхъ креслахъ, водки ему, вина, обѣдать со своего стола, да и заставилъ стихеры распѣвать. Тотъ обрадовался, да дурацкое свое горло и распустилъ, оретъ себѣ, какъ бурлакъ какой, а князь Данило Борисычъ все на бумагу да на бумагу... Ну хорошее ли это, сударь, дѣло?.. Вѣдь грязью играть— только руки марать, дѣло это не княжеское... Три дня тотъ ниціи у насъ выжилъ, пилъ, ѣлъ съ княжаго стола, на пуховой постели собака дрыхнулъ, а какъ всѣ стихеры перепѣлъ, князь ему двадцать рублей

Digitized by Google

деньгами, одежи всякой, харчей; повозку велѣлъ заложить да отвезти до села, гдѣ онъ въ кельенкѣ при церкви живетъ. А самъ-отъ послѣ носится со стихерами, «золото, говоритъ, неоцѣненное сокровище!» Хорошо сокровище, нечего сказать, ума лишился и все тутъ.

Нѣтъ, сударь, въ стары годы жили не такъ. Въ старые годы господа держали себя истинно по-барски, такую дрянь, какъ нищій слѣпецъ, на́-версту къ себѣ не допускали. Знай, дескать, сверчокъ свой шестокъ. Компанію съ ровней водили, другой хоть и шляхетнаго роду, да не богатъ, такъ его развѣ изъ милости въ «знакомцы» принимали, чтобъ надъ нимъ когда потѣшиться аль чтобы въ домѣ было полюднѣе. И долженъ былъ тотъ «знакомецъ» ходить по стрункѣ, а чуть проштрафился, шелепами его на конюшнѣ... Да иначе и не слѣдуетъ: какъ бы на горохъ не морозъ, онъ бы черезъ тынъ переросъ. Такъ вотъ, сударь, какъ въ стары-то годы живали! А теперь что!.. Тьфу!

Хоть бы, напримѣръ, при князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ,— здѣсь въ Заборьѣ было!.. Подлинно, не жизнь, а рай пресвѣтлый. Богатство-то, сударь, какое, изобиліе-то какое было! Одного столоваго серебра сто двадцать пудовъ, въ подвалѣ боченки съ цѣлковыми стояли, а мѣдныя деньги, что́ горохъ, въ сусѣки ссыпали: нарочно такіе сусѣки въ подвалахъ были надѣланы. Музыкантовъ два хора, на псарнѣ не одна тысяча собакъ, на конюшнѣ пятьсотъ лошадей верховыхъ, да двѣсти ѣзжалыхъ; шутовъ да юродивыхъ десятка полтора при домѣ бывало, опричь нѣмыхъ араповъ, да карликовъ. Шляхетнаго рода знакомцевъ, изъ мелкопомѣстныхъ, человѣкъ по сорока и больше проживало. Мужики ли, бывало, у кого разбѣгутся, деревню ль у кого судомъ оттягаютъ, пропьется ли кто изъ помѣщиковъ, промотается ли, всякъ бывало въ Заборье на княжіе харчи Опять барыни приживалки, барышни:

Digitized by Google

этихъ тоже штукъ по тридцати водилось. Ужъ именно домъ былъ, какъ полная чаша. А самъ-отъ князь какой былъ баринъ! Такой, сударь, важности, что теперь, весь свѣтъ исходи, днемъ съ огнемъ не сыщешь... И все-то прошло, все-то миновалось!.. Да, сударь, стары годы были годы золотые, были они, сударь, да и прошли, прошли и не воротятся. Красно лѣто два раза въ году не живетъ!

А куда каково давно тому времени, какъ въ Заборьѣ-то было житье-бытье раздольное, да привольное! Мнѣ теперь десятый десятокъ идетъ, а въ ту́ пору и тридцати годковъ не было, какъ батюшки-то нашего, князя Алексѣя Юрьича, не стало. А скончаться изволилъ лѣтъ семидесяти безъ малаго. . Да я ужъ что́ за жизнь засталъ? Тогда ужъ князь-отъ въ немилости былъ, въ опалѣ, то есть, а вотъ какъ бывало родитель мой — дай ему Богъ царство небесное, а вамъ добро здоровье—поразскажетъ про тѣ годы, какъ князь-отъ Алексѣй Юрьичъ въ настоящей своей порѣ былъ и въ Питерѣ «во-времени́» находился, а въ Заборьѣ бывалъ только наѣздами, такъ вотъ тогда точно что жизнь была золотая. И умирать не надо было.

А батюшку моего покойника князь Алексѣй Юрьичъ изволилъ жаловать своей княжою милостью. Первонаперво онъ у него въ доѣзжачихъ находился, а потомъ въ стремянные попалъ, да проштрафился однажды: русака въ островъ упустилъ. Князь Алексѣй Юрьичъ за то на него разгнѣвался и тутъ же, на́ полѣ, изволилъ его изъ своихъ рукъ выпороть, да ужъ такъ распалился, что и на конюшнѣ еще велѣлъ пятьсотъ кошекъ ему влѣпить и даже согналъ его со своихъ княжихъ очей: велѣлъ управляющимъ быть въ низовой вотчинѣ... Однакожъ послѣ того годовъ этакъ черезъ пятокъ помиловалъ—гнѣвъ и опалу изволилъ снять.

Вотъ какъ то дѣло случилось. Князь Алексѣй Юрь-

Digitized by Google

ичъ на охоту по первой порошѣ поѣхалъ. Время стояло холодное, на Волгѣ ужъ закраины, только самыя еще что называется стёкольныя, значитъ, ледъ пятакомъ можно еще пробить. Ста полтора русаковъ заполевали, за монастыремъ, на угорѣ привалъ сдѣлали. А гора въ томъ мѣстѣ высокая, что́ стѣна надъ Волгой-то сто́ймя стоитъ. Князь Алексѣй Юрьичъ веселъ былъ, радошенъ, потѣшаться изволилъ. Сѣлъ на вѣнцѣ горы верхомъ на бочкѣ съ наливкой, самъ цѣлый ковшикъ изволилъ выкушать, а потомъ всѣхъ тутъ бывшихъ изъ своихъ рукъ поилъ, да разгулявшись и велѣлъ доѣзжачимъ да стремяннымъ рѣзака дѣлать. А чтобъ сдѣлать рѣзака, надо по́дъ гору торчмя головой летѣть, на яру закраину головой прошибить, да потомъ изъ-подо льда и вынырнуть. Любимая была потѣха у покойника, дай Богъ ему царство небесное! На ту пору никто не сумѣлъ хорошо рѣзака сдѣлать: иной сдуру, какъ пень, въ рѣку хлопнется,—а это ужъ не то, это называется паля, и за то пятнадцать кошекъ въ спину, чтобъ она свое мѣсто знала и впередъ головы не совалась. Другой, не долетѣвши до́ льда, на горѣ себѣ шею свернетъ, а три дурака хоть и справили рѣзака, да вынырнуть не сумѣли: пошли осетровъ караулить. Осерчалъ князь Алексѣй Юрьичъ: «Всѣхъ, закричалъ, запорю до́ смерти!» За мелкопомѣстное шляхетство принялся, имъ приказалъ рѣзака справлять. Тѣ еще хуже: одинъ и прошибъ было головой ледъ, да тоже къ осетрамъ въ гости поѣхалъ.

Заплакалъ инда князь Алексѣй Юрьичъ, навзрыдъ зарыдалъ: таково ему стало горько и прискорбно.

— Видно, говоритъ, послѣдніе мои дни настаютъ, то нѣтъ у меня мо́лодца, чтобъ рѣзака сумѣлъ справить!... Всѣ ровно бабы!... А гдѣ, говоритъ, Яшка Безухой?... Вотъ удалецъ-отъ: по три рѣзака бывало сряду дѣлывалъ».

Digitized by Google

А это онъ про батюшку покойника изволилъ вспомянуть. А батюшка покойникъ и въ самомъ дѣлѣ безухій былъ. Лѣво-то ухо ему медвѣдь отгрызъ: разъ, какъ-то князь Алексѣй Юрьичъ изволилъ приказать батюшкѣ съ любимымъ своимъ медвѣдемъ побороться, медвѣдь видно осерчалъ да ухо батюшкѣ и прочь, а батюшка покойникъ не вытерпѣлъ, да охотничьимъ ножомъ мишку подъ лопатку и пырнулъ. У того духъ вонъ. Такъ за то, что осмѣлился безъ спросу княжаго медвѣдя положить, князь Алексѣй Юрьичъ приказалъ для памяти батюшкѣ-покойнику и другое ухо отрѣзать, и прозвалъ его потомъ Яшкой Безухимъ. А батюшку покойника вовсе не Яковомъ, а Прокофьемъ звали.

— Гдѣ, кричитъ, Яшка Безухой? Подавай сюда Яшку Безухаго!

Доложили, что Яшка Безухой подъ гнѣвомъ находится пятый годъ, низовой вотчиной управляетъ.

— Давай сюда Яшку Безухаго — онъ у меня на рѣзакѣ не прорѣжется, какъ вы, шельмецы.

Поскакали за покойнымъ батюшкой. Ну, Саратовъ —мѣсто не ближнее: когда батюшку оттуда ко княжому двору привезли, ледъ-отъ такой ужъ сталъ, что будь у покойника свинцовая голова, такъ и тутъ бы ему рѣзака не сдѣлать. Допустили батюшку до свѣтлыхъ очей князя Алексѣя Юрьича.

— Здравствуй, говоритъ, Яшка Безухой!

Батюшка въ ноги; князь его пожаловалъ, велѣлъ встать.

— Что, говоритъ, рѣзака завтра съ того угора вальнешь?

— Можемъ постараться, батюшка, ваше сіятельство, надѣючись на милость Божію, да на ваше княжеское счастье!—отвѣчалъ покойникъ родитель мой.

— Ладно, говоритъ, ступай на псарный дворъ. Жалую тебя сворой муругихъ.

Digitized by Google

А къ утру вьюга. Да такъ поля засыпала, что охота совсѣмъ порѣшилась. Остался рѣзакъ за батюшкой до другого ледостава. За то ужъ какого же рѣзака на другую-то осень онъ справилъ... И за такую службу его и за великое радѣнье жаловалъ его князь Алексѣй Юрьичъ своей княжеской милостью: изволилъ къ ручкѣ допустить, при своей княжой охотѣ указалъ находиться, красный чекмень съ позументомъ пожаловалъ, на барской барынѣ женилъ, и сказано было ему быть въ первыхъ псаряхъ. И до самой кончины князя Алексѣя Юрьича батюшка у него въ самыхъ ближнихъ людяхъ и въ большой милости находился. А какъ я родился, князь Алексѣй Юрьичъ самъ изволилъ меня отъ святой купели воспринимать, а воспріемницей была Степанида птичница, гайдука Самойлы жена. Тоже изъ барскихъ барынь.

Подросъ я, сударь, у батюшки на псарнѣ, а какъ пріѣхалъ князь сюда совсѣмъ на житье и мнѣ шестнадцать лѣтъ исполнилось, изволилъ онъ и меня своей высокой милостью взыскать. На само Свѣтло Христово Воскресенье, послѣ заутрени, сказалъ свое жалованье: велѣлъ въ комнатныхъ казачкахъ при себѣ быть, ѣсть съ княжаго стола, а матушкѣ покойницѣ давать за меня мѣсячину мукой, крупой, масломъ, да по три алтына въ мѣсяцъ деньгами. Въ грамоту съ прочими казачками меня отдали, драли, сударь, немилосердно, однакожъ дьячекъ Пафнутій до своего дошелъ: грамота всѣмъ далась, цифирному дѣлу даже маленько навыкли А когда исполнилось мнѣ двадцать годовъ, стали насъ распредѣлять по наукамъ: кого въ музыканты, кого въ совщики, кого въ живописцы, кого французскому ıиться, чтобъ съ молодымъ княземъ съ Борисомъ лексѣичемъ въ Парижъ отправить. Меня же, за мною службу матушки покойницы и по ея великой слезной осьбѣ по собачьей части князь опредѣлить изволилъ.

Digitized by Google

Было, сударь, мнѣ лѣтъ двадцать съ небольшимъ, какъ сподобилъ и меня Господь передъ свѣтлыми очами князя Алексѣя Юрьича малую службишку справить и тѣмъ его княжескаго жалованья и милости удостоиться. Верстахъ въ двадцати отъ Заборья тамъ, за Ундольскимъ боромъ, сельцо Крутихино есть. Было оно въ тѣ поры отставного капрала Солоницына: за увѣчьемъ и ранами былъ тотъ капралъ отъ службы уволенъ и жилъ въ своемъ Крутихинѣ съ молодой женой... А вывезъ онъ ее изъ Литвы аль изъ Польши, а можетъ статься, изъ Хохловъ, доподлинно не знаю, — только красавица была писаная, теперь, думать надо, изойти весь бѣлый свѣтъ, такой не найдешь. Князю Алексѣю Юрьичу Солоничиха приглянулась: сначала хотѣлъ ее честью въ Заборье сманить, однакожъ она не поддалась, а мужъ взъерошился, воюетъ: «Либо, говоритъ, матушкѣ государынѣ подамъ челобитную, либо, говоритъ, самого князя зарублю.» Выѣхали однажды по́ лѣту мы на краснаго звѣря въ Ундольскій боръ, съ десятокъ лисицъ затравили, привалъ возлѣ Крутихина сдѣлали. Выложили передъ княземъ Алексѣемъ Юрьичемъ изъ тороковъ звѣря травленаго, стоимъ, ждемъ слова ласковаго.

А князь Алексѣй Юрьичъ кручиненъ сидитъ, не смотритъ на краснаго звѣря травленаго, смотритъ на сельцо Крутихино, да такъ, кажется, глазами и хочетъ съѣсть его.

— Что это за ли́сы говоритъ! Что это за красный звѣрь? Вотъ какъ бы кто затравилъ мнѣ лисицу крутихинскую, тому человѣку я и не знай бы что́ далъ.

Гикнулъ я, да въ Крутихино. А тамъ барынька на огородѣ въ малинничкѣ похаживаетъ, ягодками забавляется. Схватилъ я красотку поперекъ живота перекинулъ за сѣдло, да назадъ. Прискакалъ, д

Digitized by Google

князю Алексѣю Юрьичу къ ногамъ лисичку и положилъ. «Потѣшайтесь, молъ, ваше сіятельство, а мы отъ службы не прочь.» Глядимъ, скачетъ капралъ; чуть-чуть на самого князя не наскакалъ... Подлинно вамъ доложить не могу, какъ дѣло было, а только капрала не стало, и Литвяночка стала въ Заборьѣ во флигелѣ жить. Лѣтъ черезъ пять постриглась, игуменьей въ Зимогорскомъ монастырѣ была, и князь Алексѣй Юрьичъ очень украсилъ ей обитель, каменну церковь соорудилъ, земли купилъ, вклады большіе пожаловалъ.

Добрая была барынька, дай ей Богъ царство небесное, милостивая: какъ жила въ Заборьѣ, завсегда умѣла утолить сердце князя Алексѣя Юрьича. Только что онъ на своихъ ли холопей, на мелкопомѣстное ли шляхетство распалится, завсегда бывало уйметъ его. Много за нее Бога молили.

За эту самую службу изволилъ меня князь Алексѣй Юрьичъ безпримѣрно пожаловать. «Коли вѣренъ рабъ, такъ и князь ему радъ», при всѣхъ сказать изволилъ и велѣлъ мнѣ быть при своемъ княжемъ стремени. Чекмень малиновый съ позументами изволилъ пожаловать, полтора рубля деньгами, чарку серебряную, три полушубка мерлушчатыхъ, лисью шубу, да кусокъ сукна нѣмецкаго. А сверхъ того изволилъ женить меня на барской барынѣ. Однакожъ матушка покойница князя укланяла: за молодостью лѣтъ въ брачное дѣло мнѣ вступить было отказано. Милость князя была ко мнѣ великая: за мѣсто женитьбы съ птичнаго двора дѣвку Акульку въ наложницы мнѣ пожаловалъ. Да ѣдь не то, чтобъ я просилъ о томъ, нѣтъ, сударь, мъ пожаловать изволилъ, безъ просьбы... Послѣ того, да черезъ два, меня на пѣвицѣ женили, на родной естрѣ Василисы Бурылихи, что́ въ Заборьѣ надо всѣми порядокъ держала. Презлющая баба была эта Василиса,

Digitized by Google

а съ рожи такая, что какъ во снѣ бывало приснится, вскочишь да перекрестишься. А у князя Алексѣя Юрьича на великой была милости, для того, что по дѣвичьимъ ладно дѣла вела. Мнѣ съ женой изъ-за нея куда какъ хорошо было жить.

Digitized by Google

III.

На ярмонкѣ.

«Отселѣ, сказано въ запискахъ Валягина, заношу въ сію тетрадь со словъ Анисима Прокофьева и по разсказамъ другихъ стариковъ».

Въ старые годы бывала въ Заборьѣ ярмонка, приходилась она въ лѣтнюю пору. Съѣзжались на ту ярмонку люди торговые со всякими товарами со всякаго царства русскаго, а также изъ другихъ краевъ, всякіе иноземцы бывали, и всѣмъ былъ вольный торгъ на двѣ недѣли. Сказывали купчины, что наша Заборская ярмонка малымъ чѣмъ Макарьевской уступала, а украинскихъ и иныхъ много лучше была. Теперь совсѣмъ порѣшилась.

Была она на землѣ монастырской, оттого всѣ сборы денежныя: таможенный, привальный и отвальный, пятно конское, и австерскія, похомутный и вѣсчая пошлина сполна шли на монастырь. Монастырскую землю заборскія дачи обошли во всѣ стороны, отъ того ярмонка въ рукахъ князя Алексѣя Юрьича состояла. ...ля порядку наѣзжали изъ Зимогорска коммиссары съ ...агунами *„для дѣлъ набережныхъ“* и *„для дѣлъ объѣзжихъ“*, да ассессоры провинціальные, — исправниковъ ...гда и въ духахъ не бывало, — однакожъ вся сила ...ла въ князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ.

Digitized by Google

Наступитъ девятая пятница, начало ярмонкѣ. Съ ранняго утра въ Заборьѣ все закишитъ, ровно въ муравейникѣ: въ парадъ зачнутъ сбираться, пудриться, одѣваться, коней сѣдлать, кареты закладывать. И Когда все по чину устроится, пойдетъ къ князю старшій дворецкій съ докладомъ, — а бывалъ въ томъ чинѣ не изъ холопей, а изъ мелкопомѣстнаго шляхетства. Доложитъ онъ, что время на ярмонку ѣхать, и велитъ князь въ ряды строиться. Доложатъ, что построились, выйдетъ на крыльцо во всемъ нарядѣ: въ аломъ бархатномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, камзолѣ съ серебряными блестками, въ парикѣ по плечамъ, въ треугольной шляпѣ, въ красной кавалеріи и при шпагѣ. За нимъ съ сотню другихъ большихъ господъ, «знакомцевъ» и мелкопомѣстнаго шляхетства и недорослей — всѣ въ шелковыхъ кафтанахъ и парикахъ. Потомъ выйдетъ на крыльцо княгиня Марѳа Петровна — въ помпадурѣ изъ серебряной парчи съ алыми разводами, волосы кверху зачесаны и напудрены, на верху корабликъ, а шея, грудь и голова, такъ и горятъ камнями самоцвѣтными. За ней барыни—всѣ въ робронахъ въ пудрѣ, приживалки въ княгининыхъ платьяхъ, комнатныя дѣвки—въ золотныхъ шугайчикахъ, въ лѣтникахъ и собольихъ шапочкахъ.

— Трогай! — крикнетъ, сѣвши въ карету, князь Алексѣй Юрьичъ, и поѣздъ поѣдетъ къ монастырю.

Впереди пятьдесятъ вершниковъ на гнѣдыхъ лошадяхъ, всѣ въ суконныхъ кармазинныхъ чекменяхъ, штаны голубые гарнитуровые, пояса серебряные, штиблеты желтые, на головахъ парики пудреные, шляпы круглыя съ зелеными перьями.

За вершниками охота поѣдетъ, только безъ собакъ. Псари и доѣзжачіе регментами: первый регментъ на вороныхъ коняхъ въ кармазинныхъ чекменяхъ, другой регментъ на рыжихъ коняхъ въ зеленыхъ чекменяхъ;

Digitized by Google

третій—на сѣрыхъ лошадяхъ въ голубыхъ чекменяхъ. А чекмени у всѣхъ суконные, черезъ плечо шелковыя перевязи, у однихъ бѣлыя, шиты золотомъ, у другихъ пюсовыя, шиты серебромъ. За ними стремянные на гнѣдыхъ коняхъ въ чекменяхъ малиновыхъ, въ желтыхъ шапкахъ съ красными перьями, черезъ плечо золотая перевязь, на ней серебряный рогъ.

За охотой мелкопомѣстное шляхетство и знакомцы, верхами, кто въ мундирѣ, кто въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, всѣ въ пудреныхъ парикахъ, а лошади подо всѣми съ княжой конюшни. За шляхетствомъ, мало отступя, самъ князь Алексѣй Юрьичъ въ открытой золотой каретѣ цугомъ, лошади бѣлыя, а хвосты да гривы черные, — нарочно чернили. За каретой четыре гайдука на запяткахъ да шестеро пѣшкомъ, всѣ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, а кафтаны вкругъ шиты золотомъ, камзолы алаго сукна, рукава алаго бархату съ кондырками малыми, золотой бахромой обшитыми. Шапки на гайдукахъ пюсоваго бархату съ золотыми шнурами и съ бѣлыми перьями. И у каждаго гайдука черезъ плечо цѣпь серебряная. За каретой арапы пѣшкомъ въ красныхъ юпкахъ, съ золотыми поясами, на шеѣ у каждаго серебряный ошейникъ, на головѣ красна шапка. Потомъ другая золотая карета, тоже цугомъ, въ ней княгиня Марѳа Петровна, вкругъ ея кареты скороходы, на нихъ юбки краснаго золотнаго штофа, а прочее платье бѣлаго штофа серебрянаго, сами въ парикахъ напудреныхъ большихъ, безъ шапокъ. За княгининой каретой каретъ сорокъ простыхъ не золоченыхъ, каждая заложена въ четыре лошади безъ скороходовъ, а только по два лакея въ желтыхъ кафтанахъ на запяткахъ: въ тѣхъ каретахъ большіе господа съ женами и дочерьми, барыни изъ мелкопомѣстнаго шляхетства и вольныя дворянки, что при княжомъ дворѣ проживали. Потомъ, на княжихъ

Digitized by Google

лошадяхъ, что́ поплоше, видимо-невидимо мелкопомѣстнаго шляхетства.

Пріѣдутъ къ монастырю, у святыхъ воротъ изъ каретъ выйдутъ и въ церковь пѣшкомъ пойдутъ. А какъ службу божественную отпоютъ, съ крестнымъ ходомъ кругомъ монастыря отправятся, да обошедши монастырь, на ярмонку, ради освященія флаговъ. Какъ станутъ воду святить, пальба изъ пушекъ пойдетъ и музыка. Тутъ князь Алексѣй Юрьичъ къ архимандриту ярмоночный флагъ поднесетъ, тотъ святой водой его покропитъ, а князь на столбъ своими руками вздернетъ.—Пушки запалятъ, музыка играетъ, трубы, рога раздадутся, а народъ во все горло: ура! и шапки кверху. Это значитъ ярмонка началась, и съ того часу всѣмъ купцамъ торгъ повольный, а смѣй кто допрежь урочнаго часу лавку открыть, запоретъ князь Алексѣй Юрьичъ того до полусмерти, и товаръ въ Волгу велитъ покидать, либо середи ярмонки сожжетъ его.

Къ архимандриту обѣдать! А на́ полѣ возлѣ ярмонки столы накроютъ, бочки съ виномъ ради холопей и для чернаго народу выкатятъ. И тутъ не одна тысяча людей на княжой коштъ ѣстъ, пьетъ, проклажается до поздней ночи. Всѣмъ одинъ приказъ: «пей изъ ковша, а мѣра душа». Рѣдкій годъ человѣкъ двадцать бывало не обопьется. А пьяныхъ подбирать было не велѣно, а коли кто на пьянаго наткнулся, перешагни черезъ него, а тронуть пальцемъ не смѣй.

На другой день въ Заборьѣ пиръ горой. Соберутся большіе господа и мелкопомѣстные, торговые люди и приказные, всего человѣкъ можетъ съ тысячу, иной годъ и больше. У князя Алексѣя Юрьича таковъ былъ обычай: кто ни пришелъ, не спрашиваютъ, чей да откуда, а садись да пей, а коли ѣсть хочешь, пожалуй и ѣшь, добра припасено вдосталь... На полянѣ, позадь дому, столы поставлены, бочки выкачены. Музыка,

Digitized by Google

пѣсни, пальба, гульба день-деньской стономъ стоятъ Вечеромъ потѣшные огни да бочки смоляныя, хоро воды въ саду. Со всей волости бабъ да дѣвокъ наго нятъ... Тутъ дѣло извѣстное: что́ въ полѣ горохъ да рѣпка, то въ мірѣ баба да дѣвка, значитъ, тутъ безъ грѣха невозможно, потому что всяка жива душа калачика хочетъ. Потѣшные-то огни какъ потухнутъ, князь Алексѣй Юрьичъ съ большими господами въ павильонѣ, а мелкопомѣстное шляхетство въ садочкѣ, на лужочкѣ да по овражкамъ всю ночь до утра прокуражатся.

Да такъ всю ярмонку и прогуляютъ. Каждый Божій день народу видимо-невидимо. И все пьяно́ Крикъ, гамъ, пѣсни, драка — дымъ коромысломъ.

А на ярмонку ради порядку князь Алексѣй Юрьичъ каждый день изволилъ самъ выѣзжать. Чуть кого въ чемъ замѣтитъ, тутъ ему и расправа. И судъ его былъ всѣмъ пріятенъ, для́ того, что скоро кончался: тутъ же бывало на мѣстѣ и разборъ, и взысканье, въ дальній ящикъ не любилъ откладывать: все бы у него живой рукой шло. Чернилъ да бумаги бѣда какъ не жаловалъ. За то всѣ торговые люди, что́ на Заборскую ярмонку съѣзжались, какъ отца родного любили его, благодѣтелемъ и милостивцемъ звали. И они до бумаги-то не больно охочи. До челобитныхъ ли да до приказныхъ дѣлъ купцу на ярмонкѣ, когда у всякаго каждый часъ дорогъ?

Не любилъ тѣхъ князь Алексѣй Юрьичъ, кто помимо его по судамъ просилъ. Призоветъ, бывало, такого, шляхетнаго ли роду, купчину ли, мужика ли, ему все едино: перво́-на́-перво обругаетъ, потомъ изъ своихъ рукъ побить изволитъ, а послѣ того кошки, плети, ль кашица березовая, смотря по чину и по званію. А послѣ бани тотъ человѣкъ долженъ идти къ князю благодарить за науку.

— То-то и есть,—скажетъ тутъ князь,—ты какъ

Digitized by Google

гусь: летаешь высоко, а садиться не умѣешь, вотъ и дождался. Развѣ нѣтъ тебѣ моего суда, что вздумалъ по приказнымъ ходить? Смотри же впередъ будь умнѣе...

И ничего, еще ручку пожалуетъ поцѣловать и велитъ того человѣка напоить, накормить до отвалу.

Купцамъ на ярмонкѣ такой былъ приказъ: съ богатаго сколь хочешь бери, обманывай, обмѣривай, обвѣшивай его, сколько душѣ угодно; бѣднаго обидѣть не моги. Разъ позвалъ князь къ себѣ въ Заборье одного московскаго купчину обѣдать: купецъ богатѣющій, каждый годъ привозилъ на ярмонку панскаго и суровскаго товару на многія тысячи: парчи, дородоры, гарнитуры, глазеты, атласы, левантины, ну и всякія другія матеріи. А товаръ-отъ все прочный былъ—лубокъ лубкомъ; въ нынѣшнее время такихъ матерій и не дѣлаютъ, все стало щепетильнѣе, все измельчало, отъ того и самую одежу потоньше стали носить. Пообѣдавши, говоритъ князь Алексѣй Юрьичъ купчинѣ:

— Ты почемъ, Трифонъ Егорычъ, алый левантинъ продаешь?

— По гривнѣ, ваше сіятельство, продаемъ, и по четыре алтына, смотря по добротѣ.

— А была у тебя вчера въ лавкѣ попадья изъ Большаго Врагу?

— Не могу знать, ваше сіятельство, народу въ день перебываетъ много. Всѣхъ запомнить не возможно

— Попадья у тебя аршинъ алаго левантину на головку покупала. Почемъ ты ей продалъ?

— Не помню, ваше сіятельство, хоть околѣть на этомъ мѣстѣ, не помню. Да еще статься, не самъ я и товаръ-отъ сей отпущалъ, изъ молодцовъ кто-нибудь.

— Ну ладно,—сказалъ князь Алексѣй Юрьичъ, да и кликнулъ вершника. А вершниковъ съ десятокъ завсегда у крыльца на коняхъ стояло для посылокъ.

Digitized by Google

Вошелъ вершникъ. Купчина ни живъ, ни мертвъ: думаетъ—на конюшню. Говоритъ вершнику князь Алексѣй Юрьичъ:

— Проводи ты вотъ этого купчину до ярмонки, тамъ онъ дастъ тебѣ кусокъ алаго левантину самаго лучшаго. Возьми ты этотъ левантинъ и духомъ отвези его въ Большой Врагъ, отдай отца Дмитрія попадьѣ и скажи ей: купецъ-молъ московскій Трифонъ Егорычъ Чуркинъ кланяться тебѣ, матушка, велѣлъ и прислалъ, дескать, кусокъ левантину въ подарокъ за то-де, что вчера онъ съ тебя за аршинъ такого же левантина непомѣрную цѣну взялъ. А ты, Трифонъ Егорычъ, за молодцами-то приглядывай, чтобъ они бѣдныхъ людей не обижали, а не то вѣдь я посвойски расправлюсь. Пороть тебя не стану, а въ сидѣльцы къ тебѣ пойду. Такъ смотри же, держи у меня ухо востро́.

Недѣли не прошло, спровѣдалъ князь про Чуркина, однодворца какого-то канифасомъ обмѣрялъ. Только услыхалъ про это, ту жъ минуту на́-конь, прискакалъ на ярмонку, прямо къ Чуркину въ лавку.

— А ты, говоритъ, Трифонъ Егорычъ, приказъ мой позабылъ? Экая, братецъ мой, у тебя память-то короткая стала! нечего дѣлать, надо мнѣ свое княжое слово выполнить, надо къ тебѣ въ сидѣльцы идти. Эй, вы, аршинники, вонъ изъ лавки всѣ до единаго!

Чуркинъ съ молодцами изъ лавки вонъ, а князь Алексѣй Юрьичъ, ставши за прилавокъ да взявши въ руки аршинъ, крикнулъ на всю ярмонку зычнымъ голосомъ:

— Господа честные, покупатели дорогіе! Къ намъ въ лавку покорно просимъ, у насъ всякаго товару припасено вдоволь, есть атласы, канифасы, всякіе дамскіе припасы, чулки, платки, батисты!.. Продаемъ безъ обмѣру, безъ обвѣсу, безо-всякаго обману. Сдачи не даемъ, и сами мелкихъ денегъ не беремъ. Отпускаемъ товаръ за свою цѣну, за наличныя деньги, у кого де-

Digitized by Google

негъ нѣтъ, тому и въ долгъ можемъ повѣрить: заплатишь спасибо, не заплатишь — Богъ съ тобой.

Навалила въ лавку чуть не цѣлая ярмонка. А князь за прилавкомъ аршиномъ работаетъ: пять аршинъ чего ни на есть отмѣряетъ да куска два-три почтенія сдѣлаетъ. Такимъ манеромъ часа черезъ три у Чуркина весь товаръ распродалъ, только наличной выручки оказалось число невеликое.

— Вотъ тебѣ, — сказалъ князь Алексѣй Юрьичъ Чуркину,—выручка, а остальной товаръ въ долгъ проданъ. Ищи, хлопочи, сбирай долги, это ужъ твоя забота, а мое дѣло сторона. Да ты у меня смотри, попадью съ однодворцемъ не забывай. Поѣдемъ теперь въ Заборье обѣдать; оно бы, по настоящему, съ тебя магарычи-то слѣдовали, ну, да такъ и быть: пожалуй, ужъ я накормлю. Садись въ карету.

Замялся Чуркинъ, не лѣзетъ въ карету, стоитъ, дрожитъ какъ зачумленный.

— Не бойсь, хозяинъ, садись,—говоритъ ему князь Алексѣй Юрьичъ.—Ты чай думаешь, драть тебя стану, не бойся: сказано, не стану пороть, значитъ и не стану. Захотѣлъ бы плетью поучить, и здѣсь бы спину-то вздулъ. Садись же, хозяинъ!

Сѣлъ Чуркинъ съ княземъ въ карету, поѣхалъ въ Заборье обѣдать. А за обѣдомъ Чуркина на перво мѣсто посадили, и князь Алексѣй Юрьичъ самъ ему прислуживалъ: за стуломъ у него съ тарелкой стоялъ, *хозяиномъ* все время называлъ. «Я, говоритъ, у Трифона Егорыча въ услуженіи».

А пороть не поролъ. На прощанье еще жалованьемъ удостоилъ: отъ любимой борзой суки Прозерпинки кобелька да сученку на племя подарилъ.

Съ той поры Чуркинъ на ярмонку ни ногой.

А кто съ княземъ Алексѣемъ Юрьичемъ смѣло да умно поступалъ, того любилъ. Разъ одинъ купчина про-

Digitized by Google

гнѣвалъ его: отобѣдавши въ Заборьѣ, не пожелалъ съ барскими барынями да съ деревенскими дѣвками въ саду повеселиться, спѣшнымъ дѣломъ отговаривался, полученіе-де предвидится отъ сибирскихъ купцовъ. Соснувши маленько послѣ обѣда, узналъ князь, что купчина его приказу сдѣлался ослушенъ: тихонько на ярмонку съѣхалъ.—Ну, говоритъ, чортъ съ нимъ: была бы честь предложена, отъ убытка Богъ избавитъ. Порсть не стану, а до морды доберусь, — не пеняй.

И попадись онъ князю на другой день за балаганами, а тутъ песокъ сыпучій, за пескомъ озеро, дно ровное да покатое, отъ берега мелко, а на середкѣ дна не достанешь; зато ни ямъ, ни уступовъ нѣтъ ни единаго. Завидѣвши купчину, князь остановился, пальцемъ манитъ его къ себѣ:—Поди-ка молъ, сюда. Купчина смекнулъ, зачѣмъ зоветъ, нейдетъ, да, стóя саженяхъ въ двадцати отъ князя, говоритъ ему:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ты самъ ко мнѣ поди, а я не пойду для того, что ни зуботрещинъ твоихъ, ни кошекъ, ни плетей не желаю.

— Ахъ ты аршинникъ этакой! — закричалъ князь Алексѣй Юрьичъ, да къ нему.

А купчина парень не промахъ, задалъ къ озеру тягача, а песокъ тутъ сыпучій, ноги такъ и вязнутъ. Князь Алексѣй Юрьичъ въ догонку, распалился весь, запыхался, все бѣжитъ, сердце-то ужъ очень взяло его. Вязнутъ ноги у купчины, вязнутъ и у князя. Вотъ купчина догадался: оглянулся назадъ, видитъ, князь шагахъ вó-ста отъ него. Эхъ, думаетъ, успѣю: сѣлъ, сапоги долой, да босикомъ дальше пустился: бѣжать-то ему такъ вольготнѣе стало. Видитъ князь, купчина умно поступилъ, самъ сѣлъ, тоже сапоги долой да босикомъ дальше. Купчина къ озеру, князь тоже. Забрелъ купчина по горло, а князь по грудь, остановился да перстикомъ купчину к манитъ.

Digitized by Google

— Подь, говоритъ, ко мнѣ, раздѣлаться съ тобой хочу.

А купчина въ отвѣтъ тоже пальцемъ манитъ да свое говоритъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельсто, ты ко мнѣ подь, а ужъ я не пойду.

— Да вѣдь ты, подлецъ, утонешь?

— Тамъ ужъ, что́ Богъ дастъ, а къ тебѣ не пойду.

Перекорялись, перекорялись, а другъ къ дружкѣ не пошли. Хоть время стояло и жаркое, а оба, стоя въ водѣ, продрогли.

— Ну,—говоритъ князь,—люблю молодца за обычай, ѣдемъ въ Заборье обѣдать, зло твое я забылъ.

— Врешь, ваше сіятельство,—говоритъ купчина,—обманешь, выпорешь.

— Пальцемъ не трону, — отвѣчалъ князь Алексѣй Юрьичъ,—ей-Богу, пальцемъ не трону.

— Обманешь, ваше сіятельство.

— Ей-Богу, не обману, право не обману.

— А ну, перекрестись!

И сталъ князь, стоя въ водѣ, креститься и всѣми святыми себя заклинать, что никакого дурна надъ купчиной не учинитъ. Далъ купчина вѣру, поѣхалъ въ Заборье.

Не то чтобы выдрать—пріятелемъ сдѣлалъ его, домъ каменный въ Москвѣ подарилъ. Бывало, что́ есть—вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ. Двухъ дочерей замужъ повыдалъ; въ посаженыхъ отцахъ у нихъ былъ, сына вывелъ въ чины; послѣ въ Зимогорскѣ вице-губернаторомъ былъ, отъ соли да отъ вина страхъ какъ нажился...

— А вѣдь утопилъ бы ты меня, Кононъ Ѳадеичъ, какъ бы я къ тебѣ тогда подошелъ?—скажетъ, бывало, князь.

— А какъ знать чего не знать, — отвѣчаетъ куп-

Digitized by Google

чина, — что́ бы Богъ указалъ, то бы я надъ тобой, ваше сіятельство, и сдѣлалъ.

И захохочутъ оба, да послѣ того и почнутъ цѣловаться.

И всегда и во всемъ такъ бывало: кто удалу́ю штуку удеретъ, либо тыкнетъ князю прямо въ носъ, не боюсь-де тебя, того жаловалъ и въ чести держалъ. Да вотъ какой случай былъ.

Въ лѣтнюю пору послѣ обѣда, садился, бывало, онъ въ кресла подремать маленько. Кресла ставили на балконѣ, заднія ножки въ комнатѣ, а переднія на балконѣ, такъ на порогѣ и дремлетъ. И тогда по всему Заборью и на Волгѣ на всѣхъ судахъ никто пикнуть не смѣй, не то на конюшню. Флагъ надъ домомъ особый выкидывали, знали бы всѣ, что князь Алексѣй Юрьичъ почивать изволитъ.

Дремлетъ онъ этакъ разъ, а барченокъ изъ мелкопомѣстныхъ знакомцевъ, что́ изъ милости на кухнѣ проживалъ, тихонько возлѣ дома пробирается. А въ нижнемъ жильѣ, подъ самымъ тѣмъ балкономъ, жили барышни-приживалки, вольныя дворянки, и деревни свои у нихъ были, да плохонькія, оттого въ Заборьѣ на княжескихъ харчахъ и проживали. Барченокъ подъ о́кна. Говорить не смѣетъ, а турусы на колесахъ барышнямъ подпустить охота, сталъ руками маячить, а самъ ни гугу. Барышнямъ не втерпежь: похохотать охота, да гроза наверху, не смѣютъ. Машутъ барченку платочками: уйди, дескать, пострѣлъ, до грѣха. А барченокъ маячилъ, маячилъ, да какъ во все горло заголоситъ: «*Не одна-то во полѣ дороженька*». Заоралъ да драла. Вершники, что́ у крыльца стояли, его не замѣтили, сами тоже вздремнули: часъ былъ полуденный. Такъ барченокъ и скрылся.

Пробудился князь. Грозенъ и мраченъ, руки у него съ и дергаетъ.

Digitized by Google

— Кто *дороженьку* пѣлъ?—спрашиваетъ.

Побѣжали, сломя голову, во всѣ стороны. Ищутъ.

А барченокъ себѣ на умѣ, семью собаками его не сыщешь. Улегся на сѣнникѣ, спитъ тоже будто. Кромѣ барышенъ никто его не примѣтилъ, а тѣ, извѣстное дѣло, не выдадутъ.

— Кто *дороженьку* пѣлъ?—кричитъ князь Алексѣй Юрьичъ.

Бѣгаютъ холопи, не могутъ найдти.

— Кто *дороженьку* пѣлъ?—кричитъ князь. На крыльцо вышелъ, арапникъ въ рукѣ.

Не знаютъ, что́ доложить, бѣгаютъ, рыщутъ, дознаться не могутъ.

— Кто *дороженьку* пѣлъ?—на все село кричитъ князь Алексѣй Юрьичъ,—сейчасъ передо мною поставить, не то всѣхъ запорю!

Не могутъ найти. Рычитъ князь, словно медвѣдь на рогатинѣ. Ушелъ въ домъ, зеркала звенятъ, столы трещатъ.

Старшій дворецкій и холопи всѣ кланяться стали Васькѣ пѣсеннику: возьми на себя, виноватаго сыскать не можемъ.

Васька себѣ на умѣ, уперся. «Спина-то, говоритъ, моя, не ваша, да еще чего добраго пожалуй и въ прудъ угодишь.» Не желаетъ.

Стали ему кучиться со слезами: дворецкій, молъ, тебя выручитъ, а на всякій случай вотъ тебѣ десять рублевъ деньгами. А десять рублей въ старые годы деньги были большія.

Почесалъ въ затылкѣ пѣсенникъ: и спины жаль, и съ деньгами разстаться не охота. «Ну, говоритъ, т[illegible] и быть, идемъ. Только смотри же, коль не изъ [illegible] ихъ рукъ станетъ пороть, такъ вы, черти, полег[illegible]

А тѣмъ временемъ князь распалился безъ мѣ[illegible] «Всему холопству, кричитъ, по тысячѣ кошекъ, [illegible]

Digitized by Google

шляхетство плетьми задеру. Да спросить у барышенъ, онѣ должны знать... Не скажутъ, юбки подыму, розгачами угощу!»

Страхъ смертный. Пикнуть не смѣетъ никто, дышать боятся.

— Кошекъ!—зарычалъ. Зычный голосъ по Заборью раздался, и всяка жива душа затрепетала.

— Ведутъ, ведутъ,—кричатъ комнатные казачки, завидѣвъ дворецкаго, а за нимъ гайдуковъ: волочили они по землѣ по рукамъ по ногамъ связаннаго Ваську пѣсенника.

Сѣлъ князь на софу судъ и расправу чинить. Подвели Ваську. Сами ни живы, ни мертвы.

— Ты *дороженьку* сѣлъ? — спросилъ у пѣсенника князь Алексѣй Юрьичъ.

— Виноватъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Васька пѣсенникъ.

Замолкъ князь. Помолчалъ маленько и молвилъ:

— Славный голосъ у тебя... Десять рублей ему да кафтанъ съ позументомъ!

Digitized by Google

IV

Именины.

А именины справлялъ князь на пятый день Покрова. Пиры бывали великіе; недѣли на двѣ либо на три все окружное шляхетство съѣзжалось въ Заборье, губернаторъ изъ Зимогорска, воеводы провинціальные, генералъ, что́ съ драгунскими полками въ Жулебинѣ стоялъ, много и другихъ чиновныхъ. Изъ Москвы наѣзжали, иной разъ изъ Питера. Всякому лестно было князь Алексѣя Юрьича съ днемъ ангела поздравить.

Каждому своя комната, кому побольше, кому поменьше: неслужащему шляхетству, смотря по роду,— чиновнымъ, глядя по чину. Губернатору флигель особый, драгунскому генералу съ воеводами другой, по прочимъ флигелямъ большіе господа: кому три горницы, кому двѣ, кому одна, а гдѣ по два, по три гостя въ одной, глядя кто каковъ родомъ. А наѣзжее мелкопомѣстное шляхетство и приказныхъ по крестьянскимъ дворамъ разводили, а которыхъ въ застольную, въ ткацкую, въ столярную. Тамъ и спятъ въ повалку.

Съ вечера наканунѣ именинъ, всенощну служатъ. Тутъ всѣмъ приказъ: у службы быть неотмѣнно. Князь самъ шестопсалміе читаетъ и синаксарь. Зналъ

Digitized by Google

онъ церковный уставъ не хуже монастырскаго канонарха, къ службѣ Божіей былъ не лѣностенъ, къ дому Господню радѣніе имѣлъ большое. Сколько по церквамъ иконостасовъ надѣлалъ, сколько колоколовъ вылилъ, въ самомъ Заборьѣ три каменныя церкви соорудилъ.

Ужина не бывало, чтобъ грѣхомъ до утра не забражничаться, обѣдни не проспать бы. Подавали каждому ѣсть, питъ въ своемъ мѣстѣ, а хмѣльнаго ставили число невеликое.

На другой день, послѣ обѣдни, всѣ, бывало, поздравлять пойдутъ. Сядетъ князь Алексѣй Юрьичъ во всемъ нарядѣ и въ кавалеріи на софѣ, въ большой гостиной, по правую руку губернаторъ, по лѣвую — княгиня Маѳа Петровна. Большіе господа, съ ангеломъ князя поздравивши, тоже въ гостиной разсядутся: по одну сторону мужчины, по другую—женскій полъ. А садились по чинамъ и по роду.

Піита съ виршами придетъ—нарочно такого для праздниковъ держали. Звали Семеномъ Титычемъ, былъ онъ изъ поповскаго роду, а стихотворному дѣлу на Москвѣ обучался. Въ первый же годъ, какъ пріѣхалъ князь Алексѣй Юрьичъ на житье въ Заборье, нанялъ его. Привезли его изъ Москвы вмѣстѣ съ карликомъ—тоже рѣдкостный былъ человѣкъ: ростомъ съ восьмигодоваго мальчишку, не больше. Жилъ піита на всемъ на готовомъ, особая горница ему была, а дѣло только въ томъ и состояло, чтобы къ каждому торжеству вирши написать и пастораль сдѣлать. И каждый разъ, передъ дѣломъ, недѣли на три его ради трезвости на голубятню; бывало какъ только вытрезвъ, такъ и пойдетъ онъ вирши писать да пастораль роить.

Придетъ Титычъ въ гостиную, тоже напудренный, шелковомъ кафтанѣ, почнетъ поздравительныя рши сказывать. Гости слушаютъ молча. А когда

Digitized by Google

отчитаетъ, подастъ тѣ вирши князю на бумагѣ, а князь ручку дастъ ему поцѣловать, денегъ пожалуетъ и велитъ напоить Титыча до положенія ризъ, только бы наблюдали, чтобы Богу душу не отдалъ, для того, что человѣкъ былъ нужный, а пилъ безъ разсужденія. Въ старые годы піитовъ было число невеликое, найти было ихъ трудновато, отъ того и берегъ князь Титыча. Таковъ былъ приказъ: піиту беречь всякими мѣрами и ради потѣхи вреда ему ни чинить.

Разъ одного знакомца изъ благороднаго шляхетства такъ взодралъ князь за Титыча, что небу стало жарко Похрысневъ Иванъ Тихонычъ,—было у него дворовъ тридцать своихъ крестьянъ да разбѣжались, оттого и пошелъ на княжіе харчи—съ Титычемъ былъ пріятель закадычный: пили, гуляли сообща. Насмотрѣлся Иванъ Тихонычъ, каковы въ Заборьѣ забавы. И холопи, и шляхетство такъ промежь себя забавлялись: кого на медвѣдя насунутъ, кому подошвы медомъ намажутъ да дадутъ козлу лизать; козелъ-отъ лижетъ, а человѣку щекотно, хохочетъ до тѣхъ поръ, какъ глаза подъ лобъ уйдутъ и дышать еле можетъ. Насмотрѣвшись такихъ потѣхъ, Иванъ Тихонычъ подмѣтилъ разъ друга своего во пьяномъ образѣ лежаща, и сшутилъ съ нимъ шуточку, да и шутку-то небольно обидную: ежа за пазуху ему посадилъ. Вскочилъ піита, заоралъ благимъ матомъ, спьяну да съ просонокъ не можетъ понять, что̀ такое у него подъ рубахой возится да колетъ. Ровно угорѣлый на дворъ выбѣжалъ, «караулъ! рѣжутъ!» кричитъ. На грѣхъ самъ князь тутъ случись; узнавъ причину, много смѣяться изволилъ, а Ивана Тихоныча выпоролъ и цѣлый день ежа за пазухой носить приказалъ. — «Ты, говоритъ, знай съ кѣмъ шутишь: Титычъ, говоритъ, тебѣ не пара: онъ человѣкъ ученый, а ты свинья». Вотъ какъ ученыхъ людей князь почиталъ.

Digitized by Google

А какъ въ день княжихъ именинъ Семенъ Титычъ изъ гостиной выйдетъ, неважные господа и знакомцы пойдутъ поздравлять, также и приказный народъ. Подходятъ по чинамъ, и всякому бывало князь Алексѣй Юрьичъ жалуетъ ручку свою цѣловать. Кто поцѣловалъ, тотъ на галлерею, а тамъ отъ водокъ да отъ закусокъ столы ломятся.

Чай станутъ подавать, но только большимъ господамъ. Въ стары-то годы чай бывалъ за диковину, и нить-то его умѣли только большаго рангу господа; мелочь не знала, какъ и взяться... Давали иной разъ мелкомѣстному шляхетству аль приказнаго чина людямъ, ради потѣхи, позабавиться бы большимъ гостямъ, глядя, какъ тотъ съ непривычки глотку станетъ жечь да рожи корчитъ. Шутовъ, бывало, призовутъ, передразнивать барина-то прикажутъ, чай у него отнимать, кипяткомъ его ошпарить. Шуты съ бариномъ подерутся, обварятъ его, на полъ повалятъ да мукой обсыплютъ. А какъ назабавится князь, въ шею всѣхъ и велитъ вытолкать.

Пьютъ, бывало, чай въ гостиной: губернаторъ почнетъ вѣдомости сказывать, что́ въ курантахъ вычиталъ, аль изъ Питера, что́ ему отписывали. Московскіе гости со своими вѣдомостями. Такъ и толкуютъ часъ, другой времени. Пріѣзжалъ частенько на именины генералъ-поручикъ Матвѣй Михайлычъ Ситкинъ,—родня князю-то былъ; при дворѣ больше находился, къ Разумовскому бывалъ вхожъ.

— Слышно,—говоритъ онъ однажды; — про тебя, князь Алексѣй, что матушка-государыня хочетъ тебя ъ цесарскую землю къ венгерской королевѣ резиденомъ послать.

— И до меня такія вѣдомости, сіятельнѣйшій князь, ходили,—промолвилъ губернаторъ: — а когда Матвѣй Михайлычъ изъ самаго дворца матушки-государыни

Digitized by Google

подлинныя вѣдомости привезъ, значитъ онѣ вѣроятія достойны.

И стали всѣ поздравлять князя Алексѣя Юрьича. А у него лицо такъ и просіяло. Помолчалъ онъ и молвилъ:

— Не ѣду.

— Въ умѣ ль ты, князь, али рехнулся? ужаснулся даже генералъ-поручикъ, родня-то.

— Сказано не поѣду, такъ значитъ и не поѣду,— молвилъ князь Алексѣй Юрьичъ. Пускай меня матушка-государыня смертью казнитъ, пускай меня въ дальни сибирски города сошлетъ, а въ цесарскую землю я ни ногой.

А говорилъ онъ такъ ради того, что зналъ роденьку своего Матвѣя Михайлыча: любилъ генералъ краснымъ словцомъ рѣчь поукрасить, любилъ и похвастаться передъ людьми: я-де при государынѣ нахожусь, всѣ великія и тайныя дѣла до тонкости знаю.

— Да что ты, что ты?—сталъ онъ приставать къ князю.—Есть ли резонъ человѣку отъ фортуны отказываться?

Губернаторъ сталъ допытываться, драгунскій генералъ, воевода, изъ большихъ господъ два-три человѣка. Другіе не смѣли.

— Какъ же мнѣ возможно ѣхать въ цесарскую землю?—молвилъ наконецъ князь Алексѣй Юрьичъ.— Безъ меня лысый чортъ всѣхъ русаковъ здѣсь затравитъ, а объ красномъ звѣрѣ лѣтъ пять послѣ того и помину не будетъ.

А лысымъ чортомъ изволилъ звать Ивана Сергѣича Опарина. Баринъ былъ большой, по сосѣдству съ З борьемъ вотчина у него въ двѣ тысячи душъ была, старые годы послѣ князя Алексѣя Юрьича по всей берніи былъ первый человѣкъ.

— Не взыщи, князь Алексѣй,—подхватилъ У

Digitized by Google

Сергѣичъ,—всѣхъ перетравлю. Ты тамъ у венгерской королевы резидируй, а я тебѣ мышенка не покину.

Смѣяться изволилъ князь. И всѣ большіе господа смѣялись, а въ другихъ комнатахъ и на галлереѣ знакомцы, шляхетство мелкопомѣстное и приказные тоже на тотъ смѣхъ хохотали, хоть къ чему тотъ смѣхъ—и не вѣдали.

— А ты лучше скажи-ка мнѣ, честный отче, подобаетъ ли намъ вотъ это китайское зелье пить? Грѣха тутъ нѣтъ ли?—спросилъ князь Алексѣй Юрьичъ.

А это онъ тому же Ивану Сергѣичу молвилъ. Звалъ его лысымъ чортомъ, потому что голова у него была на подобіе рыбьяго пузыря, а честнымъ отче потому, что въ старыхъ уставахъ Опаринъ былъ свѣдущъ. Хоть бороду и брилъ, а париковъ не надѣвалъ и табаку не курилъ, поставляя въ томъ грѣхъ великій. Всю жизнь пробылъ въ нѣтѣхъ [1]), пятидесяти лѣтъ недорослемъ писался, и хоть при Петрѣ Великомъ не разъ былъ за то батогами битъ нещадно, но обычай свой снесъ—на службу въ Питеръ не явился. Спервоначалу и нѣмецкаго платья надѣть на себя не хотѣлъ, да супруга обрядила. Былъ женатъ на богатой, супруга на ассамблеяхъ упражнялась, нраву была сварливаго, родня у ней знатная, потому мужу бить себя не соизволила; и онъ у нея изъ рукъ смотрѣлъ. Хоть черезъ великую силу, бородой и охабнемъ супружеской любви поступился. А родитель Ивана Сергѣича, въ прежни годы, съ князьями Мышецкими за одно былъ, у раскольщиковъ въ Выгорѣцкомъ скитѣ и жизнь скончалъ.

— Нѣтъ ли,—говоритъ ему князь Алексѣй Юрьичъ,—этомъ пойлѣ грѣха? Не опоганили ль мы съ тобой, этный отче, душъ своихъ?

— А что жь въ чаю поганаго?—отвѣчаетъ Иванъ

---

1) *Нѣтями* назывались неявившіеся на службу дворяне.

Digitized by Google

Сергѣичъ — не табачище!.. Объ чаѣ и въ Соловецкой челобитной не обозначено, стало быть погани въ немъ нѣтъ никакой.

— А видишь ли, честный отче, вычелъ я въ одной французской книгѣ, что когда въ Хинской землѣ чай собираютъ, такъ языческіе тамошніе жрецы богомерзкое свое служеніе на поляхъ совершаютъ и водой идоложертвенной чай на корню кропятъ. А по уставу идоложертвенное употреблять не подобаетъ. Повѣдай же намъ, честный отче, опоганили мы свои души аль нѣтъ?

— А можетъ-статься, на тотъ чай, что́ мы у тебя пьемъ, богомерзкая-то вода и не попала?—молвилъ Иванъ Сергѣичъ, накрывая чашку. — Вотъ тебѣ и сказъ.

— Охъ ты, отвѣтчикъ!—крикнулъ князь Алексѣй Юрьичъ, немножко прогнѣвавшись:—все-то у тебя отвѣты. Сказываютъ, что смолоду ты не мало и раскольничьихъ отвѣтовъ Неофиту писалъ... Правда что ли?—молвилъ князь, подмигнувъ губернатору.—Сколько, лысый чортъ, на твою долю поморскихъ отвѣтовъ пришлось написать? Сочти-ка, да скажи намъ.

— Тебѣ бы, князь Алексѣй, цыплятъ по осени считать, а такого дѣла не ворошить. Не при тебѣ оно писано.

— Смотри, лысый чортъ, ты у меня молчи. Не то господина губернатора и владыку святаго стану просить, чтобъ тебя съ раскольщиками въ двойной окладъ записали. Пощеголяешь ты у меня съ желтымъ козыремъ да со значкомъ на вороту.

Хоть и разгнѣвался маленько князь Алексѣй Юрьичъ, но Иванъ Сергѣичъ баринъ былъ большой, попрост съ нимъ раздѣлаться невозможно, самъ сдачи дастъ, самого во дворѣ шестьсотъ человѣкъ, а кошки и плети не хуже заборскихъ.

На счастье, подъ самое то слово чихнулъ губер

Digitized by Google

наторъ. Встали и поклонъ отдали. Привсталъ и князь Алексѣй Юрьичъ. И всѣ въ одинъ голосъ сказали:

— Салфетъ вашей милости! [1])

А губернаторъ кланяется да приговариваетъ:

— Красота вашей чести!

На ту пору дверь распахнулась, четыре лакея, каждый въ сажень ростомъ, закуску на подносахъ внесли и на столы поставили. Были тутъ сельди голландскія, сыръ нѣмецкій, икра яикская съ лимономъ, икра стерляжья съ перцомъ, балыкъ донской, колбасы заморскія, семга архангелогородская, ветчина вестфальская, сиги въ уксусѣ изъ Питера, грибы отварные, огурцы подновскіе, рыжики вятскіе, пироги подоваго дѣла, оладьи и пряженцы съ яйцами. А въ графинахъ водка золотая, водка анисовая, водка зорная, водка кардамонная, водка тминная, — а всѣ своего завода.

Закусываютъ часъ, либо два, покамѣстъ всѣ графины не опорожнятъ, всѣ тарелки не очистятъ, тогда обѣдать пойдутъ.

А въ столовой, на одномъ концѣ княгиня Марѳа Петровна съ барынями, на другомъ князь Алексѣй Юрьичъ съ большими гостями. Съ правой руки губернатору мѣсто, съ лѣвой—генералъ-поручику, за ними прочіе, по роду и по чинамъ. И всякъ свое мѣсто знай, выше старшаго не смѣй залѣзать, не то шутамъ велятъ стулъ изъ-подъ того выдернуть, аль прикажутъ лакеямъ кушаньемъ его обносить. Кто помельче, тѣ на галлереѣ ѣдятъ. Тамъ въ именины человѣкъ пятьсотъ, либо шестьсотъ, обѣдывало, а въ столовой человѣкъ восемьдесятъ, либо сто — небольше.

Подлѣ князя Алексѣя Юрьича, съ одной стороны,

---

[1]) При дворѣ говорили *салютъ* (*salut*) *вашей милости*, въ провинціи *салютъ* передѣлали въ *салфетъ*. Въ глухихъ городкахъ салфетъ до сихъ поръ водится.

Digitized by Google

двухгодовалаго ручнаго медвѣдя посадятъ, а съ другой юродивый Спиря на полу съ чашкой сядетъ: босой, грязный, лохматый, въ одной рубахѣ; въ чашку ему всякаго кушанья князь набросаетъ, и перцу, и горчицы, и вина, и квасу, всего туда накладетъ, а Спиря ѣстъ съ прибаутками. Мишку тоже изъ своихъ рукъ князь кормилъ, а послѣ водкой, бывало, напоитъ его до того, что звѣрь и ходить не можетъ.

Въ столовой на серебрѣ подавали, а для князя, для княгини и для генеральства ставились золотые приборы. За каждымъ стуломъ по два лакея, по угламъ шуты, нѣмые, карлики и калмыки — всѣ подачекъ ждутъ и промежь себя дерутся да ругаются.

Уху, бывало, въ серебряной лохани подадутъ—стерляди такія, какія въ нонѣшни годы и не ловятся: отъ глаза до пера два аршина и больше. Осетры — чудо морское. А тамъ еще задъ быка принесутъ, да ветчины окорока три-четыре, да барановъ штуки три, а куръ, индѣекъ, гусей, утокъ, рябковъ, куропатокъ, зайцевъ—всей этой мелкоты безъ счету. Всѣхъ кушаній перемѣнъ тридцать и больше, а послѣ каждой перемѣны чарки въ ходъ. Подавали вина ренскія, аликантское, эрмитажъ и разныя другія, а больше домашнія наливки и меда ставленные. Въ стары годы и такіе господа, какъ князь Алексѣй Юрьичъ, заморскихъ винъ кушали понемногу, пили больше водку да наливки домашнія и меды. Дорогія вина только въ праздники подавались, и то не всѣмъ: подавать такія вина на галлерею въ заведеніи не было. А шампанское вино да венгерское только и пивали въ именины...

Подъ конецъ обѣда, бывало, станутъ заздравную пить. Пили ее въ столовой шампанскимъ, въ галлереѣ— вишневымъ медомъ... Начнутъ князя съ ангеломъ поздравлять, «ура» ему закричатъ, пѣвчіе «многая лѣта» запоютъ, музыка грянетъ, трубы затрубятъ, на угорѣ

Digitized by Google

изъ пушекъ палить зачнутъ, шуты вкругъ князя кувыркаются, карлики пищатъ, нѣмые мычатъ по своему, большіе господа за столомъ пойдутъ на счастье, имениннику посуду бить, а медвѣдь реветъ, на заднія лапы поднявшись.

Встанутъ изъ-за стола, княгиня съ барынями на свою половину пойдетъ, князь Алексѣй Юрьичъ съ большими господами въ гостиную. Сядутъ. Оглядится князь, всѣ ли гости усѣлись, лишнихъ нѣтъ ли, помолчитъ маленько, да глядя на старшаго дворецкаго, вполголоса промолвитъ ему: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.»

Дворецкій парень былъ наметанный, каждый взглядъ князя понималъ. Тотчасъ бывало смекнетъ, въ чемъ дѣло. Было у князя въ подвалѣ старое венгерское—вино дорогое, страхъ какое дорогое! Когда еще князь Алексѣй Юрьичъ при государынѣ въ Питерѣ проживалъ, водилъ онъ дружбу съ цесарскимъ резидентомъ, и тотъ цесарскій резидентъ изъ своего королевства бочекъ съ пять того вина ему по дружбѣ вывезъ. Пахло ржанымъ хлѣбомъ, оттого князь и звалъ его хлѣбомъ насущнымъ. А подавали то вино изрѣдка.

Принесутъ гайдуки стопки серебряныя, старшій дворецкій разольетъ хлѣбъ насущный. Возьметъ князь Алексѣй Юрьичъ стопку, привстанетъ, къ губернатору обернется: «будьте здоровы»,—скажетъ и хлебнетъ хлѣба насущнаго. Потомъ опять привстанетъ, генералъ-поручика тѣмъ же манеромъ поздравствуетъ и опять хлебнетъ хлѣба насущнаго. И прочихъ также, все по роду и по чину. А кого князь здравствуетъ, тому и прочіе и привставая кланяются и хлѣба насущнаго прихлебываютъ. А пѣвчіе поютъ многолѣтіе, въ галлереѣ «ура» кричатъ, на угорѣ изъ пушекъ палятъ, трубы, рога, музыка. И питаются бывало хлѣбомъ насущнымъ, когда часъ времени, когда и больше.

Digitized by Google

— Ну, скажетъ, вставая, князь Алексѣй Юрьичъ:— Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, тотъ не обидѣлъ. Не пора ль, господа, къ Храповицкому? И птицѣ вольной, и звѣрю лѣсному, не токмо человѣку разумному, присудилъ Господь отдыхать въ часъ полуденный.

И пойдутъ по своимъ мѣстамъ, а князю Алексѣю Юрьичу на балконѣ кресло ужъ поставлено. И станетъ по Заборью тишина. Только храпъ слышно... отдыхаютъ...

Соснувъ маленько, зачнутъ къ вечернему балу снаряжаться, и весь домъ станетъ вверхъ дномъ. Господа, барыни и барышни сидятъ въ пудраматахъ, дѣвушки да камердинеры такъ и снуютъ: кто съ робой, кто съ утюгомъ, кто съ фижмами, кто съ камзоломъ глазетовымъ. Въ одномъ мѣстѣ пряжки къ башмакамъ прилаживаютъ, въ другомъ барышню двѣ дѣвки что́ есть мочи стягиваютъ, въ третьемъ барыни мушки на лицо себѣ лѣпятъ... Къ семи часамъ всѣ готовы и соберутся въ домъ. А тамъ ужъ восковыхъ свѣчей зажжены тысячи, передъ домомъ и въ саду плошки, по горѣ смоляныя бочки горятъ, а за Волгой, на томъ берегу, костры разложены.

Выйдетъ князь Алексѣй Юрьичъ съ княгиней Марѳой Петровной во всемъ парадѣ, и грянетъ музыка. Полонезъ заиграютъ: губернаторъ, въ зеленомъ кафтанѣ на красномъ стамедѣ, въ аломъ камзолѣ, въ большомъ парикѣ, съ кавалеріей черезъ плечо, къ княгинѣ подлетитъ, реверансы другъ другу сдѣлаютъ и пойдутъ. Послѣ того другіе господа, кто барыню, кто барышню поднимутъ и пойдутъ водить полонезъ по заламъ и галлереямъ, и водятъ не малое время. А барынь поднимаютъ и въ полонезъ водятъ также по роду и по чинамъ. Находившись до-сыта, въ боковую галлерею пойдутъ «пастораль» смотрѣть. Тамъ подмостки

Digitized by Google

съ декораціей сдѣланы, и какъ гости войдутъ, музыканты итальянскія кантаты играть зачнутъ, и играютъ, покамѣстъ гости по мѣстамъ разсядутся.

Тутъ занавѣска на подмосткахъ поднимется, сбоку выйдетъ Дуняша, ткача Егора дочь, красавица была первая по Заборью. Волосы наверхъ подобраны, напудрены, цвѣтами изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посохъ пастушечій съ алыми и голубыли лентами. Станетъ князя виршами поздравлять, а писалъ тѣ вирши Семенъ Титычъ. И когда Дуня отчитаетъ, Параша подойдетъ, псаря Данилы дочь. Эта пастушкомъ наряжена: въ пудрѣ, въ штанахъ и въ камзолѣ. И станутъ Параша съ Дунькой виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ и обнимутся... Недѣли по четыре дѣвокъ, бывало, тѣмъ виршамъ съ голосу Семенъ Титычъ училъ — были неграмотны. Долго, бывало, маются, сердечныя, да какъ разъ пятокъ ихъ для понятія выдерутъ, выучатъ твердо.

Андрюшку поваренка сверху на веревкахъ спустятъ. Мальчишка былъ бойкій и проворный,—грамотѣ самоучкой обучился. Бога Феба онъ представлялъ, въ аломъ кафтанѣ, въ голубыхъ штанахъ съ золотыми блестками. Въ рукѣ доска прорѣзная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вкругъ головы у Андрюшки золочены проволоки натыканы, въ родѣ сіянія. Съ Андрюшкой девять дѣвокъ на веревкахъ бывало спустятъ: напудрены всѣ, въ бѣлыхъ робронахъ, у каждой въ рукахъ нужная вещь, у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительна трубка. Подъ музыку стихи пропоютъ, князю вѣнокъ подадутъ, а плели тотъ вѣнокъ въ оранжереѣ изъ лавроваго дерева.

И такой пасторалью всѣ утѣшены бывали. Велитъ иной разъ князь Алексѣй Юрьичъ позвать къ себѣ Семена Титыча, чтобъ изъ своихъ княжихъ рукъ пода-

Digitized by Google

рокъ ему пожаловать, но никогда его привести было невозможно, каждый разъ не годился и въ своей горницѣ за замкомъ на привязи сидѣлъ. Неспокоенъ, царство ему небесное, во хмелю бывалъ.

Опять полонезъ заиграютъ, господа въ большую залу пойдутъ. Тутъ Матвѣя Михайлыча — генералъ-поручика—маршаломъ сдѣлаютъ, княгиня Марѳа Петровна букетъ цвѣтовъ пожаловать ему изволитъ. Приколетъ онъ тѣ цвѣты къ кафтану и зачнетъ танцами распоряжаться. Сперва минуэтъ танцуютъ, кланяются, реверансы дѣлаютъ, къ сердцу руки прижимаютъ, на разлетъ ими отмахиваютъ, а барышни присѣдаютъ, на сторонку перегибаются и вѣеръ тихонько поднимаютъ Послѣ минуэта манимаску начнутъ, а тамъ матрадуръ, гавотъ и другіе танцы Чуть не до полночи, бывало, промаются.

Въ перемежку танцевъ подавали воду брусничную, грушевку, сливянку, квасъ яблочный, квасъ малиновый, питье миндальное. Заѣдки всякія, бывало, разносили: конфеты, марципаны, цукаты, сахары зеренчатые, варенье инбирное индѣйскаго дѣла; изъ овощей — виноградъ, яблоки, да разныя овощи полосами: полоса дынная, полоса арбузная, да ананасная полоса невеликая. Дынную да арбузную всѣмъ подаютъ, ананасную не всякому, потому что вещь рѣдкостная, не всякому гостю по губамъ придется.

А въ другихъ комнатахъ столы разставлены, на нихъ въ фаро да въ квинтичъ играютъ; червонцы изъ рукъ въ руки такъ и переходятъ, а выигрываетъ, бывало, завсегда больше всѣхъ губернаторъ. Другіе кости мечутъ, въ шахматы играютъ—кому что́ больше съ руки. А межъ игрой пунши да взварцы пьютъ, а лакеи то и дѣло водку да закуски разносятъ.

Вечерній столъ бывалъ не великій: кушаньевъ десять, либо двадцать—не больше, за то напитковъ вдо-

Digitized by Google

воль. Пьютъ, другъ отъ дружки не отставая, кто откажется, тому князь прикажетъ вино на голову лить. А какъ послѣ ужина барыни да барышни за княгиней уйдутъ, а потомъ и изъ господъ кто чиномъ помельче аль годами помоложе по своимъ мѣстамъ разойдутся, отправится князь Алексѣй Юрьичъ въ павильонъ, и съ собой гостей человѣкъ пятнадцать возьметъ. И пойдетъ тамъ кутежъ на всю ночь до утра. Только что войдутъ туда князь Алексѣй Юрьичъ и кафтанъ и камзолъ долой, гости тоже. Сперваначалу кипрскимъ виномъ серебряную дѣдовскую яндову нальютъ, «чарочку» запоютъ и пустятъ яндову въ круговую. Не то попарно, какъ гребцы въ лодкѣ, на полъ усядутся, *«внизъ по матушкѣ по Волгѣ»* затянутъ и орутъ себѣ что́ есть мочи. А запѣвалой самъ князь Алексѣй Юрьичъ.

— Нѣтъ, скучно такъ, ребята,—скажетъ, бывало,— богинь, богинь сюда съ Парнаса!

И влетятъ богини: Дуняша, Параша, Настенька, Машенька, Грушенька, девять сестеръ, что́ въ пасторали были, да еще сколько нужно на придачу по числу гостей. Всѣ разряжены: которая въ пудрѣ и робронѣ, ровно барышня, которая въ сарафанѣ, а больше такъ, какъ въ павильонахъ на стѣнахъ писано.

Красавицы-то были какія! Хоть бы Дуню взять. Бѣленькая, крѣпонькая, черные глазенки въ душу такъ и смотрятъ. Пойдетъ плясать: старикъ растаетъ, на нее глядя! Бубенъ въ руку; вверхъ его надъ головой вскинетъ, обведетъ всѣхъ глазами, топнетъ ножкой да вольной птичкой такъ и запорхаетъ, а сама вся, какъ змѣйка изгибается, отъ сердечной истомы щеки пылутъ, глазки горятъ, а ротикъ раскрытъ у голубушки... Настенька опять—дѣвочка славная, кровь съ молокомъ, голосокъ соловьиный. Войдетъ, въ сарафанѣ алаго бархату, въ кружевныхъ рукавахъ, на головѣ золотая повязка, коса у Настеньки по колѣна, — на кого ни

Digitized by Google

взглянетъ, рублемъ подаритъ, слово кому скажетъ, мурашки у того по всему тѣлу забѣгаютъ... Или Груша опять!.. Машенька!.. На подборъ были собраны красавицы, а выбирались изъ цѣлой вотчины. Все-то состарѣлось, а состарѣвшись примерло!..

Заря въ небѣ зарумянится, а въ павильонѣ пѣсни, плясъ да попойка. Воеводы, Матвѣй Михайлычъ, драгунскій, Иванъ Сергѣичъ, губернаторъ и другіе большіе господа,—кто пляшетъ, кто поетъ, кто чару пьетъ, кто съ богиней въ уголку сидитъ... Самъ князь Алексѣй Юрьичъ напослѣдокъ съ Дуняшей казачка пойдетъ.

— Эй вы, римляне!.. крикнетъ подъ конецъ. — Похищай сабинянокъ, собаки!

И схватитъ каждый гость по дѣвочкѣ: кто посилнѣй, тотъ на плечо красоточку взвалитъ, а кто въ охапку ее... А князь Алексѣй Юрьичъ станетъ средь комнаты, да ту, что приглянулась, перстикомъ къ себѣ и поманитъ... И разойдутся.

Тѣмъ именины и кончатся.

Digitized by Google

V.

Въ монастырѣ.

Охоту больше на краснаго звѣря князь Заборовскій любилъ. Обложили медвѣдя,—готовъ на край свѣта скакать. Лѣса были большіе, лѣсничихъ въ поминѣ еще не было, оттого не бывало и порубокъ; въ лѣсной гущинѣ всякаго звѣря много водилось. Рѣдкую зиму двухъ десятковъ медвѣдей не поднимали.

Только станетъ зима, человѣкъ сорокъ пошлютъ берлоги искать. Опричь того, мужики по всей окружности знали, какое жалованье за медвѣдя князь Алексѣй Юрьичъ даетъ, отъ того бывало каждый, кто про медвѣдя ни провѣдаетъ, вѣсти приноситъ къ нему. А сохрани, бывало, Господи, ежели кто безъ него осмѣлится медвѣдя поднять! Не родись на свѣтъ тотъ человѣкъ!...

Самъ любилъ мишку повалить. Таковъ приказъ у него былъ: «бей медвѣдя, коли драть тебя станетъ, аль подъ себя подберётъ,—до тѣхъ поръ тронуть его моги».

Изъ ружья рѣдко бивалъ, не жаловалъ князь ру-іной охоты, больше все съ ножемъ да съ рогати-.—Надобно жь, говоритъ бывало, Михайлу Иванычу, одину Топтыгину, передъ смертнымъ часомъ дать

Digitized by Google

позабавиться; что толку пулей его свалить, изъ ружья бей сороку, бей ворону, а съ мишенькой весело силкой помѣряться!

Сороковаго билъ изъ ружья. Сороковой медвѣдь— дѣло не простое, рѣдкому счастливо сходитъ онъ съ рукъ—любитъ сороковой безъ костяной шапки оставить.

А всего медвѣдей сто, коль не больше, повалилъ князь Алексѣй Юрьичъ въ приволжскихъ краяхъ, и все ножомъ да рогатиной. Не разъ и мишка топталъ его. Разъ бедро чуть не выѣлъ совсѣмъ, въ другой, подобравъ подъ себя, такъ зачалъ ломать, что князь закричалъ неблагимъ матомъ, и какъ медвѣдя порѣшили, такъ князя чуть живаго подняли, и до саней на шубѣ несли. Шесть недѣль хворалъ, думали, жизнь покончитъ, но Богъ помиловалъ.

Берлогу отыщутъ, звѣря обложатъ. Станетъ князь противъ выхода. Правая рука ремнемъ окручена, ножикъ въ ней, въ лѣвой — рогатина. Въ сторонѣ станутъ охотники, кто съ ружьемъ, кто съ рогатиной. Поднимутъ мишку, полѣзетъ косматый старецъ изъ затвора, а снѣгъ-отъ у него надъ головой такъ столбомъ и летитъ.

И приметъ князь лѣснаго барина по-холопски, рогатиной припретъ его, куда слѣдуетъ, покрѣпче. Тотъ разозлится да на него, а князь сунетъ ему руку въ раскрытую пасть да тамъ ножомъ и пойдетъ работать. Тутъ-то вотъ любо, бывало, посмотрѣть на князя Алексѣя Юрьича—богатырь, прямой богатырь!...

А по осени, какъ въ отъѣзжее поле соберутся, недѣль по шести бывало, полюютъ, провинціи по двѣ объѣзжали. Выѣдетъ князь Алексѣй Юрьичъ, какъ солнце пресвѣтлое: четыреста при немъ псарей съ борзыми, ста полтора съ гончими, знакомцевъ да мелкопомѣстныхъ человѣкъ восемьдесятъ, а большіе господа— тѣ со своими охотами. Одинъ Иванъ Сергѣичъ Опаринъ

Digitized by Google

пріѣдетъ, бывало, такъ своръ восемьдесятъ съ собой приведетъ... Народу видимо невидимо. Двинутся, въ рога тотчасъ, и такой трубный гласъ пойдетъ, что просто ума помраченье. А за охотой на подводахъ припасы везутъ, повара тамъ, конюхи, шуты, дѣвки, музыканты, арапы, калмыки и другой народъ всякаго званія!

Дадутъ поле — тотчасъ на привалъ. А у каждаго человѣка фляжка съ водкой черезъ плечо, потому къ привалу-то всѣ маленько и на-готовѣ. Разложатъ на полѣ костры, пойдетъ стряпня рукава стряхня, а средь поля шатеръ раскинутъ, возлѣ шатра боченокъ съ водкой, ведеръ въ десять.

— Съ полемъ!—крикнетъ князь Алексѣй Юрьичъ, сядетъ верхомъ на боченокъ, нацѣдитъ ковшъ, выпьетъ, сколько душа возьметъ, да изъ того жъ ковша и другихъ почнетъ угощать, а самъ все на боченкѣ верхомъ.

— Съ полемъ, честной отче! — крикнетъ Ивану Сергѣичу. Подойдетъ Иванъ Сергѣичъ, князь ему ковшикъ подастъ.

— Будь здоровъ, князь Алексѣй, съ чады, съ домочадцы и со всѣми твоими псами борзыми и гончими— молвитъ Иванъ Сергѣичъ и выпьетъ.

— Цѣлуй меня, лысый чортъ.

И цѣлуются. А князь все на боченкѣ верхомъ. По одному каждаго барина къ себѣ подзываетъ, съ полемъ поздравляетъ, изъ ковша водкой поитъ и съ каждымъ цѣлуется. Послѣ большихъ господъ, мѣлкопомѣстное шляхетство подзываетъ, потомъ знакомцевъ, что у него на харчахъ проживали.

А для подлаго народу въ сторонкѣ сорокоуша го-ва. Народу не мало, а винцо всякому противно, какъ щему гривна: по маломъ времени бочку опростаютъ.

Ковры на полянѣ разстелятъ, господа обѣдать на ихъ усядутся, князь Алексѣй Юрьичъ въ середкѣ.

Digitized by Google

Сначала о полѣ рѣчь ведутъ, каждый собакой своей похваляется, объ лошадяхъ спорятъ, про прежніе случаи разсказываютъ. Одинъ хорошо сморозитъ, другой лучше того, а какъ князь начнетъ, такъ всѣхъ за поясъ заткнетъ... Иначе и быть нельзя; испоконъ вѣку заведено, что самый праведный человѣкъ на охотѣ что́ ни скажетъ, то совретъ.

— Нѣтъ,—молвилъ князь Алексѣй Юрьичъ,—вотъ у меня лошадь была, такъ ужъ конь. Аргамакъ персидскій, настоящій персидскій. Кабинетъ-министръ Волынскій, когда еще въ Астрахани губернаторомъ былъ, въ презентъ мнѣ прислалъ. Видѣлъ ты у меня его, честный отче?

— А какой же это аргамакъ? Что-то не помню я у тебя, князь Алексѣй, такого.

— Э! нашелъ я спросить кого, точно не знаю, что ты до сѣдыхъ волосъ въ недоросляхъ состоишь и Питера, какъ чортъ ладону боишься... Такъ вотъ аргамакъ былъ. Каковы были кони у герцога курляндскаго, и у того такого аргамака не бывало. Приставалъ не одинъ разъ курляндчикъ ко мнѣ, подари да подари ему аргамака, а не то бери за него, сколько хочешь.

— Что же, продали, князь?—спросилъ Суматевъ, Сергѣй Осипычъ, тоже баринъ большой.

— Эхъ ты голова съ мозгомъ! Барышникъ что ли я конскій, аль цыганъ какой, что стану лошадьми торговать? Въ курляндскомъ герцогствѣ тридцать четыре мызы за аргамака мнѣ владѣющій герцогъ давалъ, да я и то не уступилъ. А когда регентомъ сталъ, фельдмаршаломъ хотѣлъ меня за аргамака того сдѣлать,—я не отдалъ.

— Ну ужъ и фельдмаршаломъ!—усмѣхнулся Иванъ Сергѣичъ.

— Да ты молчи, лысый чортъ, коли тебя не спрашиваютъ. Знаешь, что во многоглаголаніи нѣсть сп

Digitized by Google

сенія, потому и молчи... Просидѣлъ вѣкъ свой въ деревнѣ, какъ тараканъ за печью, такъ все тебѣ въ диковину... Что за невидаль такая фельдмаршалъ?.. Не Богъ знаетъ что!.. Захотѣлъ бы фельдмаршаломъ быть, двадцать бы разъ былъ. Не хочу да и все.

— Полно-ка ты, князь Алексѣй. Ну, что городишь? Слушать даже тошно... Ну какъ бы ты сталъ полки-то водить, когда ни въ единой баталіи не былъ?

— Ври да не завирайся, честный отче!—крикнетъ на то князь Алексѣй Юрьичъ. — Какъ я въ баталіяхъ не бывалъ?.. А Очаковъ-отъ кто взялъ? А при Гданскѣ кто викторію получилъ?.. Не бойсь, Минихъ, по твоему? Какъ же!.. Взять бы ему безъ меня двѣ коклюшки съ половиной!.. Принялъ только на себя, потому что хитеръ нѣмецъ, вездѣ умѣетъ пролѣзть... А я человѣкъ простой, вязаться съ нимъ не захотѣлъ. Ну, думаю себѣ, Богъ съ тобой, обидѣлъ ты меня, да вѣдь Господь терпѣлъ и намъ повелѣлъ... И отлились же волку овечьи слезки! теперь проклятый нѣмецъ въ Пелымѣ съ ледяными сосульками воюетъ, а мы вотъ гуляемъ да краснаго звѣря травимъ!.. Да!

И подвернись на грѣхъ Постромкинъ, Петръ Филипычъ, изъ мелкопомѣстныхъ. Служилъ въ полкахъ, за ранами уволенъ отъ службы. Вступись онъ за Миниха — подъ командой у него прежде служилъ.

Какъ вскочитъ князь Алексѣй Юрьичъ, пѣна у рта́.

— Ахъ ты шельмецъ!—закричалъ.—Смѣешь ротъ поганый распускать... Эй, вы!.. Вздуть его!

Выпилъ ли черезчуръ Петръ Филипычъ, азартъ ли такой нашелъ на него, только какъ кинется онъ на ʜзя, цапъ за горло, подъ себя, да и ну валять на ѣ корки.

— Смѣешь ты, говоритъ, честнаго офицера шельцомъ обзывать!.. Похвальбишка ты паскудный!.. Да самъ, говоритъ, тебя вздую.

Digitized by Google

И вздулъ.

А князь:—Полно, полно, Петръ Филипычъ... Больно, вѣдь!.. Перестань... Лучше выпьемъ!.. Я вѣдь пошутилъ, ей-богу пошутилъ.

И съ той поры пріятели сдѣлались. Водой не разольешь.

Наѣдутъ, бывало, на вотчину Петра Алексѣича Муранскаго. Баринъ богатый, домъ полная чаша, но былъ человѣкъ не веселый, въ болѣзни да въ немощахъ все находился. А съ молоду «скосыремъ» слылъ и, живучи въ Питерѣ, на ассамблеяхъ и банкетахъ такъ шпынялъ [1]) большихъ господъ, барынь и барышенъ, что всѣ рѣчей его пуще огня и чумы боялись. Съ Минихомъ подъ туркой былъ, подъ Очаковымъ его искалѣчили, не годенъ на службу сталъ и отпросился на покой. Пріѣхалъ въ деревню и ровно переродился. Былъ одинокъ, думали—женится, а онъ въ святость пустился: духовныя книги зачалъ читать, и хоть не монахъ, а жизнь не хуже черноризца повелъ. Много добра творилъ, бѣднымъ при жизни его хорошо было: только все это узналось лишь послѣ кончины его, для того, что милостыню творилъ тайную. И такой былъ мудреный человѣкъ, что всѣмъ на удивленье! Была псарня, на охоту не ѣздилъ; были музыканты, при немъ не играли; ни пировъ, ни банкетовъ не дѣлалъ; самъ никуда, кромѣ церкви, ни ногой, и холопямъ никакого удовольствія не дѣлалъ, не поилъ ихъ, не бражничалъ съ ними... И что́ же? И господа, и холопи, какъ отца родного, любили его. Не даромъ князь Алексѣй Юрьичъ «чудотворцемъ» его называлъ. А другіе колдуномъ считали Муранскаго.

Къ нему, бывало, охотой двинутся. Таборъ-отъ въ полѣ останется, а князь Алексѣй Юрьичъ съ большими

---

[1]) Шпынять — подсмѣиваться, острить.

Digitized by Google

господами, съ шляхетствомъ, съ знакомцами къ Петру Алексѣичу въ Махалиху, а всего поѣдетъ человѣкъ двадцать не больше. Петръ Алексѣичъ приметъ гостей благодушно, выйдетъ изъ дому на костыляхъ и сядетъ съ княземъ рядышкомъ на крылечкѣ. Другіе отдаль— и ни гугу.

— Ну, чудотворецъ,—скажетъ бывало князь Алексѣй Юрьичъ, — мы къ тебѣ заѣхали потрапезовать: припасы свои, нынче вѣдь пятница, опричь луку да квасу у тебя, чай, нѣтъ ничего. Благослови на мясное ястіе и хмѣльное питіе!.. Эй, ты, честный отче!.. Лысый чортъ!.. Куда запропастился?

А Иванъ Сергѣичъ чиннымъ шагомъ выступаетъ съ задворка, ровно утка съ боку на бокъ перевалывается. Маленькій былъ такой, да пузатенькій.

— Здравствуйте, говоритъ, государь мой, Петръ Алексѣичъ. Какъ васъ Господь Богъ милуетъ? Что ты, князь Алексѣй, меня кликалъ? Аль заврался въ чемъ-нибудь, такъ на выручку я тебѣ понадобился?

— Я те заврусь!.. У меня, лысый чортъ, ухо востро́ держи. Проси-ка вотъ лучше у чудотворца на тра́пезу благословенья... Эхъ! да вѣдь у меня изъ памяти вонъ, что ты, честный отче, раскола держишься—самъ сегодня ради пятницы, поди, на сухаряхъ пробудешь? Нельзя скоромятины—выгорецкіе отцы не благословили.

И пойдутъ перекоряться, а Петръ Алексѣичъ молчитъ, только ухмыляется.

— Пошпыняй ты его хорошенько, пошпыняй лысаго-то чорта—скажетъ князь Алексѣй Юрьичъ,—вспомни старину, чудотворецъ!.. Помнишь, какъ, бывало, на банкетахъ у графа Вратиславскаго всѣхъ шпынялъ.

— Полно-ка, миленькій князь, — отвѣтитъ Петръ Алексѣичъ. — Мало ль чего бывало? Что́ было голубчикъ, то былью поросло. А обѣдъ вамъ готовъ; ждалъ вѣдь я гостей-то... Еще третьяго дня пали слухи, что

Digitized by Google

ты съ собаками ко мнѣ въ Махалиху ѣдешь. Милости просимъ.

— Ну, вотъ за это спасибо, чудотворецъ. Погребато вели отпереть, не то вѣдь—народъ у меня озорной, разбойникъ на разбойникѣ. Неровенъ часъ: самъ двери вонъ — да безъ угощенья, что́ ни есть въ погребу, и выхлебаютъ. Не вводи бѣдныхъ во грѣхъ—отдай ключи.

— Охъ, проказникъ, проказникъ, миленькій мой князинька! — съ усмѣшкой промолвитъ Петръ Алексѣичъ. — Что́ съ тобой дѣлать!.. Пахомычъ!

Подойдетъ ключникъ Пахомычъ.

— Отдай княжимъ людямъ ключи отъ втораго что-ли погреба. Пускай утѣшаются. Да молви дворецкому: гости, молъ, ѣсть хотятъ.

Изъ табора нагрянутъ и выпьютъ весь погребъ. А въ погребѣ сорокоуша пѣннаго да ренское, наливки да меды. А погребовъ у Муранскаго было съ десятокъ

Посередь Заборья, въ глубокомъ, поросшемъ широколистнымъ лопушникомъ, оврагѣ течетъ въ Волгу рѣчка Вишенка. Лѣтомъ воды въ ней немного, а весной, когда въ верхотинахъ мельничные пруды спустятъ, бурлитъ та рѣчонка не хуже горнаго потока, а если отъ осенняго па́водка сорветъ плотины на мельницахъ, тогда ни одного моста на ней не удержится, и на день или на два нѣтъ черезъ нее ни перехода, ни переѣзда.

Разъ, напировавшись у Муранскаго, взявши послѣ того еще поля два либо три, князь Алексѣй Юрьичъ домой возвращался. Гонца напередъ послалъ, было бъ въ Заборьѣ къ ночи сготовлено все для пріема большихъ господъ, мелкаго шляхетства и знакомцевъ, было бъ чѣмъ накормить, напоить и гдѣ спать положить псарей, доѣзжачихъ, охотниковъ.

Вѣтеръ такъ и рветъ, косой холодный дождикъ

Digitized by Google

такъ и хлещетъ, тьма—зги не видно. Подъѣзжаютъ къ Вишенкѣ—плотины сорваны, мосты снесены, нѣтъ пути ни конному, ни пѣшему. А за рѣчкой, на угорѣ, привѣтнымъ свѣтомъ блещутъ окна дворца Заборскаго, а налѣво, надъ полемъ, зарево стоитъ отъ разложенныхъ костровъ. Вкругъ тѣхъ костровъ псарямъ, доѣзжачимъ, охотникамъ пировать сготовлено.

Подъѣзжаетъ стремянной, докладываетъ: — «нѣтъ переѣзду!..»

— Броду!—крикнулъ князь.

Стали броду искать — трое потонуло. Докладываютъ...

— Броду!..—крикнулъ князь зычнымъ голосомъ,— Не то всѣхъ перепорю до единаго!—И всѣ присмирѣли; лишь вой вѣтра, да шумъ разъяреннаго потока слышны были.

Еще двоихъ водой снесло, а броду нѣтъ.

— Бабы!... — кричитъ князь. — Такъ я же вамъ самъ бродъ сыщу!

И поскакалъ къ Вишенкѣ. Нагонаетъ его Опаринъ, Иванъ Сергѣичъ, говоритъ:

— Ты богатырь, то всѣмъ извѣстно... Ты перескочишь, за тобой и другіе... Кто не потонетъ, тотъ переѣдетъ... А собаки-то какъ же? Надо вѣдь всѣхъ погубить. Хотъ Пальму свою пожалѣй.

А Пальма была любимая сука князя Алексѣя Юрьича—подаренье пріятеля его, Дмитрія Петровича Палецкаго.

— Правду сказалъ, лысый чортъ,—молвилъ князь, остановивъ коня.—Что́ жь молчалъ?... Пятеро вѣдь тонуло!... На твоей душѣ грѣхъ, а я тутъ ни при мъ.

Поворотилъ коня, стегнулъ его изо всей мочи и икнулъ:

— Въ монастырь!...

Digitized by Google

А монастырь рядомъ, на угорѣ. Былъ тотъ монастырь строенье князей Заборовскихъ, тутъ они и хоронились; князь Алексѣй Юрьичъ въ немъ ктиторомъ былъ, безъ воли его архимандритъ пальцемъ двинуть не могъ. Богатый былъ монастырь: отъ ярмонки большіе доходы имѣлъ, отъ ктитора много денегъ и всякаго добра получалъ. Церкви старинныя, каменныя, большія, иконостасы золоченой рѣзьбы, иконы въ серебряныхъ окладахъ съ драгоцѣнными камнями и жемчугами, колокольня высокая, колоколовъ десятковъ до трехъ, большой—въ двѣ тысячи пудъ, ризъ парчевыхъ глазетовыхъ, бархатныхъ, дородоровыхъ множество, погреба полнехоньки винами и запасами, конюшни конями—доброѣзжими, скотный дворъ коровами холмогорскими, птичный—курами, гусями, утками, цесарками.

А порядокъ въ монастырѣ не столько архимандритъ, сколько князь держалъ. Чуть кто изъ братіи задуритъ, ктиторъ его на конюшню. Чиновъ не разбиралъ: будь послушникъ, будь рясофоръ, будь соборный старецъ—всякъ ложись, всякъ по дѣломъ принимай воздаянье. И было въ Заборскомъ монастырѣ благостроеніе, и славились старцы его веліимъ благочестіемъ.

Только что рѣшилъ князь въ монастырѣ ночлегъ держать, трое вершниковъ поскакали архимандрита повѣстить. Звонъ во всѣ колокола поднялся...

Подъѣхали. Святыя ворота настежь, келарь, казначей, соборные старцы въ длинныхъ мантіяхъ, по два въ рядъ. По сторонамъ послушники съ фонарями. Взяли келарь съ казначеемъ князя подъ руки, съ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ въ соборъ его повели. За нимъ большіе господа, шляхетство, знакомцы. Псари, доѣзжачіе, охотники по широкимъ монастырскимъ дворамъ костры разложили—отецъ каз-

Digitized by Google

начей бочку имъ выкатилъ. Грѣются, Христосъ съ ними, подъ кровомъ святой обители Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня... А собаки вкругъ нихъ тутъ-же отдыхаютъ, чуя монастырскую овсянку. Отецъ экономъ первымъ дѣломъ распорядился на счетъ собачьяго ужина... Зналъ старецъ преподобный, сколь милы были псы сердцу ктитора честныя обители... Оттого и заботился...

Въ церкви князя встрѣтилъ архимандритъ соборнѣ, въ ризахъ, съ крестомъ и святою водою. Молебенъ отпѣли, къ иконамъ приложились, въ трапезу пошли. И тамъ далеко за полночь куликали.

Размѣстились гости, гдѣ кому слѣдовало, а князь съ архимандритомъ въ его кельѣ легъ. Наступилъ часъ полуночный, вѣтеръ въ трубѣ воетъ, желѣзными ставнями хлопаетъ, по крышѣ свиститъ. Говоритъ князь шопотомъ:

— Отче архимандритъ!... Отче архимандритъ:... Спишь али нѣтъ?...

— Не сплю, ваше сіятельство. А вамъ что требуется?

— Страхъ что-то беретъ!... Что это воетъ?...

— Вѣтеръ,—говоритъ архимандритъ.

— Нѣтъ, отче преподобный, не вѣтеръ это, другое что-нибудь.

— Чему же другому-то быть?—отвѣчаетъ архимандритъ. Помилуйте ваше сіятельство! Что это вы?

— Нѣтъ, отче святый, это не вѣтеръ... Слышишь, слышишь?.

— Слышу... Собаки завыли.

— Цыцъ, долгогривый!... Собакъ тутъ нашелъ!.. Слышишь?... Душа Палецкаго воетъ... Зналъ ты Палецкаго Дмитрія Петровича?

— Развѣ могутъ души усопшихъ выть?—молвилъ архимандритъ.

— Этого не говори... Не говори, отче преподоб-

Digitized by Google

ный... Мало-ль что на свѣтѣ бываетъ!.. Это Палецкій!.. Онъ воетъ!.. Слышишь? Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего Димитрія... Страшно, отче святый!... И лампадка-то у тебя тускло горитъ... Зажги свѣчу!...

— Зажгу, пожалуй,—молвилъ архимандритъ.—Да полноте, ваше сіятельство. Какъ это не стыдно и не грѣхъ?

— Толкуй тутъ, а я знаю... Это меня зоветъ Палецкій... Скоро, отче, придется тебѣ хоронить меня.

— Что это вамъ на умъ пришло?—говоритъ архимандритъ.—Конечно, памятованіе о смертномъ концѣ спасительно, да вѣдь и суевѣріе грѣховно... Ужь если о смерти помышлять, такъ лучше бы вашему сіятельству о своихъ дѣлахъ подумать.

— А что мои дѣла?.. Какія дѣла?.. укралъ что ли я у кого?.. Позавидовалъ кому?.. Аль мало вкладовъ даю тебѣ на монастырь, подлая твоя душа, безстыжіе поповскіе глаза!... Нѣтъ, братъ, шалишь! На этотъ счетъ я спокоенъ, надѣюсь на Божіе милосердіе... А все-таки страшно...

— То-то страшно: страшенъ-то грѣхъ, а не смерть... Такъ-то, ваше сіятельство,—молвилъ архимандритъ.

— Привязался, жеребячья порода, съ грѣхами, что банный листъ! И говорить-то съ тобой нельзя. Тотчасъ начнетъ городить чортъ знаетъ что... Давай спать, я и свѣчку потушу.

— Спите съ Богомъ, почивайте, покойной ночи вашему сіятельству,—проговорилъ архимандритъ.

Замолчали, и вѣтеръ маленько стихъ. А князь Алексѣй Юрьичъ все вздыхаетъ, все на постели ворочается. Опять завылъ вѣтеръ.

— Что это все воздыхаете, ваше сіятельство?—спросилъ архимандритъ.

— О смертномъ часѣ, отче святый, воздыхаю!..

Digitized by Google

Слышишь?.. Слышишь?.. Упокой, Господи, душу раба твоего Димитрія!.. Его голосъ!.

— Да это собака завыла.

— Собака?.. Да... да... собака, точно собака... Только постой!... погоди!... Пальма — ея голосъ... А Пальма Палецкаго подаренье... это — она его душу чуетъ, ему завываетъ... А это?.. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!.. Это что?.. Собака по твоему, собака?

— Вѣтеръ въ трубѣ.

— Вѣтеръ!.. Хорошъ вѣтеръ!.. Упокой, Господи, душу раба твоего Димитрія!.. Хорошій былъ человѣкъ, славный былъ человѣкъ, любилъ я его, душа въ душу мы съ нимъ жили... Еще въ Петербургѣ пріятелями были, у князя Михайлы ознакомились, когда князь Михайло во времени былъ. Обоимъ намъ за одно дѣло и въ деревни велѣно... Все, бывало, вмѣстѣ съ нимъ... Охъ, Господи!.. Страшно, отче святый!..

— Полноте, ваше сіятельство, перестаньте... Вы бы перекрестились да молитву сотворили. Отъ молитвы и страхъ, и ночное мечтаніе яко дымъ исчезаютъ... Такъ-то

— Молюсь... молюсь, отче преподобне... Прости, Господи, согрѣшенія мои, вольная и невольная... Опять Пальма!.. Чуетъ, шельма, стараго хозяина!.. Яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ!.. Видишь ли, отче, когда умиралъ Димитрій Петровичъ, царство ему небесное, при немъ я былъ... И онъ, голубчикъ, взялъ меня за руку, да и говоритъ: «не хорошо, князинька, мы съ тобой жили не вольномъ свѣту, и смерти вспомнишь меня»... Да съ этимъ словомъ стоналъ, потянулся, глядь—не дышетъ... Охъ, Господи!.. Чу!.. Примечаетъ, что смерть подходитъ ко мнѣ... Слышишь, одинъ?..

— Одно суевѣріе, — сказалъ архимандритъ.—Пред-

Digitized by Google

знаменованіямъ вѣры давать не повелѣно... Кто имъ вѣритъ—духу тьмы вѣритъ... Пустяками вы себя пугаете.

— У тебя все пустяки!.. Нѣтъ, отче святый, разумѣю азъ, грѣшный, близость кончины: предо мной стоитъ... Слышишь?.. Скоро предамся червямъ на съѣденье, а душу невѣдомо како устроитъ Господь.

— Да отчего это вамъ въ голову пришло?

— Мало ль отчего?.. И Палецкій воетъ, и Пальма воетъ, и сны такіе вижу... Сказано въ писаніи: «старцы въ соніяхъ видятъ». У пророка Іоиля сказано то! А мнѣ седьмой десятокъ, стало-быть я старецъ... Старецъ вѣдь я, старецъ?

— Дѣло не молодое, — молвилъ архимандритъ.

— Такъ видишь ли: «старцы въ соніяхъ видятъ» А что́ я вечоръ во снѣ видѣлъ?.. Съ Машкой скотницей вѣнчался... Видѣть во снѣ, что вѣнчаешься—смерть

— Полноте, грѣховодникъ вы этакой!

— Тебѣ все полно, да полно! Не тебѣ, чернохвостнику, въ гробъ-отъ ложиться... А это по твоему тоже «полно», что намедни Діанка тринадцатью ощенилась? Да еще одного трехпалаго принесла, самъ борзой, щипецъ ровно у гончей, и безъ правила. Это по твоему тоже ничего?

— Не повелѣно, ваше сіятельство...

— Да ты молчи, коль я съ тобою говорю, чортъ ты этакой!.. По твоему и это ничего, что нынѣшняго года въ самое мое рожденье, зеркало въ гостиной у меня лопнуло.

— Слышалъ я, что сами же свѣчу подъ то зеркало подставили.

— Врешь, отче преподобный, ничего ты не смыслишь!.. Коли зеркало лопнуло — конечно дѣло. Тутъ ужъ, братъ, какъ не вертись — с смерти не отвертишься. А тебѣ все ничего... святъ, пожалуй, скажешь

Digitized by Google

и это ничего, что намедни ко мнѣ воробей въ кабинетъ залетѣлъ... По твоему и это ничего, что на прошлой недѣлѣ насъ ужинать сѣло тринадцать?.. Отсчиталъ отъ себя тринадцатаго — вышелъ Скорняковъ. Знаешь Скорнякова? Въ знакомцахъ у меня проживаетъ — рыжій такой, губа сѣченая... Думаю, пусть же надъ нимъ, надо псомъ оборвется тринадцатый. Велѣлъ ему пить—жизнь бы свою тутъ же покончилъ собака... Съ полведра вылокалъ, бестія, безъ памяти подъ столъ свалился, ни духу, ни послушанія. Ну, думаю: слава тебѣ Господи—опился. Тринадцатый-то, значитъ, онъ... Что́ жъ ты думаешь?.. На другой день поутру глядь, а онъ въ буфетѣ похмѣляется... Такъ меня варомъ и обдало!.. Кто жъ, по твоему, тринадцатый-то вышелъ?.. А?..

— Великій грѣхъ суевѣріямъ предаваться, — говорилъ архимандритъ.

— А ты молчи, жеребья порода!.. Видишь, къ смертному часу готовлюсь, такъ ты молчи... Слышишь!.. Опять Палецкій!.. А вотъ и Пальма его учуяла!.. Страшно!.. Помолись обо мнѣ, отче преподобный, не помяни моихъ озлобленій, помолись за меня за грѣшнаго, простилъ бы Господь прегрѣшенія моя, вольная и невольная... Молись за меня, твое дѣло. Еще году не прошло, большой вкладъ тебѣ положилъ, колоколъ вылилъ — значитъ недаромъ прошу святыхъ молитвъ твоихъ... Духовную писалъ, душеприкащикомъ тебя сдѣлалъ. Самъ знаешь, опричь тебя такого дѣла поручить некому, народъ все пьяный, забулдыжный... Такъ ужъ я тебя... Помру, положи ты меня въ ногахъ у родителя моего, князь Юрья Никитича; сорокъ обѣденъ соборнѣ отслужи за меня, въ синодикъ запиши въ постѣнной и въ литейной, чтобы братія по вся годы молилась за меня безпереводно. А панихиды по мнѣ пѣть: на день преставленія моего, да пятаго октября, на день

Digitized by Google

московскихъ святителей Петра, Алексія, Іоны—ангела моего день, — и служить тѣ панихиды каждый годъ безпереводно... И въ тѣ дни кормъ на братію и веліе утѣшеніе... Такъ и вели записать въ синодикъ, и тѣ бы архимандриты, которые послѣ тебя будутъ, вѣдали и чинили по моему завѣщанью каждый годъ безо всякія порухи. А душу свою тебѣ поручаю. Будь ты на поконъ моей души помянникъ, умоли ты Господа Бога объ отпущеньи грѣховъ моихъ, будь моимъ ходатаемъ, будь моимъ молитвенникомъ, изведи изъ темницы душу мою...

И заливаясь слезами, повалился въ ноги архимандриту, ноги у него и срачицу цѣлуетъ, а самъ такъ и рыдаетъ.

Архимандритъ утѣшаетъ его, а князь такъ и разливается, плачетъ.

— Получишь ты по духовной большія деньги, сколько получишь, теперь не скажу: не добро хвалитися о дѣлахъ своихъ... Четверть тѣхъ денегъ себѣ возьми, дѣлай на нихъ, что тебѣ Господь на́ сердце положитъ; другой четвертью распорядись по совѣту съ братіею, какъ уставъ велитъ... На соборѣ-то главы позолоти, совсѣмъ вѣдь облѣзли; говорилъ я тебѣ, и денегъ давалъ, и бранился съ тобой, а тебѣ все неймется, только и словъ отъ тебя: «лучше на иную потребу деньги изведу»... А Владычицѣ жемчужный убрусъ устрой, жемчугъ княгиня Марѳа Петровна выдастъ, да выдастъ она еще тебѣ пять пудовъ серебрянаго лому, изъ того лому ризы во второй ярусъ иконостаса устрой. Въ Москвѣ закажи... Зубрилову серебрянику не смѣть заказывать: я еще съ нимъ, съ подлецомъ, покамѣстъ живъ, раздѣлаюсь. Отвѣдаетъ, каналья, вкусны ль заборскія кошки бываютъ... Представь ты себѣ, отецъ архимандритъ, на ярмонкѣ смѣлъ онъ, шельмецъ, до моего параднаго выѣзду лавку от-

Digitized by Google

крыть. Счастливъ, что тотчасъ же уѣхалъ, а то-бъ я ему штукъ пятьсотъ середь ярмонки-то влѣпилъ бы.

Подъ это слово ставень—хлопъ! Поблѣднѣлъ князь, задрожалъ!..

— Упокой, Господи, душу раба твоего Димитрія!... За мной пришелъ. Слышалъ?...

— Ставень хлопнулъ,—отвѣтилъ архимандритъ.

— У тебя все ставень!.. У тебя все... А Пальма-то, Пальма-то такъ и завываетъ!

— Да полноте же, ваше сіятельство!... Какъ это не стыдно?.. Ровно баба деревенская.

— Ругаться, чортъ этакой?..—во все горло закричалъ князь и кулаки стиснулъ. — Не больно ругайся, промзглая кутья!.. Кулакъ-отъ у меня бабій?... Ну-ка, понюхай.

И поднесъ кулачище къ архимандричьему носу.

— Ложитесь-ка лучше съ Богомъ на спокой... Давно ужъ пора, — кротко и спокойно промолвилъ архимандритъ.

— Безъ тебя знаютъ!.. Баба!.. Дамъ я тебѣ бабу, долгогривый чортъ!.. Охъ, Господи помилуй, опять Пальма... Нѣтъ, отче святый, надо умирать, скоро во гробъ положишь меня, скоро въ склепъ поставятъ меня, темно́ тамъ.. сыро... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!.. Да?.. Вѣдь я не докончилъ тебѣ про духовную-то... Третью четверть денегъ раздай по всей епархіи протопопамъ, попамъ, дьякамъ, пономарямъ и инымъ, сколько ихъ есть, причетникамъ по рукамъ, каждому дьякону противъ попа половину, каждому причетнику противъ дьякона половину. И закажи ты ь, и попроси ты ихъ, усердно бы молились Всеестивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ о прощегрѣшной души раба Божія князя Алексія, искуи бы святыми молитвами своими велія моя прегрѣчія... Кирчагинскому дьякону не смѣй ни копейки

Digitized by Google

давать!... Вздумалъ на меня въ губернскую канцелярію челобитну подать?... Поле, слышь у него я вытопталъ, корову застрѣлилъ!... Такъ развѣ хотѣлъ я у него хлѣбъ-отъ топтать? Виноватъ развѣ , что заяцъ въ овесъ къ нему кинулся?.. Упускать русака-то ради дьяконскаго овсишка?... А корову?... Развѣ самъ я стрѣлялъ?... Со мной вонъ сколь всякой сволочи ѣздитъ, усмотришь развѣ за всѣми?... Усмотришь развѣ?... Нѣтъ, ты скажи, отче преподобный, можно ль за этими дьяволами усмотрѣть?.. А?... Можно?... Да ты молчи, коли я говорю, губы-то не распускай: во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ ты и молчи... Нечего тебѣ разсказывать: къ духовному чину завсегда решпектъ имѣю, потому что вы наши пастыри и учители, теплые объ насъ молитвенники, очищаете насъ окаянныхъ, въ безднѣ грѣховной, ото всякія мерзости и нечистоты... отъ того даже ни одинъ пономарь отродясь въ Заборьѣ на конюшнѣ у меня не бывалъ... А кирчагинскій помни!... Помни, подлый кутейникъ, овесъ да корову... Еще доберусь до шельмеца!.. Останную четверть денегъ изведи на похороны... Покрова не покупай, въ Парижъ къ двоюродному брату, князь Владиміру, посланы деньги, самой бы наилучшей ліонской парчи тамъ купилъ. Боюсь только, не спустилъ бы мои денежки въ фаро. Въ Версали большую игру ведетъ. — Ему, шалопаю, и въ голову не можетъ придти, что по его милости могу я на тотъ свѣтъ голышомъ предъ Богомъ предстать... Прошлаго года просилъ его купить сочиненія Вольтера да гобеленовъ въ угольную. До сихъ поръ не шлетъ.. Шапку архимандричью устрой себѣ, у княгини Марѳы Петровны жемчуговъ и камней спроси,—давно ей отъ меня приказано... А не княгиню такъ капральшу крутихинскую спроси, она тож знаетъ... Да дѣлай шапку-то поразвалистѣй, а то срам глядѣть на тебя—въ какихъ шапкахъ ты служишь: н

Digitized by Google

фасону, ни красоты, нѣтъ ничего... На похороны все шляхетство созови, и столповыхъ, и молодыхъ, и мелкопомѣстныхъ; хорошенько помянули бы меня за упокой.. Бѣлавина Ѳедьку не смѣй только звать... Онъ меня знать не хочетъ, и я его знать не хочу... Эка важна персона!... А тоже сердце имѣетъ!... Поучилъ я его прошлаго года маленько, такъ онъ и губу надулъ.. Да это бы наплевать, я бы за это и вспороть его могъ Въ Петербургъ что-то писалъ про меня. До двора дошло; отписывали мнѣ, будто по этому дѣлу на куртагѣ говорили про меня немилостиво. А я вѣдь хоть не въ опалѣ, да и не во времени... Много ль надо меня уходить?... Будь это при второмъ императорѣ, будь при владѣющемъ курляндскомъ герцогѣ—я бы Ѳедьку въ рудникахъ закопалъ — а теперь я что?... Въ подлости нахожусь — не хуже тебя долгогриваго... Отъ того и махнулъ я рукой на Бѣлавина... Что съ дуракомъ связываться? наплевать да и все тутъ... А вѣдь поучилъ-то его за что?... Ради его же души спасенія.. Видишь ли какъ было дѣло: обѣдалъ Ѳедька у меня въ воскресенье, великимъ постомъ. Самъ знаешь, большіе посты я соблюдаю, уставъ тоже знаю... Подаютъ кушанье какъ слѣдуетъ: вино, елей, злаки и отъ черепокожныхъ. А Ѳедька Бѣлавинъ, когда подали стерляжью уху, при всѣхъ и кричитъ мнѣ съ другого конца стола: «вы, говоритъ, ваше сіятельство, сами-то постовъ не соблюдаете, да и гостей во грѣхъ вводите». —Что заврался? говорю, въ чемъ ты грѣхъ нашелъ?— «А въ этомъ»,—говоритъ, да на стерлядь и показываетъ. Велѣлъ подать «Уставъ о христіанскомъ житіи», одозвалъ Ѳедьку Бѣлавина, читай, говорю, коли грамотѣ знаешь. А онъ: «тутъ писано про черепокожныхъ, сирѣчь про устерсы, черепахи, раки и улитки, же акридами нарицаются». Зло меня взяло, слыша акое ругательство надъ церковью Божіею... Какъ?...

Digitized by Google

Чтобы намъ святыми отцами заповѣдано было снѣдать такую гадость, какъ улитки?... А Ѳедька богомерзкій свое несетъ, говоритъ: стерлядь—рыба, черепа на ней нѣтъ.—Поревновалъ я по «Уставѣ», взялъ стерлядку съ тарелки да головой-то ему въ рыло. «Что, говорю, есть черепъ, аль нѣтъ?» Кровь пошла—разсадилъ ему рожу-то. Только всего и было... Не дралъ его, не колотилъ, волосомъ даже не тронулъ, объ его же спасеніи поревновалъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ, по глупости своей, не вздумалъ христіанскую душу скверной улиткой поганить... Такъ поди жъ ты съ нимъ... Въ доносы пустился; дивлюсь еще, какъ *слово и дѣло* не гаркнулъ... Погубить бы могъ, шельмецъ... Плюнулъ я на Ѳедьку, знаться съ дуракомъ не хочу и на поминкахъ моихъ кормить нечестивую утробу его не желаю. Не зови его, отче святый, никакъ не зови... Позовешь, будемъ съ тобой на томъ свѣтѣ передъ истиннымъ Спасомъ судиться. Помни же это... Мнѣ что!... Господь съ нимъ, съ Бѣлавинымъ, меня, маленькаго человѣка, обидѣть легко, а каково-то ему на томъ свѣтѣ будетъ... Вотъ что!... Ну, давай спать старина.

Вѣтеръ затихъ. По маломъ времени и князь, и архимандритъ захрапѣли.

На зарѣ проснулся князь Алексѣй Юрьичъ, говоритъ архимандриту:

— Надо мнѣ, отче, на тотъ свѣтъ сбираться. Надо, какъ ты не мудри. Только заснулъ я, Палецкій въ оврагѣ стоитъ и Пальма съ нимъ, а въ оврагѣ жупелъ огненный, сѣрой пахнетъ... Стоитъ Палецкій да меня къ себѣ манитъ, сердце даже захолонуло.

— Что жъ такое?—спросилъ архимандритъ.

— Говоритъ: «подь сюда; сколь вору ни воровать, висѣлицы не миновать»... Ужаснулся я, отче, потъ холодный прошибъ меня, проснулся, а онъ воетъ, и Пальма воетъ... Нѣтъ, отче преподобный, вижу, что

Digitized by Google

жить мнѣ недолго; сегодня-жъ князю Борису пишу, ѣхалъ бы въ Заборье скорѣй, мать бы свою не оставилъ, отца бы предалъ честному погребенью... Шабашъ охотѣ!.. Поѣду отъ тебя прямо домой—съ женой проститься, долгъ христіанскій исполнить. Пріѣзжай вечеркомъ исповѣдать меня, причастить.. На своихъ пріѣзжай, мои-то кони въ разгонѣ... Свадьбу сегодня у меня справляютъ... Устюшку замужъ выдаю.—Знаешь Устюшку-то мою? Маленькая такая, чернявенькая... ухъ, горячая дѣвка какая!.. Такъ ужъ ты, отче святый, на своихъ пріѣзжай, къ непостыдной кончинѣ готовить меня многогрѣшнаго...

— Слушаю, ваше сіятельство, слушаю, безпренѣнно пріѣду, не премину,—говоритъ архимандритъ.— А къ княгинѣ Марѳѣ Петровнѣ поѣзжайте, примиритесь съ нею по христіански: знаю вѣдь я, что вотъ ужъ шестой годъ какъ вы слова съ ней не перемолвили... Замучилась она, бѣдная!

— Что княгиня?.. Баба!.. Бабѣ плеть...

— Эхъ, ваше сіятельство!.. Чѣмъ бы суевѣріямъ предаваться, да сны растолковывать, лучше бы вамъ настоящимъ дѣломъ о смертномъ часѣ помыслить, укрощать бы себя помаленьку, съ ближними бы мириться.

— Что́ мнѣ съ ними мириться-то?.. Обидѣлъ что ли я кого?.. Курица, и та на меня не пожалуется!,. А страшно, отче преподобне!.. Охъ, голова ты моя, головушка!.. Разума напиталась, къ чему-то приклонишься?.. Въ монахи пойду.

— Княгиню-то куда же?

— Ну ее къ бѣсу! Мнѣ бы свою-то только душу ıсти... А она какъ знаетъ себѣ, чортъ съ ней.

— Ахъ, ваше сіятельство, ваше сіятельство!... о съ вами дѣлать? Не знаю, что и придумать:

— Что дѣлать! что дѣлать!..—передразнилъ князь ıимандрита.—Ишь какой недогадливый!.. Да долго ль

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ мнѣ просить молитвъ у тебя?.. Святъ ты человѣкъ предъ Господомъ, доходна твоя молитва до Царя небеснаго? Помолись же обо мнѣ, пожалуйста, сдѣлай милость, помолись хорошенько, замоли грѣхи мои... Страшенъ вѣдь часъ-отъ смертный!... Къ діаволамъ бы во адъ не попасть!.. Ухъ, какъ прискорбна душа!.. Спаси ее, отче святый, отъ огня негасимаго...

И заплакалъ, и упалъ къ ногамъ архимандрита... Ноги у него цѣлуетъ, говорить не можетъ отъ душевнаго смиренія, отъ сердечнаго умиленія.

Вдругъ за оградой гончія потянули по зрячему .. Грянули рога на звѣря, на краснаго.. Какъ вскочитъ князь!

— «На́-конь!»—крикнулъ въ окно зычнымъ голосомъ.

И кой-какъ одѣвшись, не простясь съ архимандритомъ, метнулся на крыльцо, и вскочилъ на́ лошадь..

Во весь опоръ помчалась за нимъ охота къ оврагу Юрагинскому.

Digitized by Google

VI

Княгиня Марѳа Петровна

Много горя натерпѣлась въ свою жизнь княгиня Марѳа Петровна, мало красныхъ дней на долю ей выпало,—великая была мученица,—царство ей небесное!

Родитель ея, князь Петръ Иванычъ Тростенскій, у перваго императора въ большой милости былъ. Ѣздилъ за море иностраннымъ наукамъ обучаться, а воротясь на Русь, больше все при государѣ находился. Въ Полтавской баталіи передъ свѣтлыми очами царскими многую храбрость оказалъ и, когда супостата, свейскаго короля, побили, великій государь при всѣхъ генералахъ цѣловалъ князя Тростенскаго и послалъ его на Москву съ отписками о дарованной Богомъ викторіи.

Отпуская въ путь, далъ ему государь письмо къ старому боярину Карголомскому. А тотъ Карголомскій жилъ по старымъ обычаямъ. И съ бородой не пожелалъ было разстаться, но когда царь указалъ, волкомъ взвылъ, а бороды себя лишилъ. За то въ другомъ во мъ крѣпко старинки держался. Былъ у него сынъ подъ Нарвой убили его, послѣ него осталась у стака Карголомскаго внучка. Ни за нимъ, ни передъ ıъ никого больше не было. А вотчинъ и въ дому атства—тьма тьмущая.

Digitized by Google

Отдаетъ великій государь письмо князю Тростенскому, самъ такой приказъ ему сказываетъ:

— Будучи на Москвѣ, изволь отдать письмо Карголомскому, и чтó въ томъ письмѣ писано, изволь, съ своей стороны, чинить по нашему указу. Въ накладѣ не будешь... Да поцѣловавши князя въ лобъ, примолвилъ:—Съ Богомъ.

Пріѣхавши на Москву, подалъ князь Петръ Иванычъ царское письмо Карголомскому. Прочиталъ старикъ, ахнулъ, затрясся, потъ на лбу у него выступилъ. Положивъ три земныхъ поклона передъ Спасовымъ образомъ, сказалъ князю Тростенскому:

— Воля государева, а мы всѣ его да Божьи.

А въ государевѣ письмѣ было написано:

«Понеже господинъ майоръ князь Тростенскій въ европейскихъ христіанскихъ государствахъ наукѣ воинскихъ дѣлъ довольно обучался и у высокихъ потентатовъ при нашихъ резидентахъ не малое время находился, нынѣ-же во время преславной, Богомъ дарованной намъ надъ свейскимъ королемъ викторіи великую храбрость предъ нашими очами показалъ, того ради изволь выдать за него въ замужество свою внуку, и тѣмъ дѣломъ прошу поспѣшить. А дѣло то и васъ всѣхъ поручаю въ милость Всевышняго».

Горька пришлась свадьба старику Карголомскому: видѣлъ онъ, что нареченный его внучекъ—какъ есть нѣмецъ-нѣмцемъ, только званіе одно русское. Да ничего не подѣлаешь: царь указалъ. Даже горя-то не съ кѣмъ было размыкать старику... О такомъ дѣлѣ съ кѣмъ говорить?... Пришлось одному на старости лѣтъ тяжкую думушку думать. Не вытерпѣлъ долго старикъ—померъ.

Молодые жили душа въ душу. Великій государь и родные, глядя на нихъ, не могли нарадоваться. Черезъ годъ послѣ Полтавской баталіи даровалъ имт

Digitized by Google

Господь княжну Мареу Петровну. Конца не было радостямъ. Самъ государь княжну изволилъ отъ святой купели принимать и, когда стала она подростать, все бывало нѣтъ-нѣтъ а у отца и навѣдается, чему крестница обучается, и каково ей наука дается. Ливонскую нѣмку самъ приставилъ ходить за ней, плѣннаго шведа пожаловалъ для обученья княжны всякой наукѣ и на чужестранныхъ языкахъ говорить, француза для танцевъ самъ князь отъ себя наймовалъ. Пріѣдетъ, бывало, великій государь къ князю Тростенскому—а ѣзжалъ къ нему нерѣдко—анисовой спроситъ, кренделемъ закуситъ и велитъ княжну къ себѣ привести, почнетъ ее разспрашивать, чему даренный шведъ выучилъ, по чужестранному заговоритъ съ ней, менуэтъ заставитъ проплясать, а потомъ поцѣлуетъ въ лобъ да примолвитъ: «Рости, крестница, да ума копи, выростешь большая—мое будетъ дѣло жениха сыскать». Не сподобилъ царя Господь при себѣ пристроить крестницу; пятнадцати годочковъ княжнѣ не минуло, какъ взялъ къ себѣ Богъ перваго императора.

По восьмому годочку осталась княжна послѣ матери, а родитель черезъ полгода послѣ великаго государя жизнь скончалъ. Оставалась княжна сиротиночкой, кровныхъ, близкихъ родныхъ нѣтъ никого, одна что хмѣлинка безъ тычинки, и нѣтъ руки доброй, ласковой, поддержать-бы сиротство да малость ея... За опекой дѣло не стало—сирота богатая, не объѣстъ... Взяла княжну тетка ея внучатная — княгиня Байтерекова. Стала съ ней княжна во дворецъ на куртаги ѣздить, на ассамблеи къ свѣтлѣйшему Меншикову, къ графу Головкину, къ князю Куракину, а къ инымъ знатнымъ персонамъ на балы, на банкеты и съ визитою. И не было въ Питерѣ подобныхъ красавицъ и разумницъ, какъ княжна Мареа Петровна Тростенская.

Въ коемъ дому невѣста богатая, въ томъ дому же-

Digitized by Google

нихи, что комары на болотѣ, толкутся. Такъ въ старые годы бывало, такъ повелось и въ нынѣшни дни... У княжны отбою отъ жениховъ не было, а были тѣ женихи изъ самыхъ знатныхъ родовъ, а которы не родословны, аль родовъ захудалыхъ, тѣ знатные чины при дворѣ иль въ гвардіи имѣли. Однако, княжна хоть и молоденька была, но честь свою наблюдала крѣпко, многіе ею «заразились», а она благосклонности никому не показала.

Девьеровъ сынъ, Петръ Антонычъ, былъ счастливѣй другихъ. На куртагахъ княжну на любовь склонилъ, черезъ тетку Байтерекову присватался, черезъ отца своего доложилъ государынѣ... Передъ обрученьемъ Екатерина Алексѣевна изволила княжну иконой благословить, а свадьбу велѣла отложить, пока не пошлетъ ей Господь облегченья. — Была государыня нездорова, а крестницу перваго императора сама хотѣла замужъ отдать и тѣмъ обѣщанье Петра Великаго выполнить.

Ждутъ женихъ съ невѣстой мѣсяцъ, ждутъ другой, третій, царицѣ все хуже да хуже. Болѣзнь становилась прежестокая, стали тихомолкомъ поговаривать, врядъ ли подниметъ царицу Господь. А кому отходя сего свѣта земное царство откажетъ, не вѣдалъ никто. И печальны всѣ были... Не до пировъ, не до свадебъ... Государыня едва духъ переводила, какъ женихова отца, графа Девьера, взяли подъ караулъ... Домъ его опечатали, къ княгинѣ Байтерековой драгунскій капитанъ пріѣзжалъ: всѣ вещи княжны Тростенской пересмотрѣлъ, какія письма отъ жениха къ ней были, всѣ отобралъ, а самой впредь до указу никуда не велѣлъ изъ дома выѣзжать.

Передъ вешнимъ Николой, дня за три, по Питеру бѣготня пошла: знатные персоны въ каретахъ скачутъ приказный людъ на своихъ на двоихъ бѣжитъ, всѣ к

Digitized by Google

дворцу. Солдаты туда-жъ маршируютъ, простой народъ валитъ кучами... Что такое?.. Царицы не стало, бѣгутъ узнать, кто на Русское царство сѣлъ, кому надо присягу давать. Услыхавши ту вѣсть, княжна на полъ такъ и покатилась... Ввечеру сказали: женихова отца кнутомъ бить, чести, чиновъ, имѣнья лишить и послать въ Сибирь, а жениха въ дальнюю деревню вмѣстѣ съ его матерью. И родную сестру не пожалѣлъ свѣтлѣйшій Меншиковъ.

И проститься жениху съ невѣстой не дали. Хотѣла было княжна съ другомъ своимъ въ несчастіе ѣхать, да тетка Байтерекова и многія знатныя персоны ее отговорили.

Годъ прошелъ; новый царь со всѣмъ дворомъ въ Москву переѣхалъ. Байтерекова съ племянницей туда же... Тамъ приглянись княжна князю Заборовскому. Человѣкъ былъ уже не молодой, лѣтъ подъ сорокъ, вдовецъ хоть и бездѣтный. Княжна и слышать про него не хотѣла. А князь Алексѣй Юрьичъ съ государевымъ фаворитомъ, княземъ Иваномъ Алексѣичемъ Долгоруковымъ, въ ближней дружбѣ находился... Сталъ ему докучать про невѣсту, фаворитъ доложилъ государю... И сказано было княжнѣ: «крестный твой отецъ, первый императоръ, далъ тебѣ обѣщанье, когда въ возрастъ придешь, жениха сыскать, но не исполнилъ того обѣщанія, волею Божіею отъ временнаго царствія въ вѣчное отыде, того ради великій государь, его императорское величество, памятуя обѣщаніе дѣда своего, указалъ тебѣ, княжнѣ Марѳѣ Петровой дочери Тростенскаго, быть замужемъ за княземъ Алексѣемъ князь Орьевичемъ Заборовскимъ».

Только что стала зима, на Москвѣ торжества и пиры ошли. Самъ государь съ сестрой фаворита обручался, аворитъ съ Шереметевой, князь Заборовскій съ княжой Тростенской. Ровно зналъ князь Алексѣй Юрьичъ,

Digitized by Google

что скоро перемѣна послѣдуетъ: только святки минули, и свадьбы играть стало невозбранно, онъ повѣнчался съ княжной.

Невеселая свадьба была; шла невѣста подъ вѣнецъ, что на смертную казнь, блѣднѣй полотна въ церкви стояла, едва на ногахъ держалась. Фаворитъ въ дружкахъ былъ... Опоздалъ онъ, и вошелъ въ церковь сумрачный. Съ кѣмъ ни пошепчется—у каждаго праздничное лицо горестнымъ станетъ; шепнулъ словечко новобрачному, и тотъ насупился. И стала свадьба грустнѣй похоронъ. И пира свадебнаго не было: по скорости гости разъѣхались, тужа и горюя, а о чемъ—не говоритъ никто. На утро спознала Москва,—второй императоръ при смерти.

Княгиня Марѳа Петровна и до свадьбы, и послѣ свадьбы ходила словно въ воду опущенная; новобрачный тоже день-ото-дня больше да больше кручинился... Про великаго государя вѣсти не добрыя: все тяжелѣй становилось ему. А была въ ту пору «семибоярщина». Съ семью верховными боярами и съ фаворитомъ князь Заборовскій заодно находился, и каждый Божій день во дворецъ къ больному царю ѣзжалъ. Только что великій государь преставился, пропалъ князь Алексѣй Юрьичъ, найти не могутъ, дѣвался куда. Ни молодой княгинѣ, ни въ дому ничего неизвѣстно: пропалъ безъ вѣсти да все тутъ. Мѣсяца черезъ два на Москвѣ объявился: съ Бирономъ вмѣстѣ изъ Митавы пріѣхалъ.

У курляндца все время въ чести пребывалъ, сама царица Анна Ивановна великимъ жалованьемъ его жаловала. Отъ того и княгиня Марѳа Петровна при дворѣ безотмѣнно находилась, и даже когда, бывало, самъ-отъ князь отпросится отъ службы въ Заборье гулять, княгиню Марѳу Петровну государыня съ мужемъ отпускать не изволила, каждый разъ указъ объявляла быть ей при себѣ. Сына родила княгиня Марѳа Петровна

Digitized by Google

князь Бориса Алексѣича. Государыня изволила его отъ купели принять и въ конную гвардію вахмистромъ пожаловать.

Мало радостей видала дóма княгиня Марѳа Петровна. Горькая доля выпала ей, доставалось супружество скорбное. Князь крутенекъ былъ, каждый день въ домѣ содомъ и гоморъ. — А пріѣдетъ хмѣленъ да распалится не въ мѣру, и кулакамъ волю дастъ... Княгиня тихая была, безотвѣтная; только, бывало, поплачетъ.

Съ перваго-же году сталъ князь отъ жены погуливать: ливонскія дѣвки у него на сторонѣ жили да мамзель изъ француженокъ. По скорости и въ дому завелись барскія барыни. И тутъ никому княгиня не жалобилась, съ одной подушкой горевала.

Покамѣстъ въ Питерѣ жили, княгиня частенько ѣзжала во дворецъ и въ дома знатныхъ персонъ. Весело-ль было ей, нѣтъ-ли, про то никому неизвѣстно. Только живучи въ Питерѣ, она ровно маковъ цвѣтъ цвѣла...

Получивши прощенье, пріѣхалъ въ Петербургъ Девьеровъ сынъ. Свидѣлись... И съ того часу въ конецъ разлютовался князь на жену свою. Зачахла она, и локоны носить перестала... Князь рѣдко и говорить съ нею сталъ, съ каждымъ днемъ лютѣй да лютѣй становился... Пока сынъ подросталъ, княгиня съ нимъ больше время проводила. Хоть учителей изъ французовъ и нѣмцевъ приставлено было къ маленькому князю вдоволь, однако-жъ княгиня Марѳа Петровна сама больше учила его и много за то отъ князя терпѣла: боялся онъ, чтобъ бабой княгиня сына не сдѣлала... Отпустивши его ужъ изъ Заборья въ Питеръ на царскую службу, стала княгиня ровно свѣча таять, и съ той поры жила какъ затворница. Только ее и видали, что въ именины да въ большіе праздники, когда, по

Digitized by Google

мужнину приказу, во всемъ парадѣ къ гостямъ выходила... И тутъ, бывало, мало кто отъ нея слово услышитъ, все, бывало, молчитъ. Сидя почти что безвыходно въ своей горницѣ, книги читала, Богу молилась, церковные воздухи да пелены шила. Гостей, бывало, наѣдетъ множество, господа и барыни съ барышнями пляшутъ до полночи, а княгиня молится. Тамъ музыка гремитъ, танцы водятъ, шумное пиршество идетъ, а княгиня на колѣняхъ передъ образомъ... Сколько разъ и спать приходилось ложиться ей не ужинавши: дѣвки вкругъ нея были верченыя—бросятъ, бывало, княгиню одну и пойдутъ глазѣть, какъ господа въ танцахъ забавляются... Начала княгиня глазами болѣть, книги читать стало ей невозможно.

Жилъ у князя на хлѣбахъ изъ мелкопомѣстнаго шляхетства Кондратій Сергѣичъ Бѣлоусовъ. Деревню у него сосѣдъ оттягалъ, онъ и пошелъ на княжіе харчи. Человѣкъ не молодой, совсѣмъ Богомъ убитый: еле душа въ немъ держалась, кроткій былъ и смиренный, вина капли въ ротъ не биралъ, во святомъ писаніи силу зналъ, все, бывало, надъ божественными книгами сидитъ и ни единой службы Господней не пропуститъ, прежде попа въ церковь придетъ, послѣ всѣхъ выйдетъ. И велѣла ему княгиня Марѳа Петровна при себѣ быть, сама читать не могла, его заставляла.

Выѣхалъ князь на охоту, съ самаго выѣзда все не задавалось ему. За околицей попъ на встрѣчу; только что успѣлъ съ попомъ расправиться, лошадь понесла, чуть до смерти не убила, русаковъ почти всѣхъ протравили, Пальма ногу перешибла. Распалился князь Алексѣй Юрьичъ: много арапникомъ работалъ, но сердце не утолилъ. Воротился подъ вечеръ домой мраченъ грозенъ, ровно туча громовая.

Письмо подаютъ. Взглянулъ, зарычалъ аки левъ.. Зеркала да окна звенятъ, двери да столы трещатъ.

Digitized by Google

Никто не пойметъ, на кого гнѣвъ простираетъ. Всѣ по угламъ да молитву творятъ...

— Княгиню сюда! — закричалъ.

Докладываетъ гайдукъ Дормедонтъ: княгиня сверху сойдти не могутъ, больны, въ постели лежатъ. Едва вымолвилъ тѣ слова Дормедонтъ, палъ аки снопъ... Пяти зубовъ потомъ не досчитался.

Самъ вломился къ княгинѣ. Кондратій Сергѣичъ возлѣ постели сидитъ, житіе великомученицы Варвары княгинѣ читаетъ.

— А!—зарычалъ князь. — И сына до того развратила, что на шлюхѣ женился, и сама съ любовниками полуночничаешь!..

И далъ волю гнѣву...

На другой день Кондратій Сергѣичъ безъ вѣсти пропалъ, а княгиня Марѳа Петровна на столѣ лежала.

Пышныя были похороны: три архимандрита, священниковъ человѣкъ сто. Хоть княгиню Марфу Петровну и мало кто зналъ, а всѣ по ней плакали. А князь, стóя у гроба, хоть бы слезинку выронилъ, только похудѣлъ за послѣдніе дни, да часто вздрагивалъ. Шесть недѣль нищую братію въ Заборьѣ кормили, кажду субботу деньги имъ по рукамъ раздавали, на человѣка по денежкѣ.

Въ сорочины весь обѣдъ съ Заборскимъ архимандритомъ князь бесѣду велъ отъ писанія. Толковали какъ душу спасать, какъ должно Христовъ законъ исполнять.

— Вотъ хоть бы покойницу мою княгинюшку взять,— со смиреньемъ и слезами говорилъ князь Алексѣй Юрьичъ,—ужъ, истинно уготовала себѣ мѣсто свѣтло, мѣсто злачно, мѣсто покойно въ селеніи праведныхъ... Что за доброта была, что за покорность!.. Да, отцы святіи, нелицемѣрно могу сказать, передалъ я Господу на пречистыя руки Его велію праведницу... Не подѣ-

Digitized by Google

ломъ наградилъ меня Царь небесный столь многоцѣннымъ сокровищемъ. Всему нашему роду красой была, аки лоза плодовитая: въ моемъ дому процвѣтала, всѣмъ была изукрашена: смиреніемъ, послушаніемъ, молчаніемъ, доброуміемъ, пощеніемъ, нищелюбіемъ, нескверноложіемъ... Единая у меня радость была!... Охъ, Господи, Господи!... Ужъ каково мнѣ, отцы святіи, прискорбно, ужъ каково-то мнѣ горько, и повѣдать вамъ не могу... Какъ я безъ княгинюшки останную-то жизнь стану мыкать?.. Кто домъ мой изобиліемъ наполнитъ?.. Кто за меня Бога умолитъ?

Утѣшаютъ князя архимандриты и попы словами душеполезными, а онъ сидитъ, кручинится, да такъ и разливается, плачетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ, — отцы преподобные, прискорбна душа моя даже до смерти! Не могу дольше жить въ семъ прелестномъ мірѣ, давно алчу тихаго пристанища отъ бурь житейскихъ... Прими ты меня въ число своей братіи, отче святый, не отринь слезнаго моленья: причти мя къ малому стаду избранныхъ, облеки во ангельскій образъ.—Такъ говорилъ архимандриту монастыря Заборскаго.

— Намѣреніе благое, сіятельнѣйшій князь, но дѣло Божіе должно творить съ разсужденіемъ, — отвѣчалъ архимандритъ.

— Чего еще разсуждать-то?.. Въ накладѣ не останешься: сорокъ тысячъ вкладу... Мало — такъ сто, мало—такъ двѣсти! Копить мнѣ некому.

— Сынъ у васъ есть, — замѣтилъ другой архимандритъ.

— Князь-отъ Борька?... Да коль хочетъ онъ шельмецъ, живымъ быть, такъ не смѣй ко мнѣ на глаза казаться!... И меня погубилъ, злодѣй, и матер свой смерть причинилъ!... Осрамилъ злодѣй наш княжую фамилію!... Честь нашу потерялъ, всему род

Digitized by Google

князей Заборовскихъ безчестье нанесъ!... Безъ спросу, безъ родительскаго благословенья на мелкой шляхтянкѣ женился!... Да ей бы, канальѣ, за великую честь было у меня за свиньями ходить!... Убилъ шельмецъ скареднымъ дѣломъ мою княгинюшку!... Какъ услыхала сердечная, про князь-Борькино злодѣйство, такъ и покатилась, тутъ-же съ ней кровяной ударъ и приключился...

И громко, навзрыдъ зарыдалъ князь Алексѣй Юрьичъ, поникнувъ головой на край стола.

— Въ несчастіи смириться должно, ваше сіятельство,—замѣтилъ одинъ архимандритъ...

— Не передъ княземъ ли Борькой смиряться мнѣ?..— вскрикнулъ князь Алексѣй Юрьичъ, быстро закинувъ назадъ голову и гнѣвно засверкавъ очами.—Хоть ты и архимандритъ, а выходишь дуракъ, да и тотъ дуракъ, кто тебя болвана архимандритомъ сдѣлалъ!... Мнѣ передъ щенкомъ, передъ сквернымъ поросенкомъ, князь Борькой смириться!... Нѣтъ, братъ, мирно съѣстъ!... Ты кутейникъ, ты не можешь понять, что такое значитъ шляхетская честь!... Да еще не просто шляхетская, а княжеская... Мы Гедеминово рожденье!... Этого въ пустую башку твою не влѣзетъ, хоть ты и въ Кіевѣ обучался!... Всѣ вы едино—одна жеребячья порода!... Не понять вамъ чести дворянской!... Смерды вы, въ подлости рождены, въ подлости и помрете, хоть патріархами сдѣлай васъ!... Передъ княземъ Борькой смиряться мнѣ!... Экъ что выдумалъ, долгогривый космачъ!... Я еще его въ бараній рогъ согну, покажу, какъ отца уважать надо... Іолушки мѣдной шельмецу не оставлю... Самъ женюсь, я еще, слава Богу, крѣпокъ. Другія дѣти будутъ; имъ все предоставлю. А князь Борька съ своей подлой шляхтянкой броди себѣ подъ оконьемъ, корись Христовымъ именемъ... За невѣстами у меня

Digitized by Google

дѣло не станетъ: каждая барышня пойдетъ съ удовольствіемъ. Не пойдетъ, чортъ съ ней, — на скотницѣ Машкѣ женюсь!...

Подъ эти слова стали «тризну» [1]) пить. Архидіаконъ Заборовскаго монастыря *«во блаженномъ успеніи»* возгласилъ, пѣвчіе *«вѣчную память»* запѣли. Всѣ встали изъ-за стола и зачали во святъ уголъ креститься. Князь Алексѣй Юрьичъ снопомъ повалился передъ образами и такъ зарыдалъ, что, глядя на него, всѣ заплакали. Насилу архимандриты поднять его съ полу могли.

На другой день много поролъ, и всѣхъ почти изъ своихъ рукъ. На кого ни взглянетъ, за каждымъ вину найдетъ. Шляхетнымъ знакомцамъ пришлось не втерпежъ, — бѣжать изъ Заборья сбирались. Въ такомъ гнѣвѣ съ недѣлю времени былъ. Полютовалъ, полютовалъ, на медвѣдя поѣхалъ. И съ того часу, какъ свалилъ онъ мишку ножемъ да рогатиной, и гнѣвъ, и горе какъ рукой сняло...

Старѣть сталъ, и грусть чаще и чаще на него находила. Сядетъ бывало, въ полѣ верхомъ на боченокъ, зачнетъ, какъ водится, изъ ковша съ охотой здравствоваться—вдругъ помутится, и ковшикъ изъ рукъ вонъ. По́ полю смѣхъ, шумъ, гамъ—тутъ мигомъ все стихнетъ. Побудетъ этакъ мало времени—опять просіяетъ князь.

— Напугалъ я васъ,—скажетъ. Эхъ, братцы, скоро умирать придется!.. Прощай, прощай вольный свѣтъ... Прости, прощай житье мое уда́лое...

Да вдругъ и гаркнетъ:

Пей, гуляй, перва рота,
Втора рота на работу...

Тысяча голосовъ подхватитъ. И зачнутся пляски, крикъ, попойка до темной ночи...

---

[1]) На похоронныхъ обѣдахъ славаютъ вмѣстѣ виноградное вино, пиво, медъ, и пьютъ въ концѣ стола. Это называется *тризн*

Digitized by Google

VII

Княгиня Варвара Михайловна.

Черезъ годъ послѣ кончины княгини Марѳы Петровны, привезли въ Заборье письмо отъ князя Борисъ Алексѣича. Прочиталъ его князь Алексѣй Юрьичъ, призвалъ старшаго дворецкато и бурмистра, и далъ имъ такой приказъ:

— Завтра князь Борька съ своей поскудной шляхтянкой въ Заборье пріѣдетъ. Никто бъ передъ ними шапки не ломалъ, попадется что на встрѣчу, лай имъ всякую брань. Ко мнѣ допустите, а коней не откладывать. Проучу скаредовъ, да тѣмъ же моментомъ назадъ прогоню. Слышите?

— Слушаемъ, ваше сіятельство.

— Смотрите жь у меня! Ухо востро́...

Чего не натерпѣлись князь Борисъ Алексѣичъ съ княгиней, ѣхавши по Заборью! Онъ, голову повѣся, молча сидѣлъ, княгиня со слезами на глазахъ, кротко, привѣтно всѣмъ улыбалась. На привѣты ея встрѣчные гали ее ругательски. Мальчишекъ сотни полторы села согнали: бѣгутъ за молодыми господами, «у-у!» ичатъ, языки имъ высовываютъ.

Князь въ залѣ — арапникъ въ рукѣ, глаза какъ у ка горятъ, голова ходенёмъ ходитъ, а самъ всѣмъ

Digitized by Google

тѣломъ трясется... Тайнымъ образомъ на всякъ случай священника съ задняго крыльца провели: можетъ, исповѣдать кого надо будетъ.

Вошли молодые. Гнѣвно и грозно кинулся къ нимъ князь Алексѣй Юрьичъ... Да, взглянувъ на сноху, такъ и остамѣлъ... Арапникъ изъ рукъ выпалъ, лицо лаской-радостью просіяло.

Молодые въ ноги. Не допустилъ снохѣ князь въ землю пасть, одной рукой обнялъ ее, другой за подбородокъ взялъ.

— Да ты у меня плутовка!—сказалъ ей ласково.— Глянь-ка, какая пригожая!... Поцѣлуй меня, доченька, познакомимся... Здравствуй, князь Борисъ, — молвилъ и сыну, ласково его обнимая.—Тебя-бы за уши надо подрать, ну да ужъ Богъ съ тобой... Что было — не смѣть вспоминать!...

Всѣ диву дались. И то надо сказать, что княгиня Варвара Михайловна такая была красавица, что дикаго звѣря взглядомъ бы своимъ усмирила.

Зашумѣли въ Заборьѣ, чтó пчелки на ульѣ. Всѣмъ былъ тотъ день великаго праздника радостнѣй. Какіе балы послѣ того пошли, какіе пиры! Никогда такихъ не бывало въ Заборьѣ. И тѣ пиры не на прежнюю стать; ни медвѣдя, ни юродивыхъ, ни шутовъ за обѣдомъ; шума, гама не слышно; а когда одинъ изъ большихъ господъ заговорилъ было про ночной кутежъ въ розовомъ павильонѣ, князь Алексѣй Юрьичъ такъ на него посмотрѣлъ, что тотъ хотѣлъ что-то сказать, да голосу не хватило.

А все было дѣломъ княгини Варвары Михайловны. Бывало скажетъ только: «полноте, батюшка-князь, такъ негодится»—и онъ все по ея слову. Миновали расправы на конюшнѣ—кошки велѣлъ въ кучу собрать и сжечь при себѣ... Барскихъ барынь замужъ повыдал изъ мелкопомѣстнаго шляхетства, которые оченно

Digitized by Google

водки охочи были и во хмѣлю не спокойны, по другимъ деревнямъ на житье разослалъ. Въ домѣ чистота завелась, во всемъ порядокъ. Даже на охотѣ не по-прежнему стало. Полно на боченокъ садиться, полно пить черезъ край; выпьетъ, бывало, чарку, другую, другимъ дастъ хлебнуть, а безъ мѣры пить не велитъ. «Не хорошо, говоритъ, неравно доченька узнаетъ, серчать станетъ».

И князя Борисъ Алексѣича полюбилъ, все на его руки сдалъ: и домъ, и вотчины.—«Я, говоритъ, старъ становлюсь; пора мнѣ и на покоѣ пожить. Ты, князь Борисъ, съ доченькой заправляйте дѣлами, а меня, старика, покойте да кормите. Не мнѣ надо, поживу съ вами годочекъ, другой, внучка дождусь, и пойду въ монастырь Богу молиться, да къ смертному часу готовиться».

Сына родила княгиня Варвара Михайловна. Сколько было радости! У всѣхъ на душѣ такъ легко, какъ будто Свѣтлое Воскресенье вдругорядъ пришло, а князь Алексѣю Юрьичу ровно двадцать годовъ съ костей скинуло. Возлѣ княгининой спальни девятеро сутокъ высидѣлъ, все наблюдалъ, чтобъ кто не испугалъ ее. Носитъ бывало внучка по комнатамъ, да тихонько колыбельныя пѣсенки ему напѣваетъ. Чуть пискнетъ младенецъ, тотчасъ бережно его въ дѣтскую, и тамъ сядетъ дѣдушка у колыбельки, качаетъ внучка. Въ крестины всей дворнѣ по цѣлковому рублю да по суконному кафтану пожаловалъ, двѣсти отпускныхъ выдалъ, барскихъ барынь, которыя замужъ не угодили, со двора долой. Павильоны досками велѣлъ забить, не мо-бъ туда ни входу, ни выходу... Одну Дуняшку гавилъ, и то тайкомъ отъ княгини Варвары Михайвны.

Шести недѣль не прожилъ маленькій князь. Съ кого горя князь Алексѣй Юрьичъ въ постелю слегъ,

Digitized by Google

два дня маковой росинки во рту у него не бывало, слова ни съ кѣмъ не вымолвилъ. Мало-по-малу княгиня же Варвара Михайловна его утѣшила. Сама, бывало, плачетъ по сынкѣ, а свекра утѣшаетъ, французскія пѣсенки ему сквозь слезы тихонько поетъ...

Году не длилось такое житье. Вѣдомость пришла, что прусскій король подымается, надо войнѣ быть. Князь Борисъ Алексѣичъ въ полкахъ служилъ, на войну ему слѣдовало. Сталъ собираться, княгиня съ мужемъ ѣхать захотѣла, да старый князь слезно молилъ сноху, не покидала бъ его въ одиночествѣ, представлялъ ей резоны, не женскому-де полу при войскѣ быть; молодой князь женѣ то жъ говорилъ. Послушалась княгиня Варвара Михайловна — осталась на горе въ Заборьѣ.

Слезное, умильное было прощанье!.. Послѣ молебна «въ путь шествующихъ», благословилъ сына князь Алексѣй Юрьичъ святою иконой, обнялъ его и много поучалъ: сражался бы храбро, себя не щадилъ бы въ бою, а судитъ Господь животъ положить — радостно пролилъ бы кровь и принялъ свѣтлый небесный вѣнецъ. — «Объ женѣ, князь говорилъ, ты не кручинься; будетъ ей и тепло, и покойно...» А когда княгиня Варвара Михайловна съ мужемъ стала прощаться, господа, шляхетные знакомцы и дворня навзрыдъ зарыдали... Смотрѣть безъ слезъ не могли, какъ обвилась она, сердечная, вкругъ мужа и безъ словъ, безъ дыханья повисла на шеѣ. Такъ безъ чувствъ и снесли ее въ постелю. Перекрестилъ жену князь Борисъ Алексѣичъ, поцѣловалъ и въ карету сѣлъ.

По отъѣздѣ заборовская жизнь еще тише пошл отъ того, что княгиня много грустила. Пріѣздъ бывал не великій, праздниковъ, обѣдовъ не стало. Князь Але ксѣй Юрьичъ не отходилъ отъ снохи, всячески ее спо коилъ, всячески утѣшалъ. Письма стали доходить от

Digitized by Google

молодаго князя; про баталіи писалъ, писалъ, что дальше въ Прусскую землю идти ему не велѣно, указано оставаться при полкахъ въ городѣ Мемелѣ. Княгиня веселѣй стала, а она весела — и все весело. Опять стали гости въ Заборье сбираться; опять пошли обѣды да праздники. И все было добро, хорошо, тихо и стройно.

Позавидовалъ врагъ рода человѣческаго. Подосадовалъ треклятый, глядя на новые порядки въ Заборьѣ. И вложилъ въ стихшую душу князь Алексѣй Юрьича помыслъ грѣховный, распалилъ стараго сластолюбца бѣсовскою страстью... Сталъ князь сноху на нечистую любовь склонять. Въ ужасъ княгиня пришла, услыхавши отъ свекра гнусныя рѣчи... Хотѣла образумить, да гдѣ ужъ тутъ!.. Вывелъ окаянный князя на стару дорогу...

— А! еретица!.. Честью не хочешь, такъ я тебѣ покажу.

И велѣлъ кликнуть Ульяшку съ Василисой: бабищи здоровенныя, презлющія.

— Ну-ка, — говоритъ. — По старинѣ!..

Закрутили бабы княгинѣ руки назадъ и тихимъ обычаемъ пошли по своимъ мѣстамъ. А князь гаркнулъ въ окошко:

— Рога!

Въ двѣсти роговъ затрубили, собачій вой поднялся и за тѣмъ содомомъ ничего не было слышно...

И пошла, поѣхала гульба прежняя, начались попойки денноночныя, опять визгъ да пляску подняли барскія барыни, опять стало въ домѣ кабакъ-кабакомъ... По прежнему шумно, разгульно въ Заборьѣ... И кошки да плети по прежнему въ честь вошли.

А про княгиню Варвару Михайловну слышно одно: ьна да больна. Никто ее не видитъ, никто не слы-тъ—ровно въ воду канула. Болтали, къ мужу-де въ мель просилась да свекоръ не пустилъ, отъ того-де ахворала.

Digitized by Google

Былъ въ княжеской дворнѣ отпѣтый головорѣзъ Гришка Шатунъ. Смолоду десять годовъ въ бѣгахъ находился; сказывали, въ Муромскомъ лѣсу, у Кузьмы Рощина въ шайкѣ онъ жилъ. Когда разбойника Рощина словили, Шатунъ воротился въ Заборье охотой... И князь Алексѣй Юрьичъ мало-по-малу его возлюбилъ, приблизилъ къ себѣ и зналъ черезъ него все, чтó гдѣ ни дѣлается. Терпѣть не могли Шатуна, ровно нечистой силы боялись его.

Перехватилъ окаянный письмо, чтó княгиня къ мужу послала. Прочиталъ старый князь и насупился. Цѣлый день взадъ да впередъ ходилъ онъ по комнатамъ, самъ руки назадъ, думу думаетъ да посвистываетъ. Ночи темнѣй—не смѣетъ никто и взглянуть на него...

Изъ Зимогорска отъ губернаторскаго секретаря письмо подаютъ. Пишетъ секретарь, держалъ бы князь ухо востро́; губернаторъ-де съ воеводой хоть и пріятели вашего сіятельства, да забыли хлѣбъ-соль: получивши жалобу княгини Варвары Михайловны, розыскъ въ Заборьѣ вздумали дѣлать.

Опять молча, одинъ одинешенекъ цѣлый день ходилъ князь по комнатамъ дворца своего. Не ѣлъ, не пилъ, все думу какую-то думалъ... Вечеромъ Гришку позвалъ. Держалъ его у себя чуть не дó свѣту.

На друоой день приказъ — снаряжать въ дорогу княгиню Варвару Михайловну. Отпускалъ къ мужу въ Мемель. Осеннимъ вечеромъ—а было темнó, хоть глазъ уколи—карету подали. Княгиня прощалась со всѣми, подошелъ старый князь—вся затряслась, чуть не упала.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, говоритъ онъ,—прощай сношенька... Сажайте княгиню въ карету.

Посадили. Сзади сѣли Ульяшка съ Василисой, на козлахъ Шатунъ.

Digitized by Google

Ночью князь въ саду пробылъ не малое время... Своими руками Розовый павильонъ заперъ и ключъ въ Волгу бросилъ. Всѣ двери въ садъ заколотили, и былъ отданъ приказъ близко къ нему не подходить.

Въ ту же ночь безъ вѣсти пропала Никифора конюха дочь. Чудное дѣло!.. Недѣли четыре дѣвку лихоманка трепала — жизни никто въ ней не чаялъ, и вдругъ сбѣжала... Съ той поры объ Аришкѣ ни слуху, ни духу... Много чудились, а зря языкъ распускать никто не посмѣлъ...

Проводивши княгиню, Гришка Шатунъ съ обѣими бабами домой воротился. Докладываетъ, княгиня-де Варвара Михайловна на дорогѣ разнемоглась, приказала остановиться въ такомъ-то городѣ, за лѣкаремъ послала; лѣкарь былъ у нея, да помочь ужъ было нельзя, черезъ трое сутокъ княгиня преставилась. Письмо князю подалъ отъ воеводы того города, отъ лѣкаря, что̀ лѣчилъ, отъ попа, что̀ хоронилъ. Взялъ письма князь и не читавши сунулъ въ карманъ.

По кончинѣ князя Алексѣя Юрьича, Василиса каялась, что княгиню Варвару Михайловну, только что изъ Заборья они выѣхали, задней дорогой подвезли къ Розовому павильону, а на мѣсто ея посадили въ карету больную Аришку. Когда же дорогой Аришкѣ смерть приключилась, замѣсто княгини ее схоронили.

Гришки съ Ульяшкой скоро не стало. На другой, либо на третій день послѣ того, какъ они воротились, послалъ ихъ князь по какому-то дѣлу за Волгу. Осень была, по рѣкѣ «сало» пошло. Поѣхалъ Шатунъ съ Ульяшкой, стало ихъ затирать, лодчонка плохая—по-ли ко дну... Когда закричали въ Заборьѣ, наши-де тутъ, на вѣнцѣ горы сталъ недвижимъ князь Алексѣй Юрьичъ, руки за спину заложивши. Вѣтеръ шляпу сдувалъ, а онъ стоитъ, глазъ не сводитъ; зорко глядитъ на людскую погибель, сѣдые волосы вѣтеръ такъ

Digitized by Google

и развѣваетъ... Пошли ко дну, перекрестился, и тотчасъ домой...

Василиса наканунѣ того дня сбѣжала. Разлютовался князь. «Подавай Василису живую иль мертвую». Докладываютъ: пошла къ свату въ сосѣдню деревню, захмелѣла, легла спать въ овинѣ, овинъ сгорѣлъ и Василиса въ немъ... Строгіе розыски дѣлалъ, самъ на овинное пожарище ѣздилъ, обгорѣлыя косточки тростью пошевырялъ. Увѣрился, стихъ.—А тѣ обгорѣлыя кости были не Василисины, а нѣкоего забѣглаго шатуна, что́ шелъ въ Заборье на княжіе харчи. Шелъ на волю да на пьяное житье, попалъ въ овинъ, а оттуда въ жизнь вѣковѣчную... И то дѣло Василисинъ деверь состряпалъ. Былъ онъ на ту пору великъ человѣкъ у князя Алексѣя Юрьича.

Концы въ воду, басни въ кустъ, утѣшаетъ себя князь. Двадцать розысковъ наѣзжай — ничего не розыщутъ.

Запили, загуляли—чуть не всѣ погреба опростали. Двѣ недѣли всѣ пьяны были безъ просыпу. А изъ города вѣсти за вѣстями—розыскъ ѣдетъ, а князю и горюшка нѣту—гуляетъ!.. Большихъ господъ на ту пору ужъ не было, и мелкое шляхетство стало рѣдѣть, знакомцы и тѣ кажду ночь по два, да по три человѣка зачали бѣгать. Иные, помня княжую хлѣбъ-соль, докладывали ему, поберегся бы маленько, ходятъ-де слухи, розыскъ въ Заборье готовятъ... У князя одинъ отвѣтъ: «Это будетъ когда чортъ умретъ, а онъ еще и не хварывалъ. Пріѣдетъ губернаторъ—милости просимъ: плети готовы»... А шляхетство все тягу, да тягу. Пришлось подконецъ князю съ одними холопами бражничать. На что піита—и тотъ сбѣжалъ.

Середь залы боченки съ виномъ. И пьютъ, и льютъ, да тутъ же и спятъ вповалку. Дѣвки — въ чемъ мать на свѣтъ родила, волосы раскосмативши, по всему

Digitized by Google

дому скачутъ да срамныя пѣсни поютъ. А князь немытый, небритый, нечесаный, въ одной рубахѣ, на коврѣ середь залы возлѣ боченка сидитъ, да только покрикиваетъ: «Эй вы, черти, веселѣе!.. Головы не вѣшай, хозяина не печаль!..»

Что́ денегъ онъ тогда безъ пути разбросалъ... Дѣвкамъ пригоршнями жемчугъ дѣлилъ, серьги, перстни, фермуары бриллiантовые, матерiи всякiя раздаривалъ, бархаты...

Разъ подъ утро узнаютъ: розыскъ наѣхалъ... Стихла гульба.

— По мѣстамъ! сказалъ князь:—были бы плети на готовѣ.—Я ихъ розыщу!

Приходитъ майоръ, съ нимъ двое чиновныхъ. Князь въ гостинной во всемъ парадѣ: въ пудрѣ, въ бархатномъ кафтанѣ, въ кавалерiи. Вошли тѣ, а онъ чуть привсталъ и на стулья имъ не показываетъ, говоритъ: «зачѣмъ пожаловать изволили?»

— Велѣно намъ строжайшiй розыскъ о твоихъ скаредныхъ поступкахъ съ покойной княгиней Варварой Михайловной сдѣлать.

— Что-о?—крикнулъ князь и ногами затопалъ.—Да какъ ты смѣлъ, пащенокъ, холопскiй свой носъ ко мнѣ совать?.. Не знаешь, развѣ, кто я?.. Отъ кого присланъ?.. Отъ воеводы шельмеца, аль отъ губернатора мошенника?.. И они у меня въ передѣлѣ побываютъ... А тебя!.. Плетей!..

— Уймись,—говоритъ майоръ.—Со мной шкадронъ драгунъ, а присланъ я не отъ воеводы, а изъ тайной канцелярiи, по именному ея императорскаго величества указу...

Только вымолвилъ онъ это слово, всѣмъ тѣломъ грясся князь. Схватился за голову, да одно слово ердитъ: «охъ, пропалъ... охъ, пропалъ!»

Подошелъ къ майорѣ смирнехонько, божится, что

Digitized by Google

знать ничего не знаетъ и ни въ чемъ не виноватъ, что еслибъ жива была княгиня Варвара Михайловна, сама бы невинность его доказала.

— Покойница княгиня о твоихъ богомерзкихъ дѣлахъ своей рукой ея императорскому величеству челобитную писала. Гляди!

И показалъ княгинино челобитье.

— Прозѣвалъ, значитъ, Шатунъ!.. — прошепталъ князь.—Счастливъ, что на свѣтѣ нѣтъ тебя.

— Въ силу даннаго намъ указа, — говоритъ майоръ;—во все время розыска быть тебѣ, князь Алексѣй княжъ Юрьевъ сынъ Заборскій, въ своемъ домѣ подъ жестокимъ карауломъ. Для того и драгуны ко всѣмъ дверямъ приставлены. Выхода отсель тебѣ нѣтъ.

Голосу у князя не хватаетъ.

Столы раскладываютъ, бумаги кладутъ, за столъ садятся, ничего князь не видитъ: стоитъ глаза въ уголъ уставивши, одно твердитъ: «Охъ, пропалъ, охъ, пропалъ!...»

А майоръ розыскъ зачинаетъ. Говоритъ:

— Князь Алексѣй княжъ Юрьевъ сынъ Заборскій. По именному ея императорскаго величества указу изъ тайной канцеляріи изволь намъ по пунктамъ показать доподлинную и самую доточную правду по взведенному на тебя богомерзкому и скаредному дѣлу...

— Не погуби!.. Смилуйся! Будьте отцы родные, не погубите старика!.. Ни впредь, ни послѣ не буду... Будьте милостивы!..

И повалился князь въ ноги майору.

Великъ былъ человѣкъ, архимандритовъ въ глаза дураками ругалъ, до губернатора съ плетьями добраться хотѣлъ, а какъ грянулъ царскій гнѣвъ—майору въ ножки поклонился.

— Не погубите!..—твердитъ.—Въ монастырь пойду, въ затворъ затворюсь, схиму надѣну... Не погубите,

Digitized by Google

милостивцы!.. Золотомъ осыплю... Что ни есть въ дому, все ваше, все берите, меня только не губите...

— Бстань,—говоритъ майоръ.—Не стыдно ль тебѣ? Вѣдь ты дворянинъ, князь.

— Какой я дворянинъ!.. Что мое княжество!... Холопъ я твой вѣковѣчный: какъ же мнѣ тебѣ не кланяться?.. Милости вѣдь прошу. Теперь ты великъ человѣкъ, все въ твоихъ рукахъ, не погуби!.. Двадцать тысячъ рублевъ сейчасъ выдамъ, только бы все въ мою пользу пошло.

— Полно бездѣльныя рѣчи нести, давай отвѣтъ въ сулу даннаго намъ указа.

Поднялся князь на ноги, скрѣпнлъ себя, грозно нахмурился, и глухо отвѣтилъ:

— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Смотри, не пришлось бы намъ ту комнату застѣнкомъ сдѣлать. Не хочешь добромъ подлинной правды сказать—другія средства найдемъ: кнутъ не ангелъ—души не вынетъ, а правду скажетъ.

Опустился на кресло князь, побагровѣлъ весь, глаза закатились, еле духъ переводитъ.

— Ой, пропалъ!.. твердитъ.—Ой, не снесу!...

Посмотрѣлъ на него майоръ... Остановилъ розыскъ до другаго дня,

Къ князю никого не допускаютъ. Ходитъ одинъ-одинешенекъ по запустѣлому дому, волосы рветъ на себѣ, воетъ въ источный голосъ.

Идетъ по портретной галлереѣ, взглянулъ на портретъ княгини Варвары Михайловны, — и сталъ какъ вкопаный...

Чудится ему, что лицо княгини ожило, и она со скорбью, съ укоромъ головкой качаетъ ему...

Грянулся о полъ... Языкъ отнялся, движенья не стало.

Подняли, въ постель уложили. Что-то маячитъ, но

Digitized by Google

понять не возможно, а глаза такъ и горятъ. Майоръ посмотрѣлъ, за лѣкаремъ послалъ, людей допустилъ.

Кинулъ лѣкарь руду. Маленько полегчало. Хоть косно, а сталъ кой-что говорить. Дворецкаго подозвалъ.

— Замажь,—говоритъ,—лицо на портретѣ княгини Варвары Михайловны. Сію же минуту замажь.

Замазали. Докладываютъ.

— Ладно, молвилъ.—Не скажу теперь майору.

Думали, бредитъ, взглянули—духу нѣтъ...

Такъ розыску и не было.

Сельцо Ляхово.
1856.

Digitized by Google

МЕДВѢЖІЙ УГОЛЪ

(Разсказъ)

Въ Зимогорской губерніи есть уѣздный городъ Чуровъ — глушь страшная.

Тому городу другаго имени нѣтъ, какъ Медвѣжій Уголъ.

Что за дорога туда! Ровная, гладкая—ни горки, ни косогора, ни изволочка, — скатерть-скатертью. Мѣста сыроваты, но грунтъ хрящевикъ: цѣлое лѣто ливмя лей, грязей не будетъ.

Не перероютъ чубаровску дорогу водороины, не наплыветъ на нее съ боковъ текучей грязи и всякой мерзости, и въ рабочую пору разсыльный не выгонитъ на нее мужика, съ лопатой на плечѣ да съ краюхой хлѣба на пестерѣ, верстъ за двадцать отъ дому — чинить путь-дорогу ради благополучнаго проѣзда его превосходительства господина губернатора.

Благодарятъ Создателя мужики чубаровскіе, не больно обидна по ихнимъ мѣстамъ повинность дорожная. Зато скорбятъ, плачутся и Богу жалуются тѣ, кому судьба даровала жребій заправлять натуральными по-

Digitized by Google

винностями. Съ какой завистью, съ какой затаенной злобой смотритъ исправникъ чубаровскій на уѣзды сосѣдніе! Тамъ и глинка размывистая, и горы съ изволоками, и топи, и гати — и заготовка фашинника!.. — Не столь попъ великому посту да богатому покойнику радъ, сколько рады въ тѣхъ уѣздахъ исправники октябрю мѣсяцу, когда росписаніе дорожныхъ участковъ составляется. А въ Чубаровѣ, въ этомъ «чортовомъ болотѣ», не то что отъ росписанія, отъ самаго даже развода участковъ никакой поживы нѣтъ. «Плохой уѣздъ, алтынный уѣздъ!..» говорятъ про него и въ губернскомъ правленіи, и въ губернаторской канцеляріи.

Пытался исправникъ чубаровскій, Иванъ Алексѣичъ Чирковъ, избыть бѣду неизбывную, пытался исправить— бѣду непоправимую. Вздумалъ дѣло сотворить и самому бы тепленько было, и кого послѣ него дворянство въ исправники выберетъ, помянулъ бы добромъ предмѣстника, панихиду-бъ отпѣлъ за упокой души его. Не удалось...

Получаетъ отъ губернатора предписаніе. Требуетъ, онъ, «для государственныхъ соображеній, подробнаго и тщательнаго описанія дорогъ почтовыхъ, торговыхъ, проселочныхъ, какъ искусственныхъ, такъ и грунтовыхъ, съ показаніемъ удобствъ и неудобствъ оныхъ, какъ въ видахъ административной коммуникаціи, такъ и въ отношеніи къ вящему распространенію мѣстной торговли и промышленности, представивъ притомъ свои соображенія о проложеніи новыхъ болѣе удобныхъ путей сообщенія, въ видахъ общей государственной пользы».

Иностраннымъ языкамъ Иванъ Алексѣичъ не обучался, потому «административной коммуникаціи» разумѣлъ, но на «споспѣшествованіи» придумалъ шту разыграть.

Какъ дважды два доказалъ онъ губернскому нача

Digitized by Google

нику, что народъ обѣднялъ и промыслы упали, и въ торговлѣ застой оказался, самое даже отечество бѣдствуетъ единственно по той причинѣ, что чубаровская почтовая дорога проложена не тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть. Для «вящаго преуспѣянія и споспѣшествованія къ развитію», Иванъ Алексѣичъ придумалъ новую дорогу тамъ проложить, гдѣ самъ лѣшій подумавши ходитъ. Зато, сколько мостовъ, сколько гатей!.. Всѣ эти топи, мочажины, болота, теперь лежащія впустѣ, не принося никому пользы, уже представлялись ему богатой оброчной статьей въ видѣ гатей, ежегодно перестилаемыхъ, мостовъ, каждый годъ перекрашиваемыхъ. Во снѣ и наяву мерещится ему, какъ изъ вонючихъ, никуда негодныхъ болотъ прыгаютъ въ карманъ золотенькіе, и сыплются пачки бумажекъ радужныхъ. Прекраснымъ благодатнымъ мѣсяцемъ сталъ для него холодный, дождливый октябрь!

Жидъ Мессію иль концессію на желѣзную дорогу такъ ждетъ, какъ ожидалъ Иванъ Алексѣичъ разрѣшенія на свое представленіе. И вдругъ: «будетъ въ виду вашъ проектъ при общемъ соображеніи объ устройствѣ грунтовыхъ дорогъ въ государствѣ».

Ждетъ Иванъ Алексѣичъ общаго соображенія, ждетъ, ждетъ, и вдругъ умираетъ, запарившись въ банѣ: русскій человѣкъ, по-русски и померъ. Былъ оплаканъ семьей, секретаремъ и становыми. Почесала въ затылкѣ губернаторская канцелярія, сморщилось губернское правленіе; его превосходительство при всѣхъ изволилъ сказать: «Жаль — исправникъ былъ расторопный».

И приказалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ некрологъ его напечатать.

Прошло немало времени и послѣ блаженной кончины Ивана Алексѣича, разрѣшенія на представленіе не было. До сихъ поръ благодарятъ Создателя мужики чубаровскіе, что не обидна имъ повинность дорожная, до

Digitized by Google

сихъ поръ скорбятъ, плачутся, Богу жалуются тѣ, кто вѣдаетъ въ Чубаровскомъ уѣздѣ натуральными повинностями.

Хороша дорога въ Чубаровъ,—скатерть-скатертью.

Подъ самымъ городомъ вдругъ стало меня немилосердно поталкивать. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Заметало тарантасъ во всѣ стороны, того и гляди — на бокъ. Во весь опоръ скакавшія лошади шагомъ пошли.

— Что за дорога? вскрикнулъ я.

— Городская,—отвѣчалъ ямщикъ.

Такіе плоды преуспѣянія городскаго хозяйства обыкновенны. Съ терпѣньемъ Іова ждалъ я минуты, когда подъѣду къ длинному, версты на полторы черезъ болото построенному мосту. Другой конецъ его упирался въ главную и единственную городскую улицу. Издали бѣлѣлась и свѣтлѣлась широкая гладь мостоваго полотна. «Ну, думаю, отдохнутъ мои косточки».

Не тутъ-то было: ямщикъ своротилъ направо, и потащился топкимъ болотомъ; колеса вязли по ступицу, добрые кони едва духъ переводили.

— Куда ты, куда ты?—крикнулъ я ямщику.—Ступай по мосту.

— По мосту?

— Заказанъ. Вонъ и шлахбанъ спущенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возлѣ развалившейся будки былъ спущенъ ветхій шлахбаумъ. Кромѣ воронъ, сидѣвшихъ на перилахъ, да квакавшихъ въ болотѣ лягушекъ, ничего живаго вкругъ не было, но никто не дерзалъ, поднявъ шлахбаумъ, проѣхать заповѣднымъ мостомъ. Столь свято исполняются въ Зимогорской губерніи начальственныя распоряженія. — Губернія благонадежная...

— Отчего-жъ по мосту нѣтъ ѣзды.

Digitized by Google

— Заказано. Казенный сталъ, берегутъ, отвѣтилъ ямщикъ.

— Зачѣмъ же его строили?

— А губернаторъ наѣдетъ, либо изъ нáбольшихъ кто

— Давно ль такіе порядки?

— Не такъ чтобъ давно,—отвѣчалъ ямщикъ, помахивая кнутомъ надъ лошадьми...—Эхъ вы, голубчики, ну, ну, ну—у!.. Съ самыхъ съ тѣхъ поръ, какъ мосты да дороги на земство поворотили, и зачали ими алхитехтуры заправлять... Эхъ, вы, ну, ну!.. А прежде дорога и здѣсь была знатная, и пó мосту ѣздили всѣ невозбранно... Ну, ну, соколики!

— Отчего жь запретили пó мосту ѣздить?

— Кто ихъ знатъ?.. Такіе порядки!.. Эхъ, ну, ну, вы!.. Кормиться тоже и алхитехтурамъ надо, безъ того нельзя!.. Эхъ вы, матушки, вывози, вывози, поштенныя!.. Ѣсть, пить всякому надо... Только нашему брату совсѣмъ бѣда!.. Глядь-ка, кака маята кóнямъ-то!.. Ну, тащи, тащи, соколики!.. А прежде алхитехтуровъ да анженеровъ слыхомъ не слыхать!.. Эхъ, ну, ну, вы!

Мучимые комарами, что толклись надъ болотомъ, съ полчаса промаялись мы. Проѣзжая мимо моста съ тоненькими, старенькими стойками, понялъ я расчетъ строителей. Сдѣлавшись съ подлежащей властью, то ль еще творятъ они по глухимъ мѣстамъ, такія ль еще бѣды строятъ народу Божьему! А все больше поляки да нѣмцы.

Въ «Медвѣжьемъ Углу» гостинницъ нѣтъ. Привезли меня къ Абрамовнѣ, чтó содержитъ единственный въ городѣ постоялый дворъ. По счастью, нашлась порожняя горенка; тамъ кой-какъ я расположился. Объ удобствахъ рѣчи не было, и за то слава Богу, чтó комнатка нашлась.

Не успѣлъ оглядѣться, какъ услышалъ сильнѣйшій

Digitized by Google

храпъ. Кто-то рядомъ отдыхалъ въ часъ полуденный. Богатырскіе звуки неслись изъ сосѣдней горенки, куда вела растворчатая, сильно покоробленная и не очень плотно затворявшаяся дверь. Она была заперта чернымъ, рѣпчатымъ замкомъ [1]) на двухъ кóльцахъ. Вошла здоровенная дѣвка въ засаленномъ, темносинемъ, китаечномъ сарафанѣ, пестромъ ситцевомъ передникѣ и сильно поношенномъ шелковомъ платкѣ на головѣ

— Самоварчикъ вашей милости не поставить ли?

— Какой теперь самоваръ!.. Кто это у васъ такъ похрапываетъ?

— А Гаврила Матвѣичъ,—отирая передникомъ потное лицо, отвѣчала работница Абрамовны..

— Какой Гаврила Матвѣичъ?

— А Уткинъ Гаврила Матвѣичъ, подрядчикъ, — отвѣчала работница, удивленная моимъ незнаньемъ такой знаменитости. — Острогъ строитъ, наѣзжаетъ за работой приглядѣть. Завсегда у Ѳедосьи Абрамовны становится.

— Купецъ? — спросилъ я.

— Какъ вашей милости сказать? Не больно разумѣю я отвѣтить-то... Купецъ, надо быть,—молвила работница. — Пишется деревни Бѣлавки удѣльнымъ крестьяниномъ, вотъ недалече отсель деревня Бѣлавка есть. Тамъ и домъ у него, и крупчатка о четырехъ поставахъ, фабрику недавно полотняную поставилъ въ Бѣлавкѣ-то. Самъ-отъ больше въ губерніи [2]) проживаетъ. По всему какъ есть купецъ. По свидѣтельству что ль какъ-то торгуетъ, не умѣю сказать доподлинно: наше дѣло женское—до всякой точности не доходимъ. Да вы дальній, видно?

— Дальній.

---

[1]) Черный, т.-е. желѣзный висячій замокъ. Рѣпчатый — наподобіе сплюснутаго шара, рѣпой.

[2]) Въ губернскомъ городѣ.

Digitized by Google

— То-то.

— А почемъ ты узнала, что дальній я?

— А Гаврилы-то Матвѣича не знаете. Его всѣ знаютъ. И начальство, и всѣ большіе господа.

— Вотъ какъ!

— Да-а... Гаврилу Матвѣича всѣ знаютъ. Такъ самоварчикъ не потребуется?

— Нѣтъ, не потребуется.

— Ну, ладно.

Ушла. А храпъ Гаврилы Матвѣича громче да громче раздавался по моему «покойчику». Силъ не стало, и хоть жаръ еще не свалилъ, хоть и усталъ я съ дороги, но — не слыхать бы этого храпу, пошелъ смотрѣть на Медвѣжій Уголъ.

Городъ какъ городъ. Каменный соборъ на грязной, немощеной базарной площади, нескончаемые заборы, незатѣйливой наружности бревенчатые домики, дырявые тротуары, заваленныя всякой гадостью и травой поросшія улицы, каменныя присутственныя мѣста, развалившаяся больница, ветхій навѣсъ съ пустыми разсохшимися бочками, съ испорченными пожарными трубами,—словомъ, то, что́ каждый видалъ не въ одномъ десяткѣ русскихъ городовъ. Не по торговымъ иль промышленнымъ надобностямъ возникали наши Чубаровы... При учрежденіи губерній ткнули пальцемъ на картѣ, сказали: «быть городу», и сталъ городъ. Оттого тѣмъ городамъ и чужда̀ городская жизнь. Сколь бы ни хлопотали о хозяйствѣ «медвѣжьихъ угловъ», какіе бъ ни сочиняли инвентари ихъ имуществъ, какія бъ ни прозводили изслѣдованія, какъ бы затѣйливо ни составляли росписи доходовъ и расходовъ, по силѣ коихъ, безъ разрѣшенія высшаго начальства, лишней метлы купить нельзя,—«медвѣжьи углы» на вѣки вѣчные останутся «медвѣжьими углами». Зато се́ла, что́ на бо́йкихъ, привольныхъ мѣстахъ построены, за-

Digitized by Google

просто, какъ Богъ послалъ—съ каждымъ годомъ богатѣютъ, каменные дома въ тѣхъ селахъ, что грибы, растутъ, кипитъ торговля, заводятся училища, больницы, даже библіотеки. Иваново, Павлово, Лысково, Кукарка,—сравните съ ними «медвѣжьи углы»... Гдѣ городъ, гдѣ деревня?..

Въ полчаса весь городъ узналъ. Ни единой живой души, ни единаго звука, ровно чума прошла, ровно вымеръ Чубаровъ... Спитъ, плотно пообѣдавши, «Медвѣжій Уголъ». Изъ города, спящаго сномъ временнымъ, пошелъ я въ городъ спящихъ непробуднымъ сномъ. Тамъ, середь простыхъ крестовъ и голубцовъ, виднѣлись кой-гдѣ каменные памятники да обитые жестью столбики, строенные по правиламъ доморощеннаго зодчества... Читаю надгробныя надписи. Кромѣ изреченій изъ священнаго писанія, встрѣчаются другія.

«Подъ камнемъ симъ лежитъ коллежскій секретарь Котовъ,
«Рожденъ былъ отъ дворянъ, отечеству служить готовъ,
«Отецъ дѣтей невинныхъ и плачущей вдовы супругъ,
«Въ жизнь добродѣтеленъ, онъ умеръ вдругъ,
«Не могши избѣжать той горестной судьбины,
«Чтобъ не вкусить грозящей намъ кончины.»

Вообще надписи длинноваты! Съ надлежащей подробностью означается, за сколько лѣтъ имѣлъ покойникъ безпорочную пряжку, сколько лѣтъ оставалось ему дослужиться до слѣдующаго чина и что подъ судомъ и слѣдствіемъ не находился... Чубаровскіе покойники ранга невысокаго: коллежскіе секретари, титулярные совѣтники, есть маіоръ... Однако, нѣтъ! позвольте—вотъ памятникъ знатнаго человѣка:

«Подъ симъ камнемъ погребено тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣт-
«ника, Россійскаго Императорскаго Двора оберъ-камергера, россійскихъ
«орденовъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Святаго Благовѣр
«наго Князя Александра Невскаго и Святаго Равноапостольнаго Князя
«Владиміра 1-го класса, прусскаго Чернаго Орла, датскаго Слона и шве-
«скаго Серафимовъ, князя Алексѣя княжь Михайловича (фамилія стер-
«лась)... двороваго его человѣка Полуехта Спиридонова.»

Digitized by Google

Возвращаясь съ кладбища, пошелъ я къ острогу. Рабочіе выспались и косно брались за работу. Въ ямѣ съ известкой два парня бѣзъ толку болтали весёлками, работа не спорилась, известка сваривалась въ комья. Къ неумѣлымъ подошелъ крѣпкій, коренастый: невысокаго роста старикъ. Хоть и стояли іюльскіе жары, на немъ была надѣта поношенная, крытая синей крашениной шубенка, а на головѣ мѣховой малахай.

— Эхъ, вы, горе-ребята!..—молвилъ онъ, подойдя къ известковой ямѣ.—Замѣстить-то, пострѣлы, путемъ не умѣете!... А туда-жь каменьщики!.. Эхъ, вы!... Дай-ка весёлко-то.

И взявши весёлко, старикъ такъ пошелъ работáть, что молодому бы въ-пóру.

— Эхъ, ты—яма, матушка!..—онъ приговаривалъ. —Хозяина дожидалась!..Смотри горе-ребята, гляди какъ мѣсить слѣдуетъ. Вотъ какъ, вотъ какъ!.. А вы что?.. Кисельники!.. Гляди-ка ты!..—Вотъ какъ, вотъ какъ слѣдуетъ!.. А тоже каменьщики!.. Эхъ вы, горе!..

Да сразу и замѣсилъ.

— Ванюха!.. Для че перекладину-то мало запущаешь?.. Какая тутъ прочность будетъ?.. Не на одинъ годъ строится... Глубже пущай.

— Алхитехтуръ такъ велѣлъ, Гаврила Матвѣичъ,— отозвался подмастерье, прилаживая перекладину надъ ворóтами.

— Знаетъ плѣшиваго бѣса твой алхитехтуръ!.. А лѣтъ черезъ пять стѣна трещину дастъ, тогда твоего алхитехтура ищи да свищи, а мнѣ отъ начальства остуда... Надо, Ванюха, всяко дѣло дѣлать по-божески... ущай, пущай-ка ты ее глубже. Пущай!..

И вездѣ, во всѣхъ мелочахъ зоркій глазъ Гаврилы атвѣича мѣтко слѣдилъ за работой. Во всѣхъ его споряженьяхъ виденъ былъ не такой подрядчикъ, какимъ всѣ привыкли. Не хотѣлось ему строить

Digitized by Google

каженнаго дома на живую нитку: начальству въ угоду, архитектору на подмогу, себѣ на разживу, а развалится послѣ свидѣтельства, чортъ съ нимъ: — слабый грунтъ, значитъ, вышелъ — вина не моя, была воля Божія.

Заговорилъ я съ Гаврилой Матвѣичемъ. Сначала старикъ не больно распоясывался, кинетъ нехотя словечко, и пойдетъ покрикивать на Ванекъ да на Гришекъ. Но когда я назвалъ себя старику, онъ спросилъ меня:

— Не про тебя ль, баринушка, слыхалъ я отъ нашего управляющаго, отъ Ивана Владимірыча?

— Можетъ статься. Знакомъ съ нимъ.

— Такъ и есть... Слыхалъ про тебя. Знаю, что Иванъ Владимірычу ты пріятель, значитъ, человѣкъ хорошій, худого человѣка онъ не похвалитъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, Гаврила Матвѣичъ. Стало быть, довольны Вы Иваномъ Владимірычемъ?

— Неча и говорить!.. На начальство-то не похожъ, вотъ каковъ человѣкъ!.. Одно слово: человѣкъ-душа. И всяку крестьянску нужду знаетъ, ровно родился въ банѣ, выросъ на палатяхъ. И говоритъ-то по нашему, по-русски то-есть, не какъ иные господа, что ихней рѣчи и въ толкъ не возьмешь. Всяко крестьянско дѣло знаетъ, а законъ даетъ по правдѣ да по любви. — Такой баринъ, что живи за нимъ, что́ за каменной стѣной, самъ только будь хорошъ да поступай по правдѣ да по любви.

— Подрядами занимаешься?..—спросилъ я.

— И подрядами маленько займуюсь,—отвѣтилъ Гаврила Матвѣичъ. — Да пропадай они, эти подряды!. Бѣдовое, баринъ, дѣло.

— А что?

— Да что!.. Обиды много, толку мало... Извѣстно-дѣло казенное, каждому желательно руки погрѣть.

Digitized by Google

казну забижаютъ, и нашего брата не забываютъ. Не приведи Господи!

— Кто жь?

— У кого глаза во лбу да руки на плечахъ. Лѣнивый только обиды тебѣ не сдѣлаетъ... Слышь ты, Митрей! Клади кирпичъ-отъ ровнѣй. Гдѣ у тя глазате? Эхъ ты, голова съ мозгомъ!

— А вѣдь мы съ тобой, Гаврила Матвѣичъ, сосѣди.

— Какъ такъ?

— Вѣдь ты на постояломъ?

— У Абрамовны.

— И я тамъ же. Рядомъ съ тобой.

— Ой-ли?

— Да.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ ко дворамъ-то. По пути будетъ.

— Пойдемъ, Гаврила Матвѣичъ.

Весь вечеръ просидѣлъ я со старикомъ. Сначала былъ онъ не очень разговорчивъ: хвалилъ Ивана Владимірыча, толковалъ про обиды, а въ чемъ тѣ обиды— не сказывалъ. Подъ конецъ разговорился.

— Казенное дѣло,—сказалъ онъ,—оттого дорого, что всякъ человѣкъ глядитъ на казну, что на свою мошну: лапу запускаетъ въ нее по-хозяйски. Казной корыстоваться не въ примѣръ способнѣй, чѣмъ взятки брать... Съ кого взялъ, тотъ пожалуй «караулъ» закричитъ, а у матушки казны нѣтъ языка... За то ее грабятъ.

Завели счеты да повѣрки, думаютъ руки связать!... Такъ не такъ! Съ тѣми счетами казну грабить сподручнѣе, потому что по счетамъ концы схоронить овчѣй, а на повѣрку не ангеловъ Божьихъ посылаютъ...

Digitized by Google

Какой человѣкъ рыло отворотитъ, когда ему въ зубы калачикъ суютъ?... А?

Постройку взять. Этой частью съизмальства займуюсь. Мальчишкой кирпичъ на лѣса таскалъ, потомъ въ артели былъ, а по времени, Богъ благословилъ, хозяиномъ сталъ... Эту статью знаю вдосталь. Въ прежни годы, баринушка, по этой части совѣсти было больше. Ныньче не то. Въ прежни-то годы на всю губернію алхитехтуръ одинъ, а нынче гляди-ка что́ ихъ развелось. А пріѣзжаетъ все голь и вся-то эта голь хочетъ скорѣй наживы. Анжинеръ хуже, для того, что анжинеръ форсистѣе. Онъ, видишь ты, съ аполетами—значитъ, ему денегъ больше надо.

Смѣту составятъ. Городничій аль полицмейстеръ заодно. Даютъ справочны цѣны впятеро выше базарныхъ, а урочное положеніе—дѣло широкое: карасей ловить можно. Нарочно такъ и писано... Такую состряпаютъ смѣту, что на смѣтны-то деньги, замѣсто одного дома, два либо три выстроишь. Послѣ торговъ когда желающіе обозначатся, анжинеръ и шлетъ за тобой, говоритъ: «Ты борода, помни, что десять процентовъ мои: это ужь такъ вездѣ по казеннымъ дѣламъ, да окромѣ тѣхъ десяти «казенныхъ» давай еще десять процентовъ «строительныхъ.» Не дашь, въ гробъ законопачу, залоги твои пропадутъ.»—Какъ же, ваше благородіе?—молвишь:—не сходно вѣдь? «Сходно, говоритъ, будетъ, чортъ ты этакой, для того, что сверхсмѣтны работы тебѣ предоставлю. Исполнять ихъ тебѣ не придется, а деньги, что́ получимъ за нихъ, пополамъ. Своей половиной ты все наверстаешь. А контрактъ подпишешь, пять процентовъ то́тча неси, такъ дѣло будетъ вѣрнѣй». Какъ быть? Подря чикъ завсегда у него въ рукахъ: можетъ онъ тебя первомъ же дѣлѣ, на свидѣтельствѣ матеріаловъ, та прижать, что жизни не будешь радъ. Въ раззоръ р

Digitized by Google

зоритъ—самъ-отъ чистъ выйдетъ, еще крестъ за сохраненіе казеннаго интереса возьметъ, а ты со своимъ усердіемъ да дурацкой простотой купайся. Поэтому хошь на торгахъ и сносишь цѣну, да сносишь такъ, чтобъ двадцать алхитектурскихъ процентовъ не изъ своего кошеля вынимать, да чтобы не изъ своихъ денегъ и полицмейстеру заплатить, потому что и онъ притѣсненіе можетъ сдѣлать, потому и должонъ ты его задарить.

— Полицмейстера-то зачѣмъ же задаривать, Гаврила Матвѣичъ? Не его дѣло.

— Подрядчикъ завсегда въ его рукахъ: всякій часъ можетъ онъ ему пакости сдѣлать. Рабочихъ со стройки сгонитъ: «табельный, дескать, день сегодня.» Табели-то хоть и нѣтъ, да ужь это его дѣло: какую табель захочетъ, таку и нагонитъ. Перо да бумага въ его рукахъ, а мы люди хоть мятые, а дѣло-то наше всетаки темное. И строительная комиссія для чего нибудь да сдѣлана... И въ ней люди пить, ѣсть хотятъ. Не ублаготворишь: изобидятъ за всяко просто, да такъ, что дома не скажешься. Поэтому на торгахъ и коммиссію на памяти держишь, чтобъ и ей не изъ своего кошеля вынимать. Да еще обѣды: при закладкѣ обѣдъ, при освященьи другой. Тутъ все начальство зови, губернаторскаго повара найми—безъ того нельзя: другого не смѣй нанимать. Полицмейстеръ съ генеральской дворней завсегда другъ-пріятель, споконъ вѣку ведется такъ. Потому и зови повара губернаторскаго, а торговаться не смѣй, не то полицмейстеръ такую тебѣ табель загнетъ, что послѣ не вспомнишься... бѣдъ же для такого случаю нуженъ зазвонистый, со якими, значитъ, фруктами, съ бакалеями и со всѣмъ, къ оно есть... А благословясь за работу, алхитехъ на стройку къ тебѣ пожалуетъ. Пора лѣтняя, рко, упарится. «Мочи, говоритъ, нѣтъ; давай хо-

Digitized by Google

лодненькаго.» А «холодненькое» означаетъ шампанское, подавай бутылку въ три цѣлковыхъ. Наведетъ пріятелей, и полдюжиной не управишься. Квартальному надо почесть сдѣлать, хожалаго уважить, будочниковъ обдарить. Счетецъ-отъ и выйдетъ кругленькій, оттого на торгахъ и нельзя сносить. Какъ ни вертись, тридцать пять процентовъ безпримѣрно по рукамъ разойдется, себѣ барыша хоть двадцать процентовъ надо, вотъ тебѣ и пятьдесятъ пять. А кому на шею?... Казнѣ.

Про стройку тебѣ говорю, а еще лучше—земляны работы: землю то-есть надо гдѣ срыть, аль набережную сдѣлать, откосъ, либо дамбу. Урочно-то положеніе, сказалъ я тебѣ, дѣло широкое, торговъ на большую земляну работу въ обрѣзъ сдѣлать невозможно, для того что сквозь землю не видно, на какой грунтъ попадешь: единому Богу извѣстно. А копать песчаный, примѣромъ, грунтъ—одна цѣна, глину—другая, каменистый во много разъ дороже. Попадешь на песчаный, а приставленный анжинеръ отписываетъ да деньги изъ казны беретъ за каменистый. Оно, значитъ, и можно деревеньку купить. Повѣрять пришлютъ ихняго же брата: въ одномъ мѣстѣ учились, однокашники—всѣ на одномъ стоятъ. Напоитъ, накормитъ наѣзжаго, барашка въ бумажкѣ сунетъ товарищу, песокъ за камень пойдетъ. Да какъ и повѣрять-то? Въ одномъ мѣстѣ землю вынутъ, въ другомъ ее насыпятъ—не копать же стать сызнова. А что столбиками-то землю ради повѣрки оставляютъ, такъ не хитрое дѣло лицевой столбикъ изъ какого хошь грунта сдѣлать. На это ихняго брата только и взять... До точный народъ, ученый народъ.

А гордіаны какіе, не приведи Господи!... Самы то есть неподходящій народъ... Былъ у меня лѣтос подрядъ въ Зимогорскѣ, откосъ на Покровском

Digitized by Google

съѣздѣ дѣлали, работами распоряжался Николай Ѳомичъ, Линквистъ прозывается: не то изъ нѣмцевъ, не то изъ крещеныхъ жидовъ, хорошенько сказать не умѣю. Надо быть, изъ выкрестовъ... Вотъ ужь человѣчекъ!... Такъ и норовитъ оборвать тебя всячески... Слова другого отъ него не услышишь, какъ «мошенникъ,» да «борода,» да «каналья». Самъ взятку принимаетъ, а мошенникомъ обзываетъ тебя... Да то и дѣло твердитъ: «стану я подлостями заниматься? Я вѣдь, говоритъ, не чернильная душа... Насъ, говоритъ, аполетами да усами пожаловали, значитъ, мундира марать нельзя.» Да!... у мундира-то языка нѣтъ, а то бы на весь народъ закричалъ: «шили меня, братцы, на крадены денежки!»...

Ославлены становые съ квартальными, а тѣ не въ примѣръ добрѣй, потому что, хоть бы Николай Ѳомичъ— и казну грабитъ, и отъ взятки не прочь, только воруетъ да взятку беретъ съ гордостью; и обругаетъ тебя бравши, а подъ пьяну руку и поколотитъ. А тѣ люди простые, поступаютъ по-христіански: сорвать сорвутъ, да и доброе слово молвятъ, у тебя на душѣ-то и полегче.

Стóитъ, баринушка, посмотрѣть на Николая Ѳомича, оченно стоитъ... Посмотри, какъ будешь въ Зимогорскѣ. Ходитъ гоголемъ, смотритъ звѣремъ, воруетъ какъ волкъ, передъ нáбольшимъ лебезитъ ровно Полякъ.—А ужъ вретъ какъ, обманываетъ!.. Ни на грошъ въ томъ человѣкѣ правды нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ посмотри, стоитъ поглядѣть: забавный, право, забавный.

А на выдумки хитрый! Взялъ я однова подрядъ: на шоссейну дорогу камень для ремонту выставить, збить его, значитъ, и въ сажёнки укласть. Двадцать сячъ подрядился выставить, на цѣлую, значитъ, дианцію, а дистанціей заправлялъ Николай Ѳомичъ. летъ за мной Юську, солдата жиденка, чтó на вѣяхъ при немъ былъ. Прихожу. Лежитъ мой Николай

Digitized by Google

Ѳомичъ на диванѣ, куритъ цыгарку, кофей распиваетъ: только завидѣлъ меня, накинулся аки бѣсъ и почалъ ругать-ругательски, за што про што — не знаю.

— Ты, говоритъ, чортова борода, подрядъ-отъ на камень взялъ?

— Точно такъ, говорю, ваше благородіе, мы-съ.

— А знаешь ли, говоритъ, что ты теперь весь въ моихъ рукахъ? Захочу—по-міру пущу,—на весь вѣкъ несчастнымъ сдѣлаю. Въ Сибирь могу сослать!.. Въ острогѣ насидишься!.. Руду будешь копать, каналья ты этакая, спину на площади вздуютъ.

А самъ подъѣзжаетъ. Такъ и наровитъ въ рожу, и кулаки наготовѣ.

Это онъ, знаешь, страху напущаетъ. Такая ужъ у нихъ поведенція.

А я:

— Да ты, говорю, ваше благородіе, лучше скажи, что требуется... Для че по пустякамъ кричать!.. Кровь портишь. Печенка неравно лопнетъ...

— А того мнѣ требуется, — оретъ, — чтобъ зналъ ты, мошенникъ этакой, что я твое начальство, чтобъ не смѣлъ ты, поганая бестія, изъ воли моей выходить ни на капельку.

— Какъ же, говорю, можно нашему брату изъ воли начальства выходить? Всякое начальство отъ Бога, это мы знаемъ.

— То-то и есть,—говоритъ.—Ты у меня, чортова борода, гляди въ оба да ходи по стрункѣ, не то въ бараній рогъ согну. Сколько, распротоканалья ты этакая, камню поставить взялся?

— Двадцать тысячъ, ваше благородіе.

— Двѣ тысячи ставь, а за восемнадцать деньги мнѣ подай.

— Какъ же такъ, говорю, ваше благородіе? Пріемка вѣдь будетъ.

Digitized by Google

— Самъ, говоритъ, принимать стану. А умничать будешь, по міру, каналью, пущу да въ придачу двѣ шкуры спущу.

Что́ станешь дѣлать? Человѣкъ хоша небольшой, а управы надъ нимъ нѣтъ. Поставилъ двѣ тысячи, разбилъ. Николай Ѳомичъ жидятамъ саженокъ изъ глины надѣлать велѣлъ да битымъ камнемъ и обложилъ ихъ. Жида на то взять, обрядитъ дѣло, иголки не подточишь. По времени изъ округа начальство наѣзжаетъ: скачетъ по шоссе сломя голову, само саженки считаетъ. Всѣ на лицо.—Говоритъ начальство Николаю Ѳомичу: «спасибо за́ хлѣбъ за́ соль, а шоссе у тебя исправно». Другое начальство скачетъ изъ самаго Питера, тоже саженки считаетъ: всѣ на лицо, чинъ Николаю Ѳомичу, крестикъ въ петличку. По времени, сталъ онъ глиняны саженки раскидывать, а самъ отписываетъ: на ремонтъ, дескать, камень весь изошелъ. А чтобъ шоссе то не больно портилось, круглый годъ у него полдороги бревнами заложено: чинятъ, дескать. Только и снимутъ бревна, какъ начальству проѣхать, а обозниковъ въ шею; да еще выпорятъ, коли вздумаютъ артачиться... Здѣшній-отъ мостъ видѣлъ?..

— Видѣть-то видѣлъ, а ѣздить не ѣздилъ.

— Заказанъ. Николай же Ѳомичъ заказалъ. Ему была та работа поручена, а подрядъ за мной оставался. Велѣлъ старый мостишка выстрогать, покрасить, да на старыхъ же стойкахъ и поставить. Съ городничимъ поладилъ... Вотъ теперь третій годъ ни коннаго, ни пѣшаго, опричь начальства, по мосту не пущаютъ. На тотъ годъ думаютъ, слышь, пускать, ради ремонта ачитъ: ну, тогда хоть и провалится кто, ничего: рочный срокъ вышелъ—значитъ все въ порядкѣ... А о веснѣ можно наводненіе прописать: снесло, дескать, остъ волею Божіею. Бумага все терпитъ. А послѣ того иколаю же Ѳомичу и новый-отъ мостъ строить дадутъ.

Digitized by Google

А съ какой работы барышей нельзя получить, на ту Николай Ѳомичъ и не двинется. — Гори, тони народъ, — ухомъ не поведетъ. Въ здѣшней губерніи городъ Мухинъ есть, стоитъ на горѣ надъ Волгой. Гора— страсть: стоймя стоитъ, а народъ еще съизстари ухитрился налѣпить по ней домишекъ, живетъ въ нихъ, и горя ему мало. Случается, что иной домъ въ Волгу съѣдетъ, да Мухинцамъ это ни почемъ: поохаютъ, повздыхаютъ, да на томъ же мѣстѣ новы дома почнутъ лѣпить. А Мухинъ хоть на Волгѣ, а городъ безъ воды. За водой на Волгу ходить неспособно: гора крута, а родникъ во всемъ городу одинъ. Еще въ стары годы тотъ родникъ обрядили, а по улицѣ, что́ подъ гору идетъ, деревянну трубу въ землѣ заложили, да ключъ-отъ въ нее и пустили. Чанъ врыли ведеръ ста въ три, вода-то въ него и стекала, и никогда въ томъ чану не переводилась. И на домашнюю потребу, и на случай Божія насланія, въ пожарное то-есть время, всегда было ея довольно. Такъ и жили Мухинцы лѣтъ сто, коли не больше, попросту безъ затѣй. Мало-по-малу труба засорилась: дѣло не мудреное. Видятъ Мухинцы городску нужду, приговоръ составили, опредѣлили трубу починить и чанъ новый врыть на счетъ обывателей. Сдѣлали смѣту всего-то въ восемь съ полтиной. А хотя, по закону, городское общество и само можетъ такую дешевую постройку дѣлать, только этого сдѣлать не возможно, потому что начальство обижается, а обидѣвшись однимъ, на другомъ наверстаетъ. Оттого дума обо всякой постройкѣ, хотя-бъ она кусанаго гроша не стоила, губернскому правленію рапортуетъ. Такъ и въ Мухинѣ сдѣлали. Въ губернскомъ правленіи ихнюю бумагу прочиталъ регистраторъ, да и то съ-налету Видитъ, по строительной части, доложили, слушали приказали: позаслать въ строительную коммиссію. Тамъ свой журналъ слушали и приказали капитану Линкви-

Digitized by Google

сту, отправясь на мѣсто, освидѣтельствовать происшедшую въ мухинскомъ «городскомъ водопроводѣ» порчу, и представить свои соображенія о лучшемъ устройствѣ того водопровода. Посмотрѣлъ на бумагу Николай Ѳомичъ, да какъ увидалъ, что всей-то благодати на восемь съ полтиной, плюнулъ даже на нее, да еще промолвилъ: «не тому у насъ въ корпусѣ обучали, чтобъ такой дрянью заниматься».

Проходитъ годъ, пріѣзжаетъ въ губернію мухинскій голова. Какъ водится—поклоны да подносы нужнымъ людямъ. Завернулъ и къ Николаю Ѳомичу, Христомъ Богомъ проситъ его дѣломъ о чанѣ поспѣшить: «вода вѣдь совсѣмъ не бѣжитъ, ваше благородіе, оборони Господи—пожаръ, до тла сгоримъ». Какъ накинется на него Николай Ѳомичъ! Обругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ и потребовалъ триста цѣлковыхъ благодарности. «Помилуйте,—говоритъ голова, вѣдь это дѣло плевое, всего-то восемь съ полтиной. Нельзя-ль подешевле»? Какъ зарычитъ, какъ затопаетъ Николай Ѳомичъ; насилу голова и ноги уплелъ... Еще годъ проходитъ, труба совсѣмъ засорилась, въ чану, какова есть капля воды, и той не стало... Еще годъ прошелъ —по улицѣ вода стала землю пучить, а тутъ почтовый трактъ пролегаетъ. Изрыла вода дорогу такъ, что и способу нѣтъ. До губернатора жалобы отъ проѣзжающихъ стали доходить, городскаго голову за нерадѣніе отъ службы удалили. Тотъ, извѣстно дѣло, радъ-радехонекъ, для того, что служба торговому человѣку хуже горькой рѣдьки. Сто цѣлковыхъ Николаю Ѳомичу свезъ, думалъ, знаешь, что отъ него это произошло. тъ, ничего, взялъ... Еще годъ, другой проходитъ.— хинцы безъ воды волкомъ воютъ, а ему наплевать. скались охотники изъ мѣщанъ сами трубу вычис- ь, въ Сибирь чуть не угодили: такую статью под- и, что еле-еле откупились. Пріѣзжалъ въ Мухинъ

Digitized by Google

и губернаторъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «надо починить».

Обыскался медвѣдь по близости Мухина. Пали слухи въ губерніи. А Николай Ѳомичъ на медвѣдя охочъ былъ ходить; какъ заслышалъ, такъ и поскакалъ «по дѣлу о водопроводѣ». Медвѣдя застрѣлилъ, водосточной трубы въ глаза не видалъ, для того что зима была, а изъ городскихъ доходовъ прогоны взялъ туда и обратно. И медвѣдя въ губернію на городской счетъ въ особыхъ саняхъ везъ: ѣхалъ мишка подъ видомъ инструментовъ.

Донесъ Николай Ѳомичъ: такъ и такъ, ѣздилъ въ городъ Мухинъ «по дѣлу о водопроводѣ», дѣлалъ нивелировку, грунтъ нашелъ слабый, подземными ключами размываемый, рѣкою Волгой подмываемый, совсѣмъ ни на что неспособный; потому деньги за за сондировку и нивелировку, полтораста рублей, въ уплату рабочимъ изъ моей собственности удержанные, покорнѣйше прошу возвратить откуда слѣдуетъ, а для благосостоянія города Мухина и для безопаснаго и безостановочнаго слѣдованія по большой дорогѣ казенныхъ транспортовъ и арестантовъ, а равно проѣзжающихъ по казенной и частной надобностямъ, необходимо мухинскую гору предварительно укрѣпить и потомъ уже устроить водопроводъ для снабженія жителей водою».

Поваляли бумагу по разнымъ мѣстамъ, съ годъ времени поваляли, полтораста рублей велѣли Линквисту изъ мухинскихъ доходовъ выдать, а ему приказали смѣту составить на укрѣпленіе горы и на устройство водопровода.

Составилъ же Николай Ѳомичъ смѣту — чуть милліонъ насчиталъ. Десятокъ-другой такихъ городо каковъ Мухинъ, со всѣми ихъ потрохами продать, кихъ денегъ не выручишь. А дѣло-то, помни, на п. выхъ порахъ было въ восемь съ полтиной. Хоро

Digitized by Google

НЕПРЕМѢННЫЙ

(Разсказъ)

Живя въ богоспасаемомъ градѣ Бобылевѣ, познакомился я со всѣми его обывателями, отъ городничаго и соборнаго протопопа до сапожника Абросима и коллежскаго секретаря Маурина, что́ состоялъ подъ надзоромъ полиціи «за нѣкоторые дебоши въ одномъ изъ столичныхъ городовъ Россійской Имперіи», какъ онъ выражался.

Хаживалъ ко мнѣ Андрей Тихонычъ Подобѣдовъ — «непремѣнный». Это значитъ непремѣнный засѣдатель земскаго суда. По уѣздамъ, съ учрежденія становыхъ, вывелось старинное слово «засѣдатель», и непремѣннаго засѣдателя земскаго суда стали звать просто «непремѣннымъ».

Это было плѣшивенькое, коренастое созданіе, вѣчно въ форменномъ съ гербовыми пуговицами сюртукѣ и въ мухояровыхъ панталонахъ. Добрѣйшій былъ человѣкъ, всякому старался услужить, а къ службѣ до того былъ усерденъ, что хворалъ только въ табельные дни. Что всего замѣчательнѣе — не пилъ.

Digitized by Google

Онъ изъ старинныхъ столбовыхъ, но захудалыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ. За отцомъ его по пятой ревизіи въ Д. губерніи было записано двѣнадцать душъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени имѣніе его «пропало безъ вѣсти».

— Затерялось-съ, затерялось,—съ грустью и глубокими вздохами говаривалъ Андрей Тихонычъ. — А теперь, пожалуй, душъ двадцать пять народилось бы. Такое ужъ несчастье!.. Слѣдовъ отыскать не могу Пропали души, да и все тутъ.

— А земля-то куда-жъ дѣвалась, Андрей Тихонычъ?

— И земля затерялась...

— А документы?..

— И документы затерялись... Такъ-таки все затерялось. Что̀ станешь дѣлать? Видно, ужъ на то воля Божія.

— Что́ жъ вы не хлопотали?

— Два раза пробовалъ, да толку не выходило. На гербовыя только истратился. Еще, слава Богу, по манифесту простили. Не то просто бѣда—разориться бы могъ. Вотъ вы, Андрей Петровичъ, въ Петербургѣ служите, стало-быть все знаете... Скажите Бога ради, не предвидится ль по скорости милостиваго манифестика.

— Кто жъ это, кромѣ Государя, можетъ знать?.. А вамъ что?

— Да еще бы разокъ попробовалъ: авось вывезетъ. А не вывезетъ, такъ по крайности тѣмъ бы былъ спокоенъ, что гербовыхъ не привелось бы платить.

Родитель Андрея Тихоныча служилъ, по выбору дворянъ, въ земскомъ войскѣ 1807 года, и потому носилъ золотую медаль на владимірской лентѣ, мундиръ съ малиновымъ воротникомъ и шляпу съ зеленымъ перомъ. Служилъ въ Бобылевѣ по выборамъ до̀ смерти,

Digitized by Google

а умеръ безъ гроша. Въ наслѣдство Андрею Тихонычу, кромѣ безъ вѣсти пропавшихъ двѣнадцати душъ, достался домашній скарбъ, турецкій кинжалъ, ружье Лебеды, да ста полтора книгъ екатерининскаго времени, большею частью разрозненныхъ. Тихонъ Алексѣичъ Подобѣдовъ жалѣлъ народъ, оттого и померъ нищимъ. Зато крестьяне всего Бобылевскаго уѣзда служили по немъ панихиды, записали имя его въ своихъ поминаньяхъ. Старики до сихъ поръ добрымъ словомъ его поминаютъ.

Единственный его сынъ, Андрей Тихонычъ, чуть не босикомъ бѣгалъ въ уѣздное училище, а научившись тамъ писать скорописью, былъ взятъ родителемъ изъ храма Минервы и введенъ во храмъ Ѳемиды, говоря классически, а если попросту сказать—родитель помѣстилъ его въ первое повытье [1]) бобылевскаго уѣзднаго суда. Тихонъ Алексѣичъ говаривалъ: «уѣздный судъ—всему начало и всему голова: тутъ молодой человѣкъ всему навыкнетъ, тутъ и тяжебныя дѣла, и уголовныя, тутъ всего лучше начинать службу».

Года черезъ три Андрей Тихонычъ получалъ уже по сорока пяти копѣекъ въ мѣсяцъ жалованья. Какимъ богачемъ казался онъ товарищамъ! Тѣ, получая такое же вознагражденіе, были обязаны содержать кто мать старуху, кто вдовую сестру съ ребятишками, кто слѣпаго отца, калѣку. А Андрей Подобѣдовъ живетъ у отца на готовомъ: сытъ, одѣтъ, обутъ, да еще сорокъ пять копѣекъ въ мѣсяцъ... Богачъ!.. Шереметевъ!..

Еще при жизни родителя Андрей Тихонычъ получилъ регистраторскій чинъ и получалъ жалованья по ·вяноста по восьми копѣекъ въ мѣсяцъ, безъ вычета . госпитали и раненыхъ. Онъ ужъ обзавелся тросточ-й, и важно ею помахивалъ, прогуливаясь по дыря-

---

1) Часть канцеляріи, то же, что теперь называется «столомъ».

Digitized by Google

вымъ тротуарамъ Бобылева, обзавелся зелеными замшевыми перчатками и на кровныя денежки справилъ суконную шинель гороховаго цвѣта «съ семидесятью семью воротничками» — верхъ щегольства того времени.

Счастливый, довольный и собой и міромъ, двадцатилѣтній Андрей Тихонычъ сталъ помышлять о подругѣ жизни. На уѣздныхъ вечеринкахъ присосѣживался къ Оленькѣ, дочери магистраторскаго секретаря, говорилъ ей про свое сердце, и хоть она ему про свое ничего не сказывала, однакожъ Андрей Тихонычъ смекалъ, что и красненькую ленточку на груди Оленька для него прикалываетъ, и височки колечкомъ потому приглаживаетъ, что ему такъ нравится...

Вдругъ его родитель, Тихонъ Алексѣичъ, скушавши за ужиномъ шесть сковородокъ грибовъ въ сметанѣ, къ утру лежалъ на томъ столѣ, гдѣ наканунѣ кушалъ вкусные, сочные березовики. Онъ былъ первой жертвой первой холеры въ Бобылевѣ... Остался Андрей Тихонычъ одинъ на своихъ рукахъ. Еще слава Богу, что ни за нимъ, ни передъ нимъ никого не было: одинъ какъ перстъ. А осталась бы обуза на рукахъ—мать, напримѣръ, аль сестры незамужнія: не та бъ участь ему впереди была. Пустился бъ во вся тяжкая, спился бы съ круга. Всегда такъ бываетъ.

Увидалъ, что на девяносто восемь копѣекъ безо взятокъ жить нельзя. А взятки брать не выучился. Пробовалъ, да онѣ мимо его къ секретарю проскакивали. Ему работа, да на совѣсть гнетъ, а секретарю денежки. Горько стало Андрею Тихонычу. Объ Оленькѣ и думать пересталъ, да и она, видя, что отъ нег толку не будетъ, вышла за инвалиднаго поручика зажила домкомъ насчетъ солдатиковъ.

Тошно стало Андрею Тихонычу въ Бобылевѣ. «Хс землю, думаетъ, буду копать, хоть воду стану носи

Digitized by Google

а переѣду въ губернію... Авось тамъ другая мнѣ линія выпадетъ».

«Экой я счастливецъ», подумалъ онъ, когда совершенно неожиданно получилъ мѣсто въ одномъ губернскомъ присутственномъ мѣстѣ. Жалованье хорошее, и душа спокойна, оттого что взятокъ брать ни съ кого не приходится. Знай, лупи, дери одну казну-матушку... А это развѣ грѣхъ...

Служилъ, служилъ Андрей Тихонычъ, пряжку безпорочную выслужилъ, титулярнаго получилъ. Человѣкъ смирный, покорный, безотвѣтный, каждое слово начальства, ровно слово изъ Неопалимой Купины, принималъ. Оттого и начальство его возлюбило: каждый годъ Андрей Тихонычъ получалъ наградныя изъ остаточныхъ суммъ. Отъ тѣхъ наградъ, да отъ крупицъ, что́ отъ казенной соли перепадали, составился у Андрея Тихоныча капитальчикъ тысячъ въ пять ассигнаціями.

Однажды занимался онъ въ кабинетѣ его превосходительства, господина статскаго совѣтника Александра Иваныча. И до сихъ поръ въ провинціи статскихъ совѣтниковъ зовутъ превосходительствомъ, а это было еще въ тѣ времена, когда статскимъ совѣтникамъ давали станиславскія звѣзды безъ ленты. Какъ же со звѣздой-то да не генералъ?—Сановникъ!..

Такимъ звѣздоносцемъ-сановникомъ былъ Александръ Иванычъ фонъ-Кабрейтъ. Правилъ онъ много лѣтъ казенной палатой—казенная соль, винокуренные заводы, откупщики, рекрутскіе наборы, торги на поставки и подряды, купеческія свидѣтельства, казенные лѣса, оброчныя статьи, перечисленіе душъ — все подъ его ластной рукой... И статьи-то какія все жирныя!.. На ять, на десять такихъ сановниковъ раздѣлить — всѣ ы сыты были... И раздѣлили по времени — государственныя имущества въ особую палату отвели, и Валья Трофимыча надъ ними посадили. И Александръ

Digitized by Google

Иванычъ доходовъ не лишился, и Василій Трофимычъ разбогатѣлъ. — А пріѣхалъ въ губернію въ одной шинелишкѣ.

— А что́, — сказалъ Александръ Иванычъ, когда Подобѣдовъ кончилъ работу. — Женатъ ты, Андрей Тихонычъ?

Сроду впервые начальство по имени по отчеству его на́звало. У Андрея Тихоныча въ глазахъ зарябило: будто крестикъ въ печличку подвѣсили. И то опять, о чемъ спрашиваетъ его превосходительство, не по службѣ, а по дѣлу, можно сказать, партикулярному.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, — задыхаясь отъ душевнаго волненья, едва могъ проговорить Андрей Тихонычъ.

— Тебѣ бы, братецъ, жениться... Ты человѣкъ ужъ степенный.

Растаялъ Андрей Тихонычъ.

— Какъ прикажете, ваше превосходительство, — чуть слышно пробормоталъ онъ.

— Приходи ко мнѣ завтра вечеркомъ... часу этакъ въ восьмомъ... Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Да одѣнься почище... Къ невѣстѣ поѣдемъ.

— Слушаю, ваше превосходительство, — не вѣря ушамъ молвилъ Андрей Тихонычъ.

Какая милость низошла по благости Божіей! И на мысль не вспадало, во снѣ не грезилось!..

Ногъ не слышалъ подъ собой, когда въ темную, дождливую осеннюю ночь крупно и спѣшно шагалъ онъ по липкой грязи, возвращаясь отъ его превосходительства въ дальній конецъ города, гдѣ нанимал горенку у вдовой дьяконицы... «Какое счастье, как вниманье начальства!» думалъ онъ. Цѣлую ночь - снуть не могъ. Приходило въ голову о невѣстѣ: «Г о бы такая была?.. — раздумывалъ онъ... — И собой -

Digitized by Google

кова, молода ль, не ряба ли, иль какого изъяну не имѣетъ ли?» Мысль о милости начальства вытѣсняла однако нескромныя мысли о невѣстѣ. «Ну ее совсѣмъ! Милость его превосходительства, вотъ это дѣло!.. По имени по отчеству! Вмѣстѣ, говоритъ, поѣдемъ!.. Вмѣстѣ!.. Да этого онъ секретарю не скажетъ!»

На другой день разодѣтый, распомаженный Андрей Тихонычъ явился въ назначенное время. Тотчасъ позвали его въ кабинетъ. Александръ Иванычъ одѣвался:

— Ты куришь?—спросилъ его превосходительство. —Гришка, трубку Андрею Тихонычу.

Еслибъ колѣнопреклоненное королевство, долго и тщетно отыскивая властителя,—какъ напримѣръ Испанія, а въ былыя времена Польша — со слезами и съ рыданьями сказало д-ской казенной палаты столоначальнику: «Андрей Тихонычъ, бери корону, царствуй надъ нами!»—едва ли бъ слова будущихъ вѣрноподданныхъ настолько смутили его душу, насколько смутили ее слова Александра Иваныча. Его превосходительство трубку табаку изволитъ предлагать!.. Самъ изволитъ предлагать!.. Не сонное ль видѣніе?.. Нѣтъ. Гришка суетъ ему въ руку длинный черешневый чубукъ съ громаднымъ янтаремъ... Дрожатъ руки у Андрея Тихоныча, отъ умиленья и слезы въ глазахъ и зелень туманомъ.

— Да ты садись,—молвилъ его превосходительство, застегивая помочи. — Садись вотъ здѣсь на диванѣ. Покойнѣе будетъ.

Языкъ отнялся у бѣднаго. Хотѣлъ что-то сказать, не смогъ. Въ блаженствѣ таялъ.

«Батюшка, батюшка! думалъ онъ, видишь ли?.. Видишь ли ты, до какой чести дожилъ твой Андрюшенька?»

Слезы градомъ лились у Андрея Тихоныча.

— Что съ тобой?—спросилъ Александръ Иванычъ:

Digitized by Google

— Такъ-съ, ничего, ваше превосходительство. Покойника батюшку вспомнилъ...

— Похвально, молодой человѣкъ (а молодому человѣку было за тридцать за пять). Дѣйствительно, въ столь важную минуту жизни должно призвать благословеніе родителей... Хорошо, мой другъ, хорошо!.. Похвально!..—прибавилъ Александръ Иванычъ, цѣлуя Андрея Тихоныча.

Отъ полноты чувствъ коровой заревѣлъ Андрей Тихонычъ. Насилу отпоилъ его Гришка холодной водой.

— Садись, — сказалъ Александръ Иванычъ, когда Андрей Тихонычъ, какъ столбъ, стоялъ на крыльцѣ передъ каретой его превосходительства.

«На козлы аль на запятки?» пришло на умъ Андрею Тихонычу. Лакей втолкнулъ его въ карету.

«Батюшка, батюшка!—чуть не вслухъ сказалъ Андрей Тихонычъ. — Видишь ли?»

Въ первый разъ въ жизни онъ ѣхалъ въ каретѣ. И съ кѣмъ?..

Пріѣхали на «дачу». Такъ въ губернскомъ городѣ Д... у великихъ людей звались домики, гдѣ цвѣли роскошные цвѣточки... Цвѣточекъ Александра Иваныча— одна изъ многочисленныхъ сестеръ Стрѣльскихъ, что́, служа по крѣпостному праву князю Кошавскому, служили съ тѣмъ вмѣстѣ кто Таліи, кто Мельпоменѣ, кто Терпсихорѣ въ досчатомъ ветхомъ балаганѣ. По Святцамъ Пелагея, по театру Полина Ивановна, служила Терпсихорѣ, но, отбивъ объ неровный полъ театра рѣзвыя свои ноженьки, пятый годъ вѣрно, нелицемѣрно служила Александру Иванычу. А онъ ее за то на волю откупилъ...

Видѣлъ Андрей Тихонычъ ярко освѣщенныя комнаты... Видѣлъ, какъ его превосходительство, съ словами «вотъ твой женихъ, Поленька», подвелъ его к грузной барынѣ, въ распашномъ капотѣ. Видѣлъ, как

Digitized by Google

она сунула ему въ губы жирную руку. Видѣлъ, какъ подали шампанское...

Какъ во снѣ. И какъ онъ съ ума сошелъ?.. Золотые часы, серебряная табакерка, енотовая шуба, а главное—милость начальства, и супруга, кажется, не строгая!..

Сыграли свадьбу, и зажили домкомъ Андрей Тихонычъ съ Полиной Ивановной... И къ Александру Иванычу попривыкъ Андрей Тихонычъ, не съ прежней робостью говорилъ съ нимъ. А говорилъ нерѣдко, потому что господинъ фонъ-Кабрейтъ, хотя свою Полину замужъ и выдалъ, однакожъ нѣтъ, нѣтъ, да бывало и завернетъ къ ней вечеромъ посидѣть. О томъ, о семъ покалякаютъ, потомъ его превосходительство и скажетъ Андрею Тихонычу: «Что ты, братецъ мой, все дома сидишь? Съѣздилъ бы хоть въ театръ что ли, аль къ кому изъ знакомыхъ. Отъѣзжай на моихъ дрожкахъ, ежели хочешь». И поѣдетъ, бывало, въ гости Андрей Тихонычъ...

Мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы Полина Ивановна сынка принесла. Въ тотъ же день навѣстилъ молодыхъ Александръ Иванычъ: родительницѣ билетъ въ тысячу цѣлковыхъ «на зубокъ» положилъ, Андрея Тихоныча крѣпко обнялъ и разъ пять поцѣловалъ.

— Ты вѣдь дворянинъ?—спросилъ его превосходительство Андрея Тихоныча.

— Такъ точно,—робко отвѣтилъ Андрей Тихонычъ.

— Въ родословную записанъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство...

— Отецъ твой дослужился до дворянства?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Нашъ дъ старинный, столбовой, въ шестой части родословй книги. И въ Бархатной Книгѣ записанъ, при Сионѣ Гордомъ наши предки на Москву выѣхали. Такъ нашей граматѣ прописано...

Digitized by Google

— Очень радъ, очень радъ!—сказалъ Александръ Иванычъ. — Стало быть, новорожденному не нужно, чтобъ у тебя Станиславчикъ въ петличкѣ висѣлъ, или чтобъ ты коллежскимъ ассессоромъ былъ. Очень радъ!. А то въ нынѣшнее время это немножко затруднительно... О сынѣ не безпокойся—Богъ дастъ подростетъ, дорóга ему будетъ.

Сунулъ въ руку Андрею Тихонычу ломбардный билетъ въ десять тысячъ ассигнаціями, еще поцѣловалъ его со щеки на щеку и уѣхалъ, говоря на крыльцѣ счастливому супругу:

— Очень радъ, что сынъ твой старинный дворянинъ, очень радъ...

Подарилъ его превосходительство Полинѣ Ивановнѣ домикъ въ Бобылевѣ. Ни на что онъ ему не пригоденъ былъ, и достался-то по неволѣ: за долгъ ли оставилъ его за собой Александръ Иванычъ, другое ль что-то въ этакомъ родѣ было.

Подоспѣли дворянскіе выборы, его превосходительство говоритъ Андрею Тихонычу:

— Хочешь въ Бобылевъ въ непремѣнные?

Свѣта не взвидѣлъ Андрей Тихонычъ... Мѣсто, на которомъ отецъ его померъ, про которое и мечтать не смѣлъ.

— Ваше превосходительство!..—ваше превосходительство!..—только и могъ онъ выговорить, всхлипывая отъ подступавшихъ рыданій...

— Я тебя выберу.

И выбралъ.

Въ Бобылевскомъ уѣздѣ Александръ Иванычъ самъ-другъ заправлялъ всѣмъ на выборахъ. Другихъ крупныхъ помѣщиковъ не было.

Бобылевскій уѣздъ обыкновенно присоединяли къ Чернолѣсскому. Его превосходительство каждый разъ бывало и говоритъ чернолѣсскимъ дворянамъ: «По ва-

Digitized by Google

шему уѣзду я буду класть, кому куда прикажете, а по «моему уѣзду» по-моему дѣлайте. Вѣдь мнѣ, а не вамъ съ выбранными чиновниками придется три года возиться. Такъ ужъ вы сдѣлайте милость».

Чернолѣсскіе по его и дѣлали. Оттого въ Бобылевѣ губернатора не столько трусили, сколько Александра Иваныча.

Такимъ образомъ его превосходительство и сдѣлалъ Андрея Тихоныча непремѣннымъ.

И какъ былъ ему онъ благодаренъ... Того ему и въ голову придти не могло, что Полина Ивановна поизмялась, и его превосходительству свѣженькой захотѣлось, ради чего и выбралъ онъ Андрея Тихоныча въ непремѣнные.

Въ первое наше свиданье спрашиваетъ Андрей Тихонычъ меня, привставая со стула:

— Какъ въ звоемъ здоровьѣ его превосходительство Александръ Ивановичъ, осмѣлюсь васъ спросить?

— Какой Александръ Иванычъ?

— Его превосходительства Александра Иваныча не знаете?—съ удивленіемъ вскликнулъ Андрей Тихонычъ. Не могло у него сложиться мысли, чтобъ кто-нибудь могъ не знать его превосходительства. — Напрасно, напрасно,—говорилъ онъ, озадаченный моимъ вопросомъ,—человѣкъ извѣстный. Да вы его въ Петербургѣ должны были знать. Вѣдь онъ туда каждый годъ ѣздитъ,—прибавилъ Андрей Тихонычъ.

— Петербургъ не Бобылевъ, Андрей Тихонычъ. Мало-ль тамъ народу? Всѣхъ не узнаешь, сказалъ я.

— Не имѣлъ счастія бывать въ Петербургѣ, а надо олагать, что такихъ людей, какъ его превосходительство Александръ Иванычъ, и тамъ не очень много,— юзразилъ Андрей Тихонычъ... — Пятьсотъ душъ отичнѣйшаго имѣнія, статскій совѣтникъ, звѣзда!.. Отъ амыхъ господъ министровъ почтёнъ!.. Такихъ людей

Digitized by Google

немного, очень даже немного... Это ужь позвольте вамъ доложить... Не можетъ быть, чтобъ по всей Россійской Имперіи много было такихъ людей. Если бы его превосходительство продолжали службу, могли бы губернаторомъ быть, даже министромъ, потому что умъ необыкновенный.

— Отчего жь онъ не служитъ?

— Н-н-нельзя-съ,—немножко помявшись, отвѣтилъ Андрей Тихонычъ,

— А что́?

— Непріятность въ нѣкоторомъ родѣ, — подсудность небольшая.

— А!

— Не подумайте, что за небреженіе по службѣ. Нѣтъ-съ. По злобѣ, единственно по злобѣ враговъ. У кого ихъ нѣтъ, Андрей Петровичъ? У всякаго есть!— А дѣло его превосходительства, можно сказать, самое пустое: о казенной по́ставкѣ...

— А! о по́ставкѣ! Что жь, видно, по́ставка-то не поставилась?

— Правильно изволили сказать, но сами согласитесь, вѣдь соль — матеріалъ сырой. Мало-мальски водой ее хватитъ, тотча́съ на утекъ и превращается, можно сказать, въ ничтожество. Его превосходительство Александръ Иванычъ объ этомъ своевременно доносили по начальству: буря, дескать, и разлитіе рѣкъ, и крушеніе судовъ. Слѣдствіе было произведено, и рѣшеніе воспослѣдовало — предать дѣло волѣ Божіей. А враги назначили переизслѣдованіе. Тутъ воли-то Божіей и не оказалось. Понимаете?..

— Что жь теперь подѣлываетъ нашъ Александръ Иванычъ?

— Четвертый годъ старается, нельзя ли третьяго слѣдствія выхлопотать. Авось бы опять на волю Божію поворотили...

Digitized by Google

И въ своихъ дѣлахъ Андрей Тихонычъ точенъ до самыхъ послѣднихъ мелочей.—Любилъ порядокъ.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ Бобылева проживалъ въ своей деревушкѣ мелкопомѣстный помѣщикъ Чоботовъ Михайло Алексѣичъ. Разъ въ сентябрѣ пріѣзжаетъ къ нему Андрей Тихонычъ. Помѣщикъ радъ; Андрея Тихоныча всѣ любили. А все-таки, членъ земской полиціи, спрашиваетъ хозяинъ: не по дѣлу ль.

— Я ничего, сударь мой Михайло Алексѣичъ. По сосѣдству отъ васъ былъ — у Лизаветы Ивановны: и къ вамъ завернулъ «освидѣтельствовать» почтеніе.

Лизавета Ивановна, тоже мелкопомѣстная, жила въ усадебкѣ верстахъ въ трехъ отъ Чоботова.

— Ну, такъ милости просимъ. Какъ по вашему, за чаекъ, аль прямо за водочку?—спрашиваетъ Чоботовъ.

— Благодарю покорно, Михайло Алексѣичъ, я вѣдь на минуточку. Развяжите вы меня Христа ради съ Лизаветой Ивановной... Будьте милостивы.

— Что такое, Андрей Тихонычъ?

— Да вотъ какое дѣло, сударь ты мой. Годъ нынче вышелъ такой: гусей нелегкая больно много уродила. Кто, бывало, прежде цыплятами снабжалъ, нынче все гуся шлетъ, кто прежде свинью привозилъ, и тотъ нынче съ гусями лѣзетъ. Такое, сударь мой, окаянство—просто бѣда. Гуся не оха́ешь, птица добрая да расходу много проклятая требуетъ, обжорлива очень. Колоть теперь рано: и перо слабо, и потроха́ не жирны, и сала немного... Откормить къ Казанской да свезти въ губернію, можно будетъ барыши имѣтъ, да кормить-то, сударь ты мой, чѣмъ станешь?.. Самимъ вамъ, Михайло Алексѣичъ, извѣстно, какой нынче на овсы-го урожай. Вовсе ихъ нѣтъ. И прежде-то ко мнѣ немного овса подвозили, а нынче, повѣрите ли вы Богу, оза порядочнаго не собралъ. Ей-Богу, право, не лгу... Іто мнѣ лгать-то?.. Я человѣкъ простой.

Digitized by Google

— Такъ что́ же вамъ, Андрей Тихонычъ?.. Овса что ли велѣть насыпать?—спросилъ Чоботовъ.

— Какой съ васъ овесъ?—съ негодованьемъ воскликнулъ Андрей Тихонычъ.—Сохрани Господи и помилуй овсомъ отъ васъ взять!.. Какъ это можно!.. А вотъ мучки ржаной такъ пора бы прислать, Михайло Алексѣичъ. Чать, ужъ обмолотились.

— Не намсколи еще, Андрей Тихонычъ.

— Ну ладно, дѣло не къ спѣху... Такъ вотъ я объ Лизаветѣ-то Ивановнѣ. Вся у меня на нее надежда была, думаю, дастъ возикъ овсеца, гуси-то у меня и откормятся. Пріѣхалъ къ ней въ Трегубово: «такъ и такъ молъ, сударыня, не погуби гусей, дай овсеца». А она:—Рада бы радешенька, говоритъ, Андрей Тихонычъ, не пожалѣла бы для тебя, да вѣдь грѣхъ-отъ, говоритъ, какой у меня случился, овсы-тъ еще въ бабкахъ на́ полѣ, хоть самъ погляди. «Какъ же, говорю, Лизавета Ивановна, околѣвать что ли гусямъ-то? Помилуйте, говорю, матушка, колоть что ли мнѣ ихъ спозаранокъ-то? Изубытчусь вѣдь. Пожалѣй»... А Лизавета Ивановна: — Поѣзжай, говоритъ, къ Михайлѣ Алексѣичу, у него овсы смолочены, онъ тебѣ не откажетъ.—Я ей и такъ, и сякъ... Нѣтъ, сударь, уперлась баба: поѣзжай да поѣзжай къ Михайлѣ Алексѣичу да и все тутъ... Ужъ я ей толковалъ, толковалъ, никакъ, сударь подъ ладъ не дается. Баба такъ баба и есть, хозяйства понимать не можетъ.

— Что жъ,—сказалъ Чоботовъ,—коли надо, такъ я дамъ овса.

— Помилуйте, Михайло Алексѣичъ... Да какъ же это возможно? Какъ же такіе непорядки вводить?—с сердцемъ вскрикнулъ Андрей Тихонычъ, съ мѣста даж вскочилъ.

— Какіе же непорядки, Андрей Тихонычъ?.. Н понимаю я васъ, растолкуйте пожалуйста.

Digitized by Google

что́ его превосходительство Полинѣ Ивановнѣ пожертвовали, отдавалъ подъ почтовую контору. Когда жь переѣхалъ въ Бобылевъ, дому-то срокъ не вышелъ еще. Дѣлать нечего, и отъ своего угла безъ малаго два года въ наемной квартирѣ пришлось проживать, потому контрактъ, можно сказать, вещь священная.»

«А я, осмѣлюсь вамъ доложить, хоть на мѣдныя деньги обученъ, но старшихъ уважаю и долгъ почтенія не забываю, для того что воспитанъ въ страхѣ Божіемъ. Душу имѣю памятную, къ благодарности склонную, для того, по христіанскому обычаю, передъ каждымъ праздникомъ, не имѣя возможности, за отдаленностію разстоянія, лично поздравлять его превосходительство, Александра Иваныча, письменно свой долгъ исполню. Придешь, бывало, на по́чту: Иванъ Петровичъ письмо приметъ, гривенникъ получитъ — я и спокоенъ. И шло такимъ манеромъ дѣло безъ ма́ла два года.

«Зачалъ меня «оброчнымъ» звать. Встрѣтится гдѣ, во все горло оретъ—черезъ улицу, черезъ площадьли—все равно: «здравствуй, оброчный! Красна Пасха на дворѣ, оброкъ неси.» А иной разъ даже попрекнетъ: «Эй, ты, оброчный, къ Вознесенью-то опоздалъ, смотри, братъ, въ недоимку со штрафомъ впишу.»

«А мнѣ не въ домекъ, что такое слова его означаютъ. Какой, думаю, я ему оброчный? Подъ начальствомъ не состою, зависимости не имѣю: какой же я ему оброчный? Разъ даже въ церкви, послѣ обѣдни, такимъ прозвищемъ меня обозвалъ. Стали ко кресту подходить... Я исправляя долгъ почтенія, благородныхъ съ праздникомъ поздравляю, и ему подлецу свидѣтельствую почтеніе... А онъ поклониться-то поклонился, да осклабившись при всѣхъ и бухнулъ: «спасибо, оброчный, за поздравленье, и за оброкъ спасибо, то не запоздалъ...» Сердце меня взяло! Какъ же это

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ?... Въ храмѣ Господнемъ, при городничемъ, при исправникѣ, при дамахъ, при всѣхъ благородныхъ, вдругъ меня такимъ манеромъ хватилъ!... Не вытерпѣлъ, сказалъ ему:—«милостивый государь мой, говорю, я столповой дворянинъ и потому у васъ на оброкѣ состоять не могу, а ваши слова, милостивый государь мой, для меня безчестны.» Вспылилъ тутъ я самъ немножко, обидѣлъ его при всѣхъ: «милостивый государь *мой* назвалъ. «А онъ, хоть бы что, нисколько не обидѣлся, точно не ему сказано. Да еще говоритъ: «хоша ты и столповой дворянинъ, а все жь мой оброчный...» Я отъ него въ сторону пошелъ, думаю: «Господь съ тобой, наругатель ты этакой.»

«Подъ конецъ контракта слышимъ—Иванъ Петровичъ у Спиридонова домъ покупаетъ и контору къ себѣ переводитъ, чтобы, знаете и наймомъ квартиры не харчиться, и съ казны за контору деньги получать. Меня не прижималъ, съѣхалъ даже до сроку.

«Ужь и отдѣлалъ же онъ домъ-отъ. Хуже харчевни сдѣлалъ его: стѣны сургучемъ измазалъ, полы перегноилъ. Просто, съ позволенія вашего сказать, такая была гадость, что уму непостижимо!»

«Вижу, надо поновить. Тутъ, благодаря Бога, его превосходительство Александръ Иванычъ въ свою вотчину проѣзжать изволили, и по душевному своему расположенію лѣску мнѣ пожаловали, плотниковъ прислали, конопатки, гвоздочковъ и другаго желѣзца, сколько требовалось. Поисчинилъ я крышу, стѣны поисправилъ; думаю, кстати ужь и полы-то перестелю—плотники даровые. Тронули полы въ большой комнатѣ, гдѣ «пріемная» была, гляжу: половицы-то еще хороши, поосѣли только, щели въ палецъ шириной и больше. Оно, конечно, можно бы ихъ и сколотить, да ужь видно мнѣ Божеское напоминаніе было. Заколодило въ головѣ: перестели да перестели. Что-жь

Digitized by Google

думаю, перестелю, теплѣе будетъ, да и черный-отъ полъ заодно поисправлю, золой его забью, чтобъ не дуло.

«— Сымай, братцы, полы, говорю плотникамъ, а самъ точно подъ какимъ-нибудь предчувствіемъ состою...

«Какъ принялись за топоры, какъ запустили ихъ подъ половицы, какъ пошла у нихъ работа, повѣрите ли?... у меня мурашки по спинѣ. И сердце-то болѣетъ, и въ головѣ-то ровно туманъ... Точно какъ будто сейчасъ растворится дверь, и войдетъ губернаторъ. «А сколько дѣлъ? А покажи-ка, распорядительный!...»

«Вышелъ на дворъ освѣжиться. Слышу плотники про бумаги толкуютъ. «Брось, — говоритъ старшо́й, опосля все спалимъ.»

«Я къ окну.

«— Что, молъ, у васъ тутъ такое?

»— Да вотъ, говорятъ, больно много бумаги подъ чоломъ-то насовано... Надо быть, въ эту щель совали.

«— Давай, говорю, сюда. Что́ такое?

»Высыпали они мнѣ за окошко ворохъ страшенный... Угодники преподобные!.. Все-то письма, все-то письма!...

«Которы распечатаны, у которыхъ и печати цѣлы. Одна печать—письмо не тронуто, пять—вскрыто. На адресахъ куши не великіе: цѣлковый, два, три, къ солдатикамъ больше, въ полки.

«А плотники подкидываютъ да подкидываютъ. Сотъ пять накидали... Господи Боже мой!.. Нѣтъ же у человѣка совѣсти, и начальства не боится.

«Сталъ я ворохъ разбирать, а самаго какъ лихорка треплетъ. Думаю: злодѣй-отъ вѣдь безъ разбора письма по́дъ полъ сажалъ... Ну, какъ я на государственный секретъ наткнусь... Червь какой нибудь,

Digitized by Google

нуль этакой, какой-нибудь непремѣнный, да вдругъ въ высшія соображенія проникнетъ!... Что́ тогда?... Пропалъ аки шведъ подъ Полтавой! Охъ ты, Господи, Господи!...

«А вѣдь никто, какъ Богъ. Сказано: «на кого воззрю? Токмо на смиреннаго.» Такъ иное дѣло. Государственныхъ-то секретовъ и не было!

«Батюшки!... Мое письмо!... Къ его превосходительству!... Варомъ меня такъ и обдало!... Лучше-бъ государственный секретъ узналъ!... Злодѣй, злодѣй!

«Разъ, два, три, четыре... всѣ шестьдесятъ восемь, всѣ до единаго! Иродъ ты этакой!...

«Хоть бы одно распечаталъ! Любопытства-то даже не было. Безчувствіе-то какое вѣдь!.. Слеза меня прошибла... Вотъ оно «оброчный»-отъ!.. Гривенники-то бралъ, а письма по́дъ полъ да по́дъ полъ... Значитъ, я ему въ самомъ дѣлѣ передъ каждымъ праздникомъ по гривеннику оброку носилъ.

«Пропадай они гривенники!... Его-то превосходительство, Александръ-отъ Иванычъ, что́ могутъ про меня сказать? «Неблагодарное животное,» вотъ что́ могутъ сказать!... Какъ же это въ самомъ дѣлѣ?... Безъ малаго два года и ни одного почтенія!... Господи, Господи!...

«Собралъ я письма, связалъ въ узелокъ: маршъ въ нову контору... Иванъ Петровичъ въ засаленномъ, сургучомъ залито́мъ халатѣ письма принимаетъ—день отъ почтовый былъ... Онъ было мнѣ: «здравствуй, оброчный!»

«— Свинья ты, свинья, Иванъ Петровичъ! Бога не боишься, и стыдъ забылъ.

«А онъ:

«— Чѣмъ ты, оброчный, обидѣлся?

«Я письма́-то на столъ, и говорю: «это что́?»

«А онъ и въ конфузію не пришелъ, только спросилъ:

Digitized by Google

«— Аль полы перестилаешь?...

«— Просьбу, говорю, подамъ, подъ законъ подведу тебя.

«Зло-то меня, знаете, очень ужь взяло.

«А онъ хоть бы бровью моргнулъ.

«По маломъ времени, однако, заговорилъ:

«— А я, говоритъ, допрежде тебя рапортъ пошлю, что молъ, оставилъ я, при переѣздѣ на квартиру, въ домѣ титулярнаго совѣтника Подобѣдова постъ-пакетъ съ донесеніями къ разнымъ министрамъ, пакеты съ надписью «секретно» да сто тысячъ казенныхъ деснегъ... И онъ-де, титулярный совѣтникъ Подобѣдовъ тотъ постъ-пакетъ похитилъ... Что тогда скажешь? А?

«Я такъ и обомлѣлъ. Вижу, дѣло-то хуже секре-, товъ.

«Хотѣлъ изловчиться: «у меня, говорю, свидѣтели есть».

«А онъ:

— Плотники что ли? Такъ я, говоритъ, ихъ отстраню, потому что они у тебя въ услуженіи. На это, братъ, статья есть.

«Вижу, нѣтъ у человѣка стыда въ глазахъ... Плюнулъ, пошелъ вонъ.

— Какъ же теперь поздравляете Александра Иваныча то?—спросилъ я.

— Сотскихъ изъ суда гоняю.

Петербургъ.
1857.

Digitized by Google

ИМЕНИННЫЙ ПИРОГЪ

(Разсказъ)

Это было еще задолго до крымской войны...

Въ одной изъ степныхъ губерній, въ захолустномъ городкѣ Рожновѣ, пришлось мнѣ прожить по одному дѣлу больше мѣсяца

Однажды въ воскресный день послѣ обѣдни, когда «благородные» обыватели богоспасаемаго града Рожнова, приложась ко кресту, поздравляли другъ друга съ праздникомъ, уѣздный стряпчій Иванъ Семенычъ Хоринскій подошелъ ко мнѣ.

— Сдѣлайте такое одолженіе,—говорилъ онъ съ какими-то торжественными ужимками,—удостойте чести мой пирожокъ; Антонъ Михайлычъ будутъ, Степанъ Васильичъ, Михайло Сергѣичъ. Сдѣлайте такое одолженіе, удостойте!.. Сегодня я именинникъ.

Поздравивъ именинника, я обѣщался быть у него непремѣнно.

— Только ужъ нельзя ли пораньше, Андрей Петровичъ: мы вѣдь люди простые, не столичные, привыкли рано. Сдѣлайте милость. теперь же, прямо из церкви.

Digitized by Google

Затѣмъ, посуетившись среди «благородныхъ», Иванъ Семенычъ въ алтарь пошелъ приглашать духовника своего, рожновскаго протопопа, отца Симеона. Мимоходомъ тронулъ за плечо купца Дерюгина, торговавшаго бакалеями, виномъ и другими жизненными потребностями и занимавшаго на ту пору должность городскаго головы. Дерюгинъ оглянулся, именинникъ что-то шепнулъ ему, и голова съ сіяющимъ лицомъ поклонился стряпчему въ поясъ.

Погода была прекрасная. «Благородные» пѣшкомъ пошли къ Ивану Семенычу. Шелъ городничій Антонъ Михайлычъ, шелъ исправникъ Степанъ Васильичъ, шелъ судья Михайло Сергѣичъ, шелъ «непремѣнный» Егоръ Матвѣичъ, шелъ почтмейстеръ Иванъ Павлычъ, шли и другіе обоего пола «благородные». — Двѣ бородки примкнули къ бритому сонму чиновныхъ людей: одна украшала красное, широкое лицо Дерюгина, другая густымъ лѣсомъ разрослась по румяному лицу касимовскаго купеческаго брата Масляникова, бывшаго прежде цѣловальникомъ, а теперь управляющаго рожновскимъ виннымъ откупомъ.

Расходившіеся изъ церкви мѣщане и разночинцы почтительно снимали шапки и низко кланялись шествующему сонму властей, но никто не удостоился отвѣтнаго поклона. Не гордость, не чванство причиной тому. Попадись благородный одинъ на одинъ любому мѣщанину, непремѣнно бъ отвѣтилъ ему поклономъ и дружелюбно поговорилъ бы. Но, шествуя въ сонмѣ властей, какъ поклониться?.. Нельзя!..

Именинникъ встрѣчалъ гостей на крылечкѣ. Шумой толпой ввалили они въ залу, а тамъ столы ужъ ставлены яствами и питіями, задорно подстрекавшими рѣніе, обоняніе и вкусъ нахлынувшихъ гостей.

Люди мелкой сошки: столоначальники или, какъ ·али ихъ по старинѣ, «повытчики», городской голова,

Digitized by Google

магистратскій и думскій секретари, учителя со штатнымъ смотрителемъ, отецъ дьяконъ, остались въ залѣ. Чинно разсѣвшись по стульямъ, скромно, вполголоса вели они бесѣду о новѣйшихъ происшествіяхъ въ городѣ Рожновѣ: о томъ, какъ въ ушатѣ съ помоями затонула хохлатенькая курочка матушки протопопицы, какъ бабушка-повитуха Терентьевна, середь бѣла дня заглянувъ въ нетоплёную баню, увидала на полкѣ кикимору, какъ повытчика духовнаго правленія Глоріанскаго кладбищенскій дьяконъ Гервасій засталъ въ самую полночь въ своемъ огородѣ, купно съ дѣвицей Капитолиной Гервасіевной.—Говорили, обсуждали, а сами съ жадностью поглядывали на предстоявшую трапезу.

Гости первой статьи, ранга высокаго: городничій, исправникъ, протопопъ, управляющій откупомъ, судья, «непремѣнный», засѣдатели уѣзднаго суда, почтмейстеръ, два секретаря изъ судовъ земскаго и уѣзднаго, казначей, винный приставъ продолжали шествіе въ гостиную, а тамъ на диванѣ сидѣла разряженная Катерина Васильевна, супруга Ивана Семеныча, съ Анной Алексѣвной городничихой да съ Марьей Васильевной исправницей. У дивана возлѣ матери стояли два сынка Ивана Семеныча, одинъ лѣтъ девяти, другой восьми, оба въ красныхъ рубашечкахъ, обшитыхъ бѣлыми снурками. Дико смотрѣли мальчишки: старшій мрачно ковырялъ пальцемъ въ носу, а младшій, увидя издали протопопову бороду, разинулъ ротъ, сбираясь задать исправную ревку. Онъ не замедлилъ, братишка завторилъ ему, и Катерина Васильевна, схвативъ сыновей за руки, увлекла ихъ въ дѣтскую, и минутъ черезъ пять воротилась къ гостямъ, оправляя помятое плат

Чай подали. Хоть русскій человѣкъ до чаю охоч но, въ ожиданіи будущихъ благъ, гости пили его до поту лица. Вскорѣ хозяинъ пригласилъ сидѣвши въ гостиной перейти къ залу — водочки выкушать.

Digitized by Google

— Да ты бы сюда велѣлъ тащить,—молвилъ Иванъ Павлычъ почтмейстеръ, хвалившійся передъ тѣмъ, что онъ всего Вóлтера наизустъ вытвердилъ. Почтмейстеръ всѣмъ говорилъ «ты» и оттого всѣ думали, что онъ вольнодумецъ и вѣруетъ не въ Бога, а въ Вóлтера. Иванъ Павлычъ гордился тѣмъ.

— Помилуйте, Иванъ Павлычъ,—съ явнымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ ему именинникъ, ткнувъ пальцемъ по направленію къ дивану.

Надъ диваномъ висѣлъ писаный масляными красками портретъ пожилаго господина въ мундирѣ, съ красной лентой черезъ лѣвое плечо и съ двумя звѣздами. Длинный, горбатый носъ и глаза на выкатѣ подъ наморщенными, щетинистыми бровями сурово глядѣли изъ ярко позолоченной рамы.

— Экъ чего струсилъ!—захохоталъ почтмейстеръ.— Не живой, авось не укуситъ!..

— Все-таки подобіе, — сдержанно молвилъ именинникъ.—Вамъ что?.. Вы вѣдь Вóлтеръ, а мы христіане.

— Да-съ, могу сказать!..—самодовольно отвѣтилъ, поглядывая на меня, Иванъ Павлычъ.—Могу сказать, что Вóлтера знаю... Ты бы, Иванъ Семенычъ, хоть «Оду на разрушеніе Лисабона» раскусилъ, такъ и не сталъ бы призраковъ бояться,—продолжалъ онъ, указывая на портретъ. — Призракъ вѣдь?.. А?

— Полноте вамъ!..—неспокойно проговорилъ именинникъ, увлекая нечесаннаго Вóлтера къ столу съ графинами и графинчиками. — Вы бы лучше вотъ выкушали.

— Можно!—отвѣтилъ почтмейстеръ, и прошелся по водочкѣ.

— Славная икорка!—замѣтилъ городничій, набивая ротъ хлѣбомъ, вплотную намазаннымъ свѣжей зернистой икрой. — Изъ Саратова?

— Изъ Саратова, — отвѣтилъ именинникъ.

Digitized by Google

— Хорошая икра. Что бы тебѣ, Маркелычъ, такую держать?—сказалъ Антонъ Михайлычъ стоявшему у притолки городскому головѣ.

Почтительно подойдя къ «хозяину города», голова съ низкимъ поклономъ и плутовской усмѣшкой промолвилъ:

— Не сходно будетъ, ваше высокородіе. Сами изволите знать, какой здѣсь расходъ.

— Мы бы стали брать, вотъ Степанъ Васильичъ, Алексѣй Петровичъ; Иванъ Семенычъ, всѣ...

— Нѣтъ, ужъ увольте, ваше высокородіе. Ей-богу, несходно.

Правъ былъ голова: несходно ему было хорошую вещь въ лавкѣ держать. Икра за прилавкомъ не залежалась бы, въ день либо въ два расхватали бъ ее «благородные» — на книжку. А это значитъ: «пиши долгъ на двери, а получка въ Твери».

— Пирогъ поданъ!..—возгласилъ именинникъ.—Андрей Петровичъ, Антонъ Михайлычъ, милости просимъ. Иванъ Павлычъ, а повторить?

— Можно, — отвѣтилъ почтмейстеръ, и повторилъ въ пятый либо въ шестой разъ. Ученикъ Вóлтера придерживался россійскаго, о виноградномъ отзывался презрительно, называя его свекóльникомъ.

Гости перваго сорта вокругъ стола усѣлись, мелкая сошка пили и ѣли стоя, барыни съ Катериной Васильевной удалились въ ея комнаты. Нельзя жъ при кавалерахъ прихлебывать настоечки да наливочки.

Зашла бесѣда о желѣзныхъ дорогахъ. Стоявшій за стульями штатный смотритель съ приличной осторожностью осмѣлился доложить, что было бъ хорошо и даже необходимо для отечественнаго просвѣщенія провести желѣзную дорогу въ Рожновъ. Городничій закинулъ назадъ голову и, съ презрѣньемъ взглянувъ на смотрителя, молвилъ:

Digitized by Google

— Ишь чего захотѣлъ!

Штатный смотритель поперхнулся кускомъ пирога и съ глухимъ кашлемъ, наклоняясь и закрывая ротъ салфеткой, торопливо вышелъ въ переднюю.

— А что жъ?.. Недурно бы было,—сказалъ исправникъ.—Съ Волги живыхъ стерлядей сюда бы возили.

Исправникъ, по собственному его выраженію, имѣя «характеръ гастрономическій», держалъ повара, привезеннаго изъ Москвы, и смотрѣлъ на обѣдъ какъ на цѣль человѣческой жизни.

— Часты будутъ наѣзды изъ губерніи,—отвѣтилъ городничій.—Изъ мундира не вылѣзай. Да и накладно.

— Правда,—подтвердилъ сонмъ благородныхъ. Согласился и гастрономъ-исправникъ

По угламъ разговоры шли дѣловые. Только и слышно было:

— Къ вамъ послано было отношеніе, на это отношеніе вы отвѣчали...

— А по указу губернскаго правленія...

— Недоимка наросла страшная, хоть ты тутъ тресни, ничего не подѣлаешь...

— А казенная палата и посылаетъ указъ...

— Ну, и заключить его въ тюремный замокъ!

И за столомъ разговоръ съ желѣзныхъ дорогъ на дѣла перешелъ.

— Дѣятельностью могу похвалиться,—говорилъ исправникъ.—Загляните когда-нибудь къ намъ въ земскій судъ, Андрей Петровичъ, — посмотрите... Тридцать шесть тысячъ исходящихъ!.. И до этакого числа, могу сказать, я довелъ. При покойникѣ Алексѣѣ Алексѣичѣ рѣдкій годъ двадцать тысячъ набиралось. При моей бытности, значитъ, въ полтора раза дѣятельность умножилась. Дѣлъ теперь у меня... Ардаліонъ Петровичъ!—крикнулъ онъ черезъ столъ секретарю земскаго суда. — Сколько у насъ дѣлъ?

Digitized by Google

— По суду?—басомъ спросилъ секретарь.

— И по суду, и у становыхъ, всего сколько?

— Тысяча весемьсотъ шестьдесятъ девять дѣлъ къ первому числу показано,—пробасилъ Ардаліонъ Петровичъ и хлопнулъ на́-лобъ рюмку хересу.

— Возьмите вы это, Андрей Петровичъ, тысяча восемьсотъ шестьдесятъ девять дѣлъ. Среднимъ числомъ хоть по двадцать листовъ на дѣло положить... вѣдь это... двадцать да шестнадцать... семнадцать... вѣдь это тридцать семь тысячъ листовъ безъ малаго. Да еще мало я кладу по двадцати листовъ на дѣло. Такъ изволите ли видѣть, какова у насъ дѣятельность...

Слова исправника просьбицу означали: когда, дескать, увидите министра, скажите ему: «есть молъ, ваше высокопревосходительство, въ Рожновѣ исправникъ, Степанъ Васильичъ, отличный исправникъ, дѣятельный, привелъ уѣздъ въ цвѣтущее, можно сказать, положеніе».

А вечеркомъ на сонъ грядущій такъ исправникъ мечталъ: «Скачетъ отъ губернатора нарочный, скачетъ, скачетъ, прямо ко мнѣ. «Пожалуйте, говоритъ, къ губернатору для объясненія по дѣламъ службы». Ѣду, разумѣется, немедленно, являюсь... А губернаторъ на шею ко мнѣ. «Поздравляю, говоритъ, поздравляю, Степанъ Васильичъ, поздравляю!» А самъ крестикъ изъ пакета вынимаетъ, къ мундиру мнѣ пришпиливаетъ. Я, разумѣется, въ плечо его превосходительство, руку ловлю... Не даетъ. «Лучше, говоритъ, я тебя въ губы»... Заманчиво, чортъ возьми! Ей-богу, заманчиво!.. Какой бы обѣдище задалъ!.. Какъ свиней кормятъ пареной рѣпой, такъ бы всѣхъ закормилъ я трюфелями!.. Пирговъ бы страсбургскихъ выписалъ, омаровъ... На каждаго по пирогу да по цѣльному омару!. Такими дюшесами столъ изукрасилъ, что кто бъ ни взглянулъ, такъ бы и обомлѣлъ».

Digitized by Google

Пиршество межъ тѣмъ продолжалось. Именинникъ торопливо перебѣгалъ отъ гостя къ гостю, упрашивая ровно Богъ знаетъ о какой милости побольше покушать. Напрасно онъ хлопоталъ, и безъ того гости охулки на́ руку не клали. Исчезло со столовъ пять кулебякъ съ вязигой да съ семгой, исчезъ чудовищный осетръ, достойный украсить обѣденный столъ любого откупщика; исчезли бараньи котлеты съ зеленымъ горошкомъ и даровые рябчики, нашпикованные не вполнѣ свѣжимъ домашнимъ саломъ. Все исчезло въ безднѣ «благородныхъ» утробъ... Со славой тѣ утробы поспорили бы съ утробами поповскими... Про нихъ, къ общему удовольствію гостей, рожновскій Во́лтеръ, обращаясь къ отцу протопопу, сказалъ: «сидитъ попъ надъ Псалтырью, другой попъ съ нимъ рядомъ. Что́ бъ означало, спросилъ одинъ, «бездна бездну призываетъ»? Другой отвѣчаетъ: «это, говоритъ, значитъ: попъ попа въ гости зоветъ».

Изъ-за стола встали грузны. Во́лтеръ хотѣлъ было домой идти, но, отыскивая картузъ, сѣлъ нечаянно на стулъ у окошка и то́тчасъ заснулъ. Духовенство ушло, вслѣдъ за нимъ и мелкая сошка.

Оставшіеся завели рѣчь про губернаторскую ревизію, потомъ заговорили о портретѣ, висѣвшемъ въ гостиной именинника.

— Разскажи, Иванъ Семенычъ, про портретъ-отъ,— сказалъ городничій.

— Да вы вѣдь ужъ знаете, Антонъ Михайлычъ,— несмѣло отозвался Иванъ Семенычъ. — Зачѣмъ же повторять?

— Да вотъ нашъ гость дорогой, Андрей Петровичъ, не знаетъ.

— Эхъ,—воскликнулъ Иванъ Семенычъ, махнувъ рукою.—Не понять Андрею Петровичу!... Мы вѣдь люди простые, степняки, не петербургскіе... Нѣтъ ужъ,

Digitized by Google

Антонъ Михайлычъ, — пущай его виситъ!.. Богъ съ нимъ... Мы жъ теперь маленько подгуляли... Не хорошо въ такомъ видѣ про такія дѣла говорить.

Неотступныя просьбы поколебали именинника. Тихо подошелъ онъ къ гостиной, осторожно притворилъ дверь и усѣлся въ кружокъ. На лицѣ его замѣтно было душевное волненіе. Положилъ онъ широкія ладони на колѣна, свѣсилъ немного голову и, помолчавши, вполго́лоса началъ разсказывать:

— Его превосходительство Алексѣй Михайлычъ Оболдуевъ, нашъ губернскій предводитель,—его, Андрей Петровичъ, вы, конечно, имѣете честь знать, — изволили лѣтъ пять тому назадъ въ Рожновскомъ уѣздѣ съ аукціона купить заложенное и просроченное имѣніе гвардіи поручика Княжегорскаго, село Княжово съ деревнями... Въ томъ селѣ домъ былъ старый-престарый, комнаты—сараи, потолки со сводами, стѣны толстыя, ровно московскій Кремль. Въ стары-то годы, знаете, любили строиться прочно, чтобъ строенью вѣку не было. Толсто, несуразно, зато прочно выходило.

Домъ у Княжегорскаго былъ запакощенъ хуже незнай-чего. Когда въ нашей губерніи вторая бригада восьмой дивизіи стояла, онъ его подъ военный постъ отдавалъ. И стѣны, и полы, и потолки въ такомъ видѣ послѣ христолюбиваго воинства остались, что самому небрезгливому человѣку стоило только взглянуть, такъ бывало цѣлый день тошнитъ... И въ такомъ-то домѣ— слышимъ — его превосходительство, Алексѣй Михайлычъ желаетъ по лѣта́мъ проживать. Оченно ему понравилось мѣстоположенье Княжова.

Съ диву пали. «Какъ же это, думаемъ, его превосходительство Алексѣй Михайлычъ, особа обращенія деликатнаго, воспитанія тонкаго, въ вертепѣ станетъ жить?» Однако жъ года черезъ полтора его превосходительство, можно сказать, восьмое чудо сотворил

Digitized by Google

изъ запакощеннаго дома такой, могу вамъ доложить, соорудили, что хоть бы въ Петербургъ возлѣ государева дворца поставить. Зимніе сады, цвѣтныя стекла, бронзовыя рѣшетки, карнизы, изъ бѣлаго камня сѣченые. Не домъ — чертоги.

Такъ и ахаютъ всѣ, а его превосходительство Алексѣй Михайлычъ изволятъ говорить: «подождите, то-ли еще будетъ». И выписали они изъ Риги нѣмца—Карла Иваныча, чтобы онъ Княжовскій домъ живописью украсилъ. Пріѣхалъ Карлъ Иванычъ, а былъ онъ нѣмецъ настоящій, ни единаго то-есть слова по-русски не разумѣлъ. Послѣ наторѣлъ, а на первыхъ порахъ ровно полоумный былъ: ты ему говоришь дѣло, а онъ выпучитъ глаза да головой мотаетъ. Смѣшной былъ нѣмецъ!

Чего только онъ не натворилъ: потолки расписалъ, нагихъ Венеръ, Купидоновъ и другихъ языческихъ боговъ намалевалъ, и всѣ-то они вышли у него народъ здоровенный, матерóй, любо-дорого посмотрѣть!

Живучи въ Княжовѣ, Карлъ Иванычъ въ Рожновѣ частенько бывалъ.

Подружился я съ нимъ, когда онъ по-русски сталъ понимать. Мастеръ наливки дѣлать и все по рецептамъ. И меня тѣми рецептами снабдилъ. Наливочки, смѣю полагать, изряднехоньки. Андрей Петровичъ, сливяночки не прикажете ли, али вотъ поляниковки!.. Деликатесъ, могу доложить!..

Однажды пріѣзжаетъ нѣмецъ въ городъ прямо ко мнѣ.

— Что, говорю, Карлъ Иванычъ, за чѣмъ Богъ принесъ?

— Дѣльце, говоритъ, Ифанъ Симонишь, есть.

— Какое дѣльце.

Пошелъ нѣмецъ разсказывать.

Дѣло вотъ какое было. Въ ихней Немечинѣ, въ самой то-есть въ настоящей Нѣмечинѣ, въ Ревелѣ,

Digitized by Google

сродникъ номеръ у Карла Иваныча, и ему доводилось наслѣдство получить. А какъ получить—не знаетъ. По дружбѣ взялся я ходатайствовать, довѣренность взялъ у него и пошелъ въ Нѣмечину бумаги писать. Возни много было, нѣмцы—народъ ремесленный: законовъ не разумѣютъ... И присутственны-то мѣста у нихъ не какъ у людей: «оберъерихты» да «гутманы,» самъ чортъ не разберетъ!... А Карлъ Иванычъ горячка: ему бъ въ одинъ день наслѣдство взять безо всякой переписки. «Нѣтъ, говорю, братъ, шалишь, не въ порядкѣ будетъ, ты повремени, а я стану писать, какъ слѣдуетъ.» На силу могъ урезонить. Наставивши его на должный порядокъ, безъ малаго полтора года велъ его дѣла. Выслали напослѣдокъ Карлу Иванычу изъ Ревельской Нѣмечины шестьсотъ цѣлковыхъ.

Зарадовался. На козьихъ своихъ ножкахъ такъ и подпрыгиваетъ, рученки такъ и потираетъ...

— Сколько, говоритъ, надо, Ифанъ Симонишь, благодарности?

А я ему:

— Богъ съ тобой, Карлъ Иванычъ!... Съ ума ты что ли спятилъ... Я хлопоталъ по дружбѣ, денегъ не возьму.

А онъ:

— Да мнѣ, говоритъ, совѣстно, Иванъ Симонишь.

Хорошій былъ человѣкъ, даромъ что нѣмецъ, совѣсть зналъ.

— А коли, говорю, совѣстно, такъ подари картинку своего писанья.

Такъ и запрыгалъ... Руку мнѣ пожимаетъ, меня же благодаритъ, что картину у него потребовалъ... Слезы даже на глазахъ выступили. А не тому радъ, что деньгами мнѣ не поплатился. «Мнѣ, говоритъ, то дорого, что вы, Ифанъ Симонишь, искусство любите.»

— А я ему:

Digitized by Google

— Ужь тамъ, братъ, люблю ли я, нѣтъ ли, а картинку-то мнѣ подай.

— Есть, говоритъ, у меня «Разбойникъ Венеціанскій», младенца рѣжетъ, да есть говоритъ, «Итальянское Утро,» да есть, говоритъ, губернаторскій портретъ.

Разбойника взять поопасился. По должности не прилично... Стряпчій... У царскаго-то ока да вдругъ разбойникъ въ домѣ заведется?... Хоть и не русскій, а все нехорошо... Опять же супруга каждый годъ тяжела бываетъ, неравно на послѣднихъ часахъ взглянетъ на «Разбойника» да испужается... Портретъ взять, думаю, будетъ не по чину, смѣяться бы не стали. —«Какая-нибудь, дескать, пиголица, уѣздный стряпчій, а тоже подобіе его превосходительства у себя имѣетъ.» Давай, говорю, «Итальянское Утро.» На томъ и рѣшили.

Добрая недѣля прошла, а «Утра» нѣтъ какъ нѣтъ... Сталъ я подумывать, не надулъ ли меня Нѣмецъ, по губамъ только не помазалъ ли? Однако жь, нѣтъ, везутъ изъ Княжова ящикъ аршина два длины, полтора ширины. Вотъ оно «Утро»-то!.. Честный человѣкъ не надулъ.

Жену кликнулъ... Гляди, молъ, «Утро» привезли Дѣти прибѣжали.

— Папася, папася, голосятъ, это пастила что-ли?

— Нишкните, говорю, какая тутъ пастила! Тутъ «Итальянское Утро»: солнышко восходитъ, коровки идутъ, пастушокъ на свирѣлкѣ играетъ.

Ребятишки такъ и запрыгали; одинъ кричитъ: «папася, мнѣ коловку!» другой голоситъ: «папася, пасуська!»

Какъ вскрылъ да поставилъ я картину на столъ, такъ даже ахнулъ... Этакой ты безстыжій, Карлъ Иванычъ! Къ женатому человѣку да такую пакость!...

Digitized by Google

Утра-то на картинѣ вовсе нѣтъ: стоитъ молодая дѣвка въ одной рубахѣ, руки моетъ, рубашенка съ плечъ спущена, все наружи, рядомъ постель измятая... И другое житейское—все, тутъ же!

Жена какъ взвизгнетъ да всплеснетъ руками. Плюнула на картину, говоритъ:

— Срамникъ ты, срамникъ этакой, Иванъ Семенычъ!.. На старости лѣтъ пакостями вздумалъ заниматься!... Я, говоритъ, отцу Симеону пожалуюсь, задалъ бы тебѣ на духу хорошенькаго нагоняя, эпитимью наложилъ бы. А меня, покамѣстъ эта мерзость въ домѣ, ты и не знай.

Ушла, и дверью хлопнула.

— А ребятишки пальцами въ картину тычутъ, кричатъ: «кормилка! кормилка!» А кучеръ Гришка, что́ ящикъ въ комнаты вносилъ, сзади стоитъ, ухмыляется да бормочетъ себѣ подъ носъ: «ровно, кума Степанида.»

— Вонъ всѣ пошли!—крикнулъ я.

Остался одинъ передъ «Утромъ», разглядывать сталъ... Бѣсъ и ну смущать... Глаза масляные, съ поволокой, зубы бѣлые, сама дородная; смугла, за то грудиста, а волосы смоль, какъ есть смоль черные.

Гляжу, гляжу, а самъ чувствую, какъ грѣхъ-отъ на душу лѣзетъ. Мурашки по спинѣ... Дышишь—задыхаешься, въ сердце ровно горячей иглой кольнуло тебя. Разбѣжались глаза... Хорошо намалевано!... Да гдѣ-жь «Утро-то итальянское?»

Вспомнилъ, что въ законѣ, въ бракѣ то-есть состою—нечего, значитъ, на чужую красоту глаза пялить... Какую Богъ послалъ—той и держись, а на чужую не смѣй зариться, грѣшныхъ мыслей не умножай!... Такъ Господь повелѣлъ... Грѣховодникъ ты, грѣховодникъ, Карлъ Иванычъ! Вотъ оно въ тихомъ то болотѣ черти живутъ. Тихоня, скромникъ, бывал

Digitized by Google

на курносую, рябую стряпку взглянетъ, такъ весь зардѣетъ, а вотъ чѣмъ занимается!...

Жену кой-какъ усовѣстилъ, резоны ей представлялъ всякіе: даровому-де коню, матушка въ зубы не смотрятъ, а тебѣ, говорю, опасаться нечего, дѣвка не живая.

Степанидой попрекнула. А я ей:

— Степанида, говорю, матушка, вещь живая, и ты сама знаешь, что я теперь—ни-ни. А это, говорю, картина, вещь бездушная, грѣха отъ нея случиться не можетъ.

Такъ да этакъ, уговорилъ Катерину Васильевну повѣсить картину въ гостиной.

Повѣсили. Только сталъ я замѣчать, что моя Катерина Васильевна невесела́ ходитъ; каждый разъ, что́ ни пройдетъ черезъ гостиную, плюнетъ. Иной разъ всплакнетъ даже. Станешь что-нибудь говорить съ лаской, она: «ступай, говоритъ, въ гостиную, тамъ у тебя «Итальянское Утро.»

Раздоръ семейный, несогласіе!.. Ахъ ты, нѣмецъ окаянный!..

Рождество Христово подошло, съ визитами всѣ. Мужчины пріѣдутъ—съ «Утра» глазъ не сводятъ, а барыни—хоть святыхъ вонъ неси. «Человѣкъ вы немолодой, Иванъ Семенычъ, — корятъ меня, — малыхъ дѣтей имѣете, а такой соблазнъ въ честной домъ внесли... Бога не боитесь!...» И ни одна, бывало, мимо картины не пройдетъ, чтобы не плюнуть!... А небось, какъ у его превосходительства Алексѣя Михайлыча въ Княжовѣ балы бываютъ, такъ изъ угольной отъ Аполлоновой статуи нашихъ барынь плетью не отгонишь.

Житья не стало отъ окаяннаго «Утра.» Отецъ Симеонъ началитъ сталъ: «грѣхъ, говоритъ, въ одной комнатѣ со святыми иконами богомерзкое изображеніе держать.»

Digitized by Google

Жаль было картинки. Не бросить же!.. Ежели въ гостиной нельзя держать, перенесу ее въ заднюю,— маленькая тамъ у меня горенка есть, для прохлады...

Хуже стало. Весь Рожновъ заговорилъ, что царское око въ потаенный развратъ ударился! Отецъ протопопъ заходилъ, строго выговаривалъ.

«Провались ты, думаю, окаянный мѣмецъ, со своимъ «Итальянскимъ Утромъ»! Заколотилъ его въ ящикъ, и назадъ въ Княжово. «Давай, пишу Карлу Иванычу, губернатора.».

О ту пору, какъ я «Утро» отправлялъ, его превосходительство господинъ губернаторъ у насъ въ Рожновѣ на ревизіи былъ. Пріѣхалъ грозный, и уѣхалъ грозный. Такой робости задалъ, такъ всѣхъ понастроилъ, что только Господи ты Боже... Во все самъ входилъ: и сукно на столахъ охаялъ, и коверъ, говоритъ, по закону долженъ быть... Замѣтилъ, что законы не за замкомъ лежатъ, что стулья поломаны, на заднюю лѣстницу даже ходилъ. Всѣмъ досталось, а мнѣ изволилъ сказать: «ты ни за чѣмъ не смотришь, ничего не видишь!» Такъ и сказалъ... Ей-Богу!

Думаю: «Ну, какъ нѣмца да продернетъ на портретѣ... Какъ угораздитъ его, чортова сына, безъ орденовъ изобразить. Повѣсить нельзя будетъ его превосходительство. Хуже «Итальянскаго Утра» выйдетъ».

Везутъ ящикъ. Тутъ я ни жену, ни дѣтей не позвалъ, вдвоемъ съ Гришкой ящикъ вскрывали... Ахъ ты, нѣмецъ окаянный... Звѣзду намалевалъ, а ленты нѣтъ... Да еще во фракѣ изобразилъ начальника-то губерніи!.. А у фрака-то, можете себѣ вообразить, лацканъ больше чѣмъ полъ-звѣзды закрываетъ.

А сходствія много; и смотритъ грозно, и руку за жилетъ. Такъ вотъ, кажется, сейчасъ и скажетъ: «а ты чего смотришь, дуракъ?»

Повѣсилъ я портретъ въ гостиной надъ диваномъ.

Digitized by Google

Спервоначалу у насъ въ домѣ все посмирнѣй пошло; и жена меньше ругается, и развратомъ не попрекаетъ. Кто ни придетъ, всякій, бывало, съ почтеніемъ взираетъ. Одинъ Иванъ Павлычъ, ну да онъ что?... Вóлтеръ такъ Вóлтеръ и есть.

Заварилось той порой казусное дѣло. Окружной съ откупщикомъ не поладилъ, каши ему наварилъ. Изъ-за выставокъ дѣло пошло. Знаете, выставка пятидесятидневная, а сидятъ съ виномъ круглый годъ. Окружной взъерошился, дѣло поднялъ. Произвели слѣдствіе, въ уѣздный судъ представили, плохо откупщику. Самъ прискакалъ... Заметался во всѣ стороны: «отцы, говоритъ, родные, выручайте.» Съ окружнымъ на мировую, съ нами тоже.

Только что уѣхалъ онъ отъ меня, стою въ гостиной, считаю благостыню. Поднялъ глаза, варомъ меня обдало! Его превосходительство глаза такъ и выпучилъ. «А! мошенникъ, попался!... Въ моемъ виду берешь!... А по Владиміркѣ хочешь?... А?...» Руки съ деньгами я за себя, самъ думаю: «а въ самомъ дѣлѣ, неловко въ присутствіи его превосходительства, яко бы благодарность получать. Оно, конечно, не въ самоличности, однако-жъ подобіе.»

Да съискоса и глянулъ на портретъ... диво, ей-Богу́!...—Не страшно.

«Однако-жъ, думаю, что жь это за оказія?» Сталъ замѣчать: — никто не боится портрета, даже и ребятишки. Старшій-отъ у меня побойчѣе, безъ робости въ гостиную ходитъ, запрыгаетъ на одной ножкѣ передъ портретомъ, спуститъ рукава съ рученокъ, да и кричитъ во все горло: «Альмянинъ, альмянинъ, большеносой альмянинъ!»

— Какой, крикну ему, армянинъ?—Это начальникъ, ты долженъ имѣть къ нему уваженіе.

А онъ прыгаетъ да твердитъ: «Не нацяльникъ —

Digitized by Google

альмянинъ! Не нацяльникъ — альмянинъ»... Да все на одной ножкѣ. Сѣкъ два раза—неймется.

Цесарцы [1]) въ Рожновъ пріѣхали, моя Катерина Васильевна и кликни ихъ... Бабье дѣло, имъ бы хоть поглазѣть на нарядныя вещицы. Разложили цесарцы товары въ залѣ. Жена и ну приставать: купи да купи ей браслетку да брошку. Я сначала будто не слышу, а какъ надоѣла, вызвалъ ее въ гостиную, сталъ урезонивать.

— Образумься, говорю, матушка! Пристало ль тебѣ, говорю, браслеты да брошки носить? Вѣдь ты ужъ не молоденькая!..

Какъ ругнетъ меня!.. Да разъ, да другой, и пошла, и пошла.

— Что ты, говорю, матушка, раскудахталась? Хоть бы его превосходительства постыдилась!

А Катерина Васильевна какъ захохочетъ, такъ даже и покатилась.

— Дуракъ, говоритъ, ты, дуракъ... Какое это начальство? Это, говоритъ, тряпка малеванная!.. Это говоритъ, вотъ что...

Да какъ харкнетъ прямо въ носъ его превосходительства.

Я такъ и ахнулъ... А какъ прошло время, думаю, что жъ это въ самомъ дѣлѣ? Не похоже развѣ?

Сталъ больше замѣчанія держать. Что за шутъ, прости Господи... Никакой робости передъ портретомъ... Что такое?.. До того дошло, что иной разъ послѣ пирушки голова развинтится,—тряпку съ уксу-

---

[1]) Цесарцами назывались мелкіе торговцы, развозившіе по городамъ и помѣщичьимъ деревнямъ товары и лѣкарства. Они назывались и «венгерцами». Это были словаки, много между ними было и жидовъ, прикидывавшихся словаками. Лѣтъ сорокъ или болѣе тому назадъ, вслѣдствіе злоупотребленій жидовъ, особенно по продажѣ лѣкарствъ, иногда даже ядовъ, торговля эта была стѣснена до того, что вскорѣ цесарцы у насъ совсѣмъ перевелись.

Digitized by Google

сомъ приложишь, травничкомъ опохмѣлишься да, принеся подушку въ гостиную, положишь ее на диванъ, да въ холатѣ подъ портретомъ и ляжешь. Лежишь да посматриваешь, иной разъ даже скажешь мысленно: «Ну что? Ну вотъ я и пьянъ, и въ судъ не пошелъ, а ты ничего не можешь сдѣлать, даромъ что губернаторъ». То-есть, я вамъ доложу, ни малѣйшей робости. Тутъ только я догадался, что портретъ-отъ былъ привезенъ на другой день послѣ того, какъ его превосходительство намъ копоти задалъ. Со страху-то на первое время онъ грозно смотрѣлъ и уваженіе къ себѣ вселялъ, а какъ дѣло-то поулеглось, и портретъ-отъ приглядѣлся, робости и не стало.

Не ловко дѣло. Ребятишки подростаютъ, и ежели мальчишки съ малолѣтства не будутъ уважать начальство, что́ выйдетъ изъ нихъ, какъ вырастутъ?... Сохрани Господи и помилуй отъ такого несчастія! Взялъ я отпускъ дѣнъ на четырнадцать, въ губернію поѣхалъ. Портретъ съ собой.

Тамъ узнаю, что его превосходительство новой монаршей милостію взысканъ, Владиміра второй степени большого креста получить удостоился. Портретъ-отъ, значитъ, я и кстати привезъ, другую звѣзду надо пририсовать.

Живетъ у насъ въ губерніи Иванъ Лазаревъ, Цараповскій отпущенникъ. Живописью кормится: вывѣски по городу пишетъ и Божьимъ милосердіемъ отчасти промышляетъ, иконы то-есть пишетъ, и хоша запиваетъ, однако богомазъ изъ наилучшихъ.—Портреты, окромѣ царскихъ да его превосходительства, теперь пересталъ писать; портретная-де работа подошла и совсѣмъ, почитай, перевелась съ тѣхъ поръ, какъ, угораздило нѣмца какого-то штуку выдумать: посадитъ человѣка передъ ящикомъ, портретъ въ ящикѣ самъ готовъ. Ни дать, ни взять, какъ камедіянты яичницу

Digitized by Google

въ шляпѣ стряпаютъ. Нечистая-ль сила тутъ малюетъ, другое ль что, только эти ящики, говоритъ Иванъ Лазаревъ, насущный хлѣбъ у нашего брата отбили.... Вѣдь на вывѣскахъ да на Божьемъ милосердіи далеко, говоритъ, не уѣдешь.

Я къ нему, къ Ивану Лазареву. Пріятеля-то, Карла Иваныча, въ нашей губерніи тогда ужъ не было, въ Нѣмечину уѣхалъ. Говорю Лазареву: «вотъ, братецъ ты мой, портретъ его превосходительства, припиши ты другую звѣзду, въ мундиръ наряди и въ ленту. да въ лицѣ величія и строгости подпусти. За одно ужъ и золотую раму спроворь».

Поладили за тридцать цѣлковыхъ кругомъ.

— Смотри же, говорю, не попорти, работа нѣмецкая.

— Помилуйте, говоритъ, батюшка Иванъ Семенычъ. Намъ нѣмецка работа нипочемъ. Бывала въ нашихъ рукахъ самая даже итальянская. Не самоучкой дошли до искусства, покойникомъ бариномъ изъ годовъ Ступину въ академическую школу былъ отданъ. Десять лѣтъ, сударь въ Арзамасѣ выжилъ! Рафаэля можемъ писать.

— Къ тому я тебѣ говорю, Иванъ Лазаревъ, что руки-то у тебя больно трясутся.

— Это, говоритъ, ваше благородіе, отъ пьянства. Запоемъ пью. А вы не сумлѣвайтесь; хоша рука и дрожитъ, однакожъ на губернаторскихъ портретахъ шибко набита. Такъ я ее, сударь, набилъ, что вотъ хоть сейчасъ, въ вашемъ виду зажмурюсь и портретъ напишу: въ ростъ, такъ въ ростъ поясной.— Оченно много заказываютъ.

Ждалъ я недолго. Несетъ Лазаревъ портретъ. Переделалъ на диво. Своимъ добромъ хвалиться не велятъ, а тутъ ужъ просимъ извиненія... Хорошъ! утаить нельзя.

Digitized by Google

Какъ принесъ его Иванъ Лазаревъ — взглянулъ я, и глаза опустилъ.

— Спасибо, говорю.—Вотъ твои деньги, вотъ еще полтинникъ на водку. Одолжилъ!..

— Питеръ не губернаторъ,—говоритъ Иванъ Лазаревъ, отступивъ шага на три и закинувши голову.

— Именно, говорю, хотъ въ Питеръ такой портретъ.

— Громы, говоритъ, мещетъ грозный зѣвъ *).

— Грозёнъ, говорю, дѣйствительно. И зѣвъ, говорю, у его провосходительства очень грозёнъ. Зарычитъ на ревизіи—душа въ пятки уйдетъ. Ну, говорю, можно тебѣ чести приписать. Иванъ Лазаревъ, руки у тебя золотыя. Жаль только, что руки-то золотыя, да рыло поганое. Зачѣмъ не въ мѣру пьешь?

— Эхъ, завей горе веревочкой!.. Прощайте, батюшка Иванъ Семенычъ. Теперь за ваше здоровье запилъ Ванька, загулялъ.

Что́ ни знаю живописцевъ, до вина очень охочи. Хоть и Карла Иваныча взять: бывало такъ нарѣжется, что и русскому не сумѣть! А изъ господскихъ, что отдаютъ въ ученье живописному, все давятся побольше; баринъ учитъ, учитъ человѣка, а какъ только выученный малый поступитъ въ барскій домъ, тотчасъ и задавится. Ну и убытокъ.

Привожу домой обновленныи портретъ, вѣшаю на прежнее мѣсто. Тишина райская пошла. Жена ни гугу, а дѣти разревутся, нянька прямо ихъ въ гостиную. Покажетъ на портретъ, скажетъ: «а вонъ бука-то!» Ребенокъ и стихнетъ.

Сами изволите видѣть: и величіе, и строгость, и важность, все. И двѣ звѣзды, и лента черезъ плечо.

---

*) Иванъ Лазаревъ въ Арзамасѣ у Ступина учился миѳологіи зналъ ю Зевса и Юпитера. Иванъ Семенычъ, не получивъ классическаго образованія, полагалъ, что ему онъ про Петербургъ да про губернаторскій въ говоритъ.

Digitized by Google

Случится въ судъ опоздать, такъ я изъ спальной черезъ кухню, а мимо портрета не могу. Не вынесу, ей-Богу не вынесу!

Да не я одинъ... Помните, Антонъ Михайлычъ, какъ въ прошломъ году я полученіе безпорочной пряжки праздновалъ. Этакъ же вотъ собрались всѣ у меня, Андрей Петровичъ, только вечеромъ. Послѣ ужина подали жженку варить. Середь гостиной столъ поставили, свѣчи вынесли, зажгли жженку. Только вдругъ вотъ Антонъ Михайлычъ какъ закричитъ: «Убери, Иванъ Семенычъ, убери поскорѣй!...» Взглянули, а отъ пламени-то личико его превосходительства такъ и морщится, такъ и хмурится. Пошелъ я къ Катеринѣ Васильевнѣ, взялъ драдедамовый платокъ и съ благоговѣніемъ завѣсилъ портретъ.

— Да, сходствіе большое,—замѣтилъ, затягиваясь жуковымъ, Антонъ Михайлычъ.

— Мечта!—замѣтилъ исправникъ.

— Хороша мечта,—возразилъ городничій. — А въ прошлую ревизію какъ за мосты да за гати кого-то нудрили? Тоже мечта была?

— Нѣтъ, Степанъ Васильичъ, — подхватилъ именинникъ,—тутъ не мечта. На что Иванъ Павлычъ, и тотъ передъ портретомъ горла зря не распускаетъ. Да гдѣ онъ?

Оглянулись: Вóлтеръ, сидя на стулѣ и склонивъ на окно буйную голову, спалъ богатырскимъ сномъ. Пять экстръ приди, десятка два эстафетъ пріѣзжай,— не добудятся.

— Свалило — мотнувъ головой, — замѣтилъ городничій.

Петербургъ.
1859.

Digitized by Google

БАБУШКИНЫ РОЗСКАЗНИ

(Разсказъ)

Бабушка Прасковья Петровна Печерская кончила жизнь далеко за сотню годовъ отъ роду. На старости лѣтъ хватила старушка грѣха на душу—молодилась. Бывало бабушкѣ все восьмой десятокъ въ доходѣ. Лѣтъ двадцать пять доходилъ,—такъ и не дошелъ.

Бабушка Прасковья Петровна на самомъ-то дѣлѣ была мнѣ прапрабабушкой, да мы всѣ ее бабушкой звали. И это старушкѣ нравилось.

Спросишь бывало; — въ которомъ году родились вы, бабушка?

— А вотъ ужъ го́да-то, **mon couer**, и не упомню, отвѣтитъ.—Да ты считай: покойница матушка принесла меня въ самый тотъ день, какъ на Охтѣ попа жгли. Привозилъ того попа въ Петербургъ князь Дундукъ, а князь Дундукъ въ ту́ пору былъ еще некрещеный, и тотъ попъ былъ у него самый на́большій: по нашему архіерей, по ихнему, по-калмыцки, Чурлама. Онъ въ Петербургѣ возьми да и помри, а по калмыцкому закону мертваго попа надо жечь. Ну и сожгли.

Digitized by Google

Весь Петербургъ тогда на Охту высыпалъ: всякому лестно было поглядѣть, какъ поповъ жгутъ. И батюшка съ матушкой, дай Богъ имъ царство небесное, ѣздили. Матушку-то въ народѣ и помяли: какъ пріѣхала домой, такъ меня и принесла... Такъ-то, Андрюша!.. Ты зналъ ли, голубчикъ, что я недоносокъ?

— Бабушка! да вѣдь этому больше ста лѣтъ [1]).

— Полно-ка ты,—заворчитъ бабушка,—молодъ еще надо мной смѣяться!.. Сто лѣтъ!.. Экъ, что́ сморозилъ!.. Перекрести лобъ-отъ, опомнись... Семьдесятъ восемь, либо семьдесятъ семь—это можетъ статься, а ты ужъ гляди-ка что махнулъ!.. Сто годовъ!.. Прошу покорно!..

И пойдетъ, бывало, ворчать бабушка, но не на́долго: добрая была старушка и меня очень любила. Съ малолѣтства былъ я ея баловнемъ. Меня бывало такъ и звали: бабушкинъ внучекъ да бабушкинъ внучекъ. И она очень это любила.

Глуха подъ старость стала и видѣла плохо, но память сохранила рѣдкую. И, какъ часто бываетъ съ людьми преклонныхъ лѣтъ, хорошо помнила только время молодости. Какъ начнетъ бывало свои розсказни про времена елизаветинскія да екатерининскія—все до подробности разскажетъ, а французскаго погрому не помнила, хоть и вывезли ее изъ Москвы за пять часовъ до вступленія Наполеона, и она, крестясь и глухо рыдая, всю ночь проглядѣла изъ подмосковной на страшное зарево славнаго пожара.

— Какъ же это вы забыли, бабушка, какъ Наполеонъ-отъ въ Москву приходилъ?—спросишь бывало ее.

— Нѣтъ, милый Андрюша, не припомню. Не припомню, родной... И долго жила на Москвѣ, а такого не помню.,. Да кто онъ такой былъ? По прозвищу изъ чужестранцевъ должно быть?

---

[1]) Сожженіе Чурламы было въ маѣ 1736 года.

Digitized by Google

— Французъ, бабушка.

— Французъ!.. Нѣтъ, моя радость, такого не помню. И хвастать не хочу.—Много вѣдь франдузовъ-то тогда на Москвѣ проживало... Да онъ кто таковъ? Танцовщикъ аль гувернеръ, можетъ статься?

— Императоръ, бабушка.

— Императоръ!?.. Какъ такъ императоръ?.. Какой?

— Императоръ французовъ, бабушка.

— Перестань, Андрей!.. Грѣхъ надъ бабушкой смѣяться. Господь счастье отниметъ... Смотри-ка, что вздумалъ. Нашелъ у французовъ императора!.. А еще учишься!.. Нехорошо... Императоровъ, **mon coeur**, во всемъ свѣтѣ только двое—нашъ да еще римскій; салтанъ турецкій тоже въ рангѣ императора состоитъ, только не совсѣмъ, для того, что некрещеный. А у Французовъ, **mon coeur**, король, **roi de France et de Navarre**... Да... Какъ нынѣшняго-то зовутъ? **Louis seize** все еще царствуетъ аль дофинъ воцарился?

— Эхъ, бабушка, чего хватились! Да теперь ужъ лѣтъ пятьдесятъ, какъ Людовику головку срубили.

— Жалѣю, очень жалѣю. Безподобный былъ король, и къ намъ всегда былъ расположенъ. **Mon cousin**, князь Свибловъ, при нашемъ резидентѣ въ Парижѣ находился и разсказывалъ про **Louis seize** очень много хорошаго. «**Il ne parle jamais de notre impératrice**— говаривалъ **mon cousin — que dans les termes du plus profond respect et de la plus haute estime**». По тому и жалѣю его.—Только вѣдь онъ былъ такой миролюбивый; съ кѣмъ же это онъ воевалъ? Съ гишпанскимъ, полагаю.

— Ни съ кѣмъ, бабушка, не воевалъ.

— **Il est tué**—ты сказалъ.

— Tué-то, tué. Да не на войнѣ, а на эшафотѣ.

— Послушай, Андрей! Ты, должно быть, мартистъ... Нехорошо, милый, очень нехорошо! Ужъ ты

Digitized by Google

съ Лопухинымъ не знаешься ли?.. Смотри, **mon coeur**, не опечаливай бабушку: мало ль что можетъ случиться! Долго ль къ Шешковскому въ лапы попасть?.. А у него, **mon pigeonneaux**, еще милость Божія, какъ только посѣкутъ—это еще ничего, примочилъ арникой и вся недолга,—а не ровенъ часъ... хуже бываетъ... Нѣтъ, Андрюша, береги ты себя, и бабушку не огорчи!.. И объ чужестранныхъ короляхъ всегда говори съ уваженіемъ... И какія вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ, несодѣянныя вещи говоришь и король отъ на эшафотѣ и французскій-то императоръ въ Москву пріѣзжалъ... Стыдно, **mon coeur**, безпримѣрно какъ стыдно... Постой... постой, Андрюша!.. Вспомнила, вспомнила... Ты перепуталъ, радость моя!.. Точно, былъ на Москвѣ императоръ, только не французскій, а римскій:—Жозефомъ звали. — Видала его, голубчикъ, видала... На балѣ у главнокомандующаго видѣла, въ Нескучномъ—у графа Алексѣя Григорьича Орлова, въ Кусковѣ—у Шереметева на праздникѣ... Какъ теперь на него гляжу: черты такія тонкія, нѣжныя.—Только онъ сохранялъ самое строгое **incognito** и завсегда въ трактирахъ да на постоялыхъ дворахъ приставалъ. А когда у государыни въ Царскомъ Селѣ находился, проживалъ въ банѣ. Надъ баней-то государыня трактирную вывѣску велѣла повѣсить. Онъ и повѣрилъ да такъ и прожилъ все время въ банѣ и тѣмъ свое **incognito** сохранилъ... Графомъ Фалькештейномъ прозывался, а ты и прозвище-то ему какое-то несообразное придумалъ... Наполеонъ! что такое Наполеонъ?.. Такихъ святыхъ и у католиковъ нѣтъ, не то, что у насъ, правовѣрныхъ... Собачья кличка какая-то!.. Нехорошо мой дружокъ!.. Будь умникъ, **mon diliou**, такихъ словъ не говори, особенно при чужихъ людяхъ... осудятъ... Нехорошо... Да...

Много испытала въ своей жизни покойница ба-

Digitized by Google

бушка. До замужества жила въ Петербургѣ, а выходила замужъ не очень стара: лѣтъ четырнадцати. Была при дворѣ Елизаветы Петровны и Екатерины второй, жила въ Москвѣ во время чумной заразы, въ Казани передъ пугачевскимъ разгромомъ, въ Нижнемъ, въ Архангельскѣ, въ Ярославлѣ, въ Кіевѣ и опять по нѣскольку разъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Много видѣла, много слышала, больше того испытала... Что грѣха таить—съ молоду бабушка пошаливала... Да какая-жъ молодая, свѣтская женщина въ тотъ вѣкъ не пошаливала?.. Время было такое... А вотъ что́ странно: каждая женщина въ стары ли годы, въ нынѣшнемъ ли вѣку, ежели съ молоду пошаливаетъ, подъ старость непремѣнно въ ханжество пустится, молебнами да постами молодые грѣшки поправить бы... За бабушкой не водилось этого. Печать восемнадцатаго вѣка неизгладимо сохранилась на ней до самой кончины... Бывало, съ грустью, со слезами на тусклыхъ очахъ глядитъ на свою изсохшую, желтую руку, вспоминая то время, когда напудреная молодежь любовалась ея прекрасной, пухленькой, бѣлоснѣжной ручкой... Лѣтъ съ пятидесяти въ зеркало перестала смотрѣться... Страшно стало постарѣвшей красавицѣ взглянуть на себя... Но никогда ни мало не ханжила.—Напротивъ, отъ нея отъ первой узналъ я про Вольтерову **le sermon des cinquante**, про Фоблаза, про **la guerre des dieux**.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни своей бабушка каждый день до обмороковъ замаливалась. Сотни по полторы, по двѣ земныхъ поклоновъ по вечерамъ на сонъ грядущій клала... Разыгрывалось тогда въ лоттерею головинское имѣнье, бабушка взяла три билета, и ей очень хотѣлось выиграть Воротынецъ. Объ этомъ-то она и молилась, да такъ усердно, что каждый разъ, бывало, ее безъ чувствъ въ постель уложатъ... Лот-

Digitized by Google

терея была разыграна, бабушкѣ вынулись пустые, но она вѣрить тому не хотѣла и по-прежнему молилась до обмороковъ о богатомъ Воротынцѣ, объ его садахъ, пристаняхъ, картинныхъ галлереяхъ и другихъ богатствахъ диковиннаго имѣнія.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ пришлось мнѣ бросить горсть сырого, желтаго песку на бархатный гробъ нѣжно любившей меня старушки... Я былъ очень еще молодъ, когда, бывало, сидя у изразцовой лежанки, гдѣ любила грѣть свои косточки покойница бабушка, слушалъ разсказы ея про старые годы. Не могъ тогда оцѣнить ихъ: мимо ушей они пролетали, другіе тотчасъ забывались.

Но теперь, когда стихли порывы легкомысленной молодости, и сѣдина начинаетъ въ бородѣ пробиваться, добрая бабушка, съ ея сказаньями, воскресаетъ въ памяти, и люди восемнадцатаго вѣка встаютъ передо мной, какъ образы, какой-то знакомой, хоть и не прожитой жизни. Блескъ протекшей эпохи ослѣпительно бьетъ въ глаза... Все такъ величаво, такъ пышно, широко́ и обаятельно..

Но этотъ блескъ — случайный, внѣшній.

Поднимая заповѣдную пышную завѣсу, за которую, отъ пытливыхъ взоровъ грядущихъ поколѣній, хоронится восемнадцатый вѣкъ, видишь душевную пустоту, царствующую надъ вѣтренымъ поколѣніемъ, что прыгая, танцуя, шутя и смѣясь, съ тріолетомъ буриме на устахъ, врасплохъ застигнутое смертью, нежданно для него и негаданно вдругъ очутилось въ сырыхъ и темныхъ могилахъ... Когда оживаютъ въ памяти разсказы милой бабушки и возстаютъ передъ душевными очам образы давно почившихъ дѣдовъ, слышатся: и нагль крикъ временщиковъ, и таинственный лепетъ юрод выхъ, и подобострасныя рѣчи блюдолизовъ, и голо вѣчно живущей правды изъ-подъ дурацкихъ колпаков

Digitized by Google

Слышатся амурный шепотъ петиметровъ и метрессъ, громкія, сочныя лобзанья дворовыхъ красавицъ, ревъ медвѣдей, глухіе удары арапника, вой собакъ и сладостныя созвучья итальянской музыки. Чудятся баснословные праздники, ледяной дворецъ Анны Ивановны, маскарадъ на московскихъ улицахъ, екатерининскій карусель, потемкинскій балъ, плаванье по Волгѣ съ переводомъ Мармонтеля, блестящая поѣздка въ Тавриду...

Все ликовало въ тотъ вѣкъ!.. И какъ было не ликовать? То былъ вѣкъ богатырей, вѣкъ, когда юная Россія поборола двухъ королей полководцевъ, двѣ первостепенныя державы низвела на степень второклассныхъ, а третью—подѣлила съ сосѣдями... Полтава, Берлинъ и Чесма, Минихъ въ Турціи, Суворовъ на Альпахъ, Орловъ въ Архипелагѣ и геніальный, неподражаемый, великолѣпный князь Тавриды, создающій новую Россію изъ ничего!.. Что́ за величавые образы, что́ за блескъ, что́ за слава!.

Но съ этимъ блескомъ, съ этой славой объ руку идутъ высокомѣрное полуобразованіе, раболѣпство, слитое воедино съ наглымъ чванствомъ, корыстныя заботы о карманѣ, наглая неправда и грубое презрѣніе къ простонародью...

Но миръ вамъ, дѣды! Спите покойно до трубы архангельской, спите до дня оправданія!.. Не посмѣемся надъ вашими могилами, какъ смѣялись вы надъ своими бородатыми дѣдами!..

Digitized by Google

I.

Сергѣй Михайловичъ

Куда какъ просто живали мы въ старину-то, Андрюша. Сравненія нѣтъ никакого съ нынѣшними поведеніями... Затѣйное было времячко, раздольное да привольное.

Не ломали твои дѣдушки дворянскія головы надъ всякими науками, зато выхрапку такую задавали по ночамъ да пообѣдавши!.. Немного думали, mon pigeonneaux, зато много кушали, и оттого здравы и долголѣтны бывали.

А теперь пошли люди тщедушные и живутъ не-подолгу. А отчего? Мало ѣдятъ, много думаютъ... Да... Вѣдь крѣпкая-то дума кровь портитъ, mon coeur... Да...

А какіе здоровенные люди въ наше-то время бывали! Генералъ-аншефа Михайлу Васильича Пильнева взять... Помнишь въ Ярославлѣ государевымъ намѣстникомъ былъ?.. Онъ тебя очень ласкать изволилъ... Какъ, бывало, ни пріѣдетъ къ намъ, тебя на колѣнки посадитъ и жалованну табатерку съ алмазами дастъ поиграть... А ты ее одинъ разъ и раскокалъ... Папенька твой за это намѣстнику сѣраго аргамака подвелъ, а тебя высѣкъ... Нѣтъ, постой, mon coeur, — перепутала я, это папеньку твоего за табатерку-то

Digitized by Google

высѣкли... Такъ... Точно такъ—Петрушу, не тебя: ты еще тогда не родился... Такъ вотъ Михайло-то Васильичъ... Истинно былъ человѣкъ, можно чести приписать. Быкъ, сударь мой, быкомъ... Инàче какъ на софѣ не садился, а ежели въ бальной залѣ случится ему сѣсть, такъ на трехъ стульяхъ—меньше нельзя... Породистъ ужъ очень былъ... А когда померъ, гробовщикъ такъ и ахнулъ. «Этого барина, говоритъ, въ одномъ гробѣ не похоронишь». Косяки въ намѣстничьемъ домѣ изъ дверей выламывали, гробъ-отъ чтобъ возможно было вынести... А нынче что зà люди?.. Мозглякъ на мозглякѣ, — смотрѣть даже непріятно.

А ужъ простота какая была, Андрюша!.. По чести сказать, ужасть какая простота!.. Хоть бы того же Михайлу Васильича взять! Въ лѣтню пору бывало сберутся молодые, иной разъ старички, да всю ноченьку на пролетъ и прокуликаютъ. А пили въ стары годы, **mon coeur**, безпримѣрно—не по нынѣшнему.— Пропивши ночь, подъ утро съ пѣснями да съ музыкой по улицамъ — да прямо въ Рубленый-Городъ. Тамъ у Ильи Пророка передъ намѣстничьимъ домомъ станутъ, да какой-нибудь полонезъ и грянутъ. Разбудятъ, конечно, Михайлу Васильича, онъ безъ парика, въ одномъ шлафрокѣ на балконъ и выйдетъ.

— Что вы, пострѣлы,—крикнетъ,—съ пьяныхъ-то глазъ у меня весь Ярославль перебулгачили? Аль подъ караулъ захотѣли?

А тѣ ему:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты намѣстникомъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца —
Мы въ тебѣ видимъ отца!

И велитъ Михайло Васильичъ ключнику наливокъ корчику-другую на площадь вынести... И самъ выйдетъ

Digitized by Google

къ гулякамъ, усядется съ ними на краю горы, что надъ Которостью, да до поздняго утра и прогуляютъ.

Вотъ вѣдь и намѣстникъ былъ, и генералъ-аншефъ, а изрядными людьми не брезговалъ, какъ теперь поповичъ какой-нибудь въ люди выскочивши... Parvenu, знаешь этакой, выскочка изъ подлости... Ухъ, какой безподобный былъ человѣкъ Михайло Васильичъ!.. Ужесть!.. Попробуй-ка нынче, mon bijou, такъ сдѣлать — въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, подъ караулъ угодишь... Какъ можно сравнить старые годы съ нынѣшними!.. Гораздо было проще.

Опять Сергѣя Михайлыча взять — Чурилина. Безпримѣрный былъ человѣкъ, даромъ что изъ солдатскихъ дѣтей. Штатскій дѣйствительный совѣтникъ, отставной красногорскій губернаторъ, анненская лента черезъ плечо — персона значитъ немаловажная. Взявши абшидъ, доживалъ свой вѣкъ у насъ въ Зимогорскѣ... Покойникъ твой дѣдушка съ драгунами тогда въ Зимогорскѣ на винтеръ-квартирахъ стоялъ, тамъ и жизнь-то свою скончалъ, въ синодальномъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и погребенъ... Я ужъ вдовѣла, у Ванюши жила, когда Сергѣй-отъ Михайлычъ въ Зимогорскъ на житье переѣхалъ... Изрядный былъ господинъ, отмѣннаго ума, всѣ уважали его и боялись. У кого дѣло какое случится—ссора ль домашняя, другое ли что—первымъ долгомъ къ Сергѣю Михайлычу. И совѣтъ дастъ, и помиритъ, а ежели кто виноватъ и пожуритъ, да, глядя по винѣ и по человѣку, инаго и тросточкой... Всякое дѣло устроить умѣлъ... И за то Сергѣя Михайлыча всѣ какъ роднаго отца любили, «дѣдушкой» звали, а онъ всѣмъ говорилъ «ты» и каждаго «собакой» зва не изъ брани, а любя. Всѣ ручку у него цѣловали, дамы, даже et demoiselles, а онъ руку цѣловалъ толь у преосвященнаго, съ попами въ губы цѣловался. Бе спроса Сергѣя Михайлыча ни единой дворянской свады

Digitized by Google

не бывало, сынъ ли у кого родится, дочь ли — имени младенцу отецъ съ матерью наречь не смѣли, спрашивали, какое будетъ угодно Сергѣю Михайлычу. И всѣхъ самъ крестилъ.—Любилъ крестить, дай Богъ ему царство небесное. — Бывало, и у дворянъ, и у купцовъ, и у поповъ — у всѣхъ въ кумовьяхъ.

И что жъ ты думаешь, **mon coeur**, какая изъ этого непріятность вышла... Подросли крестники да крестницы, хвать — анъ по всей Зимогорской губерніи ни одной дворянской свадьбы сыграть невозможно: всѣ въ духовномъ родствѣ, всѣ одного крестнаго отца дѣти. Теперь, слыхала я, такого закона ужъ нѣтъ, а тогда очень строго было... Ну, извѣстно, которыя и повлюблялись другъ въ дружку, а вѣнчаться не могутъ. Досталось же тогда крестному батюшкѣ на орѣхи! Такія поминки сердечному Сергѣю Михайлычу загибали, что не одинъ, чать, разъ кинулось ему на томъ свѣтѣ. Дѣлать нечего: стали невѣстъ изъ другихъ губерній брать, а барышень въ Москву для замужества возили. Съ десятокъ, однакожъ, до того крестными братцами заразились, что съ горя да съ печали въ монастырь пошли... Дуры онѣ были, **mon pigeonneaux**... По моему разсужденью сущія дуры!. Не могли развѣ просто любиться?.. Не правда ль, **mon bijon**?.. А одинъ изъ крестниковъ съ любви али съ горя, а думаю отъ того, что въ головѣ сквозная пустота была, въ Волгѣ утопился, другой изъ мушкетона застрѣлился... Вотъ что значитъ крестить-то безъ пути, Андрюша!.. Поэтому я и не крещу никого... Сохрани Господи!..

А все-таки Сергѣй Михайлычъ отмѣнный былъ человѣкъ. Такихъ людей, радость моя, въ нынѣшнее время сыскать невозможно. Въ старину-то вѣдь, **mon petit**, люди бывали безпримѣрно лучше, чѣмъ теперь... Какъ можно!.. Что теперь!.. Важности нѣтъ. Ужесть какъ неловко всѣ выдѣланы, и такъ темны въ свѣтѣ,

Digitized by Google

такая у всѣхъ тѣснота въ головѣ, что просто умора... Ужесть, просто ужесть!.. Разночинцами какими-то всѣ глядятъ... Право!.. Безпримѣрно, какъ смѣшны!..

Не такъ, **mon coeur**, въ наше время живали. Бывало ни одинъ дворянинъ лицомъ въ грязь себя не ударитъ, всякъ свою честь бережетъ строго и съ подлой сволочью якшаться ни за что бывало не станетъ, а теперь... Охъ, охъ, охъ, охо!.. Нынче баринъ изъ знатнаго, родословнаго рода съ мѣщаниномъ, аль съ кутейникомъ на одной ногѣ себя ставитъ—онъ, дескать, ученый. Да коли онъ ученый, такъ ученость его пущай при немъ и остается, никто у него ее не отниметъ, — да въ дворянскій-то кругъ ему подло-рожденному зачѣмъ лѣзть?.. Мѣсто что ли ему тамъ?... Повѣрь ты мнѣ, **mon coeur**, ежели какой человѣкъ рожденъ въ подлости, будь у него ума палата, съ неба звѣзды хватай, все-таки **dans la société des gentilshommes** быть ему не слѣдуетъ. Дворянство тѣмъ роняется, **mon cher, l'aristocratie se tombe**... Ты это пойми, **mon pigeonneaux**... Нельзя же, **mon ami**, объ этомъ не подумать. На этомъ все держится.

— Бабушка, да вѣдь сами вы говорите, что Сергѣй-отъ Михайлычъ, изъ солдатскихъ дѣтей былъ... Какъ же вы у него ручку-то цѣловали?..

— Ахъ, Андрюша, Андрюша! Какъ ты этого, дружокъ мой, сообразить не можешь?.. Тутъ совсѣмъ иное... Сергѣй Михайлычъ—штатскій дѣйствительный совѣтникъ, отставной губернаторъ, анненская лента черезъ плечо, двѣ тысячи душъ.—Тутъ ужъ **une autre position dans le monde**. Мало ли что! И Меншиковъ оладьями торговалъ, и Шафировъ въ лавкѣ сидѣлъ, и Разумовскій на клиросѣ пѣлъ, однакожъ, какими вельможами стали... Тутъ, **mon cher**, милость Божія, а больше того—**la faveur de la cour**... Кто взысканъ и вознесенъ, къ тому, въ какой бы подлости онъ ни ро

Digitized by Google

дился, хоть бы отъ самаго послѣдняго холопа, — подлость льнуть не можетъ... Навсегда омытъ такой человѣкъ отъ первороднаго грѣха подлости рожденія... Да... Сергѣй Михайлычъ роду хотя былъ не шляхетнаго, однакожъ, въ люди вышелъ, на службѣ разбогатѣлъ, выгодно женился, дослужился до генеральства... А все умомъ. — Отмѣнно умный былъ человѣкъ: во всякомъ умномъ человѣкѣ умѣлъ сыскать себѣ милостивца. Сначала самъ ручки у всѣхъ цѣловалъ, потомъ у него стали цѣловать... Вотъ это и называется умъ... Да, **mon coeur**, это настоящій умъ, не такой, что у нынѣшнихъ умниковъ проявился... Посмотришь теперь: самъ-отъ мѣдной полушки не стоитъ, а рыло кверху гнетъ по рублевому... Плеточкой бы ихъ, **mon petit**, по старинному, либо кнутикомъ... На истинную дорогу безпремѣнно бы вышли. А то смотрѣть даже непріятно.

А сталъ Сергѣй Михайлычъ въ люди выходить послѣ женитьбы. А женился въ пугачевское замѣшательство, онъ въ ту пору былъ въ Чернорѣцкѣ воеводой... Когда злодѣи на его городъ нагрянули, задалъ онъ, сердечный, тягу... Въ лѣсу схоронился и царску казну съ собой захватилъ, опричь мѣдныхъ гривенъ да пятаковъ сибирскаго дѣла — большущія были монеты — изъ гривны-то порядочную кострюлечку можно было сдѣлать... А нынче—по неволѣ вздохнешь да поропщешь иной разъ — и денегъ-то такихъ не стало — перевелись... Все-то измельчало, все-то, **mon coeur**, измалодушествовалось... Прежніе-то люди какіе здоровенные были—пни дубовые, а нонѣшни—хлысты вербовые... Да... Ну такъ вотъ Сергѣй-отъ Михайлычъ тяжелу-то казну съ собой и не взялъ — захватить-то ее было не подъ силу, серебряную казну зарылъ въ землю, и въ лѣсу отъ сущихъ злодѣевъ отсидѣлся. А не уйти изъ города ему было никакъ невозможно, для

Digitized by Google

того, что сила у него была невеликая, да и не больно надежная, а у государственнаго злодѣя ратной силы было видимо-невидимо. Пугачъ въ Чернорѣцкѣ не долго канальствовалъ, царицына сила по пятамъ за нимъ шла, для того и навострилъ онъ лыжи за Волгу. Только-что изъ Чернорѣцка злодѣй вышелъ, Сергѣй Михайлычъ въ городъ... Сызнова на воеводство сѣлъ, чтобъ, знаешь, настоящіе порядки вести... Тутъ его сердечнаго плетьми взодрали.

— Какъ такъ, бабушка?

— Да такъ, mon coeur, выдрали да и все тутъ... По ошибкѣ... Такое сумятное время было.—То ли еще по ошибкѣ-то случается, mon enfant!.. А съ Сергѣемъ Михайлычемъ видишь ли какъ это приключилось. Только что онъ на воеводство-то сызнова сѣлъ, глядь, анъ съ Караульной горы конница, да все казаки. Переполохъ въ городу поднялся, думаютъ, Пугачъ воротился, бѣгутъ, кто куда, сломя голову, Сергѣй Михайлычъ въ огородъ, да въ горохѣ и схоронился. Однакожъ, его отыскали и къ казацкому начальнику сердечнаго приволокли. А начальникъ-отъ еле на конѣ держится — пьянехонекъ. Спрашиваетъ Сергѣя Михайлыча:

— Кому служишь?

А Сергѣй Михайлычъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на его пьяную рожу, думаетъ себѣ—«гусь-отъ не кто другой, какъ пугачевецъ. Дай, надую шельмеца, а то еще съ пьяныхъ-то глазъ повѣситъ пожалуй». Да и брякнулъ.

— Служу, великому государю Петру Ѳеодоровичу.

Только что молвилъ онъ это слово, на кобылу его да въ плети. Ста полтора вкатили да въ тюрьму посадили. А тотъ казацкій начальникъ вовсе былъ не пугачевецъ, а царицынъ — изъ Михельсоновыхъ полковъ. И какъ онъ къ утру-то проспался да узналъ, что во хмѣлю царицына воеводу выпоролъ; пошелъ къ нему въ тюрьму alléguer pour excuse... А это онъ

Digitized by Google

роднаго дядю плетьми-то вздулъ... Слово за слово, разговорились... и вышло, что казацкой-отъ начальникъ племянникомъ роднымъ Сергѣю Михайлычу доводился... Да...

За то послѣ, когда Сергѣй Михийлычъ при уголовныхъ дѣлахъ находился и когда губернаторомъ былъ, какъ ни подадутъ приговоръ о кнутѣ, аль о плетяхъ, завсегда на половинку сбавитъ, да тому, кто подаетъ, безпримѣнно примолвитъ: «тебѣ, собака, легко, приговоръ-отъ перомъ на бумагѣ писать, а какъ станутъ его на спинѣ кнутомъ подписывать, такъ не тебѣ небо-то съ овчинку покажется. Ты, собака, не можешь понимать, что такое кнутъ да плети, а я, по милости роднаго племанничка, отвѣдалъ, каково они вкусны... Не роди на свѣтъ мать, сыра земля»!

Послѣ того, какъ его высѣкли, женился онъ по скорости. Пали ему слухи, что недалеко отъ Черноръцка, въ селѣ Княжухѣ, молодая вдова бѣдствуетъ, Марья Семеновна Жилина, а родомъ Болтиныхъ была. Мужа-то у нея злодѣи повѣсили въ ихнемъ селѣ Енгалычевѣ, а сама она съ четверыми дѣтьми, малъ-мала-меньше, въ овинѣ какъ-то ухоронилась. Жилинская вотчина была не малая—дворовъ подъ тысячу, а жить Марьѣ Семеновнѣ негдѣ: барскій-отъ домъ Пугачъ спалилъ, а у мужиковъ жить побаивалась. Оченно были они тогда не спокойны... Сергѣй Михайлычъ послалъ къ ней для береженья капрала съ солдатами, и звалъ ее на житье въ городъ. Пріѣхала Марья Семеновна не въ глазетахъ, не въ бархатахъ, а въ бабьей понявѣ да въ кичкѣ, дѣтки-то Захаръ Михайлычъ, Дмитрій Михайлычъ, Сергѣй Михайлычъ да еще, кажись, Петръ Михайлычъ—всѣ въ пестрядиныхъ рубашонкахъ. Отвелъ воевода Марьѣ Семеновнѣ съ дѣтьми квартиру самую лучшую, одѣлъ ее съ ребятишками, поилъ, кормилъ на свой коштъ, покуда не затихло замѣшатель-

Digitized by Google

ство. А потомъ—женился на ней и зажилъ бариномъ. У нея и достатки хорошіе, и родство хорошее; а у него мѣсто доходное, стало быть и можно было жить складно.

Взявши абшитъ, Сергѣй Михайлычъ сталъ въ Зимогорскѣ жить. Тогда ужъ онъ овдовѣлъ. Жилъ одинъ, а въ домѣ завсегда было людно... Каждый Божій день открытый столъ для званыхъ и незваныхъ и какой есть часъ, какая минута—безъ гостей Сергѣй Михайлычъ не обходился. Очень его любили... и побаивались. И нельзя было его не любить, нельзя и не бояться,—въ Петербургѣ рука была сила сильна — съ самими Орловыми смолоду въ пріятельствѣ былъ. Прежде чѣмъ фортуну они себѣ сдѣлали, по трактирамъ съ ними куликалъ да на кулачныхъ бояхъ забавлялся.

Домъ у Сергѣя Михайлыча въ Зимогорскѣ ужесть какой большой былъ, ровно дворецъ какой... Какъ, бишь, улица-то прозывается?.. Да ты долженъ помнить, Андрюша... Тутъ еще неподалеку архіерейскій домъ, у Тихона чудотворца въ приходѣ помнится мнѣ.

— Да вѣдь я, бабушка, въ Зимогорскѣ-то никогда и не бывалъ.

— Что ты дурачишься, **mon petit**... Какъ это ты въ Зимогорскѣ не бывалъ?.. А забылъ, какъ у Сергѣя Михайлыча на именинахъ либо на его рожденьи, хорошенько не запомню теперь, ты съ Лизаветой Соболевой вальсъ-казакъ танцовалъ да изъ озорства робу ей разорвалъ? Тебя, раба Божія, тутъ же въ угольную свели да и высѣкли... Что?.. Этого видно не помнишь?

— Да когда жь это было, бабушка?.. Что вы?

— Давно, **mon coeur**... Полагаю, не въ томъ ли году, какъ графъ Каліостро въ Петербургъ пріѣзжалъ.

— Да вѣдь этому больше пятидесяти лѣтъ, бабушка, а мнѣ и двадцати нѣтъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, **mon pigeonneaux**,—удиви-

Digitized by Google

лась бабушка.—Правду ты сказалъ... Такъ знаешь ли что?

— Что, бабушка?

— Это твоего папеньку высѣкли, Петрушку... Такъ, точно; вспомнила я теперь—доподлинно Петрушу... Какая однако жь память-то у меня стала, дружокъ,—все-то я забываю... А кажись бы, какіе еще мои годы?.. Про что, бишь, я говорила, Андрюша?

— Про Сергѣя Михайлыча, бабушка.

— Да, про Сергѣя Михайлыча. Безподобный былъ мужчина,—во всемъ изрядный господинъ. Старехонекъ былъ, а любилъ съ дамами поферлякурничать,—не ставилъ того во грѣхъ, царство ему небесное!... Ужесть какіе, бывало, гнилые взгляды кидаетъ, да томные вздохи пущаетъ... Право, еслибъ маленько былъ помоложе, каждой бы изъ нашей сестры, до кого ни доведись, можно бы было съ нимъ дó смерти залюбиться... По чести, всѣ мы были до Сергѣя Михайлыча охотницы... Je vous assure, даромъ, что сѣдой, а les grands succés между нами имѣлъ... И какъ славенъ былъ, когда бывало зачнетъ съ дамами дурачиться... Ухъ! какъ славенъ!... Безпримѣрно... Съ les demoiselles не любилъ — визгу, говоритъ, отъ нихъ очень много—все, бывало, съ дамами, съ замужними... Изъ нашей сестры каждая тóтчасъ готова была падать и задурачиться съ нимъ до безумія... Старенекъ только былъ: бывало и толку всего, что языкомъ поболтаетъ, да развѣ, развѣ когда рукамъ волю дастъ... Ухъ какъ, бывало, любилъ онъ нашу сестру, tête-á-tête конечно, de tater, de toucher, sonder... Ахъ, какъ было утѣшно!... Помнишь—mon coeur?... И на чужіе амуры любилъ посмотрѣть и много помогалъ... Ахъ кахъ любилъ, покойникъ, объ амурахъ козировать [1]),

[1]) Causer.

Digitized by Google

ахъ, какъ любилъ!... Бывало, не токма у мужчинъ, у дамъ у каждой до единой переспроситъ—кто съ кѣмъ «махается», какимъ вѣеромъ, какъ и куда прелестная нимфа свой вѣеръ держитъ [1])... Будь молодая, будь старая, въ дѣвкахъ сиди, замужъ выдь—ему все одно... Игуменью увидитъ и ту разспроситъ, съ кѣмъ и какъ... **Dans la haute société** всѣ благородныя интрижки зналъ до тонкости.. Очень это было занятно Сергѣю Михайлычу.

А радушный какой былъ, гостепріимный. Лѣтнимъ вечеркомъ, бывало, выспавшись послѣ обѣда, надѣнетъ бѣлый камчатный шлафрокъ, звѣзду къ нему пришпилитъ, кавалерственную ленту черезъ плечо, да за вороты на улицу и выйдетъ. Тамъ на лавочкѣ, что́ у калитки, усядется... И тросточка при немъ, никогда съ ней не разлучался, потому что на всякомъ мѣстѣ приводилось поучить того, кто въ умѣ развязенъ [2]). Самъ знаешь, **mon coeur**, дураку и въ алтарѣ не велѣно спускать.

Идетъ, бывало, по улицѣ кто-нибудь **de la noblesse**, променадъ, понимаешь ты, дѣлаетъ. Еще издали Сергѣю Михайлычу решпектъ, потомъ шляпу подъ мышку и подойдетъ къ нему. Сергѣй Михайлычъ весело, привѣтно комплиментъ ему скажетъ:

— Здорово, собака!... Сядемъ рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ.

Тотъ разумѣется къ ручкѣ, и рядышкомъ съ Сергѣемъ Михайлычемъ на лавочкѣ усядется... Самъ посуди, **mon plaisir**, до кого не доведись—всякому честь съ генераломъ бокъ-о-бокъ посидѣть!.. Хотя бъ и не

---

1) *Махаться съ кѣмъ* въ XVIII стол. употреблялось вмѣсто нынѣшняго *волочиться за кѣмъ*. Переводъ s'éventer—обмахиваться вѣеромъ. Вѣеръ какъ и мушки, прилѣпленныя на лицо, играли важную роль въ волокитствахъ нашихъ прадѣдовъ и прабабушекъ. Куда прилѣплена мушка, какъ и куда махнула красавица вѣеромъ—это была цѣлая наука.

2) Глупый.

Digitized by Google

долгое время — а все-таки честь. Малочиновные дворяне и недоросли нарочно по угламъ улицы изъ своихъ холопей вершниковъ ставили—и только тѣ вершники завидятъ, бывало, Сергѣя Михайлыча у калиточки, тотчасъ сломя голову къ своимъ господамъ и скачутъ. Сѣлъ, дескать. Тѣ въ перегонышки къ Тихону чудотворцу въ приходъ. За угломъ изъ каретъ выйдутъ, да пѣшечкомъ, будто для ради променада, къ генеральской калиточкѣ и пробираются... А другъ друга для того упреждали, чтобы прежде чиновныхъ поспѣть и хоть одинъ бы моментъ съ Сергѣй Михайлычемъ рядышкомъ посидѣть. Случалось, **mon coeur**, что за угломъ-то и до кулаковъ дѣло доходило, потому что каждому желательно было первому у Сергѣя Михайлыча ручку поцѣловать. А на глазахъ у него браниться не смѣли: бывало, и тросточкой...

Кто сядетъ рядкомъ съ Сергѣемъ Михайлычемъ, тому онъ, вынувши изъ кармана табатерочку, понюхать поднесетъ. Гость возьметъ съ благодарностью понюшечку віолэ. Въ наше время, **mon pigeonneaux**, всѣ люди **de la société** безпремѣнно нюхали; иной ежели табакъ очень ужъ противенъ, ѣдучи въ гости нарочно кружевную манишку и манжеты табакомъ посыпáлъ, а сидючи въ гостяхъ то и дѣло, бывало, въ рукахъ табатерку вертитъ, чтобъ зазору отъ другихъ не принять — онъ-де не нюхаетъ...—И дамы нюхали, **et demoiselles** при табатерочкахъ ходили. Маленькія такія табатерочки у нихъ были, **voiture de l'amour** прозывались, для того что изъ нихъ безпримѣрно какъ способно было аматёрамъ **les billets doux** передавать. А нынче и табатерки, **mon enfant**, переводятся—на курево бросились всѣ... Не хорошо!..

Снабдивши себя генеральскимъ віолэ, пойдетъ дворянчикъ Сергѣю Михайлычу комплиментировать съ должной политикой и съ отмѣннымъ учтивствомъ.

Digitized by Google

— Удостойте, дескать, сказать, ваше превосходительство, въ какой позиціи драгоцѣнное ваше здоровье находить изволите?

— Ничего, молвитъ Сергѣй Михайлычъ,—живемъ да хлѣбъ жуемъ твоими святыми молитвами. А ты, собака, какъ себя перевертываешь?

— Досконально доложу вашему превосходительству, что такая ваша атенція раскрываетъ всѣ мои сентименты и объявляетъ нелестную преданность къ персонѣ вашего превосходительства.

— Загаланилъ, пустилъ въ ходъ мельницу!.. Полноката ты, собака, пó-пусту чепухи у меня не мели, а изволь по всей откровенности разсказывать, съ кѣмъ махаешься, на кого гнилые взгляды кидаешь?

Не успѣетъ дворянчикъ Сергѣю Михайлычу про свои амурныя цѣпи путемъ доложить, какъ изъ-за угла другой господчикъ вывернется, починовнѣе. Подойдетъ въ калиточкѣ, отдастъ решпектъ Сергѣю Михайлычу, ручку у него поцѣлуетъ, Сергѣй Михайлычъ и скажетъ ему:

— Здорово, собака, здорово... Садись поближе... А ты долой, по тому резону, что этотъ постарше тебя. И велитъ первому сѣсть на тротуарную надолбу, либо холопямъ прикажетъ стулъ ему изъ хоромъ принести.

Такимъ манеромъ одинъ по одному да весь le grand monde зимогорскій къ калиточкѣ Сергѣя Михайлыча, бывало, и соберется: старые, молодые, женатые, холостые, дамы, барышни—всѣ тутъ. И драгунскій генералъ, и комендантъ, и намѣстникъ съ намѣстничихой, заслышавъ, что у Сергѣя Михайлыча гости н улицѣ, всѣ туда же. Иной разъ по сосѣдству и вла дыка пѣшечкомъ придетъ, очень былъ друженъ он съ Сергѣемъ-то Михайлычемъ. Изъ дома всѣ стулья всѣ канапе повытаскаютъ, а по угламъ улицы поли

Digitized by Google

ція,—подлымъ людямъ ѣзду воспрещаетъ по той причинѣ, что la haute société забавляется.

Горячее вынесутъ, подаютъ что́ кому на потребу: пуншъ, взварцы, глинтвейны, а дамскому полу — чай, оршадъ, фрукты, заѣдки и всякія закуски... Втихомолочку, mon pigeonneaux, потчивали нашу сестру и наливочкой, только не при людяхъ, а въ заднихъ горницахъ, либо въ кладовой... Марья Михайловна—арапка крещеная—тѣмъ дѣломъ у Сергѣя Михайлыча заправляла. Славная дѣвка была, даромъ, что раба... Ежели погода тихая, на тротуарахъ столы поставятъ, за карты сядутъ. Кто постепеннѣй да поскупѣе—въ ломберъ, въ ламушь, въ тентере, а кто помоложе да потороватѣе — въ фараонъ [1]), въ квинтичъ и въ рокамболь. Дамы et demoiselles въ наше время тоже охотницы были въ картишки-то перекинуться, иныя фараонъ даже метали... А молоденькія дѣвицы—больше въ марьяжъ, въ тресетъ, въ басетъ, да въ никитишны.

Разгуляются очень, велитъ Сергѣй Михайлычъ музыкантамъ играть да архіерейскимъ пѣвчимъ пѣть. Тогда въ Зимогорскѣ публичный театръ ужъ былъ: князь Кошавской, тамошній помѣщикъ, цѣлу деревню во сто дворовъ въ актеры поворотилъ, музыкѣ обучилъ ихъ, танцамъ и всему другому. Пятнадцать лѣтъ бился съ сиволапыми, а на своемъ поставилъ таки: всякія пьесы мужики да дѣвки стали у него безподобно разыгрывать... Музыканты у Сергѣя Михайлыча бывали театральные, князя Кошавскаго: аріи и рондо въ сласть разыгрывали — изъ «Дидоны», изъ «Рѣдкой Вещи» изъ «Діанина Древа», а пѣвчіе духовные канты, бывало, поютъ да хохлацкія пѣсни... Самъ владыко, съ пуншикомъ въ рукахъ, иной разъ бывало имъ подтягиваетъ... Ужесть, какъ было весело!.. И то, случа-

---

[1]) Банкъ.

Digitized by Google

лось, что на улицѣ-то полонезъ почнутъ водить да менуэты танцовать. Хоть не больно гладко, да не бѣда—весело-то за то какъ, смѣху-то что!.. Ахъ, какъ утѣшно живали мы въ старые годы, mon coeur... Безпримѣрно, какъ утѣшно!.. Можно чести приписать, ужъ истинно можно...

Ужину, бывало, подадутъ, тоже на вольномъ воздухѣ. На дворѣ у Сергѣя Михайлыча, возлѣ кухни, нарочно для этого случая палатку разбивали. Поужинавши, кто постарше, въ палаткѣ останутся и пьютъ тамъ мертвую вплоть до утра, а молодые въ садъ, съ дамами да съ барышнями променадъ пойдутъ дѣлать. Садище у Сергѣя Михайлыча десятинахъ на пяти былъ—отдѣланъ незатѣйно, за то для утѣхъ и веселья очень былъ способенъ: аллеи темныя, деревья высокія, шпалеры изъ акаціи да изъ сирени густыя, а за шпалерами куртины съ вишеньемъ, съ малинникомъ да съ смородиной... Бывало, послѣ ужина парочки по́ саду разбредутся... Тамъ шепчутся, тутъ вздыхаютъ, да то и дѣло чмокъ да чмокъ, чмокъ да чмокъ... Всего бывало, mon pigeonneaux!.. Ухъ, чего не бывало, mon coeur!.. И все-то прошло, все-то миновалось!..

А дамы тогдашнія и барышни не того калибра были, что нынѣшнія. Что нынче? Дрянь! Очень ужъ не въ мѣру лебедки разсентиментальничались. Такими innocentes хотятъ себя казать, что смотрѣть даже гадко... А все притворство одно, лицемѣріе... Ей-богу.—Не вѣрю я имъ, mon coeur, и ты не вѣрь—это онѣ такъ только — дурь одну на себя накладываютъ. Вся эта ихняя modestie, вся эта ихняя pudicité—одна только умора,—онѣ одинъ только вздоръ посадили себѣ въ голову. Повѣрь, mon petit, что никакая женщина безъ мужчины дня одного прожить не можетъ... Совсѣмъ напрасно онѣ жеманятся и кажутъ себя inaccessibles... Мы это понимали, и отъ того въ наше

Digitized by Google

время все было просто, къ натурѣ ближе... А теперь?.. Не переродились же онѣ, наши же внучки, — отъ насъ же родились!.. Притворство одно, лицемѣріе!.. То же самое творятъ, что́ и мы въ свои годы, втихомолочку только... А это по-моему ужъ гадко... N'est-ce pas, mon petit?.. Опять теперь эта la sensibilité — одинъ вздоръ, mon petit, безотмѣнно одинъ вздоръ. Ну, на что это похоже? иная словно по кровномъ покойникѣ разрюмится, какъ ходя по́ лугу цвѣточекъ помнетъ аль бабочку раздавитъ... Фу, ты пропасть, какіе сентименты!.. Да насъ, бывало, мужчины-то самихъ мяли да давили, а вѣдь не плакали же мы... А это что за мода такая?.. Одно только безуміе, mon petit... Объ чемъ, бишь, я говорила, Андрюша?

— Объ вашемъ кумирѣ, бабушка, объ Сергѣй Михайлычѣ.

— Oui, mon cher, c'est vrai... Certainement il était notre idole, il était idole de nos âmes... Ухъ, какой безподобный былъ!..

— Однако, скажите, бабушка, неужели всѣ до единаго передъ нимъ такъ низкопоклонничали?..

— Ахъ, mon coeur, какъ ты говоришь!.. Тебя даже слушать непріятно... Ты мартинистъ — я это вижу.. Ахъ, Андрюша, Андрюша — не опечаль бабушку-старуху!.. Долго ли, mon petit, къ Шешковскому угодить?.. Низкопоклонство, говоришь... Да развѣ можно такъ называть это... уваженіе, это... это... высокопочитаніе, это... cette consideration et deférence, que nous avions à Сергѣй Михайлычъ... Стыдно, mon petit, нехорошо... Ты то не забудь, что Сергѣй Михайлычъ былъ штатскій дѣйствительный совѣтникъ, а вѣдь это не quelque chose des vétilles, mon coeur. — Тогда же генералы-то не то, что теперь — въ дикомнку бывали... А главное, то вспомни, mon bijou, то Сергѣй Михайлычъ большую фортуну имѣлъ и у

Digitized by Google

него при самомъ дворѣ были сильные милостивцы... Самъ князь Григорій Александрычъ съ руки ему былъ; не разъ изъ Молдавіи за солеными огурцами адъютантовъ къ нему присылалъ!.. А ты—низкопоклонство!.. Стыдись, радость моя!..

— Да какъ же, бабушка? И ручку-то у него, точно у архіерея, цѣловали, и палкой-то онъ всякаго билъ...

— А за то, mon cher, кромѣ пользы ничего нельзя было и получить отъ Сергѣя Михайлыча. Вездѣ у него были благопріятели, все могъ сдѣлать, что́ только душѣ его угодно. Къ мѣстечку ль доходному кого пристроить, тяжба ль у кого, подъ судъ ли кто угодитъ — всякаго Сергѣй Михайлычъ выручитъ, изъ глубины морской сухимъ вытащитъ, умѣй только подойти къ нему. Надежнѣй его заступы и быть не могло; захочетъ, говорю—со дна моря вытащитъ... Ему, бывало, стоитъ только перомъ черканутъ — все въ твое удовольствіе будетъ. Въ коллегіяхъ ли дѣло, въ сенатѣ ли—ему все равно, потому что вездѣ рука... А ужъ, бывало, кто подъ гнѣвъ къ нему попадетъ, тотъ лучше ложись да помирай... Бывали случаи...

— Какіе жъ это случаи, бабушка?

— Какихъ не было, радость моя! Всякихъ бывало, mon coeur... И всегда такъ выходило, что кто ни вздумаетъ супротивничать Сергѣю Михайлычу, къ нему же потомъ съ повинной придетъ, у него же заступы да милостей станетъ просить. Человѣкъ былъ — сила. Да помнишь, я думаю, какъ онъ смирилъ Боровкова Ивана Никитича, когда тотъ за наслѣдствомъ Настасьи Петровны въ Зимогорскъ пріѣзжалъ?..

— Какъ же мнѣ помнить, бабушка? Я тогда еще не родился.

— Точно, точно, родной — правду ты говоришь. Да, правду. — Такъ видишь ли, mon petit? Боровковъ и самъ не мелкой руки дворянинъ: четыреста дворовъ

Digitized by Google

крестьянъ у него, вѣкъ свой въ Питерѣ жилъ, ко двору пріѣздъ имѣлъ, даже по воскресеньямъ на куртагахъ бывалъ... А какъ вздумалъ не уважить Сергѣя Михайлыча, такъ онъ его въ бараній рогъ согнулъ... Иванъ Никитичъ послѣ того ползалъ, ползалъ передъ нимъ, прощенье просивши...

А зла не помнилъ; добрый былъ человѣкъ, незлобивый... Боровкову всѣ вины отдалъ и все къ его удовольствію сдѣлалъ... Да... Кромѣ должнаго, Сергѣй Михайлычъ ничего отъ другихъ не требовалъ: отдай ему аттенцію да поцѣлуй ручку, такъ онъ удавиться готовъ за тебя.

— Что жъ такое съ Боровковымъ-то онъ сдѣлалъ?..

— А видишь ли, радость моя, Боровковъ Иванъ Никитичъ роднымъ племянникомъ доводился кеславской помѣщицѣ, вдовѣ премьеръ-маіора, Настасьѣ Петровнѣ Соколовой... Да постой, Андрюша,—я лучше тебѣ про Настасью-то Петровну про самоё разскажу... C'était la femme remarquable, mon coeur. Много говорить о себѣ заставила... Только вотъ что, не пора ли тебѣ баиньки, ангелъ мой?.. И у меня глаза что-то слипаются... Лучше завтра про Настеньку-то я разскажу тебѣ... А теперь поди-ка съ Богомъ — усни со Христомъ, mon enfant... Дай-ка я тебя перекрещу... Христосъ съ тобой, пріятный сонъ!.. А мнѣ еще помолиться надо... Молчи ты у меня, Андрюша,—будешь богатъ, mon coeur — вымолю тебѣ Воротынецъ.

Digitized by Google

II.

Настенька Боровкова.

— Бабушка!

— Что, голубчикъ?

— А что жъ вчерашнее-то обѣщаніе?..

— Какое обѣщанье, **mon petit**?

— А про Настасью-то Петровну разсказать.

— Про Настеньку-то? Да развѣ я тебѣ обѣщала, Андрюша?

— А развѣ вы забыли, бабушка?

— Не помню, голубчикъ. Хоть убей — не помню Память-то у меня, не знаю съ чего, какая-то стала короткая. Отъ чего бы это, **mon petit**?..

— Отъ старости, бабушка.

— Полно-ка ты... Озорникъ этакой... Все бы надъ бабушкой ему потѣшаться... Молодъ еще — материно молоко на губахъ не обсохло... Отъ старости!.. Развѣ годы мои великіе?.. Шестьдесятъ восемь либо шестьдесятъ семь—развѣ это большіе годы?.. Вотъ бабушка моя покойница, княгиня Марья Юрьевна Свиблова, царство ей небесное, жила — такъ ужъ можно сказат что жила... Большіе годы имѣла!.. Ста десяти годо померла,—царя Алексѣя Михайловича помнила... Ког великій государь овдовѣлъ, по скорости зачалъ о

Digitized by Google

вдовствомъ своимъ скучать и указалъ со всего царства шляхетскихъ дѣвокъ въ Москву свозить, которы были покрасовитѣе. И обиралъ царское величество изъ тѣхъ дѣвокъ себѣ въ царицы. И бабушку на смотръ привозили, а смотрѣлъ ее великій государь въ постелѣ сонную — на Спиридона Поворота, двѣнадцатаго значитъ декабря.—А была бабушка-то изъ роду князей Сонцевыхъ... И великому государю угодна не явилась—сталась царицей Наталья Кириловна Нарышкиныхъ... Въ молодыхъ своихъ годахъ сидѣла бабушка у царицы Агафьи Семеновны въ верховыхъ боярыняхъ, а когда царица отъ временнаго царствія въ вѣчный покой преставилась, старая царевна Татьяна Михайловна бабушку въ мастерскую свою палату взяла и къ шитью архіерейскихъ шапокъ приставила... Чего-то, бывало, не поразскажетъ покойница! И про стрѣльцовъ, какъ они Москвой мутили, и про капитоновъ [1]), и про нѣмцевъ, что́ на Кокуѣ [2]) проживали... Не жаловала ихъ бабушка,—ухъ, какъ не жаловала—плуты, говоритъ, были большіе и всѣ сплошь урѣзные пьяницы... Францъ Яковличъ Лефортъ въ тѣ поры у нихъ на Кокуѣ-то жилъ, и такіе онъ тамъ пиры задавалъ, такіе «кумпанства» строилъ, что на Москвѣ только крестились да шепоткомъ молитву творили... А больше все у виннаго погребщика Монса эти «кумпанства» бывали — для того, что съ дочерью его съ Анной Францъ Яковличъ въ открытомъ амурѣ находился... Самолично покойница бабушка княгиня Марья Юрьевна ту Монсову дочь знавала. — Что это, говоритъ, за красота такая была, даромъ, что дѣвка гулящая. Такая, говоритъ, красота, что и разсказать не можно... А дѣвка та, Монсова дочь, и сама фортуну сдѣлала и родныхъ

---

1) *Капитонами* называли раскольниковъ.

2) *Кокуемъ* называлась нѣмецкая слобода въ Москвѣ

Digitized by Google

всѣхъ въ люди вывела. Сестра въ штатсъ-дамахъ была, меньшой братъ, Васильемъ звали, въ шамбеляны попалъ, только-что передъ самой кончиной перваго императора ему за скаредныя дѣла головку передъ сенатомъ срубили... Долго торчала его голова на высокомъ шесту... Молчи, Андрюша, будь умникъ, а я тебѣ когда-нибудь на досугѣ все разскажу, что бабушка покойница про эти дѣла мнѣ разсказывала... Затѣйныя исторіи, **mon pigeonneau**, оченно затѣйныя— есть чего поразсказать, есть чего и послушать... А теперь-то про что бишь я говорила?

— Про Настасью Петровну хотѣли, бабушка, говорить...

— Такъ, точно такъ, **mon bijou**, про Настасью Петровну, про Соколиху то есть — а по батюшкѣ-то она Боровкова—генералъ-поручика Петра Андреича Боровкова дочь... Знавала я ее, **mon coeur**, до тонкости знала съ самаго ея малолѣтства. Помоложе меня была... Годами, я полагаю, шестью, либо семью, однакожь въ куклы вмѣстѣ игрывали. Я-то, признаться, ужь замужемъ въ тѣ поры была, а Настенькѣ седьмой либо восьмой годокъ пошелъ... Молодехонька вѣдь я замужъ-отъ шла, Андрюша, всего по четырнадцатому годочку и для того, года три замужемъ живши, все еще ребячье въ разумѣ-то держала... Покойникъ твой прадѣдушка Ѳедоръ Андреичъ, дай Богъ ему царство небесное, къ каждому, бывало, Божьему празднику безотмѣнно куколку мнѣ купитъ... «На-ка, молвитъ, женушка-нежёнушка, побалуй, позабавься»... Дай Богъ ему царство небесное — любилъ меня покойникъ... И какія куклы-то покупалъ онъ, Андрюша!.. Нюрембергскія!.. Такія были затѣйныя, такія утѣшныя, что, кажись бы, вѣкъ въ нихъ играла... Безпримѣрныя куклы!.. А нынче, **mon coeur**, и ихъ ужь не видно—нюрембергскихъ-то... Все, что ни было въ старые годы хоро-

Digitized by Google

шаго—все перевелось!.. О, охъ, охъ, охъ!.. Про что бишь я говорила, Андрюша?

— Про Настасью Петровну, про Боровкову, бабушка.

— Да... да... Про Настеньку... Знала ее, mon coeur самымъ кроткимъ манеромъ знала... И въ малолѣтствѣ знала, и при дворѣ государыни Екатерины Алексѣевны, въ ту пору, какъ самые первые царедворцы, ровно огня, ея язычка стали бояться...

Спервоначалу рѣдкостная и премилая особа была: генеральская дочь, съ немалымъ достаткомъ, а изъ себя столь пригожа, что бывало какой ни на есть петиметръ только взглянетъ на нее, такъ и заразится до безумія... Ухъ, какъ много отъ нея господчиковъ терзалось! По чести красавица быта отмѣнная... Одѣвалась, какъ надо быть щеголихѣ первой руки... Какъ теперь гляжу на нее, когда ее въ первый разъ въ свѣтъ вывезли... Было это на балѣ у принцессы курляндской, у той, что отъ отца съ матерью изъ Ярославля сбѣжала и въ нашу вѣру перекрестилась. Государыня Елизавета Петровна за это за самое замужъ ее за барона Черкасова выдала... Горбатенька была и съ лица не больно казиста... Ухъ, какъ славна была въ тотъ вечеръ Настенка!... Диковинно какъ пригожа... Сама государыня въ тотъ вечеръ изволила ей первую свою аттенцію сдѣлать — къ ручкѣ пожаловала... Было тогда на Настенькѣ фурро-ферме изъ бланжеваго транценеля съ черными брабантскими кружевами, фижмы съ крылышками, на головѣ пудра, конечно, и прическа á la crochet, съ локонами по плечамъ. Личико бѣленькое, нѣжное, улыбочка умильная, брови — соболь сибирскій, и мушки. Одна мушка надъ лѣвой бровью налѣплена, другая на лбу у самаго виска. Петиметры отъ тѣхъ мушекъ въ дезеспуарѣ были, для того, что мушка надъ лѣвой бровью непреклонность означаетъ, а на лбу, у виска — sang-froid.

Digitized by Google

Танцовала Настенька прелестно и, по чести сказать, всѣмъ на удивленье. Въ полонезѣ павой, бывало, такъ и выплываетъ, талію маленько на бокъ перегнетъ, вѣеръ къ губамъ приложитъ... Прелесть!.. Ростъ опять какой!.. Стройность какая!.. Одно слово... **une taille svelte et bien proportionnée**. Королева—по чести—королева!.. У Ландэ первой ученицей была... Ахъ, нѣтъ—постой, Андрюша, постой,—это у Ландэ-то я училась. Первый былъ **maitre de ballet** при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ — у него и государь Петръ Ѳедорычъ обучался и государыня Екатерина Алексѣевна, когда еще на Москвѣ въ невѣстахъ проживала... Настенька къ Ландэ не попала для того, что онъ на ту пору, какъ ей танцамъ пришла пора обучаться, — померъ... Значитъ она училась у Гранже—тоже знатный былъ **maitre de ballet**... Изрядные балеты строилъ въ эрмитажномъ театрѣ: **le Faune jaloux, Apollon et Daphnys**—Безпримѣрно, какъ прекрасно!.. И танцовать Гранже обучалъ отмѣнно, ну, то возьми, что Панинъ къ государю Павлу Петровичу для выучки танцамъ его приставилъ, значитъ хорошій **maitre de ballet** былъ... У него-то Настенька и училась, и такъ изрядно ее Гранже обучилъ, что не разъ ее на шляхетный театръ въ Зимнемъ дворцѣ Галатею представлять наряжали... Ухъ, какъ славна была Настенька, какъ бывало Галатею представляетъ!.. Съ золотымъ **papillon** въ рукѣ **pas de trois** съ графинями Чернышевыми пойдетъ... Да вотъ тебѣ, Андрюша, одно слово — ужь какъ безпримѣрно танцовала Глѣбова падчерипа—Софья Николавна Чоглокова, знаешь, которую государь Петръ Ѳедорычъ **la fraile de la cour** сдѣлалъ.—Хоть и криво бока маленько была, а весь свѣтъ собой восхищала однакожь Настенька Боровкова и ее, бывало, за поясъ заткнетъ. Манимаску да матрадуры не въ примѣръ лучше Чоглоковой она танцовала. Та бывало чуть и

Digitized by Google

лопнетъ съ досады, на нее глядя. И въ минуэтахъ Настенька ни разу въ грязь лицомъ себя не ударила... Да...

И такая была скромница, такая добрая, кроткая, безотвѣтная... По чести, **mon coeur**, когда было ей шестнадцать либо семнадцать лѣтъ—ангеломъ небеснымъ всѣ ее почитали. Да... **C'était une personne compatissante et sensible.**

Отецъ съ матерью души въ ней не чаяли: была у нихъ Настенька одна единственная дочь—дѣтище молёное, прошеное. Такъ въ глаза и глядѣли ей... Тѣмъ дѣвку и попортили, что съ мóлоду полную волю ей дали во всемъ. Не знавала Настенька грознаго слова родительскаго, не слыхивала слова запретнаго—на волѣ да въ холѣ жила, какъ хотѣла... Ну, и сдурилась... Совсѣмъ сбилась съ похвей!.. Такъ сдурилась, **mon petit**, что въ двадцать лѣтъ ее узнать было невозможно...

А все книги... Книгъ зачиталась—и зашелъ у ней умъ за разумъ. Читала все, что ни попало, безъ толку, безъ разбору—а отецъ съ матерью не запрещали: «читай, молъ, все что полюбится». И набралась Настенька дури да чепухи,—тѣмъ и себя погубила...

Еще въ ребячьихъ годахъ много была начитана—въ нюрембергскія бывало забавляется, а сама наизустъ Расиновы трагедіи да «Генріаду» такъ и чешетъ... Разставитъ куклы на столѣ да и почнетъ изъ «Медеи» декламировать...

Это бы ничего—книги хорошія... А какъ было ей лѣтъ шестнадцать либо семнадцать, попадись ей Лашоссеева книга **L'Enfant prodigue.** Прочитала ее Настенька да въ **comedies larmoyantes** и втянулась... Изсентиментальничалась, конечно, а потомъ къ Жанъ-Жаку Руссо пристрастилась. Натура, видишь больно ей по нутру пришлась, да еще не знай какія-то тамъ **les droits de l'humanité**... И зачала дурить.

Digitized by Google

«По моему, **mon** bijou, ужь если разобрала ее охота книги читать, романы читала бы... Не въ примѣръ пріятнѣе, и сдуриться никакъ невозможно.. А въ старые-то годы, Андрюша, какіе безподобные романы печатали... Ужесть какіе затѣйные!—Теперь, я такъ полагаю, **mon pigeonneaux**, что такъ и печатать не умѣютъ. Лесажевы романы взять на прикладъ — Жильблазъ де Сантильянъ или Хромоногаго Бѣса.. Ухъ, какіе знатные романы!.. Читалъ ли ты ихъ Андрюша?

— Читалъ, бабушка.

— Очень хорошіе романы. Ты мнѣ почитай ихъ когда-нибудь. Мнѣ бы это очень было пріятно, потому что эти романы безпримѣрные... А то еще въ другомъ родѣ были у насъ книжечки—это ужь самыя затѣйныя... Читалъ ли, голубчикъ, Боккачіо?.. А?..

— Читывалъ, бабушка.

— А сказочки Лафонтеновы читалъ? Не **Fables de Lafontaine**, а сказочки, сказочки?

— Читывалъ и сказочки, бабушка.

— Э!.. плутишка!... Ужь успѣлъ!... А не бойсь, мнѣ никогда не почитаетъ!.. Лѣнь, видно, бабушку-то старуху потѣшить?... А не правда ли, **mon coeur**, какія утѣшныя сказочки?.. Самыя затѣйныя!.. По чести, всѣ мы были до нихъ охотницы... А Настенька ихъ не читала и ни до какихъ романовъ склонности никогда не имѣла... Къ философіи, видишь ли, пристрастилась:— все бы ей Монтескьё, да Дидро, да Жанъ-Жакъ... Оно правда, въ ту пору и при дворѣ это въ модѣ было:— сама государыня съ Вольтеромъ въ перепискѣ была, оттого и метнулись всѣ въ философію, только не надолго, для того, что философія-то намъ не къ лицу пришлась... Въ самую ту пору и здурилась моя дѣвка. «Теперь, говоритъ, пришелъ золотой вѣкъ Астреи — свободнымъ языкомъ можно обо всякой пользѣ говорить»... И пошла и пошла, да по скорости и до

Digitized by Google

говорилась до сибирскихъ городовъ... Вотъ тебѣ и Астрея!..

— Что жь съ ней сдѣлалось, бабушка?

— Извѣстно что—съ ума спятила. Перво на́ перво за то всѣхъ зачала шпынять, что дурокъ да шутовъ при себѣ держатъ. Это говоритъ, звѣрскій обычай, варварамъ подобный... Поди вотъ ты съ ней...

— Да развѣ не правда, бабушка?..

— Правда?.. Хороша правда!.. Признаюсь!.. А почему это, позвольте васъ спросить, не держать дворянину при себѣ дурака?.. Это очень забавно!.. Ты то́ вспомни, **mon pigeonneaux**, что не только у знатнаго шляхетства, а при всѣхъ даже королевскихъ дворахъ шуты и дурки не переводились... И у насъ, въ Питерѣ, при дворѣ императрицы Анны Іоанновны бывали шуты, да еще какіе!.. При государыниной собачкѣ князь Волконскій въ нянькахъ состоялъ, князю Кваснику-Голицыну въ жены не то калмычку, не то камчадалку дали и въ ледяномъ дворцѣ ихъ пристроили... И у перваго императора шутомъ былъ Балакиревъ—человѣкъ тоже родословный, да еще цѣлая коллекція кардиналовъ, а при нихъ князь-папа, а княземъ папой спервоначалу учитель государевъ Зотовъ былъ, а послѣ него Бутурлинъ... Вонъ какіе люди!.. Да и сама государыня Екатерина Алексѣевна дурку держать при себѣ изволила—Матрену-то Даниловну. Дурка та городскіе слухи ей приносила... Всѣ знатные очень боялись ее. Помню я, какъ на моихъ глазахъ въ ней заискивали. Рылѣевъ, оберъ-полиціймейстеръ, къ каждому, бывало, празднику Матренѣ Даниловнѣ и куръ, и утокъ, и гусей шлетъ, чтобы язычекъ-отъ на его счетъ покороче держала... Знала я и Матрену Даниловну, самолично знала.

Опять то не по-нутру Настеньѣ пришлось, что у знатныхъ персонъ блюдолизы приживали. Паразитами

Digitized by Google

ихъ называли тогда.. У всякаго человѣкъ по десяти такихъ бывало, а у иныхъ и больше. Всякими манерами они милостивцевъ своихъ потѣшали; кто плясать гораздъ—пляши, кто стихи мастакъ сочинять — оды пиши, а кто во хмелю забавенъ—поятъ, бывало, того винищемъ каждый Божій день, ровно свинью... А за то, что они знатнаго человѣка тѣшатъ, каждый день имъ столъ открытый и ко всякому празднику кафтанъ съ плеча... Что жь тутъ дурного, mon petit?.. Христіанское братолюбіе—больше ничего... Да... любили тогдашніе вельможи бѣднымъ людямъ помощь оказывать.—И сами жили, и другимъ давали жить. А что иной разъ, не разбирая ранга, вспороть велятъ паразита—такъ спина-то у него вѣдь не купленная—остались бы кости, а тѣло наживное дѣло — нарастетъ... Отчего жь знатному и не потѣшить себя?.. Ну, а Настенька не въ ту сторону гнула—все это, говоритъ, татарское рабство. . Вонъ куда метнула!.. Безпримѣрно какъ дурила!..

Да пущай бы еще у себя дома, въ четырехъ стѣнахъ такую чепуху городила—такъ нѣтъ, все бывало норовитъ при людяхъ дичь нести. Не разбирая никого, такъ бывало и рѣжетъ: и на куртагахъ, и у Локателлія [1]), и на банкетахъ... И горюшка ей мало, хоть самъ князь Григорій Григорьичъ тутъ сиди. Да что Григорій Григорьичъ! Онъ и самъ подъ часъ любилъ такъ же поговорить, какъ и Настенька—за подлый народъ всегда заступу держалъ... А другіе-то, другіе-то! Люди почтенные, сановники—обижались вѣдь!.. А петиметры, заразившись Настенькиной красотой, бѣгутъ бывало къ ней, ровно овцы къ соли, а она и почнетъ имъ свои рацеи распѣвать, а тѣ слушаютъ развѣся уши-то, да еще поддакиваютъ... Иной, въ угоду Настенькѣ, и самъ

[1]) Локателли прежде балетмейстеръ былъ, а потомъ содержатель дома для баловъ и маскарадовъ.

Digitized by Google

гдѣ-нибуь на сторонѣ такую же чепуху почнетъ городить... Всю молодежь дѣвка перепортила—такая зловредная стала... И посты и все отбросила... Разъ посовѣтовала ей на кофею судьбу узнать — и кофею не вѣритъ, mon petit... Вотъ что́ значитъ философскія-то книги!.. Ты ихъ не читай, Андрюша!..

Потомъ на воспитанницъ накинулась. Что онѣ ей сдѣлали—до сихъ поръ ума приложить не могу. Въ стары годы, дружокъ, во всемъ почти шляхетскомъ домѣ, мало-мальски достаточномъ воспитанницъ держали. Особливо охочи были до нихъ бездѣтныя барыни да старыя дѣвки. Въ Питерѣ еще не такъ, а на Москвѣ такъ счету этимъ воспитанницамъ не было. Набирали нищихъ дѣвчонокъ въ подъяческомъ рангѣ, либо у шляхетства мелкопомѣстнаго. Которая барыня штуки двѣ держитъ, которая пятокъ, а очень знатная и десятокъ либо полтора. Учатъ дѣвчонокъ, воспитываютъ себѣ на утѣху, а имъ на счастье...

А старыя дѣвки да барыни бывали охочи до воспитанницъ для того, что съ ними въ домѣ люднѣй и отъ того веселѣе Къ старью-то петиметры не больно охотно ѣздили: съ праздничной визитой, аль въ именины поздравить, да на званный обѣдъ, а запросто никто ни ногой... А привыкши смолоду въ большомъ свѣтѣ съ аматерами возиться; старушкамъ-то и скучненько.. Вотъ онѣ для приманки щегольковъ—молодыхъ-то дѣвокъ, бывало, и держатъ... Коли воспитанницы изъ себя пригожи, отбою отъ петиметровъ нѣтъ — такъ и льнутъ, какъ мухи къ меду... А старушкѣ-то весело: глядитъ на молодежь да свою молодость и вспоминаетъ...

Настенька и супротивъ этого во всю ивановскую ричать зачала: это, говоритъ, рабство, это, говоритъ, тарское иго, развратъ, говоритъ, одинъ, а не доброе ло. Воспитанницъ, говоритъ, къ себѣ набирать, все чо, что вольныхъ людей въ холопство закрѣплять...

Digitized by Google

Такъ при всѣхъ этими самыми словами бывало и ляпнетъ... И ужь какъ на нее старыя-то злились. Брякнетъ, бывало, Настенька такое слово гдѣ-нибудь въ большомъ **société**, а старыя дѣвки, сидя въ углу, либо за картами таково злобно на нее взглянутъ да и за табачекъ. И промывали жь онѣ ей косточки: какихъ сплетокъ не выдумывали, чего про Настеньку не разсказывали—да все вѣдь норовили, чтобъ какъ-нибудь доброе имя ея опорочить... Злы вѣдь старыя-то дѣвки бываютъ, голубчикъ мой!..

Станешь, бывало, говорить Настенькѣ:

— Помилуй, мать моя, что́ это **ты** себѣ въ голову посадила? Какъ же это возможно сказать, что воспитанницъ не хорошо въ знатномъ домѣ держать? Сироту самъ Богъ призрѣть повелѣлъ...

А она:

— Хорошо, говоритъ, призрѣніе!.. Нечего сказать!.. Наберутъ бѣдныхъ дѣвочекъ да тиранятъ ихъ вѣкъ свой.

— Да какое жь, говорю, тиранство, **mon ange**? Развѣ не фортуна для какой-нибудь, голопятой дворяночки что она и танцамъ у придворнаго **maitre de ballet** учится, и по-французски у выписной мадамы, и всему другому, что́ нужно? Развѣ это не фортуна, что какая-нибудь голь перекатная — съ княжнами, съ графинями вмѣстѣ учится, и послѣ того **le frailes de la cour** ее своей подругой называютъ? Развѣ это не фортуна, говорю, что подъяческому отродью либо мелкопомѣстной дряни такіе петиметры, что́ еще въ колыбели гвардіи сержантами служатъ,—деклярасьоны въ амурахъ объявляютъ?.. Помилуй, говорю, Настенька, вѣдь эт умора... Съ у́ма ты спятила, радость моя!.. Не по дворянски разсуждаешь, **ma delicieuse**.

А она:

— Не въ томъ, говоритъ, мать моя, фортуна че

Digitized by Google

ловѣческая. Хороша, говоритъ, фортуна выпала воспитанницамъ княжны Дуденевой!.. Одна за моськами нянькой ходитъ, другая съ утра до́ вечера по гостиному двору да по мадамамъ рыщетъ, а вечеромъ на кофеѣ воро́житъ, либо Чети-Минею вслухъ читаетъ.— Сегодня, завтра весь вѣкъ одно да одно... Да всѣ капризы княжны переноси, всѣ брани ея и ругательства слушай: она бѣситься начинаетъ, а ты ручку цѣлуй у нея... Не рабство это, не кабала по твоему?.. А тутъ еще племянничекъ какой-нибудь станетъ подъѣзжать съ своей гнусной любовью—и сохрани тогда Богъ дѣвочку, ежели она не дозволитъ ему далеко́ забираться: — нагишомъ со двора сгонитъ.

А это точно было, Андрюша. Случилось это у старой у дѣвки, у графини Тумавской. Ея племянникъ, голштинской арміи поручикъ баронъ фонъ-Ледерлейхеръ, примазываться сталъ къ тетушкиной воспитанницѣ. Отецъ-отъ ея, маіоръ, въ пруской войнѣ былъ убитъ, а мать съ горя да отъ бѣдности померла, потому графиня изъ христіанскаго милосердія и взяла сироту, ихнюю дочку, къ себѣ на воспитанье... Какъ зачалъ баронъ къ маіорской дочери примазываться, она су́противъ его на дыбы—не хочу, говоритъ... Онъ и такъ и сякъ—не поддается дѣвка. Къ тетушкѣ—а графиня души не чаяла въ племянникѣ, баловень ея былъ. Стала и она маіорскую дочь усовѣщавать — покорилась бы барону, а та и слышать не хочетъ—пущай, говоритъ, женится... Губа-то не дура—въ баронессы захотѣла... Много билась съ ней бѣдная графинюшка: и лаской, и грозой, и косу рѣзала, и въ подвалѣ голодомъ маленько поморила—ничѣмъ взять не могла—такая была упрямица... Нечего дѣлать — сослала со двора съ тѣмъ имѣньемъ, что́ послѣ родителей осталось. А родительскаго-то благословенія—тѣльной крестъ да материно кольцо обручальное...

Digitized by Google

По времени сказывали, что во вся тяжка́я пустилась, въ вольномъ домѣ даже проживала... Ну, не дура ли, **mon pigeonneau**? Не въ примѣръ бы ей пристойнѣе бароновой матреской быть, чѣмъ такимъ манеромъ графиню срамить—вѣдь всѣ знали, что она ея воспитанница... Вотъ какъ за хлѣбъ-отъ да за́ соль заплатила!.. Много слезъ пролила бѣдная графиня — отъ такого сраму...

— На ней взыщется грѣхъ маіорской дочери, бабушка...

— Слышите!.. Слышите!.. Распутную дѣвку къ графинѣ приравнялъ!.. Какъ не стыдно тебѣ, **mon coeur**!.. Стыдно, **mon petit**, безпримѣрно стыдно такъ непочтительно о знатныхъ персонахъ говорить... Не тебѣ объ нихъ судить: — ты еще молодъ и не столь знатенъ — это завсегда ты долженъ помнить... Вотъ этакъ же, бывало, и Настенька... Что жъ вышло?.. Сгибла сударка и слѣдъ простылъ... За такія неподобныя рѣчи часто я ее бранивала — какъ тебя вотъ теперь браню... Дуришь, бывало, говорю, **ma délicieuse**: вздоръ одинъ сажаешь себѣ въ голову... Держать, говорю, воспитанницъ,—дѣло христіанское. А она:—ты, говоритъ, мой свѣтъ, хоть и замужемъ, хоть и постарше меня, а этого тебѣ не понять. А чего не понять-то?.. Дурила голубка, просто дурила...

Отцу съ матерью такъ-таки и не попустила держать воспитанницъ. Покамѣстъ росла, были у Боровковыхъ три: секретарская дочь да двѣ мелкопомѣстныя дворяночки... А коль скоро Настенька въ годы вошла, родительскій домъ на свои руки приняла, для того, что съ матерью съ ея кровяной ударъ приключился— ни рукой, ни ногой двинуть не могла. И какъ стала хозяйкой, скоро пошла докучать, не держали бъ родители воспитанницъ.—Такъ вѣдь и выжила ихъ изъ дома.

И не разобрать: со зла ли такъ поступала На

Digitized by Google

стенька, аль прямымъ дѣломъ дѣвкамъ хотѣла добра. Да вотъ какой случа́й выпалъ. Въ самое то время, какъ она докучала отцу съ матерью, чтобъ изъ дому всѣхъ трехъ воспитанницъ вонъ, одна изъ нихъ возьми да оспой и захворай... Болѣзнь страшная: либо помрешь, либо на вѣкъ рябой останешься, къ тому же болѣзнь прилипчивая... Докторъ приказалъ положить больную въ особомъ флигелѣ и тѣмъ, у кого оспы не было, близко къ тому флигелю не подходить... Что жъ ты думаешь?.. Истинно ума лишилась,—сама за больною ходить вздумала... За оспенной-то!.. Отецъ съ матерью ей и такъ, и сякъ, не дается дѣвка подъ ладъ. Однако жъ Петръ Андреичъ на своемъ поставилъ Стихла моя Настасья Петровна!..

Что жъ? Ночью, бывало, только-что въ домѣ всѣ улягутся, она тихонько башмачки на босу ногу, кунтышъ [1]) на плечи да черезъ дворъ á petit bruit во флигель, да тамъ за воспитанницей и почнетъ ухаживать... И представь ты себѣ, Андрюша,—оспа-то вѣдь къ ней не пристала... Зато, когда дошло до княжны Дуденевой — расцыганила жъ онъ Настеньку. Всѣми богами божилась, что не къ больной, а къ любовникамъ во флигель она бѣгала...

Гораздо спустя, говоритъ Боровковъ Настенькѣ, отецъ-отъ ея:

— Скучно тебѣ, свѣтикъ мой, одна ты у насъ одинёшенька, а дѣло твое дѣвичье, подругу бы надо тебѣ. Вотъ вчерась у Локателля на вольномъ балѣ довелось мнѣ про одного армейскаго капитана слышать... Заѣхалъ сюда въ Питеръ съ кучей ребятишекъ да въ одночасье и померъ. Шестеро сиротъ ма́лъ-мала меньше, и отца, ни матери, ни роду, ни племени, пить, ѣсть— нечего... Разбираютъ теперь сиротокъ по знатнымъ

[1]) Въ родѣ нынѣшнихъ салоповъ.

Digitized by Google

домамъ. Не взять ли и намъ хоть одну капитанскую дочку? Сказываютъ, есть одна годковъ въ пятнадцать— дѣвка-то была бы къ тебѣ подходящая...

А Настенька:

— Нѣтъ, говоритъ, батюшка, не берите въ домъ... Горька жизнь сироты, а горче всего въ ея жизни — чужой хлѣбъ. Нѣтъ, батюшка, ради Господа, не дѣлайте этого. — А вотъ что: поѣзжайте-ка вы къ Бецкому, къ Ивану Иванычу, попросите, чтобъ онъ въ Смольный сиротокъ пристроилъ, а коль комплекту нѣтъ, продайте мои брилліанты, отдайте деньги за сиротъ... Въ воскресенье на куртагѣ сама я княжну Катерину буду просить и къ Делафоншѣ съѣзжу [1]).

И что же? По Настенькинымъ хлопотамъ да по ея просьбамъ взяли вѣдь въ Смольный-отъ двухъ капитанскихъ дочекъ, а когда онѣ отучились, Боровковы замужъ ихъ выдали... И какое приданое Настенька имъ сдѣлала!..

Да такъ ли еще она куралесила, mon pigeonneau, то ли еще дерзкимъ своимъ языкомъ говорила!.. Выглянь ка за дверь, Андрюша, комнатныхъ дѣвокъ тамъ нѣтъ ли.—Не подслушали бы... Про это знать имъ не годится».

«До того подъ конецъ дошла, шепотомъ продолжала бабушка, что вездѣ, гдѣ ни бывала, зачала ровно въ трещетку трещать, будто бы благородному шляхетству ни крестьянами, ни дворовыми владѣть не должно... Они, говоритъ, такіе же люди, что́ и мы... Слышишь, mon petit?. Самоё себя къ холопямъ приравняла!.. Никто, говоритъ, не волёнъ съ своего человѣка за провинность взыскать... Понимаешь, голубчикъ, куда клонила?.. А все философія да поганыя книги, что́ по цѣ

---

[1]) Княжна Катерина Долгорукова — первая начальница Смольнаго монастыря, Делафонъ — ея помощница.

Digitized by Google

лымъ ночамъ читала!.. Все бывало у нея Жанъ-Жакъ да Жанъ-Жакъ—вотъ тебѣ и Жанъ-Жакъ!.. Подлымъ вольности захотѣла! — Да вѣдь вольность-то дана, mon pigeonneaux, шляхетству, дворянскому корпусу за службы дѣдовъ и прадѣдовъ, а Настасья Петровна моя хамовой породѣ захотѣла вольности!.. Знатныя персоны за то очень на нее сердились и грозились укоротить язычекъ Настенькѣ — значитъ — либо въ монастырь на смиренье, либо въ сумасшедшій домъ за рѣшетку... Испужалась, надо думать — перестала... Ну самъ посуди, mon coeur, пристойно ли дѣвкѣ такимъ манеромъ разсуждать! Ничуть не славно, и совсѣмъ даже неловко!.. Завсегда у нея въ головѣ безпорядокъ былъ!.. Потому и звали ее «порченой».

А то какая еще у нея дурь въ головѣ была. Лѣтомъ Боровковы жили на дачѣ, а прежде, когда Настенькина мать здорова еще была, въ подмосковную они ѣздили. Въ деревнѣ-то, какъ ты думаешь, что она? Съ бабами да съ дѣвками деревенскими была за пани-брата... Вотъ до какого безобразія дошла!.. И что еще выдумала—стала къ отцу съ матерью приставать, чтобъ наняли дьячка деревенскихъ ребятишекъ грамотѣ учить... Умора!.. Ну, съ какой стати мужику грамотѣ умѣть? Крестьянское ль это дѣло? Мужикъ знай пахать, знай хлѣбъ молотить, сѣно косить—а книги-то ему за чѣмъ въ руки. Да дай-ка ему книгу-то — пропьетъ ее въ первомъ питейномъ... Ну, Боровковъ Петръ Андреичъ на такую глупую причуду любезной дочки не согласился однако... А тутъ по скорости съ женой его ударъ приключился, въ деревню ѣздить перестали, такъ Настенькины затѣи и не пошли ни во что...

Было ужъ ей тридцать годовъ, а по-прежнему была зъ себя хороша, кажется, краше еще съ лѣтами-то блалась... А замужъ не шла и выходить не хотѣла... чого петиметровъ изъ самыхъ знатныхъ персонъ по

Digitized by Google

ней помирало, однакожъ, она тому не внимала и мушекъ съ виска да съ лѣвой бровки ни для кого не сняла... А охотниковъ до нея было много, отбою отъ жениховъ не было. Оно и понятно: дѣвка не безприданница—въ Кеславлѣ съ деревнями въ Зимогорской губерніи тысячи полторы домовъ, красота на рѣдкость. Придворные кавалеры и гвардіи офицеры декляраcьоны ей объявляли, только Настенька рѣчи ихъ межъ ушей пропущала и хоть бы разъ для кого на правой сторонѣ губки мушку приклеила:—осмѣлься, дескать, и говори...

Иные господчики, по старому обычаю, свахъ засылали... Однакожъ не было имъ ни привѣту... ни отвѣту... А тѣхъ, которымъ, по женихову сродству и по его **position dans le monde**, можно было наругаться маленько, Петръ Андреичъ съ репримандами со двора спускалъ.

Кого ждала Настенька — какого царевича, какого королевича—не знаю. А и то надо сказать, **mon coeur**, что вѣдь и на самомъ дѣлѣ царевичъ къ ней разъ присватался—не пошла. Пьетъ, говоритъ, очень, да носъ больно великъ. Изъ выѣзжихъ былъ: изъ Грузинскихъ, не то изъ Имеретинскихъ — много тогда этакихъ царевичей на Прѣснѣ въ Москвѣ проживало. Только ужъ дураковаты были, да на придачу горькіе пьяницы и драчуны.

По времени всѣ возненавидѣли Настеньку. — Всѣ стали ей косые взгляды казать: старыя дѣвки и дамы за то, что про воспитанницъ неумно говорила да сплетни ихнія на чистую воду выводила, молодыя красотѣ ея завидуючи, петиметры за ея **sang-froid**, а благородное шляхетство за неподобныя рѣчи на счетъ холоповъ... Самыхъ что̀ ни на есть знатнѣйшихъ людей супротивъ себя поставила. Можешь себѣ вообразить, **mon pigeonneau**, сановниковъ-то самыхъ, опору-то престола, ворами да казнокрадами въ публикѣ безо

Digitized by Google

всякаго конфуза зачала обзывать. Не безумная ли?.. Имени, бывало, не помянетъ, а про чьи дѣла брякнетъ, у того ой-ой какъ подъ тупеемъ зачешется. За то больше и не взлюбили ее.—Всякая дескать, дрянь, дѣвчонка какая-нибудь, да въ великія государственныя дѣла соваться вздумала! А пуще всего опасались, чтобъ грѣхомъ государыня столь зловредную дѣвку приблизить къ себѣ не соизволила, конфиденткой не сдѣлала бы, въ камеръ-фрейлины не взяла бы!.. Государыня и то на куртагахъ и въ Эрмитажѣ безпримѣрную аттенцію Настенькѣ оказывала, а однажды поутру даже про важныя дѣла съ ней говорить изволила... Княгиня Катерина Романовна даже надулась зá это на Настеньку... Оно и понятно, mon petit, — всякому вѣдь до себя.. Ну, и боялись...

До поры до времени однакожъ терпѣли Настеньку. Пущай, дескать, дѣвка до сыта наругается, дѣвичья брань на вороту не виснетъ. А какъ подвела Настенька Мякинина Гаврилу Петровича подъ гнѣвъ государыни, такъ и зачали знатныя персоны промышлять—какими бы судьбами неспокойную дѣвку спровадить изъ Петербурга, духу бъ ея въ столицѣ не осталось, въ воду бы канула, заглохла бы гдѣ-нибудь въ деревенской глуши, а ежели поможетъ Господь, такъ гдѣ-нибудь и подальше—куда, значитъ, Макаръ и телятъ не гонялъ.

А подвела Настенька подъ гнѣвъ и опалу Гаврилу Петровича Мякинина вотъ какимъ манеромъ. На петергофской дорогѣ у отца у ея, у Петра Андреича, дача была. По лѣтáмъ, съ той поры какъ заболѣла сама-то Боровкова, они живали на самой той дачѣ... Ходила тутъ къ Настенькѣ изъ ближней деревни крестьянская женка, грибы къ столу носила, ягоды, овощъ всякій. Аграфеной, звали, а была изъ экономическихъ. Переѣхали одинъ годъ Боровковы на дачу — нейдетъ Аграфена: сморчки прошли,—нейдетъ, земляника про-

Digitized by Google

шла, — найдетъ, малина зачалась — Аграфены нѣтъ, какъ нѣтъ. Думала Настенька, что она померла. И очень жалѣла, къ подлому-то народу ужъ очень пристрастна была.

Лѣто за половину поворотило, какъ однажды рано поутру заслышала Настенька знакомый голосъ: «зелены хороши, огурчики-голубчики зелёненькіе, бобики турецки, картофель молодой!» Кликнула Настенька бабу, зачала ее распрашивать, куда это она запропастилась, по какому резону половину лѣта у нихъ не бывала.

Заголосила бабенка:

— Ахъ ты, милая моя барышня! Вѣдь Господь своимъ праведнымъ судомъ намъ несчастьице послалъ.— Самое горемычное дѣло до насъ грѣшныхъ дошло.— Должны въ разоръ разориться по міру пойдти.

— Что такое?—спрашиваетъ Настенька.

— Хозяина-то моего, седьма недѣля, какъ въ тюрьму посадили.

— Какъ такъ?

— Да такъ же, родная, посадили, да и все тутъ

— Да что жь онъ сдѣлалъ?

— Охъ, ужъ дѣло-то его, матушка, такое, что не знаю, какъ разсказать тебѣ. Провинился, моя любезная, мой Трифонычъ, провинился и не запирается—точно, говоритъ, моя бѣда до меня дошла—виноватъ. Люди говорятъ, въ Сибирь его сошлютъ, да и меня, слышь, съ нимъ. А я къ тому дѣлу нисколько не причастна, только что печку топила да хлѣбы пекла...

— Да что жь онъ сдѣлалъ? Въ душегубствѣ попался, аль въ разбоѣ?

— Ой, нѣтъ, моя хорошая! Такой ли человѣкъ мо Трифонычъ? Ему Господь и грамоту даровалъ—божественныя книги читаетъ—сдѣлать ли ему такое дѣло!. А ужъ по правдѣ сказать тебѣ, бѣлая ты моя барышня такъ я, грѣшный человѣкъ, частенько подумываю, н

Digitized by Google

въ примѣръ бы лучше было Трифонычу въ разбоѣ аль въ душегубствѣ попасться... Для того, что по убійственнымъ и по разбойнымъ дѣламъ хоть не зачастую, а все-же-таки изъ тюрьмы люди выходятъ, а Трифонычъ-отъ мой, по своей простотѣ да по глупости, въ такое дѣло втюрился, что и повороту нѣтъ изъ него...

— Да что жь онъ сдѣлалъ такое?

— Охъ, матушка моя, большое дѣло онъ сдѣлалъ: орла двѣнадцать лѣтъ жегъ.

— Какъ орла жегъ? Какого орла?

— Орла, матушка, точно орла.—Въ печкѣ двѣнадцать годиковъ жегъ... Это въ прямое дѣло, что жегъ.— Двѣнадцать лѣтъ, сударыня!..

— Да говори толкомъ—что такое?

— Да видишь ли, бѣлая моя барышня—въ печкѣ-то у насъ въ самомъ подý орелъ былъ и это точно, что на немъ каждый день дрова горѣли—и хлѣбы завсегда пеклись на немъ. Жегъ, родная моя, точно что жегъ.

Толку добиться Настенька не могла, а дѣла не покинула. Стала развѣдывать, по скорости вотъ что узнала, **mon coeur**.

Когда выстроили Зимній дворецъ, государю Петру Ѳедорычу захотѣлось безпремѣнно къ Свѣтлому Воскресенью на новоселье перебраться. Весь Великій Постъ тысячи народа во дворцѣ кипѣли, денно и нощно работали, спѣшили, значитъ, покончить, зашабашили только къ самой заутрени. А лугъ передъ дворцомъ очистить не могли: весь онъ былъ загроможденъ превеликимъ множествомъ домовъ и хибарокъ, гдѣ рабочіе жили, и всякимъ хламомъ, чтó отъ постройки оставалось. Смекнули — полгода времени надо, чтобъ убрать весь этотъ хламъ, и не малыхъ бы денегъ та уборка стоила, а государю угодно, чтобъ къ Свѣтлому Воскресенью лугъ безпремѣнно чистехонекъ былъ. Какъ

Digitized by Google

быть, что дѣлать? Генералъ-полицiйместеромъ въ тѣ поры Корфъ былъ — онъ и доложи государю — не пожертвовать ли, молъ, ваше императорское величество, всѣмъ этимъ дрязгомъ петербургскимъ жителямъ, пущай, дескать, всякъ, кто хочетъ, невозбранно идетъ на дворцовый лугъ и безданно, безпошлинно, беретъ, что кому приглянется: доски тамъ, обрубки, бревна, кирпичи. Государь Петръ Ѳедоровичъ на то согласился... Поскакали драгуны по́ городу — въ каждомъ дому повѣщаютъ — идите, молъ, на дворцовый лугъ, да что хотите, то и берите безданно, безпошлинно. Петербургъ ровно взбѣленился: со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ концовъ побѣжали, поѣхали на́ лугъ.. И вообрази ты себѣ, **mon pigeonneau**, въ одинъ день вѣдь все убрали. А было это въ самую Велику Пятницу. И отъ насъ и́зъ дому на дворцовый лугъ людей съ лошадьми посылали — полтора года, **mon petit**, послѣ того дровъ мы не покупали. Хорошій былъ распорядокъ — всѣ оченно довольны оставались.

Савелій Трифоновъ, Аграфенинъ-отъ мужъ, въ самое то время въ Петербургѣ съ подводой былъ. Услыхавши, что полиція народъ ко дворцу сбиваетъ, и онъ, сердечный, туда поѣхалъ, набралъ цѣлый возъ кафелей съ поли́вами да голландскаго кирпичу. А у него въ дому на ту пору печь плоховата была: онъ ее жалованнымъ-то кирпичемъ и поправилъ... Да на грѣхъ угораздило его кафель-отъ съ орломъ въ самый подъ положить.

Двѣнадцать лѣтъ прошло—Трифоныча въ то время какъ монастырщину государыня Екатерина Алексѣвна поворотила на экономію, въ волостные головы міром изобрали. Тутъ не возлюбилъ его управитель ихній что́ отъ коллегіи Экономіи къ монастырскимъ крестьянамъ былъ приставленъ, Чекатуновъ Якинѳъ Сергѣичъ. Какъ теперь на него гляжу: старичокъ такой былъ

Digitized by Google

сѣденькой и плутоватъ, нечего сказать... Смолоду еще при государынѣ Аннѣ Ивановнѣ былъ въ армейскихъ офицерахъ и, сказываютъ, куда какъ жестоко хохловъ прижималъ, когда по недоимочнымъ дѣламъ въ малороссійской тайной канцеляріи находился. Трифонычъ, должно быть, какъ-нибудь неублаготворилъ его, онъ и взъѣлся... Однакожъ, какихъ подкоповъ ни подводилъ подъ Трифоныча, не могъ поддѣть. Времена-то не тѣ ужъ были, не бироновщина.

Пріѣзжаетъ Чекатуновъ въ волость, гдѣ Трифонычъ въ головахъ сидѣлъ, прямо къ нему, разумѣется для того, что на хозяина хоть и волкомъ глядитъ, а угощенья ему подай... Папушникъ Аграфена на столъ положила: «рушьте, молъ, сами, ваше благородіе, какъ вашей милости будетъ угодно».

Чекатуновъ сталъ рѣзать папушникъ—глядь, а на нижней-то коркѣ орелъ.

— Это что́?—крикнулъ онъ грознымъ голосомъ.

— Орелъ, — говоритъ Трифонычъ, — орелъ, ваше высокородіе.

— Да у тебя царскій что-ли хлѣбъ-отъ? Изъ дворца краденый?.. А?

— Какъ это возможно и помыслить такое дѣло, ваше высокородіе?—отвѣчаетъ Трифонычъ.—Глядь-ко что выдумалъ! Изъ царскаго дворца краденъ!.. Я вѣдь, чать, русскій!.. Изволь въ печку глянуть, тамо въ поду кирпичъ съ орломъ вложенъ, на хлѣбѣ-то онъ и вышелъ.

Посмотрѣлъ въ печку Чекатуновъ, видитъ — точно орелъ

— А гдѣ, говоритъ, ты взялъ такой кирпичъ?

— А на дворцовомъ лугу,—отвѣчаетъ ему Трифонычъ, въ то самое время, какъ по царскому жалованью народъ послѣ дворцовой стройки хламъ разбилъ.

Digitized by Google

— Такъ это ты двѣнадцать лѣтъ царскаго-то орла жжешь,—закричалъ Чекатуновъ, схвативъ Трифоныча за́ воротъ. — А? Да понимаешь ли ты, злодѣй, что за это Сибирь тебѣ слѣдуетъ.

Трифонычъ въ ноги. А Чекатуновъ расходившись— въ желѣза Трифоныча, да въ острогъ за жестокимъ карауломъ.

А Чекатунову такія дѣла не впервые творить приходилось.—При Биронѣ въ Малой Россіи онъ за жженаго орла людей мучилъ.

Дѣло повели крутенько. А было это въ самое Пугачевское замѣшательство. Чекатуновъ главному своему начальнику Гаврилѣ Петровичу Мякинину такимъ манеромъ дѣло Трифоныча представилъ, что будто онъ съ государственнымъ злодѣемъ былъ заодно и въ само́мъ Петербургѣ хотѣлъ народъ всполошить. Трифонычъ былъ мужикъ домовитый, зажиточный, въ ларцѣ у него цѣлковиковъ немало лежало: тутъ все прахомъ пошло.

Разузнавши доподлинно дѣло, Настенька, не молвивши отцу ни единаго слова, приказала заложить карету, одѣлась en grand toilette и въ Царское Село... А тамъ государыня завсегда изволила лѣтнюю резиденцію имѣть. Поѣхала Настенька съ дачи рани́мъ-ранехонько и въ саду на утренней прогулкѣ улучила государыню. А ея величество завсегда въ семь часовъ поутру изволила свой променадъ дѣлать. Остановилась Настенька у той куртины, гдѣ сама государыня каждый день изъ своихъ рукъ цвѣты поливала. — Видитъ, бѣгутъ двѣ рѣзвыя собачки, играютъ промежъ себя; а за ними государыня въ легхомъ капотѣ пюсоваго цвѣта, въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукѣ. Марья С вишна Перекусихина съ ней, позади егерь.

Увидала ее Настенька, то́тчасъ на колѣни.

— Что́ съ вами, милая? Отчего такъ встревожены?- спрашиваетъ ее государыня.

Digitized by Google

— Правосудія и милости у вашего величества прошу.

Государыня улыбнулась.

— За того, прошу, ваше императорское величество, за кого просить некому, молвила Настенька. За простаго мужика, за невинную жертву злобы и лихоимства. Въ тюрьмѣ сидитъ, домъ разоренъ... Честный Савелій Трифоновъ изъ богатаго поселянина на вѣкъ нищимъ сталъ.

Только-что Настенька эти рѣчи проговорила, государыня внезапно помрачилась, румянецъ на щекахъ такъ и запылалъ у ней. А это завсегда съ ней бывало, **mon coeur,** когда чѣмъ-нибудь недовольна дѣлалась.

— Не знаете, за кого просите!—съ гнѣвомъ проговорила государыня. Трифонъ — воръ, соумышленникъ государственнаго злодѣя.

— Ваше величество, беззащитнаго поселянина оклеветали... Опричь Бога да васъ, никто его спасти не можетъ... Разсмотрите дѣло его.

Ни слова не промолвя, государыня отвернулась и пошла въ боковую аллею... Настенька осталась одна на колѣняхъ.

Недѣли черезъ три Трифонъ былъ на волю выпущенъ и все добро его назадъ было отдано. Чекатунова отрѣшили, Гаврилѣ Петровичу Мякинину было сказано: жить въ подмосковной.

Въ перво же воскресенье Настенькѣ велѣно было на куртагѣ быть. Государыня съ великой аттенціей приняла ее. При многихъ знатныхъ персонахъ обняла, поцѣловала:

— Благодарю васъ за то, что избавили меня отъ величайшаго несчастія царей—быть несправедливой,— сказала ей государыня.—Мы основали нашъ престолъ на человѣколюбіи и милосердіи, но по навѣту злыхъ

Digitized by Google

людей я едва не осудила невиннаго. Богъ васъ наградитъ.

И всѣ зачали увиваться вкругъ Настеньки. На другой же день весь **grand monde** перебывалъ у Боровковыхъ съ визитами—даромъ что кому двѣнадцать, кому двадцать верстъ надо было ѣхать до ихней дачи. . Только и рѣчи у всѣхъ что про Настеньку да про злодѣйство Мякинина съ Чекатуновымъ.

А про себя не то думали, не то гадали знатныя персоны... Подкопы подводить зачали подъ Настеньку.

Въ то время, **mon enfant**, самымъ важнымъ вельможей былъ Левъ Александрычъ Нарышкинъ... Нраву отмѣнно веселаго, на забавныя выдумки первый мастеръ. Какъ пойдетъ, бывало, всѣхъ шпынять, такъ только держись, а все какъ будто спросту. Государыня его очень жаловала. Когда еще великой княгиней была, большую довѣренность къ нему имѣла—и когда воцарилась, много жаловала. Человѣкъ былъ что называется, на всѣ руки... Ежели на куртагѣ бывало невесело, а Нарышкина нѣтъ, государыня всегда бывало изволитъ сказать: «видно, что Льва Александровича нѣтъ». По чести сказать — мертваго, кажется, умѣлъ бы разсмѣшить, а праздники задавалъ — не то что намъ:—чужеземнымъ, иностраннымъ на великое удивленье бывали.

Давалъ онъ балъ у себя на дачѣ. Знатная дача была у Льва Александровича по петергофской дорогѣ. Какіе онъ на ней фейверки дѣлалъ, люминаціи съ аллегоріями [1]) — сказать, **mon bijou**, невозможно. Самъ Галуппи музыкой бывало правитъ — старый человѣкъ былъ настарый, а зачнетъ музыкантами командовать глаза у сѣдаго такъ разгорятся, ровно у молодаго и

---

1) Фейерверки, иллюминація.

Digitized by Google

тиметра, когдя свей **dame de l'amour** ручку пожи. маетъ... Сады какіе у Нарышкина были, фонтаны!.. По чести сказать, какъ войдешь бывало въ его люминованные сады—ума лишишься: рай пресвѣтлый, царство небесное—больше ничего... **Parole d'honneur, mon petit.**

Разъ, какъ теперь помню, наканунѣ Ильина дня, пріѣзжаетъ къ намъ Настенька.

— Ты, говоритъ, къ Нарышкину завтрашній день на праздникъ поѣдешь?

— Нѣтъ, говорю, **ma delicieuse**, не поѣду... Для того, что инвитасьоны не получили.

А меня досада такъ и разбираетъ... Какъ такъ? Боровковы будутъ, мы не будемъ!.. Обидно!.. Была я тогда молода, къ тому жъ не изъ послѣднихъ... Мужъ въ генеральскомъ рангѣ—какъ же не досадно-то?.. Самъ посуди, **mon pigeonneau**..

— Поздравляю, говорю, поздравляю, **ma delicieuse**, что къ Нарышкину поѣдешь... А мы люди маленькіе, незнатные... Куда ужъ намъ къ Нарышкину?..

— Особливо мнѣ то чудно́, говоритъ межъ тѣмъ Настенька,—что на праздникѣ будутъ только самыя первыя персоны. Изъ дѣвицъ: Веделева Анета, Шереметевыхъ двѣ, Панина, Полянская, Хитрово... Все **les frailes de la cour**... Какими судьбами меня пригласили—ума приложить не могу.

— Значитъ, **ma douceur**, и тебѣ **la fraile de la cour** скажутъ...—Будешь, говорю, во времени—и насъ помяни.

Захохочетъ Настенька, да такъ и залилась.

— Нашла, говоритъ, **la fraile de la cour**! По чести сказать, къ лицу мнѣ будетъ!..

А сама охорашивается, сто́я передъ зеркаломъ... Нельзя же, **mon coeur**—женская натура... Кто изъ молодыхъ женщинъ мимо зеркала пройдетъ не погля-

Digitized by Google

дѣвшись? Ни одна не пройдетъ, **mon pigeonneaux**, повѣрь, что ни одна... Потому что у каждой о всякую пору одно на умѣ — какъ бы мужчинку къ себѣ прицѣпить... Ты, **mon coeur**, не гляди, что онѣ молчатъ да кажутся **les inaccessibles**. Повѣрь бабушкѣ, голубчикъ мой, что у каждой женщины лѣтъ съ четырнадцати одно на умѣ: какъ бы съ мужчинкой слюбиться... Ей-богу, **mou cher**... Притворству не вѣрь!..—Которая тебѣ по мысли придется, смѣло приступай... Рано ли, поздно ли, будетъ твоя... Повѣрь, **mon bijou** — я вѣдь опытна... Смѣлости только побольше, голубчикъ, а будетъ къ концу дѣло подходить,—дерзокъ будь... На визги да на слезы вниманія не обращай. Для проформы только визжатъ да стонутъ... Видишь, **mon petit**, какъ бабушка-то тебя житейской мудрости учитъ... Послѣ сколько разъ помянешь, поблагодаришь меня, старуху, за мои **les instructions**... Вѣрь, **mon agneau**, и въ стары годы, и въ нынѣшніе **pour chaque femme, et pour chaque fille** ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ объятья мужчины... Изо всей силы, **mon petit**, къ себѣ прижимай, мни, кости ломи—тѣмъ пріятнѣе... Про что, бишь, я говорила, Андрюша?

— Да все про Боровкову, бабушка... Какъ она къ Нарышкину сбиралась и охорашивалась, стоя у васъ передъ зеркаломъ...

— Точно, голубчикъ, точно... Изогнула она этакъ нá бокъ талію, ручкой подбоченилась, а глазенки такъ и горятъ... Ухъ, какъ отмѣнно была хороша, ухъ, какъ славнá!.. А близиру ради тоже прикидывается— я, дескать, дурнушка.

И вдругъ пригорюнилась она:

— Нѣтъ, говоритъ, Параша — какая я **fraile de la cour**?.. Вотъ если бъ государыня взяла меня замѣст Матрены Даниловны.

— Христосъ съ тобой, говорю я, Настенька. Са-

Digitized by Google

не знаешь, что мелешь!.. Въ дурки захотѣла!.. Какой тутъ промѣнъ, ma delicieuse?

— Большой, говоритъ, промѣнъ! Родись я мужчиной—генералъ-прокуроромъ захотѣла бы быть, всякій бы часъ государынѣ докладывать, какъ болѣетъ народъ, какъ ищетъ суда и правды, а найдти не можетъ!.. А родилась женщиной—въ дурки хотѣла-бъ, въ шутихи... Эхъ, какъ бы мнѣ надѣть чепчикъ съ погремушками... Сколько бы правды тогда разсказала царицѣ!..

— Дуришь, Настенька! То говоришь—шутовъ не надо, то сама въ дурки лѣзешь.

А она:

— Не понимаешь ты ничего, говоритъ.

Тѣмъ и кончили.

На томъ Нарышкинскомъ праздникѣ государыня изволила добрыя вѣдомости объявить,—съ туркой миръ былъ заключенъ. Съ тѣми вѣдомостями присланъ былъ премьеръ-маіоръ Соколовъ. И того Соколова Нарышкинъ позвалъ на праздникъ; государыня такъ приказала. А премьеръ-маіоръ Соколовъ dans la grande société былъ совсѣмъ темный человѣкъ, и никто изъ знатныхъ персонъ не зналъ его. Пріѣхавши къ Нарышкину, ровно въ лѣсу очулился, бѣжать такъ въ ту же пору. Прижался въ уголку, думаетъ: «ахти мнѣ, долго ль въ мукѣ быть».

Настенька, замѣтивши Соколова не въ своей тарелкѣ, подошла къ нему, зачала про Молдавію разспрашивать, про тамошніе нравы и порядки... Премьеръ-маіоръ растаялъ, глядя на ея красоту—съ перваго взгляда заразился.

Говорятъ они этакъ въ уголку—какъ вдругъ зашумѣли, забѣгали. Александръ Львовичъ съ женой на крыльцо, Галуппи стукнулъ палочкой, и грянулъ полонезъ. Государыня пріѣхала... Соколовъ съ Настенькой въ парѣ пошелъ, и когда полонезъ окончился, къ

Digitized by Google

нему подошелъ князь Орловъ Григорій Григорьичъ [1]) А пріѣхалъ онъ съ государыней.

— Ба, ба, ба! говоритъ.—Здравствуй, Соколенко, какими судьбами ты здѣсь?

Соколовъ низко кланяется, доноситъ князю Григорью Григорьичу, что съ мирными вѣдомостями присланъ.

— Какъ я радъ, что нахожу тебя здѣсь и вижу здоровымъ и благополучнымъ,—сказалъ князь Григорій Григорьичъ, и сталъ цѣловать премьеръ-маіора... Ко мнѣ пожалуй, братецъ! Не забудь, Соколенко...

Тотчасъ всѣ гурьбой къ Соколову Въ знакомство себя поручаютъ.

Государыня, замѣтивши ласки князя Григорья Григорьича къ Соколову, спросила, какъ онъ его знаетъ...

— Нашъ кенигсбергскій, — говоритъ князь. — Въ прусскую войну мы съ Соколенкой на одной квартирѣ стояли... Старый пріятель!

А Соколенкой любя премьеръ-маіора князь Орловъ называлъ. Такая привычка была у него: Русскихъ кликалъ по-хохлацки, а хохловъ по-русски.

Примѣтилъ князь Григорій Григорьичъ, что Соколовъ съ Настеньки не спускаетъ глазъ.

— Аль заразился?.. спрашиваетъ.

Молчитъ премьеръ-маіоръ, а краска въ лицо кинулась.

— А вѣдь она пригляднѣе чѣмъ Лотхенъ будетъ?.. говоритъ князь. — Помнишь Лотхенъ?

Соколовъ ни живъ, ни мертвъ.—Придворнаго этикету не разумѣетъ, что отвѣчать на такія затѣйныя рѣчи, не придумаетъ.

— За ней тысячи полторы дворовъ, говоритъ князь.—

---

[1]) Анахронизмъ, какихъ много въ «Бабушкиныхъ розсказняхъ». Мно путала покойница.

Digitized by Google

А сама столь умна, что всѣхъ кенигсбергскихъ профессоровъ за поясъ заткнетъ... Хочешь?..

Молчитъ премьеръ-маіоръ.

— Постой, говоритъ ему князь,—я тебя съ отцомъ познакомлю.

И взявши Соколова подъ руку, подвелъ къ Боровкову, къ Петру Андреичу, и говоритъ ему:

— Вотъ, ваше превосходительство, мой искренній другъ и закадычный пріятель Антонъ Васильичъ Соколенко... Прошу любить да жаловать.

Познакомились. Не шутка, — самъ Григорій Григорьичъ знакомитъ.

Утромъ премьеръ-маіоръ къ Боровковымъ на дачу, черезъ два дня опять... И зачастилъ.

Недѣли съ двѣ такимъ манеромъ прошло. Вдругъ повѣстку отъ камеръ-фурьерскихъ дѣлъ Петръ Андреичъ получаютъ — быть у государыни въ Царскомъ Селѣ.

Когда онъ оттуда домой воротился—лица на немъ нѣтъ. Прошелъ въ спальню, гдѣ больная жена лежала... Настеньку туда же по скорости кликнули...

— Знаешь ли, говоритъ Петръ Андреичъ,—свѣтикъ мой, зачѣмъ государыня меня призывать изволила?

Молчитъ Настенька. А въ лицѣ ни кровинки — чуяло сердце.

— Жениха сватаетъ...

— Кого? — спросила Настенька.

— Соколова Антона Васильича, того самаго премьеръ-маіора, что изъ Туречины съ миромъ пріѣхалъ.

Молчитъ Настенька.

— Человѣкъ, казалось бы, хорошій. Съ самимъ княземъ Григорьемъ Григорьичемъ въ дружбѣ, опять же и матушки государыни милостью взысканъ...

Ни слова Настенька.

— Призвавши меня, изволила сказать государыня: Я къ тебѣ свахой, Петръ Андреичъ, у тебя товаръ,

Digitized by Google

у меня купецъ». — Я поклонился, къ ручкѣ пожаловала, сѣсть приказала.—«Знаешь, говоритъ, премьеръ-маіора Соколова, что съ мирными вѣдомостями присланъ? Человѣкъ хорошій—князь Григорій Григорьичъ его коротко знаетъ и много одобряетъ». — Я молчу... А государыня, весело таково улыбаясь, опять мнѣ ручку подаетъ... **J'ai fait le baisement**, а ея величество, отпуская меня, говоритъ: «сроду впервые въ свахи попала, ты меня ужъ не стыди, Петръ Андреичъ».—Я было молвилъ: — Не мнѣ съ нимъ жить, ваше величество, дочь что скажетъ... А она: — «скажи ей отъ меня, что много ее люблю и очень совѣтую просьбу мою исполнить»...

Ни гу-гу Настенька. Смотритъ въ окно и не смигнетъ.

Обернулась. Перекрестилась на святыя иконы. и столь твердо отцу молвила:

— Доложите государынѣ, что исполню ея высочайшее повелѣніе...

Суета въ домѣ поднялась: шьютъ, кроятъ, приданство готовятъ. Съ утра до ночи и барышни, и сѣнныя дѣвки свадебныя пѣсни поютъ.

А женихъ еще до свадьбы себя показалъ: разъ, будучи хмѣленъ, за ужиномъ вздумалъ посудой представлять, какъ Румянцовъ Силистрію бралъ, а послѣ ужина Петра Андреичева камердинера въ ухо.

Свадьбу во дворцѣ вѣнчали... Я въ поѣзжанахъ была, **mon pigeonneau**, и государыня тогда со мной говорить изволила... Очень была я милостями ея обласкана... А какой изрядный фермуаръ Настенькѣ она пожаловала!.. Бриллiанты самые крупные, самой чистой воды, караты по три по четыре въ каждомъ, а въ середкѣ прелестный изумрудъ, крупнѣе большой вишни, гораздо крупнѣе...

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы на самый Покровъ,

Digitized by Google

Соколову сказано: быть воеводой въ сибирскомъ городѣ Колывани.

По первому пути и поѣхала въ Сибирь Настенька.

А уладилъ ту свадьбу и выхлопоталъ Соколову сибирское воеводство — вовсе не князь Григорій Григорьичъ и не Нарышкинъ Александръ Львовичъ, а тѣ знатныя персоны, что Настенькина язычка стали побаиваться... Это ужъ мы послѣ узнали...

Петергофъ.
1858.

Digitized by Google

НА СТАНЦІИ

(Разсказъ)

Надвигалась грозовая туча; изрѣдка сверкала молнія, порой раскатывался громъ въ поднебесьи... Сталъ накрапывать дождикъ, когда пріѣхалъ я на Рѣкшинскую станцію.

Станціонный домъ сгорѣлъ, на постройку новаго третій годъ составляется смѣта: пришлось укрываться отъ грозы въ первой избѣ.

Крестьяне въ полѣ на работѣ. Въ избѣ восьмилѣтняя дѣвчонка качаетъ люльку, да сѣдой старикъ шлею чинитъ.

— Богъ на помочь, дѣдушка!

— Спасибо, кормилецъ!

— Что́ работаешь?

— Да вотъ шлею чиню. Микешка, мошенникъ, намедни съ исправникомъ ѣздилъ, да пёсъ его знаетъ ъъ кабакъ-ли въ Еременѣ заѣхалъ, въ городу-ль у него на станціи озорникъ какой шлею изрѣзалъ... Что́ станешь дѣлать!.. На̀-смѣхъ, извѣстно, что на́-смѣхъ. Видятъ, парень хмѣльной, ну и потѣшаются, супостоты..

Digitized by Google

Шибко сталъ зашибать Микешка-то, больно шибко. Бѣда съ нимъ да и полно.

— Что онъ тебѣ?.. Сынъ али внукъ?

— Какое сынъ! Въ работникахъ живетъ.

— Зачѣмъ же ты пьяницу въ работникахъ держишь?

— А какъ же его не держать-то?.. Его дѣло сиротское — сгинуть можетъ человѣкъ... А у меня въ дому все-таки подъ грозой. У него-же мать старуха, вонъ тамъ на задахъ въ кельёнкѣ живетъ. Ей-то какже будетъ, коль его прогоню?.. Она, сердечная, только сыномъ и дышетъ.

Пережидая грозу, долго толковалъ я съ Максимычемъ — такъ звали старика. Зашла рѣчь про исправника. Максимычъ его расхваливалъ.

— Исправникъ у насъ баринъ хорошій, самый подходяшій,—говорилъ онъ.—Не то, чтобы драться, какъ покойникъ Петръ Алексѣичъ—царство ему небесное!—словомъ никого не обидитъ. Славный баринъ—дай Богъ ему здоровья — все творитъ по закону. А покойникъ Петръ Алексѣичъ — лютóй былъ, такой лютóй, что не приведи Господи. Звѣрь, одно слово, звѣрь. А нынѣшній, Алексѣй-отъ Петровичъ, баринъ тихій, богобоязненный: вотъ третій годъ доходитъ—волосомъ никого не тронулъ. А самъ весь въ кавалеріяхъ, а на правой рýченькѣ двухъ перстиковъ нѣтъ: на войнѣ, слышь, отсѣкли.

Вотъ ужъ третій годъ сидитъ онъ у насъ въ исправникахъ, и все по закону поступаетъ. Уложенна книга завсегда при немъ. Чуть какую провинность за мужикомъ примѣтитъ, тóтчасъ ему ту провинность въ Уложенной сыщетъ и дастъ вычитать самому, а коли мужикъ неграмотный, пошлетъ за грамотѣемъ, не то за дьячкомъ аль за дьякономъ, аль и за попомъ.—Велитъ статью вслухъ прочитать, растолкуетъ ее, да что по статьѣ слѣдуетъ, то и сдѣлаетъ, а каждый разъ ма-

Digitized by Google

ленько помилуетъ. Вѣдь во всякой статьѣ и большой есть взыскъ, и маленькій: такъ Алексѣй Петровичъ, дай Богъ ему здоровья, все маленькій кладетъ... И всегда судитъ на́ людяхъ, сотскіе каждый разъ всю деревню собьютъ, чтобы всѣ видѣли, чтобъ всѣ слышали, какъ онъ судъ и расправу даетъ. «Терпѣть, говоритъ, не могу творить судъ втайнѣ, пущай, говоритъ, весь міръ знаетъ, что я сужу по правдѣ, по закону, по совѣсти...» И точно... Всегда взыскъ дѣлаетъ, какъ въ Уложенной книгѣ батюшка царь написалъ... И завсегда маленько посбавитъ взыску-то... Отецъ родной, не баринъ!.. Всѣ имъ довольны остаются, Бога благодарятъ за такого исправника.

Спервоначалу, какъ наѣхалъ, мужички, какъ водится, сложились было всей вотчиной: хлѣбъ-соль ему поднесли и почесть. Хлѣбъ-соль принялъ: «отъ хлѣба, отъ соли, говоритъ, грѣхъ отказываться, и потому я, по Божьему велѣнью, его принимаю, а взятокъ и посуловъ брать не могу, а потому и вашего мнѣ не надо. Не такой, говоритъ, я человѣкъ, служилъ, говоритъ, Богу и великому государю вѣрой и правдой, на войнѣ кровь проливалъ и не одинъ разъ жизнь терялъ. Сталобыть, взятками мнѣ заниматься нельзя, мундира марать я не долженъ. А законъ, говоритъ, буду надъ вами наблюдать строго: у меня, говоритъ, чтобы все, какъ по стрункѣ ходило. Напередъ приказываю, чтобы въ каждомъ домѣ весь законъ исполнялся. Не то, говоритъ, держите ухо востро́. Напередъ говорю: строго взыщу, какъ по закону слѣдуетъ, взыщу. Мнѣ, говоритъ, что? Притѣснять мужика и о́тъ Бога грѣхъ, и по своей душѣ не могу, потому что вѣкъ свой военной службѣ служилъ. А что законъ предписываетъ содержать буду крѣпко и су́противъ закона не единому человѣку поноровки не дамъ».

На такія рѣчи осмѣлились мужички спросить А

Digitized by Google

ксѣя Петровича: про какіе же это законы изволитъ онъ рѣчь вести. «Про всѣ, баетъ, законы говорю, сколько ихъ ни на есть, чтобы всѣ исполнялись до единаго».

Мужики опять осмѣлились доложить:

— Мы-де, ваше высокоблагородіе, законовъ не разумѣемъ. Люди мы не мятые, грамотѣ не знаемъ, законовъ не читали, и въ острогѣ мало которые изъ нашей вотчины сидѣли. — Тамъ, слышь, законамъ-то старые тюремные сидѣльцы всѣхъ обучаютъ...

На это слово молвилъ Алексѣй Петровичъ:

— Милые вы мои мужички! Есть въ нашемъ Россійскомъ государствѣ такой законъ, что невѣдѣніемъ законовъ отрицаться не можно: стало-быть, вы, ничего еще не видя, передо мной супротивность закону сдѣлали, коли говорите, что законъ вамъ неизвѣстенъ... На первый разъ прощаю... Суди меня Богъ да великій государь — беру грѣхъ на душу; а впередъ держите ухо востро́. Да помните у меня: ежели кто осмѣлится ко мнѣ со взятками подойти аль съ почестью, такъ я распоряжусь по-военному: до полусмерти запорю. Слышите-ли?

Замялись мужички. Обидно, знаешь, стало: перво дѣло—почестью побрезговалъ, а они сто цѣлковенькихъ со всякимъ было усердіемъ; другое дѣло, больно ужъ темныя рѣчи загибаетъ. Сразу-то разумныхъ его рѣчей и вдомекъ взять не могли.

Шлетъ онъ по маломъ времени, напередъ себя разсыльныхъ... Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ!.. торопливо крестясь, прервалъ рѣчь свою Максимъ, когда яркая молнія чуть не ослѣпила насъ, и въ ту жъ минуту съ трескомъ и будто съ пушечными выстрѣлами загрохоталъ громъ надъ нашими головами.

— Ай, Господи, батюшка! Въ полѣ-то кого не зашибло-ли,—скорбно проговорилъ Максимычъ, немножко

Digitized by Google

оправившись... И мало помолчавъ, вполгóлоса продолжалъ рѣчь свою про исправника.

Шлетъ Алексѣй Петровичъ по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ вотчинамъ повѣстить, новый дескать исправникъ ѣдетъ, въ каждомъ бы дому по закону все было. А что такое по закону, — ни бумагой, ни рѣчью того не приказываетъ. Пріѣзжаетъ къ намъ въ деревню Рѣкшино. — Дѣло-то было зимой, передъ масленицей; чуть ли не въ саму широку субботу [1]). Во всякомъ дому побывалъ, на что келейны ряды, и тѣ исходилъ, ни единой кельенки не проминовалъ А у самого въ рукахъ Уложенная.

Къ первому зашелъ къ Захару Дмитричу: изба-то у него съ краю. Вошелъ, какъ слѣдуетъ, только въ шапкѣ и, снявши ее, на столъ положилъ. По нашему, по крестьянскому, это бы грѣшно, а по вашему закону, по-господски то-есть, можетъ такъ и надо. У Захара дѣдушка слѣпенькой есть — лѣтъ девяносто слишкомъ старичку. Сидѣлъ онъ той порой на кути. И съ нимъ поговорилъ Алексѣй Петровичъ, про стары годы разспросилъ, и про то, уважаютъ-ли его внучата, доволенъ-ли ими. Съ хозяйкой поговорилъ, за досужество въ избѣ похвалилъ и все нашелъ по закону, въ порядкѣ. Да выходя изъ избы, сталъ на гóлбецъ [2]) и заглянулъ на печку.

— Зачѣмъ, говоритъ Захару, рогожа-то на печи?

— А вотъ, батюшка, ваше высокоблагородіе Алексѣй Петровичъ, слѣпенькій-отъ дѣдушка-то спитъ на эвтомъ самомъ мѣстѣ. Ему рогожка-та и подослáна.

— Ну, говоритъ Алексѣй Петровичъ, это дѣло не ладно, этого законъ не позволяетъ.

— Да вѣдь, батюшка, ваше высокоблагородіе, прс

---

[1]) Суббота передъ масленицей. Самые большіе базары по селамъ.
[2]) Деревянный пристѣнокъ у печи

Digitized by Google

говорилъ Захаръ, на печи-то горячо живетъ, безъ рогожки-то старецъ спину сожжетъ. Безъ рогожки никакъ невозможно.

— Пущай, говоритъ, дѣдушка на полатяхъ спитъ, а рогожу на печи держать законъ не дозволяетъ.

— Да ему, батюшка, ваше высокоблагородіе, на полати-то и не взлѣзть. И на печку-то съ грѣхомъ лазитъ. Намедни упалъ, сердечный, да таково расшибся, что думали рѣшится совсѣмъ, за попомъ даже бѣгали. Дѣло-то его вѣдь больно старое.

— На полати не взлѣзетъ, такъ на лавкѣ вели ему спать, а рогожи на печи не держи: законъ запрещаетъ.

— Какъ же это возможно, ваше высокоблагородіе,— сказалъ Захаръ.—Гдѣ жъ это видано? Гдѣ жъ слѣпому старцу и быть, какъ не на печи? Дѣло его старое: на лавкѣ холодно. Да и нельзя, батюшка Алексѣй Петровичъ. По нашему, по крестьянскому — старшему въ семьѣ на печи мѣсто. Какъ же самъ-отъ я съ женой на печи развалюсь, а дѣдушку на лавку положу? Такое дѣло сдѣлать: и въ здѣшнемъ свѣтѣ отъ людей покоръ, и на страшномъ судѣ Христосъ отвѣта потребуетъ.

— А когда такъ, — говоритъ Алексѣй Петровичъ: такъ постели дѣдушкѣ на печь тюфякъ, да только чтобъ не сѣномъ былъ набитъ, не соломой, не мочалой, потому что все это запрещено. Набей его конской гривой, либо пухомъ.

— Съ нашими-ли достатками, батюшка, ваше высокоблагородіе, такіе тюфяки заводить?.. Чѣмъ пуховый тюфякъ справлять, лучше на тѣ деньги другу лошаденку купить.

— Какъ знаешь,—говоритъ Алексѣй Петровичъ:— я вѣдь тебя не неволю. Только смотри у меня: впередъ берегись. Теперь я съ тебя по закону невеликое взысканіе возьму, а ежели вдругорядь на печи ро-

Digitized by Google

гожу найду, взысканіе будетъ большое. Помни это. Было, вѣдь, кажется, вамъ всѣмъ приказано, чтобы всѣ готовы были, что законы я буду содержать крѣпко. Разсыльнаго нарочно присылалъ... А вамъ все нипочемъ! Не пеняйте же теперь на меня... Грамотѣ знаешь?

— Господь умудрилъ,—говоритъ Захаръ.

Алексѣй Петровичъ ему уложенную въ руки.

— Читай вотъ въ этомъ мѣстѣ,—говоритъ.—Читай вслухъ.

Вычитываетъ Захаръ: «кто порохъ да сѣру, селитру да солому аль и рогожу на печи держать будетъ, съ того денежное взысканіе отъ одного до ста рублей».

Взвылъ Захарушка, увидавши такой законъ. Самъ видитъ, что надо будетъ разориться. Все заведеніе продать и съ избой вмѣстѣ, такъ развѣ-развѣ сотню цѣлковыхъ выручишь. Вотъ-тѣ и рогожка!

Повалился въ ноги Алексѣю Петровичу, хозяйка тоже, ребятишки заголосили, а дѣдушка хотѣлъ было поклониться, да со-слѣпа лбомъ на ведро стукнулся, до крови расшибся. Лежитъ да охаетъ.

— Помилосердуйте, батюшка, ваше высокоблагородіе,—голоситъ Захаръ:—вѣдь это выходитъ, что мнѣ за рогожку надо всѣмъ домомъ рѣшиться... Будьте милостивы!.. Мы про такой законъ, видитъ Богъ, и не слыхали... Отъ простоты... Ей-богу, отъ одной простоты, ваше высокоблагородіе.

Алексѣй Петровичъ на то кротко да таково любовно промолвилъ:

— Невѣдѣніемъ закона, братецъ ты мой, отрицаться не повелѣно. На это тоже законъ есть.

— Да гдѣ жъ я, вопитъ Захаръ, сто цѣлковыхъ-то возьму? Люди мы несправные, всего третій годъ, какъ съ братовьями раздѣлились.

Такъ вѣдь вотъ какой добрый баринъ-отъ, дай Богъ ему доброе здоровье!—Другой бы не помилосердство-

Digitized by Google

валъ, сказалъ бы: «вынь да положь сто цѣлковыхъ», и говорить бы много не сталъ; а онъ только десятью цѣлковыми удовольствовался... Добрая душа, правду надо говорить!

Пошелъ Алексѣй Петровичъ отъ Захара къ Игнатію Зиновьеву. Изба то рядомъ. Ну и тамъ все этакъ же. Обошелся чинно, ласково, безобидно... Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля величества славы Твоея!..

Опять ярко-синяя молонья, опять страшный громовой ударъ. Старикъ со страхомъ крестился, ребенокъ визжалъ, дѣвчонка со страху подъ лавку запряталась.

Оправившись, Максимычъ такъ продолжалъ рѣчь свою:

— А хоша у Игнатья тоже рогожка на печи была, да услышавши про бѣду у сосѣда, на дворъ ее выкинулъ. Алексѣй Петровичъ противнаго у него не примѣтилъ, да выйдя изъ избы, полѣзъ на чердакъ.

— А гдѣ, говоритъ, у тебя кадка съ водой, гдѣ, говоритъ, швабра?

— Какая кадка, батюшка, ваше высокоблагородіе?— спрашиваетъ Игнатій.

— А ради пожарнаго случая, говоритъ, которую велѣно ставить. Гдѣ она?

Игнатій ему:

— Мнѣ, батюшка, ваше высокоблагородіе, по разводу, на пожаръ съ ухватомъ ходить. И на доскѣ, что у воротъ прибита, ухватъ намалеванъ. Про кадку да про швабру впервой слышу.

— Какъ впервой? Да вѣдь у тебя должна же быть адка съ водой на чердакѣ?

— А на что жъ она потребуется, осмѣлюсь спро ить васъ, батюшка Алексѣй Петровичъ? Дѣло теперь мнее: вода въ кадкѣ замерзнетъ, какая жъ отъ нея

Digitized by Google

польза будетъ? А шваброй-то что тутъ дѣлать, когда Божьимъ гнѣвомъ грѣхъ случится? Теперь на крышѣ снѣгу-то на аршинъ. Да и лѣтомъ, коли за грѣхи несчастный случай доведется, не со шваброй мнѣ на крышѣ сидѣть, а скорѣе бѣжать на пожаръ съ ухватомъ. И на доскѣ намалевано, что съ ухватомъ. А ежель по сосѣдству загорится, такъ ужъ тутъ, батюшка, ваше высокоблагородіе, не до швабры, не до ухвата: тутъ скорѣй за свое добришко хватишься, чтобъ на задворицу его для бережья повытаскать

— Да ты много-то, милый мой, не растабарывай, говоритъ Игнатію Алексѣй Петровичъ. — Не я выдумалъ, чтобъ кадка да швабра у тебя на чердакѣ была. Царское повелѣніе, закономъ предписано. На-ка вотъ, читай.

— Да я, батюшка, слѣпой человѣкъ: грамотѣ не обученъ.

Велѣлъ грамотника призвать. Тотъ же сердечный Захаръ пришелъ. Подалъ ему спервоначалу Алексѣй Петровичъ двѣнадцатый томъ... Такъ, кажись, законъ-отъ прозывается.

— Читай, говоритъ, вслухъ.

Вычитываетъ Захаръ, что у всякаго крестьянина на чердакѣ надо быть кадкѣ съ водой и швабрѣ.

— Фу, ты прорва какая! А мы и не вѣдали.

Послѣ того Алексѣй Петровичъ Захару Уложенну въ руки. Показываетъ статью.

— Читай, говоритъ, да погромче, чтобы всѣ слышали.

Вычитываетъ Захаръ:

«Коли у хозяевъ домовъ нѣтъ въ готовности на случай пожара сосудовъ съ водой, съ того брать по закону отъ пятидесяти копѣекъ до пяти рублей».

У всѣхъ руки такъ и опустились, для того, что у кого на чердакахъ ни кадокъ съ водой, ни шваб

Digitized by Google

и даже никакой посуды, про какую Захаръ вычиталъ, съ роду не бывало... Ко всякому мужику Алексѣй Петровичъ потрудился на чердакъ слазить. Всѣ передъ закономъ остались виноваты.

Что-жь ты думаешь, кормилецъ? Вѣдь доброй-отъ какой! Законъ ужъ велитъ пять цѣлковыхъ за ту провинность взять, а онъ, дай Богъ ему добраго здоровья, только по зелененькой со двора справилъ... Такой баринъ, такой добрый, что весь свѣтъ выходи—другого не найдешь. Дай Господи ему многолѣтняго здравія и души спасенія!. Хорошій, хорошій человѣкъ...

— Лошади готовы,—сказалъ вошедшій мужикъ.— За смазочку бы старостѣ надо...

— Прощай, дѣдушка!..

— Прости, родной, прости!.. Дай Богъ тебѣ благополучно!

— Такъ хорошъ у васъ Алексѣй Петровичъ?—спросилъ я его еще разъ по выходѣ.

— Расхорошій-хорошій,—отвѣчалъ Максимычъ:— такой хорошій, что не надо лучше.

Гроза промчалась... Свѣжо, благовонно... Стрѣлой летѣли добрые кони вдоль по уѣзду, что́ такъ благоденствовалъ подъ отеческимъ управленьемъ добраго Алексѣя Петровича.

Петербургъ.
1859.

Digitized by Google

ГРИША

(Изъ раскольничьяго быта)

Давно то было.—Лѣтъ пятьдесятъ и побольше того въ уѣздномъ городѣ Колгуевѣ жило богатое семейство Гусятниковыхъ.

Въ дальнемъ углу городка, на самомъ на вспольѣ, строенья Гусятниковыхъ цѣлый кварталъ занимали: тýтъ были и кожевня, и салотопня, и свѣчной заводъ, и клееварня. До сихъ поръ стоятъ развалины большого каменнаго ихъ дома; отъ другихъ строеній слѣда не осталось — все вычистило въ большой пожаръ, когда въ два часа погорѣло полгорода.

И теперь есть въ Колгуевѣ Гусятниковы, но люди захудалые, обнищалые! Изъ купцовъ давно въ мѣщане переписались: старики только-что не съ сумой ходятъ, молодые—въ солдатство по найму ушли. Сгибъ, пропалъ богатый домъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назад былъ онъ славенъ въ Казани и въ Астрахани, і Москвѣ и въ Сибири... Какіе были богачи!.. Сколь добра было въ домѣ, какую торговлю вели!.. Все пр хомъ да тлѣномъ пошло!

Digitized by Google

Держ.ля домъ Гусятниковыхъ матерью теперешнихъ обнищалыхъ стариковъ. Покамѣстъ жива была Евпраксія Михайловна, жили въ богатствѣ и почетѣ; не стало ея—все на иную стать пошло, — унесла она съ собой и прежнюю честь, и прежнее довольство, и прежнее житье-бытье Гусятниковыхъ. Какъ схоронили ее, такъ и зачали сыновья путаться; путались они, путались да лѣтъ черезъ десятокъ и спать не ужинавши стали ложиться. А не были ни воры, ни бражники: люди тихіе, обходительные, и не дураки... И никакого послѣ материной смерти Божьяго насланія не было — ни пожара, ни потопа, ни суда, ни инаго какого разоренія. И въ казенные подряды не вступали, и откуповъ не держали. — Такова ужъ судьба.

Правда, передъ смертью Евпраксіи Михайловны было горе у нихъ. Но, кажись бы, отъ того горя нельзя было въ конъ разориться. Судьба, одно слово— судьба!..

Отецъ Гусятниковыхъ, мужъ Евпраксіи Михайловны, торговалъ бойко, но дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ держалъ. Когда померъ, а померъ-то онъ въ одночасье, на чужой сторонѣ—въ Саратовѣ никакъ— чуть-было не пришлось дѣла закрывать. Евпраксія Михайловна молодой вдовой осталась, на рукахъ семья: пять сыновей, двѣ дочери — малъ-мала меньше. Седьмымъ ребенкомъ на сносяхъ ходила, какъ пали къ ней вѣсти, что сожитель побывшился. «Порѣшились Гусятниковы»,—заговорили по купечеству.—Родила Евпраксія Михайловна, справилась, сорочины по мужѣ справила и сама за дѣло взялась. — «Куда молодой бабенкѣ съ такими дѣлами возиться, заговорили купцы: отъ такихъ дѣлъ и у стараго купца затрещитъ голова! Куда ей?»

Въ немощахъ человѣческихъ Господь силу являетъ: молодая вдова въ три, четыре года дѣла на лучшую ногу поставила, кожевенный заводъ, при мужѣ чуть

Digitized by Google

не заброшенный, такъ подняла, что сдѣла. онъ первымъ по губерніи, и на Макарьевской ярмаркѣ гусятниковская юфть стала всѣмъ знаема. Сыновей Евпраксія Михайловна выростила, выучила, переженила, дочерей за хорошихъ людей замужъ повыдала: одну въ Казань, другую въ Муромъ, третью чуть ли не въ Арзамасъ. Сыновья не дѣлились, всѣ при матери жили даже и тогда, какъ своихъ дѣтей переженили. Одно слово—такъ хорошо да ладно устроила все Евпраксія Михайловна, что и мужчинѣ не всякому такъ удастся. И наградилъ ее Господь многолѣтіемъ: видѣла Евпраксія Михайловна внуковъ женатыхъ, няньчила, холила правнуковъ, ото всѣхъ людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много потаеннаго добра творила она, много раздала тайной милостыни, и на смертномъ одрѣ поднесла Господу три дара: первый даръ — ночное моленье, другой даръ — постъ-воздержанье, третій даръ — любовь-добродѣтель.

Страннолюбіе поревновала Евпраксія Михайловна. Кто не приди къ ея дому, кто ни помяни у воротъ имя Христово — всякому хлѣбъ-соль и теплый уголъ. Съ краю обширной усадьбы, недалеко отъ маленькой рѣчки, на самомъ на вспольѣ, сердобольная вдовица ставила особую келью ради пристанища людей странныхъ, ради трудниковъ Христовыхъ, ради перехожихъ богомольцевъ. Много тутъ странниковъ привитало, много бѣднаго народа упокоено было, много къ Господу теплыхъ молитвъ пролито было за честную вдовицу Евпраксію.

Женскаго пола странніе люди у Евпраксіи Михайловны въ самомъ дому привитали; сама она съ дочками, покамѣстъ замужъ ихъ не повыдала, да со снохами за странницами, ради Бога, ходила... Мужской полъ по старому уставу долженъ жить особо, послужить старцу долженъ мужчина,—того ради ставила Евпрак

Digitized by Google

сія Михайловна на усадьбѣ особую келью, а потомъ искала человѣка, смотрѣлъ бы онъ за келейкой денно-нощно, былъ бы при ней неотходно, приносилъ бы старцамъ и перехожимъ богомольцамъ горячую пищу; служилъ бы не изъ платы, а по доброму хотѣнью, плоть да волю свою умерщвлялъ бы, творилъ бы дѣло свое ради Бога. Въ страхѣ Господнемъ вспоенные, вскормленные сыновья сами на то дѣло позывались, но Евпраксія Михайловна имъ на то говорила:

— Полноте-ка вамъ, дѣтки! Развѣ вамъ того неизвѣстно, что каждому человѣку отъ Бога своя дорога, каждому человѣку отъ Господа забота? Вамъ дана забота — вести торгъ честный, на келейное дѣло вы, мои ребятки, не сгодились. Семъ-ка присмотримъ сироту такого, былъ бы смирный да богобоязный, Бога ради работящій, Бога ради терпѣливый. По силѣ помощь ему подадимъ: барскій, такъ выкупимъ; вольный, рекрутску квитанцію выправимъ—станетъ онъ у насъ старцевъ покоить да Бога молить объ отпущеньи нашихъ согрѣшеній... Ладно, что ли, ребятки?

Сыновья матери ни въ чемъ не перечили, а по такому дѣлу и подавно. Рѣшили искать сироту. По скорости отыскали такого.

Послѣ колгуевскаго мѣщанина Аверьяна Самохинскаго, горькаго пропойцы, что возлѣ кабака и жизнь скончалъ, оставался сынъ Григорій. Не было у него ни роду, ни племени; какъ есть — круглый сирота. Было ужъ ему лѣтъ тринадцать, а мальчишка все межъ дворовъ мотался: гдѣ съѣстъ, гдѣ изопьетъ, гдѣ въ банькѣ попарится, а все именемъ Христовымъ. Только и праздникъ, бывало, Гришуткѣ, какъ иная бабенка, сжалившись надъ нимъ горемычнымъ, обносокъ подастъ ему. И пойдетъ сиротѣ тотъ обносокъ за нову рубаху. Паренекъ былъ смирный, тихій, послушный:— нужда да сиротство чему не научатъ? И открылъ ему

Digitized by Google

Господь разумъ: выучился Гришутка грамотѣ самоучкой, ходя по домамъ безграмотныхъ мѣщанъ, читалъ имъ Псалтирь да Чети-Минею. И возлюбилъ Гриша божественныя книги, и ужъ такъ хорошо пѣлъ онъ духовныя пѣсни, что всякій человѣкъ что въ суетѣ вѣкъ свой проводитъ, заслушается, бывало, его поневолѣ. А былъ онъ изъ раскольниковъ, изъ «записныхъ»—изъ самыхъ, значитъ, коренныхъ—дѣды, прадѣды его двойной окладъ платили, указанное платье съ желтымъ козыремъ носили, браду свою пошлиной откупали. Это было съ руки Евпраксіи Михайловнѣ: и сама она съ дѣтками «по древлему благочестію» пребывала. Только были они не злой какой секты, а по бѣглому священству — по Рогожскому, значитъ, кладбищу.

И взяла къ себѣ въ домъ Евпраксія Михайловна бездомнаго сироту Гришу. Обмыли его, одѣли, рекрутскую квитанцію купили и, по доброй его волѣ, по его благому хотѣнью, приставили къ богадѣльной кельѣ. Тамъ, за кафельной печкой-голанкой, устроили ему особую коморку. Въ той коморкѣ, объ одномъ маломъ оконцѣ, сталъ жить и подвизаться молодой келейникъ, а въ свободное время, когда въ келейкѣ ни скитскихъ старцевъ, ни перехожихъ богомольцевъ не бывало, читалъ книги о житіи пустынномъ, о подвижникахъ Христовыхъ, что́ въ Палестинѣ, и во Египтѣ, и въ Ѳиваидскихъ пустыняхъ труднымъ подвигомъ, ради Господа, подвизались.

Живетъ Гриша у Евпраксіи Михайловны годъ, живетъ другой, живетъ третій, старцамъ и страннимъ людямъ служитъ, божественныя книги читаетъ.

Отверстою душою, умомъ нераздвоеннымъ внимаетъ онъ древнимъ сказаньямъ о подвигахъ отцовъ преподобныхъ. Съ жаромъ, съ любовью читаетъ «Повѣсть объ индѣйскомъ царевичѣ Асафѣ». Вотъ думаетъ, бы-

Digitized by Google

вало, Гришутка: «вотъ—и царевичъ былъ, и царствомъ владалъ, жилъ въ бѣлокаменныхъ палатахъ, было у него золотой казны несмѣтно, всякихъ сокровищъ земныхъ неисчетно... Промѣнялъ же царскія брашна на гнилую колоду, сладкіе меда на болотну водицу»... И западала въ юную голову Гриши крѣпкая дума—какъ бы ему въ дебряхъ пустынныхъ постомъ и молитвой спасать свою душу... Разросталась, расширялась у него та дума, и, глядя на синеву дремучаго лѣса, что за рѣчкой виднѣлся на краю небосклона, только о томъ и мыслилъ Гриша, какъ бы въ томъ лѣсу келейку поставить, какъ бы тамъ въ безмятежной пустынѣ молиться, какъ бы дикіимъ овощемъ питаться, честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться, столпъ ради подвига себѣ поставить и стоять на томъ столпѣ тридесять лѣтъ несходно, не ложась и колѣнъ не преклоняя, отъ персей рукъ не откладая, очей съ неба не спуская...

Стоитъ, бывало, стоитъ юный келейникъ, вперя въ даль свои очи, стоитъ, ничего не слышитъ, по душѣ у него сладость разольется, и самъ не знаетъ отчего, онъ заплачетъ; заструятся по впалымъ, блѣднымъ ланитамъ горючія слезы, и запоетъ онъ тихонько стихъ въ похвалу пустынѣ:

О, прекрасная мати-пустыня!
Самъ Господь тебя, пустыню, похваляетъ:
Отцы во пустынѣ скитались,
И ангелы имъ помогали...
Прекрасная ты пустыня,
Прекрасная ты раиня,
Любимая моя мати!
Прими ты меня, мать-пустыня,
Отъ юности моей прелестной!
Научи меня мати-пустыня,
Жить и творить Божье дѣло!

И долго, долго, бывало, тихимъ, тоскливымъ напѣвомъ поетъ Гриша свою пѣсню, глядя на синеву лѣсную. Спустится на землю вечерняя тѣнь, черной

Digitized by Google

полосой вытянется лѣсъ по закраю неба, а онъ все поетъ да поетъ любимую пѣсню... Яркія звѣзды одна за другой загораются въ небѣ, полный мѣсяцъ выкатится изъ-за лѣса! серебристымъ лучомъ обольетъ онъ широкіе луга и сонную рѣчку, бѣлоснѣжные песчаны берега и темныя, нависшія въ воду ракиты, а Гриша, ни голода, ни ночнаго холода не чуя, стоитъ босой на покрытой росой луговинѣ и поетъ-распѣваетъ про прекрасную мать-пустыню...

Подвизался Гриша житіемъ строгимъ; въ великіе только праздники вкушалъ горячую пищу, опричь хлѣба да воды ничего въ ротъ онъ не бралъ. Строгій былъ молчальникъ, празднаго слова не молвилъ, только, бывало, его и слышно, когда распѣваетъ свои духовныя псалмы... И что́ ни дѣлаетъ, гдѣ ни ходитъ, все молитву Господню онъ шепчетъ.

На усадьбѣ Евпраксіи Михайловны много жило народу: тутъ стояли заводы кожевенный, салотопный, свѣчной, клееварный, тутъ же кошму изъ шерсти валяли, овчины выдѣлывали, — однихъ работниковъ что́ тутъ жило! А кромѣ того по торговой части прикащики да артельщики и другіе наемные люди—и всѣ-то жили въ особыхъ избахъ, каждый со своимъ семейством. Такъ устроила своихъ домочадцевъ добрая, заботливая обо всемъ Евпраксія Михайловна. По задворью, по огороду, по всему широкому усаду деньденьской народъ такъ и снуетъ, такъ и кишитъ, такъ и носится роемъ. Съ ранняго утра до поздней ночи стономъ стоятъ голоса... На такомъ-то великомъ многолюдствѣ, на такой-то суетѣ шумной слова ни съ кѣмъ не молвилъ Гриша келейникъ... Ходитъ, опус очи долу, ничего не видя, ничего не слыша, и бе
онъ но, безотвѣтно переноситъ злыя насмѣшки раб
добн ъ, щипки да рывки мальчишекъ. Но глумлень
объ оизнъ и всякой досады отъ нихъ Гриша келейни

Digitized by Google

не боялся, всѣ озлобленья суетныхъ людей принималъ съ весельемъ, почитая ихъ за благодѣянья... Зато пуще огня, пуще пламя боялся онъ женскаго пола. Наслушался отъ перехожихъ старцевъ, и самъ въ книгахъ начитался, что женская лѣпота горше всякаго другаго соблазна, что самыхъ строгихъ подвижниковъ врагъ человѣческаго рода, діаволъ, всегда искій кого поглотити, уловляетъ въ геенскія сѣти женской, грѣховной красотою...

А молодыя дѣвчата—десятковъ до трехъ ихъ жило на усадѣ—изловятъ, бывало, Гришу на огородѣ либо на вспольѣ, хвать его за руки, да и ну—вкругъ себя вертѣть, тормошить, обнимать бѣлыми, какъ молоко, полными, упругими руками... А сами звонкими, смѣющимися голосами страстно, любовно ему напѣваютъ:

Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ,
Мы тебя, монашекъ, поцѣлуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ...
Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ.

Молитву за молитвой творитъ бѣдный Гришутка, крѣпко защуривъ глаза, чтобъ не встрѣтиться взоромъ съ свѣтлыми, пуще огня, палящими дѣвичьими очами... Дня пó два, пó три послѣ того искушенья бывалъ онъ самъ не въ себѣ... И накладывалъ онъ постъ втрое строже, насыпалъ въ каморкѣ кремней и битыхъ стеколъ, ходилъ по нимъ босыми ногами, клалъ тысячи по три поклоновъ, налагалъ на плечи желѣзны вериги, и прилежно читалъ книгу Аввы Дорофея. Хочется заглушить въ душевномъ тайникѣ память о жгучемъ, томительномъ, захватывающемъ дыханье чувствѣ, чтó сладко-огненной струей пробѣгало по всѣмъ его суставамъ и, ровно пламенной иглой, насквозь кололо его бѣдное сердце, когда бѣлолицыя, полногрудыя озор-

Digitized by Google

ницы, изловивъ его, сжимали въ своихъ жаркихъ объятьяхъ, обдавали постное лицо горячимъ, сладострастнымъ дыханьемъ... Стоитъ Гриша на кремняхъ, на битыхъ стеклахъ, передъ книгой Аввы Дорофея, громкимъ голосомъ истово и мѣрно ее читаетъ, а все слышится ему звонкій хохотъ Дуняши, самой озорной изо всѣхъ усадскихъ дѣвокъ... Завсегда, бывало, эта Дуняша первая подъуститъ на келейника дѣвокъ, первая подманитъ подругъ на всполье, первая затащитъ Гришу въ кругъ дѣвичій, первая заведетъ игры, первая успѣетъ обвить шею постника жаркими руками, и съ громкимъ, далеко разносящимся въ вечерней тиши смѣхомъ успѣетъ прижать отуманенную голову его ко груди своей лебединой...

Стоитъ Гриша, борзо, истово лѣстовку перебирая, безсчетно кладетъ земные поклоны, а потомъ читаетъ «Скитское Покаянье»: «Согрѣшилъ есмь душею, и умомъ, и тѣломъ, сномъ и лѣностью, во омраченіяхъ бѣсовскихъ, въ мыслѣхъ нечистыхъ». Такъ шепчетъ Гриша, глядя въ «Скитское Покаянье», но слова звучатъ безъ участья ума—помыслы мятежнаго, полнаго прелестей міра возстаютъ передъ нимъ въ обольстительныхъ образахъ, и таинственный голосъ несется изъ глубины замирающаго сердца... Сладко, соблазнительно онъ говоритъ ему: «Помнишь Дуню молодую?.. Помнишь, какъ глаза у ней горѣли?.. Помнишь, какъ грудь колыхалась?..»

Вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ Гришутка, вырвется отчаянный вопль изъ души его. Самъ себя пугается, торопливо ограждаетъ себя крестнымъ знаменьемъ и, судорожно схвативъ съ налоя «Скитское Покаяніе» громко барабанитъ, не спуская глазъ съ книги.

«Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борютъ страсти и помыслы мятежны. Помилуй, Господи раба окаяннаго, сквернаго, безумнаго, неистоваго, я

Digitized by Google

пытливаго, неключимаго, унылаго, вредоумнаго, развращеннаго...»

А голосъ свое:

«Вспомни, какъ горѣли очи ясныя, какъ рдѣлись багрецомъ щеки-маковъ цвѣтъ... Вспомни, какъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, изнывая въ сердечной истомѣ, она обняла тебя... какъ прильнула къ тебѣ алыми устами, какъ прижала тебя къ бѣлоснѣжной груди...»

«Изми мя отъ врагъ моихъ,»—громко читаетъ по книгѣ келейникъ:—«и отъ востающихъ на мя; изми мя отъ руку діаволю; отжени отъ мене помраченіе помысловъ, духъ нечистъ и лукавнующій; избави мя отъ сѣти ловчи, не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ...»

А голосъ сердечный:

«Брось молитву!.. Вонъ изъ кельи!.. Къ ней поди!.. Посмотри, какъ въ свѣтелкѣ она спитъ одна у окна... Высоко поднимается грудь, и раскрыты уста, и дыханье ея горячо...»

«О, Господи!.. падаю...» шепчетъ келейникъ: «спаси...»

А голосъ:

«Какъ бы сладко прильнуть къ красотѣ молодой!»

Послѣднія силы собралъ Гришутка, прогнать бы только лукаваго бѣса... И крѣпко ухватилъ онъ лѣстовку, хочетъ молитву читать на прогнанье бѣсовскихъ мечтаній... Но сухія, дрожащія уста нехотя вторятъ тайному, сердечному голосу: «Какъ бы сладко припасть къ ея персямъ щекой огневой...»

А гдѣ она огневая?.. Всю въ постѣ изсушилъ...

Вдругъ стукнуло оконце... растворилось. Въ бѣлыхъ рукавахъ, въ бѣломъ передникѣ, въ блѣднорозовомъ сарафанѣ, съ распущенными длинными темнорусыми волосами, въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ васильковъ, вся облитая сіяньемъ мѣсяца, лукаво улыбаясь и прищуря искрометные глазки, глядитъ на постника бѣлотѣлая,

Digitized by Google

полногрудая красавица Дуня. Страстью горячей, ничѣмъ несдержимой, страстью любви пышетъ она...

— Здравствуй, Гриша голубчикъ!.. Здравствуй, дорогой мой, желанный!..—яснымъ голоскомъ крикнула и, заливаясь рѣзвымъ хохотомъ, кошечкой прыснула къ подругамъ на всполье. И въ тиши ночной раздается надъ рѣчкой дѣвичья пѣсня:

Мы посѣемъ, дѣвки, ленъ, ленъ, ленъ,
Мы посѣемъ молодой, молодой...

Стоитъ Гриша босой на кремняхъ, на стеклахъ, какъ вкопанный, — лѣстовка изъ рукъ выпала, «Скитское Покаянье» на полу валяется, давятъ плечи тяжелыя вериги. Тихо шепчетъ келейникъ: «Ахъ, ты Дуня, моя Дуня!..»

А съ поля несутся веселые звуки ночнаго хоровода:

Какъ во городѣ было во Казани
Сдунинай-най-най — во Казани.
Молодой чернецъ постригался,
Сдунинай-най-най — постригался.

А свѣжій воздухъ майской ночи теплымъ, душистымъ потокомъ такъ и льется черезъ отворенное Дуней оконце въ душную келью стоящаго на кремняхъ и стеклахъ постника. Тихо рыдаетъ отшельникъ, по распаленному лицу его обильно струятся слезы, но онѣ не такъ ему сладки, какъ тѣ, что́ лились прежде, когда, глядя на зеленый лѣсъ, въ самозабвеніи, пѣвалъ онъ пѣсню въ похвалу пустыни.

Идутъ день за́ день, годъ за годомъ — Гриша все живетъ у Евпраксіи Михайловны. Темнѣютъ бревенчатыя стѣны и тесовая крыша богадѣльной кельи, — поднимаются, разрастаются вкругъ нея кудрявыя липки, рукой отрока-келейника посаженныя, а онъ все живетъ

Digitized by Google

у Евпраксіи Михайловны. И самъ сталъ не таковъ, какимъ пришелъ—и ростомъ выше, и на видъ возмужалъ, и русая бородка обросла блѣдное, исхудалое лицо его.

Много всякаго народу перебывало на глазахъ Гриши: раскольники ближніе и дальніе, каждый трудникъ, каждый перехожій богомолецъ, идутъ, бывало, къ Евпраксіи Михайловнѣ о всяку пору, ровно подъ родную кровлю. Кто ни брякнетъ желѣзнымъ кольцомъ о дубовую калитку страннолюбивой вдовицы, кто ни возвѣститъ о себѣ именемъ Христовымъ, всякому готовъ теплый уголъ, будь раскольникъ, будь единовѣрецъ, будь церковникъ — все равно, отказу никому не бывало. «Всѣ люди—Христовы человѣки»,—говорила Евпраксія Михайловна, когда скитскія матушки, иль чиавшія негасимую «канонницы» зачнутъ, бывало, нача́лить ее: сообщаешься-де со еретики, даешь всякому пристанище—и покрещеванцу, и никоніанину, и Богъ вѣсть какимъ инымъ сектамъ.

Много разнаго народа видалъ Гриша; но еще не случилось видать такихъ подвижниковъ, про какихъ писано въ Патерикахъ и Прологахъ. «Неужли», думаетъ онъ бывало: «неужли всѣхъ человѣковъ грѣховная, мірская суета обуяла?.. Неужели всѣ люди работаютъ плоти? Что́ за трудники, что́ за подвижники?.. Я и младъ человѣкъ и страстями боримъ, а правила постничества и молитвы тверже ихъ сохраняю.»

Поднимала въ тайникѣ его души змѣиную свою голову гордость треклятая. И не мало старался онъ разогнать лукавыя мысли, яко врагомъ внушенныя, яко помыслъ гордыни, отъ нея же—читывалъ онъ—и великіе подвижники съ высоты ангелоподобнаго житія падали... Тщетны труды, напрасны усилія—самообольщеніе и гордость смиреніемъ, гордость многотруднымъ своимъ подвигомъ, неслышно и незримо подтачивали

Digitized by Google

душу его... «И въ сямомъ дѣлѣ, думывалъ онъ: что́ за постники, что́ въ богоданной моей келейкѣ привитаютъ? Днемъ на́ людяхъ, только у нихъ и сло́ва, какъ Христову рабу довлѣетъ жить на вольномъ свѣту́: сладко не ѣсть, пьяно не пить, тѣлеса свои грѣшныя не вынѣживать, не спѣсивому быть, не горделивому, не копить сокровищъ и тлѣнныхъ богатствъ земныхъ, до сирыхъ, убогихъ быть податливу,—а ночью, какъ люди поулягутся, и уйду я въ каморку—честные старцы по вечерней трапе́зѣ не на пра́вило ночное становятся, а дѣломъ не волоча, къ пуховику на боковую. Иной, бывало, всю ноченьку на сквозь деньги просчитаетъ, что́ собралъ у христолюбцевъ и дателей доброхотныхъ: другой съ полштофчикомъ до́ свѣту пробесѣдуетъ; а двое сойдутся — того и жди, что вмѣсто душеспасительныхъ словесъ про бабъ да про дѣвокъ рѣчь поведутъ... Что́ жь это за трудники, что за подвижники?..»

Сидитъ, бывало, Гриша, пришипившись въ каморкѣ, сидитъ, а самъ въ щелочку смотритъ, съ трудниковъ глазъ не спускаетъ, глядитъ сколь добрымъ подвигомъ иной старецъ въ тиши ночной подвизается. Но глубоко проникнутый духомъ суевѣрія, не вѣритъ Гриша тѣлеснымъ очамъ, силится прозрѣть очами духовными, гонитъ отъ мятущагося ума мысль о непотребствѣ старца, и на то свой помыслъ простираетъ: «врагъ-де это, лукавый духъ, бѣсовское мечтаніе грѣшнымъ очамъ моимъ представляетъ»... И зачнетъ творить молитву отъ діавольскаго навожденія, а самъ все смотритъ, какъ старецъ съ водочкой бесѣду ведетъ либо деньги считаетъ.

Насилуя себя, держа умъ въ такомъ напряженьи, и день и ночь воображаетъ себя окруженнымъ темною силой демоновъ, что, являясь въ соблазнительныхъ образахъ, силятся уловить его въ сѣти, совратить съ тѣснаго пути, увлечь въ шумный, полный суеты,

Digitized by Google

многопрелестный міръ... Увѣрился Гриша и въ томъ, что по ночамъ не Дуняша въ оконце постукиваетъ, не она съ нимъ на рѣчкѣ заигрываетъ, но нѣкій отъ эѳіопъ, сирѣчь, бѣсъ преисподній, въ дѣвичьемъ образѣ выходитъ изъ геенны смущати его... «Окаянный-отъ, думаетъ, все больше во образѣ жены съ трудниками борется; и въ книгахъ писано, что въ древнія времена въ киновіяхъ и великихъ лаврахъ синайскихъ, въ пустыняхъ египетскихъ и ѳиваидскихъ преподобнымъ отцамъ бѣси въ женскомъ образѣ все больше являлись... Такой ужъ у нихъ, у проклятыхъ, обычай! А все на пакость человѣку.»

Приходили разъ въ Евпраксіи Михайловнѣ двое старцевъ, оба раскольничьи мнихи. Одинъ сказался изъ Чернолѣсскаго скита, другой—бродячимъ инокомъ.—Такихъ немало по захолустьямъ. Наскучитъ жить въ скитѣ, гдѣ надо правиламъ подчиняться, настоятелю повиноваться, иль будучи изгнаны изъ обители за безчинство, не путные старцы пускаются бродить по бѣлу свѣту. У одного добраго человѣка поживутъ, у другого, да этакъ бродя изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, вѣкъ свой межъ людей и проколотятся. И токіе есть, что не только въ скитахъ не живали, не видывали ихъ. Надѣлъ изволомъ манатейку съ кафтыремъ, и пошелъ странствовать да слыть за инока честнáго.

Скитскій старецъ—звали Мардаріемъ—пріѣхалъ въ Колгуевъ на монастырской подводѣ съ просительнымъ письмомъ къ «благодѣтельницѣ» Евпраксіи Михайловнѣ отъ чернолѣсскаго игумена Пафнутія: прислать на монастырскую потребу ржицы да пшенички, маслица да рыбки, а будетъ милость—и деньжонками не оставить. Былъ тотъ Мардарій старецъ тучный, красная рожа, плѣшь во весь лобъ, рыжая борода, широкая, кругая, чуть не пó поясъ. Отдавъ жирную скитскую ло-

Digitized by Google

шадь на попеченье работникамъ Евпраксіи Михайловны, онъ зашелъ сначала въ батрацкую избу, снялъ мѣховой треухъ съ голевы, распоясалъ красный гарусный кушакъ, нагольный тулупъ, и обрядился во весь иноческій чинъ: свиту надѣлъ, камилавку съ кафтыремъ, въ лѣвую руку лѣстовку взялъ и сталъ какъ надо быть иноку. Въ пути такой одежды носить не дерзалъ: въ уѣздѣ—исправникъ да становой, въ городѣ—городничій. Какъ разъ за такую одежду, какъ за внѣшнее оказательство ереси, угодишь за рѣшетку. Войдя къ Евпраксіи Михайловнѣ, Мардарій положилъ уставной, семипоклонный началъ, и поклонясь въ поясъ во всѣ стороны, подошелъ къ хозяйкѣ. Евпраксія Михайловна, какъ ни богата, въ какомъ почетѣ ни жила, творитъ по уставу метанія, къ стопамъ Мардарія припадая, говоритъ ему: прости, честный отче! благослови, честный отче!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ,—отвѣчаетъ Мардарій и, вручая вдовицѣ просительное письмо игумена, заводитъ рѣчь уставную.

— Христіанскія жизни доброподражательнице, ко смиреннымъ, бѣднымъ, убогимъ скорая помощнице, крѣпкая хранительница святоотеческаго преданія, добродѣтелями, яко солнце, сіяющая, смиреніемъ, яко бисеромъ многоцѣннымъ, украшéнная, честная вдовице, Божія раба Евпраксія! Ко твоей любви убогіе притекаемъ, отъ твоихъ великихъ щедротъ обильныя милости чаемъ. Се же и письмо просительное отца нашего игумена Пафнутія и всей о Христѣ честнóй братіи. Обнищахомъ, госпоже, оскудѣхомъ: озлоблени суще въ обители нашей, гладу и хладу и всякой тѣснотѣ и угнетенію, нищетѣ и нагохожденію предани бяше, къ теб вопіемъ, многомилостивая вдовице, Евпраксія! Отверзи щедрую руку твою, благоволи отъ праведныхъ трудовъ своихъ нѣкое подаяніе нищенствующей братіи

Digitized by Google

учинити, да узриши сыны сыновъ своихъ и да сподобишися велія и богатыя милости отъ самого Царя небеснаго въ сей вѣкъ и въ будущій.

— Садиться милости просимъ, честный отче, отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна:—рада по силѣ-помощи. Чѣмъ васъ потчивать, батюшка? Дѣвицы, кликните Гришу! Здоровъ ли, батюшка, отецъ Пафнутій?

— Здравъ тѣлесне, въ душеспасительныхъ подвигахъ обрѣтается,—отвѣчалъ Мардарій, садясь.

Это было въ моленной горницѣ. Вся передняя стѣна уставлена древними, богато-украшенными иконами; подъ ними висятъ дорогія пелены: парчевыя, бархатныя, золотомъ шитыя, жемчугомъ низанныя. Передъ иконами ослопныя свѣчи, негасимыя лампады... На скамьяхъ три невѣстки Евпраксіи Михайловны, да съ полдюжины скитскихъ матерей и канонницъ, а у притолоки бродячій старецъ отецъ Варлаамъ— здоровенный, долговязый парень лѣтъ тридцати пяти, изкрасна рыжій, съ прыгающими глазками и рѣдкой бородкой длиннымъ клинышкомъ. Поклонился Мардарій Варлааму, тотъ ему «метанія» сотворилъ и сѣлъ на свое мѣсто.— Оба ни гугу; сами другъ на дружку поглядываютъ.

Закусочку подали. Изобильна была предложенная трапеза на утѣшеніе иноковъ: икра паюсная, стерлядь вислая, вязига въ уксусѣ да тавранчукъ осетрій, грузди да рыжики, пироги да левашники, ерофеичу графинчикъ, виноградненькаго невеликая бутылочка.

— Благословите, отцы честные, откушайте,—потчуетъ иноковъ гостепріимная вдовица.

— Можно, порывисто молвилъ Мардарій, и, чинно, положивъ три поклона, принялся за вязигу, Варлаамъ рыбнаго употреблять не дерзаетъ. «По обѣту пятый день на сухоядѣніи обрѣтаюсь»,—говоритъ. Опричь хлѣба да груздочковъ, ни къ чему не приступилъ.

— Водочки-то, отцы честные, водочки-то откушать?

Digitized by Google

— Не подобаетъ,—также порывисто отвѣтилъ Мардарій. А Варлаамъ даже повѣсть отъ Пандока [1]) разсказалъ, откуда взялось хмѣльное питіе и какъ оно человѣка отъ Бога отводитъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводитъ.

Не нарадуется, глядя на воздержныхъ и подвижныхъ гостей, Евпраксія Михайловна. И она, и келейницы, и канонницы прониклись чувствомъ высокаго къ нимъ уваженья, а у Гриши, что́, войдя по призыву хозяйки въ горницу, сталъ смиренно у притолки, сердце такъ и распаляется: привелъ-де наконецъ Господь увидѣть старцевъ благочестивыхъ, строгихъ, столь высокихъ подвижниковъ. Духъ у Гриши занимается, творитъ онъ мысленную молитву, благодаря Бога, что приводится ему послужить столь преподобнымъ старцамъ.

— Побесѣдуйте межъ себя, честные отцы,—низко кланяясь Мардарію и Варлааму, говоритъ Евпраксія Михайловна, когда кончили они тра́пезу:—просвѣтите насъ, скудоумныхъ, разумной бесѣдой своей.

И велѣла канонницѣ сыновей кликнуть, и они бы насладились отъ духовныя трапезы, отъ премудрой бесѣды святоподвижныхъ отцовъ.

Пришли. Усѣлись. Глянули старцы другъ другу въ очи и, нахлобучивъ камилавки, опустивъ главы долу, повели благочестную бесѣду.

— Рцы ми, брате, началъ Мардарій:—кто умре, а не истлѣ?

— Лотова жена—та умре, но не истлѣ, понеже въ столпъ сланъ претворися—соль же не истлѣваетъ. И до днесь тотъ сланый столпъ стоитъ во странѣ Палестинской, на святой на рѣцѣ Іорданѣ.

---

[1]) Раскольничье низосоставленіе (въ XVII вѣкѣ) сочиненіе, наполненное вздорами о картофелѣ, табакѣ, чаѣ и пр.

Digitized by Google

Вздыхаетъ Евпраксія Михайловна, охаютъ и отираютъ слезы келейницы, а Гриша дивится скорому и столь мудрому отвѣту честнáго отца Варлаама.

— Что есть, брате, продолжаетъ Мардарій: — ключъ древянъ, замокъ вóденъ, заяцъ убѣже, ловецъ утопе?

— Ключъ древянъ — жезлъ Моисеевъ, замокъ вóденъ—Чермное море, заяцъ убѣже—Моисей со Израильтяны, ловецъ потопе—Фараонъ зломудрый, царь египетскій.

Подумалъ малое время Мардарій, еще вопросъ предложилъ:

— Что есть, брате, стоитъ градъ на пути, а пути къ нему нѣту; идетъ посолъ нѣмъ, несетъ грамоту неписанную?

— Градъ на пути—то Ноевъ ковчегъ, понеже плаваше по непроходному пути, сирѣчь по потопнымъ водамъ; посолъ нѣмъ—то есть чистая голубица, а грамота неписана—то есть сучецъ масличный, его же принесе въ ковчегъ голубица къ Ною на увѣреніе познанія что есть суша. Ной праведный, зря той сучецъ, съ сынами и дщерями, со скотомъ и со птицы и со всякимъ гадомъ, бывшимъ въ ковчегѣ, едиными усты и единымъ сердцемъ прославиша благодѣющаго Бога.

— А осмѣлюсь, отецъ Мардарій, васъ спросить,— вмѣшалась хозяйка:—всякіе ли скоты были у Ноя въ ковчегѣ?

— Всякіе, матушка Евпраксія Михайловна, всякіе были; одной твари не было...

— Какой же это, батюшка?

— Рыбы! — во все горло закричалъ Варлаамъ и, кативъ обѣими руками осетрій тавранчукъ, пошелъ ıисывать его за обѣ щеки. Всѣ переглянулись. А ецъ Варлаамъ къ ерофеичу десницу простираетъ.

Digitized by Google

— Прорвало!—сквозь зубы прошепталъ Мардарій, и еще ниже опустилъ главу свою.

— Батюшка!.. Отецъ Варлаамъ!—съ ужасомъ вскочивъ съ лавки, вскрикнула одна изъ канонницъ: — Не сквернись ради Господа!

— Не замай его, Матренушка,—молвила тихонько Евпраксія Михайловна, удерживая за рукавъ канонницу.—Не видишь развѣ?—Христа ради юродствуетъ...

А Гриша ногъ подъ собой не слышитъ. Не понимаетъ, что́ вкругъ него дѣлается. И бесѣда мудрая, и безобразіе немалое. «Что́ жъ это такое, — думаетъ онъ,—прямымъ ли дѣломъ отецъ Варлаамъ юродствуетъ, иль это врагъ лукавое мечтаніе очамъ моимъ представляетъ»?

Мардарій пришипился—ни гу-гу, только лѣстовку перебираетъ. А отецъ Варлаамъ стаканчикъ на́ лобъ, да еще, да еще. И псальму запѣлъ:

Прошу выслушать мой слогъ,
Что въ печали сложить могъ,
Во темныхъ во лѣсахъ...

— Подтягивай, Мардарій!

— Провидецъ, провидецъ!—зашептали матушки-келейницы. — Съ роду не видывалъ отца Мардарія, а узналъ ангельское имя его.

Однакожъ Мардарій не подтягиваетъ, опустя голову смотритъ внизъ да половицы считаетъ! А Гриша шепчетъ молитву на отогнаніе бѣсовскихъ мечтаній и думаетъ: «чесо ради бысть знаменіе сіе?» А Варлаамъ-то заливается: —

А вотъ наша вся отрада:
Хлѣбъ, вода—и вся награда—
Живи да не тужи...

— Да подтягивай же, Мардашка!.. Хвати старинной!.. А ты, раба Божія Евпраксія, водочки-то подлей!

— Виноградненькаго не соизволите ли, батюшка?—

Digitized by Google

отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна, наливая въ рюмку сантуринскаго.

— Не подобаетъ!.. Настойки давай!.. Мать твою какъ звать?

— Евдокіей, отче, Евдокіей.

— Ладно, я ужо по ней канонъ за единоумершаго справлю... Съ поклонами!.. А водочки-то подлей.—Ну, пой же, Мардашка; подтягивай и вы, красавицы-дѣвицы, скитскія бѣлицы... Валяй!

Щи да кашу поставляютъ,
За велико почитаютъ—
Изрядной вотъ обѣдъ.
Пирожка кусокъ дадутъ,
То подумаешь и тутъ,
Какъ-то его съѣшь.

— Валяй, матери!.. Катай, канонницы!

И пѣвецъ сладкогласный, оглянуться не успѣли, какъ поѣлъ всѣ пироги и левашники.

Вмѣсто водокъ, сладкихъ винъ —
Поставляютъ квасъ единъ:
И то за гостя чти.

— Да подлей же настойки-то, Михайловна!

По обѣдѣ всѣ по кельямъ,
И какъ будто отъ бездѣлья,
Правило несемъ.
Тогда съ горя и досады
Поискать пойдешь отрады—
Во деревню, за лѣсокъ-..

— А на деревнѣ-то пташечки-сударушки! Вотъ такія жь красотки, какъ вы!

И пошелъ канонницъ хватать да щупать.

— Юродствуетъ, шепчутъ онѣ, юродствуетъ!

А Варлаамъ допѣваетъ пѣснь душеспасительную:

Лишь пойдешь за монастырь
Да возьмешь въ руки костыль,
Вслѣдъ уже бѣгутъ.

Digitized by Google

Какъ злодѣи набѣжали
И какъ вора сохватали,
Тутъ же цѣпію грозятъ.
Вина хотя не видалъ,
А игуменъ закричалъ:
«Протрезвить должно его».

— А я ни капельки ни пьянъ. Дьяволъ пьянъ, а инокъ никогда не бываетъ пьянъ: это бѣсъ...

Приведутъ въ келью, запрутъ,
Ключъ игумну отдадутъ,
А тутъ хоть умри!
Сутки двое такъ томятъ,
Ничего не говорятъ,
Глядятъ, аки звѣрь!

Да какъ пустится въ присядку. И пошелъ иную псальму припѣвать:

Эй ты, калина-малина!
Валяй старцы на Бисериху!
А дѣвки да молодки
На Купалу на Ивана,
Да на самого болвана,
Эй, на Ярилу-молодца!
Ужь и я ли не Ярила?
Ужь и я ли не Гаврила?
Эхъ вы, голубки,
Глядите-ка старцу сюда!

И цапъ-царапъ молодую хозяйкину невѣстку за рукава бѣломиткалевые... Запустилъ десницу за воротъ...

— Чтóй-то за безобразіе?.. Господи! — закричала невѣстка, недавно взятая изъ Москвы и еще не знавшая такихъ подвиговъ преподобныхъ отцовъ.

— Юродствуетъ, матушка, юродствуетъ! — шепчу — сй. — Это онъ плодъ чрева твоего благословляетъ.

Спровадили кой-какъ блаженнаго юроду въ Гриши келью. Не обошлось безъ грѣха: дорóгой на уса двухъ работниковъ искровенилъ... Добравшись до

Digitized by Google

ста, не разоблачась, повалился на пуховикъ и тотчасъ захрапѣлъ во всю ивановскую.

Не разъ случалось Гришѣ видать безчиніе старцевъ; но такого и онъ еще не видывалъ. Когда, бывало, они ночью, въ келейной тиши, тихомолкомъ безчинствуютъ, всю бѣду на дьявола онъ сваливалъ. «Извѣстно», думаетъ: «окаянный силёнъ; горами качаетъ. Представить человѣку сонное мечтаніе либо неподобное видѣніе—ему нипочемъ». Но сколь ни вспоминалъ юный келейникъ изо всего прочтеннаго имъ—въ «Патерикахъ», въ «Прологахъ», въ «Книгѣ о Старчествѣ», и въ разныхъ «Цвѣтникахъ» и «Сборникахъ»,—нигдѣ нѣтъ того, чтобы бѣсъ, вселясь въ инока, при двадцати человѣкахъ, такія дѣла творилъ.—«Развѣ что въ самомъ-дѣлѣ юродствуетъ?»—Объ юродахъ же Гриша читалъ и слыхалъ не мало, самому жь видать ихъ еще не случалось... «Юродъ — отецъ Варлаамъ, думаетъ онъ; иначе какъ же можно, чтобъ иноку при мірскомъ народѣ, въ камилавкѣ, въ кафтырѣ, грибезовскимъ горломъ скаредныя пѣсни пѣть, плясать бѣсовски и непотребства чинить.

Но когда ночью услыхалъ Гриша бесѣду проспавшагося Варлаама со стариннымъ пріятелемъ его Мардаріемъ: когда узналъ онъ, что Варлаамъ за пьянство изъ десяти скитовъ былъ выгнанъ, а за непотребство два раза въ острогѣ да въ рабочемъ домѣ сидѣлъ, а одинъ разъ своя же братья, раскольники, ему за безчинство на дѣвичьихъ посидѣлкахъ бороду спалили,—смекнулъ тогда юный подвижникъ, что варлаамово юродство на иную стать уложено.

«Что́ жь это за старцы, что́ за столпы правой вѣры?—азмышляетъ Гриша.—Гдѣ жь тѣ искусные старцы, то́ меня бы, грѣшнаго, правиламъ пустынной жизни учили? Гдѣ жь тѣ люди, что́ правую бы вѣру уму оему раскрыли?.. Неужли кромѣ меня нѣтъ на свѣтѣ

Digitized by Google

человѣка, чтобъ истиннымъ подвигомъ подвизался, и сый боримъ діаволомъ устоялъ бы въ прельщеньяхъ, не поругался бы святому своему обѣщанью?»

Шире и шире разрастались горделивыя думы въ распаленной головѣ Гриши. Высокоуміе вконецъ его обуяло. Еще поглядѣлъ онъ на нѣсколькихъ старцевъ, еще послушалъ ихъ разговоръ—и сказалъ Богу на молитвѣ:

«Господи! есть ли человѣкъ праведенъ, паче мене?»

Съ ранней молодости наслушался Гриша о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ, о томъ, что народился антихристъ и пустилъ по землѣ нечестіе: стали люди брады брити, латинску одежду носити, чай, треклятую траву, пити, табачное зеліе курити, пачпорты съ бѣсовской печатью при себѣ держати.

Куда дѣваться отъ него? Смотритъ въ книги, видитъ, что отъ злобы антихриста истинные Христовы рабы имутъ бѣжати въ горы и вертепы, имутъ хорониться въ пропасти земныя; а кто не побѣжитъ изъ смущеннаго міра, тотъ будетъ уловленъ въ бѣсовскія сѣти и погибнетъ погибелью вѣчной... Ключомъ кипитъ горячая кровь—только то и держитъ на умѣ Гриша, какъ бы найти ему искуснаго старца, жителя пустыни, чтобъ бѣжать съ нимъ въ дебри лѣсныя. И распалялось злобой Гришино сердце на всѣхъ, кого считалъ онъ антихриста слугами. Лелѣялъ онъ въ душѣ своей правило раскольничьихъ ревнителей: «съ табашникомъ, со щепотникомъ и бритоусомъ и со всякимъ скобленнымъ рыломъ—не молись, не дружись, не бранись» И дошелъ до убѣжденья, что «никоніанина пришибить—семь пятницъ молока не хлѣбать». И не дрогнула бъ рука у него, еслибъ зло сотворить кому изъ церковниковъ... Евпраксія Михайловна и тѣни не имѣла такой нетерпимости, не разъ журила она Гришу за вырывавшіяся у него подъ-часъ злобныя словеса, но

Digitized by Google

журьба доброй хозяйки его не трогала. Мрачно молчитъ, слушая рѣчи ея, и душою болѣетъ: «вотъ, дескать, и добра, и милостива, а вдалась же въ суету грѣховную: совсѣмъ обміршилась».

Глядя на безчинство старцевъ, на безобразіе перехожихъ богомольцевъ, не думаетъ больше Гриша, что бѣсы его смущаютъ, гордыня вконецъ обуяла его. Безъ грусти, безъ сердечной истомы смотритъ онъ въ щелочку изъ своей каморки, какъ честные отцы со штофомъ бесѣдуютъ, иной разъ и курочкой не брезгуютъ. Безчинство старцевъ, ихъ разговоры о вещахъ непотребныхъ радуютъ его. Насмотрѣвшись на нихъ, спѣшитъ онъ босыми ногами на кремни да битыя стекла, налагаетъ вериги, кладетъ земные поклоны сотню за сотней. Уста шепчутъ кичливую молитву о прощеніи безчинныхъ старцевъ, а въ душѣ тайный голосъ твердитъ: «Господи! да есть ли же гдѣ-нибудь человѣкъ праведенъ, паче мене?»

Пересталъ Гриша на рѣчку ходить, пересталъ отъ зари до зари воспѣвать прекрасную мать-пустыню, забылъ про сладкія слезы, что́ во время былое по цѣлымъ часамъ текли изъ глазъ его, устремленныхъ на чернѣвшую вдали полосу лѣса.

Зато сильнѣе прежняго мучило Гришу другое. Многаго онъ начитался, многаго онъ наслушался отъ привитавшихъ въ его кельѣ. Не разъ слыхалъ, какъ поповщинскіе раскольники спорили межъ себя насчетъ новаго австрійскаго священства; много разъ слыхалъ, какъ поморцы хулятъ поповщину за поповъ, ѳедосѣевцы поморцевъ за браки, филипповцы ѳедосѣевцевъ за то, что не по уставу кладутъ поклоны, а бѣгуны сопѣлковскіе всѣхъ проклинаютъ, кто въ своемъ домѣ живетъ. И всѣ-то другъ друга обзываютъ еретиками, всѣ-то чужому толку наносятъ укоры, всѣ хвалятъ одну свою вѣру...

Digitized by Google

И день, и ночь размышляетъ Гриша: «Гдѣ жь правая вѣра, гдѣ истинное ученіе Христово?» И молится Гриша со многимъ воздыханьемъ, и со многими слезами, да пошлетъ къ нему Господь человѣка, что указалъ бы ему правую вѣру.

Разъ, позднимъ вечеромъ, ранней весною, звякнуло желѣзное кольцо калитки у дома Евпраксіи Михайловны. Тихимъ, слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ кто-то сотворилъ Іисусову молитву. Привратникъ отдалъ обычный «аминь» и отперъ калитку. Вошелъ древній старецъ высокаго роста. Преклонныя лѣта, долгіе подвиги сгорбили станъ его: пожелтѣвшіе волоса неровными, всклоченными прядями висѣли изъ-подъ шапочки. На старцѣ дырявая лопатинка, на ногахъ протоптанные корцовые лапти; за плечами невеликій пещуръ.

— Что́ тебѣ, дѣдушка?—спросилъ привратникъ.

— Охъ, родименькой!—зашамкалъ беззубый старикъ, задыхаясь и тяжело опускаясь на прикалитную скамью:— указали мнѣ боголюбцы путь въ домъ сей ко благочестивой вдовицѣ, къ Евпраксіи Михайловнѣ.

Привратникъ, не впервые принимавшій странниковъ, впустилъ его.

— Одинъ что ли, старче, аль еще кто есть съ тобой?—спросилъ онъ его.

— Одинъ, родимой ты мой, одинъ

— Пойдемъ, старче

И повелъ его въ домъ. Евпраксія Михайловна чернее правило тогда съ канонницами справляла. лѣла старца ввести.

— Миръ дому сему,—сказалъ онъ, уставно, ис помолясь передъ облитыми лампаднымъ свѣтомъ, с

Digitized by Google

ропозлащенными иконами, и до самой земли поклонился хозяйкѣ.

— Садись, старче Божій, садись, обогрѣйся! Вишь у тебя лопатиночка-то какая ветхая [1]). А на дворѣ-то морозно, время-то погодливое... Сядь-ка вотъ здѣсь, старче... Да велите-ка, матери, Гришенеку кликнуть, «Господь, молъ, гостя даровалъ». Сними пещуръ-отъ, старче; ишь какъ умаялся. Принесите горячаго кушанья, матери. Да тóплена-ль у Гриши кéлейка-то? Пустошничать что-то зачалъ, Христосъ съ нимъ. Да и старцы давно не привитали—третья никакъ недѣля. Не диво — непогодь такая, распутица. Сними-ка ты, старче Божій, пещуръ-отъ.

И не дожидаясь отвѣта, сама стала снимать со старца ношу его, но коснувшись плечъ отшатнулась и прошептала молитву. Она тронула плохо прикрытыя рубищемъ, вросшія въ тѣло старца желѣзныя вериги.

Старецъ снялъ пещуръ. Евпраксія Михайловна, бережно, творя молитву, поставила его подъ образа.

Вошелъ Гриша. Полузамерзшій старецъ маленько поотдохнулъ въ жарко-натопленной моленной.

— Господа ради, сокрый меня грѣшнаго на малое время въ стѣнахъ твоихъ, боголюбивая матушка, — тихо проговорилъ онъ.

— Рада всей душой, старче. А можно ль святое имя твое узнать?

— Грѣшный инокъ Досиѳей...

— Ахъ, батюшка, отче Досиѳе! Что жъ ты не повѣдалъ ангельскаго своего чина?

И творя «метанія» — какъ она, такъ и бывшія съ ю въ моленной, устáвно покланялись старцу по

---

[1]) Лопать, лопатинка—рубище (въ восточныхъ и приволжскихъ губиніяхъ), верхняя одежда (въ Сибири и на Сѣверѣ).

Digitized by Google

дважды, приговаривая: «Прости, честный отче! благослови, честный отче».

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣчалъ Досиѳей. И самъ сотворилъ всѣхъ «метанія».

— Откуда грядешь, куда путь держишь?—заговорила Евпраксія Михайловна, послѣ уставнаго обряда.

— Града настоящаго не имѣю, грядущаго взыскую,—отвѣчалъ старецъ:—путь же душевный подобаетъ намъ, земнымъ, къ солнцу правды держати, аще тако Отецъ небесный устроитъ. Тѣлесный же путь кто исповѣсть?

«Бѣгунъ сопѣлковскій»,—думаетъ Гриша, давно наметавшійся середь перехожихъ богомольцевъ.

— Праведны рѣчи твои, отче Досиѳее, праведны твои рѣчи,—полушопотомъ, набожно говорила Евпраксія Михайловна.

Нѣсколько минутъ молчанья. Старецъ сидитъ, тяжело опустившись; движеньемъ губъ творитъ онъ молитву, а словъ не слышно. Радостнымъ ликомъ, свѣтлыми очами смотритъ вдовица на прихожаго трудника, и тоже тайно молитву творитъ. Безмолвно сидятъ келейницы, истово перебирая лѣстовки. Мѣрно чикаетъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, что висѣли у входа въ моленную.

— Въ пустынѣ жилъ я, матушка, — тихой рѣчью заговорилъ обогрѣвшійся старецъ. — Въ пустынѣ я жилъ—недалёко отсюда — въ Поломскихъ лѣсахъ. Не малое время провождалъ, грѣшный, въ пустынѣ... Келейку своими руками построилъ, печку сложилъ ради зимняго мраза; помышлялъ тутъ и жизнь свою грѣшную кончить... А вотъ — двѣ недѣли тому — на само Сборное воскресенье попущеніе Божіе было. Отлучился азъ, грѣшный, ради тѣлесныя нужды, дровишекъ набрать изъ буреломника. Подхожу къ келейкѣ — только дымокъ отъ головешекъ мало-мало курится.

Digitized by Google

Сгорѣла!.. Немалое время жилъ я въ той келейкѣ, матушка, сорокъ лѣтъ, и не было ко мнѣ ни ѣзду, ни ходу; сорокъ лѣтъ людей не видалъ... Сгорѣла!.. Привыкъ я къ келейкѣ, матушка, чаялъ въ ней помереть, домовину выдолбилъ—думалъ въ ней лечь, въ келейкѣ стояла у меня... Сгорѣла!.. Годы мои старые, а плоть немощна. Не снести безъ келейки зимняго мразу — треба нову поставить... И вотъ, слыша отъ боголюбцевъ про твои великія добродѣтели, добрелъ я до тебя, Евпраксія Михайловна,—дай пережить у тебя до́ лѣта; не оставь меня, грѣшнаго, ради Христа. А лѣтомъ, Богу изволющу, побрелъ бы я опять во свою пустыньку, опять бы кельеночку поставилъ, домовинушку бы сдѣлалъ... Не оставь Христа ради!

И дряхлый Досиѳей палъ къ ногамъ Евпраксіи Михайловны. А она его поднимаетъ, сама земное поклоненіе творитъ, а слезами такъ и обливается.

— Слышала, — говоритъ, — старче, слышала про ваше несчастье. Пала и къ намъ вѣсть, что исправникъ въ Поломски лѣса выѣзжалъ — старцевъ ловить, келейки жечь. Экой злорадный какой, прости Господи!

— Не кори его, Евпраксія Михайловна,— сказалъ на то Досиѳей.—Не моги корить.—Аль не знаешь завѣта: «твори волю пославшаго»?.. Послушаніе паче поста и молитвы... Тутъ не злорадство его, а Божія воля... Безъ воли-то Господней власъ со главы человѣка не падаетъ. И то надо памятовать, что житіе дано намъ тѣсное, путь узкій, терніемъ, волчцами покрытый. Терпѣть надо, матушка, терпѣть, Евпраксія Михайловна:—въ терпѣніи надо стяжать душу свою... Слава Христу, Царю небесному, что посѣтилъ и меня своимъ посѣщеніемъ... Вотъ что́!

— Праведны, старче, рѣчи твои,—сказала Евпраксія Михайловна: — правда во устахъ твоихъ! Но за

Digitized by Google

что́ жъ они на насъ такъ лютуютъ? Вѣдь и они во Христа Бога вѣруютъ. За что же?

— На то Господне смотрѣніе. Стало-быть надо такъ. Не испытуй Сотворшаго!..—строго промолвилъ старецъ.

Досиѳея напоили, накормили; Гриша въ келью его проводилъ.

— Богъ спасетъ, родименькій, Богъ спасетъ,—говорилъ старецъ на усердныя послуги Гриши, когда тотъ, затепливъ лампадку передъ иконами, къ мѣсту прибралъ старцевъ пещуръ, закрылъ ставни, а потомъ съ обычными «метаніями» простился и благословился по чину.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣтилъ Досиѳей.—Охъ ты, мой любезненькій!.. Спасибо тебѣ... Поди-ка ты, ма́лецъ, подь-ка, рабъ Божій, спокойся.

Ушелъ Гриша въ каморку за печку-голанку. — И тотчасъ къ щелкѣ.

И видитъ: оставшись въ манатейкѣ и въ келейной камилавкѣ, хотя и былъ истомленъ труднымъ путемъ, непогодой, на великое ночное правило старецъ остановился, читаетъ положенныя по уставу молитвы. Часъ идетъ, другой, третій.—Гришу сонъ клонитъ, а старецъ стоитъ на молитвѣ.—Заснулъ келейникъ, проснулся, къ щелкѣ тотча́съ—старецъ все еще на правилѣ стоитъ.

Дожилъ Досиѳей у Евпраксіи Михайловны до той поры, какъ рѣки спали и можно стало лѣсомъ ходить. Никуда не выходилъ онъ. Кромѣ Евпраксіи Михайловны да ея сыновей, никого къ себѣ не пускалъ. Не только въ Колгуевѣ, на самомъ усадѣ Гусятниковыхъ мало кто зналъ о прохожемъ старцѣ. — Гри[illegible] былъ при немъ безотлучно.

Не видалъ еще онъ такихъ старцевъ.—Смирилъ себѣ гордыню, увидѣвъ, что Досиѳей не вприм[illegible]

Digitized by Google

строже его правила исполняетъ, почти не сходитъ съ молитвы, ѣстъ по сухарику на́ день, а когда подкрѣпляетъ сномъ древнее тѣло свое — Господь одинъ знаетъ.

Собрался Досиѳей въ путь-дорогу. Евпраксія Михайловна денегъ давала — не взялъ; новую свиту, сапоги—ничего не беретъ; взялъ только ладану горсточку да пятокъ восковыхъ свѣчъ. Ночью, передъ отходомъ старца, сѣлъ Гриша у ногъ его и просилъ поучить его словомъ. Въ шесть недѣль, проведенныхъ Досиѳеемъ въ кельѣ, не удалось Гришѣ изобрать часочка для бесѣды. То на правилѣ старецъ стоитъ, то «умную молитву» творитъ, то въ безмолвіи обрѣтается.

— Скажи, отче, повѣдай рабу своему, въ коей пустынѣ спасалъ ты душу свою; гдѣ подвигомъ добрымъ подвизался? Меня тоже въ пустыню влечетъ, на безмолвное, трудное житіе... Повѣдай же, отче, повѣдай, гдѣ такая пустыня?

— Нѣтъ моей красной пустыни!.. Нѣтъ ея больше!.. съ грустью отсовѣтовалъ старецъ:—сгорѣла моя келейка, домовинушка въ ней сгорѣла... Пришелъ, анъ только однѣ головешки...

— Слышалъ, отче, слышалъ... Ироды... Пилаты!..

— Гдѣ Ироды, гдѣ Пилаты? — вставъ съ лавки и во весь ростъ выпрямляясь, строго Гришу спросилъ Досиѳей.

— А твои лиходѣи?.. Никоніане!.. Укажи мнѣ ихъ, отче, укажи твоихъ злодѣевъ.—Я бы зубами изъ нихъ черева повытаскалъ.

— Во Христа ты вѣруешь? — спросилъ старецъ Гришу строго глядя на него.

— Вѣрую, отче святой—по старинному вѣрую.

И перекрестился истово двуперстнымъ знаменіемъ.

— А слыхалъ ли ты, друже, какъ Христосъ на Лобномъ мѣстѣ, на крестѣ за жидовъ молился?

Digitized by Google

— Читалъ, отче... Господь грамотѣ сподобилъ меня самъ про это читалъ.

— А читалъ ли, что передъ тѣмъ отъ нихъ Онъ терпѣлъ?.. И заушенія, и заплеваніе, и по ланитамъ біенія... А не было за нимъ грѣха ни единаго... И всетаки за мучителей молился... А намъ-то что повелѣлъ Онъ творити? Самую-то первую заповѣдь какую Онъ далъ?.. Помнишь ли?.. Любить враговъ повелѣлъ... Читалъ ли о томъ?

— Читывалъ, отче.

— А читалъ ли, что всякая кровь взыщется?

— Читывалъ... Да ихъ вѣдь не грѣхъ. Они вѣдь еретики.

— Они люди, Гришенька! Всякъ человѣкъ кровью Христовой искупленъ. Кто проливаетъ кровь человѣка— Христову кровь проливаетъ. Таковый съ богоубійцами жидами равную часть пріемлетъ.

Быстро подскочилъ Гриша ко старцу... Смиренія какъ не бывало. Глаза горятъ, кулаки стиснуты.

— Да ты какого согласу самъ отъ будешь спросилъ онъ Досиѳея нахальнымъ тономъ.

— Христіанинъ.

— Хвостомъ-то не виляй, не отлынивай! Не напоганилъ ли ты у меня своимъ еретицкимъ духомъ келейку?.. Не по никоновой ли тропѣ идешь?

— Держуся книгъ филаретовскихъ и іосифовскихъ..

— А говоришь, что Никоніанинъ такой же человѣкъ, какъ и мы, старымъ крещеньемъ крещенные? По твоему, пожалуй, и въ пищѣ, и въ питіи общеніе съ ними можно имѣть?

— Можно, Гришенька.—Мало того что можно,— должно.

— Да ты въ своемъ ли умѣ?

— Должно. Знай, что споры о вѣрѣ—грѣхи пер Господомъ. Всѣ мы братья, всѣ единаго Христа ис

Digitized by Google

вѣдуемъ. Не помнишь развѣ, что Господь, по землѣ ходивши, и съ мытарями ѣлъ, и съ язычниками—никого не гнушался? Какъ же мы-то дерзнемъ?.. Святѣе, что ли, мы Его?..

— Да вѣдь они щепотники, въ три перста молятся.

— А сколькими перстами повелѣлъ Господь Самарянынѣ молиться?.. Читалъ ли ты, что Богу надобно кланяться духомъ и истиной?.. А два-ли, три-ли перста сложишь... это ужъ само послѣднее дѣло...

— Уйди отъ меня!.. Уйди окаяннный!—отскакивая отъ старца, закричалъ Гриша.—Исчезни!..

— «Это бѣсъ лукавый; черный эѳіопъ въ образѣ старца пришелъ меня смущати», думаетъ Гриша и почасту ограждая себя крестнымъ знаменьемъ, громко читаетъ молитву на отогнаніе злыхъ духовъ.

— Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, діаволе!.. Не блазни мя мерзкими и лукавыми мечтаніями, отступи отъ мене и отыде отъ мене, проклятая сила непріязни, въ мѣсто пусто, въ мѣсто безплодно, въ мѣсто безводно, идеже огнь и жупелъ и червь неусыпающій...

А старецъ въ ноги Гришѣ... Слезами обливаясь, молитъ не убивать души своей человѣконенавидѣніемъ... Долго молилъ, наконецъ всталъ, положилъ на путь грядущій семипоклонный началъ.

— Самъ Господь да просвѣтитъ умъ твой и да очиститъ сердце твое любовію,—сказалъ Досиѳей заклинавшему бѣсовъ келейнику и тихо вышелъ изъ кельи.

Гриша самъ не въ себѣ. Вѣритъ несомнѣнно, что ѣлыя шесть недѣль провелъ онъ съ бѣсомъ. — Не ной молитвой старался онъ очистить себя отъ неольнаго оскверненія: возложилъ вериги, чтобъ не скидать ихъ до смерти, голымъ тѣломъ ложился на кремни битыя стекла, цѣлый день крохи въ ротъ на биралъ,

Digitized by Google

обрекая себя на строгій, безъядный постъ на столько же дней, на столько ночей, сколько пробылъ онъ съ Досиѳеемъ.

Но цѣлый день и весь вечеръ чудятся ему разныя мечтанья: стуки въ столѣ, бѣсовскіе звуки въ стѣнахъ, топоты ножные, скаканія, свистъ и голкъ, страшные кличи и нелѣпые, грезы, гудѣнія свирѣли, волынки и бубновъ. И чѣмъ больше склонялся день къ вечеру, чѣмъ гуще и темнѣй становилися сумерки, тѣмъ громче и громче слышались Гришѣ бѣсовскіе звуки. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснулъ въ небѣ золотымъ краемъ, звѣздочки вспыхнули на востокѣ, а заря вечерняя блѣднѣетъ. Стихъ людской гомонъ, настала теплая, благовонная майская ночь, а Гриша все борется съ бѣсами, все читаетъ молитвы...

И слышитъ: издали, съ рѣчки, изъ-за зеленыхъ ракитъ несутся звуки волынки, гудка, новорощенной свирѣли и громкой пѣсни семиковской:

Покумимся, кума, покумимся.
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ-Ладо! честному Семику,
Ой Дидъ-Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ, да голубушкѣ:—
Покумимся!
Покумимся!
Не сваряся, не браняси!
Ой Дидъ-Ладо! березка моя!

— Иждену жь я тебе, душе прокляте!.. Иду брань сотворить со діаволомъ!—воскликнулъ Гриша и, выбѣжавъ быстро изъ кельи, устремился на всполье.

И видитъ: многое множество красныхъ дѣвицъ поетъ и пляшетъ у надрѣчныхъ ракитъ. Всѣ въ бѣломъ, у всѣхъ на головахъ вѣнки, у всѣхъ въ рукахъ березовыя вѣтки. Одаль молодые парни сидятъ — кто съ сурнóй, кто съ волынкой, кто съ новорощенной свирѣлью. Въ полночный, дѣвичій семиковый хороводъ

Digitized by Google

имъ мѣшаться не слѣдъ... И слышитъ Гриша ясные, веселые голоса живого семиковскаго хоровода:

Въ Арзамасѣ, въ Арзамасѣ,—на украсѣ
Сходилися молодушки въ единъ кругъ,
Они думали крѣпку думу за-едино:
Ужъ мы сложимтесь, молодки, по алтыну,
—Мы пойдемте къ арзамасскому воеводѣ.
«Охъ, ты, батюшка нашъ, арзамасскій воевода!
Ты прими, сударь, пожалуйста, не ломайся,
Дай намъ волю, дай намъ волю надъ мужьями!

Бодро, твердымъ шагомъ, съ поднятымъ вверхъ двуперстнымъ крестомъ, бѣжитъ Гриша на борьбу съ бѣсовскою силой. Громко, истово читаетъ заклятья:

— Запрещаю вамъ, стихійныя силы и всякія порожденія діавола!.. Заклинаю васъ страшнымъ и пре страшнымъ, неприступнымъ...

А семиковскій хороводъ все громче да громче:

Такъ возговоритъ арзамасскій воевода,
«Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля надъ мужьям
Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля на недѣлю»...
Что за воля, что за воля на недѣлю?
Все едино, все едино, что неволя».

— Исчезни и отыди въ злосмрадный огнь геенскій, княже бѣсовскій, со аггелы своими!.. Отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно, въ мѣсто безплодно,—закли наетъ Гриша.

А у ракитъ игра своимъ чередомъ. Другую пѣсню запѣваютъ:

«Дай намъ шильцо да мыльцо,
Бѣлое бѣлильцо
Да зеркальцо,
Копѣйку да денежку —
За красную дѣвушку!
Ой—Дидъ, Ладо!
Семика честнаго личницу!»

— Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, проклятый

Digitized by Google

Сатано!.. — говоритъ Гриша, приближаясь къ бѣсовскому полку.

Но дѣвицы, завидя его, разомъ встрепенулись. Съ гикомъ, съ гамомъ завели старую пѣсню:

«Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ!
Мы тебя, монашекъ, поцѣлуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ.»

И вереницей кинулись на Гришу. И ну его цѣловать, миловать, къ сердцу прижимать... А онъ, все-таки видя не дѣвъ земныхъ, но бѣсовъ преисподнихъ, знай читаетъ свое, посылая ихъ «въ мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто безплодно»...

И невѣдомо какъ то случилось, —но нѣкій отъ черныхъ эѳіопъ, во образѣ полной жизни и огня, высокогрудой Дуняши, смутилъ строгаго постника, строгаго молчальника, строгаго веригоносителя, что̀ недавно съ полнымъ сознаньемъ говорилъ на молитвѣ: «Господи, есть ли человѣкъ праведенъ, паче меня»...

И сотвори ему бѣсъ пакость велію...

Встало селнце. Цѣлый день Гриша отплевывался, вспоминая, что сталось съ нимъ. Хочетъ молитву читать, но бѣсъ, во образѣ Дуни, такъ и лѣзетъ ему въ душевныя очи. Все то мерещится Гришѣ—ракитовой кустикъ надъ сонною рѣчкой, бѣлоснѣжная грудь, чуть прикрытая миткалевой сорочкой.

Лишь на третій день пришелъ въ себя Гриша. И вспомня про ночь, про ракиты, про рѣчной бережокъ— залился онъ горючими слезами. «Погубилъ я житіе свое подвижное!.. Къ чему былъ этотъ постъ, къ чему были эти вериги, эти кремни и стёкла?.. Не спас отъ искушенья, не избавили отъ паденья... Загуби свою праведную душу на вѣки вѣковъ»...

Digitized by Google

На другой день послѣ того, какъ бѣсъ, во образѣ Дуни, сотворилъ Гришѣ пакость велію, попросился къ Евпраксіи Михайловнѣ на ночлегъ инокъ, какихъ въ кельѣ у нея еще не бывало. Сухой, невысокаго роста, съ живыми, черными, какъ уголь горящими глазами, былъ онъ одѣтъ въ суконное полукафтанье, плотно-застегнутое на мѣдныя, шарообразныя, невеликія пуговки. Рѣденькая бородка была тщательно расчесана: недлинные, но гладко примазанные волосы спускались съ головы кудрявыми, черными, какъ смоль, прядями. Поступь тихая, степенная, осторожная — ни дать, ни взять, кошачья. Инокъ былъ такой чистенькій, такой гладенькій, рѣчь была такая томная, сладостная, вкрадчивая. Былъ не старъ, звалъ себя Ардаліономъ.

Дня три онъ прожилъ у Евпраксіи Михайловны, и не было еще никого, кто бы такъ по́ сердцу пришелся Гришѣ, какъ этотъ постникъ и молчальникъ. Хоть, по́ его словамъ, и держалъ онъ странствіе только по такимъ людямъ, что́ сами древнихъ обычаевъ держатся, а все-таки ѣлъ и пилъ изъ своей посудины; воды, бывало, не зачерпнетъ изъ общей кадки, самъ сходитъ на рѣчку, самъ почерпнетъ водицы въ берестяный свой туесокъ. И къ вареву, что́ принесетъ, бывало, ему Гриша съ поварни Евпраксіи Михайловны, пальцемъ не коснется, окомъ даже не взглянетъ, пока не очиститъ молитвой, не положитъ сотни земныхъ поклоновъ: столь доброопасную строгость въ общеніи съ малознаемыми людьми имѣлъ.—Сперва все допытывался онъ у Гриши объ Евпраксіи Михайловнѣ, да не про то, какъ душу спасаетъ, какого держится толку, зъ какихъ старцевъ у нея отецъ духовный, а въ каэмъ капиталѣ, каковы у нея дѣла по торговлѣ, ворошились ли изъ Москвы сыновья, за наличныя-ль деньги эваръ они продали. — И все будто стороной, мимохомъ. Говоритъ ему Гриша, что знаетъ, про что́ услы-

Digitized by Google

халъ ненарокомъ; а отецъ Ардаліонъ тяжко вздыхаетъ «Охъ, суета, суета!—говоритъ, какъ-то за эту суету на страшномъ Христовомъ судищѣ отвѣтъ давать? Всякимъ людямъ, чадо, уготована часть въ царствіи небесномъ; внидутъ въ селенія праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаяніемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои; не внидутъ же токмо еретикъ и богатый... Нѣтъ имъ части въ славѣ Божіей!»...

Ночью съ правила не сходитъ Ардаліонъ — лѣстовокъ по сту стоитъ.

По душѣ пришелся Гришѣ такой строгій, суровый, а проклятія на впадшихъ въ суету такъ и льются потокомъ изъ устъ его. На третью ночь, когда ужъ все стихло, и Ардаліонъ, поставивъ въ особомъ углу мѣдные образа свои—чужимъ иконамъ онъ не поклонялся,—хотѣлъ становиться на правило,—робко, всѣмъ тѣломъ дрожа, подошелъ къ нему Гриша. Кладетъ передъ нимъ уставныя «метанія», къ ногамъ припадаетъ.

— Жаждетъ душа моя,—говоритъ,—учительнаго словеси твоего, отче святый, стремится къ тебѣ духъ мой... Не отвергни меня, грѣшнаго!

— Чего ты хочешь, чадо, отъ меня неискуснаго:—тихо спрашиваетъ Ардаліонъ, сидя на скамьѣ.

— Дай мнѣ часть въ молитвахъ твоихъ праведныхъ, дозволь съ тобою на правило стать... А потомъ учи меня... До смерти готовъ служить тебѣ, до смерти готовъ отъ тебя поучаться.

— Добръ изволъ твой, чадо!.. Добръ твой изволъ!.. Но на общеніе въ молитвѣ съ тобой дерзать не могу.

— Отче святый,—я правой вѣры, я старой вѣры—никоея ереси нѣтъ во мнѣ... Великій я грѣшникъ передъ Господомъ; но ни еретикомъ... ни идоложерцомъ не былъ.

Digitized by Google

И градомъ катились слезы по щекамъ восторженнаго Гриши.

— Въ нынѣшнія, послѣднія времена,—тихой, вкрадчивой рѣчью заговорилъ Ардаліонъ: — міръ преисполненъ ересей... Благодать взята на небо, и стадо избранныхъ вѣрныхъ Христовыхъ рабовъ малѣетъ день-ото-дня. Да, чадо, вселенная стала пуста, нѣтъ въ ней больше истиннаго благочестія, темный обликъ злолютыхъ ересей всю землю мракомъ покры. Пустилъ врагъ — діаволъ по людямъ многопрелестную власть свою. Все осквернено: и грады, и сёла, и домы и стогны — смрадъ Сатаны дышетъ повсюду. Какъ волки въ овчіихъ кожахъ, являются слуги его, глаголя: «я правой вѣры, я старой вѣры». Всѣ старообрядцами нарицаются — и тѣ, что зовутся поповщиной, а вѣра ихъ пестра, и тѣ, что поморцами прозваны ѳедосѣевцами, филипповцами—но всѣ они единаго порожденья, геенской ехидны. Крещеніе ихъ—нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. — Всякъ, имѣяй часть съ ними — еретикъ и отъ Бога отверженъ... Какую бъ строгую жизнь ни повелъ онъ въ трудахъ, въ постѣ, въ молитвѣ, въ милостыни, въ нищелюбіи и страннолюбіи—всуе трудится. На челѣ и на деснѣй руцѣ его—антихриста печать... Уготованъ онъ діаволу и аггеломъ его, того ради, что онъ — еретикъ.

— Гдѣ жь правая вѣра, отче святый? Скажи.. Выведи меня на истинный путь.

— Вѣра истинная—въ пещерахъ, въ вертепахъ, въ пропастяхъ земныхъ. Теперь все въ мірѣ растлѣно прелестью антихриста, — и земля, нечестіемъ людей, тридцать саженъ оскверненная, вопіетъ къ Богу, эситъ попалить ее огнемъ и очистить отъ скверны ловѣческой. Кто спасенія ищетъ, все долженъ остать—и отца, и мать, и родныхъ, и друзей, ото всего эещись и бѣгать въ пустыню. Не слѣдуетъ жить

Digitized by Google

подъ одною кровлей — твоя ли она, чужая ль, все равно—бѣги и странствуй по землѣ, дондеже воззоветъ тя Господь. Свой кровъ имѣть — грѣхъ незамолимый, никакими молитвами его не избудешь, никакими поклонами его не загладишь, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія отъ него себя не очистишь. Буди яко птица небесная,—тогда вся вселенная будетъ твоя!.. Бѣги и брань твори со антихристомъ!..

— А гдѣ онъ, отче? И какъ съ нимъ брань творити?..

— Брань со антихристомъ—противленіе заповѣдямъ его. Прехвальнѣе того подвига и спасительнѣе для души нѣтъ ничего.

— Я готовъ, отче,—порывисто вскрикнулъ Гриша, вскочивъ на ноги.

До того онъ сидѣлъ при ногахъ Ардальона.

И мигомъ сіявшее душевнымъ восторгомъ лицо его омрачилось. Снова припалъ онъ къ стопамъ Ардальона и, обливаясь слезами, заглушая слова рыданьями, молвилъ:

— Недостоинъ я, отче святый, недостоинъ такой благодати. Отъ юности моей бороли мя страсти, не устоялъ окаянный... Не устоялъ супротивъ сѣтей діавольскихъ: осквернилъ тѣло и душу. — Палъ я, отче святый... Погубилъ цѣломудріе!..

— Что такое? повѣдай мнѣ, чадо, безъ всякой утайки,—какъ отцу духовному, повѣдай.

И сказалъ ему Гриша повѣсть дней своихъ отъ того дня, какъ взятъ былъ въ келейку Евпраксіи Михайловны, сказалъ, какъ думалъ онъ подвигомъ молитвы и изможденіемъ плоти спасти душу, и какъ съ нимъ боролся діаволъ... Все, все повѣдалъ ему до самой той ночи, какъ на праздникѣ Семика онъ, въ умѣ иль внѣ ума, соблазненъ былъ нѣкіимъ отъ эфіопъ...

— Встань, чадо,—кротко, съ любовію отвѣчалъ

Digitized by Google

Ардаліонъ на его слезы и рыданья. — Сіо есть плотское токмо прегрѣшеніе, сіе есть не грѣхъ, но токмо паденіе. И велико твое паденіе, но всякъ грѣхъ — опричь еретичества — таково оплаканный, не токмо прощается, но покаяніемъ паче возвышаетъ душу павшаго. Есть грѣхи тѣлесные горше того, тѣ слезами не очищаются.—Таковъ братъ... Сіе есть смертный грѣхъ, потому что въ бракѣ человѣкъ каждый день падаетъ и не кается, и даже грѣхъ свой вмѣняетъ въ правду. То грѣхъ незамолимый — прямо ведетъ онъ во тьму кромѣшную!... А кто падетъ, какъ ты палъ, и покается — чистъ отъ грѣха. Хочешь ли очиститься ото всякія скверны?

— О! хочу, отче святый! Но какъ?... Научи, наставь!...

— Должно креститься въ правую вѣру и имя другое принять... Паспорты и всякія бумаги откинуть, ибо на нихъ антихриста печать. И податей не платить:—то служеніе врагу-антихристу. И никъ какому обществу не приписываться: — то вступленіе въ сонмище антихриста и сѣденіе на сѣдалищахъ губителей. И ежели вопросятъ тебя: кто ты и коего града? отвѣтствуй: «града настоящаго не имѣю, а грядущаго взыскую». И твори брань со антихристомъ... Повлекутъ тебя на судилище—молчи... Претерпи раны и поношенія, претерпи темничное заточеніе, самую смерть но не единаго слова отвѣтствовать не моги, и тѣмъ сотвори крѣпкую брань со антихристомъ. Помни то, что первые мученики съ людьми препирались—и сколь свѣтлые вѣнцы получили; ты же со антихристомъ, грѣчь съ самимъ діаволомъ, боротится имешь, и аще остраждешь доблественно, паче всѣхъ мученикъ вѣнецъ олучишь, начальнѣйшимъ надъ ними будешь, понеже не ъ простымъ человѣкомъ, но съ самимъ діаволомъ поошися... Хощеши ли креститися въ правую вѣру?

Digitized by Google

— Хочу, отче святый, хочу...

— А знаешь ли, чадо — какимъ узкимъ, какимъ труднымъ путемъ, волчцами и терніемъ покрытымъ, входятъ избранники въ сію область спасенія?... Вѣдаешь ли, какимъ подвигомъ ищущіе правой вѣры достигаютъ свѣтлаго собора вѣрныхъ, ихъ же имена писаны въ книгѣ животной?... О, сколь труденъ подвигъ!... Сколь неудобоносимо то иго!

— Повѣдай мнѣ о томъ подвигѣ, отче!... Я готовъ...

— Ни постъ, ни вериги, ни иные твои подвиги, ими же добрѣ подвизался еси, не спасутъ тебя, чадо, не введутъ во область спасенія, куда, яко елень на потоки водные, столь жадно стремится душа твоя!.. Всуе трудился, ни во что примѣнились молитвы твои, денноношныя стоянья на правилѣ, постъ, воздержаніе, отъ людей ненавидѣніе... Всуе трудился если!... А сколь свѣтлы селенія земныхъ ангеловъ, праведниковъ во плоти, сколь неизреченныя радости въ ихъ избранномъ соборѣ!... И я знаю путь къ тому собору, и могу показать оный путь!...

— Скажи, мнѣ отче!... Скажи путь, въ онь же пойду!...—всѣмъ тѣломъ дрожа и лобзая ноги Ардаліона, съ изступленіемъ говорилъ Гриша. — Отдамъ тѣло на раздробленіе: узнать бы лишь тотъ путь, и хоть на часъ единъ войти въ райскія свѣтлицы земныхъ ангеловъ!... Что нужно мнѣ, отче, чтобы достигнуть свѣтлаго собора избранныхъ?...

— Смиреніе и послушаніе... Слышишь ли: — послушаніе!

— Готовъ, отче, тебѣ и всѣмъ въ правой вѣрѣ сущимъ оказать всякое послушаніе...

— Не простое то послушаніе, но совершенное отсѣченіе своей воли, совершенная смерть всякаго помысла, всякаго пожеланія... Ты долженъ будешь

Digitized by Google

лать только то, что велятъ, своей же воли отнюдь не имѣть... Можешь ли принять на себя столь тяжкое иго?

— Могу, отче!

— Иго неудобоносимо, другъ... Тяжелѣ того подвига нѣтъ на землѣ и никогда не бывало... Во истину ли можешь снести его?... Вѣдь ты долженъ будешь творить всякую волю наставника, отнюдь не разсуждая, но паче вѣруя, что всякое его велѣнье — есть даръ совершенъ, свыше сходяй... Чтобъ ни повелѣлъ онъ тебѣ—все твори... И хотя бъ твоему непросвѣщенному уму и показалось его велѣніе соблазномъ, хотя бъ духъ гордыни, гнѣздящійся въ сердцѣ, и сказалъ тебѣ, что повѣленное — грѣховно и богопротивно—не внемли глаголу лестну—твори повелѣніе... Твори безъ думы, безъ разсужденія, но только помни, что буее Божіе—премудрость есть человѣкомъ.

— Какъ же это, отче? — слегка поколебавшись спросилъ Гриша... А ежель, примѣромъ сказать,—повелятъ молоко въ постъ хлебать?

— Хлебай безъ разсужденія!... Мало того—велятъ человѣка убить—твори волю пославшаго...

— Еретика!... готовъ!... Не скверню рукъ, паче же омыю ихъ окаянною кровію!... Какъ пророкъ Илія ваалових жрецовъ—перепластаю еретиковъ, сколько велишь!

— Не одного еретика, врага Божія... Велѣлъ бы я тебѣ: послушанія ради,—самому въ срубѣ сгорѣть, гладомъ смерть пріять, засыпать себя рудожелтыми песками, въ пучину морскую кинуться: твори волю ою.—И если хоть единъ помыслъ грѣховнаго со-нѣнія, хоть одна мысль сожалѣнія внидетъ въ душу вою — всуе трудился — уготованъ ты антихристу и теломъ его...

Вздрогнулъ Гриша.

Digitized by Google

— Можешь ли ходить путемъ вѣрныхъ? Хощеши ли, да имя твое вписано будетъ въ книгу животную?

— О, хочу, хочу!

— Пляши и пой пѣсню бѣсовскую!—прищуря глаза и зорко глядя на Гришу, сказалъ Ардаліонъ.

Ровно варомъ обдало Гришу. Отпрянулъ отъ старца на другой конецъ кельи, ужасомъ покрылось лицо его. Поднявъ руку съ крестнымъ знаменьемъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія, читаетъ онъ:

— Заклинаю тебя страшнымъ именемъ Господа Бога живаго—отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно..

— О маловѣръ!—съ укоромъ, качая головой, сказалъ Ардаліонъ.—О несмысленный Галатъ!... Гдѣ жь твое послушаніе?... Гдѣ же отсѣченіе воли?... Гдѣ отриновеніе помысловъ гордыни?... Нѣтъ, друже, неудобоносимо для тебя иго... Не можешь подъяти его празднымъ и раздвоеннымъ умомъ твоимъ... Сего малаго испытанія не могъ снести—внялъ глаголу духа лестна и лукава... Всуе трудился!... Нѣтъ тебѣ части въ свѣтломъ сонмѣ избранныхъ!—Влачи жизнь въ сѣтяхъ антихриста!... Погибай погибелью вѣчною, буди тамъ, идеже смола кипящая, огнь неугасимый, червь неусыпающій... Говорилъ я, что ты долженъ творить всякую волю наставника, не смущатися духомъ, паче же вѣровать, что буее Божіе—премудрость есть человѣкомъ?... Поди отъ меня!... Что мнѣ и тебѣ?.. Кое общеніе свѣту ко тьмѣ?... Маловѣръ несмысленный!... Не видать тебѣ горъ Кирилловыхъ...

— Чего?

— Горъ Кирилловыхъ, что́ у Малаго Китижа [1]). Стоятъ онѣ надъ Волгой-рѣкой, рядомъ съ горой Опозень... Когда по Волгѣ плыветъ сплавная росшива мимо тѣхъ чудныхъ горъ Кирилловыхъ и на той росши

([1]Городецъ на Волгѣ—Нижегородской губерніи Балахонскаго уѣзда.

Digitized by Google

всѣ люди благочестивые, — Кирилловы горы разступаются, какъ врата великія растворяются, и выходятъ оттуда старцы лѣпообразные, единъ по единому... Процвѣли тѣ старцы въ пустыни невидимой, яко крини сельные и яко финики, яко кипарисы и древа не старѣющія; просіяли тѣ старцы, яко каменіе драгое, яко многоцѣнные бисеры, яко звѣзды небесныя... Выходятъ старцы лѣпообразные, въ поясъ судоходцамъ поклоняются, просятъ свезти ихъ поклонъ, заочное цѣлованье братьямъ Жигулевскихъ горъ... И когда росшива проходитъ мимо тѣхъ Жигулевскихъ горъ, должны судоходцы исполнить приказъ старцевъ горъ Кирилловыхъ, должны крикнуть громкимъ голосомъ: «Охъ, вы, гой еси, старцы жигулевскіе!.. Привезенъ вамъ поклонъ отъ горы Кирилловой: — кирилловы старцы съ вами прощаются, прощаются они, благословляются»... Разступаются тогда высокія горы Жигулевскія, растворяются врата великія, бѣлымъ алебастромъ объ ину пору забранныя, и выходятъ на берегъ старцы лѣпообразные, единъ по единому... И поднявъ паруса бѣлые, вольной птицей полетитъ росшива на Низовье... Не насвистывай вѣтра, бурлакъ, лежа на брюхѣ — безъ свиста паруса́ легкіе наѣдятся вѣтра могучаго — понесутъ росшиву куда надобно... А забудь судоходцы исполнить завѣтъ горы Кирилловой—возстанетъ буря великая, разверзутся хляби водныя и поглотятъ росшиву съ судоходцами. — Таковы блаженные старцы горы Кирилловой, таковы лѣпообразные старцы Жигулевскихъ горъ...

— Гдѣ жъ тѣ горы? Гдѣ жъ тѣ старцы? — спросилъ вполго́лоса Гриша...

— Куда ходу нѣтъ маловѣрамъ... Къ нимъ можетъ пройти только истинный рабъ Христовъ, воли своей не имѣющій, въ душѣ помысловъ нечистыхъ не питающій волю, пославшаго творящій безъ разсужденія...

Digitized by Google

И не только въ Жигуляхъ и на горѣ Кирилловой процвѣтаютъ крины райскіе, во иныхъ во многихъ пустыняхъ невидимыхъ просіяли свѣтомъ невечернимъ свѣтила богоизбранныя... Путь же ихъ правъ, вѣра истинна; имена ихъ въ книзѣ животной написаны... И сіяютъ тѣ свѣтила отъ древнихъ лѣтъ... Тамъ, за Керженцемъ—пролегаетъ дорога, давнымъ-давно запущенная. Нѣтъ по ней ѣзду коннаго, нѣтъ пути пѣшеходнаго, а не заростаетъ она ни лѣсомъ ни кустарникомъ... То — «Батыева тропа»... Проходили тутъ Татары поганые отъ стольнаго града Володиміра въ чудный Китижъ-градъ. И тотъ чудный градъ доселѣ невидимо стоитъ на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ... Лѣтнимъ вечеромъ, когда гладью станутъ воды озера, ни вѣтеръ рябью не кроетъ ихъ, ни рыба, играючи, не пускаетъ широкихъ круговъ;—сокровенный градъ кажетъ тѣнь свою: въ водномъ лонѣ виднѣются церкви Божьи златоглавыя, терема княженецкіе, хоромы боярскія... Живутъ въ томъ градѣ, люди блаженные, пустынные жители преподобные... Тамо жизнь безпечальная; жизнь безъ воздыханія, день немерцаемый, утѣхи райскія... И всякъ человѣкъ, иже смирилъ душу свою послушаніемъ, увѣдаетъ путь въ чудный градъ тотъ и вкуситъ отъ блаженныя жизни живущихъ тамо земныхъ ангеловъ.

— Скажи тотъ путь...

— Послушаніе безъ разсужденія!.. Кто возжелаетъ всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ помышленіемъ оставить сей многопрелестный міръ; кто нераздвоеннымъ умомъ, несомнѣнно, безъ разсужденья, обѣщается идти въ благоутѣшное пристанище, тому чудныя врата сокровеннаго града отворятся... Никому мірѣ не повѣдавши, ни отцу, ни матери, ни роду, племени, творя лишь послушаніе наставника, сту тропой Батыевой—иди, тщетнаго въ себѣ не помы

Digitized by Google

ляя, и о томъ, чтобъ вспять возвратиться, не думая... Будешь терпѣть лютый гладъ, будешь терпѣть мразный хладъ, — иди тропой Батыевой — пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китижъ-градъ... Нападутъ звѣри лютые, наскочитъ на тебя змѣя подколодная, — иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китижъ-градъ... Возстанетъ буря великая, хлынутъ на тебя ручьи дождевые, заскрипятъ по лѣсу сосны столѣтнія, повалятся деревья буреломныя, — иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китижъ-градъ... Накинутся лютые демоны, нападутъ на тебя змѣи огненныя, окружатъ тебя эѳіопы черные, заградитъ дорогу сила преисподняя,—а ты все иди тропой Батыевой—пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китижъ-градъ...

— Скажи мнѣ путь, въ онь же пойду!.. Хоть бы денёкъ тамъ пребыть.

— Тамо — жизнь безконечная. Часъ единъ—здѣшнихъ сто годовъ... И не одинъ таковой сокровенный градъ обрѣтается; много ихъ по разнымъ мѣстамъ и пустынямъ Господомъ Богомъ ради избранныхъ поставлено... Ради тѣхъ, что бѣгаютъ отъ антихриста въ горы, вертепы и пропасти земныя, по реченному Ефремомъ Сириномъ... Тамъ же, за Волгой, на озерѣ-Нестіарѣ другой сокровенный градъ.. А подальше въ лѣсу невидимая церковь стоитъ. Въ стары годы стояла она въ Василь-городѣ, на Сурѣ на рѣкѣ.—Былъ праздникъ Господень—Преполовеньевъ день, пошелъ крестный ходъ на Суру воду святить,—двинулась за крестами и церковь Божія... Сура-рѣка разступалася, какъ ворота растворялася, принимала людей, что за крестами шли, принимала и церковь Божію... И перенеслась церковь за Суру за рѣку, за Волгу-рѣку, за

Digitized by Google

Ветлугу-рѣку и доселѣ стоитъ невидимо—въ лѣсахъ... а въ какихъ—повѣдать тебѣ, маловѣру, нельзя... Стоятъ въ ней люди васильгородскіе и будутъ стоять до втораго Христова пришествія... Бысть единъ мужъ благочестивъ и боголюбивъ, житель единыя веси, неподалеку стоящей. Изыде той мужъ въ лѣса, ловитву звѣрямъ дѣюще, и Божіимъ изволеніемъ открылась ему церковь Васильгородская. Пошелъ рабъ Христовъ, слышитъ: восьмой ирмосъ канона на святую Пасху поютъ: «Сей нареченный и святый день»... Сладко райское пѣніе, вкругъ церкви благоуханіе, свѣтъ лучезарный окрестъ сіяетъ... Мужъ тотъ не знаетъ—во снѣ онъ, или въ восторгѣ... Прослушалъ одинъ только ирмосъ, и пошелъ обратнымъ путемъ восвояси, славя и благодаря Бога за видѣнную столь чудную вещь... И егда пріиде въ весь свою—ни единаго знаемаго обрѣтѣ, и ни единъ житель тоя веси его не позналъ. И бысть молва велія и многое разсужденіе въ людѣхъ.—Мужъ же той имя свое повѣдалъ имъ, глаголя, что лишь наканунѣ отыде изъ веси той въ лѣсъ, звѣриныя ради ловитвы, жену и дѣтей своихъ называя и домъ свой указуя... И дивляхуся вси... По малѣ времени обрѣтоша по сосѣдству мужа древня, ему же бѣ вящше ста лѣтъ. И повѣда той старецъ: «бывшу мнѣ во отрочествѣ, слыхалъ азъ, многогрѣшный, отъ родителей, былъ-де въ ихъ веси человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, имя то самое имѣяй, каковымъ пришлецъ сей чудный себя нарицаетъ... Тотъ человѣкъ во едино время отыде въ лѣсъ, звѣриныя ради ловитвы, и не возвратися»... И повѣда людемъ чудный мужъ, како видѣлъ онъ въ дебряхъ лѣсныхъ церковь Васи
городскую и слышалъ ангелоподобное пѣніе. И е
повѣда, испусти духъ и преселися въ жизнь вѣчну
И познаху люди, что егда блаженный единъ ирмо
«Сей нареченный и святый день» слушалъ — сто

Digitized by Google

довъ протекло, и болѣе. И восхвалиша Господа и рекоша другъ ко другу: «дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!»... И азъ знаю путь къ церкви Васильгородской и могу указать тотъ путь несомнѣнно спасенія имущему...

— Отче, отче! скажи мнѣ..

— Имѣешь ли послушаніе?

— Имѣю, отче... Я сейчасъ... — И взирая распаленными глазами на Ардаліона, подперъ руки въ боки, готовый пуститься въ плясъ. Запѣлъ-было:

Какъ во городѣ было, во Казани...

— Довольно... — сказалъ Ардаліонъ. — Больше не надо. Благо твое послушаніе... Аще всегда будеши таково творити волю мою безъ разсужденія — узриши благая Іерусалима... Можешь ли теперь же творить брань со антихристомъ?

— Могу, отче... Гдѣ?.. Покажи треклятаго, да брань сотворю.

— Антихристъ, чадо, многоглавенъ, многоуменъ и многоязыченъ. Все, что не нашей вѣры—антихристъ. Вся эта пестрая поповщина, хромыя души, какъ бывшая хозяйка твоя со всѣмъ своимъ мерзкимъ отродьемъ—антихристъ!

— Иду — задушу и ее, и всѣхъ!.

— Щука умретъ — зубы останутся... Не тронь.. Зубы вырви у ней.

— Какіе зубы?..

— Зубы ада—его сила... Сила днешняго антихриста—деньги... Ими все творится пагубы ради человѣческой... Можешь ли вырвать зубы изъ мерзкихъ челюстей его, окаяннаго?

— Могу, отче. Знаю, гдѣ сундукъ. Въ моленной. Хожу туда по ночамъ лампадки поправлять. Могу, отче!.. Иду...

И пошелъ-было къ двери.

Digitized by Google

— Постой, сказалъ Ардаліонъ. — Время не приспѣ... Часъ не пришелъ... Хощеши ли креститися въ правую вѣру?

— Хочу, отче... Гдѣ же?

— Идемъ на рѣчку—время благопріятно.

Пошли... И въ ночной тишинѣ перекрестилъ Ардаліонъ Гришу подъ той ракитой, гдѣ сжималъ онъ въ объятіяхъ Дуню... Полная луна блѣднымъ свѣтомъ обливала обнаженное тѣло юнаго изувѣра, когда троекратно подъ рукой Ардаліона, погружался онъ въ свѣжія струи рѣчки. Ночь благоухала, небесныя звѣзды тихо, безмолвно мерцали, въ лѣсу и въ прирѣчныхъ ракитахъ раздавалось громкое пѣнье соловьевъ.

И нарекъ Ардаліонъ имя ему — Геронтій.

— Благослови, отче!—съ изступленнымъ жаромъ сказалъ Геронтій наставнику, когда воротились они въ келью.

— Благословенъ грядый во имя Господне!..

Безъ ума, со всѣхъ ногъ бросился Геронтій.—Ардаліонъ сталъ поспѣшно сбирать въ пещуръ пожитки: чутко слушая, не зашумѣли-ль. Печку потомъ затопилъ.

Принесъ Геронтій сундукъ. Насилу дотащилъ.

Сундукъ разбили. Деньги вынули, бумаги въ печь покидали.

— Въ пустыню!—молвилъ Ардаліонъ.

И наскоро положивъ семипоклонный «началъ», вышли на всполье, рѣчку въ бродъ перешли и бѣгомъ пустились къ лѣсу.

Дня черезъ три хоронили Евпраксію Михайловну—умерла въ одночасье.

Запутались съ той поры Гусятниковы.

Петергофъ.
1860.

Digitized by Google

ВЪ ЧУДОВѢ

(Быль [1])

Быть въ Нижнемъ Новгородѣ и не видать Ивана Кондратьича Рыбникова было все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы. А видѣть Ивана Кондратьича можно было каждый Божій день: по-утру въ депутатскомъ дворянскомъ собраніи, а вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ. Тридцать три года прослужилъ онъ депутатомъ, и чуть ли не пятьдесятъ лѣтъ былъ членомъ клуба.

Бывало, усядемся съ нимъ возлѣ билліардной; человѣка два, три изъ неиграющихъ въ карты подсядутъ, и пойдутъ у насъ нескончаемыя розсказни. Разъ зашла бесѣда за́-полночь; говорили про старинныя псарни, про медвѣжью охоту. Кто-то разсказалъ о нечаянной встрѣчѣ одного помѣщика съ лѣснымъ бояриномъ, Михайломъ Иванычемъ Топтыгинымъ. Помѣщикъ, совсѣмъ безоружный, чудомъ спасся отъ когтей разъяреннаго звѣря. Толковали о томъ, что́ долженъ былъ испытать помѣ-

[1]) Дѣйствительный разсказъ покойнаго Ивана Кондратьича Рыбникова.

Digitized by Google

щикъ въ обществѣ мишеньки.. Иванъ Кондратьичъ молча прошелся разъ другой по комнатѣ и, остановясь передъ нами молвилъ:

— Со мной хуже было!

Всѣ знали, что Иванъ Кондратьичъ не охотникъ. Удивились.

— Гдѣ жь это, Иванъ Кондратьичъ?

— Въ Чудовѣ, Новгородской губерніи.

— Какъ же это случилось? Разскажите, пожалуйста!

— Пожалуй — теперь можно.

— Пожалуйста, пожалуйста, Иванъ Кондратьичъ!

— Я еще молодъ былъ, — началъ Иванъ Кондратьичъ, — двадцать съ небольшимъ мнѣ тогда было. Теперь по новымъ порядкамъ, человѣкъ въ двадцать лѣтъ — совершенный, умнѣе стариковъ, а въ наше время — молокососомъ считался... Да... Однако я ужъ тогда и дворянству послужилъ, и въ отставку выйти успѣлъ. Завелись лишнія деньжонки — дай слетаю въ Москву, погляжу, что за Москва бѣлокаменная... А она въ ту пору отстраивалась послѣ французскаго разоренья... Собрался, поѣхалъ. И встрѣтился я въ Москвѣ съ нашимъ помѣщикомъ, съ Андреемъ Петровичемъ Приклонскимъ. Онъ тогда въ откупа вошелъ: сначала дѣла у него пошли хорошо, своя винокурня была, а потомъ спуталось какъ-то: взысканія пошли, споры да иски—скверное дѣло. Оттого и жилъ онъ въ Москвѣ: въ сенатѣ хлопоталъ.

Встрѣтились мы съ нимъ, обрадовались... Обѣдалъ я какъ-то у него. Вдвоемъ обѣдали. Андрей Петровичъ и сталъ мнѣ откровенно про свои дѣлишки разсказывать:

— Вотъ бѣда-то, говоритъ:—здѣсь у меня все на мази, а въ Петербургъ до-зарѣзу надо съѣздить — справки тамъ пособрать да барашка въ бумажкѣ кому кому сунуть. Самому отлучиться нельзя, пожалуй, в

Digitized by Google

дѣло испортишь. А вѣрнаго человѣка нѣтъ. Хоть волкомъ вой!

Толкуемъ этакъ, того другаго перебираемъ, кого бы можно въ Петербургъ послать. Тотъ тѣмъ не годится, другой другимъ, а ѣхать — послѣ-завтра.

— Знаешь ли что, Иванъ Кондратьичъ,—говоритъ Андрей Петровичъ.

— Что?—спрашиваю.

— Сдѣлай дружбу—съѣзди!

— Легко сказать: съѣзди, отвѣчаю ему... Да какъ ѣхать-то?

— Не твоя бѣда: на мой коштъ поѣдешь.

— Не въ коштѣ сила, говорю. Деньги что! Я и самъ думалъ на Петербургъ посмотрѣть. А то возьмите, что въ Петербургѣ я не бывалъ, пріѣду какъ въ лѣсъ: никого не знаю, за дѣло взяться не умѣю. Чтобъ не испортить какъ-нибудь.

— Объ этомъ, — говоритъ, — не безпокойся. Дамъ письма къ пріятелямъ, все у тебя пойдетъ, какъ по маслу. Мнѣ нуженъ ты только для вѣрности... А на тебя во всемъ полагаюсь: дѣло сосѣдское.

— Сосѣдское-то оно, сосѣдское. Только вѣдь я въ откупахъ никакого толку не смыслю. Особенно по заводу, тутъ ужъ ни бельмеса не понимаю. Испортить боюсь. Вотъ что.

— Ицку пошлю съ тобой.

А это—жидъ былъ, на заводѣ винокуромъ служилъ. Жидамъ строго было тогда запрещено въ столицахъ проживать.

— Развѣ, говорю, онъ здѣсь? Вѣдь запрещено...

— Мало-ль что запрещено! Не одна сотня жидовъ на Москвѣ живетъ, хоть и запрещено.

— Безъ паспорта?

— Зачѣмъ безъ паспорта? Съ паспортомъ, только паспортъ-отъ у него припрятанъ. Не на виду, значитъ...

Digitized by Google

— Какъ же въ полиціи-то?

— Мой дворовый человѣкъ — и вся недолга́.

— А въ Петербургъ-отъ какъ же его? Тамъ, вѣдь на счетъ паспортовъ еще строже московскаго.

— Здѣсь Ицка мой, въ Петербургѣ будетъ твой.

— Не досталось бы?

— Не ты первый, не ты и послѣдній.

Поладили. На другой день поутру привели лошадей. Ицко на облучекъ, а я въ дормезъ Андрея Петровича. Отличный дормезъ: вѣнской работы. Покатили шестерикомъ. Бариномъ ѣхалъ.

Въ Петербургѣ прожилъ больше мѣсяца. Что нужно было, обдѣлалъ хорошо. Поѣхалъ съ Ицкой въ обратный путь.

Вечеркомъ пріѣхали на Чудовскую станцію. Ямщикъ лихо подкатилъ дормезъ къ подъѣзду «путеваго дворца», —такъ назывались тогда станціи по новой, только-что выстроенной шоссейной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Домъ большой, каменный, у подъѣзда фонари горятъ. Проѣзжающихъ нѣтъ, только парная тележка стоитъ. Лошади, значитъ, будутъ.

Былъ октябрь на исходѣ: я прозябъ, даромъ что въ дормезѣ сидѣлъ; сильно подмораживало. Вышелъ изъ экипажа, иду по лѣстницѣ — освѣщена. Вотъ, думаю, какъ бы вездѣ такія станціи были, ѣздить бы спола́горя. А то по нашимъ мѣстамъ избушки на курьихъ ножкахъ: тѣсныя, грязныя, а клоповъ да таракановъ видимо-невидимо.

Вхожу въ комнату — большая, мебель прекрасная. У притолки смотритель въ струнку вытянулся... «Экой порядокъ!» думаю.

— Лошадей!—приказываю смотрителю, а самъ подаю ему подорожную.—Шестерикомъ! Да дормезъ надо подмазать. Распорядись, любезный, а я покамѣстъ у тебя чаю напьюсь.

Digitized by Google

Тогда просто было: станціоннымъ смотрителямъ благородные «ты» говорили.

Смотритель подорожную взялъ, а самъ ни съ мѣста. Иду дальше. Передъ диваномъ—большущій столъ. На немъ маленькій самоварчикъ. Пьетъ чай какой-то старикашка, сухой, сердитый, съ кудреватыми волосами, въ сѣренькомъ сюртукѣ. Такой неприглядный. «Должно быть, изъ земскаго суда», думаю... Подошелъ я къ столу, шапку положилъ. шарфъ съ шеи размоталъ—то же на столъ. Обернулся, вижу: смотритель стоитъ, какъ вкопанный.

— Лошадей, говорю.

Молчитъ смотритель, ровно солдатъ во фрунтѣ.

Я опять къ столу. Поворотился задомъ къ старику, опять иду къ смотрителю.

— Что жь, говорю, оглохъ ты что ли?

Смотритель налѣво кругомъ и скорымъ шагомъ маршъ за дверь.

— Что, молодой человѣкъ? Откуда ѣдешь? — сердито прогнусилъ старикъ.

Въ наше время старые люди молодыхъ тыкали: это обиднымъ не считалось. Сухо отвѣтилъ я:

— Изъ Питера.

— Что жь ты, мой другъ, самъ-отъ петербургскій?

— Нѣтъ!

— Откуда-жь?

— Изъ Нижегородской губерніи.

— Помѣщикъ?

— Помѣщикъ.

— Гм!.. Богатый?

— Съ меня станетъ.

— То-то: шестарикомъ ѣздишь!.. Въ карманѣ-то видно густо.

— Чахотка.

Digitized by Google

— Не по-чахоточному ѣздишь. Здѣсь вѣдь прогоны большіе.

— Это ужь мое дѣло,—говорю, — а самъ думаю: «что это онъ присталъ ко мнѣ?»

— Чайку не хочешь-ли?—спрашиваетъ.

— Да вотъ смотритель, каналья, до сихъ поръ не распорядился. Я самъ хотѣлъ здѣсь чай пить.

— Пьемъ вмѣстѣ: у меня пареной травки въ чайникѣ много. Выпьютъ же даромъ.

— Пожалуй...—сказалъ я.—Да вотъ прежде смотрителя надо хорошенько повернуть.

Подойдя къ окошку, отворилъ я форточку и крикнулъ: «смотритель»!

Разъ крикнулъ, два крикнулъ, три крикнулъ: ни духу, ни послушанія. Ровно всѣ вымерли. А слышно: чуть-чуть копошатся.

— Что горячишься? — гнуситъ старикъ. — Аль крѣпко надо спѣшить? Зазноба что ли?

— Некуда мнѣ спѣшить, а досадно, что смотритель порядка не знаетъ: проѣзжающихъ нѣтъ, а онъ лошадей не даетъ... Вамъ, вѣдь, парочку?

— Да, парочку. Я все на парочкѣ ѣзжу.

— Что жь это онъ? И глазъ не кажетъ!—съ досадой говорю я про смотрителя.

— Не кипятись. Успѣешь, мой другъ. Выпей-ка лучше чайку стаканчикъ.

И вынувъ изъ обитаго тюленьей шкурой погребца граненый стаканъ, налилъ чаемъ и придвинулъ ко мнѣ.

— Съ прикуской пьешь, али въ накладку?

— Въ накладку.

— Какъ же тебѣ не въ накладку? Богатъ! Помѣщикъ!—И положилъ сахару въ мой стаканъ.

— А что, мой другъ,—спросилъ онъ, немного молчавъ,—служишь что ли?

— Теперь не служу.

Digitized by Google

— Что жь такъ?

— Да такъ, по граматѣ о вольности дворянства. «Хочемъ—служимъ, хочемъ—нѣтъ».

— Гм! Что жь подѣлываешь?

— Да ничего не дѣлаю.

— Ужь будто и ничего? Въ Петербургъ-отъ зачѣмъ ѣздилъ?

— Не по своему дѣлу,—отвѣчаю, прихлебывая чай.

— По чьему же?

— Сосѣда по деревнѣ—Приклонскаго Андрея Петровича.

— Что же у него за дѣла?

— Самыя поганыя,—говорю: по откупамъ да по заводу винокуренному.

— Гм! Что жь за дѣла такія?

— Хорошенько-то и не знаю, Мое дѣло было справки взять да кой-кому руки смазать.

— Что жь, смазалъ?

— Смазалъ.

— И пошло дѣло?

— Еще какъ пошло-то!

— Гм! А гдѣ смазывалъ?

— Извѣстно гдѣ! И сказалъ, гдѣ смазывалъ.

— Гм! И взяли?

— Еще бы не взять?

— И не поморщились?

— Не ежа, чать, въ руки-то совалъ, а деньги. Зачѣмъ же морщиться?

— Гм! Выпей еще стаканчикъ.

— Выпью. А сами-то вы откуда будете? — спрашиваю я у него.

— Недальный. Тоже помѣщикъ.

Новгородскій.

— Новгородскій. Вотъ недалеко отсюда деревушка у меня есть.

Digitized by Google

— А ѣдете откуда?

— Неподалеку отсюда по дѣлишкамъ ѣздилъ... А какъ твое имячко святое?

— Иванъ.

— По батюшкѣ-то какъ звать?

— Кондратьичъ.

— А фамилія какая?

— Рыбниковъ.

— Какъ же это ты, другъ мой, Иванъ Кондратьичъ—дѣльцо-то сладилъ? Говорятъ, винное дѣло мудреное. Развѣ самъ прежде кабацкой частью занимался?

— Не бывалъ я по кабацкой части и не буду... Не дворянское дѣло... Да что это однако здѣсь за смотритель? Вотъ я поверну его по своему!

И пошелъ-было къ дверямъ.

— Да ты крикни опять его въ форточку. Авось услышитъ,—гнуситъ старикъ.

— И въ самомъ дѣлѣ.—молвилъ я.

Кричалъ, кричалъ я въ форточку, и грозилъ смотрителю, и ругался—отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ. А подъ окномъ шушукаютъ.

— Ицка—крикнулъ я.

Молчатъ.

— Ицка! Ицка!

— Что у тебя тамъ за Ицка такой?—спрашиваетъ старикъ.

— Жиденокъ.

— Какъ жиденокъ?

— Да такъ жиденокъ. Жидомъ родился, такъ и значитъ жидъ.

— Гм! Что-жь онъ тутъ дѣлаетъ?

— Да со мной ѣдетъ.

— И въ Петербургѣ былъ?

— И въ Петербургѣ былъ.

Digitized by Google

— Жидъ-отъ?

— Да! А что?

— Паспорта развѣ не спрашивали?

— Зачѣмъ паспортъ? Ицка у меня за крѣпостнаго двороваго человѣка.

— Гм! Какъ же это ты, Иванъ Кондратьичъ, на такое дѣло рѣшился?

— Отъ чего жь не рѣшиться? Не я первый, не я послѣдній. А я бы еще стаканчикъ выпилъ.

— Пей, Иванъ Кондратьичъ, пей, мой другъ!

И старикъ налилъ мнѣ еще стаканъ чаю.

— Ну, что, какъ у васъ въ губерніи?

— Ничего, слава Богу!

— Урожай хорошій?

— Порядочный.

— Въ вашей губерніи народъ зажиточный, мужики богатые?

— Исправный народъ, отвѣтилъ я. Не то, что здѣсь.

— А здѣсь развѣ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, не нравится.

— Чѣмъ же не нравится?

— Да какъ же это! Всѣхъ мужиковъ въ солдаты хотятъ поворотить. Штабовъ да казармъ вокругъ Новгорода настроили — одно только стѣсненіе... Мужику дай просторъ, онъ и будетъ исправенъ. А это на что похоже?

— Что-жь тутъ нехорошаго?—спросилъ старикъ, немножко насупившись.—Молодъ еще ты, сударь, такъ разсуждать!.. Надъ этимъ дѣломъ работали умы государственные.

— Чорта съ два!.. Государственные умы!.. Еще здѣшній, а не знаете, что тутъ Аракчеевъ всѣмъ ворочаетъ.

— Такъ Аракчеевъ по твоему не государственный

Digitized by Google

человѣкъ?—глухо и какъ бы съ одышкой прогнусилъ старикъ.

— Далеко кулику до Петрова дня!.. Да что объ этомъ дьяволѣ толковать! Налейте-ка лучше еще стаканчикъ. А я васъ за то отличной пуляркой угощу. Вотъ только Ицку кликну.

— Не суетись, мой другъ. Подожди — успѣешь. Вѣдь намъ съ тобой торопиться некуда. Потолкуемъ пока.

— Зачѣмъ же изъ пустаго въ порожнее переливать да время даромъ терять?.. Закусимъ и маршъ: вы въ деревню, я въ Москву бѣлокаменную.

— А что-жь, Иванъ Кондратьичъ, въ вашей-то губерніи, безъ Аракчеева, развѣ легче житье-то?

— У насъ, батюшка, свои Аракчеевы есть... Чинами только не выше, а то-бъ и почище его были.

— Кто-жь это такіе?

— А хоть исправники, напримѣръ... Что они теперь творятъ!.. У мертваго волосъ дыбомъ станетъ.

— Что-жь такое?

— Да хотя бы на счетъ березокъ. Какому-то чорту пришло въ голову березками дороги обсаживать.

— Эта мысль тоже графа Аракчеева!

— Должно быть, что такъ... Хорошему человѣку придетъ-ли на умъ такая штука? Теперь мужикъ лѣтомъ, чѣмъ бы на пашнѣ работать, береги каждую березку, окапывай ее, очищай; подсохнетъ — новую сади... Листъ на которой чуть пожелтѣетъ — поливай ее, либо новую сади. Одна покормка земской полиціи чего станетъ?..—Березки-то, извѣстно дѣло, не выростутъ, а по двадцати копеекъ съ дерева ужь собрано.

— Куда же?

— Извѣстно куда! Не намъ съ вами.

— Земска полиція?

— А то кто-же?

Digitized by Google

— Гм! Сильно берутъ?

— Да какъ-же и не брать-то?.. Свѣтъ на томъ стоитъ. Всѣ берутъ.

— Неужли всѣ?

— Да кто-жь врагъ себѣ, кто откажется? Въ Петербургѣ самъ царь живетъ, да съ меня взяли-же; а у насъ вдалекѣ и Богъ проститъ.

— Гм! Такъ ты, другъ мой Иванъ Кондратьичъ, давича сказалъ, что у васъ въ губерніи свои Аракчеевы есть. Значитъ, по-твоему, и Аракчеевъ взятки беретъ?

— Взятокъ не беретъ, за то съ мужиковъ по три шкуры деретъ.

— Гм! Не хочешь ли еще чайку-то?

— Нѣтъ. Я вотъ за пуляркой схожу. Спитъ мой жидъ, должно быть.

Накинулъ я шинель, шапки не взялъ: оставилъ ее на столѣ, возлѣ старика. Вышелъ я изъ комнаты, сошелъ внизъ.

— Гдѣ, говорю, смотритель?

— Здѣсь, ваше благородіе, отвѣчаетъ онъ.

Смотрю: подлѣ тележки стоитъ. А въ тележку лошади заложены отличнѣйшія.

— Что жь лошадей?

— Сейчасъ. ваше благородіе. Позвольте только графа отправить.

— Какого графа?

— А графа Аракчеева.

— Гдѣ онъ?

— А чаемъ-то васъ потчивалъ!

Поднимаюсь наверхъ тихохонько. Отворилъ дверь, сталъ у притолки. Руки по швамъ.

Аракчеевъ попрежнему сидитъ на диванѣ, погребецъ запираетъ. Взглянулъ на меня.

— Аль со смотрителемъ поговорилъ?—спрашиваетъ.

Digitized by Google

Открылъ я ротъ. Хвать, языкъ-отъ не ходитъ

— Подь сюда, Иванъ Кондратьичъ!

И ноги не дѣйствуютъ.

Самъ подошелъ ко мнѣ, положилъ руку на плечо, и гнуситъ:

— Вотъ тебѣ, молодой человѣкъ, урокъ. Съ незнакомыми языка не распускай. Говори подумавши. Чего хорошо не знаешь, про то судить не берись... Да и жидовъ въ столицы не вози... Прощай, другъ мой!.. Да заруби на носу: про что мы съ тобой говорили, про то знаютъ только ты да Аракчеевъ. Помни же это!

И ушелъ. Слышу, тележка покатила по шоссе. Тотчасъ крикъ да говоръ пошелъ на улицѣ.

До самой смерти Аракчеева никому не смѣлъ я заикнуться про нашу встрѣчу. Твердо помнилъ, что велѣно было на носу зарубить. Съ Аракчеевымъ шутить было нельзя—Сибирь не своя деревня.

Раздался клубный звонокъ.

— Ну, прощайте, господа: звонокъ. Штрафа платить не намѣренъ, сказалъ Иванъ Кондратьичъ и ушелъ изъ клуба.

Петербургъ.
1862.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

стр.
1. Красильниковы (1852 г.) 1
2. Дѣдушка Поликарпъ (1857 г.) 27
3. Поярковъ (1857 г.) 45
4. Старые годы (1856 г.) 78
5. Медвѣжій уголъ (1857 г.) 185
6. Непремѣнный (1857 г.) 207
7. Именинный пирогъ (1858 г.) 228
8. Бабушкины розсказни (1858 г. 249
9. На станціи (1859 г.) 306
10. Гриша (1860 г.) 316
11. Въ Чудовѣ (1862 г.) 365

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google